УДК _____
ББК _____
Г__

Гришин, Е. М.
Г__ Тайная война резидента Волльвебера. — М. : Международные отношения, 2022. — 632 с. — (Секретные миссии).

ISBN 978-5-7133-1735-5

Видный немецкий революционер, «маленький Ленин», коммунист, советский разведчик-нелегал Эрнст Волльвебер вписал в историю XX века свою особую страницу. Он встречался с Лениным, выполнял задания Сталина, его оберегал Хрущёв. Советский союз Волльвебер считал своей второй родиной. Он верил в светлое будущее коммунизма, построение социализма в СССР и ГДР. Созданная им нелегальная разведывательно-диверсионная организация в годы войны в Европе не имела аналогов в мире. Объявленный Гитлером «врагом рейха», он прошел все опасности тайной войны с фашизмом. Стал министром МГБ ГДР, превратив знаменитую «Штази» в одну из лучших спецслужб мира.

УДК _____
ББК _____

ISBN 978-5-7133-1735-5
© Гришин Е. М., 2022
© Подготовка к изданию и оформление. ООО «Издательство “Международные отношения”», 2023

ВВЕДЕНИЕ. «ЛИГА ВОЛЛЬВЕБЕРА» ОХОТИТСЯ НА ГИТЛЕРА

Срочная телеграмма руководителя Абвера (военная разведка) Вильгельма Канариса была адресована в Вену бригаденфюреру СС Вальтеру Шелленбергу, отвечавшему за обеспечение безопасности визита Гитлера в Австрию. В шифровке сообщалось: «Немецкое торговое судно «Клаус Беге», следовавшее из Гамбурга в Испанию с грузом военной техники, затонуло в Северном море в результате взрыва двух бомб в грузовом отсеке. Капитан судна погиб, часть команды спаслась. Установлено, что взрывчатку на борт занесли агенты «Лиги Волльвебера». Этой варварской акцией диверсанты протестуют против аншлюса Австрии Германией. Преступники готовят покушение на фюрера».

Положив телеграмму в папку, Шелленберг быстрым шагом направился в кабинет начальника главного управления службы безопасности (СД) Рейнхарда Гейдриха. Шеф СД прибыл в Вену для переговоров с начальником секретной службы Австрии полковником Ронге. Вернувшись после очередной беседы с австрийцем, Гейдрих приказал секретарше никого к себе не пускать. Ронге принял предложение о переходе австрийской спецслужбы под германское правление, передав шефу СД актуальные дела и документы, связанные с визитом Гитлера в Австрию.

Сидевшая в приемной секретарша попыталась остановить Шелленберга, но тот, постучав в дверь и не дожидаясь ответа, решительно вошел в кабинет. Гейдрих сидел за столом, изучая документы, лежащие перед ним в толстой папке. Оторвавшись от бумаг, он поднял на вошедшего маленькие, хитрые глаза,

в которых читалось недовольство и недоумение по поводу неожиданного появления бригаденфюрера.

Шелленберг молча передал ему телеграмму Канариса. Пробежав ее глазами, Гейдрих с тревогой спросил: «Где фюрер?»

— Сейчас двигается в районе Кремса. Будет здесь минут через сорок пять. Отчеты о его передвижении докладываются постоянно, — четко отрапортовал Шелленберг.

— Информируйте о содержании телеграммы Мюллера.

Руководитель гестапо (тайная полиция) Генрих Мюллер следовал вместе с Гитлером, отвечая за его личную безопасность.

— Уже сделано. Мюллер сообщил о задержании трех подозрительных типов, пытавшихся взорвать мост на пути следования фюрера. Принято решение несколько изменить первоначальный маршрут поездки, — опять четко доложил Шелленберг.

— Какая наглость! Они угрожают уже покушением на жизнь фюрера, — взорвался Гейдрих. — Вальтер, поручаю тебе заняться расследованием дела этих фанатиков из лиги... Кто он такой, этот Волльвебер?.. Коммунист, авантюрист, диверсант, агент Советов?.. Как бы ни было — это враг рейха, и он должен быть разоблачен и уничтожен...

За годы совместной работы Шелленберг изучил, что нервная, прерывистая речь шефа СД свидетельствует о его крайнем раздражении и настойчивости. В таких случаях надо было быть особенно внимательным и осторожным. Честолюбивый Гейдрих ничего не забывал и обязательно требовал отчета о выполнении своих поручений, особенно если они касались врагов рейха: коммунистов, евреев, противников национал-социализма. При этом шеф СД не уставал повторять свое кредо — знать больше других всё о каждом, независимо от того, относится ли это к политической, служебной или бытовой сторонам жизни. В этом он намного превосходил своих коллег в нацистской верхушке. Каждого из них Гейдрих по секрету подкармливал сведениями, компрометирующими соперника, получая взамен дополнительную полезную информацию. В результате шеф СД стал невидимым стержнем, вокруг которого вращался нацистский режим.

В лице службы безопасности он создал такую машину, при помощи которой мог тайно наблюдать все стороны немецкой

жизни. Это ведомство осуществляло надзор над правительством, партией, промышленностью, культурными учреждениями, прессой. Фактически не было ни одной сферы в жизни общества, которая не находилась бы под бдительным оком СД, чья главная задача состояла в том, чтобы информировать высшее руководство обо всех оппозиционных движениях внутри страны и за границей. СД имела во всех слоях общества своих агентов, собиравших сведения о малейших признаках оппозиции, касалось ли это организаций или отдельных граждан.

Каждые две недели в берлинском штабе СД составлялся доклад о положении в Германии. На любого, чье имя упоминалось в этих отчетах, заводилось дело, сами же доклады группировались по тематическому признаку. Вернувшись из Вены, Шелленберг, памятуя о поручении Гейдриха, потребовал принести ему материалы на «Лигу Волльвебера».

Как оказалось, агенты СД и гестапо уже несколько лет охотятся за членами, как говорилось в одном из донесений, «этой подпольной коммунистической организации, действовавшей по всей Европе». Волльвебера пытались даже выкрасть из Дании, чтобы доставить в Германию, но акция провалилась. Среди членов лиги были немцы, датчане, шведы, голландцы, бельгийцы, французы, англичане. Группы Волльвебера действовали в крупных портах и городах — Гамбурге, Бремене, Амстердаме, Копенгагене, Данциге, Роттердаме, Риге, Таллине, Осло, Стокгольме, Париже.

«В результате непрерывной слежки установлено, что в европейских странах Коминтерн создал сильную сеть своих агентов и расширил свои связи, поставив перед собой единственную цель — усилить подрывную и разведывательную деятельность против Германии, — читал Шелленберг отчет о работе СД по этому делу. — Главный центр связи находится в Стокгольме — один из самых опасных.

Для работы против рейха в первую очередь использовались бывшие руководящие функционеры Германской компартии, длительное время обучавшиеся в Москве и других городах Европы. Одному из самых ловких удалось установить связи со своими старыми товарищами по партии в Берлине и благодаря систематической работе вновь создать производственные

ячейки КПГ на крупных берлинских предприятиях, выполняющих важные оборонные заказы. Целью этого предприятия было разложение персонала, подстрекательство к диверсиям и саботажу, а также ведение промышленного шпионажа. С помощью умело оборудованных курьерских вагонов инструкторы Коминтерна переправляли в Берлин из Стокгольма и Копенгагена материал, инструкции и деньги... Организация имела прямую радиосвязь с Москвой. Агенты, которым было поручено возглавлять эту тайную радиостанцию, проходили подготовку в московской радиошколе.

Тот факт, что на территории Германии силами полиции безопасности обнаружено множество террористическо-диверсионных групп, созданных по приказу Коминтерна, является показательным для позиции Советского Союза по отношению к рейху. Подготовка диверсионных актов против объектов, имеющих военное значение, мостов, подрывы железных дорог, разрушение промышленных предприятий являлись целью этих групп, состоявших целиком из коммунистов. При выполнении своих заданий они не останавливались и перед убийствами, разрабатывали планы покушений на руководителей рейха.

По достоверным сведениям известно, что руководителем этой организации является немецкий эмигрант Эрнст Волльвебер, который в 1931 году был членом руководства РГО (Красной профсоюзной организации), а в ноябре 1932 года был избран депутатом рейхстага от КПГ. Эмигрировав в Копенгаген, Волльвебер в 1933 году возглавил руководство ИСХ (Интернационал моряков и портовых рабочих), который по поручению Коминтерна выполняет диверсионные акты, главным образом против немецкого торгового флота. Он несет основную ответственность за организацию и деятельность диверсионных групп, созданных по указанию Москвы в Германии, Норвегии, Швеции, Дании, Голландии, Бельгии, Франции и прибалтийских государствах... В результате деятельности этих террористических групп были совершены диверсии против 16 немецких, трех итальянских, двух японских судов. Сначала диверсанты пытались поджигать суда, но впоследствии изменили тактику, так как пожар не уничтожал их полностью, и стали применять взрывчатку против кораблей, курсирующих в Балтийском и Северном морях».

Изучив материалы о лиге, Шелленберг понял, что имеет дело с серьезным противником. Изложенные в документах факты указывали на то, что под эгидой лиги действует мощная агентурная сеть, выполняющая задания Коминтерна и советской разведки. «Рука Москвы» просматривалась в активном использовании связей с европейскими компартиями, прежде всего в Германии. Ведущую роль в руководстве этой подпольной организации играл немецкий коммунист Эрнст Волльвебер. Расследование и разоблачение агентов лиги следовало начинать со сбора подробных данных на ее руководителя и выявления его местонахождения. В устном докладе шефу СД Шелленберг предложил включить Волльвебера в список лиц, разыскиваемых спецслужбами рейха. Гейдрих согласился, и охота на «короля диверсантов» началась.

Глава I
ЮНГА ИЗ МЮНДЕНА

В уникальном кабинете истории внешней разведки при штаб-квартире СВР в Ясенево, закрытом для широкой публики, есть стенд с информацией о деятельности советской разведки в Германии и скандинавских странах в 30–40-е годы XX века. На нем представлено фото мужчины 40 лет, строгие глаза которого внимательно смотрят на посетителя. Рядом с портретом — подпись «Эрнст» и краткое уточнение: «немец, руководитель агентурной группы в скандинавских странах, Дании, Голландии, Эстонии, Латвии в 1933–1939 гг.». На витрине под стеклом выставлена награда «Эрнста» — орденская книжка «Знак почета» и сам орден. Этой награды он был удостоен 26 декабря 1968 года.

В 20–30-е годы прошлого столетия советской разведке удалось создать в Европе широкую агентурную сеть, в которой действовали несколько сотен ценных источников информации. Важную роль в становлении этой сети сыграли выдающиеся разведчики Арнольд Дейч, Теодор Малли, Эрих Такке, Арвид Харнак, Харро Шульце-Бойзен, Станислав Глинский, Рихард Зорге. В этот «звездный» ряд необходимо внести еще одну незаслуженно забытую легендарную личность — Эрнста Волльвебера, советского разведчика-нелегала, организатора, может быть, самой сильной агентурной группы, действовавшей против нацистской Германии.

Судьба названных разведчиков сложилась по-разному. Дейч погиб в 1942 году по дороге к новому месту работы на пароходе «Донбасс», потопленном немецким крейсером. Малли и Такке расстреляны в 1937–1938 годах по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Харнак и Шульце-Бойзен погибли в застенках гестапо. Зорге повесили японцы.

Волльвебер, чье имя с уважением вспоминают ветераны Службы внешней разведки, принадлежит к тем немногим выдающимся разведчикам, кто прошел все ступени службы от рядового сотрудника до одного из основателей немецкой разведки и поста министра внутренних дел бывшей ГДР. С ним работали такие известные российские разведчики, как Павел Судоплатов, Яков Серебрянский, Ян Берзин, Евгений Питовранов, Борис и Зоя Рыбкины, Иван Фадейкин. «Волльвебер произвел на меня сильное впечатление, — отмечает Судоплатов. — Немецкий коммунист, он служил в Германии на флоте, возглавлял восстание моряков против кайзера в 1918 году. Военный трибунал приговорил его к смертной казни, но ему удалось бежать сначала в Голландию, а затем в Скандинавию... После Пакта Молотова–Риббентропа, в 1939 году, он приезжал в Москву и получил приказание продолжать подготовку диверсий в неизбежной войне с Гитлером. Организация Волльвебера сыграла важную роль в норвежском Сопротивлении. Волльвебер и его люди, вернувшиеся в Москву в 1941–1944 годах, помогли нам в вербовке после начала войны немецких военнопленных для операций нашей разведки. После окончания войны Волльвебер некоторое время возглавлял министерство госбезопасности ГДР».

Диверсионные операции, блестяще проведенные нелегальными группировками под руководством Волльвебера против военных объектов нацистской Германии, можно считать образцовыми с точки зрения разведывательного мастерства. Не случайно еще при жизни он приобрел известность как «король диверсантов». Многие страницы его жизни до сих пор скрыты завесой тайны, в которой переплетаются мифы и реальность.

Его настоящие имя и фамилия Фритц Фридрих Волльвебер. Он родился 29 октября 1898 года в доме номер 9 (сегодня 18) на улице Розенштрассе (Розовая улица) в старинном провинциальном городе Мюндене, красиво разместившемся на слиянии рек Везера, Верры и Фульды в земле Нижняя Саксония, в нескольких десятках километров от главного земельного города — Ганновера. В течение жизни ему как разведчику не раз приходилось менять имя и фамилию. Его называли Фритц Коллер, Штайн, Антон, Эрнст, Бернхард, Андерсен, Матье. Но для

большинства коллег по разведке он навсегда остался в памяти под псевдонимом Эрнст (Серьезный).

Род Волльвеберов происходит из Силезии. Отец Эрнста — Фридрих Волльвебер, родившийся в 1867 году, переехал в Германию в поисках работы. Устроившись столяром на деревообрабатывающей фабрике, он поселился в гессенском городке Зооден-Аллендорф. Там он женился на местной жительнице Элизе Штихтеннот, которая была на год старше его. В 1888 году молодая семья переехала в Мюнден, где Фридрих подыскал новую, более выгодную работу по столярному делу.

Известный немецкий ученый и путешественник Александр Гумбольдт относит Мюнден к числу семи самых красивых городов по выгодному месторасположению. Действительно, разнообразный ландшафт на фоне гор Везера и слияния трех рек, плодородные земли, богатые пастбища, удобные пути до ближайших крупных городов Касселя, Геттингена, Ганновера делают этот старинный городок с 20 тысячами жителей неповторимым по своим природным достоинствам.

С детства Эрнста окружала средневековая история, которая веяла от крепких фахтверковых бюргерских домов, взывавших к небу готических храмов святых Блазиуса и Агидиуса, древнего замка легендарного княжеского рода Вельфов, старинных башен и крепостных ворот. Выгодный торговый путь по Везеру с выходом к морю обеспечивал Мюндену хорошее промышленное развитие. В городе работали кожевенные, металлургические, деревообрабатывающие, табачные, бумагоделательные, резиновые, сахарные, химические заводы и фабрики. Многие мюнденцы занимались кузнечным, столярным, кожевенным ремеслом, трудились в порту, на пароходах.

Развитая индустрия обусловила наличие в городе сильного рабочего класса. Ганновер, Бремен, Гамбург, Мюнден считались важными опорными центрами немецкой социал-демократической партии, особенно ее левого крыла. Перед Первой мировой войной каждый пятый избиратель отдавал на выборах в рейхстаг свой голос социал-демократам. Большой популярностью среди мюнденских рабочих пользовалась ежедневная газета «Бремер бюргер-цайтунг» — «Бюргерин» («Гражданочка»), как кратко, по-свойски называли ее местные обитатели. В этом органе

СДПГ публиковались статьи Вильгельма Пика, Розы Люксембург, Франца Меринга, Иоганна Книфа, Карла Радека, который в этот период жил в Бремене.

Отец Волльвебера — убежденный социал-демократ — был постоянным читателем этой газеты. Он принимал активное участие в избирательных кампаниях СДПГ: выступал на собраниях по месту работы, посещал дома избирателей, распространял «Бюргерин», социалистическую литературу. Социал-демократическая ориентация отца передалась и его сыну, который охотно участвовал в общественных мероприятиях молодежной организации этой партии «Социалистическая рабочая молодежь». Это та среда обитания, в которой будущий разведчик рос и воспитывался, где кроются истоки присущего ему левого демократического, антифашистского политического мировоззрения, трудолюбия, целеустремленности, находчивости, упорства в отстаивании собственных интересов, изворотливости, воли, рациональной организации дела, умения приспосабливаться к сложным условиям.

Жизнь Волльвеберов в Мюндене поначалу складывалась удачно. Они поселились в типичном немецком доме на улице Бургштрассе. Семья росла. Отец, трудившийся на строительной фирме «Баухоф», хорошо зарабатывал. У Эрнста, третьего ребенка в семье, было два брата: Карл, Аугуст и три сестры: Софи, Эльзе, Мари. Но затем в стране начался период спада производства, фирма «Баухоф», испытывая экономические трудности, приступила к увольнениям. Рабочие бастовали. Отец, как убежденный социал-демократ и профсоюзный деятель, принимал в забастовках самое активное участие, и поэтому оказался в списке «конфликтных лиц», попавших под сокращение штатов. В это время на фирме случился пожар. Отец был арестован по подозрению в поджоге и, хотя вина его доказана не была, оказался в тюрьме. Отсидев небольшой срок, вернулся домой без средств к существованию, без работы, замкнутым и каким-то надломленным морально и физически. С большим трудом ему удалось устроиться уборщиком мусора — труд, за который платили гроши и который был унизителен для высококлассного столяра. Жизненные невзгоды привели к тому, что отец стал все чаще прикладываться к рюмке и скоро превратился в горького пьяницу.

Падение отца, происходившее на глазах у детей из-за конфликта с хозяевами фирмы, несправедливого судопроизводства, оставило глубокий след в сознании Эрнста. В этом кроется причина его критического восприятия основ кайзеровского режима в Германии. В школе его интересуют не столько занятия учебными предметами, сколько статьи и книги революционного содержания. Муштра, косность школьного воспитания вызывают у него резкий протест. Он пропускает уроки, участвуя вместо занятий в забастовках и демонстрациях рабочих. В нем рано обнаруживается талант незаурядного оратора. Эмоциональные речи на собраниях, азартная игра в футбол выдвигают Эрнста в предводители рабочей молодежи Мюндена. По его инициативе устраиваются молодежные сходки в пригородном лесу, на которых под гитару поют революционные песни, обсуждают актуальные события противостояния рабочих и работодателей, распространяют прокламации и листовки с требованиями забастовочных комитетов.

Если в общественной жизни Эрнст преуспевает, то в учебе дела складываются неважно. Из-за нарушений дисциплины, пропуска уроков, критического отношения к предметам учителя часто наказывают его, снижают ему оценки за поведение и успеваемость, мотивируя это «слабым прилежанием». Дома он натыкается на недовольство и ругань со стороны родителей.

Весной 1912 года Эрнсту выдали свидетельство об окончании семилетней школы. Посмотрев на документ, он нахмурился и пошел разыскивать своих закадычных друзей Отто Майера и Карла Риеса. Потом они вспоминали: Фритц пригласил их на сходку — отметить завершение учебы. В лесу разожгли костер, начали бросать в огонь тетради и потрепанные учебники. Три пары ребячьих глаз неотрывно следили за тем, как языки пламени весело охватывают исписанные листы бумаги, превращая их в пепел. Вдруг Волльвебер вынул из портфеля свидетельство и кинул его в огонь.

— Фритц, что ты делаешь!? — испуганно закричали приятели, но было уже поздно: документ сгорел.

Эта ребяческая выходка имела для него серьезные последствия. Без свидетельства было трудно устроиться на работу. А положение в семье, состоявшей из восьми человек, ухудшалось. Отец почти всю зарплату пропивал. Выручала мать, с детства приучавшая детей к труду. Она подрабатывала стиркой белья, пекла булочки и продавала их на базаре. В этом ей помогали дочери и сыновья, разносившие корзины с бельем и выпечкой заказчикам. Выручки от этого едва хватало на питание. Поэтому Эрнст по вечерам подрабатывал еще продажей газет. В автобиографии Волльвебер пишет: «Мой отец был столяром, одним из основателей профсоюза рабочих деревообрабатывающей промышленности в родном городе. За отстаивание прав членов профсоюза он часто подвергался гонениям со стороны властей и монополистов. Моя мать, происходившая из крестьянской среды, вынуждена была, учитывая большую семью из восьми человек, подрабатывать прачкой. Я, мои братья и сестры также должны были с семи лет трудиться. Рано утром разносили выпеченные матерью булочки, после обеда — обувь клиентам знакомого сапожника, а вечером я продавал газеты. Кроме того, приходилось заготавливать в лесу дрова, собирать уголь на вокзале для обогрева дома. Вечером продавал на улице газеты».

За каждый проданный экземпляр Эрнст получал один пфенниг и бесплатный номер газеты. Чаще всего он выбирал «Бремер бюргер-цайтунг». Это приучило его к регулярному чтению прессы. Особый интерес у него вызывали сообщения о революционных событиях в России, Португалии, выступлениях видных социал-демократических деятелей: К. Либкнехта, Р. Люксембург, К. Цеткин, К. Каутского. Симпатии Волльвебера были на стороне левых социал-демократов.

Профессиональная неустроенность Эрнста после окончания школы, постоянные поиски случайного заработка, нужда привели к тому, что его отношения с родителями осложнились. Отец грозил наказанием за непослушание, мать упрекала за безделье и «вольное поведение». Жить в семье стало невыносимо, и он уходит из дома.

Пятнадцатилетний юноша едет в Гамбург, где устраивается грузчиком на вокзале, потом в порту, который поразил его огромными масштабами причалов, необычной скученностью многочисленных складов, темпераментной деловой жизнью. Ежедневно в порт, доступный в любое время года, прибывали сотни судов из всех стран мира. Кажется, все здесь находилось в по-

стоянном движении, ощущалась романтика дальних странствий, трудовой ритм. «Поле деятельности — весь мир» — гласил девиз на здании крупнейшего судоходного предприятия. Действительно, в гамбургском порту Эрнст впервые увидел, почувствовал размах современного крупного портового города. Наверное, не было в Гамбурге уголка, в котором бы он не побывал. Чаще всего его можно было видеть в районе Бланкензее, где на высоком берегу Эльбы селились лоцманы, рыбаки. По вечерам гулял по Реепербану — центру развлечений с барами, кафе, каруселями, опереттой, театрами, музеями, расположенными поблизости колоритными понтонами-дебаркадерами. Здесь Эрнст близко знакомится с портовыми рабочими, моряками, матросским бытом, который станет для него привычным на многие годы. В дружеских беседах с грузчиками он не раз слышал рассказы о деятельности гамбургского рабочего вожака Эрнста Тельмана, с которым через несколько лет будет активно участвовать в революционной борьбе. В биографии Волльвебер рассказывает, как вместе с коллегами из «Социалистической рабочей молодежи» организовал однодневную забастовку буксиров в Гамбурге, в ходе которой распространялись материалы с требованиями о повышении зарплаты, улучшении условий труда, освобождении несправедливо осужденных портовых рабочих.

Моряки помогают устроиться Эрнсту юнгой на буксир. Так началась его долгая морская карьера. Матросский быт пришелся ему по душе. Тяжелая физическая работа, «соленые» словечки, грубоватый юмор не пугали, а закаляли его. Он должен был вставать первым чуть свет, разводить огонь и готовить завтрак. Если просыпал или не успевал подать еду ко времени, получал порцию подзатыльников и предупреждение об увольнении. Целый день был на ногах, выполняя обязанности швартовного: то привязывая, то отвязывая толстый канат у пристаней. За этот труд ему платили 30 марок в месяц.

Жарким июньским днем 1914 года буксир стоял под погрузкой в бременском порту. Эрнст, дежуривший на палубе, следил за ходом работ и просматривал газеты, публиковавшие на первых полосах фотоснимки кайзера Вильгельма II, который в форме адмирала руководил с корабля “Гогенцоллерн” гонками судов на морском празднике — Кильской неделе. В одном из репортажей рассказывалось, как в самый разгар гонок к кораблю подъехала моторная лодка, просигналив, что хочет причалить. Кайзер, целиком поглощенный соревнованиями, сделал знак, чтобы его оставили в покое. Но офицер в лодке не унимался, настойчиво требовал принять его. Он поднял в руке какую-то бумагу и, вложив ее в портсигар, бросил на палубу. Вся свита Вильгельма была поражена такой неслыханной дерзостью. Адъютант поднял портсигар и, обнаружив в нем телеграмму, передал ее кайзеру.

«Три часа тому назад, — прочел Вильгельм, — в Сараево убиты эрцгерцог и его жена». Это убийство, случившееся 28 июня 1914 года, послужило толчком к началу Первой мировой войны, в которую были вовлечены 38 стран. Русско-германский фронт стал одним из основных. Уже в августе капитан и боцман буксира получили повестки о призыве в армию.

Эрнст для службы был еще молод. Буксир пришлось поставить на прикол. Перед убытием на фронт капитан помог Волльвеберу устроиться боцманом на пароход бременской фирмы «Везер унд Каналшиффарт». Два военных года он перевозил уголь, руду, трофейное имущество, захваченное немецкой армией в Бельгии, Франции, России. Особенно охотно доставлялись грузы с одеждой, бытовой техникой, поскольку кое-что из этого товара перепадало матросам. «Мы научились незаметно вскрывать запломбированные контейнеры и брать свою долю из захваченного имущества», — вспоминал Эрнст.

Военные действия не приносили окончательной победы ни той, ни другой стороне. Оба воюющих лагеря стали чувствовать потребность скорее закончить войну. К этому побуждали две основные причины: истощение военных ресурсов и рост революционного настроения народных масс. Отец Эрнста писал с фронта о бессмысленности и жестокостях военных действий. Он ругал правящую верхушку и поддерживающих ее правых социал-демократов, стремящихся изобразить эту грабительскую войну народной и оборонительной. В том, что кайзер и его окружение распространяют корыстную ложь относительно характера войны, Эрнст мог убедиться и сам на конкретном примере.

Как-то ему довелось присутствовать на выступлении Вильгельма перед рабочими рурских заводов в Эссене. Кайзер стоял перед ними в костюме защитного цвета. В большом зале, наби-

том до отказа сталеварами, шахтерами, строителями, было душно. Вильгельм говорил около получаса о немецком народе, его обязанностях перед отечеством, положении на фронте. В его словах звучали необычные нотки. «Мои дорогие друзья! Друзья мои! — говорил кайзер. — Кто ненавидит? Германцы не знают ненависти. Ненависть испытывают только народы, чувствующие себя слабыми... В прошлом году я говорил: ребята, поймите раз и навсегда, это не такая война, какие бывали раньше, это длительная война на жизнь и на смерть!.. Теперь, когда наступает решительный момент, наши враги, чувствующие большое уважение к германской армии, пытаются разложить нас изнутри, распространяют всякие ложные слухи и сеют волнение... Каждый, кто верит всем этим слухам, является предателем родины и должен быть подвергнуть строжайшему наказанию, кто бы он ни был: граф или простой рабочий. Каждый из нас должен выполнить возложенные на него обязанности до конца, ты — держа в руках молот, ты — у станка, а я — на троне».

Наступила тягостная тишина. Вместо ожидавшихся рукоплесканий, возгласов одобрения по залу прокатился ропот недоумения и насмешливых замечаний: «В этом деле мы тебе не друзья... Кончать надо эту войну!..», «Это уж не на нас ли намек — разложение внутри?», — с возмущением отреагировал стоящий поблизости сталевар, одетый в засаленную спецовку. Эрнст видел, как по ходу выступления все более мрачнеют лица рабочих. Они чувствовали душевную холодность монарха, несмотря на все его красивые, дружелюбные слова. И чем больше горячился кайзер, тем очевиднее становилось неудовольствие слушателей.

В октябре 1916 года Эрнста Волльвебера призывают в армию. Молодого рекрута направили служить на подводную лодку императорского морского флота. Его войсковая часть стояла в портовом городе Вильгельмсхафене.

Матросская служба считалась почетной, поскольку военно-морской флот, особенно подводный, относились к элитным подразделениям германских вооруженных сил. Подводников лучше кормили, одевали, больше платили солдатских паевых. Матрос подводной лодки получал дополнительно полторы марки в день так называемых подводных денег.

Кайзер лично заботился о состоянии флота и даже во время войны сохранял в своих руках распоряжения всеми морскими операциями. Когда главнокомандующий ВМФ адмирал Тирпиц попытался принять самостоятельное решение, Вильгельм уволил его. «Я не нуждаюсь в посредниках между мной и моим флотом, — сказал кайзер и добавил: Мне не нужен главнокомандующий флотом, я сам могу им быть!» Вильгельм не хотел рисковать флотом, придерживаясь тактики спокойного выжидания, прежде всего в противостоянии со своим главным морским противником — Англией. Поэтому военно-морской флот Германии практически не принимал участия в войне, играя роль пугала на переговорах с Антантой.

Тем не менее служить на подлодке было довольно опасно, особенно во время рейдов в Северное море. Англичане разбросали там многочисленные мины, столкновение с которыми могло стоить жизни. Страшные рассказы о подрывах на минах Эрнст слышал почти каждый день. Он относился к ним спокойно, умело и невозмутимо выполнял матросские обязанности, заслужив авторитет надежного, закаленного моряка-подводника. В его воинской книжке сделана такая запись: «Хороший специалист морской службы, имеет отличные показатели в сигнальном деле, обладает навигационными знаниями». Здесь же, на подлодке он обучился основам подрывного дела, которое так пригодится ему позднее, когда он станет нелегалом-разведчиком при разработке диверсионных операций против военных объектов нацистской Германии.

Отношение Волльвебера к войне было однозначно отрицательным. В автобиографии он рассказывает, как вместе с коллегами из «Социалистической рабочей молодежи» организовал однодневную забастовку матросов всех буксиров в гамбургском порту, в ходе которой распространялись антивоенные материалы. Это неприятие военных действий еще более усилилось с получением известия о гибели на фронте отца. В связи с похоронкой Эрнсту дали отпуск для оказания помощи семье. По дороге домой он остановился в Ганновере, где попал на антивоенный митинг, организованный левыми социал-демократами и членами объединения «Социалистической рабочей молодежи». Под впечатлением переживаний о смерти отца, сообщений о мно-

гочисленных жертвах с фронта, тяготах и опасностях военной службы Эрнст выступил перед митингующими с эмоциональной речью против войны. Его слова были встречены одобрительными возгласами.

Сразу после выступления Волльвебер был задержан стражами порядка и доставлен в полицейский участок ганноверского вокзала. Проверив у него документы, начальник полиции составил протокол, в котором Эрнст обвинялся в «подстрекательских речах» против монархического строя. У него отобрали «агитационные материалы» и, пообещав направить протокол по месту службы, отпустили. Так без особых отягчающих последствий произошло первое столкновение Волльвебера с официальными властями. В дальнейшем таких столкновений будет много и последствия от некоторых из них станут гораздо серьезнее, вплоть до тюремного заключения.

* * *

Война принимала затяжной характер. Британский флот образовал вокруг Германии крепкое кольцо блокады, которая оказалась весьма эффективной. Она вынудила Берлин обходиться собственными, явно недостаточными ресурсами продовольствия и сырья. В армии и на флоте росло недовольство среди солдат и матросов из-за плохого питания и оснащения. Участились случаи братания с противником.

Пребывание дома во время отпуска еще более усилило антивоенные настроения Волльвебера. В Мюндене он столкнулся с общим развалом и упадком. На предприятиях осуществлялись чистки так называемых радикальных элементов. Их увольняли и отправляли на фронт. На освободившиеся места принимали разорившихся крестьян, хлынувших из деревень в город. В рабочих коллективах царила тяжелая атмосфера доносов, какого-то молчаливого, тупого ожесточения вместе с чувством подавленности и бессилия.

В этой обстановке нужна было организация, руководители которой сказали бы, что делать, куда идти, указав путь своим собственным примером. Такими руководителями стали левые социал-демократы из группы «Спартак». Широкий резонанс среди

трудящихся масс имела демонстрация, организованная Карлом Либкнехтом 1 мая 1916 года на Потсдамской площади в Берлине под лозунгами «Долой войну!», «Долой правительство!». Спартаковский лидер был осужден за это на четыре года тюрьмы. Но его почин не остался без ответа. В знак протеста рабочие Берлина и других городов объявили политическую забастовку.

Вернувшись на службу, Эрнст активно включается в антивоенное движение, хотя среди моряков-подводников, учитывая их привилегированное положение, оно было не таким сильным. Он устанавливает контакт с членом группы «Спартак» Людерицем — матросом корабля «Фридрих Великий». Под его руководством Волльвебер привлекается к выполнению легальных и нелегальных поручений по налаживанию связей с критически настроенными подводниками, вовлечению их в политическую борьбу. В ходе проведения совместных военных учений, спортивных мероприятий, праздников Эрнст распространяет социал-демократические издания «Спартакусбрифе» («Спартаковские письма»), газеты «Арбайтерполитик», «Дер Штюрмер», листовки с лозунгом Либкнехта «Главный враг — в собственной стране», «Открытое письмо к единомышленникам» Розы Люксембург, в котором ставился вопрос о необходимости создания самостоятельной партии рабочего класса. С большим интересом матросы слушали рассказы о смелом поступке Карла Либкнехта — написанном им после разгрома антивоенной демонстрации в Берлине стихотворении «Побеждены, но не сломлены!»:

Пускай нас сегодня разбили,
Но мы не склонили голов.
Навстречу их мстительной силе
Поднимется строй наш, суров.

Ничто не удержит нас — поздно!
С дороги ничто не свернет –
Ни власть, ни обман, ни угрозы,
Ни тюрьмы, ни пули, ни гнет!

Летом 1916 года на Восточном фронте осуществляется знаменитый Брусиловский прорыв, ознаменовавший перелом в Первой мировой войне в пользу Антанты. Военные неудачи, истощение экономических ресурсов, усиление рабочего движения

побуждают руководство Германии искать пути к заключению сепаратного мира с Россией. Для этого Берлин использует датского и шведского королей, и особенно широко — немецкую агентуру в придворных кругах российского царя. Тайные переговоры ведутся через фрейлину Васильчикову, которую война застала в Австрии, где она проживала в своем имении. Она переправляла Николаю II письма, в которых сообщалось о готовности Вильгельма II заключить мир. В июле 1916 года в Стокгольме состоялась неофициальная встреча германских представителей с заместителем председателя Государственной думы Протопоповым, на которой обсуждались условия подписания мирного соглашения. О результатах этих конспиративных консультаций докладывалось царю.

Но германское правительство само же нанесло удар по замыслам о сепаратном сговоре. В конце 1916 года Германия и Австро-Венгрия издали декларацию о создании «независимой» Польши под германским протекторатом. Николай II был весьма возмущен этим актом. Русское правительство объявило эту декларацию недействительной. В начале 1917 года Германия, стремясь прорвать морскую блокаду, начала тотальную подводную войну. Она была направлена в основном против Британии, но затрагивала и США, откуда шел поток американских товаров к портам стран Антанты. В феврале немецкая подводная лодка затопила американский корабль «Хаусетония» у берегов острова Силли. Вашингтон разорвал дипломатические отношения с Берлином и в апреле 1917 года объявил Германии войну.

Положение Германской империи резко ухудшилось. Ее ресурсы подходили к концу, на Западном фронте ожидалось появление свежих американских войск. Внутри страны и в армии на передовой росли антивоенные настроения, перерастающие в революционное движение рабочих и солдат. Огромное влияние на это движение оказала Февральская революция 1917 года в России.

Весть о падении царизма в России застала Волльвебера в Вильгельмсхафене, где находилась одна из баз германского флота. Газеты на первых полосах сообщали об отречении от престола Николая II, роспуске Государственной думы, первом заседании в Таврическом дворце революционного Совета рабочих

и солдатских депутатов. «Ко всем гражданам России! Пролетарии всех стран, соединяйтесь! — читал Эрнст строки манифеста Российской социал-демократической рабочей партии. — Граждане! Твердыни русского царизма пали. Благоденствие царской шайки, построенное на костях народа, рухнуло. Столица в руках восставшего народа, — говорилось далее. — Части революционных войск стали на сторону народа. Революционный пролетариат и революционная армия должны спасти страну от окончательной гибели и краха, который приготовило царское правительство... Рабочие фабрик и заводов, а также восставшие войска должны немедленно выбрать своих представителей во Временное революционное правительство, которое должно быть создано под охраной восставшего революционного народа и армии... По всей России поднимается красное знамя восстания. По всей России берите в свои руки дело свободы, свергайте царских холопов, зовите солдат на борьбу!».

Проходивший мимо знакомый матрос заметил, с каким вниманием Волльвебер читает газету. Остановившись, он заглянул в текст. Эрнст протянул ему публикацию с манифестом.

— Революционное правительство под охраной восставшего народа и армии... — вслух повторил моряк. — Неплохо... Такого еще не было. Думаю, нас ожидают грандиозные события, — продолжил он, обратив внимание Волльвебера на приказ № 1 Петроградского совета, гласивший: «Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам... Всякого рода оружие должно находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам, даже по их требованиям». — Подчиняться только приказам Совета и никому больше. Точка. Вот как надо действовать!.. — эмоционально воскликнул матрос, возвращая Эрнсту газету.

Действительно, сказано сильно и решительно. Это посерьезнее призывов к миру, окончанию войны и отставке правительства, которые звучат на антивоенных митингах и публикуются в листовках немецких социал-демократов. Надо глубже изучать тактику большевиков в борьбе за власть, решил Волльвебер. В мыслях он был на стороне русской революции и желал

ее успешного продолжения в Германии. Он давно шел к этому осознанию. Теперь, твердо поняв это, Эрнст почувствовал облегчение. Революция началась, честь и долг повелевали служить ей.

С этого момента он пристально следит за развитием революционных событий в Петрограде, где с нетерпением ожидали приезда из Швейцарии Ленина. Учитывая состояние войны в Европе, на пути возвращения вождя большевиков и его ближайших соратников на родину было не мало преград. Наиболее реальным вариантом миновать военные фронты был путь через Францию, Англию и Скандинавию. Но английские власти открыто заявили, что не пропустят российских социал-демократов — пораженцев, поскольку они выступают за выход России из войны и перемирие с Германией.

В немецких газетах появились сообщения о намерении Ленина и его спутников проехать на родину через воюющую Германию. Это был смелый и рискованный шаг. Проезд через страну противника мог бросить на вождя революции в глазах обывателя тень предательства. Поэтому велись сложные переговоры о том, чтобы инициатива возвращения российских социал-демократов — эмигрантов через германскую территорию исходила от правительства Швейцарии и местных влиятельных общественных организаций, пользовавшихся авторитетом в международных кругах. К реализации этого плана подключились известные социал-демократические деятели Франции, Германии, Швеции, Польши, Финляндии.

На очередной встрече с Людерицем Волльвебер узнал, что лидеры швейцарских социал-демократов Роберт Гримм и Фритц Платтен ведут переговоры с германским правительством об условиях проезда русских политэмигрантов через Германию. Согласован текст документа с тщательно сформулированными пунктами и маршрутом следования Ленина и его спутников по германской территории в Россию. По обоюдному согласию сторон посредником и главным ответственным лицом сопровождения вагона с эмигрантами избран Ф. Платтен.

В конце марта 1917 года в газетах появилось заявление для печати французских, немецких, швейцарских и польских социал-демократов. «Русские интернационалисты, — говорилось

в нем, —- которые в течение всей войны вели самую резкую борьбу против империализма вообще и германского империализма в особенности, отправляются теперь в Россию, чтобы служить там делу революции, помогут нам поднять и пролетариев других стран, и в особенности пролетариев Германии и Австрии, против их правительств. Пример героической борьбы русского пролетариата послужит лучшим поощрением для пролетариев других стран. Поэтому мы, нижеподписавшиеся интернационалисты Франции, Швейцарии, Польши, Германии, считаем не только правом, но и долгом наших русских товарищей воспользоваться той возможностью проехать в Россию, которая им предоставляется...»

Швейцарская и немецкая пресса публиковала «сенсационные» статьи о существовании неких тайных документов — «Каталога условий Ленина» и «Меморандума д-ра Гельфанда», в которых детально излагались условия и особенности проезда большевиков в Россию через германскую территорию в «пломбированном» вагоне. В разговорах Волльвебера на эту тему со спартаковцами выражалась серьезная обеспокоенность за безопасность Ленина и его спутников, поскольку Израиль Лазеревич Гельфанд, более известный как Александр Парвус, подозревался как агент германского генштаба. В то время он возглавлял в Копенгагене «Институт международных экономических связей», бывший прикрытием спецслужб Германии.

С целью выхода на «вождей» большевиков в Швейцарии Парвус приглашает на работу в институт близких соратников Ленина: Якова Ганецкого (Фюрстенберга), Моисея Урицкого, Григория Чудновского. Дело в том, что о связях Парвуса-Гельфанда с германским генштабом и МИДом знала почти вся Европа. Ленин, боясь скомпрометировать себя, избегал публичных контактов с ним. Учитывая это обстоятельство, хитрый Парвус подключает к операции Ганецкого и видных швейцарских социал-демократов Роберта Гримма и Фритца Платтена. Последний выходит в Берне на германского посла фон Ромберга и представляет ему согласованный с Лениным документ «Условия, на которых эмигранты согласны совершить переезд», предупредив, что редактированию этот текст не подлежит:

«1. Я, Фритц Платтен, руковожу за своей полной ответственностью переездом через Германию вагона с политическими эмигрантами и легальными лицами, желающими поехать в Россию.

2. Вагон, в котором следуют эмигранты, пользуется правом экстерриториальности.

3. Ни при въезде в Германию, ни при выезде из нее не должна происходить проверка паспортов и личностей.

4. К поездке допускаются лица совершенно независимо от их политического направления и взглядов на войну и мир.

5. Платтен приобретает для уезжающих нужные железнодорожные билеты по нормальному тарифу.

6. Поездка должна происходить по возможности безостановочно в беспересадочных поездах. Не должны иметь места ни распоряжения о выходе из вагона, ни выход из него по собственной инициативе.

7. Разрешение на проезд дается на основе обмена уезжающих на немецких и австрийских пленных и интернированных в России. Посредник и едущие обязаны агитировать в России, особенно среди рабочих, с целью проведения этого обмена.

8. Возможно кратчайший срок переезда от швейцарской границы до шведской, равно как технические детали, должны быть немедленно согласованы.

Берн-Цюрих. 4 апреля 1917 года. Фритц Платтен».

Ромберг задал лишь три уточняющих вопроса:

1) Каков конечный пункт? Ответ: германский порт Засниц, между этим городом и шведским Треллеборгом ходит железнодорожный паром «Королева Виктория».

2) Что означает термин «легальные лица»? Ответ: речь идет о членах семей политических эмигрантов, в основном детях и женах.

3) Сколько пассажиров будет в вагоне? Ответ: человек пятьдесят-шестьдесят.

В вагон сели 32 человека, 29 взрослых, два ребенка и Карл Радек, который как австрийский подданный присоединился к путешествующим на остановке в Шаффхаузене.

10 апреля запломбированный вагон с Лениным прибыл на германскую пограничную станцию Готтмадинген и был прицеплен к скорому поезду до Франкфурта-на-Майне. Атташе по-

сольства Германии в Берне Шюллер, сопровождавший русских эмигрантов до границы, следил за тем, чтобы ни один параграф инструкции не был нарушен. Он передал группу уполномоченным германского генерального штаба, офицерам военной разведки ротмистру Арвиду фон Планинцу и лейтенанту Вильгельму Бюрингу. В пути русские вели себя оживленно, громко дискутировали, распевали французские песни. А. фон Планинц, услышав французские слова, обратил внимание Платтена на недопустимость такого поведения путников. Фритцу пришлось попросить русских товарищей отказаться от пения.

В мае–июне 1917 года правительство Германии разрешило проезд в Россию еще 143 «интернационалистам». Для прикрытия большевиков-ленинцев их изящно разбили на группы — эсеров, меньшевиков, бундовцев, анархистов, социалистов-сионистов, польских и литовских социал-демократов.

О ситуации в пломбированном вагоне и вокруг него на протяжении всего пути следования по территории Германии регулярно докладывали в Берлин руководителю военной разведки полковнику Вальтеру Николаи сопровождавшие «транспорт» офицеры Планинц, Бюринг, а также специально командированный агент Байер — видный швейцарский социал-демократ Карл Моор, близкий соратник Ленина.

«Последний поезд с эмигрантами прибыл сюда в понедельник, 25 июня, — доносил Моор полковнику Николаи. — В нем находилось 205 человек, среди них около 50 женщин и детей. Руководящих деятелей первого ранга среди участников этой экспедиции не было, но все же среди них были активные и опытные организаторы, агитаторы и писатели... Из-за чрезмерной приветливости по отношению к немцам, как мне было сказано д-ром Шкловским, они с самого начала приобрели репутацию немецких друзей, даже там и сям подозревают, что они — прямо немецкие агенты».

В России эти «опытные организаторы, агитаторы и писатели» займутся активной пропагандой и подготовкой Октябрьской революции, станут видными революционерами, получат высокие посты в первом советском правительстве, руководстве компартии, профсоюзах. Луначарский станет наркомом просвещения, Сокольников — наркомом финансов, Мануильский — наркомом

земледелия Украины, Зиновьев — членом ЦК РКП(б), председателем Исполкома Коминтерна, Арманд — заведующей отделом по работе среди женщин ЦК РКП(б), Радек — секретарем Исполкома Коминтерна, Балабанова — членом коллегии наркомата по иностранным делам в правительстве Украины, Резаков — на руководящей работе в профсоюзах. Со многими из них Волльвебер будет встречаться и работать над утверждением советской власти в России, подготовкой революции в Германии.

Естественно, «ленинский заезд» через Германию оказался в центре внимания европейской прессы. Газеты подробно рассказывали о том, что вагон ленинцам выделили серо-зеленый, смешанного II и III класса — наполовину мягкий, наполовину жесткий. Три из четырех дверей вагона опечатаны пломбами. Первое мягкое купе отдали сопровождавшим немецким офицерам. Возле двери их купе мелом провели на полу пунктирную черту — границу «экстерриториальности», которую не имели права пересекать ни немцы, ни русские. Отдельное мягкое купе получили Ленин с Крупской, дабы Владимир Ильич имел возможность работать. Поскольку спальных мест на всех не хватало, то для мужчин составили график очередности сна. Кормили путешественников неплохо: на остановках приносили в вагон котлеты с горошком, детям — молоко. Поскольку выходить русским запрещалось, во время остановки Платтен с помощью немецких солдат организовал доставку им пива.

Волльвебер с интересом читал эти любопытные подробности о путешественниках необычного вагона, каким-то образом добывавшиеся вездесущими журналистами. Особенно сильное впечатление произвело на него опубликованное левыми социал-демократическими газетами ленинское «Прощальное письмо к швейцарским рабочим», в котором вождь революции объяснял сложившуюся ситуацию в Европе: «Не наше нетерпение, не наши желания, а объективные условия, созданные империалистической войной, завели все человечество в тупик, поставили его перед дилеммой: или дать погибнуть еще миллионам людей и разрушить до конца европейскую культуру, или передать власть во всех цивилизованных странах в руки революционного пролетариата, осуществить социалистический переворот. Русскому пролетариату выпала на долю великая честь начать ряд

революций, с объективной неизбежностью порождаемых империалистической войной. Но нам абсолютно чужда мысль считать русский пролетариат избранным революционным пролетариатом среди рабочих других стран. Мы прекрасно знаем, что пролетариат России менее организован, подготовлен и сознателен, чем рабочие других стран. Не особые качества, а лишь особенно сложившиеся исторические условия сделали пролетариат России на известное, может быть очень короткое, время застрельщиком революционного пролетариата всего мира... Объективные условия империалистической войны служат порукой в том, что революция не ограничится первым этапом русской революции, что революция не ограничится Россией. Немецкий пролетариат есть вернейший, надежнейший союзник русской и всемирной пролетарской революции».

Последняя фраза Ленина вызвала широкий отклик среди немецких социал-демократов. Спартаковцы, и в их числе Волльвебер, восприняли его высокие слова о немецком пролетариате как призыв оказать всемерную поддержку русской революции в борьбе за власть и построение социализма. Вождь большевиков ясно дал понять, что вслед за победой революции в России ожидает победоносного выступления немецкого пролетариата как «вернейшего, надежнейшего союзника».

В ответ на обращение Ленина в апреле в Берлине и Лейпциге спартаковцы организуют грандиозные демонстрации и забастовки на военных заводах. На некоторых предприятиях создаются Советы рабочих депутатов по аналогии с созданными в Петербурге и Москве. Вообще, следует отметить, что революционные выступления в Германии в 1917–1919 годах поразительно похожи на таковые в России. И там, и тут они начинались в среде промышленных рабочих и, что особенно важно, в армии. Среди типичных требований демократизации политического строя, расширения избирательных прав, передела земли, свержения коррумпированной верхушки доминировали лозунги «Долой войну!», «Мир без аннексий и контрибуций!» На фронтах участились случаи братания с солдатами противника.

Летом 1917 года революционное движение охватывает германский флот, долго сохранявший нейтральную позицию в политической борьбе. Зачинщиками антивоенных выступлений стали

моряки линкора «Принц-регент Луитпольд». Они отказались выполнять приказы командования, требуя прекращения военных действий, предоставления отпусков, которые постоянно откладывались. Их поддержали матросы 11 военных кораблей, выдвинув дополнительное требование отмены законов военного времени.

«В 1917 году произошли первые восстания матросов на боевых кораблях «Принц Луитпольд» и «Фридрих Великий», — отмечает Волльвебер в автобиографии. — У меня был друг на корабле «Фридрих Великий», через которого я установил контакты с революционно настроенными моряками других судов. Из их числа был создан нелегальный кружок доверенных лиц, в который вошел и я. Мне была поручена работа среди матросов-подводников».

Кайзер Вильгельм, осуществлявший личное командование флотом, приказал жестоко наказать бунтовщиков, чтобы пресечь смуту на корню. За отказ от выполнения приказа двое моряков были приговорены к смертной казни, 50 человек получили большие сроки тюремного заключения.

Служащие кораблей и подводных лодок, дислоцированных в порту Вильгельмсхафена, где служил Волльвебер, были потрясены кровавой расправой с командой линкора. Эти репрессии послужили толчком к быстрому распространению антивоенных, антимонархических настроений среди подводников. Авторитет кайзера, который способен, как они считали, беречь, щадить и ценить любимый им флот, в один момент упал. Наряду с этим росло недовольство командованием, всей системой управления в стране. Старые, опытные вояки, долгие годы верой и правдой служившие монарху, ранее и слышать не хотевшие критику в его адрес, теперь в беседах с Эрнстом сами открыто говорили немало гневных, презрительных слов в адрес Вильгельма II. Почти все высказывались за немедленное прекращение войны.

Волльвебер, восторженно встретивший революцию в России, предпринимал все меры к тому, чтобы довести известие о ней до умов и сердец моряков. Сделать это в тех условиях было непросто. После восстания на линкоре имперское управление по печати издало особую инструкцию, запрещавшую печатать сообщения, содержащие даже намеки о возможности влияния русского примера на Германию, печатать материалы, которые «могли бы ухудшить настроение и нарушить гражданский мир»

в стране. Поэтому распространять достоверную информацию о событиях в России приходилось с большой осторожностью.

Эрнст хорошо знал и чувствовал затаенные в глубинах душ настроения моряков. Это помогает ему успешно, без риска разоблачения беседовать на тему революционной борьбы российского пролетариата, пропагандировать ленинское учение. Он с головой окунается в бурную общественно-политическую жизнь, распространяет статьи и обзоры о революционных событиях в России, материалы о Германии из большевистской прессы, которые получает от членов «Спартака», группировавшихся вокруг левой социал-демократической газеты «Арбайтерполитик». Постоянное знакомство с этими материалами позволяет Волльвеберу самому глубоко проникнуться идеями революционной борьбы, пролетарского интернационализма. Эрнст становится своим человеком в среде левых социал-демократически настроенных матросов. Его хорошо знают в кругах спартаковцев как надежного товарища, энергичного организатора-пропагандиста.

Он принимает участие в разработке программы «революционной пропаганды» в Германии спартаковцев и независимых социал-демократов, в которой основное внимание сосредотачивалось на кампании «братания» солдат на фронте, выпуске агитационных листовок и брошюр. Специально подготовленные «братальщики» выполняли каждый свою определенную функцию: одни агитировали за окончание войны, другие пропагандировали миролюбие немецкой армии, третьи демонстрировали экономические успехи Германии, раздавая русским солдатам сигареты, шоколад и т. п.; четвертые рассказывали о темных делишках русских властей. Генерал Гофман в своем «Дневнике» (29 мая 1917 года) пишет, что кампания «братания» позволила немцам добраться до штаба русских войск. Главнокомандующий армиями Северного фронта генерал А. М. Драгомиров был вынужден под давлением солдат разрешить нескольким германским офицерам явиться к нему. Драгомирову было передано письмо за подписью принца Баварского, в получении которого русский генерал расписался, но ответа не дал. Тогда Гофман приказал напечатать это письмо отдельной листовкой с пояснением, что цель этого послания — договориться с Россией о мире, и приложил факсимиле расписки Драгомирова. Листовка была широко

распространена среди русских солдат. Легко представить, какое впечатление она произвела на солдатскую массу.

Большими тиражами распространялись брошюры: «Кайзер без маски» на русском, шведском и французском языках; «Воюющая Германия», «Как живется пленным в Германии и Австрии». На русском фронте разбрасывалась, например, такая прокламация: «Солдаты! В самые трудные минуты своей жизни обращается к вам, солдатам, ваш царь. Возникла сия несчастная война против воли моей: она вызвана интригами великого князя Николая Николаевича и его сторонников, желающим устранить меня, дабы ему самому занять престол. Ни под каким видом я не согласился бы на объявление войны, зная наперед ее печальный для матушки-России исход; но коварный мой родственник и вероломные генералы мешают мне в употреблении данной мне богом власти и, опасаясь за свою жизнь, я принужден выполнять все то, что они требуют от меня. Солдаты! Отказывайтесь повиноваться вашим вероломным генералам, обращайте оружие на всех, кто угрожает жизни и свободе вашего царя, безопасности и прочности дорогой родины. Несчастный ваш царь Николай».

Заметим, что распространение этой прокламации по времени совпадает с нападками на Николая Николаевича «прогерманской партии» в Петербурге. Характерно также то, что в ней выдвигаются практически те же обвинения, какие были использованы в кампании, которую вела против великого князя царица совместно с Распутиным. Немецкие пропагандисты тщательно учитывали большие и мелкие факты, события и случаи в стане своих врагов, ловко обрабатывали их и преподносили армиям противника.

В июне 1917 года армия генерала Л. Г. Корнилова предприняла наступление против австро-венгерских войск, но попала под фланговый удар и откатилась назад. В результате была оставлена Галиция. В Киеве создается Центральная Рада. Общие потери русской армии превысили 150 тысяч человек. Австрийцы и подоспевшие им на помощь немцы не стали добивать отступающие русские части: вместо пулеметов они выставили... духовые оркестры, которые во всю мощь заиграли вальсы, польки и камаринскую. Услышав родные мелодии, солдаты побросали винтовки и пошли брататься. В русской армии учащаются случаи массового дезертирства. Боевые действия на Восточном фронте фактически прекратились.

Таким образом, операция по выводу России из войны путем пропаганды и переброски в страну «большевиков-пораженцев» во главе с Лениным достигла своей цели. «Помогая Ленину проехать в Россию, наше правительство принимало на себя особую ответственность, — отмечает Людендорф в своем дневнике. — С военной точки зрения это предприятие было оправдано. Россию было нужно повалить».

В военном отношении Восточный фронт утратил для Германии свое значение, но для разведки российское направление по-прежнему оставалось актуальным. Надо было поддерживать большевиков в борьбе за власть в Петербурге, финансировать их революционную пропаганду. Агент Парвус работал «не покладая рук». Он знал, куда направлять деньги на дело революции; запрашивал у немцев очередную необходимую сумму, которую они должны незамедлительно доставить для печатания брошюр, листовок; оплаты агентов. Финансовая поддержка большевиков шла через германские посольства в Стокгольме, Берне, Копенгагене, Москве, но только через доверенных лиц Парвуса, который тайно давал указания, куда и кому доставлять деньги.

Немецкий след четко просматривается в июльском путче 1917 года в Петрограде. В демонстрации под лозунгом «Вся власть Советам!» участвовали более 100 тысяч рабочих, солдат, матросов. Затем к ним присоединились тысячи мирных горожан. Никто не знал, что на чердаках и колокольнях с немецкой педантичностью оборудованы огневые точки, которые открыли по демонстрантам беспощадный огонь. Люди обезумели! Стреляли все и везде, не разбирая, кто свои, кто чужие, сбивая с ног, визжа и крича: «Буржуи стреляют!» Свидетелем этих событий стал высокопоставленный чиновник Григорий Михайловский, который пишет: «Эти матросы группами и в одиночку, с ружьями наперевес, с загорелыми лицами и с лентами, перевернутыми внутрь на шапках, чтобы скрыть свою принадлежность к тому или иному судну, эта анонимная атака приехавших извне людей, ставшая надолго символом большевистской революции, не имели ничего общего с февральской толпой или с апрельскими военными демонстрациями... Никогда еще уверенность, что

чужая рука движет этими людьми, направляет их и оплачивает, не принимала у меня такой отчетливой формы. После июльских дней всякая тень сомнения в германской связи большевистского движения у меня исчезла».

Разогнав июльскую демонстрацию большевиков и выдав ордер на арест Ленина, Временное правительство отдает безумный приказ о наступлении русской армии в Прибалтике на Вильно и Ковно, которое приводит к очередному поражению и развалу Российской империи. В конце июля 1917 года при поддержке германских властей провозглашается независимая Белорусская народная республика. В ходе Рижской оборонительной операции русские войска сдают Ригу. В Вильно при поддержке Германии создается литовский Национальный совет и провозглашается независимость Литвы от России.

Верховный главнокомандующий российской армией генерал Корнилов, которому надоела вся эта революционно-демократическая возня в Петрограде, решает свергнуть Временное правительство. В конце августа он двинул на столицу более 10 пехотных дивизий и конный корпус во главе с генералом Крымовым. В этой ситуации Керенскому ничего не оставалось, как обратиться к рабочим и солдатам Петрограда с призывом встать на защиту революции. Большевики поддерживают этот призыв, поэтому судебная тяжба против них прекращается, всех арестованных выпускают из тюрем. На подступах к Петрограду корниловцев остановили. Немалую роль в этом сыграли большевики, которые так распропагандировали солдат корниловских дивизий, что те арестовали не только офицеров, но даже генералов, в том числе самого Корнилова. Солдаты, измученные войной, охотно переходили на сторону большевиков, обещающих мир; целыми батальонами вливались в их военную организацию, насчитывающую уже десятки тысяч штыков. Ленин, точно прочувствовав ситуацию, выступил с требованием: «Большевики должны взять власть!» В результате Октябрьской революции Временное правительство было свергнуто.

Нет сомнений, что немецкая разведка и генштаб были не только в курсе всех этих событий, но и приложили к ним свою руку. Статс-секретарь МИДа Германии Рихард фон Кюльман признается: «Нашим военным операциям на Восточном фронте сильно помогает интенсивная подрывная деятельность внутри России, организованная германским министерством иностранных дел. Мы заинтересованы в поддержке революционных элементов. Мы занимаемся этим уже довольно долгое время в полном соответствии с указаниями политотдела генштаба в Берлине. Наша совместная работа принесла ощутимые плоды. Без нашей постоянной поддержки большевистское движение никогда не смогло бы достигнуть такого размаха и влияния, какое оно сейчас имеет».

Начальник германской военной разведки Николаи, вспоминая о событиях 1917 года, отмечает: «Военные действия прервали пропаганду. Она стала вновь возможной лишь в начале сентября 1917 года. Неудачное наступление сделало, однако, недействительным старый лозунг о безусловном продолжении войны. На многих участках началось братание германских и русских войск. Германская разведка получила возможность проникать в русские ряды и там агитировать за мир между Россией и Германией. Германские разведывательные офицеры восторженно принимались войсками, и их носили на плечах через окопы и лагеря. В ноябре, после большевистского переворота создалось новое положение. Военная борьба фактически кончилась. Но на востоке германский фронт должен был быть сохранен, дабы не подпускать большевизма к границам Германии. А на русской стороне продолжалась пропаганда французской разведки в союзе с социалистами-революционерами против постыдного для России Брест-Литовского мира и за возобновление войны с Германией. Пропаганде этой не удавалось больше достигнуть своей цели. В то время как военная борьба на западе концентрировалась для решающих боев, на востоке она перешла в борьбу чисто политическую. Большевистская пропаганда среди германских войск была невелика. Русские властители перенесли центр тяжести своей пропаганды не на театр военных действий, а внутрь Германии. Идея переворота заносилась не столько с фронта в страну, сколько из страны на фронт».

Глава II
ЛИДЕР КИЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ

Начавшийся 1918 год можно назвать переломным в немецкой истории и жизненной судьбе Волльвебера. С первых дней января по всей стране прокатилась волна забастовок рабочих и служащих. Под непосредственным впечатлением спартаковской листовки, гласившей: «В понедельник 28 января начнется массовая стачка!» — работу прекратили 400 тысяч тружеников военных заводов Берлина. Они избрали 400 делегатов, которые на совместном заседании объявили себя рабочим Советом Большого Берлина и выдвинули следующие требования: немедленный мир без аннексий и контрибуций в полном соответствии с предложениями большевиков, привлечение к мирным переговорам представителей рабочих; улучшение продовольственного снабжения; отмена осадного положения и введение демократических прав; восстановление закона об охране труда женщин и молодежи; отмена милитаризации предприятий, освобождение всех политзаключенных. Под влиянием берлинской стачки в борьбу включились металлурги, шахтеры, строители Рейнской области, Баварии, Саксонии. К февралю забастовками были охвачены более 50 городов. В стачках участвовали около двух миллионов человек.

По инициативе спартаковцев на многих заводах и фабриках создавались советы рабочих депутатов, которые становились руководящими центрами политической борьбы за демократические права и свободы. В распространяемых листовках и заявлениях левых социал-демократов прямо говорилось, что советы должны превратиться в органы руководства движения пролетариата.

7 февраля Петроградский совет народных комиссаров выступает с радиообращением «К германским солдатам», в котором призывает их к восстанию против войны, братанию с советами. Руководство группы «Спартак» принимает решение о распространении обращения СНК и других антивоенных материалов среди солдат и матросов на Восточном фронте. Спартаковцы изготавливают свое воззвание с призывом к борьбе против империализма и войны. В нем говорилось: «Посмотрите из своих окопов и со своих позиций — и вы увидите отражение ваших собственных страданий. Но русские жаждут свободы. Они не хотят вашей смерти так же, как мы не хотим их смерти». Листовка призывала повернуть оружие против империализма и заканчивалась лозунгом: «Долой оружие! Война войне! Да здравствует мир!»

Волльвебер, зарекомендовавший себя хорошим пропагандистом среди подводников, принимает активное участие в распространении радиообращения СНК и листовок спартаковцев. В беседах с моряками он рассказывает о революционной борьбе в России, первых мирных инициативах советского правительства: декрета о мире, решении опубликовать тайные империалистические договора, которые появлялись на страницах российских и германских газет. Особый интерес у слушателей вызывали обнародованные секретные документы об отношениях Германии и России. Эрнст видел, какое сильное впечатление производят миролюбивые предложения советского правительства, поднимая и его авторитет как рассказчика в глазах подводников.

Обеспокоенное широким размахом забастовочного движения, руководство Германии запрещает деятельность советов рабочих депутатов, образовавшихся в ходе стачечной борьбы. Одновременно оно принимает решение о нанесении массированного удара по Советской России, чтобы пресечь опасное влияние «русского примера» на ситуацию в стране. 18 февраля немецкие войска переходят в наступление по всему Восточному фронту от Балтийского до Черного морей.

В ответ на этот вызов советское правительство 21 февраля принимает декрет-воззвание «Социалистическое отечество в опасности!» Вся страна была призвана дать отпор иностранным интервентам. Повсюду спешно создаются вооруженные отряды. Под Псковом и Нарвой полки молодой Красной армии

останавливают наступление немцев, а на ряде направлений даже отбрасывают их и переходят в атаку. День организации отпора немецким захватчикам — 23 февраля — стал днем юбилея Красной армии.

Захлебнувшееся наступление на Восточном фронте показало германскому руководству, что там предстоит длительная война с народами Советской России, исход которой трудно предсказать. Поэтому кайзер Вильгельм принимает предложение советского правительства о перемирии. 3 марта 1918 года в Брест-Литовске подписывается мирный договор РСФСР с Германией.

Волльвебер воспринимает это перемирие как важную победу советской власти в России и антивоенного движения в Германии. Его внимание привлекает статья под названием «Чего требует русская революция от немецких рабочих?», опубликованная в газете «Арбайтерполитик» — органе левых социал-демократов Бремена. В ней говорилось: «Рабочие! Только вы можете принудить к миру. Ваши взоры должны быть обращены к России. Только германская революция принесет мир. Не верьте, что в случае революции вы откроете ворота врагу... Европейская революция станет могилой для европейской войны. Европа созрела для социализма...»

Под влиянием антивоенной пропаганды и Октябрьской революции революционное движение в Германии получает все более широкий размах, охватывая вооруженные силы. Участились случаи, когда солдаты отказывались идти на передовые линии. Тем, кто шел в окопы, кричали: «Штрейбрехеры! Мало вам войны!» В Севастополе вспыхивает восстание германских и русских матросов. В ходе митинга на Историческом бульваре они требуют прекращения военных действий, отправки домой. Их поддерживают восставшие немецкие солдаты-спартаковцы под руководством В. Краузе. В Ровно возникает бунт солдат в эшелоне, отправляемом на Западный фронт для противостояния наступлению союзных войск. В ходе этих столкновений было убито четыре германских офицера. Командование приказывает подавить мятежи с помощью броневиков. 80 участников бунтов приговариваются к расстрелу.

С волнением Эрнст и его сослуживцы-подводники читают газетные сообщения об этих событиях на Украине. «Приверженцев войны вместе с кайзером надо гнать в шею», — возмущались моряки. Таких речей от них ранее Волльвеберу не приходилось слышать.

В это время англо-французские войска переходят в мощное наступление и прорывают передовую линию немцев на Западном фронте. В руки наступающих попадает большое количество немецких штабов, пленных, множество оружия и снаряжения. В течение нескольких дней Германия проигрывает все, что приобрела за годы войны. «8 августа — самый черный день германской армии в мировой войне», — признал командующий сухопутными вооруженными силами Эрих Людендорф. Нужно было принимать чрезвычайные меры.

В сентябре кайзер Вильгельм II подписывает манифест о введении в Германии основ парламентской системы правления. «Я желаю, чтобы германский народ принимал впредь более активное участие в решениях, имеющих важное значение для судьбы отечества. Поэтому я считаю необходимым, чтобы впредь лица, облеченные доверием народа, участвовали бы в более широком масштабе в работе правительства», — говорится в документе. Одновременно главнокомандующий германской армией фельдмаршал Пауль фон Гинденбург выступил с официальным заявлением о необходимости заключения перемирия и создания нового правительства Германии, с которым союзники по Антанте могли бы начать переговоры.

В начале октября было сформировано новое коалиционное правительство, которое возглавил слывший либералом принц Макс Баденский. Теряющее контроль над ситуацией германское руководство пошло на соглашение с самой популярной партией — социал-демократами. В новый кабинет вошли два представителя СДПГ — Филипп Шейдеман и Густав Бауер.

Решение правых социал-демократических лидеров об участии в коалиционном правительстве поставило СДПГ на грань раскола. Левые, прежде всего группа «Спартак», расценили этот компромисс с буржуазными политиками как предательство революционной борьбы рабочего класса. Под давлением низовых партийных организаций социал-демократическая партия распадается. Левые и центристы создают новую партию — Независимую СДПГ (НСДПГ). В нее вошли тысячи недовольных

социал-демократов. За один год число членов НСДПГ выросло до 100 тысяч человек. Идейными вождями «независимцев» стали Карл Каутский, Рудольф Гильфердинг, Удо Гаазе, Эдуард Бернштейн. В их речах звучали революционные нотки, но тут же следовали предупреждения о неприемлемости для Германии «российского пути» развития. Преобразование «старого авторитарного государства» в новое, «демократически-социалистическое» они предлагали осуществлять посредством всеобщих парламентских выборов, установления контроля над монополиями, проведения социальных реформ, постепенной трансформации капитализма в социализм. Такая программа называлась «немецким путем к социализму без классовой борьбы, революционного насилия».

В рядах спартаковцев не было согласия по отношению к НСДПГ. Левые радикалы Бремена и Гамбурга выступали против союза с «независимцами», требуя создания новой революционной партии германского рабочего класса. Умеренные считали необходимым по тактическим соображениям войти в НСДПГ, с тем чтобы внутри этой партии вести борьбу за победу политики спартаковцев. Эта тактика обосновывалась тем, что в рядах «независимцев» находилось много революционных рабочих, которых следовало привлечь на свою сторону.

Волльвеберу впервые предстояло сделать свой выбор в этой внутрипартийной дискуссии. С идейной точки зрения ему представлялась ближе позиция левых Бремена и Гамбурга, группировавшихся вокруг газеты «Арбайтерполитик», которую он регулярно читал. Бременские радикалы во главе с Иоганном Книфом призывали следовать русскому примеру в борьбе за диктатуру пролетариата и построение социализма. Они предлагали всем подлинно левым марксистам-революционерам объединиться в коммунистическую партию, поскольку социал-демократия дискредитировала себя оппортунистической политикой и забвением принципов классовой борьбы, пролетарского интернационализма.

Эрнст считал эти предложения разумными и убедительными. Но бременцы требовали немедленного организационного разрыва группы «Спартак» с НСДПГ, выхода из профсоюзов, которые оказались, по их мнению, под полным влиянием правых

социал-демократов и потому являются помехой в борьбе рабочих за власть. Левые радикалы обвиняли руководителей спартаковцев в «вождизме», утрате самостоятельности. Эти требования представлялись Эрнсту поспешными и сомнительными. В этом смысле он разделял мнение Карла Либкнехта и Розы Люксембург, которые разъясняли, что «Спартак» вошел в НСДПГ не для сотрудничества с оппортунистами, а для завоевания этой партии, подталкивания влево ее классово сознательных членов.

Волльвебер понимал, что разногласия левых Бремена и руководителей спартаковцев носят тактический характер, в принципиальном вопросе — желании использовать опыт русской революции в Германии — они стоят на одинаковой позиции. Поэтому он приветствовал созыв нелегальной конференции группы «Спартак» и Бременских левых, которая состоялась 7 октября 1918 года в Берлине. Этот форум явился важным шагом на пути «сплочения всех пролетарских революционных сил», создания единой партии германского рабочего класса, писала газета «Арбайтерполитик». Участники конференции призвали пролетариат Германии «свергнуть власть империализма и милитаризма и установить демократическую республику». Хотя на октябрьском форуме было подтверждено решение остаться в НСДПГ, сотрудничество группы «Спартак» и левых Бремена, Гамбурга, Ганновера, Вильгельмсхафена, с которыми поддерживал тесную связь Волльвебер, было поставлено на общую прочную стратегическую основу.

Актуальной темой обсуждения берлинской конференции был вопрос о солидарности с Октябрьской революцией в России. Дело в том, что Германия, несмотря на наличие Брест-Литовского мира, фактически не прекращала борьбу против советской власти. На Украине немцы подавили революционное восстание и создали полностью зависимое от Берлина правительство гетмана Скоропадского. Германия оказывала поддержку атаману Краснову, вела подготовку контрреволюционного переворота внутри Советской страны. Особенно серьезные осложнения возникли в связи с провокационным убийством германского посла в Москве Мирбаха в июле 1918 года.

Вспоминая о тяжелой ситуации в то время, Троцкий писал: «Моментами было такое чувство, что все ползет, рассыпает-

ся, не за что ухватиться, не на что опереться... Продовольствия не было. Армии не было. Государственный аппарат еле складывался. Всюду гноились заговоры... 3 июля Владимир Ильич позвонил по телефону ко мне в Военный комиссариат.

— Знаете, что случилось? — спросил он тем глуховатым голосом, который означал волнение.

— Нет, а что?

— Левые эсеры бросили бомбу в Мирбаха, говорят, тяжело ранен. Приезжайте в Кремль, надо посоветоваться.

Через несколько минут я был в кабинете Ленина. Он изложил мне фактическую сторону, каждый раз справляясь по телефону о новых подробностях.

— Дела! — сказал я, переваривая не совсем обычные новости. — На монотонность жизни мы пожаловаться никак не можем.

— Д-Да, — ответил Ленин с тревожным смехом. — Вот оно — очередное чудовищное колебнутие мелкого буржуа... — он так иронически и сказал: колебнутие...

— Как бы, однако, левые эсеры не оказались той вишневой косточкой, о которую нам суждено споткнуться...

— Я как раз об этом думал, — ответил Ленин, — ведь в том и состоит судьба колебнувшегося мелкого буржуа, чтобы послужить вишневой косточкой для нужд белогвардейца... Сейчас надо во что бы то ни стало повлиять на характер немецкого донесения в Берлин. Повод для военного вмешательства предостаточный, особенно если принять во внимание, что Мирбах, вероятно, все время доносил, что мы слабы и что не хватает лишь толчка...»

Действительно, Мирбах предусматривал возможность такого поворота событий. В одном из донесений в Берлин он писал: «Многочисленные праздношатающиеся личности, носители древних фамилий и бывших титулов, владельцы крупных фирм или латифундий, ежедневно появляются здесь. Они клянутся в своих германофильских чувствах и вымаливают помощь против большевиков, стараясь при этом добиться для себя обещания о занятии поста в правительстве великорусского Скоропадского, которое мы будем здесь устанавливать».

Начальник военной разведки Германии Николаи считает, что в подготовке убийства эсерами посла Мирбаха участвовали

агенты французской разведки, чтобы спровоцировать возобновление войны между Россией и Германией. «Попытка переворота со стороны социалистов-революционеров с помощью Антанты в июле 1918 года в Москве, убийство германского посла фон Мирбаха и германского главнокомандующего на Украине генерал-фельдмаршала фон Эйгорна были последними активными проявлениями деятельности французской разведки, работавшей до и во время войны за участие России в борьбе против Германии, — пишет он в книге «Тайные силы». — Генерал-фельдмаршал фон Эйгорн пал жертвой неприятельских убийц в Киеве, где охрана была сильно затруднена».

Сразу после убийства германского посла правительство Берлина потребовало введения своих войск, якобы для охраны посольства. Генерал фон дер Гольц, командовавший армией на российско-германской границе, вел тайные переговоры о свержении советской власти и захвате Петрограда с бывшим председателем царского Совета министров А. Ф. Треповым, великим князем Кириллом Владимировичем и другими монархистами. Штаб 8-й восточной немецкой армии разработал план занятия Петрограда совместно с немецким флотом. При этом штабе в Пскове началось формирование белогвардейской Северной армии с зачислением в нее офицеров, бежавших из России.

Советское руководство направило в Берлин резкий протест по поводу этих враждебных действий, предупредив, что в случае нарушения мирного соглашения ответит поголовной мобилизацией всего народа для отпора агрессору. В знак солидарности с Россией спартаковцы и левые социал-демократы провели массовую демонстрацию перед посольством РСФСР в Берлине. Участники манифестации дружными аплодисментами встретили обнародованное ленинское воззвание «К солдатам и матросам» о необходимости «единения рабочих и солдат» с целью достижения «мира всех народов, победы рабочих всех стран над капиталистами всех стран». Громкие возгласы одобрения вызвали слова Ленина о том, что «капиталисты России лгут и клевещут на нас, как клевещут немецкие капиталисты на Карла Либкнехта, осужденного на каторгу разбойничьим немецким правительством... Мы хотим единения рабочих и солдат. Мы хотим разъяснять членам Советов рабочих и солдатских депу-

татов, что в руках этих Советов должна находиться вся государственная власть».

На другой день Волльвебер распространял среди матросов листовку, призывавшую оказать поддержку «нашим русским товарищам, перенимать их опыт революционной борьбы», не допустить заговора против Советской республики. Он разъяснял, что большевики надеются на «братский союз с немецкими рабочими». «Главной задачей наших дней», по словам Ленина, является «выход к международной социалистической революции», борьба «за Советскую республику, как отряд всемирной армии социализма». Матросы, рабочие близко к сердцу, с горячим энтузиазмом воспринимали обращенные к ним ленинские слова: «Учись у немца! Оставайся верен братскому союзу с немецкими рабочими. Они запоздали прийти на помощь к нам. Мы выиграем время, мы дождемся их, они придут на помощь к нам... Это как раз то, чего не хватает нашей великой революции, чтобы от победоносного начала прийти, через ряд тяжких испытаний, к победоносному концу. Это как раз то, что требуется Российской Советской Социалистической Республике...» После этих слов Эрнст получал многочисленные отклики, просьбы передать «русским братьям» заверения немецких рабочих и солдат в решительной поддержке Октябрьской революции, готовности прийти им на помощь.

29 октября 1918 года Волльвебер отмечал 20-летие. С утра получал поздравления с юбилеем от друзей, которые приготовили ему сюрприз: большой красивый торт с цифрой 20, вершину которого венчал морской флаг. Но праздничное настроение омрачилось неожиданным запретом командования отпустить его на берег в увольнительную, как это обычно делалось для матросов по случаю дня рождения.

Как выяснилось, этот запрет был вызван чрезвычайными обстоятельствами. Накануне командование ВМФ получило приказ, предписывающий кораблям выйти в открытое море, прорвать блокаду и уничтожить британскую эскадру. Никаких шансов на успех эта авантюра, обозванная моряками «походом смерти», не имела. Но приказ не обсуждается. Стоявшие на рейде в Вильгельмсхафене корабли и подводные лодки были выведены в Северное море в состоянии боевой готовности. Во время

морского похода практически на всех судах начались бунты экипажей: матросы отказались принимать бой. Они погасили огонь в топках котельных, лишив флот маневра. В своих воспоминаниях о напряженных событиях тех дней Волльвебер отмечает: «Мы понимали, по ком звонит колокол. Жизнь 80 тысяч матросов и кочегаров была поставлена на карту».

Командование попыталось пресечь волнения репрессивными мерами. 200 наиболее активных участников мятежа на линейных кораблях «Хельголанд» и «Тюрингия» были арестованы. В знак протеста против этого немедленно начались массовые демонстрации матросов, кочегаров, портовых рабочих на судах и в портовых городах — Киле, Гамбурге, Бремене, Вильгельмсхафене. Командование было вынуждено вернуть флот в Киль.

* * *

Волльвебер принимал активное участие в организации протеста моряков. На общем собрании его избирают председателем совета матросов подводной лодки. В выступлении перед подводниками Эрнст выдвигает основные требования: освободить арестованных моряков, отказаться от сражения с британским флотом, прекратить войну. Эти предложения излагаются в резолюции, которая принимается подавляющим большинством команды подлодки. Волльвебер передает этот документ командиру.

Он знал, что идет на риск, может быть арестован. Действовал сознательно, руководствуясь идеями и опытом революционной борьбы русских товарищей, как отмечалось в распространяемой им листовке. Слова не должны расходиться с делом, говорил он сам себе. В данном случае Эрнсту и его сослуживцам повезло. Командир подлодки сам внутренне был против сражения с британским ВМФ, считал приказ о прорыве блокады самоубийственным. Поэтому он не предпринимал каких-либо решительных мер против мятежных матросов, ограничиваясь докладами вышестоящему командованию о настроениях в команде, протестных собраниях, выдвигаемых на них требованиях.

1 ноября поздно вечером корабли и подводные лодки немецкого флота прибыли в Кильскую бухту и встали на рейде. До моряков дошло известие о том, что 2 ноября в доме профсоюзов

состоится собрание и митинг портовых рабочих, профсоюзных активистов, социал-демократов, простых граждан в поддержку требований прекратить войну, освободить арестованных матросов, за мир, свободу и демократию. Волльвебер как председатель совета моряков обратился к командиру подлодки с просьбой отпустить команду в город. Зная о возбужденном состоянии подводников и их горячем желании сойти на берег, командир не решился отказать, распорядившись выдать увольнительные удостоверения всем желающим.

2 ноября Эрнст в окружении шумной компании сослуживцев сошел на Шведскую набережную Киля. Не сговариваясь, все дружной гурьбой зашли в первую попавшуюся пивную с ностальгическим названием «Дамальс» («Тогда»). Здесь за кружкой пива обсудили план действий, попутно знакомясь с картой города. Эрнст предложил идти на митинг. Все согласились.

На улице вокруг дома профсоюзов толпилась масса людей: мужчины и женщины, военные, матросы с девицами, рабочие в спецовках и касках. Везде бросались в глаза красные значки и повязки на одежде. Около входа в здание группа митингующих с красными флагами дружно выкрикивала лозунги: «Мира! Свободы! Работы! Хлеба!» Высокого роста черноволосый мужчина с красным шарфом и почему-то офицерской шашкой в руках старался навести порядок. Эрнст подошел к нему, чтобы выяснить программу мероприятия.

Открытие митинга было намечено на 12 часов, до его начала оставалось более получаса времени. Возвращаясь к сослуживцам, Эрнст заметил, как ему энергично, приветливо машет рукой знакомый молодой парень. Это был его школьный друг Отто Майер.

— Рад встрече, Эрнст!

— Как здорово, Отто, что ты здесь, — обнимая друга откликнулся Волльвебер. Потом, отступив и окинув взглядом его ладную фигуру в матросской форме, радостно воскликнул:

— Моряк!

— Да, служу на «Хельголанде»... Нас здесь много.

— А я с подлодки. Вон мои хлопцы, — показал Эрнст на группу матросов, оживленно беседовавших с девицами. — Времени не теряют...

Друзья стали расспрашивать друг друга о новостях из дома, о судьбе родных и знакомых, службе, последних событиях на флоте, бунтах моряков. Отто подробно рассказал об обстоятельствах забастовки и ареста сослуживцев на своем корабле.

— Где они сидят?

— В кильской гарнизонной тюрьме.

— Их надо освобождать, — решительно сказал Волльвебер.

— Для этого мы сюда и пришли, — ответил Майер. — Ребята настроены по-боевому, но необходима поддержка народа.

— Это мы организуем, — уверенно отреагировал Эрнст.

— Слушай, тебе известно, что Иоганна Книфа тоже арестовали? — спросил Отто.

— Да, до сих пор не понимаю, как не удалось уговорить его скрыться, когда на него началась охота в Бремене.

— Я слышал, что Иоганн, находясь в берлинской тюрьме, смог переправить несколько писем товарищам, где он призывает спартаковцев отмежеваться от НСДПГ и создать самостоятельную коммунистическую партию. Как ты к этому относишься?

— Полностью одобряю. Более того, считаю образование компартии на базе группы «Спартак» срочно назревшим вопросом. Нельзя больше находиться в одном стане с оппортунистами и социал-предателями, — убежденно ответил Эрнст. — У вас на корабле много спартаковцев?

— Не так много, как хотелось бы. Вместе с симпатизантами человек двадцать наберется.

— Здорово! У меня на подлодке меньше — человек пятнадцать, но все ребята энергичные, боевые... Надо объединяться. Отсутствие единства действий — главный недостаток движения. Если сумеем организоваться, то сможем многого добиться, — эмоционально убеждал школьного друга Волльвебер.

За разговором друзья не заметили, как начался митинг. Выступал секретарь кильской партийной организации СДПГ Кюрбис. Он говорил о том, что война Германией бесповоротно проиграна. Сейчас речь идет о том, чтобы предотвратить развал страны, сохранить Германию как самостоятельное государство. Для этого необходимо провести демократические и социальные реформы, которые должна возглавить социал-демократическая партия. Его поддержал профсоюзный деятель, потребовавший

прекратить произвол предпринимателей, которые в погоне за прибылью усиливают эксплуатацию, создают невыносимые условия труда, увольняют неугодных рабочих и служащих. На трибуну поднялся степенный, пожилой мужчина в спецовке и каске:

— Правильно здесь говорят. У нас в порту не работа, а настоящая костоломка. По вечерам кажется, что из тебя сделали котлету. Здорово хозяева на нас зарабатывают, все жилы вытягивают, а платят гроши. Требуем повышения заработной платы и человеческого обращения, иначе прекратим работу и будем бастовать.

Его слова вызвали одобрительные возгласы. Волльвебер ждал, когда же в выступлениях будет названа главная причина всех бед и поражений — прогнивший кайзеровский режим, который необходимо свергнуть по примеру русских братьев по классу, — выдвинуто требование об окончании войны и освобождении арестованных моряков. Но ораторы продолжали активно обсуждать тему организации забастовки с целью повышения зарплаты и улучшения условий труда.

— Отто, я хочу выступить. Поддержи меня, — потеряв терпение, сказал Эрнст и решительно направился к трибуне.

— Здесь многие говорили, что война проиграна, всюду разруха, произвол предпринимателей. А кто в этом виноват? — громко поставленный вопрос разнесся далеко по площади.

Эрнст выдержал паузу и решительно, четко произнес:

— Главный враг — в собственной стране. Почему правительство медлит с окончанием войны, отдает самоубийственные приказы о прорыве блокады, расстреливает восставших солдат и матросов, потворствует разжиревшим на войне и крови рабочих стальным баронам и магнатам? Потому что в Берлине сидит антинародный режим, и наша задача состоит в том, чтобы обратить оружие против этого главного врага внутри Германии. Я считаю, главное требование должно быть таким: войне — конец, кайзеру тоже!

Волльвебер говорил эмоционально, несколько сбивчиво, не думая о гладкости выражений. Но это не мешало большинству его слушателей на площади, поскольку они были довольны тем, что наконец-то человек называет вещи своими именами.

— Товарищи, пришло время действовать, — продолжал Эрнст. — События последних дней, особенно наше сегодняшнее собрание показывают, что народ нас поддерживает. Мы не допустим произвола над солдатами, матросами и рабочими. Они не виновны в том, что отказываются выполнять преступные приказы. Мы тоже отказываемся, и требуем освободить арестованных моряков. Предлагаю провести завтра массовую демонстрацию протеста. Моряки и солдаты готовы принять в ней активное участие. Долой войну! Долой кайзера! Свободу нашим братьям!

Призывы Волльвебера потонули в аплодисментах и громогласном, одобрительном гуле. Его предложение о проведении массовой манифестация нашло положительный отклик. Эрнст был доволен. Взяв инициативу в свои руки, он высказался за то, чтобы не возвращаться на службу, а остаться в городе для подготовки завтрашней демонстрации. Отто Майер его поддержал. По договоренности с устроителями митинга матросам помогли разместиться в общежитии портовых рабочих.

Вечером в комнате Волльвебера собрались наиболее надежные сослуживцы с подлодки и корабля «Хельголанд» для обсуждения плана действий предстоящих мероприятий. На столе разложили карту города.

— Товарищи! — обратился к собравшимся Эрнст. — Наша задача дать участникам завтрашней демонстрации ясное направление, обеспечить дисциплинированное руководство и выдвинуть основные лозунги. В целях конкретизации и, так сказать, привязки к местным условиям предлагаю главные усилия сосредоточить на требовании освобождения арестованных моряков.

— Правильно. Надо уточнить, где они сидят, и организовать шествие демонстрантов к зданию тюрьмы, — поддержали корабельные матросы.

По карте наметили маршрут от центральной площади, где должен был состояться митинг, до тюрьмы. Отправили по нему трех товарищей для изучения избранного направления на местности. Обозначили основные городские объекты: ратушу, вокзал, главный почтамт, земельный парламент, таможню, порт.

Кто-то сказал о возможности столкновения с полицией. В этом случае договорились проявлять спокойствие и выдержку, убеждая полицейских не препятствовать манифестации, привле-

кать их на свою сторону. Если же столкновение окажется неизбежным, то действовать решительно и сплоченно вплоть до применения силы.

— Конечно, гарантии победы заранее никто не может дать, — подводя итоги обсуждения, отметил Волльвебер. — Но даже если намеченное мероприятие будет сорвано и потерпит поражение, наше выступление принесет гораздо больше пользы для будущих классовых битв, чем трусливое выжидание или отступление без боя.

Настало утро 3 ноября. Воскресенье. В городе было многолюдно. Из окрестных сел и деревень стекались караваны крестьян для продажи на рынках овощей и фруктов. Когда Волльвебер в окружении большой группы моряков прибыл на центральную площадь, то увидел возбужденную толпу народа, плотным полукольцом стоявшую около трибуны и палатки профсоюзов.

— Власти обращаются с нами как со стадом баранов. Требуем отменить запрет. Это позор! — кричал высокий парень с красной повязкой на рукаве.

Как выяснилось, напуганное размахом вчерашнего митинга руководство города решило запретить воскресную манифестацию. Для охраны порядка на улицы были выведены усиленные отряды полиции с приказом не допускать массовых собраний и демонстраций, нарушителей задерживать и направлять в полицейские участки. Но демонстрантов было уже не остановить.

В назначенное время на площади собралась многотысячная масса людей: портовые рабочие, кочегары, профсоюзные активисты, социал-демократы, крестьяне, студенты. К ним присоединились многочисленные отряды солдат, матросов. Стражи порядка оказались бессильны воспрепятствовать манифестации и лишь растерянно наблюдали, как все более грозно и неотвратимо увеличивается разноликая мощная народная сила.

Наряду с требованиями отменить запрет на демонстрацию, освободить арестованных матросов, прекратить увольнения рабочих, увеличить зарплату на митинге все настойчивее раздавались заявления о необходимости отречения императора Вильгельма II от престола, виновного в развязывании войны и поражении в ней Германии. По завершении митинга было решено провести демонстрацию двумя колоннами: одна направлялась к коменданту города Вильгельму Хейне с заявлением об отмене распоряжения о запрете собраний, вторая — к тюрьме с арестованными матросами.

Такого развития событий власти не ожидали и спешно предпринимали меры для срыва манифестации. Губернатор Киля вице-адмирал Сухон отдал приказ о вводе в город войск гарнизонной службы. На улице Карлштрассе путь демонстрантам преградили солдатские патрули, пытавшиеся остановить и разогнать людскую колонну. Передовая группа манифестантов была отсечена войсковым отрядом, солдаты начали заталкивать окруженных людей в автомашины. Разгневанная толпа бросилась на выручку товарищам. Патрули открыли огонь: восемь человек было убито, двадцать девять ранено.

Пролитая кровь вызвала яростное возмущение всех демонстрантов. Стихийно в едином порыве они бросились на стрелявших и смяли их. Несколько солдат были сбиты на землю, их нещадно избивали. Спасли их подоспевшие вооруженные моряки во главе с Волльвебером и Майером. Они окружили перепуганных, растерянных солдат гарнизона, обезоружили их, объяснив цели и задачи манифестации. Многие из патрулей, в том числе несколько офицеров, перешли на сторону восставших. Начались братания мятежных матросов с солдатами гарнизона. Узнав о кровопролитных столкновениях в городе, тысячи моряков, игнорируя запреты командиров, сошли на берег, чтобы оказать поддержку братьям по оружию в борьбе за освобождение арестованных товарищей. Так началась Ноябрьская революция в Германии.

Демонстранты, прибывшие к зданию коменданта, были встречены чиновниками, сообщившими, что глава города уехал в неизвестном направлении. Поэтому отменить решение о запрете манифестации было некому. Впрочем, никто об этом особо не сожалел, поскольку к вечеру весь город находился в руках восставшего народа. На собрании в доме профсоюзов был избран Совет рабочих, солдат и матросов, в состав которого вошел Волльвебер.

«Во время Кильского восстания моряков 3 ноября 1918 года я участвовал в штурме заграждений властей на улице Карлштрассе. В ту же ночь был избран членом Совета солдат и рабочих

Киля как представитель матросов-подводников», — отмечает он в биографии.

События развивались так стремительно, что он невольно оказался во главе матросского восстания. В его комнате кипело как в котле: беспрестанно кто-нибудь приходил с известиями о ситуации в городе. Из правления профсоюзов сообщили радостную новость о забастовке всех заводов, фабрик и верфей. Рабочие дружно поддержали восставших моряков. Ближе к вечеру поступило тревожное сообщение о том, что губернатор вице-адмирал Сухон приказал направить в Киль для наведения порядка пехотный полк из Любека. Это известие вызвало бурю возмущения. Собравшийся Совет принял решение направить к губернатору делегацию с требованием отменить этот приказ, освободить заключенных матросов, а в случае неповиновения арестовать вице-адмирала.

Выполнение этой миссии было поручено Волльвеберу. Кто-то из моряков подсказал, что губернатор находится сейчас на вокзале в ожидании правительственной делегации из Берлина. Эрнст в окружении вооруженных матросов остановил проезжавший мимо автобус и приказал водителю ехать к вокзалу.

Губернатор находился в кабинете начальника вокзала. Прибытие делегации мятежных моряков оказалось для него полной неожиданностью. Он был явно растерян. Волльвебер, представившись председателем Совета, изложил ему требования восставших, подчеркнув, что в случае отказа он будет вынужден его арестовать.

Сухон в замешательстве ответил, что для выполнения предъявленных требований ему необходимо посоветоваться с представителями центрального правительства, которые вскоре прибудут в Киль в качестве уполномоченных для урегулирования конфликта.

— Призываю вас соблюдать порядок и спокойствие, проблемы решать мирным путем с представителями законной власти, приезд которых я ожидаю через несколько часов, — сказал губернатор.

— Нам незачем ждать уполномоченных из Берлина. Приказ о направлении в Киль пехотного полка из Любека отдавали Вы, господин губернатор. Мы требуем немедленно отменить его.

Распоряжение об освобождении моряков находится также в Вашей власти, — твердо отреагировал Эрнст.

— Хорошо. Я сейчас же свяжусь с Носке. Поймите, он уполномоченный правительства... Я обязан согласовать с ним эти решения, — попытался уклониться от ответственности губернатор.

— Нет, мы не согласны, настаиваем на немедленном исполнении наших требований, — решительно заявил Волльвебер.

В это время на вокзале собралась огромная масса вооруженных солдат и матросов с красными знаменами, плакатами, на которых были начертаны лозунги прекратить войну, освободить арестованных моряков. Их возбужденные голоса, сопровождавшиеся выстрелами в воздух, доносились до кабинета, где повисла напряженная атмосфера противостояния мятежных матросов с губернатором.

Нарастающее волнение уличной толпы оказало свое воздействие. Сухон понял всю серьезность создавшегося положения, свою беспомощность в наведении порядка в случае отказа выполнить требования восставших. Губернатор отменил приказ о направлении в город любекского полка. Он дал гарантии о недопущении в Киль каких-либо других воинских соединений при условии готовности мятежных моряков и солдат к сотрудничеству с властями в целях наведения порядка и мирной жизни в городе. Волльвебер дал согласие взаимодействовать с властями, если не будет применяться сила для разгона собраний, демонстраций, свободного волеизъявления народа. Он еще раз напомнил о требовании освободить арестованных моряков. Сухон позвонил по телефону начальнику тюрьмы и отдал соответствующее распоряжение.

Прямо из кабинета губернатора делегация Совета во главе с Волльвебером, сопровождаемая многотысячной толпой, направилась к зданию тюрьмы. Освобожденных моряков встречали радостными приветствиями. Те бросались в объятия освободителей. «Это был счастливый миг первой победы Кильского восстания», — вспоминал позднее Волльвебер.

Поздно вечером он вернулся в здание дома профсоюзов, где ему отвели комнату для проживания и отдыха. Эрнст валился с ног от усталости, голода и жажды. В течение дня у него не было ни минуты времени, чтобы перекусить, отдохнуть. Он почти

охрип от многочисленных речей и переговоров. Но едва он съел первый кусок, запив глотком горячего чая, как совсем близко раздалась сумасшедшая стрельба. Как оказалось, патруль охраны попытался задержать разгулявшихся моряков, повздоривших с офицерами. Угрожая друг другу применением силы, и те и другие начали пальбу в воздух, но в конечном счете разошлись мирно. Ночью он неоднократно просыпался от стрельбы, раздававшейся в разных частях города. Засыпая, думал о необходимости навести порядок, чтобы пресечь столь вольное обращение с оружием.

* * *

Утро 4 ноября началось столь же беспокойно, как и вчерашний вечер. Эрнст был разбужен матросами с корабля «Копид». Перебивая друг друга, они рассказали о разыгравшейся кровавой драме на их боевом судне. На собрании команды было решено заменить военный флаг корабля красным знаменем. Матрос, которому поручили осуществить эту замену, неожиданно был застрелен командиром «Копида». Разъяренные моряки тут же расстреляли командира и еще одного офицера, пытавшегося встать на его защиту. Теперь их корабль остался без командира, и они опасаются репрессий властей.

Волльвебер успокоил матросов, отметив, что их действия были справедливыми, оправдываются интересами самообороны. Зачинщиком был командир — главный виновник разыгравшейся драмы. Если командование решится применить какие-либо санкции, то Совет рабочих, солдат и матросов встанет на защиту команды «Копида».

— Мы добились освобождения арестованных моряков. Не дадим в обиду и вас, — заверил делегатов судна Эрнст.

В поддержку действий матросов «Копида» Волльвебер решил поднять красные знамена и на других кораблях. Вызвав Майера, он поведал ему о кровавом происшествии и почине моряков «Копида», предложив распространить эту инициативу на все суда, стоявшие в Кильской гавани. Майер согласился. Совет рабочих, солдат и матросов одобрил предложение Эрнста, назначив уполномоченных по вывешиванию красного знамени на каждый корабль.

Волльвебер и Майер отправились выполнять эту миссию на имперский линкор «Хельголанд». Команда этого корабля больше всех пострадала от репрессий властей во время восстания, поэтому была наиболее революционно настроенной. Эрнст и Отто вместе с освобожденными моряками линкора были встречены восторженными криками «Ура!», крепкими объятиями. Их предложение отметить победу восстания в Киле и освобождение моряков вывешиванием красного знамени было встречено дружным одобрением, и уже через несколько минут красный стяг взвился над «Хельголандом». Никто из командиров линкора не решился воспрепятствовать этому. К полудню красные флаги развевались на всех кораблях, прибывших в Кильскую бухту.

Во время праздничного застолья на линкоре Волльвеберу сообщили о приезде в Киль уполномоченного центрального правительства, известного правого лидера СДПГ Густава Носке. По радио передавали, что он прибывает с поручением разобраться в конфликте и навести порядок в городе. В своих мемуарных «Записках о германской революции» Г. Носке так вспоминает об этом дне: «На Кильском вокзале так и пестрели синие матросские куртки. Сходя с платформы, я был поражен при виде массы вооруженных людей. В эту минуту кто-то назвал меня по имени, и тотчас же воздух огласился криками «ура», и сотни рук протянулись ко мне... На площади перед зданием вокзала, как и на платформе, была масса вооруженных матросов. Через минуту я был уже в автомобиле, куда немедленно забралось еще человек пять-шесть. Один из них, стоя, махал красным флагом и все время кричал уже осипшим голосом: «Да здравствует свобода!»»

Выслушав доклад губернатора о положении в городе Носке выразил пожелание встретиться с представителями Совета рабочих, солдат и матросов, чтобы получить информацию о ситуации из первых рук. Встреча была назначена в зале вокзала. От моряков в ней участвовали Волльвебер, Майер и еще два человека, делегацию солдат возглавлял Карл Артельт, рабочих, социал-демократов представлял Артур Попп. Обрисовав сложную политическую обстановку в стране, Носке сделал упор на том, что «в Германии должен быть порядок даже и в революции».

— Реформы необходимо осуществлять мирным путем. Нужно сделать все, чтобы не допустить насильственной революции,

кровопролития. Я призываю вас сохранять мир и порядок, запретить беспорядочную стрельбу в городе, упорядочить выдачу пропусков, без которых никого никуда не пускают. Даже меня — уполномоченного правительства — вооруженные патрули неоднократно останавливали на улице, требуя предъявить какой-то пропуск. Давайте вместе наводить порядок, чтобы предотвратить возможные грабежи, бесчинства, хаос.

— Мы согласны, если власти откажутся от репрессий и произвола в отношении восставших рабочих, солдат и матросов, — ответил от имени Совета А. Попп. — Мы также хотим спокойной, мирной жизни, работы. Но как Вы, господин Носке, объясните намерение командования ввести в город дополнительные войска якобы для водворения порядка? Почему комендант запрещает проведение мирных собраний и демонстраций?

— Нам непонятно, почему правительство упорно медлит с окончанием войны, осуществлением, как Вы говорите, необходимых демократических реформ, терпит прогнивший монархический режим, — выступил в свою очередь Волльвебер. — Матросы восставшего флота требуют создания в Германии демократической республики Советов по российскому образцу.

Уполномоченный правительства явно не ожидал столь сплоченного, серьезного ответа представителей Совета. В своих мемуарах он отмечает: «Матросы с большим достоинством и вполне корректно ставили свои требования, как сторона, вполне сознающая свою силу... Я, сказать правду, почувствовал нечто вроде уважения к деятелям начавшейся революции и счел себя здесь совершенно излишним».

Носке ответил, что решение об отречении монарха не зависит от местных властей, поэтому не имеет смысла дискутировать на этот счет. Но он обещает довести требования моряков до ответственных лиц в Берлине. Уполномоченный правительства дал гарантии, что не допустит ввода в город новых воинских соединений, отменит запрет коменданта на проведение мирных манифестаций. В подтверждение готовности Совета сотрудничать с уполномоченным Волльвебер выдал ему пропуск: «Предъявитель сего — депутат рейхстага Носке — имеет право присутствовать на всех собраниях и ходить по всем улицам. Киль, 5 ноября 1918 г. Совет матросских депутатов».

Но договоренность о сотрудничестве была сорвана неожиданным происшествием. В ночь с 6 на 7 ноября в своей квартире был обнаружен мертвым комендант города Киля Вильгельм Хейне. Что это было: насильственная смерть или самоубийство — выяснять в суматохе революционных событий никто не стал.

Этот трагический случай послужил Носке удобным поводом для принятия жестких мер по наведению порядка и утверждения своей власти. Он пригласил на экстренное закрытое совещание лидеров социал-демократических и буржуазных партий, предложив выдвинуть его на пост губернатора земли Шлезвиг-Гольштейн и Киля с целью прекращения бесчинств, грабежей, убийств, установления мира.

«Лидером независимых социал-демократов был Артур Попп. Он был согласен с тем, чтобы я был избран губернатором, но с условием, чтобы в виде компенсации для независимых он был избран председателем Совета солдатских и матросских депутатов. С этим мы согласились, — пишет Г. Носке в своих воспоминаниях. — После сделанного мной краткого сообщения о положении дел в стране Попп предложил избрать меня губернатором. Я был избран единогласно... Таким образом, кажется, первый раз в истории имел место случай, что человек, никогда не бывший военным, получил командование над 80 тысячами военных».

Сообщение об этом было опубликовано и расклеено по всему городу вместе с первым приказом нового губернатора. В нем, в частности, говорилось: «Чины полиции в пределах губернаторства остаются все на своих местах. Оклад жалованья, поденные и экипировочные остаются прежние, продовольствие — то же. Несение военной службы, кроме караульной, санитарной, а также по управлению, отменяется. Ношение оружия всем, кроме лиц полицейской службы, воспрещается. Отпуска даются всем желающим. О настоящем приказе должны быть оповещены все воинские части».

Волльвебер узнал о сговоре партийных лидеров с Носке из объявления и понял, что революционному движению в Киле нанесен коварный удар в спину. Он попытался собрать Совет рабочих, солдат и матросов, чтобы обсудить возникшую ситуацию, но на заседание явились только матросы. Они сообщили, что

на кораблях и в солдатской массе избрание Носке губернатором не вызывает возражений, поскольку всем обещаны выплата жалованья и предоставление отпусков.

Действительно, отпуска давались всем желающим. Носке умело воспользовался стремлением матросов и солдат, соскучившихся по дому, уехать на родину и тем самым разгрузить Киль от революционной массы военных. Ему удалось быстро получить деньги из Берлина для выплаты жалования. Популярности Носке добавил его приказ о закрытии офицерского казино, снабжении продовольствием и приготовлении питания, одинакового для матросов и офицеров. На кораблях и подлодках все ели общий обед.

Губернатор ездил из одной казармы в другую, переходил с одного корабля на другой и всюду вступал в близкий обмен мнениями с окружающими. Он устроил торжественный смотр войскам на плацу, в котором участвовало более 10 тысяч солдат и матросов, пообещав всем предоставить отпуска, улучшение питания и денежного содержания, проведение демократических реформ.

«По окончании речи мне даже устроили овацию, — пишет Носке. — Когда же после меня захотел говорить член партии независимых социал-демократов, председатель Совета матросских депутатов Попп, его не захотели слушать. Матросы очень скоро раскусили его пустословие. Насколько они хотели иметь меня губернатором, настолько же они противились тому, чтобы цивилист Попп руководил ими в качестве председателя Совета. В конце концов, его сменил отставной старший кочегар Артельт, человек очень приличный, потерявший, однако, немедленно свое влияние, как только он стал пропагандировать спартаковские идеи».

Эрнст и Артельт пытались убедить солдат, матросов, портовых рабочих не поддаваться соблазнительным обещаниям Носке, продолжать борьбу за прекращение войны, отставку антинародного режима в Берлине, создание демократической республики Советов по примеру русской революции. Но губернатор применил очередную хитрость по разложению восставших: приказал в дополнение к пайковым выдать всем по три бутылки вина из запасов закрытого офицерского казино, аргументируя это неожиданное решение приближающимся Рождеством. Довольно, мол, офицеры наслаждались этими спиртными напитками, пора к празднику дать попробовать этих деликатесов рядовым матросам и простому люду. Естественно, этот коварный подарок был воспринят с ликованием. Уже на другой день после раздачи вина на кораблях и улицах города было полно пьяных, шумных, веселых компаний, буйных драк. Один матрос умер от острого алкогольного отравления, другой в ссоре с офицером был застрелен. Но никаких акций протеста эти смерти не вызвали. Восставшая масса была расколота, деморализована и шла на поводу у губернатора.

Характерным в этом смысле является рассказ Носке о посещении корабля «Копид», на котором был убит командир, пытавшийся помешать замене военного флага красным знаменем. «Я посетил это судно и, собрав команду, изложил ей обстоятельства дела, — вспоминает Носке. — Командиром здесь был избран старший матрос О., который говорил со мной не иначе как в тоне строжайшей военной субординации, стоя все время навытяжку, как ни один матрос никогда не стоял перед своим адмиралом... Через несколько дней я получил от него следующее письмо: «Высокоуважаемый г. Губернатор! Совет матросов и г. г. офицеров «Копид» сердечно просит Вас пожаловать в субботу в 8 часов вечера на чашку чая. Первый выборный командир надеется, что вы не откажете принять это приглашение, и, пользуясь случаем, хочет сообщить вам о том громадном впечатлении, какое произвела на всех ваша последняя речь»». Далее с явной насмешкой рассказывается о «торжественной встрече на борту», сложной рассадке за столом «в строгом порядке соответственно рангу», при котором на самом почетном месте сидел губернатор, высокопарных выступлениях первого выборного командира. «При других не столь грустных обстоятельствах можно было бы лопнуть со смеха, слушая речь его: более глупого и трескучего набора фраз я в своей жизни не слыхал, — иронизирует Носке. — Закончил свою речь этот революционер следующими словами: «Я, как Бисмарк, говорю: мы, немцы, боимся одного только бога и никого больше на свете». Я постарался поскорее убраться домой».

Наблюдая за хитрыми действиями губернатора по наведению порядка, постыдным поведением падких на дешевые подачки солдат и матросов, их тщеславным стремлением выслужиться

перед начальством, Волльвебер с горечью вынужден был признать, что восстание в Киле, так успешно начавшееся, провалилось, пойдя на поводу оппортунистов и демагогов. Носке удалось переиграть политически неопытных, неустойчивых в своих революционных убеждениях членов Совета рабочих, солдат и матросов. Эрнста особенно возмущало предательство социал-демократических представителей, ренегата Поппа. Это был горький урок, окончательно убедивший его в необходимости разрыва с социал-демократами в революционной борьбе за власть советов в Германии по российскому образцу.

Между тем события развивались столь стремительно, что, казалось, обещания Носке об окончании войны, демократических переменах начинают сбываться. Революция в Киле перекинулась на другие города и охватила Бремен, Росток, Шверин, Дрезден, Лейпциг, в которых образовались объединенные рабоче-солдатские Советы. 8 ноября победой завершилось вооруженное восстание в Мюнхене. Баварский король бежал. Социал-демократ Курт Эйснер провозгласил республиканское свободное государство Баварию. В Брауншвейге свергли власть герцога Брауншвейгского и создали Совет РСД. В Бреслау из тюрьмы вышла на волю Роза Люксембург. Вместе с Карлом Либкнехтом она распространила листовку, призывающую немецких рабочих и солдат к свержению монархического режима и образованию демократической республики.

9 ноября революция докатилась до Берлина. Спартаковцы подняли вооруженное восстание, захватили редакцию газеты «Берлинер локальанцайгер» и выпустили первый номер газеты «Роте фане». Были атакованы и захвачены все правительственные здания, почта, телеграф, вокзалы. Рейхсканцлер Макс Баденский сообщил об отречении от престола императора Вильгельма II, который выехал в Голландию. Сам принц Баденский ушел в отставку. Новым канцлером был назначен лидер социал-демократов Фридрих Эберт, который объявил о победе революции, обещая составить правительство на базе «объединения всех социалистов». Член ЦК СДПГ Филипп Шейдеман на митинге при большом стечении народа радостно провозгласил Германию республикой. В свою очередь лидер спартаковцев Карл Либкнехт с балкона императорского дворца призвал революционные массы бороться за создание свободной социалистической республики Германии.

Повсюду создавались Советы рабочих и солдатских депутатов, проникая в армию, где генералы пытались поддерживать хоть какую-нибудь дисциплину. Волльвебер видел, как между военным командованием и гражданскими властями налаживается своего рода разделение труда: власти ведут переговоры о мире, берут обязательство выполнять условия перемирия, а генералы создают обстановку, препятствующую выполнению этих условий. Правительство под давлением восставших матросов обязалось прекратить подводную войну, а командование исподтишка подталкивало своих подчиненных на пиратские действия, поддерживая тем самым «боевой дух» во флоте. Так, уже после обещания прекратить подводную войну немцы потопили пассажирский пароход «Лейнстер». Адмиралы приказывали прятать подводные лодки, разбирать их на части и под видом станков, машин рассовывать по складам. Немецкая военщина полностью оправдывала сложившуюся о ней поговорку: «В победе — жестоки, в поражении — низки».

Чтобы избежать окончательного поражения на фронте, в Берлине решают немедленно начать переговоры о мире с Антантой. Председателем германской делегации назначается член правительства Маттиас Эрцбергер. Канцлер вручил ему необходимые документы с подписью, которыми он мог распоряжаться без промедления по своему усмотрению. Ноябрьским утром Эрцбергер со спутниками под белым флагом прибыл на французскую станцию Ретонд в Компьенском лесу, где стоял штабной поезд верховного главнокомандующего союзными войсками маршала Фердинанда Фоша. По рассказам очевидцев, не подав немцам руки, Фош спросил:

— Чего вы хотите, господа?..

— Мы прибыли для переговоров о перемирии.

— Но у нас нет намерений вести такие переговоры, — ответил маршал. — Нам нравится воевать...

— Мы не можем продолжать борьбу, поэтому готовы выслушать ваши условия о прекращении военных действий.

— Ах так, значит вы пришли просить о перемирии? Это другое дело.

Заставив, таким образом, германских делегатов просить о мире, Фош приказал прочесть им условия. Германия обязывалась в течение 15 дней освободить занятые территории в Бельгии, Франции, России, Румынии; покинуть Эльзас-Лотарингию, вывести войска из Австро-Венгрии и Турции. Берлин отказывался от Брест-Литовского и Бухарестского договоров, но блокада Германии сохранялась.

Фактически эти требования означали полную капитуляцию. Германская делегация заявила, что выдвинутые условия невыполнимы, более того, создают угрозу для Антанты, поскольку их соблюдение толкает Германию в объятия большевистской России. Прибегая к прямому шантажу, Эрцбергер заклинал не повторять «той же ошибки», что допустило старое немецкое командование весной 1918 года по отношению к России, когда Берлин считал себя победителем большевизма, а оказался на грани поражения. «Большевистская опасность» стала коньком, на котором немцы пытались играть, отклоняя наиболее жесткие требования союзников. Но они добились лишь незначительных уступок: вместо немедленного очищения занятых областей Германии было предложено покинуть территорию на Востоке, «как только союзники признают, что для этого настал момент, приняв во внимание внутреннее положение этих территорий». Этот пункт явно говорил о намерениях Антанты использовать Германию в борьбе против Советской России.

Рано утром в 5 часов 11 ноября 1918 года условия перемирия были подписаны. В 11 часов грянул первый залп артиллерийского салюта в 101 выстрел, возвестивший об окончании Первой мировой войны. 13 ноября советское правительство аннулировало Брест-Литовский мирный договор, заключенный на невыгодных условиях 3 марта 1918 года между Советской Россией и странами Четверного союза (Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией). Война за передел мира закончилась. Начался самый передел.

11 ноября Носке обратился к кильскому гарнизону и населению со следующим заявлением: «Рабочие и солдаты! В Берлине образовалось новое работоспособное правительство. Социалисты вместе с министрами сделают все от них зависящее, чтобы общими усилиями водворить как можно скорее порядок и наладить железнодорожное движение. Государственный канцлер сегодня утром заверил меня в этом. Победа социалистов-рабочих и солдат во всем государстве полная. Правительство страны является теперь вашим правительством. Поэтому вашей обязанностью является всяческое устранение с его пути всего, что мешает его деятельности. Долой всякое разногласие в рабочей среде! Рядом с рейхсканцлером Эбертом и государственным секретарем Шейдеманом заседают теперь независимые социал-демократы Гаазе и Дитман. Бесконечный спор в среде социал-демократии, наконец, окончен — отныне есть только одно сплоченное рабочее движение и только одна тесно спаянная социал-демократия! Мы изо всех сил будем работать и бороться с общим развалом. Мы хотим предотвратить войну всех против всех внутри государства, в то время как извне нас будут бить и громить со всех сторон».

Для моряков гордого германского военно-морского флота наиболее болезненным и унизительным было распоряжение о передаче всех судов и подводных лодок победителям, в основном англичанам — главному морскому противнику Германии. Перед интернированием корабли следовало разоружить и подготовить к морскому переходу в одну из гаваней, которую победители определят в качестве места передачи. Естественно, моряки и офицеры не хотели участвовать в этой позорной миссии. Носке и здесь применил тактику подкупа, чтобы внести разлад среди матросов. Он обещал выдать премию в 300 и 400 марок каждому, кто согласится выполнять приказ о передаче немецкого флота англичанам. Охотников до этой подачки, как отмечает Носке в своих воспоминаниях, нашлось достаточно. «Был неприятный мрачный день, когда я 17 ноября стоял на шлюзе канала и смотрел на уходящие из Киля суда, — пишет он. — Подобно колоссальным железным чудовищам двигались они одно за другим. Огромная часть нашего народного имущества уходила от нас к англичанам, чтобы никогда не вернуться назад. К сожалению, многие матросы не сознавали того позора, который был связан с этим для нации: они орали во все горло, дурачились, как будто отправлялись на веселую прогулку. Когда же с палубы одного судна — забыл с какого — раздались веселые звуки какого-то марша, я плюнул, сел в шлюпку и уехал далеко в море».

Волльвебер решил использовать недовольство моряков капитуляцией для захвата одного из судов и передачи его не англичанам, а Советской России. По плану захваченный корабль должен был взять курс на Кронштадт и там быть передан советским представителям. В случае успеха этой дерзкой операции Эрнст надеялся увидеть революционный Петербург, Москву, встретиться с вождями республики Советов. Однако этот план провалился. Кто-то из подкупленных моряков донес о заговоре командованию. Основных заговорщиков арестовали. Волльвеберу в последнюю минуту удалось скрыться. Уйдя в подполье, он продолжает борьбу за победу революции в Германии: «Во время попытки второго восстания 6 февраля 1919 года я входил в узкий круг руководства, — пишет он в автобиографии. — Но белогвардейский корпус «Железной дивизии» подавил восстание, заняв все важнейшие военные опорные пункты и правительственные здания Киля. Белогвардейцы заняли и пристань, где находилась моя подлодка. Мне впервые пришлось бежать».

Так завершился важный кильский период становления будущего «короля диверсантов» как революционера, организатора восстания моряков, убежденного коммуниста, друга Советской России, верящего в возможность построения социализма в Советском Союзе и Германии. Здесь он приобрел первый практический опыт революционной борьбы, известность как матросский вожак. Во время восстания наглядно убедился в существовании среди моряков и портовых рабочих своеобразного морского братства в отстаивании своих прав и свобод, склонности к коммунистическим идеалам, интернационализму. По роду своей деятельности моряки бывали во многих странах, многое видели, проникались передовыми идеями. Их объединяли не только матросская тельняшка, но и свободолюбивый менталитет. У каждого было много знакомых, друзей во всех странах и портах, которые они посещали. Не случайно революционные восстания в Германии, других европейских государствах в конце Первой мировой войны возникали в портовых городах, а их движущей силой были моряки и портовые рабочие.

Волльвебер хорошо прочувствовал, осознал своеобразие и силу этого матросского братства. Став позднее руководителем широкой агентурной сети, охватывавшей многие страны Европы, он эффективно и умело использовал это обстоятельство в разведывательной работе.

Во время Ноябрьской революции Волльвебер приобрел ценный опыт вожака-организатора народных масс в борьбе за свои права, извлек горькие уроки из поражений: «В это время с ноября 1918 по февраль 1919 года я по причине недостаточного политического опыта совершил две ошибки, — честно признается он в автобиографии. — Носке заявил, что по условиям перемирия немецкий флот передается Англии. Я выступил против, предложив перегнать корабли в Кронштадт и передать их советскому правительству. Мне надо было выступить с инициативой переправить военные суда в немецкие порты Гамбурга, Бремена, Штеттина, Данцига и т. д., чтобы поддержать революционную борьбу в этих городах. Вторая ошибка состояла в моем отказе от выборов в Центральный совет моряков ВМФ, поскольку этот совет не обладает реальной властью».

В Киле Эрнст близко познакомился с двумя активистами восстания, помогавшими ему в организации протестных мероприятий — Вернером Гиршем и Рихардом Кребсом. Моряк Гирш — почти ровесник Волльвебера, родился в 1899 году, спартаковец — обратил на себя внимание четкими и ясными формулировками требований моряков на переговорах с Носке, представителями социал-демократов. Потом он получит известность как талантливый журналист-публицист, главный редактор газеты «Роте фане». В 1932 году станет личным секретарем Эрнста Тельмана, членом ЦК КПГ. Волльвебер будет пользоваться поддержкой В. Гирша в партийной работе, борьбе против нацизма и войны, формировании антифашистского фронта.

Рихард Кребс — тоже моряк, немецкий коммунист — станет соратником Эрнста по разведывательной деятельности. В 1930-е годы они вместе будут выполнять задания по формированию нелегального аппарата Германской компартии, подготовке революционных восстаний, созданию агентурной сети по линии Коминтерна. В своей книге-исповеди под названием «Из мрака ночи», изданной в США в 1941 году под псевдонимом Ян Валтин, он так описывает встречу с Эрнстом во время кильских событий: «На улицах были тысячи людей. Особенно горячо рабочие приветствовали невысокого, крепко сложенного парня в испачкан-

ной сажей синей форме. Отвечая на приветствия, парень высоко поднимал над головой свой карабин. Это был тот самый кочегар, который первым поднял на флоте красный флаг. Его звали Эрнст Волльвебер»[1].

Кребс характеризует своего соратника по борьбе как человека, который «никогда ничего не боится», которого «ничто не может удивить» и который «не питал никаких иллюзий» в отношении окружающего мира. Он отмечает его ораторские способности: «На митингах он подражает жестикуляции Ленина. Говорят, что репетирует эти жесты перед зеркалом. И приходит в бешенство, когда мы зовем его «маленький Ленин». Он имел привычку бросать слова в своих собеседников, как булыжники. Двумя-тремя предложениями умел быстро выделить главную мысль, которую хотел довести до собравшихся»[2].

***Справка**. Рихард Герман Юлиус Кребс (Ян Валтин) родился в 1905 году под Майнцем в семье моряка, социал-демократа: «Мой отец большую часть своей жизни провел в море, — пишет он в книге «Из мрака ночи». — Работал морским инспектором в «Северогерманском Ллойде», что позволяло ему перевозить с собой семью с места на место за счет компании. Одним из результатов этой кочевой жизни стало то, что к четырнадцати годам я помимо своего родного языка говорил немного по-китайски и по-малайски, вполне прилично владел шведским, английским, итальянским, а также мог объясняться на невообразимо ломаном англо-китайском жаргоне, на котором говорят во всех портах мира».*

Учиться начал в немецкой школе в Буэнос-Айресе, «проучился там немногим более года. Затем два года в английской школе в Сингапуре». Был свидетелем восстания моряков во время Ноябрьской революции в Киле и Бремене, где познакомился с Волльвебером. В 1923 году вступил в КПГ, участвовал в Гамбургском восстании, командуя отрядом боевиков пролетарской сотни, выполнял поручения Эрнста Тельмана. Назначен курьером «нелегальной организации партии, первая поездка состоялась из Гамбурга в Берлин. Мне было приказано доставить запечатанный пакет». Как курьер встречался в Берлине с советским разведчиком Скоблевским. В 1925–1926 годах обучался в Коммунистическом университете Коминтерна в Ленинграде. В этот период был завербован советской военной разведкой, направлен для выполнения разведывательного задания в Германию по линии Коминтерна. В 1929 году поступает «в распоряжение Волльвебера», становится его курьером.

В декабре 1933 года арестован гестапо, содержался в концлагере Фульсбюттель под Гамбургом. Через нашу агентуру в тюрьме ему было передано указание дать признательные показания и согласиться на сотрудничество с гестапо, то есть стать двойным агентом. В феврале 1937 года гестапо инсценировало его побег из концлагеря Фульсбюттель с заданием информировать нацистов о деятельности Германской компартии, Коминтерна и Советского Союза. В марте 1938 года он бежал в США, где жил случайными заработками: был посудомойкой, носильщиком, маляром, нянькой в доме для престарелых. И все это время писал книгу «Из мрака ночи», которая вышла под псевдонимом Ян Валтин в 1941 году, и стала бестселлером, переведена на три десятка иностранных языков и опубликована тиражом около одного миллиона экземпляров. В 1943–1945 годах служил в американской пехоте на Тихоокеанском побережье, в Новой Гвинее, на Филиппинах, стал военным корреспондентом, издал военный дневник под названием «Дети вчерашнего дня». Умер в январе 1951 года на ферме в штате Мэриленд.

[1] *Валтин Ян*. Из мрака ночи: пер. с англ. М.: Международные отношения, 2000. С. 13.

[2] Там же. С. 171, 594.

В Киле сошлись пути Волльвебера и Рихарда Зорге. Выдающиеся разведчики не оставили в своих воспоминаниях конкретных свидетельств совместной работы, но сам факт пересечения их жизненных судеб во время Ноябрьской революции в Германии представляется знаменательным. Зорге в биографии, в частности, пишет: «После демобилизации из армии, из-за неоднократных тяжелых ранений, я изучал в Берлине сначала философию, потом политэкономию, а затем уехал в Киль, где принимал участие в подготовке революции и в самих революционных событиях. Кроме того, я создавал в Кильском университе-

те социалистические группы революционных студентов. В силу этой деятельности моя дальнейшая учеба в Киле стала бесперспективной, и я уехал в Гамбург, где проводил ту же работу, что и в Киле».

Добавим, Зорге, как и Волльвебер, входил в Совет рабочих, солдат и матросов, который руководил кильским восстанием. Естественно, они должны были встречаться, общаться друг с другом на заседаниях этого совета. Революционная деятельность сведет их в Ахене, Гамбурге. Вообще надо отметить, что судьбы будущих знаменитых разведчиков, их пути в советскую разведку удивительно похожи. Они почти одновременно в 1919 году вступают в германскую Компартию, привлекаются к работе по линии Коминтерна, выполняют задания руководства КПГ и КИ по созданию тайной военной организации партии (аппарат М) в рамках подготовки вооруженного восстания 1923 года в Германии, участвуют в конгрессах Коминтерна в Москве и Петрограде, работают в качестве инструкторов Западноевропейского бюро ИККИ, пробуют себя в коминтерновской разведке Отдела международных связей (ОМС).

Имя Волльвебера как матросского вожака в Киле, несомненно, должно было запомниться двум руководителям германских спецслужб — начальнику военной разведки полковнику Вальтеру Николаи и моряку, будущему шефу Абвера, который при нацистском режиме станет грозным противником «короля диверсантов», — Вильгельму Фридриху Канарису. Николаи войдет в историю как создатель и организатор немецкой разведки против России. Агенты, работающие на российском направлении, докладывали ему, что большевики разработали план «германского Октября» в Германии. Ноябрьская революция, начавшаяся в Киле, происходила под непосредственным влиянием Октябрьской революции и, более того, при прямой идеологической и организационной поддержке руководства большевистской партии Ленина. Восстанием моряков в Киле руководил идейный приверженец революции в России, спартаковец, матрос Волльвебер, избранный в Совет рабочих, солдат и матросов. На «помощь восставшему германскому пролетариату» и для координации действий с мятежными матросами и лидерами спартаковцев Карлом Либкнехтом, Розой Люксембург, Эрнстом Тельманом большевики направили в Германию опытных революционеров Карла Радека, Адольфа Иоффе, Х. Раковского, Ю. Мархлевского. Для маскировки их подпольной деятельности Иоффе назначается первым послом России в Германии. Через него поступают из Москвы руководящие указания в работе с немецкими коммунистами, задания для агентов, пропагандистские материалы. На третьем этаже российского посольства в Берлине действует резидентура, оснащенная радиостанцией, фотолабораторией, оборудованием для подделки паспортов; имеется даже склад оружия.

Ознакомившись с этими донесениями, Николаи распорядился провести оперативную операцию по разоблачению подпольной деятельности большевиков, дискредитировать их связи с лидерами спартаковцев. Радек, Мархлевский, Раковский были арестованы по обвинению в подрыве конституционного строя в Германии. Радек заключен в берлинскую тюрьму Моабит, Мархлевский и Раковский высланы в Россию. Сложнее было избавиться от Иоффе, поскольку он как посол пользовался дипломатическим иммунитетом. Вскоре поступило агентурное сообщение о том, что в дипломатической почте посольства России содержится несколько ящиков с пропагандистской литературой. При разгрузке багажа на вокзале Фридрихштрассе немецкий агент-носильщик «случайно» роняет один из ящиков на землю, из расколовшегося нутра которого по всей платформе разлетаются сотни листовок и прокламаций с призывом к революции. Прибывшая полиция арестовывает всю дипломатическую почту. Этот спровоцированный германской разведкой инцидент послужил поводом для разрыва дипломатических отношений с РСФСР и высылки Иоффе со всем персоналом посольства из Германии. Данную операцию в ноябре 1918 года можно считать первым случаем столкновения германской разведывательной службы с советской разведкой. Скандальный инцидент с ящиком, пропагандистские действия большевиков в Германии подробно расписывались в статьях немецкой прессы, которые Волльвебер внимательно читал и делал соответствующие выводы о хитрых операциях Николаи.

Канарис как командир подводной лодки UB-128, прибывшей в кильский порт из Средиземного моря, с ужасом наблюдал, как

восставшие матросы под руководством Эрнста меняют кайзеровские флаги военных кораблей на красные знамена революции. С Килем будущего шефа Абвера связывали дорогие воспоминания молодости, определившие его жизненную судьбу как морского офицера, дослужившегося до высокого звания адмирала флота. Здесь он в голубом мундире с золотистыми пуговицами кадета два года учился в военно-морском училище, окончив которое в 1907 году с высшим баллом был произведен в корабельные гардемарины. Осенью того же года его направляют служить на крейсер «Бремен» адъютантом командира. Во время Первой мировой войны Канарис служит на корабле «Дрезден». Затем его направляют в Испанию для организации агентурной сети германского ВМФ в Средиземноморье под прикрытием помощника военно-морского атташе. Благодаря превосходному знанию языка, умелому подходу к людям, влиятельным связям Канарис успешно справляется с поставленной задачей. За год он создает эффективно функционирующую сеть агентов в испанских портах, поставляющую информацию о военных приготовлениях и передвижениях судов союзных держав. Практически Канарис в тот период занимался тем же, чем Волльвебер в 1930-е годы будет заниматься во главе созданной им лиги антифашистов в борьбе против гитлеровской диктатуры, за что шеф Абвера объявит его в розыск как врага Рейха. В Киле берет начало их непримиримое противостояние, которое будет продолжаться вплоть до драматической кончины Канариса в концлагере Флоссенбург в апреле 1945 года.

Глава III
РЕВОЛЮЦИОНЕР «МАЛЕНЬКИЙ ЛЕНИН»

Товарный поезд, душный и медленный, в который Волльвеберу с трудом удалось втиснуться, проследовал без остановки мимо городка Ротенбурга. Приникнув к окну, Эрнст смотрел на проплывающие мимо ухоженные, дачные домики, деревушки, красиво разместившиеся на холмистых прогалинах старинного леса. По соседству шумная компания моряков и солдат, подогретая горячительными напитками, резалась в карты, распевая залихватскую песенку:

Воскресный день уже пришел,
И радость велика.
Берем получку целиком,
И не дрожит рука.

Хвала ячменному зерну!
Поем и пьем спеша,
А понедельник наступил –
Мы снова без гроша!

Волльвеберу было не до веселья. Ускользнув от ищеек «кровавой собаки» Носке в Киле, он не сомневался, что его разыскивают, возможно, установлена слежка. Поэтому он внимательно изучал окружающую обстановку, просматривал сообщения газет, прокламаций, которые много писали о восстании моряков, забастовках рабочих, революционных преобразованиях в верхних эшелонах власти Берлина.

Страной управлял странный Совет народных уполномоченных (СНУ), получивший такое название, как говорилось в одной

из листовок, «из-за ненависти к буржуазному слову министр». СНУ возглавлял правый социал-демократ Фридрих Эберт. В его программном заявлении говорилось, что правительство будет «охранять упорядоченное производство и защищать собственность». Старый аппарат чиновников остался в неприкосновенности. Социал-демократы сохранили их под видом «технических помощников». Абсолютно нетронутым оказались военное командование и права офицерства. Спартаковцы призывали рабочих и солдат к «пролетарско-социалистической революции» под лозунгом «Вся власть советам!» Партийный орган социал-демократов газета «Форвертс» называет советы «русской заразой». Эберт заявил: «Я противник социальной революции. Я ненавижу ее, как грех».

Среди партий и союзов происходит мимикрия под революцию. Партия и левое крыло национал-либералов объединились в Народную демократическую партию. Правое крыло национал-либералов (крупная буржуазия) стало именоваться Немецкой народной партией. Консервативная партия (юнкерские круги) получила название Немецкой национальной народной партии. Бременская газета «Бремер бюргер-цайтунг», которую Эрнст со школьных лет любил читать, писала, что «Союз Спартака» порвал отношения с независимыми социал-демократами НСДПГ. На общегерманской конференции спартаковцы создали Коммунистическую партию Германии.

Это известие обрадовало и ободрило Волльвебера. Он был сторонником решительного разрыва с социал-демократами, которые на его глазах предали революционное восстание рабочих и моряков в Киле. Уполномоченный социал-демократического правительства Густав Носке, жестоко подавив революцию штыками офицеров и юнкеров «железной дивизии», не скрывал торжества по случаю этой кровавой расправы: «Пожалуй, кто-нибудь должен же взять на себя роль кровавого усмирителя», — цинично заявил он возмущенной общественности.

После Киля «железная гвардия Носке» была направлена на разгон и удушение забастовок, советов восставших рабочих и солдат в Берлин, Брауншвейг, Гамбург, Лейпциг. Носке тайно договорился с начальником германской разведки, монархистом Вальтером Николаи задействовать агентов и сыщиков полиции

в розыске и аресте «главных бунтовщиков» революции. Волльвебер был включен в список «особо опасных мятежников».

Еще на вокзале в Киле Эрнст обратил внимание на подозрительного типа, который, прячась за спинами прохожих, следил за ним. Тогда в людской сутолоке ему удалось скрыться, вскочить в товарный поезд и оторваться от сыщиков. Но на одном из полустанков он заметил, как двое мужчин в полицейской форме торопливо прошли к головному вагону и вошли в кабину машинистов. Поезд приближался к Бремену, который Волльвебер хорошо знал по службе в порту Вильгельмсхафена. Многие попутчики укладывали дорожные сумки, баулы, готовясь к выходу. Бременский вокзал кишел сотнями солдат, пытавшимися проникнуть в вагон, не обращая внимания на объявление о запрете посадки. Наблюдая за вокзальной сутолокой, Эрнст решил сойти. Внутренний голос подсказывал, что в многолюдном городе легче затеряться. К тому же в Бремене была сильная организация спартаковцев во главе с Иоганном Книфом, с которым у Волльвебера сложились крепкие товарищеские отношения и близкие идейно-политические взгляды на подготовку революции в Германии. В случае опасности ему найдут надежное укрытие.

* * *

Волльвебер оказался в Бремене в момент острого противоборства между местной властью и Советом рабочих и солдатских депутатов. Поэтому Эрнста встретили с энтузиазмом в надежде использовать его опыт в революционной борьбе. Его имя как вожака восстания матросов было широко известно. Собственно, местный Совет РСД возник в результате активной солидарности с восставшими моряками в Киле. Утром 6 ноября 1918 года рабочие и портовики судостроительного предприятия «Везер», а также моряки соседнего портового города Вильгельмсхафена получили воззвание рабочих, солдат и моряков с призывом о помощи Совету РСД в Киле. Это воззвание составлялось и рассылалось по инициативе Волльвебера, который во время службы в этих портовых городах хорошо знал протестные настроения бременского пролетариата, был уверен в его поддержке и солидарности.

Конкретным откликом на воззвание из Киля стала многотысячная демонстрация, в которой участвовали рабочие, портовики, служащие крупных бременских предприятий «Везер», «Атлас Электро-Веркен», «Ханза-Ллойд». О солидарности с кильским Советом РСД заявили местные партийные организации социал-демократов, спартаковцев, левых радикалов, военные моряки Вильгельмсхафена, солдаты местного гарнизона.

Бременское отделение Социал-демократической партии Германии занимало наиболее левые позиции. Ко времени Ноябрьской революции в Киле оно разделилось на три части: социал-демократов большинства (СДПГ), независимых социал-демократов (НСДПГ) и коммунистов. 23 ноября 1918 года бременские социалисты, коммунисты и левые радикалы объявили о создании объединения «Коммунисты-интернационалисты Германии» (КИГ) во главе с Иоганном Книфом. 31 декабря 1918 года КИГ объединились с «Союзом Спартак» в Коммунистическую партию Германии (КПГ). Коммунисты требовали по русскому образцу вооружить рабочих, создать из них и симпатизирующих солдат гарнизона Красную гвардию, реквизировать в пользу голодающих рабочих семей запасы продовольствия, принадлежащие буржуазным элементам, закрыть контрреволюционные газеты, распустить городской сенат и полицию. Независимые социал-демократы в целом поддерживали коммунистов в их требованиях свержения существующей власти, однако хотели осуществить эти меры через проведение всеобщих выборов в Советы с участием представителей СДПГ, выступавших против революционных преобразований по российскому образцу.

В Бремен прибыли из Киля восставшие моряки. Устроив братание с солдатами местного гарнизона, они быстро образовали солдатский Совет. Это обстоятельство подтолкнуло независимых социал-демократов и коммунистов объединиться и создать Совет рабочих, в который вошли и солдаты. На массовом митинге лидер «независимцев» Адам Фразункевич с балкона бременской ратуши провозгласил создание городского рабоче-солдатского Совета, к которому переходит вся власть в Бремене. В его исполнительный комитет вошли четыре независимых социал-демократа: Карл Герольд, Эмиль Зоммер, Альфред Хенке, Адам Фразункевич; три коммуниста: Ханс Бродмеркель, Адольф

Даннат, Альфред Штокингер (И. Книф был болен, лечился после тюремного заключения. — *Е. Г.*).

Ситуация в городе круто изменилась с возвращением в Бремен с фронта 75-го пехотного полка. Консервативное офицерство отнеслось резко отрицательно к революционному движению, потребовало возвращения власти городскому сенату. Буржуазия и контрреволюционные силы надеялись с помощью воинских частей подавить выступления революционных рабочих и солдат. На заседаниях Совета ежедневно спорили о том, что делать, но никаких конкретных решений не принималось. Естественно, на первой же встрече при обсуждении возникшего конфликта острый вопрос: «Что делать?» задали и Эрнсту.

Отталкиваясь от опыта противостояния восставших матросов и властей Киля Волльвебер рекомендовал принять следующие меры: немедленно создать вооруженные отряды рабочих на предприятиях, а также надежную боевую группу из революционеров и симпатизирующих солдат при Совете; сформировать делегацию из опытных членов Совета для направления в воинские части с целью выяснения настроения солдат и матросов; провести переговоры с офицерами полка для разъяснения позиции Совета; внимательно следить за действиями представителей СДПГ, которые могут войти в сговор с властями, предать интересы революции; не допускать оппортунистов-социал-демократов в руководящие органы РСД; готовить массовую демонстрацию рабочих, служащих, профсоюзов, партийных, молодежных организаций, солдат в защиту власти советов.

Как выяснилось, солдаты, матросы полка и гарнизона занимали нейтральную позицию в конфликте Совета с властями, многие высказывались в поддержку революционных выступлений рабочих. С офицерами была достигнута компромиссная договоренность уважать деятельность Совета РСД как избранного органа власти.

10 января 1919 года по призыву коммунистов, независимых социал-демократов, профсоюзов на центральной бременской площади Марктплатц состоялась грандиозная 30-тысячная демонстрация и митинг под лозунгами «Вся власть Советам!», «Нет кровавому режиму Эберта — Носке!» Манифестация проходила под охраной вооруженных отрядов рабочих и солдат. Демон-

странты потребовали отставки сената, избрав делегацию из девяти человек с наказом отправиться в ратушу и заявить о переходе власти в городе к Совету РСД. Вечером того же дня представитель делегации от НСДПГ А. Фразункевич провозгласил создание Бременской Советской республики (БСР) с одновременным упразднением действующего сената и городского управления.

В автобиографических заметках Волльвебер отмечает, что власть в Бремене удалось взять с ходу, бескровно благодаря решительным действиям представителей Совета, при поддержке вооруженного отряда рабочих. Они разоружили охрану сената и полицию. Перепуганные чиновники беспрекословно подчинились требованию покинуть ратушу. В городе по российскому образцу учреждалось правительство — Совет Народных Комиссаров (СНК).

По рекомендации Эрнста все представители СДПГ выводились из Совета, они заменялись 30 членами коммунистов и независимых социал-демократов (НСДПГ). На первом заседании СНК был образован Совет Депутатов Трудящихся (СДТ) из девяти представителей: трое — от коммунистов, трое — от НСДПГ, трое — от Совета солдат. Совету депутатов придавался Исполком из 15 человек, выполнявший контрольные функции. Ведущими деятелями БСР стали коммунисты Иоганн Книф, Карл Яннак, независимый социал-демократ Альфред Хенке. Волльвебер в руководящие органы Бременской республики по соображениям конспирации не входил. На заседаниях СНК он выступал как главный теневой советник.

Первыми декретами БСР стали: о введении военного положения, о разоружении контрреволюционных элементов, о суровых наказаниях за погромы и грабежи, о комендантском часе, о введении цензуры для буржуазных газет. Правительство постановило конфисковать городскую профсоюзную кассу, которая перешла в распоряжение новых властей, а также передать печатный орган СДПГ «Бремер бюргер-цайтунг» во владение КПГ и НСДПГ. На базе этой газеты стал издаваться журнал «Коммунист». Для наведения порядка в городе, обеспечения безопасности и защиты республики были сформированы два рабочих батальона, вооруженные отряды рабочих на крупных предприятиях, боевая группировка солдат в гарнизоне.

Совет Народных Комиссаров БСР направил приветственную телеграмму берлинским рабочим, потребовав немедленной отставки правительства Эберта-Шейдемана. В послании Советской России выражались солидарность и поддержка революционных завоеваний российского пролетариата, пожелание успешного развития революции в России и Германии. В воззвании «ко всем рабочим и солдатским Советам в Германии» говорилось: «Бременский пролетариат, возмущенный кровавым хозяйничаньем правительства Эберта, связанного с эксплуататорами, сегодня, 10 января вручил свою судьбу собственному народному правительству». СНК призывает всех пролетариев последовать примеру Бремена.

На этот призыв сразу же откликнулись рабочие и солдаты близлежащих портовых городов Бременхафена, Куксхафена. Восставший пролетариат сместил там старое управление, передав власть Советам РСД. В Куксхафене коммунисты, следуя примеру Бремена, в тот же день реквизировали местную буржуазную газету, наладив ее выпуск под символичным названием «Новое время» как «официальный орган куксхафенского Совета рабочих и солдатских депутатов». Девизом избрали слова: «Свобода, истина, право».

Образование Бременской Советской республики совпало по времени с ожесточенной борьбой за власть в Берлине между революционным пролетариатом, солдатами, коммунистами, независимыми социал-демократами и реакционным правительством Эберта. Поводом для вооруженного выступления берлинских рабочих и солдат послужило распоряжение военного министра Носке сместить с поста начальника столичной полиции независимого социал-демократа Э. Эйхгорна и заменить его своим ставленником, правым социал-демократом Эрнстом.

На объединенном заседании правлений берлинских организаций НСДПГ, КПГ с участием К. Либкнехта и В. Пика, а также «революционных старост» было принято постановление провести 5 января 1919 года демонстрацию протеста с требованием возвращения Эйхгорна на этот пост, а в случае отказа начать вооруженную борьбу с правительством. Для руководства восстанием был создан Революционный комитет.

В назначенный день по призыву НСДПГ, КПГ, революционного Совета солдат началась массовая антиправительственная демонстрация под лозунгом свержения правительства Эберта, взятия власти Ревкомом. Носке, окрестивший в своих мемуарах это мероприятие «дурным воскресеньем», вспоминает: «В этот день были многочисленные уличные демонстрации. Под Липами (центральная берлинская улица Унтер-ден-Линден. — *Е. Г.*) шла огромная толпа мужчин, женщин и военных с красными знаменами и плакатами. Время от времени кто-то кричал: «Да здравствует Либкнехт и Гаазе!», «Долой Эберта и Шейдемана!» Толпа сейчас же подхватывала и повторяла эти крики. Я наблюдал в числе других эту демонстрацию, длившуюся несколько часов... Настроение толпы изменилось, когда появился Либкнехт и с места в автомобиле начал говорить одну из своих зажигательных речей. Я несколько минут слушал его и нашел еще более экзальтированным, чем обыкновенно. В нравственной чистоте и правдивости этого несчастного человека сомневаться нельзя: он был искренне убежден в том, что говорит... Вечером нам сообщили, что спартаковцы заняли редакцию газеты «Форвертс». Немного спустя пришло другое известие, что они заняли еще несколько редакций. Мы сидели подавленные этими сообщениями... Долго совещались, но не пришли ни к какому результату, так как совершенно нельзя было предвидеть, что будет в Берлине завтра».

Кульминационным моментом революционных выступлений пролетариата стала всеобщая забастовка, организованная коммунистами совместно со старостами предприятий. Рабочие, активисты компартии при поддержке вооруженных отрядов солдат, матросов захватили вокзалы, почту, телеграфное агентство, редакции буржуазных газет; окружили здание генерального штаба армии, правительственные учреждения, требуя отставки Эберта- Шейдемана. Положение правительства стало критическим: «Члены правительства собрались для обсуждения положения дел. Я высказался за то, что настал момент действовать с оружием в руках, и мне никто не возражал, — пишет Носке. — Изготовили приказ о назначении генерал-лейтенанта Гофмана главнокомандующим. Последний находился с несколькими воинскими частями недалеко от Берлина. Стали говорить, что рабочие ни в коем случае не будут согласны с назначением на этот

пост генерала. Время шло, а мы, возбужденные, продолжали обсуждать в рабочем кабинете Эберта. Я потребовал принять, наконец, какое-нибудь решение. Кто-то спросил меня: «Не возьмешься ли ты за дело?» На это я коротко ответил: «Отчего ж! Кто-нибудь из нас должен же, наконец, взять на себя роль кровавого усмирителя». Был отдан устный приказ о предоставлении мне правительством самых широких полномочий для водворения в Берлине порядка. Тут же зачеркнули в приготовленном приказе фамилию Гофмана и написали мою. Так я стал главнокомандующим».

Когда Носке в сопровождении охраны отправился в генштаб, то увидел, что вооруженные отряды рабочих и солдат стояли уже «возле Бранденбургских ворот, у Тиргартена, а возле колонны победы расположились тяжелые грузовики с пулеметами... Если бы эти толпы имели решительных и дельных вождей, а не болтунов, они уже утром этого дня могли бы овладеть Берлином», — констатирует он в своих мемуарах.

Но в решающий момент борьбы рабочих за власть произошел, как потом вспоминал Волльвебер, похожий на события в Киле акт предательства революции независимыми социал-демократами. Напуганное широким размахом забастовки, правление НСДПГ вступило в переговоры с Эбертом, дезориентируя и сбивая с толку восставших. В знак протеста, возмущенные позорным соглашательством «независимцев», К. Либкнехт и В. Пик вышли из состава Ревкома. Компартия выступила с заявлением о подготовке генеральной забастовки под лозунгом отставки Эберта, Шейдемана, Носке и оппортунистов НСДПГ. Карл Либкнехт опубликовал статью «Несмотря ни на что!» с призывом продолжать борьбу с правительством Эберта.

Переговоры «независимцев» с Шейдеманом продолжались два дня: «Независимые подсылали ко мне людей, чтобы прозондировать почву насчет освобождения газет за известные, конечно, уступки с нашей стороны, — вспоминает Носке. — Но я не шел ни на какие компромиссы. Немало забот стоило нам обсуждение в главной квартире в Дарлеме положения дел в Шпандау. Там утвердились и терроризировали население... отчаянные радикалы. Они заняли ратушу и всецело царствовали в ней. При движении на Берлин шпандауские толпы могли бы угрожать левому

флангу войск». Представители правительства явно затягивали договоренности, выигрывая время для того, чтобы главнокомандующий Носке смог подтянуть к Берлину верные ему войска. «Центральным ядром» этого войска должна была стать, по его словам, «кильская бригада в 1600 морских офицеров, штурманов, фельдфебелей», а также «потсдамский полк».

Вечером 10 января Носке доложили телеграмму СНК из Бремена с требованием отставки правительства Эберта. В тот же день он отдал приказ о подавлении восстания рабочих и солдат в Берлине. Ночью правительственные войска при поддержке артиллерии начали штурм зданий полицай-президиума, вокзалов, редакции газеты «Форвертс», занятых отрядами Революционного комитета. В результате ожесточенных боев отряды рабочих вынуждены были отступить. «В ночь с пятницы на субботу 11 января редакция газеты “Форвертс” была взята штурмом, — пишет Носке. — Я пошел в Берлин пешком во главе отряда в 300 человек рядом с командиром его, полковником Дестьеном. Никто не мог предсказать, каков будет исход дела. Возможен был сильный бой на улицах Берлина. Наш путь лежал через Потсдамскую улицу... Затем мы прошли по Лейпцигской улице, Вильгельмовской и мимо Тиргартена вышли в предместье Берлина... Во вторник утром морская бригада заняла часть города Моабит... На улицах во многих местах стояли орудия и пулеметы, патрулировали автомобили, наполненные солдатами, и танки, но нигде не раздавалось ни одного выстрела».

К 13 января войска Носке окончательно подавили революционное выступление берлинского пролетариата. Германский рабочий класс потерпел тяжелое поражение. Соотношение сил резко изменилось в пользу контрреволюции. Репрессии обрушились в первую очередь на коммунистов. Правительство Эберта объявило Компартию вне закона. 15 января были жестоко убиты лидеры КПГ Карл Либкнехт и Роза Люксембург.

Официальные лица правительства представляли гибель выдающихся коммунистов как случайность, уличное «недоразумение», обусловленное недостаточной бдительностью караула перед лицом разъяренной толпы. «Убийство Либкнехта и Розы Люксембург нужно объяснить только безумным настроением масс в это время, — утверждает Носке. — Либкнехт, как одержимый носился последние недели по всему Берлину, и он вместе с Розой Люксембург явился причиной того, что бескровно начатый переворот закончился гражданской войной со всеми ее ужасами. Январские бои стоили населению многих жертв... Я ненавижу всякое убийство. Но по поводу убийства Либкнехта и Люксембург особенно громко ламентировали те именно господа, которые при не менее трагических обстоятельствах оставались совершенно спокойными... Независимые и спартаковцы, преступно игравшие жизнью многих граждан, только тогда загорелись огнем гнева и негодования, когда в революции гибли люди их образа мыслей».

Министр обороны возлагает даже вину за «ужасы гражданской войны» на коммунистов. Себя он считает к ним непричастным, более того, воспринимает убийство вождей КПГ «спокойно»: «Удовлетворение, испытанное кабинетом по поводу почти беспрепятственного овладения Берлином, было очень неприятно нарушено убийством Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Когда я утром явился в министерство, то нашел своего коллегу Ландсберга и товарища статс-секретаря Бааке совершенно подавленными этим происшествием. Оба были того мнения, что это будет иметь для всех пагубное последствие. Я смотрел на это гораздо спокойнее, — отмечает Носке в мемуарах. — Конечно, подробности убийства обоих вождей спартаковцев были ужасны. Надо было ожидать в связи с ним чрезвычайного обострения агитации и раздражения подавленных независимых и спартаковцев».

Впрочем, лицемерным утверждениям Носке мало кто верил, слишком яркими фигурами были Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Поэтому их жестокое уничтожение вызвало широкую волну возмущенных протестов по всей Германии. Ускользнувшие от преследования карательных отрядов Носке коммунисты, прибыв в Бремен, рассказывали Волльвеберу жуткие подробности кровавой расправы с вождями КПГ.

Заговор против них организовали Шейдеман, Канарис, занимавший при Носке должность офицера связи с морскими соединениями Добровольческого корпуса, бизнесмен Георг Скларц, который обязался выплатить вознаграждение в 50 тысяч марок за каждого убитого. Устный приказ о преследовании и доставке

Либкнехта и Люксембург живыми или мертвыми отдал Шейдеман. Исполнение захвата было поручено командиру подразделения гвардейской стрелковой дивизии капитану Вальдемару Пабсту (1880–1970).

После подавления восстания Карл и Роза ушли в подполье, каждый день меняли место пребывания. Несмотря на угрожавшую им опасность, отказались от предложенной охраны. За день до ареста написали свои последние статьи для коммунистической газеты «Роте фане». Статья Либкнехта «Несмотря ни на что!» заканчивалась словами: «Потерпевшие разгром сегодня будут победителями завтрашнего дня... Будем ли мы тогда живы или нет, будет жить наша программа; она будет господствовать во вселенной освобожденного человечества. Несмотря ни на что!» Люксембург в статье под заголовком «Порядок царит в Берлине» о кровожадных подельниках Шейдемана-Носке с презрением пишет: «Вы, тупые палачи! Ваш «порядок» построен на песке. Уже завтра революция «с грохотом воспрянет» и к вашему ужасу протрубит в фанфары: я была, я есть, я буду!»

Один из коммунистов в беседе с Волльвебером выразил предположение, что местонахождение квартиры, где прятались Либкнехт и Люксембург, было выдано карателям кем-то из своих, скорее всего предателем из числа независимых. Такое подозрение он слышал от знакомого ему доктора, у которого одно время скрывались коммунисты. 14 января они, по его словам, были предупреждены об очередной опасности по телефону и вынуждены были опять переменить убежище.

Руководители КПГ были схвачены вечером 15 января. После короткого допроса капитаном Пабстом их решили доставить в отель «Эден», где размещался штаб стрелковой дивизии. По дороге солдат Отто Рунге, разъяренный многодневными утомительными поисками опасных коммунистов, поднял крик: «Они опять уйдут... Нечего с ними церемониться!» — схватил винтовку и нанес арестованным несколько жестоких ударов прикладом по голове. Потерявших сознание коммунистов бросили в грузовик. Во время движения Карл Либкнехт пришел в себя. Автомашину остановили, приказали ему выйти. Когда он сделал несколько шагов, его застрелили. Розу Люксембург добил в автомобиле морской офицер Герман Сушон, выстрелив ей в голову. Тела выбросили в близлежащий канал.

Расследование этого бессудного зверского убийства власти всячески затягивали, позволяя подельникам кровавой расправы скрыться. Военно-полевой суд над убийцами состоялся только через три месяца, в мае 1919 года. Единственным осужденным на срок два года тюрьмы оказался солдат Рунге. При нацистах он был реабилитирован и даже награжден премией. Командир преступников капитан Пабст бежал в Австрию, увильнув от наказания. Вернувшись на родину при Гитлере, сделал карьеру в оружейном бизнесе. Когда его спрашивали об убийстве Либкнехта и Люксембург, самодовольно отвечал: «Это было сделано в интересах Германии». Всю правду о тех событиях знают, по его словам, только двое — он и Канарис. Офицеры Сушон и Фогель также пустились в бега, многие годы скрывались за границей. Сушон вернулся в Германию в 1935 году, стал летчиком, вступил в люфтваффе, дослужился до полковника. О январском происшествии 1919 года отказывался что-либо говорить.

Вердиктом суда Носке остался доволен и поспешил его утвердить: «Как главнокомандующий, я утвердил приговор, постановленный над убийцами Либкнехта и Люксембург, после того как высшие авторитеты гражданского и военного суда любезно подтвердили мне, что при повторном расследовании дела обвиняемым не грозит никакое увеличение наказания», —признается он в мемуарах.

Но общественность результаты суда не удовлетворили. Коммунисты, честные независимые социал-демократы, рабочие, знавшие Либкнехта и Люксембург, рассказывали на митингах правду об их убийстве, называли настоящих заказчиков, исполнителей кровавой расправы. В прессе, листовках распространялось выступление на заседании Петроградского совета 18 января 1919 года Троцкого под броским заголовком «Мученики Третьего Интернационала: Карл Либкнехт и Роза Люксембург»: «Мы понесли сразу две тяжких потери, которые сливаются в одну величайшую утрату. Из наших рядов выбиты два вождя, имена которых навсегда занесены в великую книгу пролетарской революции. Они убиты... Какой меткий удар!.. И какое предательство! Их убийцы стоят под знаменем социал-демократической

партии, имеющей наглость вести свою родословную не от кого другого, как от Карла Маркса! Какое извращение! Какое издевательство! Только подумайте, товарищи, что «марксистская» германская социал-демократия и есть та партия, которая предавала интересы рабочего класса с первых дней войны, которая поддерживала разнузданный германский милитаризм; та партия, которая предавала Октябрьскую революцию германскому милитаризму в дни Брестского мира; та партия, вожди которой, Шейдеман и Эберт, организуют ныне черные банды для убийства героев Интернационала, Карла Либкнехта и Розы Люксембург!.. Сейчас палачи задавили в Берлине движение спартаковцев, германских коммунистов. Они убили двух лучших вдохновителей этого движения, и, быть может, сегодня они еще празднуют победу. Но настоящей победы тут нет, потому что не было еще прямой, открытой и полной борьбы; еще не было восстания германского пролетариата во имя завоевания политической власти. Это была только могучая рекогносцировка, глубокая разведка в лагерь расположения противника. Разведка предшествует сражению, но это еще не сражение. Германскому пролетариату необходима была эта глубокая разведка, как она необходима была нам в июльские дни. Несчастие в том, что в разведке пали два лучших военачальника. Это жестокий урон, но это не поражение. Битва еще впереди».

Выступая на собраниях, сходках, манифестациях, немецкие коммунисты с особым эмоциональным подъемом доводили до общественности пламенный призыв Троцкого продолжать борьбу за дело революции вождей КПГ: «Кровь Карла Либкнехта и Розы Люксембург вопиет. Эта кровь заставит заговорить мостовые Берлина, камни той самой Потсдамской площади, на которой Либкнехт первым поднял знамя восстания против войны и капитала. И днем раньше или позже на улицах Берлина будут из этих камней воздвигнуты баррикады против вернейших холопов и цепных собак буржуазного общества, против Шейдеманов и Эбертов! Карл Либкнехт и Роза Люксембург — такие вечные образы. Мы ощущаем их присутствие среди нас с поразительной, почти физической непосредственностью. Мы здесь испытываем остроту и горечь удара наравне с нашими немецкими братьями. В скорби и трауре мы так же интернациональны, как и во всей

нашей борьбе... Мы все связаны духовной, нерасторжимой связью».

На Волльвебера особое впечатление произвела меткая изобличающая оценка Троцкого «германской социал-демократии, предающей интересы рабочего класса; вожди которой, Шейдеман и Эберт, организуют черные банды для убийства» коммунистов. В этой оценке он видел убедительное подтверждение правильности своей точки зрения о необходимости разрыва отношений КПГ с оппортунистами НСДПГ в революционной борьбе за власть советов. Эрнст считал, что именно предательство социалистов стало причиной гибели вождей компартии, поражения восстания берлинского пролетариата. Носке и Канарис цинично использовали предателей, мобилизовав для подавления протестных выступлений рабочих морские соединения Добровольческого корпуса и монархические части «Железной дивизии». Волльвебер был убежден, что эти же контрреволюционные силы будут брошены на подавление Бременской Советской республики. Враги Советов понимали, что компартия, потеряв опытных, популярных лидеров, загнанная в подполье, находится в тяжелом положении и вряд ли сможет дать отпор хорошо организованным вооруженным правительственным войскам. Непримиримая борьба Волльвебера с Носке и Канарисом набирала обороты.

Руководство Советской России дало указание разыскать и наказать убийц вождей немецких коммунистов. Со специальным заданием для проведения такой операции в Нидерланды, где скрывались преступники, был направлен видный представитель первого поколения советских разведчиков Исидор Мильграм.

***Справка**. Исидор Мильграм (он же Шмидт, Бильграмов) родился в 1896 году в городе Калиш Калишской губернии (бывшая русская Польша). Отец его был рабочим, позже стал мастером на кружевной фабрике. С десяти лет там же трудился и Исидор — сначала подручным монтера, потом — слесаря. Когда немецкие войска во время Первой мировой войны оккупировали родной город Исидора, его угнали в Германию. Там он работал слесарем на угольной шахте в Саксонии, на берлинской городской железной дороге. Активно участвовал в рабочем движении.*

В 1916 году стал членом партии большевиков. Помогал Карлу Либкнехту в организации первомайской демонстрации немецкого пролетариата на Потсдамской площади, прошедшей под лозунгом «Долой войну!» Мильграма арестовали, несколько месяцев он провел в тюрьме. Затем был отправлен на принудительные работы на завод Круппа в Рурской области, откуда бежал в Голландию. В Роттердаме активно занимался профессиональной партийной работой, вел агитацию среди военнопленных.

В конце 1918 года голландские коммунисты получили сведения о том, что местные спецслужбы подготовили список подлежащих аресту русских большевиков, в который был включен и Мильграм. Он ушел в подполье, скрывался в Амстердаме, затем выехал через Германию в Россию. В январе 1919 года был направлен Львом Караханом, в то время заместителем наркома по иностранным делам, в Нидерланды с особым поручением НКИД РСФСР. 11 января на границе был арестован. Восемь месяцев содержался в тюремной крепости Вирикерсханса как «иностранец, представляющий угрозу общественному порядку и безопасности страны». В этот период он готовил покушение на заключенного в той же тюрьме убийцу Карла Либкнехта и Розы Люксембург лейтенанта Фогеля. Узнав об этом, местные власти решили выслать Мильграма в Ревель для передачи в руки белогвардейского генерала Юденича. В Данциге Мильграму удалось бежать, он добрался до Бельгии. В Брюсселе устроился на работу слесарем на заводе.

В июле 1920 года Мильграм вместе с другими политическими эмигрантами прибыл в Советскую Россию, и сразу же был направлен для работы в Коминтерн. В архиве КИ сохранилось письмо № 1843 от 2 августа 1920 года в ЦК РКП(б) следующего содержания: «Исполком Коммунистического Интернационала посылает в Ваше распоряжение тов. Мильграма, члена Голландской коммунистической партии, вернувшегося из-за границы, как владеющего польским языком, согласно постановлению о мобилизации коммунистов, говорящих по-польски».

Уже на другой день, 2 августа, Мильграм получает на руки такое удостоверение: «Центральный Комитет РКП(б) командирует тов. Мильграма И. В. в ПУР по партийной мобилизации для направления на Западный фронт в распоряжение Польского Бюро ЦК». В период войны с Польшей он становится сотрудником разведки штаба армии Западного фронта, под фамилией Шмидт выполняет специальные разведывательные задания за кордоном.

В 1921 году был направлен на работу во внешнюю разведку, участвовал в боях при подавлении мятежа в Кронштадте. Первым ответственным заданием для Мильграма в Иностранном отделе ГПУ стала поездка в составе советской делегации на Гаагскую конференцию 1922 году. В 1922–1924 годах находился на нелегальной работе в Германии, потом в Греции, где был арестован по причине предательства одного из членов ЦК компартии Греции. Через три месяца был выпущен из тюрьмы в результате его обмена на второго секретаря греческого посольства в Москве.

В 1926 году назначен «легальным» резидентом ИНО ОГПУ в Шанхае, где работал под прикрытием должности вице-консула, затем — генерального консула под псевдонимом Мирнер. В 1928 году направлен для выполнения специальных разведывательных заданий в постоянное представительство ОГПУ в Минске. В 1929 году вновь выехал на нелегальную работу в Германию, где за успешное выполнение оперативных заданий награжден именным пистолетом марки «Зауэр».

С 1930 по 1934 год — слушатель Института красной профессуры, преподаватель специальных дисциплин в Высшей школе ОГПУ.

В 1937 году арестован по обвинению в троцкисткой деяительности, «направленной на ведение борьбы против руководства компартии Германии, Коминтерна и ВКП(б)», шпионаже в пользу Германии. Приговорен к высшей мере наказания — расстрелу, который «приведен в исполнение в городе Москве 10 марта 1938 года».

Волльвебер и Мильграм будут совместно работать при выполнении заданий по линии Коминтерна и подготовки революции в Германии в 1923 году.

Эрнст не ошибся в намерениях Носке воспользоваться ослаблением коммунистов после гибели вождей КПГ и задушить Бременскую республику. Необходимость «наведения по-

рядка» в Бремене военный министр обосновывал поступавшими от жителей «воззваниями о помощи» от произвола новой власти, а также перебоями в перевозках через город «жизненно важных продуктов» в Германию по вине Советов: «Первым городом, потребовавшим нашего вмешательства, был Бремен, — пишет Носке. — Только что завоеванные политические свободы были здесь грубо нарушены. Независимые немедленно после революции захватили в свои руки первым делом местную газету нашей партии. Свобода печати и собраний была жестоким образом подавлена. Насилию подвергались и буржуазные органы прессы. Касса нашей политической фракции была реквизирована, из банков насильственным путем взят текущий счет «Бремер бюргер-цайтунг». Вернувшийся с театра военных действий Бременский полк был коварным образом обезоружен... От населения Бремена стали поступать к правительству одно за другим воззвания о помощи. Положение Бремена и неуверенность, царившая в нем, являлись серьезной угрозой для привоза жизненно важных продуктов в Германию».

Волльвебер, члены правительства СНК знали, что так называемые «воззвания о помощи» направляют в Берлин изгнанные из бременского Совета правые социал-демократы, бывшие представители городского сената, буржуазных партий, офицеры полка. Противники БСР всячески старались посеять раздор в рядах коммунистов и независимых социалистов, помешать работе народных комиссаров, натравить на СНК недовольные военные части гарнизона. 14 января, сразу после подавления восстания рабочих в Берлине, отряд офицеров и солдат полка поднял бунт, заняв в Бремене несколько правительственных зданий, вокзал, мосты. Затем мятежники попытались захватить верфь «Везер», основной опорный пункт коммунистов, но были встречены вооруженным отрядом докеров и моряков. В сражении были убитые и раненые с обеих сторон. Натолкнувшись на решительный отпор рабочих, бунтовщики отступили.

Мятеж военных стал первым сигналом, свидетельствующим о намерении Берлина уничтожить Бременскую Советскую республику. На заседании правительства народные комиссары пришли к единому мнению о необходимости готовиться к защите власти советов. Они выразили благодарность вооруженному отряду портовиков верфи «Везер», который фактически спас БСР от контрреволюционного переворота. Этот отряд создавался по инициативе Волльвебера. Комиссары попросили его заняться подготовкой дополнительных отрядов обороны на предприятиях. Эрнст предложил создать на основе разрозненных отрядов рабочих и революционных солдат Красную армию, обещав пополнить ее ряды знакомыми ему опытными моряками из Киля, Гамбурга, Бременхафена, Куксхафена.

Потерпев неудачу с путчем офицеров, Носке и его приспешники в Бремене перешли к тактике саботажа и изоляции непокорной республики. Для экономического удушения БСР организовали бойкот банков в предоставлении правительству СНК займов на финансирование социально-политических программ производства, занятости, трудоустройства безработных, введения 8-часового рабочего дня. Берлинские финансовые учреждения открыто заявили, что о выдаче кредитов Советам не может быть и речи. Бременские банки обусловили выделение займа рядом политических требований: отмену «осадного положения», цензуры, введение выборного управления.

Коммунисты требовали принять решение о конфискации золотовалютных средств, находящихся на хранении в бременских банках, которых хватило бы надолго, и провести национализацию предприятий. Но 18 января правительство СНК, несмотря на возражения коммунистов, приняло требование банков о проведении выборов в Народное представительство республики в обмен на получение кредитов. Выборы были назначены на 9 марта 1919 года.

В руководстве СНК произошел раскол. Представители КПГ заявили о выходе из правительства БСР, что фактически означало прекращение его деятельности. Для управления городом был образован Временный совет из независимых социалистов и социал-демократов.

Разбродом в управлении, трудностями в экономике БСР не преминул воспользоваться Носке. 29 января он отдал приказ о проведении военной операции, направив в Бремен дивизию рейхсвера под командованием полковника Герстенбергера: «Представления, сделанные нами тамошним радикалам, ни к чему не привели. Ничего больше не оставалось, как восста-

новить порядок силой оружия, — отмечает он в мемуарах. — Мы послали туда отряд под начальством Герстенбергера, к которому была присоединена кильская морская бригада. Но тут в дело вмешались гамбургские социал-демократы и Совет солдатских депутатов IX армейского корпуса в Альтоне, причем один из его членов, некто Поль, вел себя как человек, одержимый манией величия. Совет этот писал нам: «Депутаты солдатского совета IX армейского корпуса горячо протестуют против посылки войск в область его расположения. Советы решили сами всемерно поддерживать порядок. В поступке правительства мы усматриваем объявление войны IX армейскому корпусу и готовимся сделать необходимые отсюда выводы... Мы требуем немедленно отозвать войска, посланные в места, находящиеся в пределах расположения IX армейского корпуса».

Упоминаемое Носке «вмешательство солдатского совета IX армейского корпуса» в дело защиты БСР было инициировано Волльвебером. На переговорах с революционно настроенными солдатами корпуса он убедил их выступить с соответствующим заявлением, сославшись на правомерность такого вмешательства тем обстоятельством, что Бремен в военной сфере входит в зону ответственности IX армейского корпуса. Любые военные действия в этой зоне со стороны других армейских частей должны быть согласованы с Советом солдат IX корпуса. Бременские коммунисты заручились поддержкой соратников гамбургской организации КПГ во главе с Эрнстом Тельманом, обещавших в случае обострения конфликта с Берлином выслать на помощь Бремену вооруженный рабочий отряд.

О солидарности с Бременской республикой заявил Совет солдатских депутатов города Куксхафена. На встрече Волльвебера с солдатами и матросами там было принято такое обращение: «Солдаты и рабочие, защитники народных прав! Реакция задумала нанести решительный удар с целью уничтожить все завоевания революции. Вас хотят опять отдать под начальство старых, столь ненавистных вам офицеров. Поход против Бремена должен привести к полному поражению рабочих и солдат, освобожденных от тисков милитаризма. Вот для чего собрали такую огромную армию офицеров, наемников и белогвардейцев. Если падет Бремен, то постепенно уничтожат Советы

сперва во всех городах и селениях береговой полосы, а потом и во всем государстве.

На помощь бременцам спешат воинские подразделения IX армейского корпуса. Создаются новые отряды рабочих и солдат. Скоро будет готова хорошо вооруженная и снабженная армия решительных революционеров, которые быстро бросятся вперед, чтобы уничтожить эти банды белогвардейцев под командой контрреволюционеров. Долой рабство, владычество капитала и военной диктатуры! Совет солдатских депутатов в Куксхафене».

Поступавшие в Берлин многочисленные обращения Советов против военной операции заставили Носке отложить направление войск в Бремен. В штабе главнокомандующего собирали сведения и анализировали соотношение сил противоборствующих сторон. Носке вел хитрые переговоры с Временным советом, обещая не направлять дивизию против Бремена в обмен на выполнение своих условий, означавших фактически уничтожение Бременской республики: «Мы пришли к решению довести дело с Бременом до конца, так как в противном случае правительство может считать себя ликвидированным, ибо никто уважать его не станет. Поэтому мы должны рисковать всем. Все предложения гамбургцев были отклонены. С своей стороны мы потребовали: «Временный совет должен быть немедленно распущен. И в понедельник должен быть избран новый совет согласно распределению голосов, полученному при выборах в Национальное собрание. Оружие должно быть немедленно выдано вновь избранному совету, который передаст его дивизии Герстенбергера. При точном исполнении всех этих условий последняя будет тотчас же отозвана».

Волльвебер, знавший по Килю коварную тактику Носке, убеждал членов Временного совета не верить обещаниям, серьезно готовиться к обороне республики. Но «независимцы», боявшиеся вооруженного столкновения с правительственными войсками, выдвинув лозунг «предотвращения братоубийства социалистов», направили в Берлин компромиссные предложения: «Временный совет уйдет в отставку, вместо него будет избран новый совет, составленный из всех социалистических партий пропорционально полученным каждой из них голосам при выборах в рабочие

и солдатские Советы. Вооруженные рабочие согласны выдать оружие имеющим прибыть гамбургским и бременхафенским войскам, которые берут на себя защиту Бремена и организацию охраны в нем. Дивизия Гестенбергера должна остаться на своих местах и не препятствовать вступлению гамбургских и бременхафенских отрядов. По вступлению их дивизия уходит обратно».

Ответа на эти предложения из Берлина не последовало. Носке, почувствовав беспомощность, пораженческие настроения и неспособность Временного совета оборонять БСР, распорядился ни в какие переговоры с Бременом не вступать. 4 февраля он отдал приказ дивизии Герстенбергера к наступлению. Правительственные войска подступали к городу двумя колоннами вдоль рек Везер и Аллер.

Получив сообщение о продвижении частей Гестенбергера к городу, Временный совет собрался на экстренное заседание. Но вместо принятия срочных решений об организации обороны республики входящие в него уполномоченные требовали немедленно связаться с Берлином для выяснения ответа на их предложения о выборах нового совета. Лидер «независимцев» Альфред Хенке заявил, что он спешно отбывает в Берлин для встречи с Носке с целью предотвращения «братоубийственного вооруженного конфликта».

Коммунисты во главе с Волльвебером успели мобилизовать отряды Красной армии, вооружить докеров и рабочих верфи «Везер». Они связались с матросами Гамбурга, Бременхафена и Киля, которые направляли для обороны БСР вооруженные отряды добровольцев-революционеров. К сожалению, эти отряды прибыли слишком поздно и не смогли пробиться на выручку окруженному Бремену. В результате ожесточенного боя город был взят войсками Герстенбергера. В перестрелке погибли 29 вооруженных рабочих и гражданских лиц: 18 мужчин, 5 женщин, 6 детей; со стороны правительственных частей — 24 солдата. Революционная власть в БСР была свергнута. Комендантом Бремена стал полковник Герстенбергер, который первым делом ввел осадное положение, вернул к управлению городом сенат, запретил издание журнала «Коммунист».

Носке торжествовал: «Я правильно оценил полноту власти Совета и всей этой толпы героев... Бремен был взят после боя,

длившегося один день, — пишет он в мемуарах. — Гамбургский коммунист д-р Лауфенберг, находившийся в это время в Берлине, потом называл своих бременских единомышленников «смесью из слабости, неспособности, дилетантства и наклонности к мятежу». Бременские вожди, доведшие дело до крайности, повели себя необыкновенно трусливо, когда дело дошло до решительного боя. Они попросту сбежали. Первым сделал это бременский депутат Хенке. Гамбургские солдаты, пожилые опытные люди, отзывались о поведении бременских главарей на основании того, что им лично пришлось видеть, в высшей степени неблагоприятно. Они утверждали, что действительно, более чем странно, что депутат Хенке в эти критические дни уехал из Бремена в Веймар, и уверяли, что среди всех этих радикальных вождей не было ни одного, кто мог бы создать какую-нибудь организацию и кому можно было бы доверить начальство над кем бы то ни было».

Бременская Советская республика пала на глазах Волльвебера в результате оппортунизма, предательства независимых социалистов и социал-демократов, вновь сыгравших, как и в Киле, пагубную роль в революционной борьбе коммунистов за власть советов. Отныне Эрнст будет жестко выступать против какого бы то ни было союза, сотрудничества Компартии с СДПГ, подозревая всех социал-демократов в предательстве дела завоеваний власти советов по российскому образцу.

Тем не менее, радостные дни создания и провозглашения БСР останутся в его памяти надолго. Участвуя в заседаниях Совета Народных Комиссаров, Эрнст получил бесценный опыт советского строительства, организации военных отрядов Красной армии, практической работы в Советах рабочих и солдат. Опыт красного Бремена примечателен еще и тем, что Бременская Советская республика стала единственным советским образованием в Германии, которое смогло взять и удерживать власть на всей административной территории этой земли. Баварская Советская республика, например, несмотря на все свое значение, смогла утвердиться лишь в баварской столице — Мюнхене. Поэтому память о советском Бремене живет в Германии и поныне. В 1922 году на могиле павших защитников республики был установлен памятник, на открытии которого участвовали более

8 тысяч бременцев. Ежегодно 4 февраля почтить память революционеров собирается несколько тысяч человек. Как правило, организатором этих ежегодных церемоний является Общество лиц, преследовавшихся при нацизме. В феврале 2019 года немецкие профсоюзы устроили торжественное празднование 100-летней годовщины БСР.

Пребывание Волльвебера в Бремене примечательно еще одним важным событием в его жизни как будущего разведчика — знакомством с представителем Советской России Феликсом Вольфом, находившимся в Германии для оказания «помощи восставшему германскому пролетариату в революционной борьбе за власть советов». На первой же встрече они находят общий язык, их взгляды на революционные события в России и Германии совпали. Вольф был хорошо осведомлен о кильском восстании матросов, проявив к рассказу Эрнста о тех событиях неподдельный интерес. Он попросил составить записку об основных действующих лицах и организациях Ноябрьской революции в Киле. Так Волльвебер впервые попал в поле зрения советской разведки.

***Справка**. Феликс Вольф (он же Владимир Инков, Владимир Богданович Котлов, настоящее имя Вернер Готтальдович Раков). Родился в 1893 году в Адзель-Койкюль (Лифляндия) в семье лесничего, немец. В 1900 году семья переехала в Германию. Вернер окончил гимназию, стажировался в банковских структурах Ганновера. В 1914 году вернулся в Россию, работал бухгалтером на резиновой фабрике «Треугольник» в Петрограде. После начала Первой мировой войны был интернирован, выслан на поселение в Вологду, затем в город Ирбит Пермской губернии, работал на железной дороге. После Февральской революции становится одним из организаторов большевистской группы в Ирбите. Спасаясь от ареста, переезжает в Омск, где создает одну из крупнейших в Сибири организаций военнопленных. Участник Октябрьской революции и Гражданской войны. В боях с белочехами был ранен. Летом 1918 года приезжает в Москву, работает редактором газеты «Мировая революция» на немецком языке. ЦК РКП(б) направляет его в Белоруссию, где Вернер ведет революционную пропаганду среди солдат германо-австрийских войск.*

В декабре 1918 года с группой К. Радека направляется в Германию для оказания «помощи восставшему германскому пролетариату в революционной борьбе за власть советов», участвует в учредительном съезде Коммунистической партии Германии, создании Бременской Советской республики. Как нелегал ведет партийную работу по подготовке революции по российскому образцу в Гамбурге, Кёнигсберге, на Балканах. С 1920 года — информатор Малого бюро Коминтерна, сотрудник Западноевропейского секретариата КИ в Берлине. В 1922 году становится оперативным работником Разведывательного управления Штаба РККА, легальным резидентом советской военной разведки в Австрии. В 1923–1924 годах — руководитель разведывательного отдела военного аппарата КПГ, в 1925–1927 годах — первый резидент Разведупра в США.

В 1928 году исключен из ВКП(б) «за принадлежность к троцкистской оппозиции», восстановлен в партии в июне 1929 года. Под фамилией Котлова Владимира Богдановича работает на руководящих должностях в химической промышленности, издательстве. Вновь исключается из партии за «фракционную, антипартийную работу против КПГ» в 1933 году; восстанавливается в партии решением Интернациональной контрольной комиссии ИККИ в июле 1934 года. Арестован 14 сентября 1937 года и приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно в 1991 году.

В Германию Раков прибыл под видом освобожденного австрийского военнопленного по паспорту некоего Карла Феликса Вольфа. В Берлине, участвуя в работе учредительного съезда КПГ, получил задание оказать помощь Совету РСД в установлении советской власти в Бремене. Вольф и Волльвебер, правильно оценив революционную ситуацию в городе, сыграли решающую роль в захвате и удержании власти советов в провозглашенной республике. Потом они будут вместе работать, выполняя разведывательные задания Москвы, по линии Коммунистического Интернационала, в военном аппарате КПГ, готовя революцию в Германии в 1923 году.

После уничтожения БСР народным комиссарам и руководящим деятелям Совета пришлось скрываться от ищеек Носке.

Некоторые коммунисты — Иоганн Книф, художник Генрих Фогелер, социалисты Адам Фразункевич, Курт Штермер перейдут на нелегальное положение. Во время скитания по тайным укрытиям у Книфа обострятся болезни, и в апреле 1919 года он скончается. Фогелер скроется у друзей-художников, создавая картины и фрески, посвященные революционной борьбе. В 1923 году он станет инициатором образования Общества друзей новой России, совершит поездку в Советский Союз, женится на дочке председателя Исполкома Международной организации помощи борцам революции (МОПР) Юлиана Мархлевского, будет выполнять поручения по линии МОПРа.

Волльвебер затаится у моряков Куксхафена, объявленный местным Советом солдат «свободным коммунистическим городом». Куксхафенская газета опубликует воззвание к немецкому пролетариату, в котором слышны слова и мысли Эрнста: «Правительственные войска заняли Бремен. Измена Эберта-Шейдемана делу пролетариата становится с каждым днем очевиднее. Кровь, пролитая ими в течение этих недель, падет на их головы. Рабочие, собирайтесь немедленно в своих мастерских! Изберите новые советы! В эти советы не должен попасть ни один изменник, ни один единомышленник Эберта-Шейдемана. На их руках кровь рабочих! Восстаньте с удвоенными силами! Пролетарская революция должна победить! Вся власть Советам рабочих и солдатских депутатов!»

Носке не мог терпеть столь дерзкие призывы и обвинения в адрес правительства «коммунистического города». «За занятием Бремена пришлось снарядить такую же экспедицию сначала в Бременхафен, откуда вооруженные люди явились в Бремен, а потом в Куксхафен, где Совет солдат вел себя особенно возмутительно, объявив его между прочим свободным коммунистическим городом, — пишет он в мемуарах. — Но и здесь, как и в Бремене, вожди заблаговременно сбежали, и до боев, к счастью, дело не дошло».

Волльвебера своевременно предупредили о карательной «экспедиции» против Куксхафена. Знакомые моряки помогли ему укрыться на барже, отправлявшейся в Гамбург. Оттуда Эрнст, утомленный бурными революционными событиями, переменой мест жительства, городов, слежкой шпиков, отправился водным

путем, на перекладных, где пароходом, где попутным буксиром или баржей, на родину, в Мюнден. По пути друзья-моряки передали ему газету «Роте фане», печатный орган КПГ с воззванием к «Рабочим, пролетариям!», которое Волльвебер прочитал с большим удовлетворением, поскольку оно отвечало его убеждениям и душевному настрою: «Снова пришел час! Г. г. Эберт-Шейдеманы решили заковать вас в цепи, отнять плоды революции, пустив ход парламентские прения и политическое шахермахерство партий. «Рабочий» Носке нагромоздил целые горы трупов немецких рабочих. Он по неделям торчит, как варвар, со своими бандами в тех местностях, где живут рабочие... «Социалистическое» правительство Эберт-Шейдеман-Носке стало палачом немецкого пролетариата. Они только выжидают подходящего случая, чтобы броситься «наводить порядок». Берлин, Бремен, Вильгельмсхафен, Куксхафен, Вестфален, Гота, Галле, Дюссельдорф — вот кровавые этапы крестового похода, совершенного Носке, против немецкого пролетариата. Тысячи наших братьев избиты, заключены в тюрьмы, опозорены, коварно зарезаны, застрелены, как бешеные собаки.

Подумайте! Господа Эберт-Шейдеман-Носке — самые злые смертельные враги революции. Из-за министерских кресел они продали вас буржуазии. Они изменили и предали вас с первого же дня, убивая вас каждый день.

Рабочие-товарищи! Будьте сознательными! Революция может идти вперед, только лишь переступив через трупы этих «социалистов». Долой Эберта, Шейдемана, Носке! Долой изменников и предателей! Ваши братья бастуют! Капиталисты шатаются. Правительство близко к падению. Рабочие-пролетарии! Не медлите! Вперед на новую борьбу за революцию! Собирайтесь вместе, просвещайте малосознательных и отсталых! Строжайшая дисциплина! Величайшая осторожность и предусмотрительность! Железная воля! Вся власть советам рабочих!»

* * *

Скоротечный весенний дождик, брызнувший из пробежавшей тучки, смочил утренней свежестью пыльные улицы Мюндена. Эрнст шел знакомой «дорогой сказок», по которой некогда

путешествовали знаменитые сказочники братья Гримм, неспешной походкой усталого человека, ловя взглядом с детства врезавшиеся в память старинные башни средневековой крепости, дворцы герцогов эпохи Возрождения, фахтверковые дома бюргеров, массивные, каменные мосты через Верру, Фульду и Везер, на которых стоит родной город трех рек.

Сойдя на немноголюдной пристани, он намеренно отправился пешком не прямо к родному дому, а окольным путем, чтобы убедиться, нет ли слежки. Придя в парк к привычному месту, где в школьные годы встречался с друзьями, сел на скамейку, облегченно вздохнул. Вокруг было тихо и спокойно. Воздух наполнен ароматом цветов, распустившихся почек молодой листвы. В еле уловимом дуновении ветерка слышалась милая мелодия капели, шорох и шелест ветвей деревьев. Эрнст почувствовал, как со дна души встают все ее радости и боли, все ее светлые, лучшие побуждения. Вспомнились трогательные, нежные волнения первой влюбленности в подружку сестры, веселые сходки друзей с песнями под гитару, прощальный костер, в котором на глазах товарищей он сжег свидетельство об окончании школы. Где теперь эти друзья? Что делают? Живы ли?

Странно все-таки устроен человек. У себя на родине он часто ворчит на местные недостатки, порой сердится на поведение сограждан и мечтает уехать куда-нибудь подальше, побродить по свету. А когда уедет, то начинает тосковать по недостаткам и странностям своей родины и грезить теперь уже о том, как вернется в родной приют, затопит печку и, сидя на корточках, будет греться, смотреть на огонь, радоваться возвращению.

Точно такое чувство владело Волльвебером все время, пока он плавал на подводных лодках, служил и работал в Гамбурге, Киле, Бремене. Вроде большие, красивые города, где можно закружиться, загуляться. Но, нет. Мюнден со старинными, узенькими улочками, родительский дом постоянно жили в нем, тянули к себе. Вот и знакомая калитка! Кажется, стоит только открыть ее и вновь войдешь в счастливый мир детства и юности. Как сильно бьется сердце, как быстро несутся мысли об отце, матери, братьях и сестрах. Только перешагнул порог родного дома, как тихие стены его сразу оглашаются радостными приветствиями, восклицаниями встречи. Сестренки кидаются на шею, обнимают,

забрасывая вопросами и новостями. Не знаешь, на что отвечать, кого слушать. Впрочем, этого никто и не требует. Так уж бывает при встрече, и, наверное, поэтому всегда с таким нетерпением ждут гостя, поскольку он своим приездом нарушает привычную жизнь родного дома, привозит с собой что-то новое, волнующее, собирает родных и близких за праздничным столом.

Проснулся Эрнст от ярких солнечных лучей. Они пронизывали всю комнату, отражаясь в зеркале, фотографиях, висевших на стене, статуэтках этажерки, в складках одеяла. С кухни доносились знакомые, вкусные запахи — мать пекла пироги. Эрнст впервые за многие годы невольно улыбнулся от счастливой мысли, что он в родном краю, где можно жить спокойно и содержательно.

В беседе за завтраком выяснилось, что его друзья тоже вернулись, приходили, спрашивали о нем. В городе жизнь трудная, безработица, перебои в снабжении продовольствием, беспорядки и грабежи лихих людей. Последняя, тягостная новость, рассказанная матерью: в саду повесился шестнадцатилетний парень. Причина самоубийства не ясна, ходят слухи: то ли от несчастной любви, то ли из-за ссоры с родителями, то ли это дело рук бандитов. Но все догадки обычно завершаются сетованием:

— Жизнь-то уж больно тяжелая... Одни напасти... Вот и не устоял...

С друзьями Отто Майером и Карлом Риесом Волльвебер встретился на романтическом месте — слиянии трех рек у «Везерского камня» с надписью:

Там, где целуются Верра и Фульда,
Им придется поплатиться своими именами.
И здесь в результате этого поцелуя возникает
Немецкая до моря река Везер.

Мюнден, 31 июля 1899 года

Крепко обнявшись, троица радостно направилась в ближайший ресторан, оживленно обмениваясь репликами.

— Эрнст, ты и не представляешь, как мы рады тебя видеть живым и здоровым, — воскликнул Риес. — Ходили слухи, что тебя ранили и захватили кровожадные ищейки Носке. А ты тут как тут. Скажи, была такая опасность?

— Не буду скрывать... Атмосфера была горячей. На моих глазах застрелили троих боевых товарищей. Кровавой собаке я этого никогда не прощу... А как, Горбунок, здесь революционные события проходят?

Горбунком Карла Риеса прозвали в школьные годы. Играя в футбол, он был самым шустрым, высоко прыгал, головой забивая мячи в ворота.

— У нас тут относительно спокойно... Все напуганы сообщениями о карательных расправах с революционерами в Берлине, Бремене, Гамбурге Особенно много всяких толков об убийстве Либкнехта и Люксембург.

* * *

В беседе друзья ввели Волльвебера в курс дел и проблем общественно-политической жизни Мюндена. Оказалось, городом по-прежнему управляет старая администрация из представителей социал-демократов и буржуазных партий. Революционное движение за власть советов было слабым, не имело широкой поддержки. В городе не нашлось лидера, активистов, которые могли бы объединить левые силы, возглавить выступления за избрание Совета рабочих и солдатских депутатов.

Здесь следует пояснить своеобразие революционных событий в Германии 1918–1919 годов. Леворадикальные силы, коммунисты связывали будущее своей страны с ликвидацией монархии, буржуазных порядков в ходе победоносной социалистической революции в союзе с Советской Россией. Это стремление, однако, не разделялось не только большинством немецкого народа, но и значительной частью рабочего класса, находившимся под стойким влиянием реформистской социал-демократической идеологии. Широко распространенные в среде рабочих, крестьян буржуазно-парламентские иллюзии позволили лидерам социал-демократии и правому руководству социалистов НСДПГ, которое во всех основных вопросах следовало за СДПГ, расколоть революционное движение, создать контрреволюционное правительство Эберта-Шейдемана, провозгласившее себя «социалистическим».

Фридрих Эберт, безусловно, сыграл выдающуюся роль в революционные годы. Именно он в конечном счете «отрежиссировал» революцию, переиграв всех своих противников. Эберт, получивший в юности профессию шорника, не окончивший даже средней школы, не был ни партийным теоретиком (по его признанию, он несколько раз приступал к чтению «Капитала», этой библии социалистов и марксистов всех времен и народов, но не осилил его), ни пламенным оратором (свои речи читал монотонным голосом с листа). Но он был великолепным, как сейчас сказали бы, менеджером, мастером компромиссов, уверток, обманных обещаний, интриг, всякий раз направлявшим политические события в нужное ему русло.

Сложилась парадоксальная ситуация — лидер партии, которая многие десятилетия утверждала, что социальная революция неизбежна, делал все, чтобы, когда эта революция стала явью, задушить ее. То, что происходило в 1919 году в Германии, иначе как гражданской войной не назовешь. Почти во всех промышленных центрах проходили вооруженные выступления рабочих, часто при поддержке солдат, которые подавлялись правительственными войсками с нечеловеческой, порой садистской жестокостью. Советские республики, провозглашенные в Бремене, Мюнхене, Брауншвейге, Бадене, были разгромлены, как если бы речь шла о вражеских городах. Берлин «усмиряли» дважды — в январе и марте. Этой смертельной вакханалией хладнокровно и целеустремленно руководил социал-демократ Густав Носке, военный министр в правительстве Эберта.

Забегая вперед, скажем, что офицеры, юнкера и солдаты контрреволюционных войск, привлекавшиеся для подавления рабочих восстаний, позднее составят костяк нацистских штурмовых отрядов СА, пробивавших Гитлеру путь к власти.

19 января 1919 года состоялись выборы в Национальное собрание (НС), в которых участвовали 30 миллионов избирателей. 54,4% мандатов получили представители буржуазных партий — Немецкая национальная народная партия (НННП), Немецкая демократическая партия (НДП), Христианско-демократичекая народная партия (Центр); 45,5% — СДПГ (включая НСДПГ). Одним из первых законодательных актов НС стал закон от 10 февраля 1919 года «О временной имперской власти», закрепивший право и обязанность Национального (учредительного) собрания создать новую германскую конституцию с пар-

ламентско-республиканским строем. Главой государства должен был стать президент.

Легко представить, как ликовал в ту пору Эберт: его политические замыслы свершились, через бурные революционные потрясения он прошел, как артист цирка по натянутому канату. 11 февраля 1919 года Фридрих Эберт был избран президентом Германской республики. 13 февраля Филипп Шейдеман сформировал правительство из представителей СДПГ, НДП, Центра.

Заметим, что победа Эберта в конечном счете стала пирровой. За шесть лет его президентства против него было возбуждено 170 судебных процессов. Его пытались привлечь к ответственности за проигранную войну, унизительные условия навязанного Германии Версальского мира, за хаос, голод, разруху послевоенной жизни. Офицерство, чиновничество, буржуазные «владельцы заводов, газет, пароходов»; преподаватели университетов, монархисты, консерваторы, левые всех мастей видели в Веймарской республике «уродливое детище» Эберта, которое необходимо устранить при первой возможности. В феврале 1925 года — за год до окончания президентских полномочий — Фридрих Эберт умрет.

Единственной политической силой, последовательно боровшейся за победу революции в Германии по российскому образцу, против оппортунизма СДПГ, была Германская коммунистическая партия, образованная на базе «Союза Спартак» 1 января 1919 года. В этом смысле Волльвебер был в первых рядах борьбы за власть советов, против контрреволюционного правительства Эберта-Шейдемана-Носке.

Прибыв в родной город, он с присущей ему энергией, настойчивостью приступил к созданию местной ячейки компартии. К реализации этого плана привлек друзей. Карл Риес помог Эрнсту устроиться на работу в строительную фирму, познакомиться с рабочими левых убеждений. Отто Майер способствовал вступлению в картель профсоюзов, где Волльвебер благодаря организаторским и ораторским способностям сразу привлек к себе внимание профсоюзных деятелей.

Общаясь в повседневной жизни, на работе со строителями и портовиками, Эрнст сформировал вокруг себя круг рабочих, профсоюзных активистов, симпатизирующих движению борьбы

за власть советов. Он организует сходки, на которых рассказывает об опыте работы Совета Народных Комиссаров Бременской Советской республики, о боях с контрреволюционными войсками Носке; знакомит с воззваниями и постановлениями Совета рабочих и солдатских депутатов. С особым интересом участники сходок читали обращение к пролетариату Совета «свободного коммунистического города» Куксхафена; призыв КПГ в связи с кровавым разгромом БСР: «Враги революции жаждут рабочей крови. Рабы капитала, Эберт-Шейдеман-Носке объявили белый террор. Революция должна быть свергнута, залита кровью, для того чтобы капитал мог продолжать свое грабительство, чтобы рабочий класс мог быть превращен в рабочий скот, наконец, чтобы голод и обнищание рабочих масс обеспечили оргии капиталистических паразитов.

Страх перед коммунизмом заставляет господ Эберта-Шейдемана-Носке творить отчаянные и безумные дела. Жажда крови гонит этих слуг капитала к все более преступным и отвратительным актам насилия. Сокрушив берлинских рабочих, они взялись за бременских. Господам Эберту-Шейдеману-Носке никогда не смыть той крови, которой обагрены их руки, и не стряхнуть с себя тяготеющего над ними Каинова клейма.

Пусть по всей стране разольется океан народного возмущения! На улицу! Бастуйте! Продолжайте революцию! Долой палачей рабочего класса! Долой Эберта, Шейдемана и Носке! Вся власть Советам рабочих и солдат!»

Уже после первых сходок и общения с Волльвебером о желании вступить в ячейку ГКП заявили 18 рабочих и портовиков. Из них 14 человек перешли к коммунистам из независимой социал-демократической партии (НСДПГ). Такое решение они приняли как под влиянием Эрнста, так и в силу общего развития политических событий в стране. Зверское убийство Либкнехта и Люксембург, кровавая расправа с Советами в Киле, Берлине, Бремене толкнули многих рабочих и солдат от оппортунистической НСДПГ к КПГ, которая все более успешно конкурировала с «независимцами», набирала популярность среди рабочих. О выходе из НСДПГ и вступлении в Коммунистическую партию Германии заявила Клара Цеткин. Выступая на съезде НСДПГ в Берлине 3 марта 1919 года, она подвергла уничтожающей кри-

тике непоследовательную, колеблющуюся политику руководства «независимцев», охарактеризовав их деятельность «грехопадением и возвратом к старой буржуазной политэкономиии». По ее словам, не люди существуют для производства, а производство для людей. «Решающим для нас должно быть, какой способ производства должен оживить хозяйство: социалистический или господствующий капиталистический», — подчеркнула К. Цеткин, выступив в защиту Советской России.

Авторитет и популярность только что появившейся ячейки КПГ существенно возросли после того, как коммунисты под руководством Волльвебера организовали дерзкое нападение на воинскую часть правительственных войск. В Мюнден прибыл товарный поезд с тяжелым вооружением эвакуированного полка с Западного фронта. Знакомые матросы донесли, что платформы с танками практически не охраняются. Собрав ячейку, Эрнст предложил план захвата танков для демонстрации требования проведения выборов в Совет рабочих и солдатских депутатов Мюндена. Ночью налетчики угнали два танка, украсили их красными знаменами, цветами, изготовили транспарант с лозунгом «Вся власть Советам!» Утром изумленные жители тихого городка были разбужены грохотом танков, выехавших на центральную рыночную площадь. Развернувшись, они навели стволы пушек на ратушу.

Волльвебер с высокого крыльца парадного входа произнес пламенную речь, объявив о победе социалистической революции в Мюндене: «Рабочие, граждане Мюндена! Начинается новая эпоха! Следует немедленно сформировать народное представительство, облеченное доверием масс. Избрать Совет рабочих и солдатских депутатов, который обеспечит в городе мир, порядок и безопасность. Немедленно начнет проводить в жизнь глубокие социальные и политические реформы.

Мы имеем танки и никого не боимся! Пусть нас боятся пособники капиталистов, контрреволюционеры и палачи рабочего класса Эберт-Шейдеман-Носке! Солдаты, находящиеся в казармах, избирают солдатские советы для самоуправления и поддержания дисциплины. Офицеры, которые не оказывают сопротивления новому порядку вещей, могут дальше беспрепятственно нести свою службу.

Мюнденцы! Окажите доверие великим событиям, которые подготавливаются в эти судьбоносные дни! Сохраняйте спокойствие, принимайте участие в строительстве нового мира!»

Собравшиеся на площади жители с любопытством осматривали усыпанные цветами и красочными лозунгами танки, озадаченно спрашивая друг друга, зачем эти опасные орудия находятся у ратуши, кто организовал этот необычный митинг. Выслушав зажигательную речь, настороженно взирали на оратора, никак не реагируя на призыв «строить новый мир». Волльвебер, видимо, и не ожидавший откликов, в сопровождении вооруженной команды направился в ратушу, где заявил напуганным чиновникам о переходе власти в городе к Временному совету рабочих и солдат, потребовав покинуть здание. Те без возражений послушно удалились. В освободившихся кабинетах разместились назначенные Волльвебером представители советской власти. Сам он, избранный к этому времени на должность второго председателя профсоюзного картеля строителей, стал во главе Совета.

Несколько дней новые городские начальники дневали и ночевали в ратуше, выпуская обращения к жителям собраться на массовый митинг, чтобы принять решение о проведении выборов в Совет рабочих и солдатских депутатов. На призыв откликнулись человек сорок. Придя к ратуше, они, беспорядочно перекрикивая друг друга, спрашивали, что надо делать, какую работу предложат. Успокоив крикунов, Волльвебер заявил, что советская власть найдет занятие каждому рабочему, необходимо только обеспечить приход к управлению городом рабочих и солдат. Он выразил готовность познакомиться и побеседовать с каждым, кто этого пожелает. Выяснилось, что большинство из собравшихся у ратуши — безработные, нищие, озлобленные на власть, капиталистов и чиновников; а также солдаты, эвакуированные с фронта, оказавшиеся на родине не у дел, брошенные на произвол судьбы. Они высказывались за смену городской власти, которая не в состоянии обеспечить их работой. Охотно согласились вступить в компартию, выступающую за передачу управления в городе избранному совету рабочих и солдат.

Эрнст обещал всех принять, как только будет выполнено первое задание партии — агитировать знакомых, соседей, жителей

в поддержку проведения массового митинга с целью принятия решения о проведении выборов депутатов в Совет рабочих и солдат.

— Идите, агитируйте и никого не бойтесь, ни полиции, ни начальников, ни бога, ни чёрта... Если кто-то вас обидит или задержит, мы обязательно придем на помощь, защитим, обидчиков накажем... Танки перед ратушей стоят наготове и ждут только нашей команды, — напутствовал Эрнст земляков.

Все это время представители законной власти Мюндена пребывали в растерянности, беспомощно наблюдая за противоправными действиями дерзких своевольников. Узнав, что во главе самозванцев стоит отчаянный революционер Волльвебер, известный по кровопролитным, революционным восстаниям в Киле и Бремене, они пришли в ужас. На многочасовых совещаниях бесконечно обсуждали, что же делать, но так и не смогли принять разумного решения. Ограничились подготовкой донесения о сложившейся нетерпимой ситуации в связи с захватом власти в городе крамольниками, приложили к нему обращение к горожанам Волльвебера, направили эти документы в Берлин и стали ждать ответа сверху. Но правительство в столице в это время было по горло занято решением куда более сложных, чем в Мюндене, проблем нарастания революционных восстаний рабочих по всей стране. Кульминационными моментами этих событий стали провозглашения Советских республик в Аугсбурге, Брауншвейге, Баварской Советской республики в Мюнхене. В Берлине набирала силу объявленная Советом РСД мощная всеобщая антиправительственная забастовка. Военный министр Носке вынужден был ввести в столице осадное положение. Чтобы сбить накал забастовочной борьбы, ослабить Советы, он издал приказ о роспуске всех Советов солдатских депутатов в частях германской армии. В дополнение к нему отдал чудовищное распоряжение: «Всякий, задержанный с оружием в руках и оказавший сопротивление правительственным войскам, подлежит расстрелу на месте». Следствием этих кровожадных приказов стали многочисленные жертвы среди граждан: только в Берлине в вооруженных столкновениях забастовщиков с карателями погибли 1200 человек.

Напряженную обстановку в столице дополнило тревожное донесение из Мюнхена о том, что Баварская Красная армия под

командованием Рудольфа Эгельгофера разгромила отправленные на подавление провозглашенной там Советской республики правительственные войска. Мощные вооруженные выступления рабочих реально угрожали сокрушить правительство Эберта-Шейдемана. У Носке не оставалось уже под рукой верных ему воинских частей, все они были брошены на подавление многочисленных восстаний. Он лихорадочно собирал дополнительные отряды добровольцев из юнкеров, солдат-отставников, монархистов для обороны Берлина. Ему было явно не до проблем захолустного Мюндена, в котором какая-то кучка радикальных элементов сместила законную власть.

По изданному приказу Носке местная власть имела право арестовать Волльвебера с его единомышленниками и «расстрелять на месте» как преступников, оказавших сопротивление правительственным войскам и захватившим военное имущество. Но выполнять этот приказ у них не было ни сил, ни желания. К тому же они были напуганы ходом политических событий в стране, массовыми забастовками рабочих, победами Советов в больших городах, падением престижа правительства Эберта-Шейдемана, которые играли на руку Волльвеберу и его сторонникам по коммунистической ячейке.

На выручку изгнанным чиновникам городской управы пришли командиры эвакуированного полка. Узнав об угоне танков, они ужаснулись: если это беспрецедентное происшествие получит широкую огласку, им не избежать сурового наказания за то, что не обеспечили должную охрану, допустили вопиющее нарушение воинской дисциплины. Силовой вариант возвращения танков мог спровоцировать вооруженное сопротивление, кровопролитие, что неизбежно привлекло бы внимание общественности. Поэтому решили действовать по-тихому, путем переговоров.

Как-то под вечер к Волльвеберу в ратушу явились двое офицеров. Представившись, заявили о цели визита, обозначив желание договориться о взаимоприемлемом решении проблемы танков. При этом отметили, что с уважением относятся к его убеждениям как социалиста, приверженца власти советов. Проинформировали о приказах военного министра о роспуске солдатских советов в армии, об ответственности за захват оружия

и неповиновение правительственным войскам. Офицеры предложили компромиссное решение: танки возвращаются в полк и дело об их угоне закрывается, никаких негативных последствий для угонщиков оно иметь не будет.

Поразмыслив, Волльвебер согласился. Ситуация в городе складывалась так, что земляки оказались не готовы оказать ему доверие и поддержку в решении вопроса выборов депутатов в Совет рабочих и солдат. Удерживать далее незаконно захваченную власть было невозможно, сил для этого не хватало. Ячейка коммунистов насчитывала 52 человека, еще мало знакомых друг с другом, чтобы представлять дружную, сплоченную команду.

Хорошо знавшие Волльвебера соратники отмечают, что он обладал острым политическим чутьем, гибким умом, терпением, никогда не спешил. Чутье подсказывало ему — надо остановиться, отступить, чтобы предотвратить столкновение с карателями, накопить силы и опыт для продолжения борьбы за власть советов. Начало этому положено — в родном городе создана коммунистическая ячейка.

Была, правда, еще одна важная причина для отступления, временного свертывания борьбы и ухода в подполье — руководство компартии вызывало его в Берлин, где рассматривалось заявление Эрнста о приеме в КПГ. В автобиографии, написанной 15 июля 1951 года, отмечается: «В апреле 1919 года я вернулся в мой родной город Мюнден. Там я основал местную группу КПГ и стал ее председателем. Заявление о вступлении в компартию было подано мной еще в Киле, но там я не успел оформить членство официально получением соответствующего документа. Несколькими неделями позднее я основал партгруппу КПГ в Касселе. В Мюндене я был избран 2-м председателем профсоюзного картеля. В партийной организации я стал членом районного правления КПГ региона Ганновера-Брауншвейга».

В Берлин Волльвебер прибыл в пору разразившегося правительственного кризиса по вопросу подписания Версальского мирного договора. Державы Антанты стремились закрепить свою победу над австро-германским блоком путем территориального, военного и экономического ослабления Германии и ее союзников. Однако внутреннее соперничество между победителями мешало осуществлению этой задачи. Правительство Англии опасалось чрезмерного усиления своего французского союзника. Поэтому не добивалось так упорно, как французы, ни точного выполнения немцами репарационных обязательств, ни действительного разоружения Германии. На этой почве развивалась дипломатическая борьба между Францией и Англией по вопросу оккупации Рура и Рейнской области. США заинтересованы были в получении военных долгов со своих европейских союзников и в целом своих капиталов, размещенных в Германии. В силу этого американская дипломатия стремилась стабилизировать положение в Европе, умеряя натиск французов на Берлин, грозивший новыми международными потрясениями. Союз между странами-победительницами был заключен по принципу: «Вместе бить, врозь идти».

В Берлине знали о разногласиях в лагере Антанты. Генерал Гренер пытался установить связь с Англией и Америкой, действуя через подставных лиц. Людендорф через агентов предлагал Франции создать специальную германскую армию для борьбы с Советской Россией. Немецкие военные готовы были впустить войска Антанты в Берлин, если там победит пролетарская революция по образу и подобию советской власти. «Если они, вопреки всему, — писал Гофман о коммунистах, — захватят власть, Берлин займет Антанта. Такие перспективы не очень отрадны, но все же это некоторая страховка». Отдать Германию врагам, только не своему народу, — такова была позиция военных и некоторой части правящих кругов страны.

По Версальскому мирному договору Германия обязывалась вернуть Франции Эльзас-Лотарингию в границах 1870 года со всеми мостами через Рейн, Саарскую область с угольными копями. Левый берег Рейна оккупировался Антантой на 15 лет. Территория на 50 километров к востоку от Рейна демилитаризировалась. Округа Эйпен и Мальмеди отходили к Бельгии, район Шлезвиг-Гольштейна — к Дании. Германия признавала независимость Чехословакии, Польши, отказываясь в пользу первой от Гульчинского района в Верхней Силезии, а в пользу второй — от Померании, Познани, большей части Западной и Восточной Пруссии. В общем от Германии отходила одна восьмая часть территории и одна двенадцатая часть населения. Союзники занимали все германские колонии.

Германия должна была признать договоры, которые будут заключены с Турцией и Болгарией. Она обязывалась отказаться от Брест-Литовского и Бухарестского договоров о мире, признать и уважать независимость всех территорий, входящих в состав бывшей Российской империи. Статья 116 Версальского договора признавала за Россией право получения у Германии соответствующей части репараций. Но Германии разрешалось сохранять свои войска в прибалтийских республиках до особого распоряжения союзников. Тем самым Германия становилась соучастницей интервенции в Советской России.

Всеобщая воинская повинность в Германии отменялась. Армия, состоявшая из добровольцев, не должна была превышать 100 тысяч человек, включая контингент офицеров, не превышающий 4 тысяч человек. Генеральный штаб распускался. Все укрепления Германии уничтожались, за исключением южных и восточных территорий. Военный флот был сведен к 6 броненосцам, 6 легким крейсерам, 12 миноносцам. Иметь подводный флот запрещалось. Германские военные суда передавались союзникам или уничтожались. Германии запрещалось иметь военную и морскую авиацию.

Особая репарационная комиссия должна была определить к 1 мая 1921 года сумму контрибуции, которую Германия обязана была покрыть в течение 30 лет. До 1 мая 1921 года она обязывалась выплатить союзникам 20 миллиардов марок золотом, товарами, судами и ценными бумагами.

Версальский мир надолго закреплял противоречия между победителями и побежденными. Он вызвал огромную передвижку населения. Румыния выселяла более 300 тысяч человек из Бессарабии. Из Македонии и Добруджи двинулись с места почти 500 тысяч человек. Немцы уходили из Верхней Силезии. Сотни тысяч венгров переселялись с территорий, перешедших к Румынии, Югославии, Чехословакии. Семь с половиной миллионов украинцев были поделены между Польшей, Румынией и Чехословакией. В результате славянские народы были разделены глубокой пропастью. Польша, как форпост Франции на востоке, должна была служить плацдармом для нападения на Россию. Антанта сплотила против себя побежденных, вызвала их ненависть и мощную волну протестов.

«Ненависть и алчность, которыми руководствовались победители, привели к созданию такого мирного договора, которого более рафинированным и жестоким нельзя было себе и представить, — писал Носке. — Изувечение и расчленение Германии были решены... Открытый грабеж и захват наших колоний обставили еще позором, обвинив Германию в том, что будто она показала себя неспособной управлять другими народами. К насилию присоединили еще издевательство».

Сойдя с поезда, Волльвебер попал на многотысячный митинг в Люстгартене — центральном месте парадов в Берлине. На трибуне в числе протестующих общественных деятелей партий, профсоюзов стояли, к его удивлению, министры во главе с президентом Эбертом. Выступал министр иностранных дел Ульрих Брокдорф-Ранцау: «От нас требуют, чтобы мы признали себя единственными виновниками войны. Это явная ложь и чудовищная несправедливость. Да, мы совершали ошибки, в частности, по отношению к Бельгии. Но не одна Германия виновна в кровавом бедствии. Мы настаиваем на создании беспристрастной комиссии, которая объективно расследовала бы вопрос о виновности в развязывании войны. Я отказываюсь подписывать этот порочный, превратный договор».

Слово берет глава правительства Шейдеман: «Наложенные на нас чрезмерные репарации приведут к разорению и гибели Германии. Выдвинутые к нам требования в финансовом и хозяйственном отношении всецело направлены на то, чтобы сделать наш народ наемными рабами победителей. Пусть отсохнет та рука, которая подпишет такой договор и наложит на нас рабские цепи».

Собравшиеся участники манифестации одобрительно загудели, выкрикивая: «Правильно! Долой это грабительское соглашение! Мы сами голодаем и не согласны кормить еще нахлебников из французов, румын и поляков». Стоявший рядом с Волльвебером рабочий с спецовке возмущался: «Французы совсем обнаглели, Пусть только ступят на нашу землю — сразу получат по зубам так, что костей не соберут!»

В правлении КПГ Волльвебера встретили радушно. В партийных кругах его хорошо знали как талантливого вожака народных масс в Киле, Бремене, убежденного коммуниста — создателя первой коммунистической ячейки в родном Мюндене, стойко-

го борца за власть советов по российскому образцу. Фактически Эрнст и созданная на базе «Союза Спартак» коммунистическая партия росли вместе. В руководстве компартии знали и о его огромном желании посетить Москву, чтобы обучиться методам политической борьбы большевиков, навыкам организатора движения рабочих, увидеть Ленина.

Партийный билет Волльвеберу вручал Вильгельм Пик. Присутствовавшие при этом знакомые соратники Вернер Гирш, Макс Хольц, Рихард Штальман, Хайнц Нейман тепло поздравили его с официальным вступлением в КПГ. Эрнста пригласили выступить на партийном активе, обсуждавшем актуальные вопросы о положении в стране, задачах, тактике и стратегии компартии в революционной борьбе за власть советов.

Он поделился соображениями на близкую ему тему о вовлечении в борьбу матросов, солдат, военных. Отталкиваясь от опыта восстаний в Киле, Бремене, Мюндене, отметил важную отличительную черту солдатской массы — корпоративное братство, уверенное в том, что владение оружием, умение им управлять дают широкие возможности отстаивать свои права, влиять на власть, судьбу государства.

— Для матросов, солдат на первом месте среди революционных задач стоит наказание тех, кто затеял войну, получает от этого немалые барыши, пока проливается кровь на полях сражений, — говорил Эрнст. — Вернувшись к мирной жизни, они оказались без пенсий, работы, общественного признания. Их место у станка, а иногда и у семейного очага заняли другие люди, «тыловые крысы».

Сейчас после подписания Версальского договора происходит массовая демобилизация армии. В городах и поселках наблюдается небывалый наплыв солдатской массы, брошенной на произвол судьбы. Безработица, вынужденное безделье после пережитого на фронте подстегивает в матросах, солдатах ненависть к господствующей власти, монополистам, старому миру. Необходимо воспользоваться данной ситуацией, усилить работу компартии среди военных. Солдатские советы могут стать движущей силой революционной борьбы против милитаризма, капитализма, за построение социалистической Германии по образцу Советской России.

В. Пик, охарактеризовав выступление Волльвебера актуальным и своевременным, спросил, каковы причины поражений восстаний в Киле и Бремене.

— На мой взгляд, выступления матросов, рабочих велись изолированно друг от друга, — ответил Эрнст. — Не было единого руководства, не хватало решительности и последовательности в борьбе за власть. Пагубную роль в поражении сыграли предательство и оппортунизм социал-демократов. Контрреволюционным силам, прикрывавшимся лозунгами о демократических правах и свободах, парламентаризме, удалось ввести в заблуждение большую часть народных масс.

Весьма интересным и полезным в плане политической ориентации стало участие Волльвебера в обсуждении актуальных проблем революционной борьбы, положения в стране, задач компартии в свете решений Первого конгресса III Коммунистического Интернационала, состоявшегося в начале марта 1919 года в Москве. Он тезисно записывал наиболее важные выводы и заключения выступавших на партийном активе:

— Рабочий класс стремится к социализму, однако в результате многолетнего влияния оппортунизма у него сложилось лишь смутное представление о борьбе за овладение политической властью, сущности социализма, средствах и методах его завоевания. Основание компартии явилось поворотным пунктом в истории Германии и немецкого рабочего движения. С первых дней своего существования КПГ противопоставила антинациональной политике войны и катастроф, которую проводят господствующие верхи в Берлине, национальную стратегию борьбы за мир, демократию, основанный на принципах гуманности социалистический общественный строй. Основание компартии означало окончательный разрыв с правым оппортунизмом, заложило фундамент боевой марксистско-ленинской партии немецкого рабочего класса.

— Ход и результаты Ноябрьской революции дали немецкому пролетариату ценный опыт борьбы за мир и социализм. Рабочий класс добился важных демократических прав и свобод, завоевал более благоприятные позиции в борьбе против германского империализма и милитаризма. Несмотря на тяжелое поражение, которое рабочий класс потерпел в боях в Киле, Бремене, широ-

кие массы пролетариата весной и летом 1919 года в ряде крупных массовых стачек, вооруженных выступлений снова стали на защиту завоеваний революции. В таких значительных демонстрациях, как стачка рурских шахтеров, всеобщая забастовка на предприятиях промышленной области Средней Германии, Тюрингии, в районе Галле-Мерзебурга, протестные манифестации в Штутгарте и других города Вюртемберга, сотни тысяч рабочих, профсоюзных активистов выступили за улучшение своего положения, разоружение, роспуск контрреволюционных частей, за социализацию, за немедленное установление политических и экономических отношений с Советской Россией.

— Советская Россия постоянно присутствует в идейных дебатах и политической практике революционной Германии. Образ нового мира будоражит общественное мнение, вызывая у кого-то восторг, а у кого-то ненависть. «Он ведет себя как большевик!», — этими словами в Германии выражаются и высшая похвала, и крайнее осуждение. Суть споров сводится к тому, нужно ли переносить русский опыт на немецкую почву. Речь идет прежде всего о рабочих и солдатских советах. Их появление в Германии невозможно представить без освоения российского опыта, приспособленного к местным условиям. Немецкие советы выступают не столько в роли органа, нацеленного на окончательное решение вопроса о власти в пользу социальных низов, сколько как политические и административные структуры, обеспечивающие переход от войны к миру, от монархии к республике.

— Провозглашенная в августе 1919 года Веймарская конституция отражает изменения в соотношении классовых сил в пользу господствующего режима. Но, будучи результатом борьбы рабочего класса в Ноябрьской революции, эта конституция содержит в то же время ряд демократических прав и свобод для народа, представляет в этом смысле большой шаг вперед по сравнению с кайзеровской Германией.

— Воспользовавшись поражением рабочего класса в Ноябрьской революции, империалисты держав Антанты навязали Германии грабительский Версальский договор, который неизбежно обострит национальный вопрос, так как рабочие, все трудящиеся подвергнутся двойной эксплуатации — со стороны германских монополистов, а также империалистов Антанты. Милитаристы

и реакционные элементы правящих кругов Германии используют тяжелое бремя, которое договор взвалил на плечи немецких рабочих, для того чтобы отравить ядом шовинизма и реваншизма широкие массы, в первую очередь мелкую буржуазию, и вновь толкнуть их на путь войны.

— Перед компартией стоит задача извлечь уроки из поражений рабочего класса в Ноябрьской революции. Она должна выработать такую стратегию и тактику, которая освободила бы широкие массы трудящихся от влияния оппортунизма, заставила эти массы на основании собственного опыта пойти по пути завоевания политической власти. Необходимо привлечь на свою сторону большинство рабочего класса и народных масс. Целью борьбы должно стать создание народного правительства как предпосылки для установления в Германии революционно-демократической диктатуры пролетариата.

— Для идейного и организационного укрепления компартии, выполнения поставленных задач большое значение приобретают решения Первого конгресса Коминтерна (КИ), в учреждении которого участвовал представитель КПГ Гуго Эберлейн (в Москве он конспирировался под псевдонимом Макс Альберт. — *Е. Г.*). В манифесте КИ поставлена задача «обобщить революционный опыт рабочего класса, очистить движение от разлагающей примеси оппортунизма и социал-патриотизма, объединить усилия всех истинно революционных партий мирового пролетариата и тем самым обеспечить и ускорить победу коммунистической революции во всем мире». Резолюция Первого конгресса призвала рабочих разных стран объединиться на принципах пролетарского интернационализма в революционной борьбе за свержение буржуазии, установление диктатуры пролетариата. Важнейшим рычагом завоевания широких слоев рабочих масс, всех трудящихся, вовлечения их в классовую борьбу, классового воспитания является создание единого рабочего фронта. Для руководства работой Коминтерна, координации действий коммунистических партий образован Исполнительный комитет (ИККИ).

По завершении заседания участники партактива минутой молчания почтили память погибших товарищей: Карла Либкнехта, Розу Люксембург, главные убийцы которых до сих пор

не привлечены к суду; Лео Йогихеса, члена ЦК КПГ, арестованного и убитого в тюрьме в марте 1919 года; Ойгена Левине, руководителя Баварской Советской республики, расстрелянного по приговору чрезвычайного трибунала.

В памятных словах о павших революционерах с тревогой говорилось о том, что политические убийства стали частью страшного наследия войны, кайзеровской монархии, кровавого режима Шейдемана-Носке. Война закончилась на полях сражений, но не в головах ее участников, монархистов, радикальных лидеров в правительстве. Государственное разрешение на убийство трансформируется в политический террор коммунистов.

Волльвебер рассказал о революционной деятельности Иоганна Книфа во главе группы бременских левых «Коммунисты-интернационалисты Германии», о его заслугах в создании Бременской Советской республики. По просьбе коллег, Эрнст поделился своим мнением о красном Бремене.

Совет рабочих и солдат в республике формировался, по его словам, опираясь на опыт Советской России. Большую помощь в этом оказывал представитель большевиков Вернер Раков. По российскому образцу было создано правительство БСР — Совет Народных Комиссаров. Ключевые посты в нем занимали независимые социал-демократы НСДПГ и коммунисты КИГ во главе с Книфом. Правых представителей СДПГ к руководству не допускали. Для обороны и наведения порядка были созданы вооруженные отряды рабочих и солдат, ставшие костяком Красной армии. В поддержку БСР выступили Советы Гамбурга, Кукcхафена, Киля, Вильгельмсхафена.

— По моему мнению, БСР могла состояться как первое демократическое, социалистическое государство в Германии, но погибла в результате предательства оппортунистов НСДПГ, — заключил Волльвебер.

* * *

Руководство КПГ высоко оценило участие Волльвебера в организации БСР. Положительно отозвались о его деятельности в бременских событиях представители Советской России В. Раков и К. Радек. Последний, в частности, просил передать

Эрнсту привет и благодарность за «товарищескую помощь», когда Радеку пришлось скрываться от ищеек правоохранительных органов Германии. Волльвебер способствовал изготовлению поддельных документов, выданных Радеку Бременским Советом рабочих и солдатских депутатов на имя экономического советника доктора Ф.

Справка. *Карл Радек (настоящее имя Карл Бернгардович Собельсон), польский еврей из австрийской Галиции. Родился в 1885 году во Львове. С 1908 по 1914 год он жил в Германии, работал журналистом, писал под многочисленными псевдонимами для социал-демократических газет «Фолькс цайтунг», «Нойе цайт», «Бремер бюргер-цайтунг», которую в юности регулярно читал Волльвебер. Он был хорошо знаком с вождями КПГ Карлом Либкнехтом, Розой Люксембург, Иоганном Книфом, Паулем Фрелихом, Августом Тальгеймером, Генрихом Брандлером. Вернувшись после Октябрьской революции в Россию, занимался большевистской работой с общественностью, пропагандой среди военнопленных в русских лагерях для интернированных. На это время приходится его сотрудничество с Белой Куном, Карлом Томаном, Эрнстом Рейтер-Фрисландом.*

Как эксперт по Польше Радек участвовал в переговорах о заключении Брест-Литовского мира в качестве заведующего отделом в Наркомате иностранных дел, работал бок о бок с Чичериным. Заслужил репутацию лучшего знатока Германии и немецких левых в Москве. В Берлине он выступал в качестве инструктора, уполномоченного Ленина. В декабре 1918 года нелегально выехал в Германию, снабженный инструкциями для работы с вождями КПГ и революционно настроенными социал-демократами. 12 февраля 1919 года был арестован по подозрению в подстрекательстве к вооруженному восстанию в Берлине. Лига борьбы против большевиков назначила за его поимку 10 тысяч марок.

Радек был схвачен в квартире на улице Паульсборнерштрассе в Вильмерсдорфе, где скрывался у вдовы офицера. При обыске у него в кармане нашли переплетенное в сафьян издание «Фауста» Гёте. В своих воспоминаниях он сообщает, как смутила эта находка полицейского: «В течение нескольких минут он вер-

тел бессмертное сочинение Гёте, как бы ища любимые места. После вернул мне книгу... Это был молодой студентик, из университета попавший в офицеры ополчения. Видимо, любитель классической литературы. Большевиков представлял как бандитов. Если бы нашел в моем кармане бомбу, он бы не удивился, но «Фауст» смешал все его представления и чувства».

Узнав об аресте, советское правительство радиограммой министру иностранных дел Германии от 5 марта назначило заключенного Радека послом Украинской Советской республики, чтобы защитить его дипломатическим иммунитетом. Привилегированное положение дипломата, близость к вождям Советской России позволило ему превратить тюремную камеру в «политический салон», в котором он принимал представителей политической, экономической и военной элиты Германии. Писатель Макс Бартель, посетивший Радека, так обрисовал атмосферу, которую наблюдал в салоне: «В комнате для посетителей ожидали несколько человек. А затем влетел он — г-н посол Украины. Одетый в подобие военной формы из серого сукна, он выглядел как добродушная человекообразная обезьяна. Обращала на себя внимание его шкиперская бородка, обрамлявшая лицо. За большими стеклами очков в оправе поблескивали темные глаза. Это был не заключенный, а, скорее, человек, дававший аудиенцию и сознававший это... Здесь ждал известный профессор, интересовавшийся русским аграрным вопросом. Здесь — Максимилиан Харден, грозный автор передовых статей в журнале «Цукунфт», потом английский журналист, умный и скептический, там несколько господ с коммерческими идеями, а на заднем плане рослый мужчина со спокойным лицом, в котором нельзя было не узнать офицера высокого ранга. А дальше — связной с ЦК КПГ и, наконец, элегантная дама в облаке духов».

Самым видным посетителем салона был председатель правления концерна АЭГ, организатор немецкой военной экономики, будущий министр иностранных дел Вальтер Ратенау, обсуждавший с Радеком перспективы заключения соглашений между Германией и Россией, одно из которых войдет в историю под названием Рапалльского договора. Ратенау позже называл Радека «несомненно, толковым и остроумным, но нечистоплотным парнем, типичным образцом низкого еврейчика». В свою очередь, Радек

причислял к «основным качествам» Ратенау «отсутствие всякой интуиции и болезненное самолюбие: Ратенау говорил больше часа, прислушиваясь к звуку собственного голоса».

В 1920–1924 годах Радек был секретарем ИККИ, членом Президиума ИККИ. В сентябре 1920 года пленум ЦК РКП(б) одобрил «совмещение в лице т. Радека представительства в Коминтерне и КПГ». Руководство германской компартии выразило «полное согласие на это». В 1925–1927 годах он — ректор Коммунистического университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена, в 1932–1936 годах — заведующий Бюро международной информации ЦК ВКП(б). В 1937 году на процессе так называемого «параллельного антисоветского троцкистско-зиновьевского центра» приговорен к десяти годам заключения. Убит в тюрьме в 1939 году. Реабилитирован посмертно.

Волльвебер изъявил желание увидеть Радека, но коллеги не одобрили его порыв, аргументируя тем, что салон находится под неусыпным наблюдением правоохранительных органов. С Радеком он будет неоднократно встречаться и взаимодействовать, выполняя задания по линии Коминтерна.

По завершении заседания партактива руководство компартии поручило Эрнсту организовать и возглавить ячейки КПГ в регионе между его родным Мюнденом и Ганновером-Брауншвейгом. Его снабдили актуальной информацией, агитационными материалами о деятельности компартии, Советской России, Коминтерна.

— В них ты найдешь все необходимое для идейно-политической борьбы за социалистическую Германию, власть советов, — напутствовал В. Пик, передавая ему объемистый пакет с книгами, брошюрами, газетами, журналами.

Просматривая полученные материалы, Эрнст сразу углубился в чтение переведенных на немецкий язык работ Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Главная задача наших дней», «Успехи и трудности советской власти», статью «Таймс» «О Ленине и Красной армии» и комментарий на эту публикацию Ленина в Докладе о внешней и внутренней политике Совета Народных Комиссаров 12 марта 1919 года: «При всех неблагоприятных условиях, в которых приходится жить Советской России,

у нас есть один плюс, который подчеркивает и буржуазная газета «Таймс»... Только в России, по словам газеты «Таймс», армия не разлагается, а строится. Это одна из существенных частей нашего строительства за истекший год. Окруженные со всех сторон врагами, мы защищаемся, отвоевывая каждую пядь Советской России и каждый месяц нашей борьбы приближает нас все больше и больше к мировой революции».

С большим интересом Эрнст изучал материалы о создании Коминтерна, опубликованные в журнале «Коммунистический Интернационал» (выходил на русском, немецком и французском языках. — *Е. Г.*), газете «Роте фане»: «Манифест Первого конгресса КИ к пролетариям всего мира», выступления Ленина, Троцкого, Бухарина, Эберлейна. Важной составной частью политической платформы КИ стали, как узнал Эрнст, тезисы, разработанные Р. Люксембург, К. Либкнехтом, К. Цеткин, Ф. Мерингом:

1) Классовая борьба внутри буржуазных государств против господствующих классов и международная солидарность пролетариев всех стран — два неразрывных правила рабочего класса в его всемирно-исторической освободительной борьбе.

2) Классовая деятельность пролетариата всех стран как в мирное время, так и во время войны должна быть направлена как на главную цель и на борьбу с империализмом, и на предотвращение войны.

3) Центр тяжести классовой ориентации пролетариата лежит в Интернационале. Интернационал определяет в мирное время тактику национальных секций в вопросах милитаризма, колониальной политики, торговой политики, празднования 1 мая, а также общую тактику, которую они должны проводить во время войны.

4) Обязанность выполнять постановления Интернационала стоит впереди всех других организационных обязанностей. Национальные секции, нарушающие его постановления, ставят себя вне Интернационала.

5) Задачей пролетариата является теперь немедленный захват государственной власти. Захват же государственной власти состоит в уничтожении государственного аппарата буржуазии и в организации нового, пролетарского аппарата власти.

6) Основным методом борьбы являются массовые действия пролетариата вплоть до открытого столкновения с оружием в руках с государственной властью капитала.

Конгресс принял решение о формировании руководящего органа, получившего название Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ). Поскольку на Первом конгрессе Исполком не избирался, ведение организационной работы поручили Бюро Исполкома. В его первый состав вошли: Г. Зиновьев — председатель, Н. Бухарин — представитель РКП(б); А. Балабанова, Я. Берзин — секретари; Г. Клингер — управляющий делами, В. Воровский — заведующий отделом международной пропаганды; члены Бюро — М. Литвинов, Л. Карахан, А. Меньшой (Л. Левин), А. Руднянский, Ю. Мархлевский.

Для связи с иностранными компартиями была создана секретная Особая комиссия по связи ИККИ, руководителем которой стал В. Кингисепп. Одним из основных направлений деятельности этой комиссии стало нелегальное финансирование иностранных компартий. Зиновьев в 1-м номере журнала «Коммунистический Интернационал» заявил: «Теперь III Интернационал имеет своей главной базой три советских республики: Россию, Венгрию и Баварию. Старая Европа бешеными темпами мчится навстречу пролетарской революции... Через год вся Европа будет коммунистической. Борьба за коммунизм перенесется уже в Америку, а может быть, и в Азию, и в другие части света».

Для Волльвебера стало ясно огромное значение Коминтерна как мирового коммунистического движения с целью свержения власти капитала, установления диктатуры пролетариата, создания всемирной Республики Советов. Именно Интернационал (а не национальные партии) будет определять тактику деятельности коммунистов в разных странах. Решения, принятые Коминтерном, становятся обязательными для исполнения всеми партиями, входящими в его состав, в том числе КПГ. Отныне он будет внимательно отслеживать всю информацию о работе КИ.

Среди газетных публикаций Эрнста привлекло напечатанное в «Правде» (23 сентября 1919 года) обращение Ф. Дзержинского «Ко всем гражданам Советской России» о «разгроме врагов рабочих и крестьян, предателей народа, наемников иностранного

капитала», готовивших восстание в Москве: «Эти негодяи даже подготовили «органы власти» на случай своего успеха, и их продавшийся англичанам «Национальный центр» должен был бы вынырнуть на поверхность, как только генеральская заговорщическая организация взяла бы Москву. Но изменники и шпионы просчитались! Их схватила за шиворот рука революционного пролетариата и сбросила в пропасть, откуда нет возврата... Зажатые в пролетарский кулак, они стали выдавать друг друга, как жалкие трусы. Так Чрезвычайная комиссия открыла все важнейшие подземные норы заговорщиков... Товарищи! Будьте начеку! Стойте на страже республики днем и ночью. Враг еще не истреблен целиком. Не спускайте с него своих глаз!»

Эрнст вспомнит об этом обращении руководителя ВЧК, когда будет обучаться в Москве разведывательному мастерству на оперативных операция советских чекистов, в том числе на разоблачении заговорщиков «Национального центра».

Пребывание в Берлине в свободное от деловых встреч время Волльвебер использовал для ознакомления с достопримечательностями столицы. Особенно его интересовали памятные места, связанные с жизнью и революционной деятельностью Ленина. По рассказам коллег, в Германии вождь большевиков бывал многократно. Впервые он посетил Берлин летом 1895 года, когда по поручению петербургских марксистов выезжал за границу для установления связи с находящейся в Швейцарии группой «Освобождение труда». Эрнсту подсказали точный адрес дома на Фленсбургерштрассе, 12 в Моабите, где проживал Ленин. В письме матери 10 августа 1895 года Владимир Ильич пишет: «На всякий случай повторяю свой адрес: Berlin, Moabit, Flensburgerstrasse, 12 (beI Frau Kurreick) Herrn W. Ulianoff. Устроился я здесь очень недурно: в нескольких шагах от меня — Tiergarten (прекрасный парк, лучший и самый большой в Берлине), Шпре, где я ежедневно купаюсь, и станция городской железной дороги... Третьего дня был в театре; давали «Weber» Гауптмана... Поклон всем нашим. Твой В. У.».

Следующий «ленинский» адрес — Королевская библиотека на площади Опернплатц. В книге записей читателей Эрнсту показали собственноручную запись Владимира Ульянова под датой «14 августа 1895 года». В библиотеке Ленин читал произведения

Маркса, Энгельса, партийные органы печати социал-демократов «Форвертс», «Нойе цайт». В Немецком театре на Шуманштрассе Владимир Ильич смотрел 27 июля (8 августа) пьесу Герхардта Гауптмана «Ткачи».

Волльвебер несколько раз прошелся по аллеям Тиргартена, по дороге от места жительства вождя до библиотеки, представляя как по ним ходил и гулял молодой Ленин. По воспоминаниям коллег, он неоднократно встречался в Берлине с единомышленниками Социал-демократической партии Германии, в частности с ветераном немецкого и международного рабочего движения Вильгельмом Либкнехтом. Ленин был у него на квартире по адресу Кантштрассе, 160 в Шарлоттенбурге. Кстати, здание на площади Бюловплатц, где Эрнсту вручали партбилет, позднее назовут Домом Карла Либкнехта в память о героическом сыне ветерана.

Повседневная жизнь Берлина поразила Волльвебера небывалым скоплением русских беженцев, эмигрантов, туристов. Русские заведения — магазины, кафе, рестораны, театры, газеты, издательства, производственные и общественные объединения — встречались на каждом шагу. Казалось, русский мир проник во все поры берлинской жизни. Примечательным было то, что германская столица в то время становилась в значительной степени русско-советским Берлином. Эмигранты, беженцы действовали в тени мощного просоветского коммунистического движения. Советская Россия присутствовала в Берлине в образе не только посольства, но и различных комитетов, обществ помощи военнопленным, русским гражданам в Берлине, русским врачам в Германии; союзов русских журналистов и литераторов, российских актеров, кинематографических деятелей, инженеров, торгово-промышленных и финансовых деятелей, студентов, русской национальной молодежи, литературных кафе, салона Радека, Коминтерна. Русские эмигранты и советские коминтерновцы повсеместно сталкивались друг с другом. Русская, советская тема стала предметом внутриполитического конфликта между просоветскими немецкими коммунистами и враждебными Советской России немецкими политическими партиями, которые как огня боялись переноса советской революции на германскую почву. «Берлин — это пространство, где пересекались

немецкие и русские пути, — пишет известный немецкий исследователей русской культуры XX века Карл Шлегель. — Почти каждый метр несет на себе особый отпечаток. Здесь — Санкт-Петербург на Виттенбергплатц с его кафе, танцзалами, кондитерскими, художественными мастерскими и салонами, с его издательствами и книжными магазинами. А там — совсем другой, советско-коммунистический Берлин, сердце которого бьется в самом центре и в восточной части города: вокруг посольства на Унтер-ден- Линден, вокруг Бюловплатц, вокруг пивнушек, пролетарских ферейнов, спортивных площадок. Это красный Берлин. А еще есть салоны и кружки старого и нового берлинского Запада, в которые русские входят неотъемлемой частью, но не в роли экзотических казаков, на которые все глазеют, а потому, что они европейцы. Есть и коминтерновское «высшее общество» — уникальный биотоп».

Во время прогулки вечером по Тиргартену Эрнста привлекли оживленные голоса и веселая музыка. Трое мужчин играли на гармошке, балалайке и трубе. Две девицы в ярких, нарядных платьях, перебивая друг друга, задорно и звонко пели:

Эх, яблочко, цвета ясного.
Ты — за белого, Я — за красного.
Ах, яблочко, с боку зелено.
Нам не надо царя, надо Ленина.
Не за Ленина, не за Троцкого,
А за матросика краснофлотского!

Окружившая русских музыкантов многочисленная публика поощрительно аплодировала, кидая монеты в раскрытый футляр балалайки. Кто-то из толпы, бросая денежку, попросил: «Давай про барыню!» Певуньи переглянулись, подошли к гармонисту, что-то ему шепнули. Тот кивнул головой и запел:

Ай да барыня-краса,
У ней — русая коса
Достает ко копчика:
Завлекает хлопчика.

Девицы подхватили:
Барыня-красавица —
Тем она и славится:

Так умеет обаять —
Никому не устоять!
Будоража всю округу,
Мчится барыня по лугу,
Каблучками землю бьет,
Да при том еще поет!

Так Волльвебер воочию прикоснулся к русскому миру, о котором много слышал, который манил удивительным, загадочным «светом с Востока», революцией, Советами, большевиками, их вождем Лениным.

В Берлине на партийных встречах с коллегами, в рабочих кварталах Эрнст заметил еще одно примечательное явление — нарастающее чувство национального унижения, ставшее благодатной почвой для распространения мифа о «ноябрьских предателях», заключивших кабальный Версальский договор. Этот миф широко использовался демагогами, требовавшими решительной борьбы против неких «темных сил», внутренних и внешних врагов, приведших Германию к краху. Не случайно именно в это время появляется известная фальшивка «Протоколы сионских мудрецов», призванная подтвердить, что в постигшей немцев трагедии виноваты заговорщики-евреи, иностранные агенты, стремящиеся сокрушить мощь Германии, поставить ее на колени.

Ощущение гнетущего позора усугублялось пониманием того, что Германия признавалась единственным виновником общеевропейской трагедии. Основной массе населения, его консервативному массовому сознанию трудно было смириться с тем, что Веймарская республика разрушила старый, привычный порядок кайзеровской империи, казавшийся таким прочным и надежным. По старым добрым временам тосковала не только бывшая правящая верхушка, но и широкие слои населения, потерявшие в результате кризиса и инфляции свое имущество. Они не воспринимали новую малопонятную систему ценностей. Ослабляло положение Веймарской республики и отсутствие у нее профессиональных защитников среди правящего бюргерства, интеллигенции. Политическая жизнь заключалась в попытках государства балансировать на качелях, создаваемых борьбой крайне правых и крайне левых. Это вызывало бурю негодования

в немецком обществе, а одновременно — недоверие и ненависть к Веймарскому режиму. 10 февраля 1920 года жители северной части земли Шлезвиг на плебисците высказались за присоединение к Дании.

15 февраля 1920 года Верховный Совет Антанты взял под свое управление город Мемель. 26 февраля Лига Наций в соответствии с условиями Версальского договора установила свое управление над Сааром, пограничной областью между Германией и Францией, которая получила контроль над угольными месторождениями.

Роковой ошибкой правительства Эберта-Шейдемана было то, что оно не лишило власти реакционную военщину, милитаризм, не реорганизовало бюрократический аппарат. Новую власть не принял сохранившийся кадровый состав рейхсвера, для солдат и офицеров которого кайзер оставался символом силы и мощи Германии. Армия, подчиняющаяся по конституции только рейхсканцлеру, фактически была бесконтрольной. Она превратилась в самостоятельную активную политическую силу, которая требовала реванша: война проиграна, потому что либералы, гнилая интеллигенция, евреи, коммунисты нанесли «удар в спину» непобедимой германской армии. Условия Версаля должны быть отвергнуты.

10 марта 1920 года командующий немецкой армии генерал Вальтер фон Лютвиц выдвинул правительству ультиматум с требованием роспуска Национального собрания и перевыборов президента. В Берлин вошла бригада морской пехоты под командованием полковника Эрхардта, встреченная у Бранденбургских ворот героями войны генералами Людендорфом и Т. фон Яговом. Начальник войскового управления (фактически Генштаба, который был запрещен Версальским договором) министерства рейхсвера генерал Ханс фон Сект отказался выполнить приказ президента Эберта выступить против путчистов. Правительство во главе с Эбертом бежало в Дрезден, потом Штутгарт. Военные сформировали «новое отечественное правительство» во главе с высокопоставленным чиновником монархистом Вольфгангом Каппом. Провозгласив себя рейхсканцлером, Капп заявил о необходимости немедленного наведения порядка в стране и реванша.

В поддержку Каппа выступили военизированные националистические движения «Викинги», «Черный рейхсвер», «Добровольческий корпус», «Стальной шлем», «Консул», «Национальное единение»; давний противник Волльвебера по Кильскому восстанию Вильгельм Канарис, занимавший пост адъютанта военного министра Носке, организатор убийства Либкнехта и Люксембург капитан Пабст.

«Помешанные на вере в «сильную личность», которая могла бы спасти государство, консервативные политики и некоторые офицеры скоро ухватились за мысль, что диктатура одного лица могла бы избавить страну от внутреннего политического и экономического развала, — с горечью пишет Носке. — Особенно скандально было поведение генерала Людендорфа, дерзко пытавшегося произвести даже настоящий мятеж в армии... Другой, более поздний мятежник Капп распространял брошюры, в которых солдатам объяснялось, что правительство с виду стоит за армию, а в сущности тайно защищает врагов ее... У Пабста в отеле «Эден», где помещался штаб его дивизии, начали обсуждаться и совершаться такие дела, которые далеко выходили за пределы дозволенного. Мне это стало известно, и я принужден был расформировать эту дивизию и лишить штаб его значения. Пабст был глубоко оскорблен всем происшедшим. Нередко в беседах со мной он высказывался, подобно многим другим офицерам, за необходимость сильной политики. Однажды, когда он со свойственной ему живостью очень настойчиво развивал эту мысль, я сказал ему в шутку:

— Сознайтесь, что вы охотнее всего арестовали бы правительство и меня в том числе.

— Вас, г. министр, — никогда! — возразил он.

— Видите ли, г. капитан, — сказал я, — в этом между обоими нами огромная разница: я совсем не могу гарантировать вам, что в один прекрасный день не прикажу арестовать вас.

К сожалению, предостережение это не достигло своей цели. Генерал Лютвиц влиял на офицеров и солдат своими нападками на правительство... С упорством старого человека Лютвиц решил, что дальше сокращать армию ни в коем случае нельзя. Для него было неопровержимо, что весной Россия нападет на Польшу и наводнит ее своими войсками. Тогда Германия, при

продолжающемся ее разоружении, будет оставлена совершенно беззащитной во власти большевистских полков. Он буквально смотрел, как на измену отечеству, на дальнейший роспуск войск согласно требованиям Антанты. Помешанный на этом, он вскоре стал послушным орудием в руках Каппа и его приверженцев, этих «большевиков справа»».

Определенным подкреплением путчистов в Берлине послужил монархический переворот в Мюнхене 14 марта, инициаторами которого стали генерал Отто фон Лоссов и полковник Ханс фон Зайсер. В Баварии было сформировано правительство во главе с комиссаром Густавом фон Каром. В Мюнхене набирала силу Национал-социалистическая рабочая партия (НСДАП) Гитлера, который провозгласил «Двадцать пять пунктов» своей программы реванша: «Мы требуем равноправия для немецкого народа наравне с другими нациями и отмены положений Версальского и Сен-Жерменского мирных договоров. Мы требуем жизненного пространства: территорий и земель (колоний), необходимых для пропитания германского народа и для расселения избыточного германского населения. Мы требуем объявления безжалостной войны тем, чья деятельность вредит общим интересам. Преступления против нации, совершенные ростовщиками, спекулянтами и т. д., должны наказываться смертной казнью, несмотря на расу и убеждения. Для осуществления всего этого мы требуем создания сильной централизованной имперской власти».

Сообщение о путче и бегстве правительства во главе с Эбертом из Берлина Волльвебер получил в городе Касселе, где занимался учреждением местной коммунистической ячейки. Кассель считался «оплотом реакции», поэтому формирование единомышленников продвигалось с большим трудом. Привлечению в ряды КПГ рабочих, солдат, профсоюзных активистов особенно мешали центристы-«независимцы» НСДПГ. Своими демагогическими лозунгами «Социализация идет вперед!», «Демократические права и свободы рабочих утверждаются» центристы затушевывали классовый характер борьбы за власть советов, что позволяло им подчинить значительную часть пролетариата. Волльвеберу пришлось организовать несколько манифестаций, на которых он разоблачал оппортунистическую идеологию

НСДПГ. Демонстрации коммунистов и их сторонников проходили в ожесточенных столкновениях с монархистами и националистами военизированных движений. В этой агитационной работе Эрнсту активно помогали Карл Фуггер, руководитель кассельской организации «Коммунистическая молодежь», местный «Робин Гуд», радикально настроенный революционер Макс Хольц, земляк Отто Майер.

Капповский путч резко изменил настроения в социал-демократической среде, профсоюзах в пользу налаживания сотрудничества с компартией как передовым отрядом рабочего движения. Насаждавшаяся в профсоюзах идея надклассовости, партийно-политического нейтралитета ушла на задний план, уступив место обоюдному желанию совместной борьбы перед лицом военной диктатуры. Авторитет Волльвебера как вожака восстания матросов в Киле, образования Бременской Советской республики был широко известен и признан.

Созвав срочное совещание с участием представителей СДПГ, НСДПГ, профсоюзных, молодежных организаций, Эрнст предложил создать единый демократический фронт против путчистов, сформировать вооруженные отряды рабочих и солдат. Возражений не последовало. Волльвебера избрали председателем «Комитета действия», в который вошли лидеры местных объединений профсоюзов, СДПГ, НСДПГ, КПГ. Учитывая чрезвычайных характер создавшегося положения в стране, было принято решение о срочном проведении массовых забастовок протеста в городах и поселках между Ганновером и Брауншвейгом.

«Комитет действия» выступил с «Обращением к рабочим и солдатам, всем гражданам республики»: «Товарищи! Германская революция вошла в решающую, критическую стадию. Вы видите, к чему привела политика правительства Эберта-Шейдемана. Они предали рабочих, солдат, всех честных граждан милитаристам, и сбежали как трусы. Если уже Носке обагрил почти все улицы Германии кровью пролетариев, то какую кровавую бойню устроит военная диктатура Каппа, если она устоит. Вы видите теперь, что единственно правильным выходом в создавшихся условиях является политика единого фронта рабочих, солдат, коммунистов, независимых социал-демократов, проф-

союзов, молодежных, студенческих организаций, выступающих за создание социалистического, народного правительства, власть советов рабочих и солдатских депутатов.

Мы призываем вас восстать с оружием в руках. Восстать не для того, чтобы защищать Эберта и Носке, а для того, чтобы подготовить завоевание советской власти. Диктатуре генералов Каппа надо противопоставить диктатуру пролетариата!

Вооружайтесь! Всюду, где вы только сможете достать оружие, берите его в свои руки. Стройте Советы! Обстановка, которая создается теперь, вдохнет новую жизнь в Советы, которые пытались погубить Носке и его шайка.

Готовьте генеральное наступление под знаменем коммунистов и тех, кто не на словах, а на деле поддерживает их! Учитесь на уроках истории. Помните, что старая, казенная социал-демократия ничего кроме буржуазных цепей дать вам не может.

Мужайтесь, германские пролетарии! Да здравствует пролетарская революция и советская власть в Германии и во всем мире!»

Это обращение составлялось под контролем Волльвебера. Как председатель комитета он вносил в него окончательную правку, руководствуясь документом «Обращение ИККИ по поводу попытки монархического путча в Германии» от 15 марта 1920 года, доставленным ему курьером правления КПГ. В нем содержались важные оценки Коминтерна контрреволюционного переворота Каппа, роли «социал-предательского правительства Эберта и Носке», классовой борьбы рабочих за установление диктатуры пролетариата, ответственности «рабочих стран Антанты» в деле «помощи германским собратьям». Для себя Эрнст в плане идейно-политической борьбы отметит такие важные положения обращения КИ:

— В начавшуюся эпоху гражданской войны возможны только две диктатуры — или диктатура пролетариата, освобождающая все человечество и перестраивающая все хозяйство на коммунистических началах, или диктатура самых реакционных, диких, черносотенных буржуа и генералов, затягивающих петлю на шее рабочего класса и ведущих человечество к новым войнам. Или одна, или другая диктатура. Третьего не дано.

— Все вопросы нашей жизни в наступившую эпоху решаются силой оружия на улицах и площадях крупнейших городов. Реальная классовая борьба, наличие сил в гражданской войне — только эти вещи весомы на чаше истории. Таков урок контрреволюционного переворота в Германии. Дорогой ценой заплатил за этот урок германский рабочий класс, а стало быть, рабочий класс всего мира. Но этот урок не пропадет даром. Неприкрытой диктатуре буржуазных генералов рабочий класс Германии противопоставит свою диктатуру.

— Коммунистический Интернационал говорит пролетариям «союзных» стран: «Товарищи! Зорко следите за движениями рук ваших правителей. Знайте, что германская революция вошла в самую критическую полосу. Гражданская война в Германии будет теперь разгораться с каждым днем. Германские рабочие раньше и позже низложат германскую буржуазию и учредят советскую власть. Но для этого необходимо, чтобы английская и французская буржуазия не могли прийти на помощь своим германским собратьям. И это всецело будет зависеть от вас».

— Германским рабочим Коммунистический Интернационал говорит: «Вы видите теперь все до одного, к чему ведет политика белой социал-демократии. Вы видите воочию, как Шейдеман и Эберт выдают вас с головой германской буржуазии. Вы видите теперь, что единственно правильной является политика коммунистов. Мелкие буржуа, называющие себя социал-демократами, на то и являются мелкими буржуа, чтобы вчера расстреливать рабочих, а назавтра под влиянием тумака со стороны буржуазной реакции призывать вас ко всеобщей стачке, как это делают теперь Носке и Эберт.

— «Рабочие Франции и Англии! Неужели вы будете ждать месяцами и, может быть, годами, пока у власти станут официальные социалисты, с тем чтобы через полгода или через год их власть сменилась властью кровавых генералов? Неужели после германского опыта найдется хоть один толковый, сознательный пролетарий в Европе или Америке, который еще будет продолжать верить в «спасительность» коалиционных «демократических» министерств? Нет той силы в мире, которая задержала бы пролетарскую революцию во всей Европе».

Под влиянием этих призывов сотни тысяч рабочих фабрик и заводов, партийных активистов КПГ, НСДПГ, представителей

профсоюзных, молодежных организаций вышли на массовые демонстрации протеста во всех городах и поселках от Ганновера до Брауншвейга. Выступавшие на митингах говорили, что они отказываются повиноваться правительству Каппа, объявляют ему бойкот. Железнодорожники заявили, что не пропустят ни одного поезда, следующего в поддержку военной диктатуры. Они образовали Центральный железнодорожный совет для координации протестных выступлений. На одной из станций при поддержке «пролетарской сотни» рабочих и солдат задержали и разоружили поезд с танками и вооруженным отрядом рейхсвера. Стачки железнодорожников стали мощным средством политической борьбы против путчистов.

Одна из самых крупных забастовок состоялась в Брауншвейге. На митинге представители местного Совета рабочих и солдат выступили с предложением в противовес «Берлинской диктатуре» создать «Социалистическую северо-западную республику» на территории, охватывающей Бремен, Ганновер, Ольденбург, Брауншвейг. В резолюции, одобренной митингующими, говорилось: «Мы желаем сохранить у себя институт рабочих и солдатских советов. Вооруженному нападению на Брауншвейг должно быть немедленно оказано вооруженное сопротивление». Выступавшие на митинге требовали уничтожить милитаризм и монополизм, освободить политических заключенных, устранить из государственных органов оппортунистов и предателей СДПГ, установить отношения с Советской Россией.

Массовые стачки, забастовки, демонстрации рабочего класса, коммунистов, социал-демократов, профсоюзных, молодежных организаций прошли по всей Германии. В них приняли участие около 12 миллионов трудящихся, парализовав на несколько дней промышленность, транспорт, связь. Во многих местах рабочие и солдаты поднялись на вооруженную борьбу против диктатуры милитаристов. Созданная под руководством КПГ и «независимцев» НСДПГ Красная армия в Бремене, Брауншвейге, Руре, насчитывающая более 100 тысяч человек, в вооруженных боях изгнала капповских путчистов из всех крупных промышленных центров.

Вспоминая о тех драматических событиях, Волльвебер пишет: «Во время путча Каппа я был председателем комитета действия членов СДПГ, НСДПГ, КПГ и профсоюзов. Генеральная забастовка, организованная комитетом в регионе, продолжалась дольше, чем в Берлине. Мы остановили и разоружили поезд с танками, создали рабочие отряды самообороны, города и окрестности были полностью под контролем комитета действия».

Благодаря единству действий рабочего класса в союзе с коммунистами, независимыми социал-демократами, профсоюзными активистами, крестьянством, интеллигенцией, представителями средних слоев буржуазии Капповский путч, продолжавшийся четыре дня с 13 по 17 марта 1920 года, был подавлен. В. Капп бежал на самолете в Швецию.

«Безумное предприятие Каппа-Лютвица, встретив отрицательное отношение со стороны колоссального большинства народа, было ликвидировано в четыре дня, но последствия его еще долго будут давать о себе знать, — отмечает Носке. — В Рейнско-Вестфальском промышленном округе коммунисты, узнав об этом бунте, как по сигналу встали и вступили в бой за диктатуру пролетариата, и это движение было ликвидировано только после тяжелого вмешательства войск. В состоянии нервного потрясения часть пролетариата ухватилась за крайние, радикальные воззрения, которые негодны для практической политики. Оздоровительный процесс родины, начавшийся в январе, был вдруг прерван... Я вернулся в Берлин из своей поездки в Дрезден и Штутгарт уже не министром. Военный министр должен был явиться козлом отпущения за ошибки других».

Завершая воспоминания и как бы подводя итог своей деятельности на посту военного министра, он прибегает к такому примечательному сравнению: «Утром мы были на пути в Дрезден. Майор фон Гильза, сидевший около меня, заметил, что его что-то беспокоит. Он засунул руку под сиденье и вытащил... ручную гранату, которая, вероятно, выкатилась из гнезда, и мы, не заметив этого, сели на нее... И я, почти как на гранате, готовый каждую минуту разорваться, просидел все время в течение этих последних полутора лет, начиная с восстания в Киле и заканчивая Капповским переворотом!!!» В одной из листовок бастовавших рабочих, разогнанных карателями «кровавой собаки», напечатано стихотворение «Сон Носке»:

Спит Носке, сон тяжелый видит
И, ужасом объятый, стонет.
Все те, кого убить велел он,
Стоят пред ним, как бы живые.

Один из них кричит ему:
«Ты голову пробил мне пулей!»
Другой хватается за грудь:
«Здесь ты нанес мне рану в сердце».

И множится число видений,
И стонет Носке все сильней...
И снова все кричат ему,
В лицо плюют и проклинают:

«Сражались храбро мы с врагом,
Но не они — ты нас убил!
И нет тебе за то прощенья,
Пока не будешь ты повешен!».

Так бесславно завершилась карьера противника Волльвебера, его же революционная борьба за власть советов в Германии только набирала силу.

* * *

Драматические события, связанные с путчем Каппа, вызвали острый кризис власти в Берлине. Престиж и влияние правящей партии СДПГ резко упали. 27 марта 1920 года вынужден был уйти в отставку рейхсканцлер Густав Бауэр. В обстановке подъема рабочего и профсоюзного движения председатель Объединения германских профсоюзов К. Легин предложил сформировать правительство из представителей независимых НСДПГ, профсоюзов и умеренных СДПГ. Лидеры НСДПГ Доймиг и Криспин долго колебались, вели утомительные переговоры о профсоюзных кандидатах в правительство, которые их не устраивали, и в конечном счете отказались от этой идеи. Между тем лидеры СДПГ, ловко использовав отказ НСДПГ, вступили в союз с буржуазными партиями, и 27 марта образовали коалиционное правительство во главе с социал-демократом Германом Мюллером. Но из-за массовых протестов рабочих, профсоюзов, трудящихся, продержавшись у власти менее трех месяце, 20 июня оно было

смещено. 21 июня впервые после Ноябрьской революции в Германии было образовано буржуазное правительство без участия СДПГ. Рейхсканцлером стал Константин Ференбах. Правда, и его правление продлится менее года — до мая 1921 года. В результате внутриполитической борьбы партий, союзов, монополистических объединений с 1919 по 1932 год в Германии сменится 12 правительств, практически ежегодно уходил в отставку и назначался новый рейхсканцлер.

Оценивая политическую ситуацию в Европе в тот период, премьер-министр Великобритании Д. Ллойд-Джордж отмечает: «Наибольшую опасность современного положения я усматриваю в возможности союза Германии с Россией. Германия может предоставить свои богатства, свой опыт, свои обширные организационные способности в распоряжение фанатиков-революционеров... Современное немецкое правительство слабо и не пользуется престижем; оно держится только потому, что вне его имеется лишь возможность захвата власти спартаковцами, а для этого Германия еще не созрела. Однако спартаковцы пользуются в настоящий момент большим успехом... Если в Германии власть будет захвачена спартаковцами, она неизбежно соединит свою судьбу с судьбой Советской России. И если это произойдет, вся Восточная Европа будет вовлечена в большевистскую революцию, и через год перед нами будет под командой немецких генералов и инструкторов многомиллионная Красная армия, снабженная немецкими пушками и пулеметами и готовая к нападению на Западную Европу» (меморандум Ллойд-Джорджа от 25 марта 1919 года, врученный Версальскому Совету четырех).

Мятеж генералов был подавлен, но последствия его, по словам Носке, давали о себе знать. В Руре, Брауншвейге шли «бои за диктатуру пролетариата». Волльвебер руководил там «пролетарскими сотнями» Красной армии, вставшей на защиту Советов рабочих и солдатских депутатов. По вечерам, устав за день от караульных и дозорных обходов, стычек с контрреволюционными группировками, он вместе со своими «сотниками», собравшись в тесный кружок, обсуждал горячие события революционной борьбы, вести из дома, житье-бытье. Эти посиделки завершались дружным исполнением напечатанной в листовке песни:

Под развевающимися красными знаменами
Они стоят на каждой фабрике,
Все, кто хочет, все, кто предчувствует
Восход республики рабочих.
Смерть не страшит красные легионы,
Которых убивают наймиты Носке.
Они шагают в ногу с миллионами,
Которые по всей земле идут за Лениным,
Да здравствует Ленин!

Эта песня потом публиковалась в многочисленных сборниках: «Вперед на красный штурм! Сборник песен борьбы», «С песней на борьбу», «Сборник рабочих песен. С Лениным». Вместе с ней часто помещалась еще одна популярная песня борьбы немецких рабочих — «Красный Веддинг»:

Республика наша — красивый дворец,
Но только построил его глупец
Среди реакционных болот.
Возведем мы жилище на собственный вкус,
Мы построим Германский советский союз,
Свободы надежный оплот.

В боях и на баррикадах забастовок в Руре вновь пересекаются пути Волльвебера и Рихарда Зорге, который в 1920 году обучался в Высшей технической школе города Ахена, участвовал в революционной борьбе против военной диктатуры: «Во время Капповского путча стал членом стачечного комитета, вследствие чего лишился своего места работы и должен был спасаться от преследования оккупационных властей, — пишет Зорге в автобиографии. — Некоторое время после этого был чернорабочим в угольном бассейне Ахена... В конце 1920 года товарищи из Ремшайда (город в Руре. — *Е. Г.*) предложили мне работать у них в качестве пропагандиста, инструктора и т. п.». По заданию партии Зорге направляется в землю Северный Рейн — Вестфалия (промышленный Рур), поселяется в городе Золинген, устраивается на должность политического редактора газеты «Бергише арбайтерштимме» — печатный орган КПГ, которую постоянно читал Волльвебер.

Сотни тысяч рабочих, шахтеров промышленного Рура, прогнав путчистов, продолжали борьбу за установление советской

власти «вопреки требованию правительства» в Берлине. 19 марта 1920 года части Красной армии взяли Дортмунд, Гельзенкирхен, Ремсхейд, Эссен. 20 марта «пролетарские сотни» ударами из Дюссельдорфа и Эссена взяли города Мюльгейм, Дуйсбург, Хамборн; форсировали Рейнский канал северо-западнее Дортмунда. В Берлине «пролетарские сотни» коммунистов овладели районом Веддинг.

17 марта 1920 года Ленин направил Сталину телеграмму, в которой писал: «Только что пришло известие из Германии, что в Берлине идет бой и что спартаковцы завладели частью города. Кто победит неизвестно, но для нас необходимо максимально ускорить овладение Крымом, чтобы иметь вполне свободные руки, ибо гражданская война в Германии может заставить нас двинуться на Запад на помощь коммунистам».

Вернувшийся в президентское кресло Эберт был перепуган восстанием рабочих больше, чем путчем Каппа. Он обратился к странам Антанты за разрешением ввести в Рур войска «для борьбы с коммунистами». Между тем Красная армия по просьбе местных советов рабочих продолжала занимать город за городом, обеспечивая их безопасность. 22 марта части РКА форсировали реку Липпе и взяли под контроль Вольтен, Гальтем, Ольфег, Дорстен. 23 марта «пролетарские сотни» вошли в города Везель и Хилтуп.

Чтобы остановить победоносное продвижение Красной армии, Эберт направил в Рур уполномоченного правительства Карла Зеверинга, который сходу вступил в переговоры с руководством забастовочного комитета. В результате было заключено соглашение о прекращении вооруженной борьбы при условии отказа правительства от применения войск против РКА. Руководители Рурского восстания согласились отвести части Красной армии за реку Липпе. Между ними и войсками рейхсвера устанавливалась нейтральная зона.

Направляя в Рур Зеверинга, изворотливый Эберт явно выигрывал время для получения разрешения о вводе войск. 3 апреля в нарушение соглашения с РКА от 22 марта 20-тысячная армия (пять пехотных и одна кавалерийская дивизии) вторглись в Рурскую область, завязались кровавые бои с Красной армией. Через два дня рурское восстание рабочих было подавлено, но не побе-

ждено. «Пролетарские сотни» организованно отступили, сохранив силы и боевые порядки для дальнейшей борьбы за социалистическую Германию.

Совместная борьба Волльвебера плечом к плечу с социал-демократами в «Комитете действия» против капповского путча содействовала сближению КПГ с левым крылом независимой НСДПГ. При обсуждении идейно-политической борьбы за власть советов в Германии левые социал-демократы проявили большой интерес к материалам III Коммунистического Интернационала. Эрнст ознакомил их с манифестом, решениями Первого конгресса КИ. Многие члены НСДПГ высказывались за присоединение к Коминтерну.

Сплочению рядов КПГ и НСДПГ способствовало солидарное движение летом 1920 года «Руки прочь от Советской России!», которое приняло в Германии широкий размах в связи с советско-польской войной. Страны Антанты, США оказали полякам существенную материальную, в том числе военную, помощь, направили в польскую армию большое количество вооружения, военных советников. Соотношение сил изменилось не в пользу Красной армии, которая потерпела поражение под Варшавой в августе 1920 года («Чудо на Висле»).

В выступлениях на митингах «независимцы» и коммунисты, используя предоставленные Эрнстом заявления и публикации газеты «Роте фане», советской прессы, разъясняли, что польская война является «новой попыткой Антанты в империалистической борьбе с Советской Россией». В качестве врага выставлялась польская буржуазия, в то время как простые поляки изображались жертвами агрессивных устремлений политиканов-авантюристов. Приводились выдержки из статьи Радека («Правда», 1 мая 1920 года) о том, что «когда Советская Россия справится с этими авантюристами контрреволюции, между польским и русским народом не будет никаких спорных территориальных или экономических вопросов, для них будут существовать только вопросы о том, как можно наиболее целесообразно начать общими силами строить новую жизнь во благо польского и русского рабочего класса».

В дополнение к этому цитировались слова лидера московских коммунистов Л. Каменева («Правда», 13 июня 1920 года),

припомнившего известные стихи Пушкина: «Пусть знает вожак грабителей и палачей Польши пан Пилсудский, что к нему русские и польские коммунисты применят жестокие и обрекающие слова:

Самовластительный злодей, тебя,
Твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей,
Я с злобной радостью увижу».

В политическом отчете на IX Всероссийской конференции РКП(б) 22 сентября 1920 года Ленин, давая оценку сложившегося положения после поражения Красной армии под Варшавой, сказал: «Последствия военные не означают последствий [для] Коммунистического Интернационала. Под шумок войны Коминтерн выковал оружие и отточил его так, что господа империалисты его не сломают. Развитие всех партий идет пока по-нашему, так, как предписано Коминтерном... Дело сводится к темпу развития, к условиям развития. Мы не в состоянии были одержать решающей военной победы, которая разбила бы Версальский мир. Мы имели бы перед собой разорванный Версальский договор всемирного торжествующего империализма, но мы этого сделать оказались не в силах. Основная наша политика осталась та же. Мы пользуемся всякой возможностью перейти от обороны к наступлению. Мы уже надорвали Версальский договор и дорвем его при первом удобном случае».

Поражение в польской войне заставило руководство РКП(б) принять специальное постановление о реорганизации работы разведки: «Слабейшим местом нашего военного аппарата является, безусловно, постановка агентурной работы, что особенно ясно обнаружилось во время польской кампании. Мы шли на Варшаву вслепую и потерпели катастрофу. Учитывая ту сложившуюся международную обстановку, в которой мы находимся, необходимо поставить вопрос о нашей разведке на надлежащую высоту. Только серьезная, правильно поставленная разведка спасет нас от случайных ходов вслепую».

20 декабря 1920 года. председатель ВЧК Ф. Дзержинский подписал исторический приказ № 169 о создании Иностранного отдела, который стал административно-правовым актом, офор-

мившим создание советской внешней разведки (ее правопреемницей является действующая ныне Служба внешней разведки Российской Федерации). В нем говорилось:

«1. Иностранный отдел Особого отдела ВЧК расформировать и организовать Иностранный отдел ВЧК.

2. Всех сотрудников, инвентарь и дела Иностранного отдела Особого отдела ВЧК передать в распоряжение вновь организуемого Иностранного отдела ВЧК.

3. Иностранный отдел подчинить начальнику Особого отдела тов. Менжинскому.

4. Врид. начальника Иностранного отдела ВЧК назначается тов. Давыдов, которому в недельный срок представить на утверждение Президиума штаты Иностранного отдела.

5. С опубликованием настоящего приказа все сношения с заграницей, Наркоминделом, Наркомвнешторгом, Центроэваком и Бюро Коминтерна всем отделам ВЧК производить только через Иностранный отдел».

На ИНО ВЧК возлагалось выполнение следующих функций: организация разведывательных аппаратов (резидентур) за границей и руководство их деятельностью; проведение агентурно-оперативной работы среди иностранных граждан на территории РСФСР; решение всех вопросов, связанных с въездом и выездом из РСФСР как советских, так и иностранных граждан.

С учетом возложенных на ИНО функций Ф. Дзержинский 30 декабря 1920 года утвердил его структуру и штатное расписание. Отдел возглавил начальник — видный большевик, глубоко и разносторонне образованный человек Яков Христофорович Давтян (он же Давыдов), имевший двух помощников. В его штате числилось порядка 70 сотрудников. В подавляющем большинстве это были зрелые, закаленные жизнью люди, имевшие опыт революционной, подпольной работы. Многие из них долгие годы жили в эмиграции за границей, знали один или несколько иностранных языков. С первых шагов внешняя разведка тесно координировала свою деятельность с контрразведывательными подразделениями ВЧК. В этой связи 14 января 1921 года ИНО и другие оперативные подразделения ВЧК — информационный, секретный, оперативный, особый отделы — были включены в Секретно-оперативное управление

(СОУ), сосредоточившее всю разведывательную и контрразведывательную деятельность в стране и за ее пределами. Руководителем СОУ был назначен соратник Ф. Дзержинского член Коллегии ВЧК Вячеслав Рудольфович Менжинский, хорошо знавший Германию, работавший в 1918 году генеральным консулом РСФСР в Берлине.

Участвуя в движении «Руки прочь от Советской России», Волльвебер в то время еще понятия не имел о столь важных решениях реорганизации советской разведки, вызванных поражением Красной армии под Варшавой. Он узнает о существовании ИНО и СОУ через два года, когда исполнится его мечта — в составе делегации КПГ он прибудет в Москву на Четвертый конгресс Коминтерна, встретится с Лениным. Движение в поддержку России Эрнст активно использовал для привлечения левых «независимцев» в ряды компартии.

КПГ и НСДПГ практически с единых позиций выступали в политической кампании по выборам в рейхстаг 6 июня 1920 года. В обращении к избирателям подчеркивалось, что «только социализм принесет спасение» в преодолении тяжелого экономического кризиса, вызванного господством капитализма. Путь к социализму лежит через установление советской власти, диктатуры пролетариата. Содержались требования разоружения и роспуска контрреволюционных воинских формирований, замены их войсками, составленными из рабочих и возглавляемыми политически надежными командирами; отмены чрезвычайного положения, амнистии заключенных революционеров, наказания участников Капповского путча, карателей Носке и Шейдемана; осуществления социализации производства, установления дружественных отношений с Советской Россией.

Эта предвыборная программа принесла на выборах большой успех, особенно «независимцам»: за НСДПГ проголосовало около 5 миллионов избирателей (18,8 %), за СДПГ — 5,6 миллиона (21,6 %), за КПГ — 441 793 (1,7 %) принявших участие в голосовании. Фракция НСДПГ насчитывала 81 члена, СДПГ — 94, КПГ имела в рейхстаге двух своих представителей. Правящие социал-демократы потеряли на выборах почти 6 миллионов голосов. Скромные результаты КПГ объясняются слабостью центрального руководства партии в организации кампании коммунистов

из-за потери популярных лидеров (Либкнехта, Люксембург, Иогихеса, Левине), левацкими промахами, приведшими к разгрому восстаний рабочих в ряде городов.

Целенаправленная агитационная работа Волльвебера по перетягиванию левых «независимцев» на свою сторону приносила положительные результаты. В руководимом им партийном округе Гессена-Вальдека КПГ и революционное крыло НСДПГ действовали уже не как соперники, а как союзники, с которыми коммунистам предстояло объединиться в недалеком будущем.

Под давлением левых «независимцев» руководство НСДПГ вынуждено было вступить в переговоры с РКП(б) об условиях вступления в Коминтерн. Соответствующее письмо ЦК НСДПГ было передано через Радека в Исполком КИ. Председатель Бюро ИККИ Г. Зиновьев попросил Ленина составить проект ответа «независимцам» от имени РКП(б). Ленин рекомендовал: «...Ответить надо так, чтобы разъяснить дело массам рабочих, сочувствующих диктатуре пролетариата и советской системе, — рабочих, коих... обманывают (сознательно и бессознательно, т. е. в силу самообмана) вожди, на словах лишь подписывающиеся под этими популярными среди рабочих лозунгами (диктатура пролетариата и советская власть), на деле же ведущих работу, пропаганду, агитацию и пр., по-старому, не в духе этих лозунгов, в духе, противоречащем этим лозунгам»[1].

Эта ленинская рекомендация почти дословно воспроизводилась в письме ИККИ «Ко всем рабочим Германии, Центральному Комитету Германской Коммунистической партии и Центральному Комитету Независимой социал-демократической партии», врученном руководству НСДПГ в апреле 1920 года. Между правыми и левыми «независимцами» существовали принципиальные разногласия по вопросу вхождения в Коминтерн. Правые вожди пытались всячески замолчать получение такого письма, упорно отказывались отвечать на него. В мае ИККИ направило в ЦК НСДПГ телеграмму с предложением прислать в Москву представителей для переговоров. Письмо Коминтерна «Ко всем рабочим Германии...» было опубликовано в печатном органе КПГ «Роте фане» и затем в некоторых

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 54.

провинциальных газетах, руководимых левыми «независимцами». В июне 1920 года секретариат КИ прислал в ЦК НСДПГ повестку дня Второго конгресса Коминтерна, что было воспринято как приглашение на конгресс.

Настойчивость ИККИ, а также давление со стороны левых «независимцев» и коммунистов вынудили руководство НСДПГ предпринять практические шаги по организации переговоров с Коминтерном, был определен состав делегации для поездки в Москву. В нее вошли члены ЦК НСДПГ Дитман, Доймиг, Криспин, Штекер, между которыми существовали расхождения относительно налаживания сотрудничества с КИ. Доймиг и Штекер действительно хотели объединения с Коминтерном, надеясь тем самым укрепить революционные силы в Германии; Дитман и Криспин же были готовы взаимодействовать с КИ лишь при условии сохранения полной автономии, другими словами, проведения прежнего центристского, оппортунистического курса политики НСДПГ.

Большое значение в идейном и организационном укреплении КПГ, урегулировании взаимоотношений с НСДПГ имели решения Второго Всемирного конгресса Коминтерна, прошедшего в июле–августе 1920 года. Основное направление его работы было задано Лениным в брошюре «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», «Тезисах об основных задачах Второго конгресса Коммунистического Интернационала», в докладах и выступлениях на конгрессе. Говоря о революционной борьбе пролетариата, политике Коминтерна по «сближению трудящихся масс всех наций и стран» для обеспечения победы над капитализмом, Ленин подчеркивает: «Мировая политическая обстановка поставила теперь на очередь дня диктатуру пролетариата, и все события мировой политики сосредотачиваются неизбежно вокруг одного центрального пункта, именно: борьбы всемирной буржуазии против Советской Российской республики, которая группирует вокруг себя неминуемо, с одной стороны, советские движения передовых рабочих всех стран, с другой стороны, все национально-освободительные движения колоний и угнетенных народностей, убеждающихся на горьком опыте, что им нет спасения, кроме как в победе советской власти над всемирным империализмом».

В манифесте Второго конгресса КИ подчеркивалось: «Советская Германия, объединенная с Советской Россией, оказалась бы сразу сильнее всех капиталистических государств вместе взятых! Международный пролетариат не вложит меча в ножны до тех пор, пока Советская Россия не включится звеном в федерацию советских республик всего мира». Таким образом, осью стратегии и тактики Коминтерна провозглашалась концепция мировой революции. Это признавали как руководители КИ, так и лидеры национальных компартий. Манифест подписали главы 32 делегаций.

Важными задачами компартий «во всей пропаганде и агитации — с парламентской трибуны и вне ее — должны быть разоблачение лжи и лицемерия буржуазной демократии, борьба с оппортунистическими и мещански-пацифистскими извращениями», с «подлым предательством социализма большинством официальных вождей пролетариата в 1914–1919 годах». При этом следует иметь в виду: «Борьба с этим злом, с наиболее закоренелыми мелкобуржуазными предрассудками, тем более выдвигается на первый план, чем злободневнее становится задача превращения диктатуры пролетариата из национальной (т. е. существующей в одной стране и неспособной определять всемирную политику) в интернациональную (т. е. диктатуру пролетариата по крайней мере нескольких передовых стран, способную иметь решающее влияние на всю мировую политику)... Пролетарский интернационализм требует, во-первых, подчинения интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе; во-вторых, способности и готовности со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитализма».

В структуре Исполкома Коминтерна был создан Секретный отдел, обеспечивающий конспиративные связи между штабквартирой КИ и иностранными компартиями. Отдел осуществлял: переправку корреспонденции (документов, директив, писем), доставку денег и ценностей, переброску партийных функционеров, оружия из страны в страну. В целях усиления конспирации в работе ИККИ было принято постановление: «Просить ЦК РКП о том, чтобы 1) в числе со рудников НКИД,

в отделе дипломатических курьеров, был товарищ, назначаемый Коминтерном и исполняющий поручения Коминтерна; 2) то же в Наркомвнешторге; 3) то же в каждой из торговых миссий; 4) чтобы Коминтерну дано было право посылать контролеров, объезжающих все заграничные пункты связи в качестве дипломатических курьеров; 5) чтобы курьеры Коминтерна в пределах РСФСР могли ездить и перевозить грузы по военным литерам».

По указанию Ленина в Берлине открылся Западноевропейский секретариат ИККИ, руководителем которого был назначен Яков Самуилович Рейх. В своих воспоминаниях он пишет: «Меня как-то ночью вызвал к себе Ленин — и с места в карьер: «Вы должны ехать в Германию. Ставить работу Коминтерна надо именно на Западе — и прежде всего в Германии. А там без опытных старых подпольщиков ее не поставить. Их надо высылать из Москвы».

Инструкции Ленина были кратки: «Возьмите как можно больше денег, присылайте отчеты и, если можно, газеты, а вообще делайте, что покажет обстановка. Только делайте!» Сразу же написал соответствующие записки Ганецкому, Дзержинскому... Ганецкий в это время заведовал партийной кассой — не официальной, которой распоряжался ЦК партии, и не правительственной, которой ведали соответствующие инстанции, а секретной партийной кассой, которая была в личном распоряжении Ленина и которой он распоряжался единолично, по своему усмотрению, ни перед кем не отчитываясь».

Для решения вопроса объединения НСДПГ и ей подобных центристских партий с Коминтерном Второй конгресс КИ установил «21 условие приема в Коммунистический Интернационал». В седьмом пункте подчеркивалась необходимость «полного и абсолютного разрыва с реформизмом и с политикой центра». В Условиях указывалось, что «партии, принадлежащие к Коммунистическому Интернационалу, должны быть построены по принципу демократического централизма», ибо «в нынешнюю эпоху обостренной гражданской войны коммунистическая партия сможет выполнить свой долг лишь в том случае, если в ней будет господствовать железная дисциплина, граничащая с дисциплиной военной». Шестнадцатый пункт гласил: «Все постановления съездов Коммунистического Интернационала, как и постановле-

ния его Исполнительного комитета, обязательны для всех партий, входящих в Коммунистический Интернационал». Обязательным условием членства в КИ была поддержка советских республик. С целью изменения характера вступающих в Коминтерн социал-демократических партий последним предлагалось удалить с ответственных постов реформистов и центристов.

Этими «Условиями приема» ИККИ руководствовался в переговорах с присутствовавшими на конгрессе членами делегации НСДПГ. Во время заседания «независимцам» было предложено высказать их отношение к решениям Второго конгресса КИ. Дитман заявил, что по вопросам принципиального политического характера между Коминтерном и НСДПГ существует почти полное единодушие, разногласия начинаются лишь при конкретной формулировке тезисов. Криспин, поддерживая Дитмана, требовал отказа от политики раскола НСДПГ и просил ИККИ высказаться: «Желает ли он иметь в рядах Интернационала нашу партию или лишь осколки от нее...» Стало ясно, что на основе «Условий» соглашение с правыми «независимцами» невозможно. Левые же, Доймиг и Штекер, безоговорочно приветствовали решения конгресса, обещая довести их до сведения партийных организаций и бороться за присоединение НСДПГ к Коминтерну.

Волльвебер внимательно следил за работой конгресса КИ, изучая его решения применительно к политике КПГ, НСДПГ, своей деятельности на посту секретаря окружной парторганизации. Он тщательно, с карандашом в руках проштудировал ленинскую брошюру «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», составив для себя своеобразную памятку:

— О диктатуре: «Диктатура пролетариата есть самая беззаветная и самая беспощадная война нового класса против более могущественного врага, против буржуазии, сопротивление которой удесятерено ее свержением (хотя бы в одной стране) и могущество которой состоит не только в силе международного капитала, в силе и прочности международных связей буржуазии, но и силе привычки, в силе мелкого производства. Ибо мелкого производства осталось еще на свете, к сожалению, очень и очень много, а мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе».

— О дисциплине: «Большевики не продержались бы у власти не то что два с половиной года, но и два с половиной месяца без строжайшей, поистине железной дисциплины в нашей партии... Безусловная централизация и строжайшая дисциплина пролетариата является одним из основных условий для победы над буржуазией... Чем держится дисциплина революционной партии пролетариата? чем она проверяется? чем подкрепляется? Во-первых, сознательностью пролетарского авангарда и его преданностью революции, его выдержкой, самопожертвованием, героизмом. Во-вторых, его умением связаться, сблизиться, до известной степени, если хотите, слиться с самой широкой массой трудящихся, в первую очередь пролетарской, но также и с непролетарской трудящейся массой. В-третьих, правильностью политического руководства, осуществляемого этим авангардом, правильностью его политической стратегии и тактики, при условии чтобы самые широкие массы собственным опытом убедились в этой правильности».

— О «левизне»: «История рабочего движения показывает теперь, что во всех странах предстоит ему (и оно уже начало) пережить борьбу нарождающегося, крепнущего, идущего к победе коммунизма прежде всего и главным образом со своим (для каждой страны) «меньшевизмом», т. е. оппортунизмом и социал-шовинизмом, и в виде, так сказать, дополнения — с «левым» коммунизмом. Первая борьба развернулась во всех странах без единого, по-видимому, изъятия, как борьба II (ныне уже фактически убитого) и III Интернационала. Вторая борьба наблюдается и в Германии, и в Англии, и в Италии, и в Америке (по крайней мере, известная часть «Промышленных рабочих мира» и анархо-синдикалистских течений отстаивает ошибки левого коммунизма наряду с почти всеобщим, почти безраздельным признанием советской системы)... Все дело теперь в том, чтобы коммунисты каждой страны вполне сознательно учли как основные принципиальные задачи борьбы с оппортунизмом и левым доктринерством, так и конкретные особенности борьбы за всемирную советскую республику».

— О тактике и стратегии: «Единство интернациональной тактики коммунистического рабочего движения всех стран требует не устранения разнообразия, не уничтожения национальных

различий, а такого применения основных принципов коммунизма (советская власть и диктатура пролетариата), которое бы правильно видоизменяло эти принципы в частностях, правильно приспосабливало, применяло их к национальным и национально-государственным различиям... Отсюда вытекают два очень важных практических вывода: первый, что революционный класс для осуществления своей задачи должен уметь овладеть всеми, без малейшего изъятия, формами или сторонами общественной деятельности; второй, что революционный класс должен быть готов к быстрой и неожиданной смене одной формы другою... Неопытные революционеры часто думают, что легальные средства борьбы оппортунистичны, ибо буржуазия на этом поприще особенно часто обманывала и дурачила рабочих; нелегальные же средства борьбы революционны. Но это неверно... Революционеры, не умеющие соединять нелегальные формы борьбы со всеми легальными, являются весьма плохими революционерами... Уметь найти, нащупать, верно определить конкретный путь или особый поворот событий, подводящий массы к настоящей, решительной, последней, великой революционной борьбе, — в этом главная задача современного коммунизма в Западной Европе и Америке».

Эти ленинские оценки и рекомендации о подготовке всемирной революции Волльвебер запомнит на всю жизнь и будет руководствоваться ими в своей борьбе за власть советов как революционер и разведчик. Убежденный коммунист, антифашист он твердо верил в светлое будущее коммунизма, построение социалистического общества в России и Германии. Руководя разветвленной агентурной сетью в странах Северной Европы, он наведет железную дисциплину в работе с источниками информации. Проявит умение «слиться» с матросским братством, понимание «души», национального характера моряков многих стран. Строгий, критично настроенный по отношению к себе и товарищам, он будет последовательно бороться с оппортунизмом, предательством, левым доктринерством.

После возвращения делегации НСДПГ в Берлин началась яростная полемика по вопросу вступления «независимцев» в Коминтерн. Правые вожди развернули пропагандистскую кампанию против принятия «21 условия». Дитман, Криспин,

Каутский, Гильфердинг в извращенном свете трактовали переговоры с ИККИ, чернили Коминтерн как орудие внешней политики Москвы, «диктатуры пролетариата». Против правых энергично выступали лидеры левого крыла НСДПГ В. Штекер, Э. Доймиг. Ф. Далем, В. Кенен. Яркую речь произнес Штекер, подвергший резкой критике поведение Дитмана и Криспина, руководимой правыми прессы НСДПГ. Призывая к безоговорочному присоединению к Коминтерну, он заявил: «Мы считаем, что III Интернационал действительно является Интернационалом, который нужен революционному пролетариату в его борьбе».

29 сентября ИККИ обратился с «Открытым письмом» к членам НСДПГ, в котором излагалась подлинная история переговоров делегации «независимцев» в Москве; разъяснялся политический смысл «21 условия». Исполком КИ призывал: «Германские рабочие! Не бойтесь разрыва с правыми вождями. Пусть Гильфердинг и Каутский объединяются с Шейдеманом и Носке — туда им и дорога. Тенденция развития несомненно к тому идет, что правое крыло «независимцев» объединится с шейдемановской партией. Зато рабочее ядро независимой партии вместе со спартаковцами должно и может создать единую могучую коммунистическую партию, твердыню Коммунистического Интернационала в Германии».

Левых «независимцев» активно поддерживала КПГ, организовавшая в сентябре 1920 года в Ганновере, Галле, Дуйсбурге, Мюнхене, Хемнице, других городах 15 публичных собраний, на которых обсуждалась тема «Борьба за III Интернационал». Э. Волльвебер, О. Гешке, Ф. Геккерт, В. Пик разъясняли на манифестациях настоящую политику Коминтерна, цитировали тезисы опубликованной 12 сентября в газетах «Правда» и «Известия» статьи Ленина, его письма немецким и французским рабочим от 24 сентября, в которых вскрывалась причина того, почему буржуазная пресса отстаивала взгляды правых вождей НСДПГ. «Это вполне понятно, — писал Ленин, — ибо эти правые элементы по сути дела являются мелкобуржуазными демократами, которые, подобно Дитману и Криспину, не умеют мыслить революционно, не способны помогать рабочему классу готовиться к революции и осуществлять революцию».

Пропагандистская кампания коммунистов имела широкий отклик «независимцев». За присоединение к Коминтерну высказались организации НСДПГ Галле, Гамбурга, Ганновера, Золингена, Кёльна, Нюрнберга, Ремшайда, Эссена, Верхней Силезии, трех округов Берлина (№ 3, 9, 11).

Окончательное размежевание сил произошло на Галльском чрезвычайном съезде НСДПГ 12–17 октября 1920 года. Важное значение имели выступления прибывших на съезд представителей ИККИ Зиновьева и Лозовского, разъяснивших идейно-политический смысл «Условий приема» и политики Коминтерна.

В декабре 1920 года произошло историческое объединение левых «независимцев» с КПГ. Новая партия получила название Объединенная Коммунистическая партия Германии (ОКПГ). Она превратилась в массовую революционную партию, насчитывающую в своих рядах более 300 тысяч членов. Это была большая победа германского рабочего движения, достигнутая при помощи Коминтерна, и одновременно поражение оппортунистического центризма НСДПГ, который тормозил развитие классовой борьбы пролетариата, всячески препятствовал деятельности коммунистов. Свою лепту в этот успех КПГ внес и Волльвебер, последовательно разоблачавший оппортунизм социал-демократов во время восстания матросов в Киле, провозглашения Бременской Советской республики, в работе на посту секретаря партийной организации Ганновера-Брауншвейга. Председателями ОКПГ были избраны Э. Доймиг и П. Леви.

Объединение существенно расширило и укрепило влияние КПГ в революционных кругах рабочего класса. Если до этого компартия в борьбе за овладение большинством пролетариата сосредотачивала свои усилия прежде всего на завоевании рабочих, организованных в НСДПГ, то теперь она все успешнее выдвигала на передний план повседневные политические и экономические требования, направленные на защиту демократических прав и свобод трудящихся масс. Партия перешла к систематической работе в профсоюзах, крестьянской среде, молодежных организациях; к использованию трибуны парламента для разъяснения своих программных установок, мобилизации народа на борьбу за власть советов. Возникли такие массовые революционные организации, как Коммунистический союз молодежи Германии (КСМГ), Красный интернационал профсоюзов (Профинтерн), Международный крестьянский совет (Крестьянский интернационал), Международная организация помощи революционерам (МОПР).

1921 год — поворотная горячая, мятежная развилка в революционном движении России и Германии. «Гражданская война во всем мире поставлена в порядок дня. Знаменем ее является советская власть», — провозгласил Манифест Второго конгресса Коминтерна. В феврале–марте 1921 года в России могла совершиться третья революция, советская власть была на краю гибели. Ожесточенность Гражданской войны, бушевавшей более четырех лет, с конца 1917 по конец 1921 года, привела к чудовищному истощению России. Промышленная разруха, военный коммунизм, продразверстка, в деревнях реквизиции, холод, голод привели к крестьянским бунтам, недовольству рабочих, солдат, матросов, выходцев из крестьян. «Советы без коммунистов», «Власть трудящихся без ЧК и диктатуры РКП(б)» — эти лозунги набирают силу. В феврале в Петрограде из-за забастовок на заводах вводится военное положение, запрещены «митинги, сборища и собрания», кто нарушил — ответит «по законам военного времени». Плюс «революционные тройки» — военно-административное управление в каждом районе, масса арестов. Во всем обвиняют внешнего врага: «Англия, Франция, Польша и др. имеют своих шпионов в Петрограде». Их цель — «создать панику, посеять смуту... поработить, заполонить Россию... Всем быть на страже! Смерть шпионам!»

В Кронштадте — те же тяготы и недовольство советской властью, что и в Петрограде. 27–28 февраля на линкорах «Петропавловск», «Севастополь» (ядро морских сил) проходят собрания экипажей, гарнизонные митинги. В принятых на них резолюциях выдвигаются требования: снять загранотряды, крестьянам — свободное распоряжение землей, свободу промысла, перевыборы Советов, свободу слова и печати, освободить политзаключенных, упразднить ЧК и политотделы, прочие любые объединения коммунистов в частях и на предприятиях.

Так начался Кронштадтский мятеж. А дальше день за днем новые требования: «Долой комиссародержавие! Да будет проклято ненавистное иго коммунистов! Долой партийный гнет! Да здравствует власть рабочих и крестьян! Да здравствуют сво-

бодно избранные Советы!» С такими призывами выступали матросы, или, как говорили тогда, «матросы бузят».

Вся власть в Кронштадте переходит в руки Временного революционного комитета (ВРК) — 15 членов во главе со старшим писарем Степаном Петриченко, а рядом с ним машинисты, телефонист, заведующий обозом, штурман, гальванеры, рабочий, заведующий трудовой школой. Все — свои, ждут восстания или помощи из Птерограда: «К вам, народы всего мира, несется этот клич из далекого Кронштадта, восставшего против неописуемого гнета шайки преступников, захватившей власть над истерзанной Россией».

Неслыханные, вызывающие обвинения коммунистов. Кронштадт становится серьезной угрозой, миной замедленного действия, которая может подорвать власть РКП(б), все завоевания Октября. В войсках и на Балтфлоте — много «деревенских», солдат и матросов из крестьян, которые могут поджечь фитиль цепной реакции захвата власти.

В Москве в ответ на клевету мятежников срочно распространяют версию о контрреволюционном заговоре золотопогонников, кадетов, эсеров. Во главе мятежа — генерал Александр Козловский, царский спец, начальник артиллерии Кронштадтской крепости. Заговорщики заручились поддержкой международного империализма. Семья Козловского — жена и четыре сына — взяты в заложники. В Петроград летит правительственная шифровка: «Бывшего генерала Козловского и его сподвижников объявить вне закона. Город Петроград и Петроградскую губернию объявить на осадном положении. Всю полноту власти передать Комитету обороны Петрограда. Подписи — Ленин, Троцкий». В Северной столице находится 22 тысячи матросов, и есть риск, что они придут на помощь мятежникам. Эта неустойчивая масса представляла собою постоянную и весьма грозную опасность для города. Их пытались вывезти из Петрограда.

7 марта для подавления мятежа воссоздается 7-я армия под командованием Михаила Тухачевского, который дает команду: «Приказываю взять штурмом взбунтовавшуюся крепость... Приступ вести стремительно и смело, подготовив его ураганным артиллерийским огнем». 8 марта эта «стремительная» атака терпит полную неудачу. Причины — перебежчики, отказы идти в наступление, «превосходство артогня, сил противника и, главным образом, крайняя нерешительность действий».

Победоносный штурм задумывался как подарок X съезду РКП(б), который начал работу 8 марта. Его провал вызвал переполох среди делегатов съезда, в правительстве, штабе Красной армии. Все понимали — с подавлением мятежа надо спешить: время не терпит, весна, «поверхность льда в заливе покрывается водой». Отдаются распоряжения о наращивании войск, усилении бомбежек. С 8 по 13 марта на мятежников сбрасывается более 4 тысяч бомб, идут артдуэли. 14 марта предпринимается новая ночная атака на Кронштадт, сопровождаемая жестокими приказами: «При взятии форта жестоко расправиться с мятежниками, расстреливать без всякого сожаления там находящихся... Пленных быть не должно». Вводятся заградотряды: «Всех дезертиров и паникеров расстреливать на месте». И снова неудача, одна из бригад отказалась выйти на позицию.

Штаб РККА формирует новую армию в «15 998 штыков, 354 сабли», плюс тяжелые артдивизионы, несколько бронепоездов, 40 аэропланов. Рядовой состав бригад и полков укрепляется коммунистами. Решающий штурм крепости начался ночью 17 марта после многочасовой артподготовки. Руководитель ВРК Петриченко вспоминает: «Противник повел наступление густыми колоннами в белых халатах на очень большом протяжении, стремясь охватить Кронштадт с восточной, южной и западной стороны. Цепи наступающих были встречены огнем наших батарей и пулеметов. Люди, как снопы, валились, но оставшиеся продолжали, рассыпавшись во все стороны, двигаться вперед».

Бои шли всю ночь и день. Поздним вечером 17 марта Тухачевский приказывает: «Решительно развить первоначальный успех штурма... Атаковать линкоры «Петропавловск» и «Севастополь» удушливыми газами и ядовитыми снарядами». Утром 18 марта Петриченко записывает: «Голодный паек, 15-дневная бессменная служба, десятидневный бой, а особенно последний день... окончательно подорвали силы гарнизона. Убыль гарнизона, неимение резервов, отсутствие надежды как на приток продовольствия, так и на живую помощь, показали, что последней атаки нам не отбить».

Выход для оставшихся мятежников был один — отходить к финляндской границе. ВРК почти в полном составе и еще около 8 ты-

сяч человек из Кронштадта добрались до финского городка Териоки (ныне российский курорт Зеленогорск). «В ночь на 18/3 начался по льду приток в Финляндию тысяч кронштадтских беженцев, — писала местная финская газета. — Они были голодны, и утром их можно было видеть в Териоках просящими кусок...»

В боях с мятежниками потери 7-й армии составили 4937 человек, из них около 2600 человек — ранеными и контуженными. Взяты в плен 6385 человек, из них остались на судах и в береговых частях — 3939 человек. Экипажи не дали взорвать линкоры «Петропавловск» и «Севастополь», сложив оружие на условиях сохранения жизни. Линкоры были переименованы потом в «Марат» и «Парижская Комунна», чтобы забыть кровавый мятеж. Коммунисты, арестованные ВРК, не пострадали, их освободили во время штурма.

Из активных участников мятежа было арестовано 3 тысячи человек, из них 1200 человек (40 %) приговорены к высшей мере наказания; 25 % — к пяти годам принудительных работ, 35 % освобождены. На Балтфлоте проведена «фильтрация» военморов. Семьи расстрелянных отосланы на родину, из Кронштадта выселены «нетрудовые элементы». Вожак РВК Петриченко в 1945 году был выдан Финляндией СССР, осужден на 10 лет, сгинул в лагерях в 1947 году.

«Страшные времена. Человек на человека, брат на брата. Не дай Бог, чтобы еще раз, хотя бы на шаг приблизиться к этому голоду, холоду, к диктату, к безличности и безжалостности 1921-го, — подводит итог тех событий доктор экономических наук Яков Миркин в статье «Мы из Кронштадта». — Мы не имеем больше права даже на малейшую ошибку. Никогда больше в будущей истории России не должно быть ни одного движения навстречу Кронштадту или любому из десятков мятежей и восстаний, случившихся 100 лет тому назад. Ни за что. Мы все вместе, как народ, больше этого не выдержим» («Родина», 2021, № 3).

Моряк Волльвебер, крепко связанный с матросским братством, пристально следил за мятежом. Он много читал о крепости, во время восстания в Киле хотел угнать в Кронштадт один из кораблей немецкого флота, чтобы передать его советской власти, поэтому близко к сердцу воспринимал трагедию моряков Балтфлота.

Эрнст с удвоенной силой включается в кампанию «Руки прочь от Советской России», которую развернули коммунисты, стремясь в критический момент поддержать большевиков. Одновременно новое руководство ОКПГ организует забастовочную борьбу за улучшение социально-экономического положения рабочего класса. Используя недовольство широких народных масс буржуазным правительством К. Ференбаха, которое своими постановлениями пыталось переложить все тяготы на плечи пролетариата, ОКПГ обратилась с «Открытым письмом» к руководству профсоюзов, СДПГ, НСДПГ с предложением совместной борьбы в защиту жизненных интересов трудящихся. Коммунисты предлагали добиваться повышения заработной платы рабочих и служащих, пенсий для престарелых и инвалидов, пособий для безработных, снижения цен на продовольствие и предметы первой необходимости; немедленного роспуска буржуазных, военизированных организаций, создания пролетарских отрядов самообороны, амнистии политзаключенным; отмены запрета стачек, установления дипломатических и торговых отношений с Советской Россией.

Эта инициатива получила широкую поддержку рабочих, профсоюзов, но лидеры СДПГ и НСДПГ отвергли предложение ОКПГ как якобы ловкий тактический ход, призванный укрепить только позиции коммунистов. Из страха перед растущим влиянием ОКПГ в массах вожди социал-демократов развернули антикоммунистическую кампанию, стремясь подорвать ее позиции, внести раскол в новое руководство партии после объединения КПГ с НСДПГ.

На призыв коммунистов к забастовкам откликнулся пролетариат промышленной области Центральной Германии, во главе которого выступили рабочие горнорудного района, завода «Лейна», шахт и фабрик Рура — оплот компартии. Для координации действий компартии и Коминтерна в руководстве забастовочной борьбой Москва направила в Германию представителей Коминтерна Белу Куна, Йозефа Поганя (Пеппера) и Августа Гуральского (настоящее имя Абрам Яковлевич Хейфец). Очевидец тех событий М. Бубер-Нейман вспоминает: «Прежде всего ставилась задача спровоцировать революционное выступление в Германии. С этой целью в Берлин были посланы эмиссары Коминтерна: венгерский коммунист Пеппер (Погань), член Коммунистической партии Польши Гуральский и специалист по подготовке восстаний Бела Кун. Эмиссары Коминтерна считали, что момент

решающих сражений пришел. С оптимистическим лозунгом «Время для удара созрело!» они готовились к открытому выступлению. В письме Карла Радека от 14 марта 1921 года, направленном «В ЦК ОКПГ», написано: «Если вы сейчас не сделаете все для того, чтобы путем непрерывной пропаганды открытых выступлений коммунистических масс вызвать чувство их необходимости, вы опять окажетесь беспомощными в ответственный момент... В случае, когда начинается война, думают не о мире, а о получении оружия».

При обсуждении сложившейся ситуации избирается «тактика наступления», провоцирования врага как средства разжигания революционного пожара, подталкивания бастующих на конфронтацию с властью. В качестве примера приводились дерзкие операции отряда Макса Хольца численностью 200 человек. Боевики под его командованием грабили банки, офисы владельцев крупных фирм, похищали с целью выкупа банкиров, бизнесменов, коммерсантов; подрывали поезда и помещения монополистов. Естественно, правительство в Берлине не могло терпеть такие преступные деяния. Полиция силой оружия подавила боевиков, многие были арестованы, в том числе Макс Хольц, приговоренный к пожизненным каторжным работам.

Инициаторы «тактики наступления» исходили из того, что забастовочное движение промышленных центров Галле-Мерзебурга будет подхвачено протестными выступлениями рабочих, профсоюзов других регионов и постепенно перерастет в общегерманское восстание пролетариата. Но ожидаемой мобилизации народных масс, которое позволило бы коммунистам выдвинуться на лидирующие позиции, не получилось. Энергия протеста трудящихся день за днем растрачивалась на многочисленные митинги, заседания, призывы. Создавались комитеты действия вместо самого действия и борьбы, принимались резолюции вместо революции. Правительство, поняв, что протесты рабочих и коммунистов ограничены лишь несколькими районами и не находят солидарной поддержки трудящихся других регионов, распорядилось разогнать забастовщиков. 19 марта вооруженные отряды полиции заняли Галле, Мерзебург, Мансфельд, Эйслебен — основные центры протестов. Руководство ОКПГ призвало трудящихся к вооруженному сопротивлению,

предпринимались попытки террористических актов: взрывы ратуши в городе Фалькенштейн, здания суда в Дрездене. В ряде мест возникли кровопролитные столкновения с полицией и войсками. Были убитые и раненые с той и другой стороны, но к 1 апреля выступление пролетариата было подавлено.

Во время этих событий руководство ОКПГ направило Волльвебера как опытного организатора стачечного движения в Эрфурт. Прибыв в город, Эрнст приступил к формированию комитета действия, пытаясь по аналогии с Касселем создать единый фронт рабочих, профсоюзов, СДПГ, НСДПГ, но натолкнулся на непонимание и даже враждебное отношение. Как выяснилось, местная ячейка коммунистов с левацко-сектантскими взглядами настроила против себя не только социал-демократов, но и многих членов профсоюза, рабочих. Сплоченного фронта борьбы не получалось, даже среди местных радикально настроенных коммунистов не наблюдалось согласия. Оценив ситуацию, Эрнст принимает решение отменить восстание, учитывая его неподготовленность и возможные человеческие жертвы в столкновениях с контрреволюционными частями. «Во время мартовских событий 1921 года я по заданию руководства КПГ находился в Эрфурте как член местного комитета борьбы, выступая против восстания ввиду его бесперспективности, — отмечает он в автобиографии. — Попытки организовать восстание могли носить характер путча».

При обсуждении результатов мартовских выступлений на заседании расширенного ЦК ОКПГ выдвинутая «тактика наступления» была осуждена как несостоятельная, приведшая к ослаблению влияния компартии в массах. Руководство восстанием допустило серьезные ошибки: неверно оценило реальное соотношение сил в стране, не подчеркивало оборонительный характер выступлений, допуская возможность его перерастания в борьбу за власть в Германии. Объективные предпосылки для восстания пролетариата отсутствовали, а искусственное создание революционной ситуации провалилось. Поражение рабочего класса в мартовских боях подорвало позиции ОКПГ в стране в целом, углубило кризис в ее руководстве, временно прервало борьбу коммунистов за единый рабочий фронт.

Решение Волльвебера не проводить неподготовленное восстание в Эрфурте было признано правильным. Его назначают на ру-

ководящую партийную работу секретаря окружной организации ОКПГ в Гессене-Вальдеке с резиденцией в Касселе: «Непосредственно после мартовских акций я был избран секретарем окружной парторганизации округа Гессен-Вальдек», отмечается в автобиографии. До этого назначения Эрнст зарабатывал на жизнь строительным рабочим. Возглавив крупную региональную парторганизацию, он стал получать зарплату из партийной кассы, что позволило сосредоточить все силы и организаторские способности на революционной борьбе, привлечениие в компартию новых членов, повышении влияния коммунистов в обществе.

Провалившаяся попытка революции привела к глубокому расколу в руководстве ОКПГ, который усугублялся ренегатским поведением сопредседателя партии Пауля Леви, опубликовавшего в начале апреля брошюру «Наш путь. Против путчизма». Мартовские выступления сотен тысяч рабочих он именовал «бакунинским путчем», резко критиковал тактику коммунистов. За грубейшее нарушение партийной дисциплины Леви был исключен из партии. Однако антипартийную деятельность не прекратил, создав в сентябре 1921 года группу «Коммунистическое трудовое содружество» (КТС), в которую вошли сопредседатель ОКПГ Э. Доймиг, А. Гофман и другие.

Во время пребывания в Германии Гуральскому было поручено выполнить еще одно важное задание. В «Протоколе заседания Малого бюро ИККИ от 23 января 1921 года» записано: «Поручить [ему] подбор товарищей для работы за границей, представить в секретариат письменный доклад, содержащий материалы для письма к КП Германии». Подбирая материал для доклада, Гуральский встречался и беседовал с Волльвебером, который был включен в список «подобранных товарищей для работы за границей». Так Эрнст вторично попал в поле зрения советской разведки.

***Справка**. Август Гуральский (он же Арнольд, Кляйне, Рустико, Шмидт, настоящее имя Абрам Яковлевич Хейфец). Родился в 1890 году в Риге. Его отец — мещанин из города Яновичи Витебской губернии — был учителем в еврейской школе. Семья была многодетной, но с достатком, что позволило Абраму окончить Рижское коммерческое училище. Уже во время учебы он приобщился к революционному движению, вступив*

в 1904 году в еврейскую партию Бунд, а затем вместе с бундовской организацией в Социал-демократическую партию Латышского края (СДЛК), являвшуюся автономной частью РСДРП. Становится разъездным агентом ЦК Бунда, что говорит о должной оценке партийным руководством его организаторских способностей и энергии.

В июне 1912 года участвовал в работе 9-й конференции Бунда в Вене. В феврале 1913 года был арестован в Лодзи, куда приехал по заданию ЦК Бунда. Просидев в заключении в местной тюрьме до августа был выпущен на свободу под залог ввиду болезни. Активно участвуя в еврейском рабочем движении, в 1914 году вступил в Австрийскую социал-демократическую партию, но с началом Первой мировой войны, опасаясь преследования австрийских властей, бежал в Швейцарию, где продолжил учебу в Лозаннском университете на факультете социологии. В эмиграции познакомился с видными деятелями российской социал-демократии — Л. Троцким, Г. Зиновьевым. В мае 1917 года в так называемом «втором пломбированном поезде» (в первом ехал Ленин) вернулся в Россию, сблизился с большевиками, вступил в РКП(б). Устраивается на работу в Коминтерн.

В сентябре 1919 года Исполнительный комитет КИ направляет его представителем в Германию. Так началась коминтерновская карьера Хейфеца, перевоплотившегося с этого времени в Гуральского. В феврале 1920 года он был арестован в Берлине, но после двухмесячного заключения по ходатайству властей России выслан из страны. В феврале 1921 года вновь направляется в Германию для помощи компартии в организации восстания рабочих Центральной Германии. Рядовым немецким коммунистам его представляли как «товарища Шмидта из Исполкома».

По возвращении в Россию участвует как делегат с совещательным голосом от Российской компартии в работе Третьего конгресса Коминтерна. В сентябре 1921 года как представитель ИККИ командируется в Германию и страны Центральной Европы. В январе 1923 года на съезде КПГ в Лейпциге его под псевдонимом Август Кляйн избирается в состав Центрального комитета компартии Германии.

В Германии работал вместе с женой Кэте Поль, настоящее имя Лидия Абрамовна Рабинович. Начав свою политическую дея-

тельность в Бунде, она в 1919 году вступила в РКП(б). До возвращения в 1924 году в СССР выполняла функции инструктора ЦК КПГ, была техническим секретарем политбюро ЦК компартии Германии. В 1923 году Гуральский и Поль разошлись. Их сын Георгий погиб на фронте в 1942 году.

В 1923–1924 годах по заданию Коминтерна нелегально работал в военной организации КПГ. В 1923 году как председатель общегерманского революционного комитета играл одну из ключевых ролей в подготовке Ноябрьской революции в Германии.

В апреле 1924 года назначен официальным представителем ИККИ при французской компартии, сменив на этом посту Матиаса Ракоши. С присущей ему энергией ведет борьбу с «уклонистами» в ФКП. В 1926 году, вернувшись в Москву, работает в Институте Маркса и Энгельса в должности заведующего отделением права. В 1929 году направляется представителем ИККИ в Латинскую Америку, где под псевдонимом Рустико проработал до февраля 1934 года.

В 1936 году арестован как «бывший, оставшийся неискренним троцкист» и исключен из партии. В 1938 году освобожден из-под стражи с целью использования в качестве негласного агента органов госбезопасности. В 1939 году восстановлен в партии. Работал научным сотрудником в Институте истории Академии наук СССР, занимаясь изучением истоков нацизма. В 1943 году по заданию Главного политуправления Красной армии участвует в создании Национального комитета «Свободная Германия». Под псевдонимом профессора Арнольда работает среди немецких военнопленных.

В 1950 году Хейфеца-Гуральского арестовывают и приговаривают к 10 годам заключения с конфискацией имущества. В 1958 году он досрочно освобождается как инвалид. Умер в 1960 году.

Судя по всему, Хейфец-Гуральский рекомендовал Волльвебера руководству Коминтерна как перспективного товарища для работы по линии КИ. В 1922–1924 годах они будут тесно взаимодействовать в подготовке революции в Германии, в формировании военной организации компартии, революционном комитете, при выполнении заданий КИ.

Глава IV
ДЕЛЕГАТ IV КОНГРЕССА КОМИНТЕРНА

Кризис ОКПГ не мог не волновать руководство Коминтерна и Ленина, уделявших немецким коммунистам большое внимание. В ходе подготовки Третьего конгресса КИ Ленин обстоятельно проанализировал ошибки, допущенные компартией, подверг резкой критике «теорию наступления», а также поведение Леви. Лидеры НСДПГ Криспин, Гильфердинг, Розенфельд умело использовали промахи ОКПГ в своих интересах, создавая среди массы рабочих мнение, что именно НСДПГ, а не компартия является нужной пролетариату действенной силой. В подтверждение приводили ренегатские писания Леви, который обратился к «независимцам» с предложением о готовности «Коммунистического трудового содружества» объединиться с НСДПГ.

После провала мартовских выступлений рабочих Волльвеберу, реально мыслящим сторонникам мировой революции стало очевидно, что попытки свержения капиталистического правительства, установления диктатуры пролетариата штурмом не удаются, сражения за власть советов принимают оборонительный характер. Для достижения успеха требуются более основательная, планомерная политическая и специальная подготовка, вовлечение в революционную борьбу максимально широких масс трудящихся, отказ от левацкого доктринерства.

С критическими замечаниями по этому поводу в адрес ОКПГ, на которые обратил внимание Эрнст, выступили Ленин и Троцкий. Говоря о необходимости изменения тактики компартии, Ленин предостерег коммунистов от перегибов в идейной борьбе с центризмом, превращения ее «в спорт». Он подчеркивал, что

«преувеличить борьбу с центризмом значить спасти центризм, укрепить его положение, его влияние на рабочих».

Троцкий отмечал: «Призыв к решительным действиям, всеобщей стачке, вооруженным выступлениям явился психологически и политически немотивированным для широких масс рабочего класса... В этих условиях довольно многочисленные террористические акты только увеличили в глазах широких масс рабочего класса немотивированность революционного выступления и облегчили социал-демократам и независимым их контрреволюционную работу».

Эти замечания были учтены в решениях Третьего конгресса Коминтерна (22 июня — 12 июля 1921 года), взявшего на вооружение тактику «единого рабочего фронта». В тезисах ИККИ говорилось: «Под единым рабочим фронтом следует разуметь единство всех рабочих, желающих бороться против капитализма — стало быть, и рабочих, идущих еще за анархистами, синдикалистами и т. п. Коммунистическая партия должна словом и делом прививать самым широким слоям пролетариата идею, что любой экономический или политический конфликт может при благоприятном стечении обстоятельств перерасти в гражданскую войну, во время которой задачей именно пролетариата станет захват политической власти».

В докладе перед делегатами конгресса Ленин разъяснял: «Когда мы начинали в свое время международную революцию, мы делали это не из убеждения, что можем предварить ее развитие, но потому, что целый ряд обстоятельств побуждал нас начать эту революцию. Нам было ясно, что без поддержки международной мировой революции победа пролетарской революции невозможна... Развитие международной революции, которую мы предсказывали, идет вперед. Но это поступательное движение не такое прямолинейное, как мы ожидали. С первого взгляда ясно, что в других капиталистических странах после заключения мира, как бы плох он ни был, вызвать революцию не удалось...»

Решения Коминтерна, беседы Ленина, Троцкого, Зиновьева с представителями КПГ на конгрессе помогли компартии извлечь уроки из боев, проходивших начиная с Кильского восстания моряков в 1918 году до мартовских забастовок 1921 года, разработать стратегию и тактику, соответствующую условиям борьбы в Германии. VII съезд КПГ, состоявшийся в августе 1921 года в городе Йене, проходил под знаком выводов и рекомендаций Коминтерна о развертывании широкой массовой работы партии среди всех трудящихся. Он провозгласил лозунг «В массы!», наметил тактику, которую следовало применять в борьбе за установление пролетарского единого фронта.

* * *

Волльвебер участвовал в работе йенского съезда, избранный на него делегатом от партийного округа Гессен-Вальдек. Выступая в прениях по вопросу, нужно ли переносить русский опыт на немецкую почву, Эрнст заявил: «Только идя русским путем можно достичь цели — установления диктатуры пролетариата и социалистического общества». Важным позитивным результатом использования опыта Советской России он назвал Советы рабочих и солдат. Их появление на немецкой земле невозможно представить без освоения русского примера. Сославшись на Розу Люксембург, Эрнст напомнил ее слова о том, что главной задачей КПГ должна стать поддержка советского движения, рабочий и солдатский совет должен во всех отношениях стать рычагом государственной машины. С изрядной долей самокритики Эрнст признал, что с момента начала революции в Германии среди ее сторонников и у него самого присутствовало смутное стремление к образованию Советов по русскому образцу. Недостатком революционной повседневности в Германии было и то, что местные Советы зачастую выступали в роли выразителя сепаратистских настроений, становились элементом самоизоляции того или иного региона от внешнего мира, действовали разрозненно, как это наблюдалось в Киле, Бремене, Мюнхене. Поэтому сейчас, как никогда, важнейшей задачей становится создание единого рабочего фронта.

Завершая выступление Эрнст призвал не забывать ленинскую оценку немецкого пролетариата как «вернейшего, надежнейшего союзника русской и всемирной революции». Политическая обстановка в Германии созрела для завоевания диктатуры пролетариата, знаменем которой станет советская власть. Для победы над буржуазией необходима строжайшая, железная дисциплина,

правильное руководство, тактика и стратегия КПГ, чтобы в них поверили и убедились на собственном опыте самые широкие массы трудящихся.

Съезд утвердил новый состав руководящих органов КПГ. Волльвебер был избран членом Центрального комитета партии. Председателем компартии стал Генрих Брандлер.

В йенском партийном форуме принимал участие Рихард Зорге как делегат от округа Рейнланд-Вестфалия. Видимо, он слушал выступление Волльвебера. В рамках работы съезда они могли общаться, поскольку их округи территориально были соседскими. Судя по всему, обсуждали актуальные вопросы взаимодействия своих парторганизаций в формировании единого рабочего фронта, положение в руководстве КПГ, политику Коминтерна, перспективы революции в Германии; вспоминали события восстания матросов в Киле, бои против Капповского путча. Волльвебер делился своим мнением о статьях Зорге в газете «Бергише арбайтерштимме», в редакции которой Рихард работал редактором отдела политики.

Став членом ЦК (в 22 года), Волльвебер получил возможность участвовать в заседаниях руководящих органов КПГ, обсуждать актуальные вопросы тактики и стратегии партии, положения в стране, выдвигать свои предложения по улучшению работы коммунистических ячеек на местах. До него доходила ценная информация о взаимодействии КПГ и РКП(б), рекомендациях и указаниях из Москвы по линии Коминтерна, от Ленина.

На очередном расширенном совещании в ЦК Эрнст выступил с предложением об усилении работы компартии в профсоюзах как важной предпосылки создания единого рабочего фронта. Профсоюзы объективно становятся, по его словам, значимым партнером КПГ в борьбе рабочего класса за свои права. Многие пункты программ социально-экономического развития компартии и профорганизаций совпадают: требования участия трудящихся в управлении производством и экономикой в целом, ограничения власти монополий и финансового капитала; борьба с безработицей, сокращением рабочих мест, «замораживанием» зарплаты; против милитаризма, за мир и разоружение.

Опираясь на опыт совместных действий с профсоюзами во время Капповского путча, Эрнст отметил тот факт, что в их

деятельности проявилась новая существенная черта — все более смелое вторжение в сферу политики. Многие отраслевые профсоюзы отказываются от установки реформистского руководства о «нейтральности» профдвижения в политической борьбе. К этому их побуждает сама логика развития производственных отношений, общий кризис капитализма, ухудшение материального положения рабочего класса. Все это неизбежно приводит к серьезному столкновению профсоюзов с буржуазно-реформистским правительством, монополистическим капиталом.

В подтверждение своего предложения Эрнст сослался на выступление Ленина на Третьем конгрессе КИ, который кратко сформулировал задачи и роль профсоюзов в пролетарской революции: «Во время пролетарского переворота действительно революционные профессиональные союзы рука об руку с партией организуют массы для непосредственного штурма твердынь капитала и берут на себя основную работу по организации социалистического производства. После завоевания и упрочения власти работа профессиональных союзов переносится преимущественно в область организационно-хозяйственную; профессиональные союзы почти целиком посвящают свои силы делу организации хозяйства на социалистических началах и действительно становятся тем самым практической школой коммунизма».

В заключение он обратил внимание на созданный при Коминтерне Красный интернационал профсоюзов (Красный Профинтерн, Профинтерн), в который вошли представители российских, болгарских, британских, итальянских, французских профсоюзов. Немецких в нем нет. Поэтому вовлечение немецких профсоюзов в Профинтерн становится первостепенной задачей в работе КПГ в профдвижении.

Предложение Волльвебера получило одобрение практически всех участников совещания. Брандлер, Пик, Ульбрихт, Герман Реммеле, Лео Флиг, Тельман охарактеризовали «профсоюзную инициативу» как важную и своевременную в рамках создания единого рабочего фронта. Ульбрихт, партийный округ которого с центром в Лейпциге соседствовал с парторганизацией Эрнста, назвал правильной оценку о полевении профдвижения. Особенно эта тенденция наблюдается в профобъединениях металлистов,

строительных, транспортных рабочих. Обостряется внутренняя борьба в профсоюзах. Под влиянием входивших в полевевшие отраслевые профорганизации коммунистов возникает сильная пролетарская оппозиция реформистской профсоюзной бюрократии. Компартии необходимо активнее использовать этот благоприятный момент.

Брандлер, подчеркнув важность вовлечения профобъединений в Профинтерн, сообщил, что первые контакты между представителями профсоюзов Германии и Советской России уже состоялись. Осенью 1920 года делегация советских профсоюзов во главе с генеральным секретарем Профинтерна Соломоном Лозовским и секретарем Московского комитета партии Ф. А. Артемом (Сергеев) побывала в Берлине, провела переговоры с генеральной комиссией Всеобщего германского объединения профсоюзов (ВГОП), председателем которой является Легин. На заседаниях с советскими коллегами были представлены все вожди германского профдвижения. Стороны обсуждали вопрос о налаживании торгово-экономических взаимоотношений Германии и России. Лидеры немецких профсоюзов уведомили российских партнеров о том, что в Германии создано экономическое общество с капиталом в 5 миллионов шведских крон. Деньги даны шведскими профсоюзами немецким с целью содействия экономического сближения обеих стран и посредничества в заказах под гарантии ВГОП. Советские коллеги могли бы подключиться к сделкам, которые планируется осуществлять в рамках этого общества. Представители ВГОП дали понять, что, несмотря на блокаду Антанты и отсутствие дипломатических отношений между Германией и Россией, они найдут возможность для выполнения советских заказов на поставку паровозов, электрических машин, промышленного оборудования, товаров первой необходимости под гарантии профсоюзов. которые имеют действенные рычаги влияния как на владельцев немецких предприятий, так и правительство. Шведы не будут возражать, поскольку их профсоюзы сочувственно относятся к Советской России.

Совещание приняло решение направить в местные парторганизации ориентировку об усилении работы КПГ в профсоюзах. Выступление на нем Волльвебера закрепило за ним репутацию основного эксперта по работе с профсоюзами. В 1931 году его

назначат руководителем комитета Революционной профсоюзной оппозиции, затем председателем Общегерманского профсоюза моряков и портовых рабочих. В 1933 году по решению руководства Профинтерна он возглавит Интернационал моряков и портовых рабочих, эффективно используя эти организации как прикрытие в своей нелегальной разведывательной работе.

В 1922 году Волльвебера как перспективного, молодого руководителя направили на курсы повышения квалификации в центральную партийную школу. Занятия проходили с 14 августа по 28 октября в здании «Софиензале» в Берлине. К учебе приступили 33 функционера. Лекции читали опытные партийные деятели КПГ и Коминтерна: Герман Дункер, Вильгельм Пик, Август Тальгеймер Клара Цеткин; представители Западноевропейского бюро КИ в Берлине Яков Рейх, Абрам Гуральский, Вильгельм Мюнценберг; Профинтерна — Владислав Фейнштейн.

В расписании занятий стояли темы: «Революция на марше: тактика и стратегия КПГ в современных условиях», «Оценка и уроки восстаний от Берлина до Мюнхена и Рура»; «Коминтерн: манифесты, решения, задачи», «Ленин, революционер, политик, человек», «Коммунисты против фашизма и войны»; «Отношения Германии и России после Версаля». Все слушатели участвовали в «Теоретическом семинаре по проблемам марксизма-ленинизма».

Учеба в школе дала Волльвеберу чрезвычайно много в расширении идейно-политического кругозора, понимании научного коммунизма. Он с интересом конспектировал лекции о трех периодах исторического развития германского и международного рабочего движения, программных документах Маркса, Энгельса, Ленина: «Манифеста Коммунистической партии», «Союза коммунистов», Парижской Коммунны, I и II Интернационалов, в создание которых большой вклад внесли выдающиеся германские коммунисты Август Бебель, Вильгельм Либкнехт, Франц Меринг, Клара Цеткин. «Каждый немец может и должен гордиться тем, — записывал Эрнст, — что германская нация дала человечеству таких гениальных мыслителей и революционеров-марксистов».

Оживленной оказалась на семинаре дискуссия об идейно-политической борьбе коммунистов с социал-демократами вокруг

ревизионизма и центризма как опасной разновидности оппортунизма. Волльвебер высказывался в том смысле, что СДПГ вообще никогда не была подлинно революционной партией. Поэтому она и раскололась на реформаторов-ревизионистов и центристов (НСДПГ). Главное в центризме — оппортунизм, а революционная фразеология — лишь оболочка. Характерной чертой «независимцев» и их сторонников, не верящих с силу рабочего класса, была и остается политическая трусость, боязнь выдвижения и претворения в жизнь лозунгов, способных поднять массы на революционную борьбу. Антиреволюционная сущность СДПГ и НСДПГ с особой силой проявилась, по его словам, во время революционных восстаний пролетариата в Берлине, Бремене, Киле, Мюнхене, где социал-демократы предали рабочий класс и его вождей. Эрнст настойчиво подчеркивал, что социал-демократов и центристов ни в коем случае нельзя допускать в руководящие органы Советов рабочих и солдат, поскольку их предательская, оппортунистическая сущность погубит завоевания революции.

Занятия в партшколе по времени проходили после двух важных политических событий: встречи 2–5 апреля 1922 года в Берлине представителей II, II/2 (двухсполовинного) и III Интернационалов, Генуэзской международной конференции (10 апреля — 19 мая). Решения и итоги этих форумов вызвали большой интерес, активно обсуждались.

На берлинской встрече, в которой от КИ участвовали Н. Бухарин и К. Радек, речь шла о путях взаимодействия социал-демократических и коммунистических партий, созыве конгресса трех Интернационалов. Отметим, что двухсполовинный Интернационал был создан в феврале 1921 года в Вене на базе Международного объединения социалистических партий, в которое вошли десять центристских партий: Австрии, Англии, Германии, России (меньшевики, эсеры), Франции, Чехословакии, Швейцарии (от России и Германии было по две партии).

Судя по телеграмме Н. Бухарина и К. Радека Г. Зиновьеву от 6 апреля 1922 года, по основным вопросам договориться не удалось: «Результат следующий: II Интернационал не согласился на созыв конгресса в апреле, мотивируя недостаточной подготовкой. Фактическая причина — боязнь демонстраций

против «Генуи», компрометация... партий блоком с коммунистами перед выборами». Тем не менее, делегаты одобрили предложения провести массовые демонстрации пролетариата накануне Генуэзской конференции под лозунгом «За возобновление политических и экономических отношений с Советской Россией», создать Комиссию девяти как связующий орган трех Интернационалов: «Решили 20 апреля провести международные демонстрации против наступления. Признание Советской России, создание комитета подготовки международного съезда, представителей трех человек от каждого Исполкома, — говорится далее в телеграмме. — Принять в форме общей резолюции, в которой упоминается заявление нашей делегации, со ссылкой на советскую печать, что жизни эсеров не грозит опасность, процесс открыт свободой выборов защитников, возможностью присутствия представителей трех Интернационалов... Мы отклонили обязательство выпуска заключенных. Нами внесены две декларации: первая, в начале принципиальная, в конце мотивирующая наше присоединение... Ценой уступок деклараций купили блок... европейским вопросам и... этим вопросам Второго, шедшего за ним (так в документе. — *Е. Г.*). Те решения делегация принимала единогласно. Материалы посылаем в субботу».

В общей декларации говорится: «Конференция считает необходимым ввиду наступления международного империалистического капитала выразить объединенную волю международного сознательного пролетариата в виде непосредственного массового выступления. Конференция призывает... трудящихся всех стран к объединенным массовым демонстрациям во время Генуэзской конференции 20 апреля». Среди лозунгов выступлений был лозунг «За русскую революцию, за голодающую Россию, за возобновление политических и экономических отношений всех государств с Советской Россией».

Делегаты призвали Исполкомы трех Интернационалов дать свое согласие на создание Организационного комитета из девяти членов, которому поручалась подготовка будущего конгресса рабочих партий. Что касается «уступок» со стороны делегации Коминтерна, речь идет о согласии допустить на судебный процесс над эсерами представителей Интернационалов с правами общественных защитников, а также обещании не применять

к арестованным эсерам высшей меры наказания — смертной казни. Этот компромисс облегчил создание постоянного связующего органа трех Интернационалов — Комиссии девяти (Девятки).

На занятиях в школе решение Интернационалов о «признании Советской России, создании Комиссии девяти» было воспринято как большой успех делегации Коминтерна. Слушатели предлагали, опираясь на это решение, развернуть широкую кампанию распространения идеи германо-советской дружбы в рядах немецкого рабочего класса, социал-демократов, христианских, беспартийных рабочих, интеллигенции. Вместе с тем они подвергли резкой критике отказ социал-демократических Интернационалов взаимодействовать с коммунистами, что неизбежно ведет к углублению раскола в германском рабочем движении, между центристами и КПГ. Газета «Роте фане» 19 июня писала по этому поводу, что социал-патриоты II Интернационала, центристы двухсполовинного Интернационала вместо борьбы с наступлением капитала решили «всеми средствами усилить наступление против Советской России и Коминтерна». Пресса «независимцев» занимала резко критическую позицию в отношении судебного процесса над эсерами в Москве. Представители НСДПГ Розенфельд, Вандервельде даже поехали на процесс в качестве защитников. В борьбе против КПГ, Коминтерна «независимцы» и СДПГ выступали с единых позиций, что в конечном счете привело к их слиянию. В сентябре 1922 года в Нюрнберге состоялся объединительный съезд СДПГ и НСДПГ. В манифесте к немецкому рабочему классу провозглашалось, что Объединенная социал-демократическая партия Германии (ОСДПГ) выступает за укрепление Веймарской республики, 8-часовой рабочий день, стремится к свободному от капиталистической эксплуатации общественному порядку.

Несколько лекций были посвящены Генуэзской конференции, в работе которой участвовали представители 29 государств. Впервые за стол переговоров сели дипломаты Советской России и капиталистических стран Европы. Факт по тому времени беспрецедентный. В Генуе российская делегация, возглавляемая наркомом по иностранным делам Г. Чичериным, выдвинула широкую программу международного сотрудничества, основанную на ленинском принципе мирного сосуществования государств

с различными общественными системами; предложила приступить к всеобщему сокращению вооружений. 16 апреля в итальянском городке Рапалло был заключен договор между РСФСР и Германией, в котором принцип мирного сосуществования применялся на практике: стороны восстанавливали в полном объеме дипломатические отношения, взаимно отказывались от материальных претензий. Последний пункт имел для Германии особое значение, поскольку Версальский договор предусматривал право России на репарации. Термин «Рапалло» стал символом взаимовыгодного урегулирования спорных вопросов, выходил далеко за пределы советско-германских отношений. Договор тогда удивил мир, а потом прочно вошел в историю.

Во время работы корреспондентом «Известий» в ФРГ автору довелось присутствовать на международном симпозиуме, посвященном 65-летию Рапалльского договора. Форум проводился фондом имени Йозефа Вирта в Эссене. Эта организация носит имя германского канцлера, при котором Веймарская республика заключила это историческое соглашение. Участники симпозиума обсуждали исторический и современный аспекты политики мирного сосуществования, нашедшей конкретное отражение, наряду с Рапалло, во многих важных международных документах — Московском договоре между СССР и ФРГ, Заключительном акте Общеевропейского совещания в Хельсинки.

При обсуждении результатов конференции на семинарских занятиях Рапалльский договор оценивался как феноменальная победа революционной борьбы рабочих, коммунистов России и Германии. Подчеркивалось, что этот документ отражает мощную тенденцию на разрыв с прошлым буржуазным миром, искреннюю веру в близкое торжество идеи построения справедливого, социалистического общества во всей Европе. На протяжении 1922 года РСФСР была признана всеми имеющими вес в мире державами (за исключением США), а Германия смогла заключить в 1925 году в Локарно Рейнский гарантийный пакт, который восстановил на ее западных границах равноправие с Францией по важнейшим аспектам безопасности. «Это было первое выступление побежденных против беспощадных победителей, — отмечал представитель прусского военного ведомства К. Штудент. — Этот договор имел эффект разорвавшейся бомбы...»

Ленин считал Рапалльский договор победой советской дипломатии: «Действительное равноправие двух систем собственности, — подчеркивал он, — ...дано лишь в Рапалльском договоре». Посол Германии в России Брокдорф-Ранцау заявил: «Рапалльский договор открыл новую эру между германским и русским народами и этим самым открыл ее не только для Европы, но и для всего мира». На основании переговоров с советскими руководителями в Москве посол писал в Берлин: «Москва 16.12.1922. Секретно. Если мы не примем решение интенсивно содействовать восстановлению России, то безвозвратно упустим удобный случай. Надо понять, что это восстановление в первую очередь означает не укрепление советской власти, а служит политико-экономическому сотрудничеству Германии и России. Это –самопомощь обеих стран. Так считают ведущие политики и здесь. Это остается политической и моральной истиной».

Наступление «новой эры» в отношениях между народами Германии и России отмечал каждый докладчик на занятиях в партшколе. Волльвеберу особенно понравились выступления на эту тему Гуральского, Мюнценберга, Рейха, Фейнштейна, которые рассказывали о работе международных организаций под эгидой Коминтерна. Эти структуры выполняли роль оперативного прикрытия КИ, являлись инструментом проведения всех видов открытых и закрытых мероприятий в интересах международного рабочего движения и Советской России. Выполнением этих задач занимались Коммунистический интернационал молодежи (КИМ), Профинтерн, Международная рабочая помощь (Межрабпом), Международная организация помощи борцам революции (МОПР), Красный спортивный интернационал (Спортинтерн). Среди них наиболее эффективным был Межрабпом, созданный немецким коммунистом, талантливым организатором и предпринимателем В. Мюнценбергом.

Справка. *Вильгельм (Вилли) Мюнценберг родился в 1889 году в Эрфурте в семье лесничего, ставшего позднее владельцем деревенского трактира. С 15 лет начал работать на эрфуртской обувной фабрике, где в 1906 году вступил в социал-демократический рабочий образовательный союз «Пропаганда». С этого*

момента началась его активная политическая деятельность, связанная с международным коммунистическим движением.

В 1910 году он отправляется в Швейцарию, в Цюрихе устраивается на работу разносчиком в аптеке. Участвуя в молодежном движении, вступает в объединение «Социалистическая молодежь Швейцарии». В 1914 году становится его руководителем. Близко сходится с проживающим там Лениным, который выделял организаторские способности и талант пропагандиста Мюнценберга среди местных молодых социал-демократов. Вождю большевиков особенно нравилась редактируемая Вилли газета «Интернационал молодежи», которую рекомендовал для чтения всем членам РСДРП(б).

Во время Первой мировой войны Мюнценберг руководит боевыми забастовками и демонстрациями швейцарских рабочих, за что был арестован полицией и интернирован в лагерь для иностранцев. Там в 1918 году он написал и опубликовал брошюру «Борьба и победа большевиков». Вернувшись в Германию, возглавил группу «Спартак» в Штутгарте, вступил в КПГ, став руководителем немецкого молодежного коммунистического движения. В 1919 году по заданию Ленина участвует в создании Коммунистического Интернационала молодежи, учредительный съезд которого прошел 20 ноября в Берлине.

В 1920–1922 годах — делегат Второго, Третьего и Четвертого конгрессов Коминтерна. В 1921 году становится сотрудником Отдела международных связей (ОМС) КИ, создает и возглавляет Международный фонд помощи рабочим со штаб-квартирой в Берлине. Пользуясь личным доверием Ленина, открывает секции Межрабпома в Австрии, Англии, Бельгии, Франции. Руководит всей агитационно-пропагандистской деятельностью КПГ, а также в рамках КИ. Создает кинопредприятие «Межрабпом», издательство «Нойен дойчен ферлаг», всеобщую библиотеку «Универсум библиотек»; издает ежедневные газеты «Вельт ам абенд», «Берлин ам морген», «Арбайтер иллюстрирте»; журналы «Анруф», «Дер роте ауфбау». В Чехословакии выпускает еженедельную газету «Ди вельт ам зонтаг».

В 1924 году — депутат рейхстага, член ЦК КПГ. В 1926 году в прессе его называют «гением пропаганды», а издания и предприятия — «концерном Мюнценберга». В 1927 году по заданию

Коминтерна создает Всемирную лигу борьбы против империализма за национальную независимость. В 1928 году как член рейхстага основал рейхскомитет «Союз друзей СССР».

После поджога рейхстага и развязанной нацистами антикоммунистической «охоты за ведьмами» в 1933 году переносит свою штаб-квартиру в Париж. Учреждает Всемирный комитет помощи жертвам фашизма. Вместе с Отто Кацем издает «Коричневую книгу» о терроре Гитлера, ставшую библией антифашистов.

В 1939 году резко критикует германо-советский пакт, становится в оппозицию к Сталину. Мюнценберга обвиняют в «потере революционной бдительности», снимают со всех постов в КПГ и Коминтерне. В ответ он создает независимый Рабочий комитет немецких социалистов и рабочих социалистов Австрии, объединяющий пять групп эмиграции.

В 1940 году бежит из лагеря заключенных на юге Франции, в октябре того же года его находят повешенным на дереве.

На слушателей сильное впечатление произвели показанные в рамках занятий в школе документальные фильмы, снятые осенью 1921 года кинопредприятием «Межрабпом» о голоде в Поволжье: «Картины голодающих областей на Волге» и «Голод в Советской России». По отзыву Волльвебера, «никогда не забыть того накала чувств и мыслей, какой у нас был тогда после просмотра этих кинолент». Печатный орган КПГ «Роте фане» описывает резонанс зрителей так: «Наконец, показан первый, давно объявленный фильм о России: он произвел глубокое впечатление, и к концу, когда кадры становились все более горестными, — но это были еще не самые страшные кадры — у некоторых глаза наполнялись слезами, и на выходе все лица были очень серьезными».

Фильмы имели огромный успех, их посмотрели миллионы зрителей в Европе, Америке. Рабочие и служащие немецкой фирмы «Шерль», попросившие показать им киноленты, внесли в фонд помощи голодающим щедрые пожертвования. В Германии было собрано в этот фонд свыше миллиарда марок. «Эффективность документального кино в ходе гуманитарной акции придало мобилизующим инициативам Межрабпома

высокую динамику, что превратило ее в одну из самых крупных (в 1925 году 15 миллионов членов по всему миру) рабочих организаций 1920-х годов, — пишут авторы научного труда «Россия и Германия в XX веке». — В рамках Межрабпома Мюнценберг создал газетный концерн с многочисленными изданиями, а также киностудию... Благодаря соглашениям с советскими киноорганизациями, она стала фактически монополистом в сфере импорта кино из СССР. Официально ее представляло постоянно находившееся в Берлине и Нью-Йорке акционерное общество «Немецко-американское кино-объединение АГ»... В огромной пропагандистской империи, созданной «красным Гугенбергом», как называли Мюнценберга, кино занимало особое положение: как и «вождь мирового пролетариата» Владимир Ленин, его немецкий соратник прекрасно понимал возможности использования этого искусства в целях агитации и пропаганды».

Волльвебер и Мюнценберг тесно взаимодействовали при выполнении многих заданий Коминтерна и советской разведки. Как делегаты КПГ они участвовали в работе Четвертого конгресса КИ в Москве. Между ними возникнет даже своего рода соперничество в деятельности по партийной линии. Эрнст упрекнет Вилли в недостаточном внимании к подготовке и проведении мероприятий компартии, Мюнценберг назовет Волльвебера «слишком немцем» и «недостаточно интернационалистом».

Руководитель Западноевропейского бюро (ЗЕБ) Коминтерна в Берлине Яков Рейх проинформировал слушателей о подготовке Четвертого конгресса КИ, который решено было открыть 5 ноября 1922 года в Петрограде, с тем чтобы участники конгресса могли принять участие 7 ноября в демонстрации по поводу пятилетия Октябрьской революции в Москве. Признано целесообразным, чтобы в связи с происходящим в эти дни конгрессом КИ пятилетие Октябрьской революции было бы отпраздновано с возможно большей широтой во всех крупных центрах России, а также за границей, в том числе в Германии.

Перед Коминтерном как единой всемирной партией сейчас стоит, по словам Рейха, важная задача подбора, обучения и воспитания кадров национальных секций в интересах быстрого становления коммунистических партий нового типа, их идейно-политического и организационного укрепления. В этой

работе участвуют все уставные институты КИ: конгрессы, комитеты ИККИ, региональные конференции, заграничные представительства, каким является ЗЕБ. Серьезную роль в системе обучения и воспитания интернациональных партийных кадров играет сеть международных учебных заведений, работающая под руководством ИККИ: Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), Международная ленинская школа (МЛШ), Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (КУНМЗ). При Коминтерне функционируют специальные школы и курсы. Так, для немецкоговорящих интернационалистов из Австрии, Германии, Венгрии, Чехословакии в Москве открыта специальная партийная школа. Первый набор в нее состоял из 24 человек и прошел обучение в сентябре—октябре 1920 года. В архивных документах Коминтерна сохранилось письмо Центрального бюро немецких секций при ЦК РКП(б) в ИККИ в Исполнительный комитет III Интернационала от 20 января 1921 года: «Центральное бюро настоящим просит выдать нижепоименованным товарищам, окончившим партийную школу и отправляемым за границу для партийной работы, иностранную валюту (австрийские кроны и германские марки) в размере не выше 5000 крон на австрийца и 1000 марок на германца, о произведенной выдаче просим нас уведомить. Айзенбарт Иоган, Крудуп Франц, Шефер Адам, Семш Иосиф, Бааке Георг, Шайдербауер Роберт, Ренер Иосиф, Троер Иосиф, Ремингер Адольф, Вандра Иосиф, Мюллер Карл. Секретарь Гурко».

Рудольф Игнатьевич Гурко, немецкий интернационалист, был руководителем этой партшколы, с 1920 года занимал пост секретаря Центрального бюро немецкой секции при ЦК РКП(б).

Рейх пояснил, что отбор в учебные заведения КИ осуществляется по определенным критериям: слушателем может стать активист с партийным стажем не менее года, имеющий отношение к окружным, региональным и центральным руководящим кадрам. Предпочтение отдается рабочим крупных предприятий или сельхозработникам. Установлена квота: партия не имеет права направлять в школу более 15% — от этой квоты — студентов, служащих, крестьян, интеллектуалов. Кандидаты в слушатели должны продемонстрировать свою активную роль в революционном движении (организации забастовок, демонстраций и т. п.) или профсоюзной работе. Требования к уровню грамотности: умение читать и писать, способность к обучению, знания в области современной политики.

Прикинув названные критерии на себя, Волльвебер мысленно отметил, что подходит в качестве слушателя в учебные заведения КИ: рабочий, более года возглавляет окружную парторгнизацию, член ЦК КПГ, имеет заслуги в революционном и профсоюзном движении, и не ошибся. Рейх провел с ним беседу, в ходе которой интересовался вопросами, связанными с подбором кадров для учебы в школах Коминтерна, и рекомендовал Эрнста как перспективного немецкого коммуниста-интернационалиста.

Справка. *Яков Самуэлович Рейх (он же Томас, Джеймс, Рубинштейн) родился в 1886 году во Львове. Еще в школе примкнул к нелегальной польской социалистической организации «Промень» («Луч»), затем входил в группу «Объединение». В 1905 году перебирается в Варшаву, где работает в типографии, становится членом боевой организации анархистов, участвует в покушении на губернатора. В 1906 году эмигрирует в Швейцарию, где изучает педагогику. В Цюрихе вступает в Социал-демократическую партию Швейцарии, сближается с русскими большевиками — Бухариным, Зиновьевым, Радеком.*

В 1918 году становится сотрудником пресс-бюро советского представительства в Швейцарии. Вместе с Николаем Замятиным издает информационный бюллетень «Русские известия» (на немецком и французском языках), руководит издательством «Промахос», которое выпускает работы Ленина, Троцкого, Радека на немецком языке.

В 1919 году после закрытия представительства прибывает в Москву, работает в Наркомате иностранных дел, затем Иностранном отделе ЦК РКП(б). В период создания III Интернационала входит в тройку практических организаторов Первого конгресса КИ, на котором Рейха избирают членом бюро ИККИ. В сентябре того же года его направляют руководителем Западноевропейского бюро КИ в Берлине, а также представителем ЦК РКП(б) в компартии Германии. Секретарем ЗЕБ становит-

ся его жена Рут Йенсен (Остеррайх, коминтерновский псевдоним Рут Гебхардт), кассиром — немецкий художник Эдуард Фукс. К работе в бюро привлекаются руководители КПГ Тальгеймер, Реммеле, Мюнценберг, Карл Ретцлав; российские представители Елена Стасова (она же Герта Штурм), Гуральский, Вольф Феликс, Софья Осинская-Уншлихт, Юлиана Брун.

В 1920 году значение берлинского ЗЕБ для КИ существенно возрастает в связи с ликвидацией Амстердамского бюро, функции которого перешли под руководство Рейха. Он создает курьерскую службу с Голландией, Скандинавией, Балканами, а через Швейцарию — Англией, Италией, Францией. Работа всех служб финансируется фондом Рейха, который привез в Германию значительные средства. Составленный им список выплат с 1 августа по 25 октября 1921 года (только за три месяца) гласит: «Люксембургской партии — 11 тысяч франков; во Францию — 904 тысячи марок; Коммунистическому интернационалу молодежи — 1,4 миллиона марок; на содержание аппарата Коминтерна помощи голодающим в России — 130 тысяч марок, германским коммунистам — 11 681 марок, на поездку Клары Цеткин в Италию — 21 тысяча марок».

В целом, по признанию самого Рейха, в 1921 году было выдано 122 миллиона марок. Деньги шли на подкуп различных полицейских чинов, аренду транспорта, в том числе самолетов, приобретение конспиративных квартир, закупку и переправку в Москву литературы, газет, журналов; содержание купленного гамбургского издательства «Карл Хойм».

В 1923 году Рейха отстраняют от руководства ЗЕБ по решению комиссии ИККИ, которая установила «крайне легкомысленное отношение со стороны товарища Томаса к пролетарским деньгам, а потому рекомендует Коминтерну впредь воздержаться от порученных товарищу Томасу дел, связанных с денежными операциями». Ведение дел бюро было передано Елене Стасовой, которой пришлось оформить фиктивный брак с немецким коммунистом Эрнстом Вильгельмом.

В 1924–1932 годах занимается издательскими делами по линии Коминтерна в Германии. В 1933 году уезжает в Прагу, в 1938 году — под фамилией Рубинштейн в США. Умер в 1956 году.

В 1920-е годы Волльвебер и Рейх будут вместе работать в штабе подготовки революции в Германии, выполнять специальные задания Коминтерна.

На Эрнста, как и всех слушателей партшколы, большое впечатление произвело выступление Клары Цеткин о встречах и беседах с Лениным. «Я много раз слышала Владимира Ильича на съездах, конференциях, конгрессах, — сказала она, — и меня всегда поражало, что по количеству времени Ленин говорил обычно меньше ораторов, выступавших до и после него, но впечатление от его речей оставалось всегда грандиозным, запоминающимся. Вождь большевиков обладает энциклопедическими знаниями учения Маркса, Энгельса, представителей классической немецкой философии Гегеля, Фейербаха, революционного рабочего движения Бабеля, Либкнехта, Меринга. Он непоколебимо убежден в неизбежном крахе капитализма, победе коммунистической революции во всем мире. Как-то во время работы конгрессов Коминтерна Ленин застал нас, немецких представителей, беседующими по вопросам культуры, просвещения. Я в этот момент высказывала свое восторженное удивление титанической, культурной работой большевиков, расцветом в стране творческих сил, стремящихся проложить новые пути искусству и воспитанию. При этом я не скрывала своего впечатления, что наряду со страстными поисками нового содержания, новых путей в области культурной жизни имеет иногда место и искусственное «модничанье», — рассказывала Цеткин. — Почему революционное стремление к активности должно превратить тело человека, в котором органы связаны в одно сложное целое, в какой-то мягкий бесформенный мешок, поставленный на двух ходулях...

Ленин от души расхохотался.

— Да, дорогая Клара, ничего не поделаешь, мы оба старые. Для нас достаточно, что мы, по крайней мере, в революции остаемся модными и находимся в первых рядах. За новым искусством нам не угнаться, мы будем ковылять позади. Но, — продолжал Ленин, — важно не наше мнение об искусстве. Важно также не то, что дает искусство нескольким сотням, даже нескольким тысячам общего количества населения, исчисляемого миллионами. Искусство принадлежит народу. Оно дол-

жно уходить своими глубочайшими корнями в саму толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, подымать их...

Ленин придавал большое значение культурной революции. Его интересовало прежде всего такое культурное развитие, которое является необходимой предпосылкой для завоевания законченной социалистической культуры, закрепления политических побед, успешного строительства социалистического хозяйства. Он говорил, что было бы гораздо легче бороться за власть советов, если бы после свержения монархии пролетариат унаследовал более развитую буржуазную культуру, грамотность народных масс. Это ускорило бы реальное и полноценное строительство социализма.

— Товарищ Ленин, — заметила я, — не следует так горько жаловаться на безграмотность. В некотором отношении она вам облегчила дело революции. Она предохранила мозги рабочего и крестьянина от того, чтобы быть напичканными буржуазными понятиями и воззрениями, захиреть. Ваша пропаганда и агитация бросает семена на девственную почву. Легче сеять и пожинать там, где не приходится предварительно выкорчевывать целый первобытный лес.

— Да, это верно, — ответил Ленин. — Однако только в известных пределах или, вернее сказать, для определенного периода нашей борьбы. Безграмотность уживалась с борьбой за власть, с необходимостью разрушить старый государственный аппарат. Но разве мы разрушаем единственно ради разрушения? Мы разрушаем для того, чтобы воссоздать нечто лучшее. Безграмотность плохо уживается, совершенно не уживается с задачей восстановления. Последнее ведь, согласно Марксу, должно быть делом самих рабочих и, прибавлю, крестьян, если они хотят добиться свободы. Наш советский строй облегчает эту задачу. Благодаря ему в настоящее время тысячи трудящихся из народа учатся в различных советах и советских органах работать над делом восстановления. Это — мужчины и женщины «в расцвете сил», как у нас принято говорить».

«Ленин обладает огромной силой воли, удивительно жизнерадостный человек, романтик. В беседах, —отметила Цеткин, —

он неоднократно говорил, что революционер, коммунист, не способный к полетам реальной мечты, то есть к широким перспективам будущего, — плохой коммунист. Но революционный романтизм органически сочетается в нем с крепчайшей практической хваткой. У него удивительно живые глаза, отзывчивая душа, способная откликаться заразительным смехом на удачную шутку, меткое замечание. Он любит музыку, особенно сонаты Бетховена, охотно поет революционные и народные песни «Марсельезу», «Интернационал», «Варшавянку». Ленин написал даже заметку о «Развитии рабочих хоров в Германии», в которой приводит такие данные: «число рабочих-певцов достигло 100 тысяч при общем числе членов рабочих певческих обществ в 165 тысяч человек». Членом певческого отделения Лейпцигского ремесленного просветительского общества был Август Бабель. Владимир Ильич много читает, в частности произведения немецких классиков Гёте, Гейне, Шиллера. Из современных авторов ему особенно понравились книги Джона Рида «10 дней, которые потрясли мир» и Анри Барбюса «Огонь». Эти сочинения он рекомендует рабочим всех стран, поскольку они дают правдивое, живо написанное изложение пролетарской революции.

Слушатели интересовались здоровьем Ленина в связи появившимися сообщениями прессы о его болезни. Насколько мне известно, — пояснила Цеткин, — Владимиру Ильичу сделали операцию по извлечению двух пуль, которые сидели в нем после покушения в 1919 году. Операция прошла успешно. Из-за постоянной, огромной занятости делами по руководству страной, революцией организм вождя, его физическая и нервно-эмоциональная системы подвергаются серьезным нагрузкам, изнашиваются. Для лечения Ленина в Москву были приглашены опытные немецкие врачи терапевт Георг Клемперер, невролог Отфрид Ферстер, психоневролог Оскар Фогт. Консилиум установил, что его главной болезнью является атеросклероз, сужение артерий, питающих головной мозг. Сейчас Владимир Ильич отдыхает и лечится под наблюдением врачей на подмосковной даче, но продолжает работать. Правда, его рабочий день ограничен пятью часами».

После рассказа Клары Цеткин о Ленине Эрнст купил книгу «10 дней, которые потрясли мир», а также сборник статей Карла

Радека «На службе германской революции», который обсуждался на занятиях в школе. Его внимание привлекли рассуждения Радека о разнице между революционным марксизмом и реформизмом социал-соглашательства, о диктатуре пролетариата, власти советов: «Пока сопротивление буржуазии не сломлено, необходимо установление пролетарской диктатуры... Надо во что бы то ни стало сломить это сопротивление всеми средствами насилия, — пишет Радек. — Диктатура без готовности к терроризму — это нож без клинка». Что касается формы диктатуры, то такой формой должны стать Советы: «Вся наша политическая и экономическая борьбы должна сделать рабочие советы центром наших усилий». Там, где нет рабочих советов, не может быть революционной борьбы, рассчитанной на захват власти, — в этом и была ошибка первого выступления немецких коммунистов, тогда как в России Советы явились опорой революции. «Коммунистическая партии (Германии. — *Е. Г.*) еще не научилась делать советскую организацию центром своей политики, несмотря на то что советская идея овладела уже широкими массами пролетариата... Работа в советах является могучим фактором объединения пролетариата». Но советы, подчеркивает Радек, должны быть руководимы партией.

Время учебы в партшколе Волльвебер активно использовал для знакомства с русским Берлином. Примечательным периодом того периода было прибытие в столицу представителей так называемого «философского парохода» — политических оппонентов, высланных большевиками осенью 1922 года из России. Эрнст с интересом читал многочисленные публикации прессы о подробностях «проезда русских изгнанников». Газета «Сегодня» 16 сентября в заметке под заголовком «Что рассказывают изгнанники» сообщала: «Мы беседовали с проехавшими через Ригу представителями науки и общественности, высланными из России. Это лишь первый «транспорт». Еще две группы предполагаются к высылке в ближайшее время: одна группа петербуржцев, ныне заключенных в тюрьму и подлежащих отправке непосредственно из тюрьмы на пароход, идущий в Штеттин. Вторая группа высылается из Москвы; высылаемые пока находятся на свободе, ибо в Петрограде господствует более строгий полицейский режим, возглавляемый Зиновьевым. Высылке

во вторую группу очереди подлежит лучший цвет русской интеллигенции — представители науки, журналистики, кооперации и политических партий. Среди них значатся: известные философы Лапшин, Лосский и Карсавин, проф. технологии Зубашев, профессор-биолог Вислоух, журналисты Волковысский, Харитон, беллетрист Е. Замятин, издатель А. Каган; из Москвы: профессора и ученые Кизеветтер, Бердяев, Франк, Ильин, Степун, Ясинский, Розенберг, далее Айхенвальд, Осоргин, Угримов, Зворыкин, Кудрявцев, Озерецковский, Изюмов, С. Е. Трубецкой, Дм. Кузмин-Караваев, священник-католик Абрикосов, финансовый деятель Цветков и кооператоры Н. В. Малолетников и Н. П. Ромодановский.

На вопрос о том, почему большевики высылают лучших представителей русской интеллигенции как раз в тот момент, когда сама советская власть формально объявила эпоху строительства и уступок, один из ответственных советских деятелей заявил, что именно наличие в стране крупных интеллигентских центров представляет большую политическую опасность. Вокруг университетов, журналов, кооперации и прочих проявлений самодеятельности собираются оппозиционные и недовольные элементы. Интеллигенция будто бы объединяет недовольных, снабжает их особой идеологией, противоречащей официальному курсу правительства» («Сегодня», 1922, № 216).

Эрнст и слушатели школы оживленно обсуждали письмо писателя М. Горького, опубликованное газетами «Накануне» и «Голос России»: «Распространяются слухи, что я изменил мое отношение к советской власти. Нахожу необходимым заявить, что советская власть является для меня единственной силой, способной преодолеть инерцию этой массы к творчеству новых, более справедливых и разумных форм жизни. Уверен, что тяжелый опыт России имеет небывало огромное и поучительное значение для пролетариата всего мира, ускоряя развитие его политического самосознания. Но по всему строю своей психики не могу согласиться с отношением советской власти к интеллигенции. Считаю это отношение ошибочным, хотя и знаю, что раскол среди русской интеллигенции рассматривается — в ожесточении борьбы — всеми ее группами, как явление политически неизбежное. Но это не мешает мне считать ожесточение необос-

нованным и несправедливым. Я знаю, как велико сопротивление среды, в которой работает интеллектуальная энергия, и для меня раскол интеллигенции — разрыв одной и той же — по существу — энергии на несколько частей, обладающих различной скоростью движения. Общая цель всей этой энергии — возбудить активность и сознательное отношение к жизни в массе народа, организовать в них закономерное движение и предотвратить анархический распад масс.. Эта цель была бы достигнута легче и скорей, если бы интеллигентская энергия не дробилась. Люди науки и техники — такие же творцы новых форм жизни, каковы Ленин, Троцкий, Красин, Рыков и другие вожди величайшей революции» («Голос России», 1922, № 1065, 22 сентября).

На занятиях в школе Эрнст поинтересовался мотивами высылки интеллигенции из России. За разъяснениями его отослали к интервью Троцкого американской корреспондентке Л. Стронг, которой он заявил: «Те элементы, которые мы высылаем или будем высылать, сами по себе политически ничтожны. Но они — потенциальные орудия в руках наших возможных врагов. В случае новых военных осложнений... все эти непримиримые и неисправимые элементы окажутся военно-политической агентурой врага. И мы будем вынуждены расстреливать их по законам войны. Вот почему мы предпочли сейчас, в спокойный период, выслать их заблаговременно. И я выражаю надежду, что вы не откажетесь признать нашу предусмотрительную гуманность и возьмете на себя ее защиту перед общественным мнением» («Известия», 1922, 30 августа).

Заметным событием в культурной жизни «русского Берлина» стал приезд в Германию в 1922 году известного поэта Сергея Есенина и знаменитой танцовщицы Айседоры Дункан, остановившихся в отеле «Адлон». Немецкая и русскоговорящая пресса широко освещала их выступление в берлинском Доме искусств, встречи с писателями Горьким, Алексеем Толстым; поездки в Висбаден, Веймар, Дюссельдорф, Кёльн, Лейпциг, Любек, Франкфурт-на-Майне. Газета «Накануне» опубликовала есенинские стихотворения «Не жалею, не зову, не плачу...», «Все живое особой метой...» Корреспондент этой газеты некто «А. В.» отмечает: «Моя беседа с С. А. Есениным была одним из самых оригинальных интервью, какие когда-либо приходились на долю

журналиста. С. А. сердечно беседовал со своим ближайшим соратником и интимным другом А. Б. Кусиковым, позволяя мне записывать из этой беседы все то, что могло представить общественный интерес... С. А. о России вообще говорит кратко.

— Я люблю Россию. Она не признает никакой другой власти, кроме советской. Только за границей я понял совершенно ясно, как велика заслуга русской революции, спасшей мир от безнадежного мещанства...

С. А. Есенин пробудет в Европе до октября, посетит Париж и Лондон, откуда на аэроплане полетит с А. Дункан-Есениной в Америку» («Накануне», 1922, 6 мая).

Для Эрнста выступления Есенина в Берлине, его творчество явились открытием новых граней культуры русского, крестьянского мира. Он стал глубже понимать «крестьянский уклон» Октябрьской революции, ее пример и значение для Германии.

Большое впечатление на Волльвебера, столичную общественность произвели гастроли труппы Московского художественного театра во главе с Качаловым. В сентябре 1922 года артисты МХАТа дали в Берлине постановку «Царь Федор Иоанович». На театральной сцене блистали Ольга Леонардовна Книппер-Чехова, Ольга Константиновна Чехова — будущая «королева экрана Третьего рейха», которой поклонялся Гитлер. Пресса публиковала восторженные рецензии об игре московских актеров, о прогулках в берлинских парках знаменитой троицы — Книппер-Чеховой, Ольги Чеховой и племянника Ольги Леонардовны композитора, автора популярной песни «Полюшко-поле» Льва Книппера, сопровождавшего труппу в гастрольной поездке. В то время Эрнст и представить не мог, что он, Лев Книппер, жена Льва Марина Меликова и Ольга Чехова будут вместе работать на советскую разведку, участвовать в сложных операциях покушения на Гитлера.

* * *

«В октябре 1922 года я был послан в Москву в качестве делегата Четвертого конгресса Коминтерна, — пишет Волльвебер в автобиографии. — Там я имел счастье встречаться с Лениным, участвовать вместе с ним в ночном заседании по обсуждению

вопросов внутрипартийного положения КПГ». В этой поездке исполнится юношеская мечта моряка-вожака Ноябрьской революции в Киле — увидеть вождя большевиков, Советскую Россию, воочию созерцать достопримечательности революционных событий Октября 1917 года в Петрограде и Москве.

Четвертый конгресс Коммунистического Интернационала проходил в течение месяца — с 5 ноября по 5 декабря 1922 года. Его открытие состоялось в Петрограде; последующие заседания с 9 ноября проходили в Москве. В работе конгресса участвовали представители 58 коммунистических партий (на Третьем — 52. — *Е. Г.*), а также трех других: Итальянской социалистической партии, Исландской рабочей, Монгольской народно-революционной и пяти рабочих организаций — КИМа, Профинтерна, Международного женского секретариата, Организации негров США, Международной рабочей помощи. Впервые присутствовали делегаты от коммунистических партий Японии, Португалии, Бразилии, возникших после Третьего конгресса Коминтерна. Как отмечается в документах КИ, в числе этих 65 делегаций были такие, которые «обнимают до полмиллиона членов и даже больше. Например, Интернационал молодежи обнимает 760 тысяч членов. Он был представлен небольшим числом делегатов. Профинтерн обнимает около 10 миллионов организованных рабочих. Представительство чрезвычайно не однородное, соответственно тому, каково положение рабочего движения всего мира в данный момент».

Маяковский, откликаясь на созыв конгрессов КИ, напишет такие стихи:

Мы идем революционной лавой.
Над рядами флаг пожаров ал.
Наш вождь — миллионноглавый
Третий Интернационал...

Потом он создаст еще поэмы «Четвертый Интернационал» и «Пятый Интернационал».

В состав делегации КПГ входили: Карл Беккер, Эрнст Волльвебер, Эрнст Майер, Вильгельм Мюнценберг, Вильгельм Пик, Вальтер Ульбрихт, Август Тальгеймер, Эрнст Тельман, Рут Фишер, Хьюго Урбанс, Фритц Хекерт, Эдвин Хорнле, Герта Штурм,

Клара Цеткин, Гуго Эберлейн. На берлинском вокзале Фридрихштрассе проводить их собрались многочисленные товарищи по партии. У всех были радостные лица. Женатые делегаты трогательно прощались с семьями. Молодежь напевала революционные песни. Кто-то выкрикнул «Рот-Фронт!», и все с восторгом присоединились. Когда поезд тронулся, дружно запели: «Это есть наш последний и решительный бой...» Долго еще вдоль всего поезда из окон размахивали сжатыми кулаками и кричали «Рот-Фронт!» — для отъезжающих политическое заявление, для остающихся надежда.

Примечательно, что тем же поездом вместе с делегатами Коминтерна или в одно время с ними в Москву отправлялся первый посол Германии граф Брокдорф-Ранцау: «Холодным октябрьским вечером 1922 года все друзья семейства Брокдорф-Ранцау собрались на сквозном ветру на вокзале Фридрихштрассе, чтобы сказать ему «до свидания». Мы заполнили всю платформу и образовали полукруг напротив купе, в котором новый посол стоял у опущенного окна. Прощальные приветствия и прощальные шутки летели туда-сюда, — пишет известный немецкий историк Карл Шлегель. — Когда был дан сигнал отправления, из нашего полукруга вышел вперед Мальтцан (Аго фон Мальтцан занимал пост статс-секретаря МИД. — *Е. Г.*) и торжественно передал графу Брокдорф-Ранцау почетную бутыль старейшего французского коньяка. Посол с улыбкой взял ее и со свойственной ему находчивостью воскликнул: «Вы хотите сказать: *In hoc signo vinces!* Все присутствовавшие разразились громовым хохотом. Поезд пришел в движение и медленно заскользил с перрона. Но Брокдорф-Ранцау все еще махал нам, остающимся, коньячной бутылкой в знак последнего привета».

Провожавшие посла знали, что граф любил выпить рюмку французского коньяка, и по вечерам в небольшой компании при его участии бутылка этого напитка быстро пустела. Он был опытным дипломатом старой бисмаркской школы, противником Версальского договора. Немецкие газеты писали, что в Советскую Россию он отправился, чтобы найти новых союзников в лице большевиков. Брокдорф-Ранцау хорошо знал Чичерина, еще когда тот был секретарем русского императорского посольства в Берлине. Оба были старыми холостяками, у обоих была

привычка спать до обеда и работать ночами. В ночные часы они обсуждали вопросы мировой политики и усиленным темпом двигали вперед русско-германское сближение. Перед отъездом в Москву граф заявил, что видит «единственную возможность освободить немецкий народ из жалкого состояния, в которое ввергла нас трагическая судьба, не в том, скажем, чтобы безоговорочно вверяться советскому правительству, а в том, чтобы планомерно, уверенно в себе сотрудничать с Россией в экономической и политической области... Трезвый, ясный расчет и непоколебимая вера в мировую миссию немецкого народа указывает нам путь на Восток независимо от того, «симпатично» ли нам нынешнее правительство в России или нет». 2 ноября 1922 года, накануне открытия Четвертого конгресса Коминтерна Брокдорф-Ранцау занял должность посла Германии в России.

Волльвеберу, совершавшему первую поездку за рубеж, и делегатам КПГ показался весьма знаменательным тот факт, что в сложной международной обстановке, в которой оказалась Германия после Версаля, первый немецкий посол и коммунисты едут в Москву с надеждой на мир и сотрудничество с Советской Россией, Этот союз не был дарован историей. Чтобы проложить к нему путь, советские и немецкие коммунисты должны были проделать огромную работу. Они смогли протянуть друг другу руки, потому что были и остаются интернационалистами. Волей исторических обстоятельств, политической судьбы Германия объединялась с Советской Россией в борьбе за справедливый мир, благополучие немецкого и русского народов.

Сев в вагон, Эрнст оказался в одном купе с Ульбрихтом. После избрания членом ЦК КПГ он часто общался с ним, обсуждая подготовку и проведение мероприятий компартии, поскольку их партийные округа территориально располагались по соседству. На заседаниях руководящих органов КПГ они, как правило, выступали с единых позиций, поддерживая друг друга, и так подружились. Поужинав, легли спать, но сон не приходил — очень уж возбуждали трогательные эпизоды отъезда, напутствия товарищей, предстоящие открытие конгресса КИ, встречи с вождями большевиков.

Какой удивительный день! Какие великие, исторические события свершаются на их глазах! — размышляли они. — Весь

мир смотрит на Москву как на мировой центр, куда съезжаются со всех стран и концов света делегации коммунистов, социалистов, выдающихся общественных деятелей, политиков, дипломатов, созидателей новой жизни, государственного управления власти Советов. Установление дипломатических отношений между Германией и Россией может стать «поворотным пунктом» в германской политике. Как это обстоятельство повлияет на деятельность компартии, на борьбу коммунистов за власть Советов, социалистическую Германию?

В период с 1918 по 1939 год не существовало общей немецко-русской границы. Чтобы попасть в Россию, восточная железная дорога должна была проходить по «польскому коридору» до пограничных станций Эйдкунен и Погорелое. Пролегавший здесь рубеж разделял не просто государства, а разные миры. Тот, кто сюда прибывал, знал, что, миновав пограничную полосу, он перешагнет из одного полушария в другое. К таким станциям приближались с нарастающим нервным напряжением, даже если нечего было скрывать. Когда Радек в декабре 1918 года пробирался из Москвы в Берлин, чтобы вовремя поспеть к началу революции в Германии, он переходил через границу в Эйдкунене. Для Радека, который выдавал себя за австрийского солдата, это было рисковым делом: «Эйдкунен! Как часто я здесь проезжал! — вспоминал он. — Как часто меня здесь обыскивали жандармы!»

Через Эйдкунен ехал в начале 20-х годов прошлого века Александр Радо, талантливый географ, ставший советским разведчиком в Швейцарии. «Там, в Эйдкунене, все должны были выходить из вагонов. К моему величайшему изумлению, немецкие полицейские отвели меня в ванную, раздели, посадили в ванну и натерли мне спину какой-то жидкостью, — пишет он. — Впоследствии я узнал, что иногда секретным курьерам пишут на спине химическими чернилами зашифрованные сообщения... Наконец мы двинулись дальше, по единственной железнодорожной ветке, связывавшей тогда Советскую Россию с капиталистическим миром».

На пограничных станциях поезд стоял полтора-два часа — из-за разницы в колее происходила смена тележек под вагонами с европейской на русскую широкую колею. Стоявшие в коридорах и смотревшие в окна пассажиры с любопытством и волнени-

ем смотрели на деревянную арку, украшенную флагами и гербом Советской России. На одной ее стороне виднелась надпись: «Привет рабочим Европы!», на другой: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» В поезде появились пограничники, попросившие пассажиров предъявить паспорта. Эрнст протянул свои документы. Пограничник посмотрел их, внимательно сличил фотографию в паспорте с «оригиналом», козырнул и вернул документ владельцу. Все было в порядке.

Эрнст вышел на перрон, прошел к вывешенным у входа на вокзал красным знаменам, портретам Ленина и Сталина, фотографиям Кремля, Красной площади. Рассматривая их, он испытывал сильное волнение — чувство коммуниста, прибывшего в страну, где воплощаются коммунистические идеалы, за которые он и тысячи других товарищей борются в Германии.

Волльвебер прибыл в Советскую Россию в период перехода страны к новой экономической политике. Победивший советский строй приступал к реформам в народном хозяйстве (переход к продналогу, свободе торговли), установлению юридической регламентации и законности. Необходимо было покончить с «морем беззакония», в которое оказалась ввергнута страна. Утверждение революционного «правопорядка» особенно поощрялось Лениным; он видел в этом эквивалент той «культурности», которой не хватало стране. Поэтому 1922 год стал годом интенсивной законодательной деятельности, были подготовлены и приняты уголовный и гражданский кодексы; новый земельный и трудовой кодексы. Их принятие сопровождалось реформой судов, которые были объединены в стройную трехзвенную систему: народный суд — губернский суд — Верховный суд Республики. Упразднены были ревтрибуналы и административное судопроизводство, учреждена государственная прокуратура, на которую возлагалась задача осуществлять надзор за исполнением законов и в то же время поддерживать государственное обвинение. Наконец, получила признание и была регламентирована система адвокатуры. В этот же период был закреплен факт существования одной-единственной партии в Советской России — это указывалось в документах XI съезда РКП(б), заседавшего в Москве в конце марта — первых числах апреля 1922 года. «Российская коммунистическая партия, — говорилось в одной из его резолюций, — остается единственной легальной политической партией в стране». Многим уцелевшим деятелям других политических организаций было разрешено эмигрировать.

* * *

Перед открытием конгресса делегатов волновал важный вопрос — здоровье Ленина. Все с нетерпением ждали начала заседания. Вот появился Зиновьев, за ним Троцкий, Бухарин, Радек, члены ИККИ. Ленина не было. Тревожный гул пронесся по рядам. Зиновьев, видимо, уловив его, успокоил, заявив, что Владимир Ильич приступит к работе в совещаниях позднее. И тут же огласил приветствие Ленина Четвертому Всемирному конгрессу Коминтерна: «Крайне сожалею, что не смогу быть на первом заседании конгресса и должен ограничиться письменным приветствием. Несмотря на гигантские трудности, стоящие на пути коммунистических партий, Коминтерн растет и крепнет. Главная задача по-прежнему стоит в завоевании большинства рабочих. И эту задачу мы, несмотря ни что, выполним. Объединение II и II ½ Интернационалов принесет пользу революционному движению пролетариата: меньше фракций, меньше обмана — это всегда полезно для рабочего класса...

Советская власть в России празднует первое пятилетие. Она более прочна, чем когда бы то ни было. Гражданская война кончена. Первые хозяйственные успехи налицо. Советская Россия считает величайшей гордостью помогать рабочим всего мира в их трудной борьбе за низвержение капитализма. Победа будет за нами. Да здравствует Коммунистический Интернационал!»

Ленинское приветствие было встречено бурными овациями. Лица делегатов посветлели. Тревога в душе Эрнста сменилась радостным ожиданием — значит, он увидит и услышит вождя великой российской революции, всемирного рабочего движения. Все свое внимание он сосредоточил на отчете Зиновьева «Коминтерн между Третьим и Четвертым конгрессами»: «Товарищи, прошло пять лет с тех пор, как рабочие того города, где сейчас открылся Четвертый Всемирный конгресс, низвергли буржуазию и взяли власть в свои руки. В течение этих пяти лет каждый день был важнейшим уроком для пролетариата нашей страны

и пролетариата всего мира. Последний год был для Коммунистического Интернационала во многих отношениях решающим годом. Между Третьим и Четвертым конгрессами протекло 15 месяцев. Именно в течение этих 15 месяцев в известном смысле решалась судьба Коммунистического Интернационала. Само собой понятно — полная победа Коммунистического Интернационала в историческом смысле безусловно обеспечена. Если бы даже наше поколение борцов было сметено огнем реакции, как это произошло с парижскими коммунарами и I Интернационалом, он все равно возродился бы и, в конце концов, пришел бы международный пролетариат к победе. Но вопрос шел о том, удастся ли Коммунистическому Интернационалу, как он сложился сейчас, удастся ли нашему поколению борцов выполнить ту историческую миссию, которую взял на себя III Коммунистический Интернационал. Этот вопрос решался как раз между Третьим и Четвертым конгрессами. Третий конгресс закончил свою работу к моменту, когда наступление капитала и всемирной реакции приобрело небывалую планомерность и силу. На Третьем конгрессе стало ясно, что от нас начинают отходить некоторые ненадежные попутчики... Комбинированные силы международного капитализма и меньшевизма, в лице II Интернационала, в течение этих 15 месяцев штурмовали отдельные партии Коммунистического Интернационала. Все усилия буржуазного мира были направлены на то, чтобы вырвать из наших рядов отдельные отряды, чтобы разрушить Коминтерн. Это были критические месяцы в жизни Коминтерна».

Эрнст старательно записывал наиболее важные выводы, решения, мысли выступавших, намереваясь использовать собранные на конгрессе материалы в своей революционной деятельности по возвращению в Германию. Тезисы по отчету:

— Оглядываясь на пройденный путь, подытоживая наши силы, каковыми их застает Четвертый конгресс, мы имеем полное право, нисколько не преувеличивая, сказать, что Коминтерн трудные времена пережил. Он вырос и окреп настолько, что ему не страшно сейчас никакое нападение всемирной реакции. Программная и тактическая линия Коминтерна, как она сформулирована высшими законодательными органами международного пролетариата, также прошла через испытания огнем и также

показала себя правильной. Мы имеем точную и ясную дорогу, знаем, куда идем, куда ведем международный пролетариат. И поэтому гарантируем: мы приведем его к полной победе над буржуазией (аплодисменты).

— В 62 партиях дела обстоят совершенно различно, соотношения сил разнообразные. В одних местах коммунисты стали проникать в среду крестьянства, в других овладевают профсоюзами, получая в них большинство... Представительство чрезвычайно неоднородное. Вы видите, например, представительство Германской коммунистической партии, которая объединяет в данный момент 226 200 человек. Цифра сама по себе довольно значительная. Достаточно напомнить, что наша партия перед взятием власти в 1917 году едва ли насчитывала такое число членов. Но вместе с тем Германская компартия является только меньшинством среди рабочего класса Германии, ей противостоит объединенная социал-демократия, вчетверо сильнее по числу членов. С другой стороны вы увидите представительство Австралийской коммунистической партии, насчитывающей всего-навсего 900 членов, но, в силу сложившихся обстоятельств, эта маленькая, очень компактная партия ведет за собой большинство рабочего класса Австралии и даже, быть может, не так далека от взятия власти. Вы видите два полюса. В Германии для того, чтобы овладеть властью, необходимо овладеть громадным большинством рабочего класса; там каждый рабочий организован, за душу каждого рабочего ведется борьба; происходит состязание организации сил, и там, покуда компартия не овладеет сначала симпатиями, а потом и организацией большинства рабочего класса, она не может рассчитывать на взятие власти.

— О тактике единого фронта. Лозунг Третьего конгресса — «в массы» — в настоящий момент более чем когда-либо остается в силе. Применение тактики единого фронта означает, что коммунистический авангард идет впереди в повседневной борьбе широких масс за их ближайшие жизненные интересы. Для этой борьбы коммунисты готовы даже вести переговоры с вождями социал-демократов, со всеми рабочими, принадлежащими к другим партиям или группам; со всеми беспартийными трудящимися во имя защиты жизненных прав и интересов рабочего класса против буржуазии. Сильной стороной Коминтерна явля-

ется то, что он, имея ясную программу, сумеет наталкивать все свои секции и партии на то, чтобы они жили в самой гуще рабочей массы, варились в соку этой массы; чтобы умели на каждом изгибе пути, в каждом самом маленьком повседневном вопросе быть выразителями мнения рабочей массы. Положение остается объективно революционным, и сейчас даже малейшая стачка может стать исходным пунктом великих революционных боев.

— О рабочем правительстве. Вопрос о составе власти, о формуле власти есть центральный вопрос революции и потому формула, выдвигаемая сейчас, имеет гигантское не только агитационное, но и политическое значение. В целом ряде стран, где сейчас неустойчивое равновесие, где буржуазия не прочна, где происходит непрерывная смена министерств, борьба за власть, коммунисты выдвигают по указаниям Коминтерна пароль — рабочее правительство. В связи с этим возникает целый ряд кривотолков: что считать рабочим правительством, при каких условиях можно входить в него и т. д. Мы установили примерно пять возможностей: первая — либеральное рабочее правительство, такое, которое было, например, в Австралии, или, может, будет завтра в Англии, когда там профсоюзы реформистского типа приобретут большинство в парламенте. Что это означает? Правительство, вышедшее из рядов рабочих, но которое имеет еще на деле программу буржуазно-либеральную. Это будет значить, что рабочий класс имеет такое правительство, которое он в данный момент заслуживает, это будет правительство, отражающее ограниченность английской рабочей массы, такой, какая она есть сейчас. Вторая — социал-демократическое рабочее правительство. Классический пример — Германия. Это правительство социал-демократов, опирающихся еще пока на большие слои рабочих, а на деле выполняющее роль буржуазии. Третья возможность — правительство коалиции всех рабочих партий, начиная слева с коммунистов и заканчивая социал-демократами. Как эпизод в ходе классовой борьбы возможно правительство, в котором будут участвовать коммунисты рядом с социал-демократами, синдикалистами, анархистами, профсоюзами, даже с христианскими профсоюзами. Четвертое — правительство рабочих и крестьян. В тех странах, где существует крестьянская беднота, как, например, на всем Балканском полуострове; в Болгарии, Венгрии, Румынии, Турции, Греции, Чехословакии; то есть правительство всех рабочих и крестьян, которые согласны бороться против буржуазии. Наконец, пятая возможность — действительно рабочее правительство, коммунистическое, возглавляемое коммунистической партией.

Тактика рабочего правительства имеет свои опасности. Ведь если истолковывать вопрос так, что речь идет о парламентской сделке, то это был бы шаг назад. Во время конгресса перед нами возник конкретный вопрос — в германской земле Саксония проходили выборы, которые создали такое положение: 40 социал-демократов, 12 коммунистов, что вместе дает 52 голоса, и 48 остальных буржуазных партий, то есть коммунисты играли роль маятника. Если они соединятся с социал-демократами, получится слабое большинство, но все-таки большинство против буржуазии. Встал вопрос, не образовать ли рабочее правительство третьего типа, то есть коалицию коммунистов с социал-демократами. Немецкие коммунисты попросили высказать позицию по этому вопросу Коминтерна. Мы дали отрицательный ответ, то есть высказались против вхождения в такое правительство, поскольку оно возникло не из революционной борьбы, а в результате парламентской комбинации, которая завтра же может распасться.

Особенно тщательно Волльвебер конспектировал выступления на близкие ему темы о деятельности КПГ, «Коминтерн и профсоюзы»: «Вопрос о профсоюзах является центральным вопросом сегодняшнего дня по той причине, что профсоюзы есть основная массовая организация пролетариата. Партии, конечно, принадлежит руководящая роль в профсоюзах. Но поскольку дело идет о миллионах и десятках миллионов, тут решают профсоюзы, которые сейчас в большинстве находятся в руках Амстердамцев[1]. Но такое положение будет не вечно, профсою-

[1] Амстердамцы — международное объединение профсоюзов, находящееся под влиянием социал-демократов, со штаб-квартирой в Амстер-

зы с каждым месяцем, под влиянием уроков классовой борьбы, переходят на нашу сторону. Сейчас мы переживаем интересный момент: Амстердамцы почуяли, что у них начинает ускользать почва из-под ног; они катятся вниз — профсоюзы начинают отходить от них к нам. Поэтому переходят к тактике раскола профсоюзов, хотят, чтобы нам, коммунистам, достались одни черепки от профсоюзов, одни кусочки... Перед нами стоит задача во что бы то ни стало парализовать эту попытку. Под влиянием возмутительной провокации Амстердамского объединения и II Интернационала, которые изгоняют коммунистов из профсоюзов, возникает стремление в коммунистических партиях уйти из этих профсоюзов. Эти товарищи говорили: «Доколе мы будем терпеть, давайте уходить. Мы построим свои союзы». Но нельзя поддаваться на провокации и таким образом способствовать расколу. Нужно иметь терпение. Мы готовы идти на уступки, готовы претерпеть от этих мерзавцев, потому что профсоюзы массовая организация, без которой нельзя победить буржуазию, а главное — удержать власть после победы.

Отдельные товарищи, как, например, товарищ Лозовский, бросали фразы: «Мы не хотим раскола, но мы не боимся раскола». Мы этого не говорим, это бахвальство и больше ничего, нет, мы боимся раскола и говорим это прямо. Мы их ненавидим, тех, кто делает раскол, презираем как величайших негодяев, предателей народного дела. Мы заставим их чувствовать, что мы боимся раскола и сделаем все возможное, чтобы его не допустить

В области профсоюзов принято еще одно важное решение — о наших взаимоотношениях с синдикалистами, среди которых существует три крыла. Одно из них потерпело такой же крах, как социал-демократы, это старые классические синдикалисты, которые держались во время войны как шейдемановцы, лизали пятки буржуазии — это первое крыло, казенный синдикализм. Второе — это вульгарно-анархическое крыло, анархо-синдикалисты, которые не признают диктатуры пролетариата, никакого государства, стало быть, и советского. Третье крыло — синдикалисты-коммунисты, которые под влиянием традиций рабочего движения их стран не понимают координации между партией

даме.

и союзами, что партия должна руководить союзами. Они выступают под формулой автономии: мы войдем в Профинтерн, присоединимся к Коммунистическому Интернационалу, но требуем, чтобы связь между Коминтерном и Профинтерном не была так тесна, чтобы Коминтерн не подчинял себе профсоюзы. Они предлагают создать совместный комитет действия, который будет координировать все шаги профсоюзов и партии. Мы согласились, зная, что делаем уступку известному предрассудку, но так как дело идет об уступке широким кругам революционных рабочих, мы говорим — «хорошо, пусть будет по-вашему». Наше сближение с синдикалистами-коммунистами в этом смысле имеет гигантское принципиальное значение и обеспечивает нам максимум единого революционного пролетарского фронта против всех наших врагов.

Профинтерну в 1921 году пришлось пережить такую фазу, когда даже в одной из лучших партий — Германской — против него возникло ликвидаторское движение. В Германской компартии совершенно серьезно обсуждался вопрос, не является ли Профинтерн недоноском, не надлежит ли его ликвидировать. Происходило это под влиянием течения, возглавляемого Леви, но заражены этим были не только его последователи. Теперь это течение и в Германии и, надеюсь, в других странах целиком изжито. Можно предсказать, что в ближайшие годы, если не в ближайшие месяцы, Профинтерн добьется больших побед».

Деятельности КПГ в отчете дана такая оценка: «Германия находилась в центре почти всех наших дискуссий на Третьем мировом конгрессе. Как вам всем известно, положение Германской партии было тогда довольно тяжелое. Наши враги говорили о полном распаде и даже некоторые из наших друзей слишком уж поддавались впечатлению временных затруднений, нависших над братской Германской партией. Исполком гордится тем, что ему удалось оказать братской компартии известную поддержку при разрешении этого тяжелого кризиса. Мне кажется, что мы можем с полным основанием и без боязни преувеличения сказать, что наша Германская партия является на этом конгрессе одной из самых крепких, прекрасно организованных (конечно, относительно) и политически сознательных партий. Это должно послужить для нас утешением, ибо мы знаем, что в настоящий

момент некоторые из наших крупнейших партий тоже находятся в весьма затруднительном положении. Например, Французская партия вызывает величайший пессимизм среди многих участников конгресса... Политическое положение в Германии безусловно революционно и благоприятно для единственно существующей в Германии истинно революционной партии, т. е. для нашей коммунистической партии.

Слияние Независимой социал-демократической партии с СДПГ, которое мы предсказывали, стало свершившимся фактом. Я думаю, что этот факт имеет положительную ценность для революционного движения. Товарищ Ленин был прав, говоря в своей приветственной телеграмме конгрессу, что объединение II и II 1/2 Интернационалов составляет шаг вперед в революционном движении. Чем меньше фикций, чем меньше обмана и иллюзий, тем лучше для рабочего класса... Задавая себе вопрос, какие партии лучше всего применили на практике тактику единого фронта, надо сказать, что это были Германская и Чешская партии, — конечно, и это лишь относительно. Нам много раз приходилось констатировать, что Германская партия не всегда в достаточной мере подчеркивала самостоятельность нашей собственной тактической линии, в то время как для нас во всей тактике единого фронта главным моментом является сохранение свободы коммунистической агитации. Это не всегда удавалось, но в общем Германская партия вполне правильно применяла эту тактику. Такие забастовки, как забастовка железнодорожников в Германии, были классическим примером правильного применения тактики единого фронта; в то же время эта забастовка дает пример того, как из каждой экономической забастовки может вырасти политическая.

Вы знаете о начавшемся теперь движении фабзавкомов, которому, несомненно, предстоит большое будущее. Социал-демократы обвиняют компартию в том, что она хочет созвать съезд фабзавкомов, чтобы таким образом поставить Германию перед свершившимся фактом, как это сделали в 1917 году созывом II съезда Советов большевики (которые, однако, тогда уже свергли господство буржуазии). Однако, Германская партия, к сожалению, еще не заслуживает этого упрека или, скорее, комплимента. Коммунистическая партия в Германии, к сожалению, еще недостаточно сильна, чтобы сделать то, что сделали большевики в октябре 1917 года. Все же эта кампания будет иметь чрезвычайно большое значение — она послужит началом кристаллизации, действительно массового революционного движения вокруг компартии... Никто не станет отрицать, что политическое влияние Германской партии весьма заметно усилилось. Тем не менее, число ее членов не особенно возросло. Германская партия должна поставить своей задачей довести число членов до миллиона. Процесс разложения германской социал-демократии будет протекать быстро. Мы чувствуем, что решающие события в Германии могут произойти гораздо раньше, чем ожидают многие из нас. В Германской партии есть разногласия, их еще нужно преодолеть. Так, например, мы видим, что в вопросе о программе на последнем заседании Совета партии не было полного единомыслия. Если все симптомы не вводят нас в заблуждение, то дорога мировой пролетарской революции проходит от России через Германию. Таким образом, выздоровление Германской партии имеет первостепенное политическое значение».

Участвуя в дискуссиях на заседаниях отдельных секций по Германии, Италии, Норвегии, Польши, Франции, Волльвебер сделал такие записи:

— Организационная связь Исполкома с Германской партией была лучше, чем с какой-либо другой партией; этим не сказано, что она была идеальной. Было много дефектов отчасти по вине Исполкома, отчасти — Германской компартии. Но все же связь была довольно крепка, и почти ни одно политическое событие не прошло без обмена мнений между Исполкомом и Германской партией.

— Вопрос об отношении к объединению II и II½ Интернационалов есть вопрос не только внутрипартийной политики, а всей мировой политики. Объективные предпосылки для победы мировой пролетарской революции во всех решающих странах назрели. Все экономические предпосылки для победы социализма налицо. Единственное, чего не хватает рабочему классу всего мира, это так называемого субъективного фактора — достаточной организованности, сознательности пролетариата. И в этом смысле роль социал-демократии для данного времени велика.

Без преувеличения можно сказать, что самая центральная задача наших дней, пожалуй, даже всей нашей эпохи, заключается в том, чтобы победить социал-демократию, этот главный фактор международной контрреволюции, главный тормоз на пути к победе международного рабочего класса. Капитализм теперь держится исключительно милостью социал-предателей из II Интернационала.

— Важнейшее событие Четвертого конгресса заключается в том, что Коминтерн становится не федерацией партий, а единой коммунистической партией. 21 условие, выдвинутое на Втором конгрессе, не есть выдумка, придирка или догмат, а есть выражение коллективного разума борющегося за свое освобождение от цепей капитализма международного пролетариата. Когда произошел раскол в Ливорно (Италия), мы сказали тем, кто не пошел за Коминтерном: у вас два пути — или вы пойдете за реформистами, за II Интернационалом, и, стало быть, через короткое время окажетесь в лагере буржуазии, или признаете свою ошибку и вернетесь в ряды Коммунистического Интернационала. Пока не ясно, как смотрят на уроки итальянских событий отдельные вожди Итальянской социалистической партии. Но твердо известно, как смотрит на это громадное большинство итальянских рабочих-социалистов, которое на своем недавнем съезде в Риме признало свою ошибку и правоту Коминтерна. Они возвращаются в наши ряды. И, разумеется, мы примем их, как братьев.

— Версальский мир фактически ликвидирован. Между тем он не уступает своего места общему соглашению капиталистических государств, но создает новые противоречия, новые империалистические группировки и новые вооружения. Восстановление Европы при существующем положении невозможно. Капиталистическая Америка не хочет идти на жертвы для восстановления европейского капиталистического хозяйства. Америка, как коршун, следит за распадом капиталистической Европы, собираясь унаследовать ее. Америка поработит капиталистическую Европу.

— В настоящий момент международное политическое положение характеризуется фашизмом и растущей волной белого террора против рабочего класса. Ввиду того что нарастающее обнищание охватывает также и средние слои, в том числе чиновничество, господствующий класс уже не уверен, что он имеет в лице бюрократии совершенно послушное орудие. Поэтому он всюду переходит к созданию особой белой гвардии, которая специально направлена против всех революционных стремлений пролетариата и все более служит для насильственного подавления попыток рабочего класса улучшить свое положение. Характерный признак итальянского «классического» фашизма состоит в том, что фашисты не только образуют вооруженные до зубов контрреволюционные боевые организации, но они пытаются путем социальной демагогии создать себе почву в массах: в крестьянстве, мелкой буржуазии, даже известной части пролетариата. Опасность фашизма кроется во многих странах: почти во всех Балканских странах, Венгрии, Германии (Бавария), Норвегии, Польше, Чехословакии, Америке. Одна из важнейших задач коммунистических партий состоит в организации сопротивления международному фашизму, энергично применяя тактику единого фронта, прибегая и к нелегальным методам организации.

Участвуя каждый день в многочисленных заседаниях, пленарных и по секциям, Волльвебер наглядно убеждался в коллективном характере работы конгресса Коминтерна. Обсуждению всех вопросов были свойственны демократичность, свободное отстаивание позиции, стремление сообща найти ответ на жгучие вопросы современности с учетом конкретно-исторических условий, национальных особенностей и традиций. Разумеется, некоторым установкам тех лет был присущ чрезмерный «универсализм», но он был вызван не игнорированием конкретной специфики, а, скорее, недостаточной зрелостью компартий, еще не овладевших искусством самостоятельно находить решения, наиболее соответствующие условиям своих стран, стремлением как можно скорее освоить опыт большевизма, Октябрьской революции.

На Эрнста особенно большое впечатление произвели бурные, острые споры вокруг франкмасонства во Французской компартии. С докладом по этому вопросу выступил Троцкий, сообщив о принадлежности к Ордену «вольных каменщиков» главы французской делегации Кашена. На протестующую реплику

последнего докладчик иронически заявил, будто в некоторых фракционных кругах говорят, что «Ленин и я тоже масоны». Он недоумевал, почему аналогичные обвинения не адресуют Зиновьеву, Радеку, и особенно Бухарину, который «вполне подходит для масонства». Когда же касались Кашена, то он только «пожимал плечами». Тут масла в огонь подлил итальянский делегат Бордига, сославшись на присутствие масонов во всех фракциях компартии Франции, назвал имена руководителей Фроссара, Сутифа, Кера и насмешливо спросил: «Так ли это?» Относительно себя Кер признал факт, добавив, что подобный вопрос в их партии не стоял и от коммунистов никогда не требовалось выбирать между партией и масонами. Вообще все это ему непонятно.

Включившись в прения, Троцкий угрожающе заключил: «Надо применять хирургические методы и действовать со всей энергией, без чего партийную организацию охватит гангрена». Поэтому Французская компартия должна «ударить кулаком по столу», признать свою ошибку, провозгласить беспощадную борьбу против Ордена и Лиги прав человека, которые усыпляют сознание представителей пролетариата.

Французы, явно не желая обострять дискуссию, говорили, что данная здесь характеристика масонства является для них «совершенно неожиданной», ранее Коминтерн никаких официальных решений по этому вопросу не принимал. Кашен отметил, что его принадлежность к Ордену была давно известна, одни требовали его отставки с поста секретаря ЦК ФКП, другие нет. Он обещал неуклонно проводить в жизнь рекомендации Коминтерна. Кер признал, что в партии «очень много масонов, в парижской ложе «Жан Жорес» союза Великого Востока из 200 членов 170–180 принадлежат к ФКП». Их идеология эклектична, они занимаются всем, в том числе коммунистической пропагандой. По его мнению, если встанет выбор — партия или масоны, многие предпочтут остаться в ложах.

Итальянский социалист Гроциадеи предложил в резолюцию Коминтерна внести следующий пункт: «Всякая партия, желающая принадлежать к Коммунистическому Интернационалу, должна запретить своим членам примыкать к франкмасонству». Он аргументировал свою инициативу тем, что «масонство во многих странах является политической организацией, которая своим

мелкобуржуазным пониманием общественных отношений, самим составом служит буржуазному строю как в национальном, так и международном масштабе. Его влияние может быть еще более опасно ввиду того, что оно является тайной организацией. Идеология масонов резко противоречит социалистическому, марксистскому мировоззрению. Франкмасоны пытаются затушевать различия между классами и нациями, прикрываясь абстрактной, формальной концепцией теоретических прав. Поскольку это организация тайная, то товарищи, примыкающие к масонству, могут нас контролировать, в то время как мы не имеем возможности контролировать их деятельность».

В резолюцию конгресса был внесен отдельный раздел «Франкмасонство, Лига прав человека и буржуазная печать»: «Принимая во внимание, что самый факт принадлежности к масонству, независимо от того, преследовались ли при этом данном случае те или другие материальные, карьеристские и иные порочащие цели, свидетельствует о крайней неразвитости коммунистического сознания и классового достоинства. Четвертый конгресс признает необходимым, чтобы товарищи, которые принадлежали до сих пор к масонству и которые ныне порвали с ним, не могли в течение двух лет занимать ответственные посты в партии. Только напряженная работа в пользу революции в качестве рядовых членов Коммунистической партии может принести этим товарищам полноту доверия и восстановить их права на занятие в партии соответствующих постов».

Лига прав человека и гражданина квалифицируется в резолюции «организацией буржуазного радикализма». Коминтерн «признает безусловно несовместимым со званием коммуниста и противоречащим элементарным основам коммунистического мировоззрения принадлежность к Лиге защиты прав человека и гражданина и призывает всех членов партии, входящих в состав лиги, выйти из рядов лиги до января 1923 года, с доведением об этом до сведения своей организации и опубликованием в печати».

Как оказалось, многие коммунисты, особенно во Франции, отказались выполнять резолюцию Коминтерна, то есть покинуть масонство и лигу; предпочтя выйти из партии, включая генерального секретаря ФКП Фроссара.

Свободное от заседаний время Волльвебер посвятил знакомству с достопримечательностями Петрограда, отмечавшем 5-летие Октябрьской революции. Город находился в праздничном убранстве, лица людей светились радостью. Всюду развевались красные знамена и полотнища с грозными лозунгами, предупреждавшими, что против Советской России плетется мировой заговор империалистов, что первое государство рабочих и крестьян окружено блокадой: «Смерть мировому империализму!», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Кто не работает, тот не ест».

На Невском проспекте Эрнст стал свидетелем живописного зрелища: от Адмиралтейства через весь проспект проехала в буквальном смысле слова «красная кавалькада» — вся в красном одеянии с головы до ног, в белых высоких гетрах — красноармейцы, больше похожие на сказочных воинов. Лихая конница пронеслась так красочно, будто это была сцена из фильма.

Около крейсера «Аврора», выстрел которого послужил сигналом к вооруженному восстанию и который привлекал массу туристов и горожан, он обратил внимание на караульных охраны. Один в шинели, папахе, в руках винтовка с примкнутым штыком. Другой — в кожаной куртке, на груди виднелась полосатая тельняшка. Лихо сдвинутая на затылок бескозырка того и гляди сорвется с головы. Брюки клеш тщательно отутюжены, ботинки начищены до блеска. Грудь перекрещивают две пулеметные ленты. Поняв, что перед ним родственная душа, — моряк, Эрнст поинтересовался:

— Товарищ, для чего вы носите пулеметные ленты? Для воинской красоты или устрашения?

— Для красоты? Не приходило в голову... Для устрашения? Контры и этого боятся как огня! — матрос хлопнул рукой по бескозырке, расправил плечи, несколько рисуясь перед ним.

— Так для чего же ленты?

— Для удобства. Я и стреляю, и ленту подаю, и набиваю ее патронами. Контра не пройдет... Моряки — краса и гордость революции. Мы первыми на флоте подняли красный флаг, произвели выстрел из носового орудия — сигнал к вооруженному восстанию, — с достоинством, четко отрапортовал матрос. Эрнст

с уважением крепко пожал ему руку, рассказал о восстании моряков в Киле.

На Марсовом поле — памятнике павшим борцам революции — Волльвебер стал свидетелем возложения венков на братские могилы революционеров, погибших в февральские дни 1917 года. Одну из гранитных стен захоронения украшало большое красное полотнище с лозунгом «Через Красный Октябрь к мировой революции!» У торца стены стоял транспарант с надписью: «19 июля 1920 года Ленин вместе с делегатами Второго конгресса Коминтерна возложил венки на могилы героев революции». Положив гвоздики на братскую могилу, Эрнст подошел к сводному хору, исполнявшим на нескольких иностранных языках «Интернационал». Певцов сменяли артисты и поэты, читавшие проникновенные стихи:

Спите, любимые братья,
Снова родная земля
Неколебимые рати
Движет под стены Кремля.
Новые в мире зачатья,
Зарево красных зарниц...
Спите, любимые братья,
В свете нетленных гробниц.

Организаторы конгресса устроили делегатам экскурсии в Таврический дворец и Смольный. Пожилой экскурсовод так интересно рассказывал о революционных днях 1917 года, передавал такие яркие картины вооруженного восстания, будто сам участвовал в тех событиях, видел Ленина, отдававшего приказы идти на штурм Зимнего дворца — последнего оплота буржуазного Временного правительства. В Таврическом дворце делегатам показали зал, где заседал Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, где 4 апреля 1917 года выступал Ленин с докладом «О задачах пролетариата в данной революции». Здесь же в июле 1920 года проходил Второй конгресс Коминтерна. В Смольном провели в Актовый зал, в котором на II Всероссийском съезде Советов 26 октября была провозглашена советская власть, приняты ленинские Декреты о земле, о мире; сформировано первое в мировой истории ра-

боче-крестьянское правительство — Совет Народных Комиссаров — во главе с Лениным.

Слова «революция», «Ленин», «советская власть» Волльвебер слышал от всех, с кем заговаривал. Люди излучали уверенность и оптимизм. Эрнст испытывал даже некое чувство стыда, что родился в стране, жители которой боятся большевиков, коммунистов, воспринимают всерьез истерические выступления Носке, Шейдемана, Эберта о «русской угрозе», опасности революции по образцу Советской России для Германии.

* * *

В поезде из Петрограда в Москву Волльвебер оказался по соседству с купе, где разместились Эрнст Майер, Рут Фишер и Гуго Эберлейн. За ужином в вагоне-ресторане речь зашла об иронической реплике Зиновьева в адрес Фишер. В разделе отчета «Отдельные секции Коминтерна» Зиновьев, затронув положение в КПГ, сказал: «Товарищ Рут Фишер, которая дала нам возможность убедиться в том, что она не так страшно выглядит, как многие себе ее представляли (смех и аплодисменты), сделала нам упрек, что Третий конгресс оказал не слишком благотворное влияние на Германскую партию. Она должна была бы сделать этот упрек Третьему, а не Четвертому конгрессу, но так и быть, мы — наследники Третьего конгресса и можем отвечать за него. Я думаю, что упрек неправилен. Мы не будем преувеличивать и не скажем, что спасли Германскую партию: не мы спасли ее, а германский пролетариат сам поставил на ноги свою партию. Вот правильная формулировка. Но поскольку дело касается Третьего конгресса, я думаю, что его действия были правильны. (Совершенно верно!). Говорят, что с группой Леви мы поступили неправильно, свалили все в одну кучу. Простите, но это неверно».

— Рут права. С изгнанием Леви поспешили, — сказал Майер. — Он умный, способный организатор и мог бы принести пользу партии.

— А как быть с его обвинениями компартии в путчизме, распространением лживой антипартийной брошюры «Наш путь. Против путчизма»? — возразил Волльвебер.

— Леви — убежденный коммунист. С ним можно было договориться, — настаивала Фишер. — Обвинения его в правом уклоне преувеличены.

— Своим ренегатским поведением Леви демонстративно показывает нежелание о чем-либо договариваться, — убеждал Эрнст. — Он встал на путь раскола, создав свою карманную группировку «Коммунистическое трудовое содружество». Ренегату не место в компартии.

— Согласен, его поведение было вызывающим. Он чувствовал себя обиженным, горячился... Но партии надо было проявить терпение. Считаю его уход потерей для нас. Ведь Леви увел за собой перспективных, способных коммунистов, — продолжая поддерживать Фишер, заключил Майер.

Эберлейн, не вступая в спор, высказался в том смысле, что, независимо от политических убеждений, Леви нарушил партийную дисциплину. Если бы он захотел вернуться, то мог бы честно и откровенно признать свою ошибку. Он похвалил Фишер за смелое выступление, которое задело Зиновьева, иначе он бы не отреагировал на ее «упрек». Посланный Рут сигнал, по мнению Эберлейна, послужит тому, что руководство Коминтерна впредь будет внимательнее относиться к мнению коммунистов на местах, учитывать своеобразие политического момента и положения компартий в странах.

В Москве иностранных делегатов поселили в гостинице «Люкс» (Бывшая «Дрезден», потом «Центральная») на улице Тверская в самом центре столицы, недалеко от здания Исполкома Коминтерна на улице Моховой. В этой гостинице, превращенной в общежитие Коминтерна, размещались также сотрудники аппарата Исполкома, не имеющие жилья в Москве. Они располагались строго по своему рангу и значению. На нижних этажах — высокопоставленные работники. Затем вверх до пятого этажа значимость проживающих снижалась. На самом верху жили технические работники. Доступ в гостиницу осуществлялся строго по пропускам.

Волльвеберу отвели комнату на четвертом этаже. Устроившись, он подошел к окну, с любопытством рассматривая уличное движение, прохожих, массивные старинные здания на противоположной стороне, на одном из которых красовался

плакат с лозунгом «Красная Москва — сердце мировой революции».

Заседания конгресса проходили в Доме союзов рядом с гостиницей. Эрнст ходил туда пешком. Доклад «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции», явившийся центральным событием конгресса, Ленин сделал на немецком языке 13 ноября на утреннем заседании. Получив в тот же день расшифрованную стенограмму на немецком языке и ее перевод на русский язык, Ленин написал: «Очень, очень хорошо!! Большое спасибо. Не забудьте дать в «Правду»».

Появление Ленина было встречено бурными, долго не прекращающимися аплодисментами и овациями делегатов. Все встали и исполнили «Интернационал». Во вступлении докладчик пояснил: «Товарищи! Я числюсь в списке ораторов главным докладчиком, но вы поймете, что после моей долгой болезни я не в состоянии сделать большой доклад... Поэтому я беру себе только небольшую часть этой темы, именно — вопрос о «новой экономической политике».

С помощью нэпа, по словам Ленина, удалось достигнуть следующих результатов:

— «стабилизировать рубль, что имеет величайшее значение для торговли, для свободного товарооборота, для крестьян и громадной массы мелких производителей... Крестьянские восстания, которые раньше, до 1921 года, так сказать, представляли общее явление в России, почти совершенно исчезли. Крестьянство довольно своим настоящим положением».

— «Мы имеем общий подъем легкой промышленности и в связи с этим определенное улучшение положения рабочих».

— «Наша торговля дает нам средства, которые мы можем использовать для поднятия тяжелой промышленности... Спасением для России является не только хороший урожай в крестьянском хозяйстве — этого еще мало — и не только хорошее состояние легкой промышленности, поставляющей крестьянству предметы потребления, — этого тоже еще мало, — нам необходима также тяжелая индустрия. А для того чтобы привести ее в хорошее состояние, потребуется несколько лет работы».

В результате нэпа «мы установили своеобразный государственный капитализм... Мы имеем в своих руках все командные высоты, землю, она принадлежит государству, важнейшие части промышленности... Что касается торговли, мы стараемся основывать смешанные общества, где часть капитала принадлежит частным капиталистам, и притом иностранным, а другая часть — нам. Во-первых, мы таким путем учимся торговать, а это нам необходимо, и, во-вторых, мы всегда имеем возможность, в случае если мы сочтем это необходимым, ликвидировать такое общество».

Во второй части доклада о перспективах мировой революции Ленин на примере нэпа обосновал необходимость для всех компартий не только уметь наступать в период революционного подъема, но и научиться отступать в условиях отлива революционной волны: «Во время революции всегда бывают такие моменты, когда противник теряет голову, и если мы на него в такой момент нападем, то можем легко победить. Но это еще ничего не означает, так как наш противник, если он имеет достаточную выдержку, может заранее собрать силы и пр. Он легко может спровоцировать нас тогда на нападение и затем отбросить на многие годы назад. Вот почему я полагаю, что мысль о том, что мы должны подготовить себе возможность отступления, имеет очень важное значение, и не только с теоретической точки зрения. И с практической точки зрения все партии, которые в ближайшем будущем готовятся перейти в прямое наступление против капитализма, должны сейчас подумать также и о том, как обеспечить себе отступление. Я думаю, если мы учтем этот урок наряду со всеми другими уроками из опыта нашей революции, то это нам не только не принесет никакого вреда, но, весьма вероятно, принесет нам во многих случаях пользу».

«Или другой пример, еще более близкий и более важный: Версальский мир, — продолжал Ленин. — Я спрашиваю вас: что сделали здесь «великие», «покрытые славой» державы? Как могут они теперь найти выход из этого хаоса и бессмыслицы?.. Поэтому я полагаю, что перспективы мировой революции благоприятны. При одном определенном условии... Самое важное для нас всех, как для русских, так и для иностранных товарищей, то, что мы после пяти лет российской революции должны учиться... Мы учимся в общем смысле. Они же должны учиться в специальном смысле, чтобы действительно постигнуть ор-

ганизацию, построение, метод и содержание революционной работы. Если это совершится, тогда, я убежден, перспективы мировой революции будут не только хорошими, но превосходными».

Доклад вызвал бурные аплодисменты, возгласы «Да здравствует наш товарищ Ленин!». Волльвебер, безудержно аплодируя, подошел ближе к трибуне, чтобы лучше разглядеть вождя мировой революции. Он ловил каждый миг этой незабвенной встречи, чтобы поделиться потом своими впечатлениями о Ленине с родными, друзьями, товарищами по партии.

Вечером, в перерыве между заседаниями делегаты оживленно обсуждали основные положения доклада, состояние здоровья Ленина. Многие отмечали удивительную откровенность, прямоту и реалистичность оценок политико-экономического положения России, мотивов перехода к нэпу. В докладе все вещи и проблемы были названы своими именами. У всех на устах был новый ленинский призыв: «Учиться, учиться и еще раз учиться!» — воспринимать русский опыт революции, постигать организацию, построение, метод и содержание революционной работы. Все разделяли мнение об опасности подмены сути дела пустыми фразами и лозунгами. Цитировали ленинское предупреждение о том, что на программы, резолюции не следует смотреть «как на икону, которую повесят в угол и будут на нее молиться. Этим ничего достигнуть нельзя».

Некоторые иностранные делегаты просили разъяснить не совсем понятное образное выражение Ленина о «глупостях», совершаемых большевиками и капиталистами: «Если наши противники, т. е. капиталисты и герои II Интернационала, подчеркивают совершенные нами глупости, то я позволю себе привести здесь для сравнения слова одного знаменитого русского писателя, которые я несколько изменю, тогда они получатся в таком виде: если большевики делают глупости, то большевики говорят: «Дважды два — пять»; а если его противники, т. е капиталисты и герои II Интернационала, делают глупости, то у них выходит: «дважды два — стеариновая свечка»».

Знакомясь с делегатами, Волльвебер подошел к пожилой женщине, с которой завел разговор о докладе и значении выдвинутых в нем установок для немецких коммунистов. Собеседница охотно откликнулась, отметив, что Ленин постоянно, почти ежедневно интересуется делами Германской компартии, видит в ней вернейшего союзника русской революции. На вопрос о его впечатлении от доклада, Эрнст сказал, что ему и всем делегатам КПГ особенно приятно было слушать выступление Ленина на немецком языке.

— Мы воспринимаем эту инициативу как знак высокого уважения к немецким революционерам, коммунистам, компартии; и постараемся оправдать эту оценку, — подчеркнул Эрнст.

Он рассказал о своем участии в Кильском восстании моряков, создании Бременской Советской республики, отметив, что Советы рабочих и солдат создавались там по российскому образцу. К сожалению, эти выступления коммунистов не увенчались успехом, главным образом из-за предательства оппортунистов социал-демократов. Эрнст посетовал, что между компартией и СДПГ существуют серьезные разногласия насчет тактики революционной борьбы, формирования единого фронта против капиталистов. Определенные расхождения по этому вопросу имеются и среди коммунистов. В качестве примера он привел свой спор с Майером и Фишер по делу Леви.

Во время этой беседы в зале появилась большая группа делегатов, плотным кольцом окружившая Ленина. Когда Волльвебер с собеседницей подошли к ним, один из делегатов почтительно поприветствовал: «Добрый вечер, Надежда Константиновна!» Группа расступилась, пропуская ее к Ленину, рядом с которым стояли Зиновьев, Бухарин, Радек, Эберлейн. Радек дружески поприветствовал Эрнста, который к неописуемой радости понял, что он только что беседовал с женой Владимира Ильича.

Благодаря Радеку Волльвебер оказался рядом с Лениным. На живом лице вождя он увидел приветливую улыбку. В облике Ленина он не заметил ничего того, что придавало бы ему старческий, болезненный вид. Вся его манера держаться располагала к себе. Судя по вопросам и ответам, речь шла о Версальском договоре, положении в Германии, задачах компартии. Ленин говорил четким, хорошо поставленным голосом, ни разу не помедлил с ответом, не выказал не малейшего замешательства. Его интеллект сохранял всю свою силу и мощь.

В голове Волльвебера роились десятки вопросов, которые ему хотелось задать Ленину. Но он колебался, какой выбрать, чтобы не повторяться. Наконец, набравшись смелости, спросил:

— В буржуазной прессе публикуют невероятные легенды и домыслы о вашем здоровье, некоторые писаки предрекают даже скорые похороны...

Ленин, повернувшись к Эрнсту, хитро улыбаясь, сказал:

— Пусть их лгут и утешаются... Не нужно отнимать у умирающих последнее утешение...

Ответ вождя потонул в дружном смехе и овациях. Лицо Волльвебера просияло. Вся группа немецких делегатов увлекла Ленина в свою комнату, где проходили заседания секции компартии. Время приближалось к полуночи. Надежда Константиновна попыталась увести Ленина, ссылаясь на его болезнь и усталость, но он задержался, и еще минут двадцать отвечал на вопросы, давал оценки деятельности компартии в Германии, Коминтерна в сложившихся условиях.

Вернувшись в гостиницу, Волльвебер сразу, чтобы не забыть, стал записывать важнейшие высказывания и советы Ленина:

— «Об оппортунизме и предательстве социал-демократов в революционной борьбе КПГ против капиталистов мне приходилось говорить уже не раз — обанкротившийся II Интернационал и его идейные вожди вроде Каутского, Носке, Шейдемана разлагаются заживо. Они играют фактически роль прислужников международной буржуазии, отвратительных палачей рабочего класса. Убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург является событием всемирно исторической важности не только потому, что трагически погибли лучшие люди и вожди истинного пролетариата, Коммунистического Интернационала, но и потому, что для передового европейского государства обнажилась до конца его классовая сущность. Если арестованные, т. е. взятые государственной властью под свою охрану, люди могли быть убиты безнаказанно офицерами и капиталистами при правительстве социал-патриотов, следовательно, демократическая республика, в которой такая вещь возможна, есть диктатура буржуазии».

— «Вооруженное восстание, как и война, есть искусство. Главные правила этого искусства состоят в том, чтобы никогда не играть с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо

идти до конца. Необходимо собрать большой перевес сил в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев. Раз восстание начато, надо действовать с величайшей решительностью и непременно, безусловно переходить в наступление. Оборона есть смерть вооруженного восстания. Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны. Надо добиваться ежедневно хоть маленьких успехов, поддерживая во что бы то ни стало моральный перевес».

— «Диктатура пролетариата есть период классовой борьбы, которая неизбежна, пока не уничтожены классы. Завоевав политическую власть, пролетариат не прекращает классовой борьбы, а продолжает ее — впредь до уничтожения классов — но в иной обстановке, в иной форме, иными средствами».

Этими ленинскими советами Волльвебер будет руководствоваться в революционной борьбе за социалистическую Германию, в полемике с социал-демократами, дискуссиях на заседаниях ЦК компартии.

Работа конгресса в Москве набирала обороты. Каждый день работали сессии по кооперативному, женскому, молодежному движению, образованию, профсоюзам; аграрному, восточному, негритянскому вопросам; международной помощи рабочим, программным установкам. На заседаниях в специальных комиссиях, по отдельным партийным секциям делегаты анализировали доклады Ленина, Зиновьева, Троцкого; выступления представителей компартий стран Европы, Америки, Юго-Восточной Азии. На них в бурных дискуссиях вырабатывались предложения по тактике и стратегии Коминтерна для внесения в итоговую резолюцию.

Выступая в сессии по празднованию пятилетия русской революции, Волльвебер рекомендовал в рамках мероприятий единого фронта провести массовые манифестации пролетариата под лозунгом «Руки прочь от Советской России!» в поддержку построения социализма в первом государстве рабочих и крестьян. О важности проведения таких манифестаций он говорил также на заседании Международной рабочей помощи, в беседе с Мюнценбергом, который зачитал приветственное письмо Ленина, подчеркнувшего значение этой организации: «Помощь

голодающим со стороны международного рабочего класса в значительной мере помогла Советской России пережить тяжелые дни прошлогоднего голода и побороть его. В настоящее время нужно залечить нанесенные голодом раны, обеспечить прежде всего многие тысячи осиротевших детей и восстановить сильно пострадавшее вследствие голода сельское хозяйство и промышленность... Наряду с продолжающимся сильным политическим давлением на правительства буржуазных стран с требованием признания советской власти широкая экономическая помощь мирового пролетариата является в данный момент лучшей и наиболее практической поддержкой Советской России в ее тяжелой экономической войне против империалистических концернов и лучшей поддержкой в деле строительства социалистического хозяйства».

При обсуждении плана действий Мажрабпома Волльвебер выдвинул инициативу создания кинотеатров для рабочих и крестьян. Для сбора пожертвований шире использовать кино, в частности, готовящийся фильм «Пять лет Советской России», показ которого в Германии, несомненно, вызовет большой интерес.

Много времени и внимания Эрнст уделял обсуждению близкой ему темы профсоюзов. Наряду с посещениями заседаний по этой теме в сессиях, он несколько дней участвовал в работе Второго конгресса Красного интернационала профсоюзов, который проходил в Москве с 19 ноября по 2 декабря. Профинтерн создавался, как он узнал, в противовес реформистскому Амстердамскому интернационалу социал-демократической Международной федерации профсоюзов, который стремился утвердить в рабочем движении политику соглашательства, «классового мира», навязывая профсоюзам идею политической нейтральности. Двумя высшими органами Профинтерна являлись Центральный совет и Исполнительное бюро. Ведущими фигурами в них были генеральный секретарь Соломон Абрамович Лозовский, его заместитель, член Исполнительного бюро Андрес Нин, председатель ВЦСПС Михаил Томский. Издавался печатный орган «Международное рабочее движение» под редакцией Нина. Главная штаб-квартира располагалась в Москве, имелись отделения в Берлине (Центральноевропейское бюро), Париже (Латинское бюро), Болгарии (Балканское

бюро), Великобритании (Британское бюро). В Северной Америке действовали Лига рабочего единства (Канада) и Лига объединенных профсоюзов (США).

Первый, учредительный конгресс Профинтерна состоялся в июле 1921 года. На нем был признан лозунг диктатуры пролетариата, отвергнут принцип «нейтральности» профдвижения в политической борьбе. Конгресс постановил «установить возможно более тесные связи с Коммунистическим Интернационалом — авангардом революционного движения во всем мире — на основе взаимного представительства в исполнительных органах того и другого интернационала, совместных совещаний». Второй конгресс ориентировал делегатов от 51 организации из 41 страны на работу в «реформистских» профсоюзах, завоевание многомиллионной массы, находящейся в старых профсоюзах. В колониальных странах ставились задачи: создание классовых производственных профсоюзов; выравнивание условий труда местных и европейских рабочих; поддержка национально-освободительных движений при сохранении «классовых позиций пролетариата»; борьба против расовых и национальных предрассудков трудящихся.

На конгрессе Волльвебер познакомился с Лозовским, проведя с ним несколько встреч и бесед об основных направлениях работы компартии в профсоюзах применительно к Германии. В результате была определена актуальная задача создания коммунистических ячеек в отраслевых профсоюзах на заводах и фабриках. Договорились согласовывать работу по профсоюзной линии между КПГ и Профинтерном. В 1933 году Лозовский будет рекомендовать Волльвебера на должность секретаря Интернационала моряков и портовых рабочих.

***Справка**. С. А. Лозовский (Соломон Абрамович Дридзо) родился в 1878 году в селе Даниловка Александровского уезда Екатеринославской губернии, в семье учителя. С 1901 года — член РСДРП, вел партработу в Петербурге, Казани, Харькове. Участник революции 1905 года в Казани. В 1906 году арестован, в 1908 году по пути в ссылку бежал. С 1909 по 1917 год — в эмиграции в Женеве и Париже. Член Французской социалистической партии, участник французского профсоюзного движения. В 1917 году*

вернулся в Россию. На III Всероссийской конференции профсоюзов в июле 1917 года избран секретарем ВЦСПС. В 1918–1921 годах — ответственный секретарь профсоюза текстильщиков, затем железнодорожников, председатель МГСПС.

В 1921–1937 годах — генеральный секретарь Профинтерна. В 1937–1943 годах — заместитель наркома иностранных дел, затем начальник Совинформбюро. В 1940–1949 годах — руководитель кафедры истории международных отношений и внешней политики СССР в ВПШ ЦК ВКП(б); член Президиума и Политсекретариата ИККИ.

В 1949 году осужден Военной коллегией Верховного суда СССР и расстрелян. Реабилитирован в 1955 году.

У Троцкого сложилось о нем такое мнение: «Лозовский занимает руководящее место в Профинтерне и влиятельное место в Коминтерне... Лозовскому нельзя отказать в известных способностях, в быстроте соображения, в некотором нюхе. Но все эти качества имеют у него крайне беглый и поверхностный характер».

На заседании партийной секции Волльвебер, ссылаясь на договоренность с Лозовским, выступил с предложением внести в резолюцию конгресса создание коммунистических ячеек на предприятиях. Его инициатива получила одобрение и была направлена от имени КПГ в числе других предложений в комиссию по подготовке итогового документа.

В резолюции Четвертого конгресса Коминтерна «Тезисы о тактике Коммунистического Интернационала» предложение Эрнста нашло отражение в пункте «12. Движение фабрично-заводских комитетов» с такой формулировкой: «Ни одна коммунистическая партия не может рассматриваться как серьезная и солидно организованная массовая коммунистическая партия, если у нее нет прочных коммунистических ячеек на заводах, фабриках, рудниках, железных дорогах и т. д. Рабочее движение не может в нынешних условиях рассматриваться как планомерно организованное массовое пролетарское движение, если рабочему классу и его организациям не удается создать фабрично-заводских комитетов в качестве опоры этого движения. Особенно безнадежной является борьба против наступления капитала и за контроль над производством, если коммунисты не располагают твердыми опорными пунктами

на всех заводах и если рабочие не создали своих собственных пролетарских боевых органов на предприятиях. Конгресс считает поэтому одной из главнейших задач всех коммунистических партий больше, чем до сих пор, закрепляться на заводах и поддерживать движение фабрично-заводских комитетов — или же взять на себя инициативу создания такого движения».

В резолюции Эрнст с удовлетворением обнаружил и другие важные оценки и установки, отвечающие его убеждениям и тактике революционной борьбы:

— Ничто так не подрывает силы пролетарского сопротивления наступающему капиталу, как раскол профессиональных союзов. Реформистские вожди, сознавая неизбежность своего банкротства, торопятся внести раскол в профсоюзы — это незаменимое орудие пролетарской классовой борьбы, чтобы коммунистам достались одни только осколки и обломки старых профессиональных организаций. Более злостного предательства рабочий класс не видел с августа 1914 года.

— В то самое время, когда вследствие наступления капитала рабочий класс вынужден перейти к обороне, происходит сближение, а затем и слияние центристских партий (независимые) с открытыми социал-предателями (социал-демократами). Центристские партии и весь центристский II ½ Интернационал находятся в состоянии разложения. Лучшая часть революционных рабочих, которые временно находились в лагере центризма, со временем перейдут в Коммунистический Интернационал. В некоторых странах этот переход уже начался (Италия). Теперь только две группы будут вести борьбу за завоевание большинства рабочего класса: II Интернационал, являющийся выражением буржуазного влияния внутри рабочего класса, и III Интернационал, поднявший знамя социалистической революции и диктатуры пролетариата.

— Лозунг Третьего конгресса — «К массам!» — в настоящий момент более чем когда-либо остается в силе. Интернационал требует, чтобы все коммунистические партии и группы строго придерживались тактики единого фронта, ибо в настоящее время только эта тактика сможет указать коммунистам верный путь к завоеванию большинства трудящихся. Особенно важной задачей при применении тактики единого фронта является достижение не только агитационных, но и организационных результатов.

Необходимо использовать каждый случай для создания организационных опорных пунктов непосредственно среди рабочих масс (фабрично-заводские комитеты, контрольные комиссии из рабочих всех партий и беспартийных, комитеты действия и т. д.).

— Как общий агитационный лозунг, рабочее правительство (или рабоче-крестьянское) может применяться почти повсюду. Элементарнейшие задачи рабочего правительства должны состоять в том, чтобы вооружить пролетариат, разоружить буржуазные контрреволюционные организации, ввести контроль над производством, взвалить главное бремя налогов на имущие классы и сломить сопротивление контрреволюционной буржуазии. Участие в рабочем правительстве допустимо только с согласия Коминтерна.

В разделе «Международное политическое положение» Эрнст отметил три важных тезиса:

— Прогрессирующий распад капитализма подвержен циклическим колебаниям. Только захват власти пролетариатом и мировая социалистическая революция в состоянии спасти человечество от катастрофы, вызываемой существованием современной капиталистической системы. Версальский мир фактически ликвидируется. Катастрофическое ухудшение хозяйственного положения Германии либо заставит Антанту отказаться от репараций, чем будет ускорено развитие политического и экономического кризиса во Франции, либо приведет к созданию германо-французского промышленного блока на континенте... Америка поработит капиталистическую Европу, если европейский рабочий класс не захватит политическую власть, не очистит землю от развалин мировой войны и не начнет строить Федеративную Советскую республику Европы.

— Среди хаоса распадающейся капиталистической системы государств Советская Россия твердо стоит как растущий мощный фактор в Европе, на Ближнем и Дальнем Востоке. Несмотря на попытку капиталистического мира задушить Советскую Россию финансовой блокадой, она сумеет приступить к своему хозяйственному восстановлению. Уже одно существование Российской Советской республики представляет постоянный фактор ослабления буржуазного общества и важнейший фактор мировой революции. Чем более Советская Россия будет экономически возрождаться и крепнуть, тем сильнее будет расти

влияние этого наиболее выдающегося революционного фактора международной политики... Положение остается объективно революционным, и даже малейший повод может стать сейчас исходным пунктом великих революционных боев. Конгресс призвал трудящихся всех стран выступать в поддержку Советской России под лозунгами: «Руки прочь от Советской России! Юридическое признание Советской России! Действенная помощь хозяйственному восстановлению Советской России!»

— Для проведения в международном масштабе и в каждой отдельной стране тактики единого фронта теперь более чем когда-либо необходима строжайшая международная дисциплина внутри Коммунистического Интернационала и в каждой из его отдельных секций. Четвертый конгресс категорически требует от всех секций и от всех своих членов строжайшей дисциплины в проведении намеченной тактики, могущей принести плоды лишь при условии, если она не только на словах, но и на деле будет единодушно и планомерно проводиться во всех странах. Конгресс поручает Исполнительному Комитету самым строгим образом требовать от всех партий и следить за проведением в жизнь принятых тактических постановлений.

Новым в резолюции стал раздел «Международный фашизм», призывающий коммунистические партии «идти во главе рабочего класса в борьбе против фашистских банд, энергично применяя и здесь тактику единого фронта и обязательно прибегая к нелегальным методам организации».

5 декабря 1922 года был избран Исполком Коминтерна. В состав ИККИ вошли: Г. Е. Зиновьев — председатель, Австралия — Д. Гарден, Балканы: В. Коларов (Болгария), М. Маковей (кандидат); Чехословакия: А. Нейрат, Б. Шмерал, А Муна (кандидат); страны Востока: С. Катаяма (Япония), Г. И. Сафаров, М. Н. Рой (кандидат); Финляндия — О. Куусинен, Франция: Л. Фроссар, Б. Суварин, Ж. Дюре (кандидат); Германия: Э. Хёрнле, К. Цеткин, П. Бётхер (кандидат); Великобритания: А. Макманус, У. Ньюболд (кандидат); Италия: Э. Дженнари, А. Грамши, А Бордига (кандидат); Польша — Э. Прухняк; Россия: Н. И. Бухарин, К. Радек, кандидаты: В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий; Скандинавия: Ц. Хёглунд, О. Шефло; Южная Африка — Эндрюс; Южная Америка — А. Штирнер (псевдоним Э. Воога); США:

Л. Каттерфельд, Ч. Рутенберг (кандидат); Коммунистический интернационал молодежи: Р. Шюллер, Л. А. Шацкин.

В составе ИККИ были созданы Секретариат и Организационный отдел. Секретари распределяли между собой все компартии по основным языковым группам: немецкая, французская, английская, испанская. Секретариату подчинялся технический отдел, занимавшийся приемом корреспонденции, ее регистрацией, распределением по секретарям. В этом отделе были секретные русская и иностранная части. В состав Секретариата вошли В. Коларов — генеральный секретарь, В. Штеккер — его заместитель, И. Пятницкий, О. Куусинен, М. Ракоши.

В подчинении Оргбюро ИККИ находились: Отдел международных связей (ОМС), Информационно-статистический отдел (ИСО), Организационный отдел (ОО). В аппарате ОМСа было четыре сектора: шифровки, передачи (связь), финансов, учета (технический). Сектор шифровки обеспечивал шифровку и дешифровку корреспонденции, взаимодействовал со спецотделом при ВЧК. ОМС имел пункты связи (фактически резидентуры) в Берлине, Баку, Константинополе, Риге, Антверпене, Ревеле, в ряде других городов. Начальником ОМС назначен П. Вомпе.

Основными задачами ИСО определены: «1) информирование Исполкома и его органов о положении в различных странах и о деятельности там национальных компартий; 2) информация национальных компартий о деятельности ИККИ и братских партий; 3) освещение тактических проблем коммунистического движения». Этим занимались четыре подотдела: газетный, справочный, библиотечный, литературный; — и семь секций: балканская, германская, итальянская, международная, скандинавская, статистическая, французская. Сотрудники ИСО обрабатывали печатные материалы СМИ, доклады компартий, составляли сводки важнейших событий, специальные бюллетени с грифом «Не подлежит оглашению». При необходимости реагирования на актуальные сообщения подготовленный документ немедленно докладывался соответствующему секретарю ИККИ. Возглавлял ИСО А. Штирнер.

Основными функциями Орготдела по статусу, представленному ему Конгрессом, были: изучение и анализ организационного опыта партии большевиков, национальных компартий, их

молодежных организаций и оказание на его основе необходимой помощи коммунистическим партиям; реорганизация национальных компартий, помощь им в правильном построении их центральных органов и местных организаций, подготовка их к работе в нелегальных условиях; систематическая помощь компартиям в подготовке кадров, руководство учебными заведениями Коминтерна; контроль за выполнением резолюций конгрессов и решений ИККИ по организационным вопросам; инструктаж центральных и местных организаций национальных компартий, который осуществляется инструкторами Орготдела.

Инструкторам были предоставлены широкие полномочия, вплоть до права отмены решений руководства национальных компартий, если они противоречили директивам Исполкома Коминтерна. Их работа осуществлялась в условиях строгой секретности. Они действовали под псевдонимами, которые часто менялись. Истинные фамилии инструкторов были известны только руководству ИККИ. Многие из них постоянно находились за границей при руководстве национальных компартий, являясь как бы резидентами Коминтерна на местах. Нередко их деятельность была сопряжена с большим риском, особенно в тех странах, где компартии находились под запретом или на полулегальном положении. Это были так называемые «международные кадры» со знаниями языков и опытом работы за границей.

Орготдел превратился в одно из крупнейших подразделений Коминтерна. Фактически он стал административным центром, вокруг которого строилась вся работа этой всемирной организации. При нем создаются: «1) постоянная комиссия по работе в армии (военная), 2) нелегальная комиссия, 3) комиссия для ознакомления находящихся в распоряжении ИККИ или временно приезжающих в ИККИ иностранных товарищей с аппаратами ИККИ, РКП, Профсоюзов, Советов, Кооперативов и иных учреждений. Комиссия имеет в своем распоряжении серьезных партработников, знающих языки и соответствующую отрасль работы, действует в контакте с Профинтерном, Коопсекциями, Женским секретариатом, Крестьянским Интернационалом, МОПР». Заведующим орготделом стал И. А. Пятницкий.

Руководителем военной комиссии назначен Ф. Раскольников, работающий в Коминтерне под псевдонимами Ф. Петров,

Ф. Ильин. В нее вошли В. Мицкявичус-Капсукас, О. Гешке, И. Уншлихт, являвшийся в то время заместителем председателя ВЧК. Для активизации антивоенной деятельности комиссия подготовила инструкцию по работе национальных компартий в армиях своих стран. В некоторых компартиях (Болгария, Германия) создавались нелегальные боевые организации, которые действовали самостоятельно, вне контроля со стороны руководства партий. Особенно активно эти боевые отряды работали в связи с подготовкой революции «Германского октября» 1923 года.

В состав комиссии по нелегальной работе вошли: начальник Иностранного отдела ГПУ М. А. Трилистер, И. А. Пятницкий, Г. Эберлейн (псевдоним Альберт), Э. Прухняк (псевдоним Вебер). Руководитель ОМСа П. Вомпе участвовал в ее заседаниях с правом совещательного голоса. Комиссия занималась подготовкой партий к нелегальной деятельности, конспиративных явок, нелегальных типографий; изучала практику организации конспиративной работы, постановку связей внутри нелегальных структур; вела наблюдение за фашистскими и белогвардейскими объединениями. Давала рекомендации по вопросам пользования шифрами и хранения списков членов партий, помогала выявлять провокаторов и шпионов. Готовила учебные пособия по нелегальной работе, инструкции о поведении коммунистов под следствием и судом, по тактике уличных боев и т. п.

Рабочим органом Орготдела, занимавшимся текущими делами, руководила Малая коллегия в составе: Пятницкий, Мицкявичус-Капсукас, Михаил Грольман, Генри Робинсон, Пранас Эйдукявичус.

На первой стадии становления Коминтерна в его организационную структуру входили Управление делами (УД) и Специальный отдел. УД обеспечивало работу конгрессов, пленумов; обустройство делегатов и функционеров коммунистического движения, посещающих Москву по вызову руководства ИККИ. Ему было поручено решение вопросов, связанных с материальными и финансовыми расходами, техническим оснащением всех подразделений. Оно же занималось подбором, изучением и регистрацией кадров аппарата ИККИ. Проверку сотрудников ИККИ, руководящих работников национальных компартий осуществлял засекреченный Спецотдел совместно с подразделением контрразведки ОГПУ. Все эти действия в большинстве своем выполнялись тайно, были сугубо секретными. До 1920 года УД возглавлял Густав Клингер, его сменил Давид Бейка.

Решением Четвертого конгресса по инициативе русского Общества старых большевиков была создана Международная организация помощи борцам революции (МОПР) с целью «оказания материальной, моральной, политической и юридической помощи жертвам революционной классовой борьбы во всех странах мира путем пробуждения и активного развития международной солидарности трудящихся масс без различия партии». Общее руководство работой МОПР осуществляет Исполнительный комитет. Председателем ЦК МОПРа стал глава польской секции коммунистов Коминтерна Юлиан Мархлевский. Исполком возглавила Клара Цеткин, после смерти Мархлевского в 1925 году ставшая руководителем организации. Ее заместителем был назначен россиянин, видный ученый Пантелеймон Лепешинский. В различных странах создавались национальные секции МОПР. К 1932 году насчитывалось 70 национальных секций, объединивших около 14 миллионов человек. Волльвебер вступит в германскую секцию «Красная помощь», будет тесно взаимодействовать с МОПР по линии профсоюзов, а также Интернационала моряков и портовых рабочих, который по его инициативе станет коллективным членом МОПР. В 1934 году Интернационал и «Красная помощь» разработают «Директивы о работе МОПР среди моряков и портовых рабочих».

Встречи и беседы на конгрессе с избранными в Исполком немецкими представителями Паулем Бётхером, Эдвином Гёрнле, Кларой Цеткин; руководящими сотрудниками Белой Куном, Лозовским, Радеком помогли Волльвеберу детальнее разобраться в сложной иерархии структур Коминтерна, рангах, значении и влиянии его функционеров. Он стал лучше понимать негативные, противоречивые моменты в развитии компартий, влиянии на их политику и практику Зиновьева, Бухарина, Троцкого. Оказалось, далеко не все кадры Коминтерна и компартий смогли подняться до ленинского понимания проблем революционного движения. Особенно трудными стало осознание необходимости перехода от попыток организовать прямой штурм буржуазного строя к планомерной, длительной осаде «капиталистической

крепости», кропотливой, повседневной работе в массах. Отсюда вытекали революционные, левацкие призывы к тактике наступления, примиренческий оппортунизм правых. Обсуждение с Лениным вопросов внутрипартийного положения КПГ «помогло мне в будущем правильно ориентироваться в партийной работе, — отмечает Волльвебер в автобиографии. — До этого времени мне была не ясна роль Троцкого, Зиновьева, Радека и Бухарина. Критика Ленина в адрес Зиновьева, Радека, позиция Бухарина и Троцкого относительно замалчивания внутрипартийных проблем КПГ невероятно помогли мне разобраться во вредной роли правых, примиренцев и ультралевых в германской компартии».

В целом месяц пребывания в Петербурге и Москве, участие в заседаниях конгресса, встречи и беседы с Лениным, Крупской сделали Волльвебера заметной фигурой. На него обратили внимание в руководстве партии большевиков, Коминтерна. Перед отъездом в Германию он был принят Зиновьевым и Пятницким.

В непринужденной, товарищеской обстановке обсуждались жизненно важные вопросы организационного строительства компартии нового типа — подлинного авангарда революционного рабочего класса с участием всех членов в борьбе, повседневной жизни масс. Отмечалось, что даже у такой влиятельной партии, как КПГ, еще очень мало оформленных, постоянно действующих низовых ячеек на предприятиях, отсутствует строгая система их соподчиненности партийному центру, не созданы пока серьезные нелегальные организации. Большинство европейских коммунистических партий сохраняет организацию по территориальному признаку, приспособленную преимущественно к потребностям избирательных кампаний. Необходимо отбросить эти методы реформистских партий, привести организационную структуру и принципы партийного строительства в соответствие с потребностями современной революционной борьбы. Стержнем этого строительства должен стать демократический централизм, т. е. соединение централизма и пролетарской демократии. В отличие от реформистских партий, где масса противопоставляется бюрократической верхушке «вождей», демократический централизм означает активное участие всех членов партии в выработке и определении ее политической и тактической линии, безоговорочное подчинение выбранному руководству. Следует

добиваться постоянного участия каждого члена партии в повседневной революционной работе.

По просьбе собеседников Волльвебер поделился своими соображениями по затронутым проблемам. По его мнению, реальный, наиболее успешный путь к созданию парторганизаций на предприятиях лежит через усиление работы компартии в отраслевых профсоюзах, формирование в них сильных коммунистических фракций и образования на их основе фабричных, заводских ячеек. Существенную помощь в этом деле может оказать Профинтерн, с председателем которого — Лозовским — он беседовал и получил согласие. Что касается положения в руководстве КПГ, то, к сожалению, в ЦК имеются разногласия вокруг тактики единого фронта борьбы. Левые представители — Эрнст Майер, Тальгеймер, Рут Фишер — придерживаются так называемой теории наступления, которая в результате провальных мартовских выступлений рабочего класса в 1921 году нанесла компартии и революционному движению тяжелый удар. Возникновение этой теории относится к Берлинскому объединительному съезду (декабрь 1920 года) КПГ с левым крылом Независимой социал-демократической партии. Левацкие элементы в ЦК продолжают поддерживать бывшего председателя ОКПГ Леви, исключенного из партии за ренегатское поведение.

— Надеюсь, на предстоящем съезде КПГ в Лейпциге, опираясь на решения и рекомендации Четвертого конгресса Коминтерна, удастся преодолеть эти разногласия, — подчеркнул Эрнст.

Эти соображения произвели на собеседников положительное впечатление откровенностью оценок, деловым подходом в партийной работе. Зиновьев и Пятницкий пожелали Волльвеберу успехов в его активной революционной борьбе за социалистическую Германию.

Глава V
НА БАРРИКАДАХ «ГЕРМАНСКОГО ОКТЯБРЯ»

В истории каждого государства бывают переломные моменты, и от того, какой путь выбрал народ, зависит дальнейшее развитие страны на долгие годы. На таком распутье стояла Германия в кризисном 1923 году. 60-миллионный немецкий народ, более половины которого составляли рабочие и крестьяне, задыхался в тисках хозяйственной разрухи, массовой безработицы, дороговизны и нищеты. Гиперинфляция стала одной из самых масштабных экономических трагедий XX века. В период с января 1920 по ноябрь 1923 года курс немецкой марки к доллару упал 100 млрд раз, 1 доллар стоил 4,2 трлн марок. В разгар инфляции рейхсбанк выпустил самую крупную банкноту в истории страны — в 100 трлн марок, но ее реальная стоимость не превышала нескольких буханок хлеба. Цены на продукты питания, одежду, уголь росли на глазах. Работники старались получать зарплату каждый день и отоваривать полученные деньги в обед, но даже тогда инфляция могла съесть до трети заработанного.

Вернувшийся на родину Волльвебер стал свидетелем поразительной картины. Утром перед закрытыми дверями торговой лавки он увидел взволнованную, чем-то напуганную толпу. Голодные, озлобленные мюнденцы ждали открытия магазина, но хозяин не торопился запускать покупателей. Он ждал сообщения о текущем курсе доллара к марке, чтобы понять, поднимать ему цену на булку со вчерашних трех миллиардов марок до пяти или только до четырех с половиной. Для людей это означало, что взятой из дома сумки, полной бумажных денег, может не хватить, чтобы купить самое необходимое.

Рестораны перестали проставлять цены в меню — стоимость обеда менялась за то время, пока клиент сидел за столиком. Впрочем, в рестораны ходили только спекулянты с черного рынка, магнаты и продажные политики. Церкви собирали пожертвования вместо кружек в огромные корзины, а потом и вовсе отказались от денег — угольные брикеты были ценнее. В стране процветал натуральный обмен. Многие магазины предпочитали принимать к оплате не деньги, а вещи. За три брикета угля или полкило картофеля можно было пойти в кино или театр, за ботинки — посетить стоматолога.

Вспоминая о том убогом времени нищеты и отчаяния, Ян Валтин, моряк, соратник Волльвебера по революционной борьбе и разведывательной деятельности пишет: «Утром я просыпался от голода и вечером ложился спать голодным. Голод стирал границу между подростками и взрослыми. Мешок муки стоил больше, чем жизнь человека. Когда на улице опрокинулась фруктовая повозка крестьянина из Вирландена, какой-то мужчина средних лет пытался оттолкнуть меня в свалке за рассыпавшимися яблоками. Что мне оставалось делать? Пришлось дать ему в морду. Мне шел пятнадцатый год. Я принял участие в разграблении оптового рыбного склада в Альтоне. Тонны рыбы были вывалены на улицу, люди хватали ее и разбегались. Когда вмешался полицейский, мне пришлось заехать ему по физиономии пятикилограммовой треской. Что было делать, если за одну рыбину или за кусок кожи, отрезанной от трансмиссии, мальчишка мог получить девочку своего же возраста? Или получить урок любви от молодой солдатской вдовы, ставшей проституткой. Какой толк был во всей этой болтовне о необходимости соблюдения закона и порядка, о приличной жизни?»

Тем не менее правительство канцлера Йозефа Вирта продолжало выполнять репарационные требования с помощью ничем не обеспеченных эмиссий бумажных денег. Первый сигнал о том, что такая политика ведет к катастрофе, прозвучал 26 августа 1921 года: вызывавший ненависть населения министр финансов Маттиас Эрцбергер был застрелен членами националистической организации «Консул» — офицерами флота Тиллесенном и Шульцем. У правительства еще оставался шанс пересмотреть порочный экономический курс, но этого сделано

не было. 24 июня 1922 года в берлинском районе Грюневальд боевики того же «Консула» бросили гранату в кабриолет министра иностранных дел Вальтера Ратенау — еще один объект ненависти националистов, у которых особое отвращение вызывало еще его еврейское происхождение. Раненого Ратенау террористы хладнокровно добили из автомата.

Гибель министров привела к тому, что политическая ситуация в стране вышла из-под контроля, наступил период тотальной нестабильности. В ноябре 1922 года правительство Вирта ушло в отставку. Пришедшее на смену руководство во главе с канцлером Вильгельмом Куно — ставленником буржуазной Народной партии финансовых и промышленных магнатов — получило в наследство полностью разлаженную экономику. С января по июль 1923 года государственный долг вырос в 29 раз — с 2 до 58 трлн марок. Выполнять репарационные требования по Версальскому договору Германия была не в состоянии.

В первые дни 1923 года угольные шахты Рура — ключевой зоны германской экономики — перестали отгружать уголь, который в счет репараций получали Бельгия и Франция. 9 января репарационная комиссия Антанты вынесла постановление о том, что Германия не выполняет своих обязательств по Версальскому договору. 11 января французские и бельгийские воинские части начали оккупацию Рурского бассейна.

В Руре добывалось около 80% угля, там было сосредоточено более половины немецкой металлургии. Потеря Рура означала крах германской экономики. Поэтому даже буржуазное, миролюбиво настроенное правительство не могло не отреагировать на оккупацию этой промышленной территории. Куно выступил в рейхстаге с призывом к «пассивному сопротивлению», заявив, что вплоть до окончания оккупации Рура Германия прекращает репарационные платежи Бельгии и Франции. Он призвал население забыть классовые распри и объединиться для борьбы с внешним врагом. Представители буржуазных партий, СДПГ в рейхстаге одобрили это заявление.

Борьба за Рур стала главным делом немцев, активизировала все политические силы от правых, левых до националистических, фашистских экстремистов. Время было выбрано удачно: масса нуждалась в вожде — правые социал-демократы, национал-социалисты, монополисты буржуазных партий, коммунисты предлагали себя на эту роль. Выдвинутый КПГ лозунг «Бейте Пуанкаре на Руре и Куно на Шпрее!» был подхвачен широкими массами, послужил боевой программой для совместной борьбы левых сил. Коммунисты — депутаты рейхстага, разоблачая антинародную политику правительства, потребовали, чтобы необходимые для отпора оккупантам средства были получены от конфискации ценностей буржуазии.

Не желая упускать влияния на массы, лидер Народной партии, магнат Гуго Стиннес выступил с грозным предупреждением: «Через две недели у нас будет гражданская война. Чтобы избежать ее, нужно провести беспощадные экзекуции... Не упускать ни одного дня, иначе улица свергнет кабинет». Он был прав, опасность массовых насильственных акций, чреватых революционным переворотом, была реальной. Мало кому известная тогда Национал-социалистическая рабочая партия Германии (НСДАП) во главе с Гитлером в Мюнхене готовила путч. По всей Германии вспыхивали голодные бунты и забастовки. Берлинские безработные, получавшие пособие в 21 млрд марок в неделю (стоимость 250 граммов хлеба), попытались взять штурмом столичную мэрию, полиции пришлось открыть огонь. «Ничто так не ожесточило немецкий народ, не озлобило его и не сделало готовым принять Гитлера, как инфляция», — писал впоследствии Стефан Цвейг. Буржуазная газета «Дойчланд» с тревогой сообщала: «Недовольство, вернее ярость, охватило всех. Воздух насыщен электричеством, достаточно искры, чтобы произошел взрыв».

В такой взрывоопасной, нестабильной обстановке в Лейпциге с 28 января по 1 февраля проходил VIII съезд КПГ. Открывая его, Клара Цеткин, разоблачая немецких и иностранных провокаторов рурского конфликта, призвала трудящихся Германии следовать примеру русских братьев, бороться за установление рабоче-крестьянского правительства. «Нельзя больше терпеть нужду, которая является результатом экономической войны в Руре! — говорится в манифесте съезда. — Нельзя больше терпеть контрреволюционные организации, которые стремятся сбить с ног рабочий класс Германии! Нельзя больше терпеть возню провокаторов, которые в интересах Тиссена и Стиннеса стре-

мятся разжечь новую войну... Да здравствует интернациональная пролетарская солидарность! Да здравствует рабочий класс Франции! Долой французских империалистов! Долой баронов немецкой угольной и металлургической промышленности! Долой Гитлера и контрреволюционные банды «Оргеш»! Долой капиталистических поджигателей и провокаторов войны!»

Делегаты съезда выразили благодарность первой в мире социалистической стране, которая в тяжелую годину оказала поддержку германскому народу, заявив решительный протест против оккупации Рура французскими войсками: «В эти решающие дни рабоче-крестьянская Россия снова поднимает голос негодующего протеста против безумной политики империалистической Франции и ее союзниц. Суверенитет германского народа нарушен, — подчеркивалось в воззвании ВЦИК к «народам всего мира» 13 января 1923 года. — Снова и с особой энергией она протестует против подавления прав германского народа на самоопределение. Снова и с особой энергией предостерегает народы мира от нависшей над Европой угрозы кровопролитий».

Коминтерн и Профинтерн выступили с воззванием к рабочим, крестьянам и солдатам всех стран мира, предлагая немедленно начать международную кампанию против франко-бельгийской агрессии: «Со стороны французского капитала уже совершается новое неслыханное преступление. В целях грабежа Германии французские империалисты бросили через границы свои батальоны. Человечество поставлено вновь под непосредственную угрозу войны... Рабочие Франции, солдаты французской армии, ваш долг делать все возможное, чтобы не дать правительству Пуанкаре зажечь новый пожар, который превратит Европу в руины». Воззвание заканчивалось призывом к пролетариату Германии и Франции совместно дать отпор буржуазии.

Основное внимание на съезде уделялось созданию единого фронта борьбы пролетариата за рабочее правительство, подготовке социалистической революции в Германии по примеру Советской России. При обсуждении этих вопросов обнаружились серьезные разногласия между коммунистами-ленинцами, с одной стороны, правыми и левыми оппортунистами — с другой. Группа левых во главе с Рут Фишер, Аркадием Масловым, Эрнстом Майером, маскируясь революционными фразами, считала основным методом борьбы тактику наступления, практически отвергая формирование единого фронта. Они отрицали возможность промежуточных ступеней в борьбе за рабочее правительство. Правые во главе с Брандлером, Тальгеймером не замечали, что в соотношении классовых сил наметился резкий перелом, в стране назревала революционная ситуация. Они проповедовали «мирный путь» превращения буржуазно-демократической республики в государство с рабоче-крестьянским правительством.

Исходя из уроков Ноябрьской революции и всей последующей борьбы германского пролетариата за Советскую республику в Бремене, Мюнхене, основываясь на решениях Четвертого конгресса Коминтерна, Клара Цеткин, Эрнст Тельман, Волльвебер, Ульбрихт и Вильгельм Пик решительно отвергли эти левацко-оппортунистические взгляды. Борьба за единый фронт, говорили они, является важнейшей задачей КПГ, ибо только таким путем единства действий можно обеспечить победу пролетариата. «На съезде КПГ в Лейпциге в начале 1923 года я вошел в избирательную комиссию по подготовке выборов нового ЦК, — пишет Волльвебер в автобиографии. — Я выступил против переизбрания Эрнста Майера и Маслова, за избрание в ЦК Вальтера Ульбрихта и Георга Шумана. Персональная роль Брандлера, который свою правую позицию ловко прикрывал левыми фразами, мне была еще не ясна, и поэтому я не возражал против его избрания генеральным секретарем. Лишь спустя 8 месяцев, в ноябре 1923 года на заседании ЦК я выступил против Брандлера».

Это важное замечание говорит о том, что Волльвебер пользовался в руководстве компартии большим авторитетом. Как убежденный коммунист-ленинец, он последовательно боролся против оппортунистов. Смело, невзирая на лица, разоблачал разного рода приспособленцев, левацких элементов, отстаивая свою позицию революционной борьбы за социалистическую Германию. При этом твердо придерживался ленинских принципов организационного строительства коммунистических партий, методов и содержания их работы в массах.

В прениях по повестке дня съезда Эрнст выступил с предложением о перестройке партийных организаций по производственному принципу, перенесении центра тяжести работы с места жительства на заводскую комячейку.

— Каждый завод, фабрика должны стать нашей крепостью! — заявил он, призвав к соблюдению строжайшей дисциплины в проведении в жизнь принятых постановлений руководства КПГ.

Его предложения были единогласно одобрены и внесены в общую резолюцию съезда. Вальтер Ульбрихт был избран в новый ЦК партии, стал членом Оргбюро во главе с В. Пиком.

Между тем обстановка в стране продолжала обостряться. Первым выступил пролетариат оккупированного Рура. Шахтеры, металлурги, железнодорожники прекратили работу на тех предприятиях, которые были заняты бельгийскими и французскими солдатами. В январе-феврале демонстрации протеста, стачки носили стихийный характер. Многие рабочие были охвачены националистическим угаром, выступали против захватчиков вместе с буржуазией с позиций «классового мира». Но уже в марте под руководством компартии рурский пролетариат перешел к борьбе на два фронта — против «своей буржуазии» и оккупантов.

Стремясь предотвратить расширение стачечного движения, оккупанты решили устроить «кровопускание», устрашить рабочих — ввели войска на завод Круппа в Эссене. На митинге сталевары заявили: до тех пор пока солдаты не покинут территорию завода, они не приступят к работе. В ответ на эти требования оккупанты открыли стрельбу: 13 рабочих было убито, 30 получили ранения.

Эта кровавая расправа вызвала бурю возмущения и кампанию протеста по всей Германии. Компартия обратилась к руководству СДПГ с предложением совместно провести всеобщую забастовку, но получила отрицательный ответ под тем предлогом, что такая забастовка может якобы только «обострить положение». Для Волльвебера очередное проявление оппортунизма социал-демократических вождей не было неожиданностью. Поэтому он, невзирая на негативную реакцию, активно готовил акции протеста в своих партийных округах — Гессен-Вальдеке и Тюрингии.

Все, что не было связано с выполнением этой задачи, решений КПГ, Коминтерна о создании единого фронта борьбы за рабоче-крестьянское правительство, частная жизнь, отошло на задний план. С раннего утра он объезжал ячейки коммунистов, профсоюзные организации, объединения безработных; создавал комитеты действия, раздавал листовки, брошюры, инструкции по подготовке забастовок. В беседах терпеливо разъяснял:

— Помните, революционная борьба за рабочее правительство — это не только лозунги и заявления, а действия и еще раз действия. Массовые забастовки — прелюдия вооруженного восстания. Сплоченное выступление десяти забастовщиков ценнее тысяч листовок и резолюций.

По вечерам выступал на митингах и демонстрациях, которые порой затягивались до полуночи. На одном из собраний Волльвеберу пришлось дискутировать с бургомистром Касселя, председателем местной парторганизации СДПГ Филиппом Шейдеманом. Этот опытный, влиятельный политик произнес высокопарную речь, полную привлекательных формулировок, о наступлении новой эпохи «органического развития демократии», которая обеспечит трудящимся массам улучшения их судьбы без революционной борьбы, классовых боев. В ответ Эрнст в жесткой, иногда даже грубой, но исполненной темперамента и страсти настоящего революционера форме разоблачил эти разглагольствования как псевдосоциалистическую, реформистскую демагогию, призванную увести пролетариат с революционного пути, подчинить его буржуазии.

— Демократия по-шейдемановски означает предательство рабочего класса, коварный сговор с буржуазией за счет законных прав и интересов пролетариата, — непримиримо заявил он. — Вспомним кровавые расправы Шейдемана и Носке с борющимися за свои права рабочими, матросами, солдатами в Берлине, Киле, Бремене, Мюнхене, убийство Карла Либкнехта, Розы Люксембург. Правые лидеры социал-демократов, и Шейдеман в их числе, всегда спешили на помощь буржуазии, стремились спасти ее от натиска трудящихся. Многие рабочие, профсоюзные активисты начали понимать эту оппортунистическую позицию СДПГ. Только посредством создания единого фронта борьбы пролетариата за рабоче-крестьянское правительство можно осуществить на деле социальное и национальное освобождение немецкого народа.

Все присутствующие были восхищены этим смелым, искренним выступлением. Как потом Эрнсту доносили, Шейдеман, от-

кликаясь на его речь, бросил реплику: «Этот молодчик отнюдь не самый сумасшедший, как большинство коммунистических экстремистов».

В это время в Касселе, где размещалось окружное партийное руководство во главе с Волльвебером, особенно усилилось протестное движение безработных коммунистов, социал-демократов, беспартийных, обанкротившихся мелких лавочников. Они выдвинули пять требований об улучшении их положения и призвали в своем обращении к безработным всей Германии послать со всех концов страны делегации в столицу для выработки общей программы борьбы за свои права. По указанию Эрнста коммунистические ячейки округов активно поддерживали эту инициативу. В назначенный день в Берлин прибыл 71 делегат, из них 11 социал-демократов, 14 беспартийных профсоюзных функционеров, 3 синдикалиста, остальные — коммунисты. В принятой делегатами резолюции отмечалось, что, если правительство не примет действенных мер по решению проблем с занятостью, безработные объявят всеобщую забастовку.

После берлинского форума движение безработных принимает массовый характер. В апреле в Мюльгейме под руководством Эрнста и фабрично-заводских комитетов состоялась конференция безработных, в которой участвовали представители 37 городов. Они избрали комитет для координации борьбы за свои права и требования.

Организуя акции протеста, Волльвебер с удовлетворением замечал, что на митингах, собраниях рабочие социал-демократы, отраслевых профсоюзов, безработные активно выступают вместе с коммунистами и беспартийными под лозунгами борьбы против оккупантов, буржуазии, за рабочее правительство, создание единого фронта трудящихся. Классовые противоречия между пролетариатом и буржуазией все больше обнажались. Политическое влияние КПГ в массах в Германии, за рубежом росло. Наглядным подтверждением этому явилась Международная конференция солидарности с борющимися рабочими Рура, которая проходила 17–20 марта 1923 года во Франкфурте. На нее были приглашены все организации, примыкающие к Коминтерну, Профинтерну, различные политические, общественные организации Германии, Италии, Польши, Румынии, Франции,

Чехословакии, Югославии. Всего присутствовало 243 делегата, представлявших революционные силы всей Европы, в том числе СДПГ, профсоюзов, безработных. Английские тред-юнионы прислали приветственные телеграммы. В президиуме заседали коммунисты, социал-демократы, синдикалисты.

Франкфуртская конференция, в работе которой Волльвебер принимал активное участие, постановила: «Организовать самую интенсивную борьбу против оккупации Рура в национальном и интернациональном масштабе, особенно в Германии, Франции, Бельгии под лозунгом «Вон агрессоров из оккупированных областей!»» Было решено развернуть борьбу во всех странах за упразднение грабительских договоров, в первую очередь Версальского, организовать в оккупированной Рурской области братание между рабочими и войсками. Провести 15–22 апреля во всех странах Международную неделю протеста.

Особенно энергично работал избранный на конференции Международный комитет действия против войны и фашизма во главе с К. Цеткин, А. Барбюсом, Ф. Геккертом. Он развернул широкую пропагандистскую и организационную работу, сосредоточив внимание главным образом на Германии. Комитет выпустил листовки и брошюры о целях и задачах местных партийных, профсоюзных, общественных объединений в борьбе против фашизма и войны.

Волльвебер придавал большое значение разоблачению идеологии фашизма. Налицо была его антикоммунистическая направленность: фашисты носили на своих черных рубашках значки с надписью «Ищу коммуниста». Возглавляемые Эрнстом партийные округа Гессен-Вальдек, Тюрингия находились по соседству с Баварией, где складывались организационные основы национал-социалистической партии, базировавшейся на так называемой фюрер-принципе, неограниченной власти «вождя» (фюрера). В 1920 году Гитлер выступил с программой из «25 пунктов», предусматривающей распространение нацистской идеологии, подготовку специального террористического аппарата для подавления демократических, антифашистских сил и, в конечном счете, захват власти. Поэтому призыв Международного комитета быть бдительным к проявлениям фашизма нашел горячий отклик в сердцах гессенских и тюрингских рабочих.

Посещая комячейки, Волльвебер подчеркивал, что коммунистам, социал-демократам, рабочим, профсоюзам необходимо готовиться к серьезному противоборству с фашизмом как чрезвычайно опасным и страшным врагом. Наряду с распространением пропагандистских материалов, разоблачающих нацистов, он выступил с инициативой создания пролетарских сотен самообороны, подбирая в их ряды способных, боевых ребят. В Тюрингии было сформировано 14 отрядов самообороны в Веймаре, Зуле, Гере, Йене, Эйзенахе, Эрфурте — рабочих центрах с наибольшим влиянием коммунистов. Инициативу Эрнста подхватили коммунистические парторганизации Берлина, Гамбурга, где стали также создаваться пролетарские сотни. В Гамбурге на конференции комитетов действия принимается решение о необходимости немедленно приступить к формированию пролетарских органов самообороны. В резолюции выдвигалось требование к рабочим-депутатам бюргершафта (местного парламента. — *Е. Г.*) признать пролетарские сотни и позаботиться об их вооружении.

Обстановка в стране обострялась с приближением 1 мая, праздника международной солидарности трудящихся. Полиция была приведена в боевую готовность. В первомайских демонстрациях повсеместно под лозунгами компартии «Долой национальное и социальное угнетение! Долой фашизм! За очищение Рурской области от оккупантов! За общегерманское рабочее правительство! Да здравствует освободительная борьба пролетариата!» участвовали сотни тысяч трудящихся. В одних рядах с коммунистами и беспартийными шли тысячи рабочих социал-демократов. В промышленных центрах Тюрингии в первых рядах демонстрантов по инициативе Волльвебера шли отряды пролетарской самообороны. Во главе берлинской демонстрации маршировали 25 тысяч бойцов пролетарских сотен с красными нарукавниками. К маю в Германии было уже создано 300 пролетарских сотен, главным образом в Берлине, Рурской области, Саксонии, Тюрингии.

* * *

Из Рура стачечная волна перекинулась в неоккупированные районы Германии. 2 июня вспыхнула забастовка рабочих

горной и металлургической промышленности Верхней Силезии, в которой участвовало свыше 100 тысяч человек. В ходе ее по инициативе КПГ сложилось единство действий пролетариата и сельскохозяйственных рабочих, возникли отряды самообороны, поддерживавшие образцовый общественный порядок. Вместе с немецкими пролетариями в забастовочной борьбе участвовали польские рабочие. Мелкие и средние торговцы поддерживали бастующих продовольствием и деньгами. Примеру силезских стачечников последовали батраки Саксонии, Магдебурга, Бранденбурга, Гольштейна. Всего в течение июня, начале июля бастовало 150 тысяч сельскохозяйственных тружеников, что свидетельствовало об изменении политической обстановки в деревне.

Самыми важными центрами борьбы за единство действий народных масс стали революционные фабрично-заводские комитеты, находившиеся под руководством КПГ. В лице фабзавкомов германскому пролетариату впервые после Ноябрьской революции удалось создать массовые и гибкие органы единого фронта борьбы за рабочее правительство. В своей экономической деятельности они опирались на контрольные комиссии, а в области самообороны — на пролетарские сотни. Несмотря на то что вожди СДПГ выступали против фабзавкомов и пролетарских сотен, в их состав входили многие рабочие социал-демократы, члены профсоюзов.

Недовольство политикой властей все шире охватывало не только рабочий класс, но и крестьянство, мелкую буржуазию. Используя инфляцию, монополисты расправлялись с мелкой буржуазией как с конкурентом. Облигации и вклады в банках мелких собственников растаяли. С голода умирали или кончали жизнь самоубийством не только безработные, но и обанкротившиеся владельцы мелких и средних предприятий, фермеры. Весьма плачевным было положение интеллигенции, ученых, литераторов. В июне 1923 года в Берлине было создано общество «Друзей новой России», которое сыграло важную роль в налаживании советско-германских культурных связей, разоблачении лживой антисоветской пропаганды. В него входили такие известные деятели науки и культуры, как Альберт Эйнштейн, Томас Манн, Адольф Буш.

10 августа в здании рейхстага состоялось совещание представителей Берлинского совета профсоюзов, Комитета 15-ти исполкома фабзавкомов, КПГ, СДПГ. Коммунисты предложили начать всеобщую забастовку с целью свержения правительства Куно, выдвинув требования: минимальная почасовая зарплата, легализация пролетарских сотен. Социал-демократы отказались присоединиться к этим требованиям. На другой день в Берлине собрался пленум исполкома фабзавкомов, в котором участвовало 2 тысячи делегатов, в том числе многие социал-демократы. Они обратились к трудящимся с воззванием: «Положение наше невыносимо. Если немедленно не произойдут изменения, то наступит гибель трудового народа. Общее собрание фабзавкомов по поручению своих избирателей постановляет: предприятия Берлина начинают в субботу всеобщую забастовку — первоначально до 12 часов ночи понедельника. Рабочие ставят рейхстагу следующие ультимативные требования: немедленная отставка правительства Куно, конфискация всех продовольственных запасов для обеспечения населения продовольствием, немедленное официальное признание контрольных комиссий, отмена запрещения пролетарских сотен, немедленное установление минимальной почасовой заработной платы в размере 60 пфеннигов мирного времени, включая всех безработных в производственный процесс, отмена чрезвычайного положения и разрешения демонстраций, немедленное освобождение всех политических заключенных».

Это воззвание поддержали компартия и Всеобщий исполком фабзавкомов. В обращении к германскому пролетариату коммунисты добавили к требованиям делегатов берлинского пленума роспуск рейхстага, создание рабоче-крестьянского правительства. 12—14 августа во всеобщей забастовке в Берлине, Бремене, Веймаре, Гамбурге, Кёльне, Киле, городах и селах Саксонии, Силезии, Тюрингии приняли участие свыше 3 миллионов рабочих, крестьян, предпринимателей малого и среднего бизнеса, общественных деятелей, интеллигенции. По всей стране проходили демонстрации протеста, митинги, забастовки, переходящие в кровавые столкновения с полицией. В Ганновере в результате разгона демонстрантов было убито 29 и ранено 50 человек.

Под сильнейшим напором революционных масс фракция СДПГ в рейхстаге вынуждена была вынести вотум недоверия

правительству Куно, которое 12 августа ушло в отставку. Как бы оправдываясь перед буржуазией, социал-демократические вожди заявили, что выступили против Куно отнюдь не под влиянием «коммунистической забастовки», а из-за «готовности взять на себя часть ответственности и посильно постараться поправить дело». Иначе говоря, вновь спасать буржуазию. Уже на другой день формирование нового кабинета министров было поручено лидеру парламентской фракции Немецкой народной партии, торговцу Густаву Штреземану — ставка делалась на формировании «большой коалиции» республиканских партий с привлечением СДПГ.

Многие коммунисты, левые социал-демократы, профсоюзные активисты воспринимали свержение правительства Куно как победу единого фронта борьбы против буржуазии. Действительно, впервые после Капповского путча в марте 1920 года трудящиеся добились реального успеха, заставили власть считаться с их требованиями. В Берлине и Москве размышляли, как воспользоваться этой победой.

Руководство КПГ полагало, что в стране возникла благоприятная обстановка для выступлений пролетариата под лозунгом образования рабоче-крестьянского правительства. Этот вопрос обсуждался на майском и августовском пленумах ЦК компартии. В результате было решено обратиться с открытым письмом к руководству СДПГ о совместной борьбе за Всегерманское рабочее правительство, которое может спасти Германию от капитуляции. Интересы трудящихся, говорилось в резолюции августовского пленума, требуют создания единого пролетарского фронта для завоевания политической власти. Нужно объединить национально-освободительное движение и революционную борьбу рабочих, служащих, ремесленников, крестьян, недовольных средних и низших чиновников. Цель этой борьбы — «создать рабоче-крестьянское правительство под руководством рабочего класса, который рассматривает средние слои города и деревни как союзников. Рабоче-крестьянское правительство должно использовать все средства власти против своих врагов и действовать беспощадно; если оно этого не сделает, рабоче-крестьянское правительство будет свергнуто».

Волльвебер, выступая на пленуме с оценкой общественно-политической обстановки в своих округах, сказал, что сейчас

любая борьба рабочего класса Гессен-Вальдека, Саксонии, Тюрингии после свержения Куно будет иметь тенденцию к расширению и своевременности выдвижения требования создания рабочего правительства. Реальные предпосылки для образования такого коалиционного правительства коммунистов с левыми социал-демократами созрели в Саксонии и Тюрингии. Он призвал активнее работать в профсоюзах, где авторитет компартии укрепляется. По его данным, из 8 миллионов организованных рабочих в профсоюзах, примыкающих к СДПГ, за КПГ идут 3 миллиона человек. Коммунисты не должны зазнаваться: надо расширять влияние компартии среди 5 миллионов членов, еще поддерживающих реформистов, создавать комячейки в отраслевых профсоюзах.

Эрнст дал высокую оценку революционной деятельности коммунистов Тюрингии. Местная организация КПГ стала, по его словам, одной из наиболее крупных в Германии. В 110 низовых комячейках насчитывается 30 тысяч человек. Коммунистическая фракция ландтага (земельного парламента. — *Е. Г.*), которой руководит популярный в рабочем движении коммунист, его друг и соратник Теодор Нейбауэр, эффективно отстаивает интересы трудящихся в дебатах с правыми реформистами СДПГ. Влияние коммунистов в ландтаге возросло настолько, что они способны побороться за формирование рабочего правительства. Для его защиты необходимо создание единых вооруженных рабочих отрядов с участием коммунистов и социал-демократов. Поскольку Четвертый конгресс Коминтерна постановил, что «участие в рабочем правительстве допустимо только с его согласия», Эрнст предложил ЦК КПГ согласовать этот вопрос с Москвой. Что касается совместной борьбы за Всегерманское рабочее правительство с вождями СДПГ, то такой вариант представляется ему нереальным.

— Вероятнее всего, лидеры социал-демократов договорятся с новым правительством, пойдут на оппортунистическую сделку с буржуазией, в очередной раз предав интересы рабочего класса. Более того, — подчеркнул Волльвебер, — опираясь на поддержку этого правительства, ударят по революционному, коммунистическому движению. Вот почему надо срочно создавать военизированные объединения самообороны. Предложения Эрнста

поддержали Пауль Бётхер, Фритц Геккерт, Эрнст Тельман, избранный на майском пленуме в ЦК КПГ.

В середине сентября в Москву для участия в совещании пяти компартий прибыли руководители КПГ. В своем докладе Брандлер, опираясь на предложение Волльвебера, сделал акцент на развитии ситуации в двух германских землях, правительства которых возглавляли левые социал-демократы, — Саксонии и Тюрингии. В обоих случаях коммунисты отдали свои голоса в поддержку этих правительств, не входя в них. Эти земли, где коммунисты могли вооружить рабочих, могут стать базой для развертывания германской революции. Открытым остается вопрос о том, должна ли КПГ для этого входить в правительство Саксонии и Тюрингии. Решающее слово здесь принадлежит Коминтерну.

Дополнительные аргументы по данному вопросу привел член ИККИ Пауль Бётхер: «Мы должны считаться с возможностью образования в Германии рабоче-крестьянского правительства — коалиции с социал-демократами и профсоюзами. «Опорным пунктом» такого правительства должны явиться внепарламентские органы классовой борьбы. В Германии мы добились организации рабочих, сочувствующих Коммунистической партии, в виде фабрично-заводских комитетов, контрольных комиссий и пролетарских сотен. Все это — органы единого фронта, с помощью которых компартия ведет борьбу. Применяя тактику единого фронта, мы добились того, что значительная часть рабочих, по партбилету все еще числясь социал-демократами, душою всецело тяготеют к нам».

Особенно это было характерно для рабочих Саксонии и Тюрингии. Сформированные в этих землях рабочие правительства стали бы важными опорными пунктами в развертывании революции на всю Германию.

Через несколько дней Зиновьев сообщил руководству КПГ решение по данному вопросу Коминтерна и ЦК РКП(б): «Поскольку мы оценивает положение так, что решающий момент наступит не позднее, чем в течение 4–5–6 недель, мы считаем необходимым теперь тотчас занимать каждую позицию, которая может быть использована в дальнейшем. На основании этого мы считаем, что при данном положении вещей вопрос о на-

шем вступлении в саксонское правительство надо поставить практически».

С такой директивой делегация КПГ вернулась в Германию. 10 октября в Саксонии было создано первое рабочее правительство в следующем составе: министр-президент Эрих Цейгнер (СДПГ), министр внутренних дел — Либман (СДПГ), министр финансов — Пауль Бётхер (КПГ), министр юстиции — Ней (СДПГ), министр народного образования — Флейснер (СДПГ), министр хозяйства — Фритц Геккерт (КПГ), министр труда — Граупе (СДПГ), министериаль-директор, начальник государственной канцелярии — Брандлер (КПГ). Бётхер и Геккерт были, кроме того, избраны членами рейхсрата (земельного парламента).

Спустя два дня Цейгнер представил ландтагу свой кабинет министров как «правительство республиканской и пролетарской обороны». В оглашенной им декларации говорилось, что реакция объявила открытую борьбу не только рабочему классу, но и всем сторонникам республики. Для организации отпора крупному капиталу и юнкерству он обещал провести чистку государственного аппарата от буржуазных элементов. В борьбе против врагов республики он будет опираться не только на органы государственной власти, но и поддержку пролетарских слоев населения и общественных организаций. Правительство, по его словам, будет всеми силами препятствовать установлению диктатуры монополистов и военщины, в то же время «попытается не допустить гражданской войны».

Примеру Саксонии последовали левые социал-демократы и коммунисты Тюрингии, где 16 октября также сформировалось рабочее правительство. Посты в нем распределились так: социал-демократы получили портфели премьер-министра, министров внутренних дел, финансов, народного образования, внешних сношений; коммунисты — народного хозяйства и юстиции. Лидер фракции КПГ в ландтаге Т. Нейбауэр был назначен государственным советником. Правительство возглавил А. Фрелих (СДПГ).

Коммунисты возглавляемых Волльвебером партийных округов Гессен-Вальдека, Тюрингии, соседней Саксонии отмечали образование рабочих правительств как большой успех в их борьбе

за жизненные интересы трудящихся, социалистическую Германию. Впервые в рамках буржуазного государства парламентским путем две самые крупные рабочие партии сумели объединиться и завоевать власть. Уже сам этот факт подтвердил правильность решений КПГ, Коминтерна о едином фронте рабочих, всех народных масс на пути революционных преобразований к установлению диктатуры пролетариата. На расширенном заседании ЦК КПГ с участием всех руководителей партийных округов Волльвеберу была объявлена благодарность за плодотворную, успешную работу по усилению влияния коммунистов, привлечению на их сторону левых социал-демократов в Гессен-Вальдеке, Тюрингии, Саксонии. С поздравлениями в его адрес выступили Вильгельм Пик, Эрнст Тельман, Вальтер Ульбрихт, Герман Реммеле, Лео Флиг. Авторитет Волльвебера в коммунистическом движении и профсоюзах еще больше укрепился, стал повсеместно признанным.

* * *

Создание первых рабочих правительств на немецкой земле, обострение политических и классовых противоречий дали основания руководству в Москве предположить о наступлении в Германии революционной ситуации. Лидеры КПГ, влияние которой в стране возрастало, также были охвачены революционным порывом. Печатный орган компартии «Роте фане» 11 июля опубликовал воззвание «К партии» о том, что коммунисты должны считаться с возможностью реакционного государственного переворота, готовиться к вооруженной борьбе в гражданской войне, захвату власти. За каждого убитого рабочего будут расстреляны два фашиста. Партия лихорадочно работала над тем, чтобы сделать всех, вплоть до последнего своего члена, активными борцами за Советскую Германию. Саксония и Тюрингия действительно могли стать серьезной опорой пролетариата в борьбе за Всегерманское рабочее правительство.

Волльвебер не покладая рук проводил тактические занятия и маневры пролетарских сотен. В Тюрингии организовал тактические учения с приглашением вооруженных отрядов рабочих из Саксонии и Рура. В качестве гостей на них присутствовали

бойцы из Польши и Чехословакии. По завершении учений был организован парад пролетарских сотен, в котором участвовали 4 тысячи рабочих. В результате были достигнуты серьезные успехи в деле создания единого фронта.

Исполком Коминтерна ориентировал весь Интернационал, особенно секции соседних с Германией стран, на возможность важных революционных событий, определил их задачи. Руководство ЦК РКП(б), руководствуясь ленинскими принципами пролетарского интернационализма, оказывая КПГ широкую поддержку, усиленно готовило «германский Октябрь», который, по замыслу большевиков, должен был послужить стартом к мировой революции. Мало кому известно, что решение о вооруженном восстании в Германии было принято Политбюро ЦК РКП(б) и назначен его срок — 9 ноября 1923 года. Об этом свидетельствуют архивные строго секретные, из особой папки, документы.

27 июля на заседании Политбюро обсуждалось «Сообщение т. Радека о положении в Германии. Постановили: Ввиду единогласного решения Президиума ИККИ, Политбюро считает целесообразным до отсылки телеграмм тт. Зиновьева и Бухарина выяснить их разногласия с Президиумом ИККИ, предложив т. Радеку снестись с тт. Зиновьевым и Бухариным для выяснения точной формулировки их мнения».

31 июля Зиновьев, отдыхавший в Кисловодске, пишет Сталину: «Что до немецких дел — то расхождения, конечно, не из-за того, что мы не понимали опасностей немедленного боя. Этой опасности не было — напрасно Вы верили болтунишке Радеку. Расхождения в том, что Радек наскочил на ЦК (КПГ) за прекрасное и верное воззвание 12 июля. Радек верит только в «болтологию» по адресу фачистов (так называли тогда фашистов. — *Е. Г.*). Брандлер, как серьезный человек дела, готовит рабочих к бою с фачистами.

Кризис в Германии назревает очень быстро. Начинается новая глава германской революции. Перед нами это скоро поставит грандиозные задачи. Нэп войдет в новую перспективу. Пока же, минимум, что надо — это поставить вопрос 1) о снабжении немецких коммунистов оружием в большом числе; 2) о постепенной мобилизации человек 50 наших лучших боевиков для постепенной отправки их в Германию. Близко время громадных событий в Германии. Близко время, когда нам придется принимать решения всемирно-исторической важности».

Сталин 7 августа отвечает Зиновьеву (и для Бухарина, копия Ворошилову): «Что касается Германии, дело, конечно, не в Радеке. Должны ли коммунисты стремиться (на данной стадии) к захвату власти без с.-д. (социал-демократов), созрели ли они уже для этого, — в этом, по-моему, вопрос. Беря власть, мы имели в России такие резервы, как: а) мир, б) землю крестьянам, в) поддержку громадного большинства рабочего класса, г) сочувствие крестьянства. Ничего такого у немецких коммунистов сейчас нет. Конечно, они имеют по соседству советскую страну, чего у нас не было, но что можем дать им в данный момент? Если сейчас власть в Германии, так сказать, упадет, а коммунисты ее подхватят, они провалятся с треском. Это в лучшем случае. А в худшем случае — их разобьют вдребезги и отбросят назад... Дело не в том, что Брандлер хочет «учить массы», — дело в том, что буржуазия плюс правые с.-д. наверняка превратили бы учебу-демонстрацию в генеральный бой (они имеют пока что все шансы для этого) и разгромили бы их. Конечно, фашисты не дремлют, но нам выгоднее, чтобы фашисты первые напали: это сплотит весь рабочий класс вокруг коммунистов. Кроме того, фашисты, по всем данным, слабы в Германии. По-моему, немцев надо удерживать, а не поощрять».

Зиновьев в письме Сталину 10 августа из Кисловодска объясняет: «Я убежден, что скоро нам придется принимать решения всемирно-исторического характера (максимум через 1–2 года). Но спор шел вовсе не об этом. «Брать власть» никто не собирался. «Июльские дни» не угрожали. В ответ на угрозу фачистов расстреливать каждого десятого стачечника, ЦК КПГ ответил прекрасным манифестом, что рабочие тогда перестреляют каждого пятого фачиста. Радек признал это «ошибкой». Он, не посоветовавшись ни с кем, послал «частное» письмо с требованием дезавуировать ЦК. Мы запротестовали. Вы стали на сторону Радека. Не снеслись с нами, задержали нашу телеграмму, стали телеграфировать Троцкому. Вот это не годится...»

Судя по этой переписке, в Политбюро и Коминтерне обнаружились разногласия в оценке революционной ситуации в Гер-

мании. Отдыхавшие на Кавказе Зиновьев и Бухарин направили немецким коммунистам приветствие по случаю подготовки «антифашистского дня», не без основания считая, что массовые демонстрации позволят накалить политическую атмосферу в Германии. КПГ должна была, по их мнению, наносить главный удар по националистам, чтобы привлечь на свою сторону социал-демократических рабочих. Тем самым подрывалась тактика единого фронта, предложенная Радеком, что вызвало его резкую реакцию: «Не может быть двух руководящих центров — один в Москве, другой на Кавказе — если не хотеть свести с ума берлинцев». Радек от имени Президиума ИККИ дал руководству КПГ директиву избегать конфронтации с властями, не поставив в известность об этом решении Зиновьева и Бухарина, зато заручился поддержкой Сталина. Заседание Политбюро ЦК РКП(б) фактически оправдало действия Радека, предложив оппонентам в переписке выяснить существующие разногласия. Зиновьев заподозрил в этих действиях заговор против себя, попытку Сталина потеснить его позиции в Коминтерне.

В целях согласования подхода сторон в подготовке «германского Октября» 18 августа Политбюро принимает постановление: «Послать тт. Зиновьеву, Троцкому и Бухарину телеграмму следующего содержания: Политбюро считает необходимым общее обсуждение международного положения в связи с событиями в Германии. Находите ли возможным приехать на пару дней для обсуждения с тем, что после обсуждения снова вернетесь в отпуск? Если согласны, сообщите, когда приедете, для того, чтобы назначить специальное заседание с вызовом немецких товарищей».

Зиновьев и Бухарин телеграфируют: «Разумеется, приедем». Зиновьев добавляет: «Мнение Цеткиной и мое: надо просить немцев, чтобы в числе их делегатов обязательно были Брандлер, Кикремулен, Тельман. Последние два нужны как имеющие особенно хорошие связи с рабочими. Конечно, могут еще послать, кого захотят».

В преддверии намеченного заседания Политбюро Зиновьев подготовил тезисы о положении в Германии: «Германская революция на 90% означает войну... Опасности огромны. Ставка колоссальная. Но кроме всего прочего это и средство для нашей

партии встряхнуться, проверить свои силы, испытать свое право на победу. Итак, надо учитывать худшее и, принимая дипломатические меры всяких родов, надо готовить в военном отношении польский тыл, готовиться к войне... Коминтерн. Прежде всего тактика единого фронта... Лозунг рабоче-крестьянского правительства — это псевдоним диктатуры пролетариата и исторически это оправдывается... Наше решение сейчас будет иметь для германской компартии решающее значение. У них не было единого движения, оно было раздроблено, распылено. Наша задача сейчас — создать единство. Но, конечно, главное, о чем мы должны решить, — это хлеб, деньги, усиление армии, снабжение людьми, руководство — это нужнее всего сейчас германской компартии и это мы ей должны дать».

19 августа Сталин вносит «Замечания к тезисам товарища Зиновьева», препровождая их Радеку, Рыкову, Каменеву, Рудзутаку: «1. Тезисов от имени Коминтерна публиковать не следует. Нужно на известное время воспретить русским товарищам печатание своих статей руководящего характера в германской прессе о германской революции. Нужно всячески избегать всего того, что может дать повод думать, что революция «продиктована», «инспирирована» из России. Необходимо действовать только через Германскую компартию и от ее имени.

2. Нужно сказать в тезисах, прямо и ясно, что речь идет о взятии власти коммунистами, без социал-демократов. Нужно прямо указать, что лозунг рабочего правительства является лишь агитационным лозунгом, питающим идею единого фронта, что он в своем окончательном виде (правительство коалиции коммунистов и социал-демократов), вообще говоря, неосуществим, что если бы он, паче чаяния, все же осуществился, то такое правительство было бы правительством паралича и дезорганизации, правительством, обреченным ввиду своей слабости на неминуемое падение в самый непродолжительный срок. Нужно ясно сказать немецким коммунистам, что им одним придется взять власть в Германии.

3. Нужно неустанно разъяснять массам, что правительство это будет не органом рейхстага, а органом Советов, ими санкционированным, перед ними ответственным. Местные Советы должны быть организованы при первом ближайшем подъеме

революции. Можно было бы, быть может, теперь же начать их организацию в такой стране, как Саксония. Нужно разъяснить, что без советов на местах, как опорных пунктов и организационной базы рабоче-крестьянского правительства, последнее будет висеть в воздухе.

4. В тезисах ничего не сказано или очень мало сказано о том, удержат ли власть коммунисты в Германии... Между тем вопрос об удержании власти представляет теперь основу всех вопросов германской революции.

5. Нужно сказать в тезисах прямо и отчетливо, что рабочая революция в Германии означает вероятную войну Франции и Польши (а может быть, и других государств) с Германией, или в самом лучшем случае — блокаду Германии (не дадут подвозить хлеб из Америки и проч.), против чего должны быть намечены меры теперь же.

6. Нужно сказать в тезисах ясно и отчетливо, что революция в Германии и наша помощь немцам продовольствием, оружием, людьми и проч. означает войну России с Польшей и, может быть, с другими лимитрофами, ибо ясно, что без победоносной войны, по крайней мере с Польшей, нам не удастся не только подвозить продукты, но и сохранить связи с Германией... Я уже не говорю о других основаниях военной поддержки революционной Германии с нашей стороны. Если мы хотим действительно помочь немцам — а мы этого хотим и должны помочь, — нужно нам готовиться к войне, серьезно и всесторонне, ибо дело будет идти в конце концов о существовании Советской Федерации и о судьбах мировой революции на ближайший период.

7. Нужно разработать конкретную экономическую программу рабоче-крестьянского (советского) правительства Германии».

Для согласования действий сторон в подготовке «германского Октября» 21 августа было созвано заседание Политбюро ЦК РКП «О международном положении». На нем присутствовали члены и кандидаты Политбюро: Бухарин, Зиновьев, Каменев, Рыков, Сталин, Троцкий; члены ЦК: Андреев, Ворошилов, Пятаков, Радек; члены ЦКК: Шверник, Шкирятов, Ярославский; секретариат: Назаретян, Бажанов; председательствовал Рудзутак (Ленин был тяжело болен и не мог участвовать в заседании. — *Е. Г.*).

Первым выступил Зиновьев, констатировавший, «что те разногласия, которые были у нас в течение последних месяцев по вопросу о германской революции, событиями изжиты... Каково положение в Германии. Куно слетел. Случилось нечто большее, чем парламентский кризис, меньшее, чем революция... Кризис социал-демократии — факт. Социал-демократы делятся примерно на три части. Первая — это социал-демократы фашисты (я имею в виду сотни, организуемые социал-демократами). Второе крыло — Леви и ему подобные — что-то вроде наших интернационалистов. Третья часть — старая, мертвая, казенная социал-демократия. Она будет всем мешать, все тормозить и бить ее будут все. О фашизме. Совершенно своеобразное экономическое положение Германии поставило массу германской мелкой буржуазии в совершенно исключительное положение, характеризуемое большими возможностями для политического ее использования крайними политическими группировками. Тут надо быть осторожным. Компартия. За ними ли большинство? Может быть. Задача трудная... Но многое говорит за то, что большинство уже есть... С замечаниями т. Сталина я согласен — необходимо разработать вопросы об экономической программе, о национальном моменте, о расколе германской социал-демократии на три части, и материалы для этого есть».

Затем слово взял Радек, выразивший согласие с тем, «что те разногласия, которые были, ликвидированы ходом событий. Но обстановка может выдвинуть другие. Первый вопрос, в оценке которого мы, может быть, расходимся: по-моему, занятие Германии союзниками угрожает не созданием контрреволюционного тыла, а национальной войной. Второе. Я боюсь, что в Германии сейчас не коммунизм придет после фашизма, а фашизм после коммунизма. Мы удержать массы не можем. Или партия организует борьбу, или борьба начнется спонтанно, хаотически, и нас разобьют в борьбе. Это последнее повлечет за собой то, что партия рассыплется... Наше преимущество — превалирование активных сил коммунистов над активными силами социал-демократов. Но не надо забывать, что резерв социал-демократии еще велик. Именно это оправдывает лозунг «рабоче-крестьянского правительства»... Мы должны идти на коалицию с левыми социал-демократами... Сейчас мы дол-

жны разработать меры по линии НКИД, Коминтерна, военного ведомства и ИНО ГПУ».

В обсуждение вступает Троцкий: «КПГ должна поставить срок, к которому готовиться, и в военном отношении, и соответствующим темпом политической агитации. Этот срок тем более нужен, что есть огромная опасность провокации и революционного выкидыша...Тут мы подходим к вопросу о левых и рабочих сотнях. 15 мая было 337 сотен, из них 197 смешанных, и 140 чисто партийных. В первых было приблизительно 50 % коммунистов, 20–25 % социал-демократов и 25–30 % беспартийных. Во вторых партийных было 90–95 % и беспартийные были исключением. Сотни эти иногда превышают по числу людей действительную сотню, часто бывают меньше, в среднем насчитывают человек 80. В смешанных рабочих сотнях руководство всегда принадлежит коммунистам... В июле уже насчитывалось 900 сотен, из них 718 смешанных, остальные чисто партийные. Если считать среднее число людей в сотне всего в 50 человек, мы имеем уже около 45 тысяч, которые сражаться будут... Надо признать, что революция в Германии — вопрос месяцев и недель. Подготовка должна быть построена по календарному плану, должны быть намечены сроки и к этим срокам должна строиться подготовка».

В дискуссию вмешивается Сталин: «Мне кажется, ясно, что основной вопрос, который стоит здесь перед нами, — это вопрос о существовании нашей федерации. Либо революция в Германии провалится и побьют нас, либо там революция удастся, все пойдет хорошо, и наше положение будет обеспечено. Другого выбора нет. Важна линия поведения РКП. И основу вопроса составляет большое напряжение наших военных сил... Для нас очень важен и нужен общий кусочек границы с Германией. Нужно постараться сорвать одно из буржуазных лимитрофных государств и создать коридор к Германии. К моменту революции это нужно подготовить. Что касается календарной программы — я сомневаюсь в ее пригодности. Рабочие еще верят или полуверят в социал-демократию. Можно намечать сроки пробных выступлений... И, конечно, решений выносить на свет нельзя».

Включившийся в обсуждение Бухарин поднимает вопрос: «Какова должна быть линия нашего поведения? Выставлять ли Коминтерн как открытую организующую силу? Мне кажется,

да, выставлять, и т. Троцкий здесь неправ. Для рабочих это будет иметь огромное значение. Но это важно и по отношению к мелкой буржуазии — если будут знать, что за германской революцией стоит Советская Россия. О левых. Их бить не нужно. Надо вспомнить, сколько заслуг за ними. Ведь левые, например, завоевали профсоюз металлистов в Берлине... Важно поставить вопрос об агитации. Надо подготовить нашу партию. Надо разбить вопрос о КПГ и РКП».

Взявший слово Рыков выражает обеспокоенность тем, что «мы совершенно не готовы... Ясно, что международный фашизм постарается раздавить Москву после Берлина. Нужно оттягивать. Нужно принять календарный план подготовки, а не восстания, но не только для Германии, а и для нас. О левых. Конечно, их надо бить — если они мешают правильно организовать рабочие сотни».

Сталин бросает реплику: «Левые самые опасные для нас люди... Левых надо связать, но не бить. Тактика Коминтерна — надо отделываться общими фразами вслух о помощи, революции в Германии и т.д., но конкретных директив давать он не должен... Надо повести большую агитацию у нас в стране. Надо говорить мужику о величайшей опасности для земли и воли, надо разъяснить ему, что если Германию сожрут сначала, то потом сожрут нас».

Троцкий настаивает на подготовке «календарного плана» революции: «Надо установить, на какой срок брать прицел. Германской компартии нужно помочь организовать свое собственное отношение к грядущей революции... Если нет работы по организации, наступит прострация у боевиков и мы ослабим имеющиеся у нас силы».

Сталин отвечает: «За календарную программу у нас я целиком. Другое дело — в Германии. Есть моменты, которые предвидеть нельзя. А выступление должно совпасть именно с таким выгодным моментом... Я за условную календарную программу с передвижными сроками».

Зиновьев считает, что «идея календарного плана, изложенная т. Троцким, абсолютно правильна... Здесь главное — настроение рабочих масс Германии. Они больше всего боятся войны. Наша революция — иное дело... Центральный вопрос — захватить

власть. А уж там посмотрим как поступить... Наконец, об агитации в нашей стране. Нужно повести ее таким образом и в таком темпе, чтобы через два месяца ни один крестьянин не сомневался в том, что сейчас ставится на карту судьба страны — белая Германия означает войну. Массы надо всколыхнуть в громадном масштабе».

По итогам обсуждения 22 августа 1923 года принимается «Постановление Политбюро ЦК РКП(б): 1. На основании имеющихся в ЦК материалов, в частности на основании писем товарищей, руководящих германской компартией, ЦК считает, что германский пролетариат стоит непосредственно перед решительными боями за власть.

2. Признать, что вся работа, не только КПГ и РКП, но и всего Коммунистического Интернационала должна сообразоваться с этим основным фактом.

3. В соответствии с этим ЦК поручает делегации РКП в Коминтерне разработать все основные выводы, вытекающие из создавшегося международного положения, и внести их на утверждение Политбюро.

4. В связи с этим же очередные задачи РКП: а) политическая подготовка трудящихся масс Союза республик к грядущим событиям; б) мобилизация боевых сил республики (в частности, рассмотрение вопроса, поставленного т. Брандлером); в) экономическая помощь германским рабочим; г) соответствующая дипломатическая подготовка.

Для разработки этих последних вопросов создать комиссию в составе тт. Зиновьева, Сталина, Троцкого, Радека, Чичерина. Созыв за т. Зиновьевым. Этой же комиссии поручить разработку проекта закрытого письма губкомам и тезисов для газетной кампании».

28 августа «Губкомам, обкомам, национальным ЦК, краевым комитетам и бюро ЦК» рассылается строго секретная шифртелеграмма: «В связи с последними событиями в Германии ЦК РКП постановил информировать парторганизации о международном положении. Германский пролетариат находится накануне непосредственных боев с германской буржуазией. Последнее правительство германской буржуазии и социал-демократии во главе с Штреземаном, Гильфирдингом будет бессильно вывести Германию из пут Версальского договора, репарационного тупика и финансово-экономического краха. Это приведет германский пролетариат к победе. Однако победа трудящихся масс Германии создает опасность для буржуазии всей Европы и всего мира. Победа германского пролетариата может привести французскую, польскую и другие буржуазии к решению подавить вооруженной рукой германскую революцию. Интервенция и расчленение Германии правительствами капиталистической Европы приведет их к удару против Советского Союза. Нашему Союзу угрожает большая опасность, если революционная Германия будет поражена. Необходимо, чтобы германская революция протекала с наименьшими жертвами как для германского пролетариата, так и для нас. Поэтому мы должны приложить усилия к невмешательству Франции, Польши, Чехословакии и других государств в немецкие дела... Но мы должны быть готовы и к худшему исходу. Подчеркивая мирную политику, мы должны быть практически и реально готовы к защите назревающей революции в Европе и к обороне территории нашего Союза Республик на случай нападения врагов».

С первых дней осени в советской прессе и коммунистической печати в Европе развернулась кампания солидарности с идущим на баррикады германским пролетариатом. Регулярные сводки советского посольства и консульства в Германии составлялись в том же революционном духе. Особенно отличился генеральный консул СССР в Гамбурге, соратник Ленина по швейцарской эмиграции Г.Л. Шкловский, писавший под псевдонимом Бабушкин пространные отчеты Зиновьеву: «Вопрос о вооруженном восстании есть конкретный вопрос завтрашнего дня... Мы можем по инерции или из дипломатии еще продолжать говорить о едином фронте, но практически мы с ним считаться не должны. Мы должны строить нашу тактику в расчете на то, что рабочие массы все больше и больше будут собираться под знамена компартии и что эта партия в своей борьбе за власть будет одинока». Этот вывод импонировал настроению самого Зиновьева, который подчеркивал подобные места и рассылал отчеты членам Политбюро ЦК РКП(б).

Падение правительства Куно было записано в Москве на счет коммунистов, теперь уже и военные руководители в один голос

заговорили о революционной ситуации в Германии. В срочном порядке в частях Красной армии организуются курсы по изучению немецкого языка, печатаются топографические карты территорий, сопредельных с западной границей СССР. Современники событий вспоминали о приподнятом настроении, охватившем советскую молодежь, — комсомольцы шли в райкомы с требованием записать их добровольцами в Германию.

Немецкие коммунисты, уловив эти революционные настроения в руководстве РКП(б) и Коминтерне, начинают добросовестно выполнять новые директивы из Москвы: усилить пропагандистскую атаку на СДПГ и буржуазную власть во главе с Штреземаном, сосредоточить внимание на организационно-технической подготовке вооруженного восстания, активнее распространять в стране лозунг создания рабоче-крестьянского правительства. 27 августа лидеру КПГ Брандлеру через отправившегося в Берлин представителя партии при ИККИ Якоба Вальхера были переданы «пожелания русских товарищей — они ожидают скорого развития событий в Германии, опасаются, что события нас опередят».

По поручению Коминтерна КПГ приступает к созданию военного, разведывательного и кадрового аппарата для подготовки командиров будущей германской Красной армии, которые обеспечат коммунистам захват власти в Германии. Эти мероприятия готовятся под руководством ИККИ и при непосредственном участии советских военных специалистов. В августе-сентябре 1923 года в Берлин направляется «группа товарищей» с большим опытом революционной работы по линии генштаба РККА, ИНО ОГПУ («Грета» — псевдоним для руководителей КПГ), IV Разведывательного управления РККА («Клара»), Коминтерна. Часть советских инструкторов располагается открыто, без конспирации в здании представительства СССР, остальные прибывают в Германию нелегально по поддельным паспортам: Берзин, Вацетис, Радек, Рейснер, Менжинский, Стасова, Трилиссер, Тухачевский, Уншлихт, Ягода.

«Нужно было под тем или иным благовидным предлогом прислать в Берлин организующее ядро, сформированное Кремлем, и разместить его в дипломатической миссии или торговом представительстве. В Берлин прибыл Вацетис. Он был одним из высших командиров Красной армии и известным специалистом по Гражданской войне в России. Туда же под фамилией Полянин приехал Тухачевский, молодой человек крупного телосложения, с непроницаемым выражением лица и крючковатым носом, очаровавшим всю Фридрихштрассе своими размерами. Приехал и герой болгарской революции Корешков... Менжинский, Ягода и Трилиссер тоже прибыли под чужими фамилиями и с бесчисленным количеством паспортов в кармане, — рассказывает в записках русского контрразведчика «Двойной агент» Владимир Орлов. — Сотрудники имели в своем распоряжении самое современное оборудование, фотографическую и химическую лаборатории для тайнописи и печати. Они располагали собственными финансами, независимо от посольства, и всегда имели большие резервные фонды в различной валюте». На третьем этаже посольства целый ряд помещений был отведен под склад оружия, радиостанций, оборудование для подделки паспортов, фотолабораторию.

Каждый советник, военный специалист, сотрудник «Греты», «Клары» имел свою кличку, номер, данные московским центром. Общаться по именам было категорически запрещено. Часто используемые слова переводились на специальный жаргон, например, паспорт назывался — «сапожником», пистолет — «машинкой», вражеские контрразведчики — «ищейками». Контакты между «товарищами» осуществлялись по строгим правилам. Они не могли навещать друг друга по месту пребывания, ссылаться на псевдонимы, адреса и организационные подробности по телефону.

К подготовке «германского Октября» подключаются сотрудники советского посольства и консульства, представители Западноевропейского бюро Коминтерна, Профинтерна в Берлине, Заграничное представительство Региструпа, получившее название Берлинского руководящего центра. Политическое руководство подготовкой вооруженного восстания осуществляет Карл Радек, созданием военных и разведывательных структур в КПГ занимаются один из самых талантливых деятелей Разведупра (предшественник ГРУ) Ян Карлович Берзин (настоящее имя — Петер Янович Кюзис) и первый заместитель председателя ВЧК-ГПУ-ОГПУ Иосиф Станиславович Уншлихт.

Деятельность советских инструкторов военного аппарата КПГ курирует Стефан Жбиковский с помощниками Августом Гайлисом (Валин) и финном Тууре Лехеном, зятем одного из организаторов Коммунистической партии Финляндии, видного деятеля Коминтерна О. Куусинена. Вольдемару Розе (Скоблевскому) поручается формирование на основе пролетарских сотен «немецкой Красной армии», его помощником в Гамбурге стал Ханс Киппенбергер. Налаживание разведывательной работы в аппарате КПГ возлагается на Вольфа Феликса — знакомого Волльвеберу по событиям Бременской республики.

Справка. *Стефан Владиславович Жбиковский (Алоис) родился в 1891 году в деревне Воля Осовинская Седлецкой губернии (ныне территория Польши) в семье служащего. В 1915 году окончил физико-математический факультет Варшавского университета, в 1916 году — Виленскую военную школу, прапорщик. Служил в Москве. В 1917 году — председатель полкового солдатского комитета. Член Коммунистической партии с 1918 года.*

В феврале 1918 года вступил в Красную армию, участвовал формировании польской западной стрелковой дивизии, стал ее командиром. В 1918–1919 годах находился на нелегальной работе в Польше под именем Яна Засурского, был организатором военного отдела Польской компартии. В 1919 году был арестован и приговорен к восьми годам тюремного заключения. Освобожден в апреле 1921 года по обмену пленными, вернулся в РСФСР.

В 1921–1923 годах работал в военной комиссии Коминтерна. В 1923–1927 годах — агент Разведуправления РККА в Германии, Англии, Китае. В 1928–1929 годах возглавлял военную школу Коминтерна. В 1930–1933 годах — на руководящей работе в компартии Польши. В 1934 году окончил факультет Военной академии им. М. В. Фрунзе. С января 1935 года — снова на работе в разведке. В 1936 году — преподаватель кафедры организации и мобилизации войск Военной академии. Награжден орденом Красного Знамени. Репрессирован в июне 1937 года. Посмертно реабилитирован в 1955 году.

Справка. *Август Юрьевич Гайлис родился в 1895 году в селе Мюльгартен близ Риги. В 1917 году вступил в Компартию.*

В Красной армии с 1918 года. В 1920–1923 годах учился в Военной академии РККА. В 1923–1925 годах — военный советник Германской компартии. По возвращении в СССР в 1926 году занимал должность секретаря комиссии по Китаю при Политбюро ЦК ВКП(б), затем работал в центральном аппарате Разведупра. В 1930–1931 годах — военный советник ЦК Компартии Китая. Затем снова в аппарате Разведупра, помощник начальника 2-го отдела. В 1932–1937 годах — начальник разведывательного отдела ОКДВА. В июле 1937 года арестован и расстрелян. Посмертно реабилитирован в 1957 году.

Единым резидентом ИНО ОГПУ и Разведупра в Берлине в 1921–1924 годах был А. К. Сташевский, известный также как Верховский, Степанов, настоящее имя Артур Карлович Гиршфельд. Перед ним стояла задача организовать работоспособную агентурную сеть в Германии и других европейских странах, координировать и контролировать работу имеющиеся агентурных групп и резидентур в подготовке «германского Октября», наладить оперативные линии связи Берлинского центра с Москвой.

Справка. *Артур Карлович Гиршфельд родился в 1890 году в городе Митава Курляндской губернии (ныне г. Елгава, Латвия). В 1908 году эмигрировал, работал на фабриках в Париже, Лондоне. В 1918 году вернулся в Россию, стал членом Коммунистической партии. Окончил Лефортовскую школу красных командиров в Москве. В годы Гражданской войны — комиссар дивизии, начальник Разведывательного отдела Западного фронта. В 1922 году одним из первых разведчиков награжден орденом Красного Знамени.*

В 1925–1935 годах работал во Внешторге. В 1936–1937 годах — торговый представитель СССР в Испании. Владел английским, немецким, польским, французским языками. Арестован и расстрелян в 1937 году. Посмертно реабилитирован в 1956 году.

Ближайшим помощником Гиршфельда был секретарь Ф. Э. Дзержинского, видный деятель Коминтерна Бронислав Бортновский, который после него возглавит резидентуру.

***Справка**. Бронислав Брониславович Бортновский (Бронковский) родился в Варшаве в 1894 году в семье чиновника. Окончил реальное училище, учился в Политехническом институте. В 1910 году вступил в Союз социалистической молодежи Польши, в 1912 году — в Российскую социал-демократическую партию. В 1914 году за политическую деятельность был арестован и выслан в Саратов, где работал чертежником. Участник Октябрьской революции.*

В 1917–1918 годах — в Красной гвардии и органах ВЧК, секретарь Дзержинского, следователь по борьбе с контрреволюцией, начальник информационного отдела. В ходе операции по захвату участников заговора Локкарта был тяжело ранен. С 1919 года — на Западном фронте, начальник разведотдела фронта. В 1921–1925 годах — один из руководителей берлинской резидентуры ИНО и военной разведки.

В апреле 1925 года возвратился в Москву и был переведен на руководящую должность в IV управление штаба РККА (военная разведка). В 1930–1934 годах находился на нелегальной работе в Берлине и Копенгагене по линии Коминтерна. С 1934 года — руководитель Польско-Прибалтийского секретариата ИККИ, кандидат в члены Президиума Исполкома Коминтерна. В 1937 году арестован и расстрелян. Посмертно реабилитирован в 1956 году.

Берлинская резидентура становится опорным пунктом закордонной разведки органов госбезопасности СССР в Европе. В период подготовки «германского Октября» и последующих революционных событий в Германии в ней работали такие известные разведчики первого поколения советских органов госбезопасности, как:

— Абрамов (Миров-Абрамов) Александр Лазаревич — в 1920–1926 годах — заведующий пунктом ОМС и представитель ИККИ в Берлине;

— Бустрем-Логинов Владимир Владимирович (настоящее имя Логинов Алексей Васильевич) — оперативный работник, с 1924 года — резидент берлинской «легальной» резидентуры ИНО ГПУ;

— Баник Вильгельм (Мюллер, Мартин) — в 1923–1928 годах — на нелегальной работе в аппарате КПГ по линии военной разведки Генштаба РККА;

— Браун Отто (он же К. Вагнер, Курт, Карл Тесс, Артур Берендт, Ли Дэ, Хуа Фу, профессор Альберт Лист) — участник боев за Баварскую Советскую республику, в 1921–1926 годах — на руководящей работе в нелегальном военном и разведывательном аппарате ЦК КПГ, одновременно сотрудник военной разведки Генштаба РККА;

— Волленберг Эрих — в 1923–1924 годах — руководитель военно-политического отдела КПГ Юго-Западной области Германии, сотрудник ИККИ, в 1924–1926 годах — на командных должностях в Красной армии;

— Вомпе Петр Александрович — заведующий ОМС Коминтерна, осенью 1923 года — на нелегальной работе в Германии;

— Гранде Макс — родился в 1893 году в Берлине, почтовый служащий. В 1919–1920 годах — член НСДПГ, в 1920 году вместе с Эрнстом Тельманом переходит в КПГ, в 1921–1924 годах активно работает в военной организации компартии, в 1925–1929 годах руководил Союзом красных фронтовиков в Тюрингии, в 1930 году работает по линии Коминтерна в Швеции;

— Гуче Иосиф (Мюллер Рудольф, Зепль) — член НСДПГ с 1918 года, член КПГ с 1920 года, член ВКП(б) с 1931 года; участник Первой мировой войны, военнопленный в России, в 1917–1918 годах — красноармеец, интернационалист, в 1922–1924 годах — руководитель военной организации округа Берлин-Бранденбург-Лаузитц, слушатель специальной школы высших командиров в Москве по обучению руководителей окружных военных организаций КПГ; в 1930–1942 годах — сотрудник военной разведки ГРУ, в 1956 году — генерал-майор МГБ ГДР;

— Йонни де Грааф (Маттерн, Франц Грубер, Рихард) — служил на линкоре «Вестфалия» военно-морского флота, в 1916 году за выступление против войны и бунт был арестован вместе с тридцатью другими матросами и приговорен к каторге, освобожден в период Ноябрьской революции 1918 года, присоединился к НСДПГ, после основания КПГ стал ее членом, работал в нелегальном военном аппарате компартии, в 1923 году — среди оккупационных войск в Руре. В 1929 году прошел обучение в спецшколе Орготдела ИККИ в Москве, в 1931–1933 годах играл руководящую роль в нелегальном Союзе красных фронтови-

ков и военном аппарате КПГ. В 1934–1937 годах — сотрудник советской военной разведки в Китае, Бразилии;

— Дицка Иосиф — австрийский коммунист, чех по национальности, в 1922–1925 годах работал в КИМ и Коммунистическом союзе молодежи в Германии, был направлен в окружной комитет КПГ в Рурской области в нелегальный военный аппарат. В 1925 году приехал в Москву, вступил в РКП(б), работал в секретариате ОМС Пятницкого;

— Зиблер Герман — радист Я. Берзина и командования Интербригад, в 1921–1924 годах — член нелегальной военной организации КПГ и одновременно сотрудник военной разведки Генштаба РККА;

— Кангелари Валентин Александрович — в 1923 году — на нелегальной работе в Германии;

— Капитани Дюла (Юлиус) — в 1923–1924 годах — на нелегальной работе в Германии, с 1924 года — руководитель немецких спецкурсов ИККИ в Москве;

— Кац Отто (Андре Симон) — журналист, ближайший сотрудник Мюнценберга, работал по линии Коминтерна и советской разведки в Австрии, Англии, Германии, США, Франции;

— Киппенбергер Ханс (Алекс) — участник Первой мировой войны, обер-лейтенант, прошел обучение в нелегальной военной школе Коминтерна, один из руководителей вооруженного восстания в Гамбурге, помощник Скоблевского в формирование «немецкой Красной армии»;

— Кривицкий Вальтер Германович (Гинсберг Самуил Гершенович) — капитан госбезопасности, с 1921 года — сотрудник военной разведки Генштаба РККА, на нелегальной работе по линии Коминтерна в Австрии, Германии, Польше;

— Лехен Тууре (Лангер) — родился в 1893 году в Финляндии в семье рабочего-столяра, после Февральской революции 1917 года приехал в Москву, работал корреспондентом финской газеты «Социал-демократ». В 1918 году вступил в ряды Красной армии, был принят в члены РКП(б), окончил курсы комсостава. В 1919–1920 годах сражался на Северном фронте (Мурманское направление). По окончании Гражданской войны учился в Военной академии РККА, которую окончил в 1924 году. Во время подготовки «германского Октября» в 1923 году нелегально работал в Германии, в 1925–1926 годах — на нелегальной работе, являясь инструктором военного аппарата КПГ под псевдонимом Лангер;

— Майер Август (Келлер Антон, Фердинад) — в 1920–1922 годах работал в аппарате ЦК Германского комсомола, в 1923 году — сотрудник орготдела ЦК КПГ и военного аппарата, руководил «сектором вооружения» округа Берлин-Бранденбург. В 1924 году был арестован по делу так называемой «германской ЧК», приговорен к шести годам тюрьмы. После освобождения в связи с преследованиями в 1928 году имигрировал в СССР, работал в аппарате ОМС ИККИ.

— Мильграм Исидор Вольфович — в 1923–1924 годах — на нелегальной работе в Германии;

— Радо Шандор — родился в 1899 году в венгерском городе Уйпеште, окончил офицерскую школу крепостной артиллерии, политкомиссар 6-й дивизии революционной армии Венгрии, делегат Третьего конгресса Коминтерна, в 1923 году — сотрудник военного аппарата КПГ, работает по линии ОМС. В 1925 году передается в распоряжение советской военной разведки, во время Второй мировой войны — резидент разведгруппы «Красная капелла»;

— Рейсс Натан Маркович (Порецкий Игнатий Станиславович, Людвиг) — в 1923 году послан в Берлин для подготовки «германского Октября»;

— Рейх Яков Самуилович — руководитель Западноевропейского бюро Коминтерна в Берлине;

— Робинсон Генри (Гарри, настоящее имя Шнее Арнольд) — с 1921 года — в аппарате КИМа, в 1923–1925 годах — сотрудник военной организации КПГ; в 1925–1928 годах — референт Орготдела ИККИ, с 1933 года — сотрудник военной разведки ГРУ, с 1937 года — резидент во Франции;

— Салнынь Христофор Интович (Кристап) — участник революции 1905–1907 годов, боевик, в 1908–1920 годах — в эмиграции. В 1923 году — руководитель боевой организации КПГ в Тюрингии, в 1924–1925 годах — участник партизанской борьбы в Болгарии, в 1926–1929 годах — резидент и военный советник по диверсионной работе в Китае, в 1936–1937 годах — советник партизанского корпуса в Испании;

— Семенов Григорий Иванович — в 1922–1924 годах — на нелегальной работе в Германии, в 1927–1928 годах — руководитель военной организации ЦК Китайской компартии; с 1929 года — на хозяйственной работе, в 1936–1937 годах — в Испании;

— Фирин Семен Григорьевич (Петров) — с 1921 года — на разведывательной работе в Германии, Болгарии, Франции; в 1924 году возглавлял военный аппарат КПГ, в 1926–1929 годах — сотрудник военной разведки ГРУ, в 1930–1937 годах — оперработник ОГПУ;

— Цайссер Вильгельм (Вернер) — в 1923 году — руководитель военного округа КПГ в Руре, в 1924–1926 годах — на нелегальной работе в Палестине, в 1927–1930 годах — в Маньчжурии; в 1932–1936 годах — инструктор орготдела ИККИ, в 1936–1937 годах — в Испании;

— Хейфец Абрам Яковлевич (Гуральский Август, Кляйн, Шмидт) — в 1923–1924 годах — на нелегальной работе в военной организации КПГ, хорошо знаком Волльвеберу по заседаниям ЦК компартии;

— Хюбнер Артур — член КПГ с момента основания, в 1920-е годы — сотрудник военной разведки Генштаба РККА, владелец магазина современной радиоаппаратуры в Берлине, разведчик-радист в Германии, Румынии, Скандинавских странах;

— Шотт Герхард — в 1922–1923 годах — слушатель Военной академии РККА, с июля 1923 года — руководитель военного отдела ЦК КПГ;

— Штальман Рихард (настоящее имя Ильнер Артур, Эберхард Розенталь) — в 1923–1924 годах — руководитель военной организации КПГ, в 1927–1928 годах — на нелегальной работе в Китае, в 1928–1932 годах — на нелегальной работе в Европе;

— Штейнбрюк Отто — с 1921 года — сотрудник ИНО ВЧК-ОГПУ, в 1921–1924 годах — на нелегальной работе в Германии, советник военного аппарата КПГ, в 1934–1937 годах — начальник 1-го отдела военной разведки ГРУ;

— Штерн Манфред Зальманович (правильно Стерн, известен как Фред, Клебер) — участник Первой мировой войны, попал в русский плен, участник Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке, сотрудник военной разведки Генштаба

РККА, один из организаторов Гамбургского восстания и «германского Октября» в 1923 году.

Мы привели этот внушительный список «группы товарищей», постановлений Политбюро ЦК РКП(б), Коминтерна, чтобы показать масштаб и значение подготовки германской революции. К выполнению принятых решений привлекались видные руководители партии и правительства, коминтерновских структур, опытные революционеры, разведчики, в том числе Волльвебер. В сотрудничестве с Вольфом, Гранде, Гуральским, Гуче, Скоблевским, Салнынем, Шоттом Эрнст будет создавать военный аппарат КПГ, планировать и разрабатывать действия пролетарских сотен самообороны в Гессен-Вальдеке, Тюрингии, Саксонии, Силезии. Вместе с Цайссером, Штальманом станет инициатором формирования в послевоенный период разведки бывшей ГДР Штази.

О подлинных планах Москвы по захвату коммунистами власти в Германии рассказывает в своих воспоминаниях советский разведчик Борис Лаго, посетивший в сентябре 1923 года советское посольство в Берлине и удостоившийся достаточно откровенного разговора с руководством «группы товарищей»: «Не позже как через месяц во всей Германии вспыхнет революция. Начнется она одновременно из Гамбурга и Дрездена, — объясняли ему. — Сигналом послужит крупное вооруженное столкновение на улицах Берлина. Потом оно разольется по всей Германии. Есть полное основание думать, что Франция отправит свои войска для подавления революции. При первом же появлении хотя бы одного французского солдата в Германии — будут ли они отправлены по собственному почину Франции или же по приглашению одной из реакционных групп — Красная армия и, в частности, Красная кавалерия прорвется в Германию. Уже заключено соглашение с Литвой о пропуске советских войск. В случае если Польша заколеблется, она будет раздавлена...»

Это смелое утверждение опиралось на заявление Г. В. Чичерина: «Наступление мировой реакции и открытие военных действий в Германии было бы первым шагом к новому наступлению на нас». Поэтому советское правительство направило представителей в Варшаву, Ригу и Ковно с предложением заключить

соглашение о невмешательстве в германские дела и обеспечить «транзит из СССР в третьи государства при любых политических условиях». Смысл этой гибкой формулировки был очевиден: Советский Союз хотел обеспечить возможность помощи революционной Германии.

В конце августа Г. Брандлер, направляясь в Москву на совещание по поводу предстоящей революции, сделал остановку в Варшаве, где выступил на съезде Коммунистической рабочей партии Польши с открытым, смелым заявлением: «В настоящий момент в Германии мы стоим накануне социальной революции. Германия будет второй страной, вступившей в мировую революцию. Немецкая революционная коммунистическая партия насчитывает более 350 тысяч организованных коммунистов, опирающихся на опыт пятилетней борьбы... В широких массах зреет сознание того, что вооруженное восстание неизбежно... Мы имеем уже 200 тысяч вооруженных рабочих... (Мы) должны в течение шести недель подготовить... 15 дивизий... (Мы) имеем личное оружие на все эти 15 дивизий. Кроме того, мы располагаем более чем 330 партизанскими группами. Наконец, у нас есть примерно 7 тысяч членов партии, которых подготовили как красных офицеров».

Столь откровенное разглашение результатов и хода подготовки «германского Октября» было, на наш взгляд, совершенно недопустимо. Фактически лидер КПГ выдал противнику закрытые сведения о тактике, количестве действующих сил и средств вооруженного восстания. Конечно же, власти в Берлине учли эти сведения в своих приготовлениях по срыву революционных выступлений компартии.

Как бы то ни было, немецкие коммунисты летом и осенью 1923 года жили как в лихорадке. Каждый день ждали с замиранием сердца сигнала: начинать! Соратник Волльвебера по революционной борьбе, участник вооруженного восстания в Гамбурге, моряк Ян Валтин в своей книге «Из мрака ночи» описывает сложившую ситуацию и свои чувства так: «Уже в июне стало ясно, что грядут решающие революционные события. Несомненными признаками надвигающейся бури были коллапс денежной системы, быстрый распад антикоммунистических профсоюзов, растущая деморализация среднего класса, массовый наплыв молодых

рабочих в ряды коммунистической партии. Москва поручила самому умному и самому циничному пропагандисту Коминтерна — Карлу Радеку руководить из Берлина политической кампанией по захвату власти коммунистами. Был взят курс на перерастание спорадических стачек во всеобщую забастовку, которая должна была стать прелюдией к вооруженному восстанию.

Я хорошо чувствовал интересы своего класса, поскольку классовая сознательность была моей семейной чертой. Я гордился тем, что я рабочий, и презирал буржуазию. У меня было острое, но однобокое чувство справедливости, которое перерастало в жгучую ненависть к тем, кто, по моему мнению, был виновен в угнетении и страданиях масс. Полицейские были моими врагами. Бог был лживой выдумкой, изобретенной богатыми для того, чтобы заставить бедных смириться со своим ярмом, и только трусы прибегали к молитве. Каждый работодатель был гиеной в человеческом облике, злобной, прожорливой, вероломной и безжалостной. Я был убежден, что никто не может победить в одиночку; люди должны быть вместе и драться вместе, делать жизнь лучше для всех, кто занят полезной работой. В своей борьбе они должны использовать все средства, не останавливаясь перед нарушением закона, если это будет на пользу дела, не уступать ни в чем, пока революция не восторжествует».

Называя Радека циничным пропагандистом Валтин имел в виду, видимо, его нашумевшую речь на похоронах в 1923 году Лео Шлагетера — националистически настроенного офицера Добровольческого корпуса, приговоренного французским судом за акты саботажа в Руре к расстрелу. Упомянув вначале о фашистских взглядах осужденного, Радек сказал: «Шлагетер, мужественный солдат контрреволюции, заслуживает того, чтобы мы, солдаты революции, честно оценили его». Далее, обращаясь к «кругам германских фашистов, желающих честно послужить немецкому народу», призвал подумать, против кого они хотят бороться: «Против капитала Антанты или против русского народа? С кем они хотят объединиться? С русскими рабочими и крестьянами для совместного свержения ига антантовского капитала или с капиталом Антанты для порабощения германского и русского народов?.. Они должны ответить: против кого, на чьей стороне?»

Многие немецкие коммунисты, в том числе Волльвебер, были удивлены и возмущены тем, что Радек, коммунист, секретарь Исполкома Коминтерна участвовал в похоронах фашиста, произнес надгробное слово в компании заклятых врагов компартии. Его заигрывание с антикоммунистическими силами расценивалось как проявление оппортунизма.

* * *

По плану восстание должны были начинать пролетарские сотни Саксонии и Тюрингии, подготовленные и вооруженные местными рабочими правительствами и военным аппаратом Волльвебера. Они создавали заслон от возможного выступления с юга контрреволюционных сил Баварии. Затем в борьбу вступали гамбургские рабочие как основной опорный пункт вооруженного восстания, отвлекавший на себя правительственные войска из Берлина. И тогда в центре страны возникала благоприятная обстановка для развертывания масштабных революционных операций по захвату власти.

Германия была поделена на шесть округов, во главе которых стоял кадровый аппарат (КА) из ответственных лиц КПГ и советских советников. Окружному КА подчинялись подпольные, нелегальные структуры: БА — рабочие корреспонденты, пропаганда; МА — военный аппарат, подрывная деятельность в армии и на флоте; НА — связь, курьеры, изготовление поддельных паспортов; ПА — работа в полицейской среде по разложению правоохранительных органов и добыванию информации; СА — шпионаж, выявление предателей; ТА — боевые отряды, способные проводить террористические акты.

Руководство КПГ и Коминтерна особенно большое значение придавало подготовке военно-технических и нелегальных структур революции. В июле по решению ЦК компартии в Германию из СССР был отозван слушатель Военной академии РККА Герхард Шотт. После двух недель знакомства с ситуацией в Берлине, Гамбурге, Лейпциге он возглавил военный отдел КПГ, который в целях конспирации именовался «Библиотека». 8 августа 1923 года Шотт представил ЦК компартии документ «Памятная записка: предложения о неотложном развитии идеологической

подготовки партии к гражданской войне», в которой отмечает: «Боевой авангард германского рабочего класса знает свой собственный военный опыт и его уроки почти исключительно в устной форме. То, что мы писали и публиковали в учебных целях, едва ли заслуживает сегодня внимания. А ведь именно из опыта ноябрьских боев, Капповского путча, мартовских акций, а также Баварской Советской республики нам следует извлечь основные уроки. Только они могут заложить основу нашего регламента гражданской войны, просто по причине того, что только они были для нас событиями, которые соответствовали реальной практике».

В целях улучшения военно-специальной подготовки членов компартии Шотт предлагает ЦК КПГ «срочно осуществить такие меры: 1. Издать брошюры (лучше серии из небольших тетрадей), в которых объединить лучшие из до сих пор появившихся в Германии статей и речей революционных вождей об опыте, уроках, пережитом в ходе гражданской войны, а также о теории революционной войны.

2. «Роте фане» в принципе должна предоставить свои выходящие один раз в две недели дискуссионные приложения и, кроме того, свои литературные колонки для военно-политической тематики и в дальнейшем отдавать предпочтение этим вопросам. Обязать прессу в провинции незамедлительно перепечатывать в той же последовательности статьи по данной тематике, появляющиеся в «Роте фане»... Изложение темы «Гражданская война» в прессе должно быть подчинено гарантированному предварительному контролю со стороны центрального руководства.

3. Партия решительно настаивает на активном участии известных деятелей всех партий, которые уже были задействованы в вооруженных боях, в этой пропагандистской кампании. Партия осознает, что она тем самым выполняет определенную часть важнейшей интернациональной работы для всего движения. Она убедительно поддерживает всеми имеющимися в ее распоряжении средствами ту работу, которую уже в течение двух лет ведет в Москве занимающийся ею товарищ... Важно установить тесный контакт с Коминтерном в этом вопросе.

4. Партия не должна ослаблять своих усилий в духе проекта 11, предложенного ей в мае 1923 года, о работе специальной

исследовательской комиссии при Коминтерне, занимающейся этим вопросом.

5. Для учета западного опыта, который получен нами в ходе имевшей место до сих пор вооруженной борьбы в Германии, следует выбрать небольшое число надежных партийных активистов — участников этих боев, и поручить им немедленно заняться подготовкой доклада или отчета о впечатлениях об участии в этих событиях; равно как и использовать их в определенный период времени для выступлений в качестве докладчиков на собраниях членов ударных боевых отрядов «Орднер-динст» в округах, которые в организационном плане уже созрели для таких докладов».

Исполком Коминтерна довольно быстро откликнулся на записку Шотта. 13 августа для помощи КПГ в налаживании военно-политической подготовки коммунистов в Германию прибыл опытный революционер, хорошо знакомый Волльвеберу и членам ЦК партии Гуральский. В его задачу входило содействие в передаче опыта ведения гражданской войны в России, а также в военно-технической подготовке вооруженного восстания. Примерно в то же время Постоянная нелегальная комиссия ИККИ поручила Е. Ярославскому подготовить брошюры «О военной организации РКП в 1905—1907 годах», «О военной организации РКП в 1917 году».

Предпринятые меры помогли существенно улучшить деятельность компартии в ознакомлении коммунистов с опытом ведения гражданской войны и революции. Правда, с некоторым «запозданием», о чем свидетельствует совершенно секретный «Отчет руководителя военного отдела ЦК КПГ («Библиотека») Г. Шотта о работе в августе-октябре 1923 года»: «К пункту 1 (записки). ЦК решил издать сборник статей по обобщению опыта участия в гражданской войне в виде серии тетрадей. Но издание тетрадей затянулось, несмотря на то что рукопись для 1-й тетради «О гражданской войне» была готова к 10.08.23 г., а для второй тетради — к 20.08.23 г. Удалось, лишь преодолев некоторые трудности, не только чисто технические, а из-за того, что необходимость и важность идеологической подготовки была осознана центральными политическими органами с запозданием, доставить в организации тетрадь № 1 к 1 октября 1923 года и к 13 октября тетрадь № 2, тиражом по пятьдесят тысяч экземпляров каждая (в последние дни с помощью нового издания тираж каждой возрос еще на 20 тысяч экземпляров). Тетрадь № 3 в печати и поступит 19.10.23 г. для рассылки, тетрадь № 4 к 20.10.23 г. будет подготовлена к изданию.

К пункту 2. По настоянию товарищей О. Шт. (Штейнфест. — *Е. Г.*) и Роберта (Шотт) и при непосредственной помощи товарища Карла (Радек) в марте-сентябре 1923 года было получено некоторое количество статей, часть изданных Истпартом (Комиссия для сбора и изучения по истории Октябрьской революции и истории Российской коммунистической партии при Народном комиссариате просвещения РСФСР) брошюр и переданы в партийную прессу... Кроме того, по нашей инициативе, начиная с первого дискуссионного приложения к «Роте фане», одна колонка была посвящена теме «О гражданской войне», которая была задумана как основа для теоретических дискуссий по военно-политическим проблемам революционной войны и должна была привлечь внимание членов партии к этим вопросам и побудить их принять участие. Удалось поместить пять дискуссионных статей, а затем эта идея из-за недостаточной поддержки со стороны партии вновь замерла... Циркуляр во все редакции прессы партии по этому вопросу также не имел успеха. Статьи из провинции не поступают.

К пункту 3. Выполнению его, насколько мне известно, центральное политическое руководство способствовало недостаточно. Без этой работы мы до сих пор не имеем в наличии минимально необходимых для подготовительного этапа материалов. Товарища О. Ш. с сентября из отдела отозвали, и с этого времени посылка материалов прекращена.

К пункту 4. И по данному вопросу мне не известны политические шаги со стороны центрального политического руководства.

К пункту 5. На сегодня получены из четырех округов 11 отчетов, только три из которых годятся для публикации. В последнее время все же появляются признаки того, что эта работа вскоре приобретет необходимые очертания. В этих целях планируется в серии «О гражданской войне», начиная с № 5, постоянно издавать тетради с материалами отчетов и дискуссий объемом до 15 страниц, которые содержали бы только немецкий мате-

риал. В них должны публиковаться очерки борьбы и отчеты об опыте в округах, а также дискуссионные статьи, касающиеся военно-технических и организационных вопросов... Ниже приводится перечень работ и приобретений отдела с начала августа по 15 октября 1923 года.

Имеются в наличии: готовые рефераты «Общие положения о ведении войны», «Проблемы вооружения», «Чтение карты», «Реферат о пулемете», «Доклад о борьбе с бронемашинами и танками».

На стадии подготовки: рефераты, посвященные темам «Об уличных боях», «Команды и приказы для сомкнутого и рассыпанного строя» (пригодные для пролетарских сотен); «О марше и охранении на марше в ходе гражданской войны», «О технике командования во время гражданской войны»; «О полевых караулах и патрулировании», «О самом важном в деле боевой подготовки красных сотен на первой фазе гражданской войны».

Расходы: на книги — 561 517 000 М. (марок), на журналы — 46 500 000 М.; на наглядные пособия — 2 184 170 000 М.; на карты — 745 400 000 М.; общая сумма на 15 октября 1923 года — 3 537 587 000 М. К настоящему времени находятся в обращении еще около 65 долларов! Они предназначены главным образом для поставки области Берлин-Бранденбург-Лаузитц карт города Берлина со схемами, планами коммуникаций и карт генерального штаба округов страны. До сих пор снабжены округа: Лейпциг, Хемниц, Галле, Кассель, Дрезден, Цвикау, Дортмунд, Гамбург, Веймар, Штутгарт. Снабжены также руководители областей: Бавария, Юго-Запад, Вассерканте, Берлин, Западная Саксония, Рурская область.

Предложения по совершенствованию работы.

К 20 октября 1923 года все имеющиеся в наличии материалы будут посланы через курьеров в округа, еще не получившие комплектов материалов. Округа будут регулярно получать информацию о важных новинках (было предложено в каждом округе создать небольшую военную библиотеку). Работа библиотеки отдела будет и впредь развиваться за счет текущей поставки новинок в соответствии с требованиями военно-политической ситуации. Отдел карт, если того потребует обстановка, станет самостоятельным и будет подчинен центральному оперативному руководству. Работа отдела обучения ограничивается, пока

не возникнет практическая потребность, текущей теоретической работой».

Данный отчет Шотт направил в ИККИ на имя Пятницкого с сопроводительным письмом от 18 октября 1923 года, в котором сообщал, что переслал отчет в «комиссию трех» ЦК КПГ, а также выслал Пятницкому тетрадь № 3 «О гражданской войне» и просил подтвердить получение отчета и тетрадей №№ 1 и 2, посланных ранее. С отчетом ознакомился Зиновьев, сделавший на нем рукописную помету: «т. Мицкевичу-Капсукасу».

Общее руководство боевыми отрядами КПГ осуществлял военный аппарат (МА) упоминавшегося Жбиковского и его помощников в Берлине. Он состоял из пяти отделов: обучения, вооружения, разведки, абвера (контрразведки), подрывной работы. Это была серьезная структура, бюджет которой составлял 15 тысяч долларов в месяц; только освобожденных работников в ней насчитывалось 90 человек. МА имел 11 нелегальных школ и курсов, издавал тиражом 15 тысяч экземпляров подпольный журнал под выразительным названием «К гражданской войне»; руководил 18 лабораториями и мастерскими по ремонту и производству вооружения.

В конце августа на заседании ЦК КПГ принимается решение о создании Революционного комитета для подготовки всегерманского вооруженного восстания. Военный совет ревкома возглавил Вальтер Ульбрихт, в него вошли руководители окружных военных аппаратов (МА): Эрих Волленбург — округ Юго-Запад Германии, Гуче Иосиф — Берлин-Бранденбург, Август Майер — Берлин, Вильгельм Цайссер — Рур, Эрнст Шнеллер — Саксония, Волльвебер — Гессен-Вальдек, Тюрингия, Силезия.

«При подготовке восстания 1923 года была создана военная организация, — отмечает Эрнст в автобиографии. — В период с июля 1923 по май 1924 года — время моего ареста — я был руководителем военно-политической организации Гессен-Вальдек, Тюрингия и Силезия». При нем находились советские советники, опытные военные разведчики Христофор Салнынь и Петр Скоблевский.

***Справка**. Петр Александрович Скоблевский (он же Гельмут, Горев; настоящее имя Вольдемар Рудольфович Розе) родился*

в 1897 году в Риге, прапорщик царской армии. В 1918 году вступил в РКП(б), участник Гражданской войны, командир полка, бригады, награжден орденом Красного Знамени и Почетным революционным оружием. В 1919–1921 годах — командир 10-й стрелковой дивизии, окончил Курсы усовершенствования высшего командного состава. В 1922–1924 годах был на нелегальной работе в Германии, арестован немецкими властями, в 1927 году обменен. В 1930 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе, назначен командиром 16-й стрелковой дивизии. С 1932 года — военрук Северного краевого коммунистического университета общественных наук. С декабря 1934 года работал в Главном управлении гражданского воздушного флота. Уволен в запас в октябре 1937 года в звании комбрига. В 1938 году арестован, в 1939 году расстрелян. Посмертно реабилитирован в 1956 году.

Выступая на первом заседании военного аппарата в присутствии советников из СССР о положении дел в округе, Волльвебер доложил, что при всех парткомах, райкомах, комячейках созданы боевые группы и пролетарские сотни. Они поддерживают между собой постоянный контакт при помощи налаженной нелегальной сети курьеров и связников. Все отряды самообороны снабжаются актуальной информацией и материалами по военной проблематике, которые готовит «Библиотека» Шотта. Озабоченность вызывает то обстоятельство, что боевые отряды слабо вооружены. Только от 20 до 30 % боевиков имеют огнестрельное оружие. Не хватает винтовок, пистолетов, боеприпасов. Рабочие правительства в Саксонии и Тюрингии ведут себя пассивно в деле повышения боеготовности пролетарских сотен, хотя важным условием их прихода к власти было немедленное вооружение от 50 до 60 тысяч рабочих.

По просьбе Скоблевского Эрнст подготовил отчет о результатах работы окружной организации КПГ с соображениями об имеющихся недостатках, путях их устранения, и предложениями по улучшению военной подготовки пролетарских сотен. Отчет был направлен в Берлин Жбиковскому. Советники рекомендовали ему в рамках подготовки революционной борьбы подобрать в городах и селах надежные убежища, где объявленные в розыск или преследуемые боевики могли бы скрываться от полиции.

Среди трудящихся масс во всех странах Европы борьба германского пролетариата находила широкий отклик. Большую роль в организации международной кампании по оказанию материальной и моральной поддержки немецкого рабочего класса сыграл Межрабпом Мюнценберга. Его филиалы в европейских странах собирали и отправляли в Германию продовольствие, одежду, деньги. Самую существенную поддержку немецкому пролетариату оказывал Советский Союз.

13 сентября 1923 года Политбюро ЦК РКП(б) принимает постановление «в самом срочном порядке перебросить в Германию 10 миллионов пудов зернового хлеба (пшеницы и ржи)». Практическое осуществление этой помощи «возложить на комиссию в составе тт. Рудзутака, Рыкова и Красина». ВЦСПС выделил специальную делегацию для сопровождения в Германию пароходов с хлебом. Руководил ею рабочий Б. Козелев, член партии большевиков с 1910 года, председатель Нижегородского райкома партии. В делегацию входили также металлурги московского завода «Серп и Молот», рабочие фабрик Украины. Делегация была восторженно встречена трудящимися Берлина, Гамбурга, Бремена, других городов.

Рассказывая о поездке «хлебной делегации» в Германию, Козелев приводит много фактов, свидетельствующих о том, что братская помощь советских людей не только спасла тысячи немецких рабочих от голода, но и укрепила их боевой дух, веру в победу революции. Весть о помощи Советской республики всколыхнула рабочих Гамбурга. В порту, на судостроительных верфях и заводах проходили собрания и митинги с выражением глубокой признательности России за хлебную помощь. Выступая на заседании рабочих организаций Гамбурга, Э. Тельман сказал: «Русские рабочие и крестьяне не забыли и никогда не забудут, что в 1921 году, когда над их социалистическим Отечеством разразилась катастрофа голода, им была оказана помощь благодаря международной солидарности мирового пролетариата. Но германские рабочие также не забыли и не забудут 1923 год, когда русские рабочие были уже настолько сильны, что при занятии Рурской области версальскими державами, главным образом французским империализмом, они могли доставить хлеб голодающим рурским рабочим и их детям».

Буржуазия, сначала делавшая вид, что «не замечает» присланного советского хлеба, развернула затем антисоветскую кампанию против международной помощи. Но она только усиливалась. В сентябре Межрабпом направил 50 тысяч центнеров зерна и муки в Саксонию и 10 тысяч центнеров в Тюрингию в целях упрочения там власти рабочих правительств; открыл бесплатные столовые для безработных.

Страшась надвигающихся революционных событий, немецкая буржуазия форсировала переговоры с представителями Франции о капитуляции. Часть рурских магнатов предприняла попытку отколоть Рейнскую и Рурскую области и создать сепаратную Рейнскую республику. Один из руководителей сепаратистского движения, будущий канцлер Западной Германии Конрад Аденауэр заявил на митинге в Кёльне, что или Рейнская республика присоединится к Франции как буферное государство, или будет образована западногерманская республика. Сепаратисты наметили объявить о создании Рейнской республики 30 сентября 1923 года в Дюссельдорфе.

Национальное предательство сепаратистов натолкнулось на мощное сопротивление коммунистов, социал-демократов, профсоюзов, беспартийных. Рурская организация КПГ под руководством Вальтера Штеккера обратилась в магистрат Дюссельдорфа с предложением о совместных действиях по срыву намерений сепаратистов. Получив отказ, коммунисты организовали бойкот заговорщикам. Они задерживали поезда, направлявшиеся из Кёльна в Дюссельдорф, высаживали сепаратистов, разоружали их и обращали в бегство. В Дюссельдорф со всей Рурской области и соседних округов, в том числе Саксонии, Тюрингии, были стянуты ударные рабочие отряды, вооруженные самодельными гранатами. 30 сентября они атаковали сборище сепаратистов. Нескольких брошенных гранат оказалось достаточно, чтобы заговорщики в панике разбежались. Бои рабочих отрядов с полицией и французскими оккупантами, защищавшими сепаратистов, продолжались до позднего вечера. Из этих боев победителями вышли рабочие. Население Дюссельдорфа благодарило рабочие дружины за освобождение города. Провозглашение Рейнской республики было сорвано. В столкновениях с полицией, французскими военными пролетарские сотни

Гамбурга и Рура показали достойную боевую выучку, готовность к революционной борьбе за рабоче-крестьянское правительство.

Напуганное размахом вооруженного сопротивления рабочих правительство Штреземана капитулировало перед французским империализмом, прекратило «пассивное сопротивление», хотя оккупация Рура продолжалась, и бросило все силы на подавление боевых действий трудящихся. Штреземан в интервью корреспонденту английской газеты «Дейли грэфик» заявил: «Если мое правительство уйдет со сцены, ничего не добившись, тогда я, очевидно, буду последним буржуазным канцлером Германии. Тогда не только Германия, но и большая часть Европы попадет под господство большевизма».

В Берлине срочно созывается заседание правительства, на которое приглашается командующий рейхсвером генерал Ханс фон Сект. Председательствующий президент социал-демократ Эберт и канцлер Штреземан чрезвычайно нервничают. У всех на уме один вопрос: как поведет себя армия? Эберт задает Секту вопрос:

— Будет ли рейхсвер стоять за нами, господин генерал?

Следует ставший историческим холодный, лаконичный ответ:

— Рейхсвер стоит за мной, господин президент!

Коротко и ясно: армия повинуется ему, Секту, а будет ли он стоять за правительство, зависит от того, как поведут себя Эберт и Штреземан. Правительство принимает единогласное решение: на основании параграфа 48 Конституции ввести в стране чрезвычайное положение, приостановить действие статей о гражданских правах и передать полноту власти в Германии генералу Секту.

Взяв власть, военные действовали быстро и решительно. Сект назначил генералов Мюллера и Гассе военными комиссарами с диктаторскими полномочиями в Саксонии и Тюрингии, соответственно. К границам этих земель, управляемых рабочими правительствами, стягиваются войска рейхсвера. 27 сентября генерал Мюллер объявил в Саксонии осадное положение, запретил собрания под открытым небом, коммунистическую печать, ввел военную цензуру. Аналогичные запретительные меры «для наведения порядка» принимаются и в Тюрингии.

Упразднение закрепленных конституцией буржуазно-демократических прав наглядно показало слабость и разброд в пра-

вящем лагере, его неспособность удержать власть с помощью старых средств. Противоречия между трудящимися массами и господствующими классами принимали все более острые формы. На многочисленных фактах рабочие убеждались, что социал-демократ президент Эберт и буржуазное правительство Штреземана проводят враждебную народу политику. Даже некоторая часть средних слоев города и мелкого крестьянства начала склоняться на сторону революционного пролетариата и коммунистов.

К удивлению Волльвебера рабочие правительства и министры-коммунисты в них вели себя в этой напряженной ситуации довольно инертно, ограничиваясь лишь словесными протестами против запретительных действий генералов, успокаивая трудящихся обещаниями уладить конфликт мирным путем. Критикуя «товарищей в министерских кабинетах» Саксонии и Тюрингии на заседании ЦК КПГ, Эрнст упрекнул их в том, что они ведут себя как обычные парламентские социал-демократические министры-оппортунисты в буржуазном правительстве, практически ничего не делают для создания благоприятных предпосылок в подготовке революции в Германии. Эти правительства, по его словам, должны действовать как подлинно народные органы власти: вести последовательную борьбу против контрреволюционных сил, чрезвычайного положения, ограничивающего гражданские права трудящихся, вооружать массы, пролетарские сотни, чтобы выполнить задачу завоевания компартией власти в стране. Он призвал товарищей решительнее отстаивать интересы рабочего класса и КПГ, предложил выступить с воззванием к народу в связи с объявлением чрезвычайного положения и военной осадой Саксонии и Тюрингии.

В конце сентября ЦК КПГ обратился к руководству всех рабочих партий и профсоюзов с предложением об установлении единства действий в борьбе с контрреволюцией, о провозглашении всеобщей забастовки против чрезвычайного положения и правительства Штреземана. Но оппортунистические лидеры СДПГ и реформистских профсоюзов, как обычно, не откликнулись на этот призыв. Компартия обнародовала свое воззвание к рабочему классу: «Распоряжения Эберта угрожают военными судами и смертной казнью. Против кого направлены эти

страшные угрозы и мобилизация военных сил? Против изменников родины — сторонников сепаратной Рейнской республики? Эберт и Штерземан бессильны против них, так как те находятся под защитой французского оружия. Направлены ли они против фашистов и баварского правительства, которые стремятся ввергнуть Германию в гражданскую войну и расколоть ее? Нет! Все эти мероприятия направлены против рабочего класса, против Саксонии и Тюрингии!»

Наступали решающие дни в подготовке «германского Октября». Президиум Исполкома Коминтерна 21 сентября созвал в Москве совещание представителей компартий Германии, Польши, Чехословакии, Франции. Выступивший перед коллегами лидер КПГ Брандлер нарисовал оптимистическую картину революционной ситуации: пролетарские сотни насчитывают уже 250 тысяч человек, из них формируется 15 дивизий. «Мы, по нашим оценкам, имеем несколько тысяч фельдфебелей и унтер-офицеров, — убеждал он — Мы закупаем оружие и есть лишь технические трудности его распределения». Захват власти казался ему вполне реальным делом.

С его оценкой степени готовности КПГ к вооруженному восстанию не согласились Тельман и Эберлейн. «Мы думаем, что при анализе соотношения сил Брандлер переоценил наши силы, — сказал Тельман. — По моему мнению, полиция является более послушной и настроена более агрессивно и яростно по отношению к рабочим, чем части рейхсвера... Мы лишь начинаем развертывать работу по организационному и военному строительству, план, по которому первая стадия заканчивается в середине октября, предусматривает завершение второй в середине января. Поэтому неверным было бы представление, что наши пролетарские сотни в военном отношении уже существуют. Формально они есть, распределены по предприятиям, могут выступить во время демонстраций и т.д., но в военном отношении они еще не построены так, чтобы принимать их в расчет в военной стратегии в непосредственных боях... Они вообще не вооружены, в Саксонии и Тюрингии частично».

Троцкий обратил внимание немецких товарищей на необходимость соблюдения конспирации и совершенствования организационной и военно-технической подготовки: «Должен ска-

зать, что из сообщений, сделанных немецкими товарищами... я увидел, что к делу подходят слишком легко, когда речь идет о вооружении, подготовке и недооценке трудностей захвата власти... Цифры, приведенные здесь, были несколько противоречивыми потому, что нет четкого и ясного представления об этом деле. Опасность есть и в том, что некоторые товарищи говорят об этом, не соблюдая конспиративности, — например о количестве оружия. Об этом ничего не нужно говорить. (Радек: Тем более, когда его не имеют.) Тогда это — совершенно конспиративная вещь. Я вообще думаю, что вокруг есть шпики и немецкое посольство тоже, и было бы неверным говорить об этом на широких собраниях».

Поводом для замечания Троцкого о конспирации послужило, судя по всему, недопустимо открытое выступление Брандлера на съезде компартии Польши, в котором он расхваливал свои силы и фактически выдал закрытые данные о военном строительстве КПГ.

По итогам совещания и других поступающих в Коминтерн материалов о положении в Германии Зиновьев подготовил доклад «Грядущая германская революция и задачи РКП», который «с поправками Комиссией» был утвержден на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 22 сентября 1923 года. Доклад состоял из 15 тезисов: «Неизбежность и близость германской революции. Будет ли победа германских коммунистов прочной? Международное положение и шансы на победу. Что даст союз советской Германии с СССР? Соединенные штаты рабоче-крестьянских республик Европы. Германская революция и революция мировая. РКП и возможная новая война. Трудности и опасности надвигающихся событий. Наша пропаганда. Создание фонда обороны. Усиление работы в Красной армии. Концентрация сил».

Зиновьев констатирует, что «пролетарский переворот в Германии не только неизбежен, но уже совершенно близок — надвинулся вплотную. Германская компартия и Коминтерн не будут форсировать переворота. Но надо иметь в виду, что наступает момент, когда дальнейшие затяжки могут привести к разложению революционных сил, захвату власти фашистами и передаче Германии под всесторонний международный контроль антантовского империализма».

Несмотря на трудности (хозяйственные, финансовые, безработицу, внутреннюю контрреволюцию), КПГ «удержит власть» при поддержке «революционных сил европейского пролетариата» и «серьезной помощи со стороны СССР». «Союз Советской России с Советской Германией создаст новую фазу нэпа, ускорит и упрочит развитие социалистической промышленности в СССР. Общими силами обе республики в сравнительно короткое время сумеют создать такое ядро военных сил, которое обеспечит независимость обеих республик от каких бы то ни было посягательств мирового империализма».

При создавшемся положении вещей в Европе «в свете надвигающейся пролетарской революции в Германии» Зиновьев предлагает «выдвинуть лозунг — Соединенные штаты рабоче-крестьянских республик Европы». Для коммунистов этот лозунг является ничем иным, как этапом к лозунгу «Союз советских республик Европы». А поскольку к такому союзу, разумеется, будет принадлежать и СССР — к лозунгу «Союз советских республик Европы и Азии». Грядущая германская революция «приближает революцию в Европе, а затем и мировую революцию — в величайшей степени. Основной лозунг большевиков «мировая революция» именно теперь, впервые облекается плотью и кровью».

«РКП должна отдавать себе ясный отчет в том, что неблагоприятное развитие событий могло бы привести с собой опасности войны с Польшей, Румынией, Финляндией, Эстонией, Латвией, быть может, даже с Турцией, — подчеркивается в докладе. — Нет никакого сомнения и в том, что великие буржуазные державы при неблагоприятном для нас ходе событий могут попытаться сорганизовать прямую новую интервенцию против нас». Поэтому подготовка общественного мнения широчайших слоев трудящихся всего Союза к предстоящим событиям «имеет не меньшее значение, чем военно-техническая и хозяйственная подготовка. В течение 2–3 месяцев, имеющихся еще в нашем распоряжении, мы должны своей пропагандой и агитацией добиться того, чтобы не только каждый рабочий, но и каждый крестьянин понимал, насколько судьбы германской революции связаны с кровными интересами трудящихся масс СССР».

Зиновьев предлагает «создать фонд обороны страны и поддержки германской революции (разумеется, и то и другое не-

гласно). Практическое проведение этой меры следовало бы возложить на ту Комиссию по «германским» делам, которая создана Политбюро». Главнейшая задача РКП заключается в том, чтобы «добиться абсолютного полного единства понимания задач, концентрации сил, в решающий момент напряжения последнего мускула для достижения цели».

Вдохновленное поддержкой Москвы в «грядущей революции», руководство КПГ решает, что «настал момент» для захвата власти. Волльвебер и руководители других окружных военных аппаратов спешно готовили боевые сотни для вооруженного восстания. Отобранным боевикам приказали в целях конспирации оставить компартию и вступить в нелегальные «аппараты». Они перебирались в «убежища», оборвав все связи с товарищами и друзьями. Их вооружали винтовками, револьверами, ручными гранатами. На глухих окраинах или в лесах советские военные специалисты занимались с ними боевой учебой.

После доклада из Берлина о формировании костяка военных бригад для революции Москва направила в Германию вторую партию высокопоставленных инструкторов, которым поручалось руководство «германским Октябрем». Есть документальные свидетельства того, что в Германию рвался Троцкий, чтобы «как солдат революции» помочь КПГ организовать вооруженное восстание. Аналогичный жест сделал и Зиновьев, заявивший, что он, председатель Исполкома Коминтерна, больше подходит для этого дела, чем Троцкий. В спор вмешался Сталин, сказав, что отъезд двух членов Политбюро развалит работу руководства в стране.

Вопрос о революционной ситуации в Германии обсуждался на комиссии Политбюро ЦК РКП(б) по международным делам, которая 4 октября 1923 года постановила: «Предложить посылаемым товарищам дать себе ясный отчет в том, что главной опасностью в настоящий момент является несоответствие между революционной ориентировкой верхушки Германской компартии, с одной стороны, и объективным положением и настроениями рабочих масс, с другой стороны, и что вытекающей отсюда наиболее острой и неотложной задачей подготовки к восстанию является постановка перед верхушкой КПГ определенного срока и переориентировка ее в смысле подготовки восстания к этому

сроку. Согласиться с комиссией в вопросе о назначении срока — 9 ноября с. г. Приложить все политические и организационные усилия к тому, чтобы этот срок был соблюден... Следует помнить, что по ходу событий возможно, что возникнет необходимость назначить решающее выступление и раньше предусмотренного срока.

Политбюро считает, что отправка тт. Троцкого и Зиновьева в Германию абсолютно невозможна в настоящий момент... Возможный арест названных товарищей в Германии принес бы неисчислимый вред международной политике СССР и самой германской революции. Послать в Германию тт. Пятакова, Радека, Рудзутака и Куйбышева... Предложить четверке решить по приезде в Берлин вопрос о привлечении к ее работе т. Крестинского, и в случае возможности соблюдения необходимой конспирации, привлечь т. Крестинского к участию в работе четверки, предоставляя ему на всех или некоторых своих совещаниях решающий голос. Увеличить особый фонд на 500 000 зол. рублей».

Назначение срока восстания на 9 ноября приурочивалось к пятой годовщине Ноябрьской революции и свержения монархии в Германии. Хотя Исполком Коминтерна в специальном письме доводил до германской компартии, что «полная ответственность за руководство грядущими боями находится в руках Центрального комитета КПГ», а представители ИККИ являются лишь советниками и помощниками в организации революции, реально всеми делами управляла «четверка» с «группой товарищей». Робкие попытки немецких коммунистов оспорить такое разделение функций ни к чему не привели. Представитель КПГ в Москве Эдвин Гёрнле обратился за разъяснениями по этому вопросу к Зиновьеву и докладывал в Берлин о результатах своего разговора: «Выяснилось, что теперь решения, которые русские товарищи принимают в своем кругу, будут напрямую направляться в Германию и мы, как представители германской партии, практически выведены из игры».

10 октября 1923 года Волльвебер получил газету «Роте фане», орган КПГ с необычной, броской публикацией на русском языке. Текст был напечатан на первой полосе, причем не типографским шрифтом, а написан от руки. Почерк был отчетливый, но незнакомый. Публикация (переведенная рядом на немецкий язык) гла-

сила: «Грядущая революция в Германии является самым важным мировым событием наших дней. Победа революции в Германии будет иметь для пролетариата Европы и Америки более существенное значение, чем победа русской революции шесть лет назад. Победа германского пролетариата, несомненно, переместит центр моровой революции из Москвы в Берлин. «Роте фане» может поздравить себя с серьезным успехом, ибо он оказался надежным маяком, освещающим германскому пролетариату путь к победе и помогающим ему стать вновь вождем пролетариата Европы. От всей души желаю «Роте фане» новых решающих успехов в грядущих битвах за власть пролетариата, за целость и независимость рождающейся трудовой Германии. И. Сталин».

На другой день немецкие коммунисты во всех парторганизациях оживленно обсуждали послание советского вождя. Все понимали, какое огромное значение придают в Москве революционным событиям в их стране. Особенно выделяли громкие слова о том, что победа революции в Германии будет иметь для пролетариата Европы и Америки более существенное значение, чем победа русской революции.

Руководство КПГ восприняло обращение Сталина как сигнал к развертыванию революционных выступлений. 20 октября на заседании оперативной группы ЦК «Копф» («Голова») в Дрездене утверждается план всеобщей забастовки, которая должна перерасти в вооруженное восстание. Согласно плану через два дня, в ночь на 23 октября, рабочие Гамбурга начинают забастовку в защиту Саксонии и Тюрингии, подвергшихся нападению войск рейхсвера. Тактический замысел заключался в том, что гамбургское восстание дезориентирует правящую власть в Берлине, которая с тревогой ожидала «крупных беспорядков» в этих землях, управляемых рабочими правительствами. Руководители восстания 21 октября собрали в Хемнице представителей военных организаций КПГ, в том числе Волльвебера, а также нелегальных партийных курьеров. На совещании было оглашено решение «Копфа» о начале вооруженного восстания. В Гамбург отправили члена ЦК Реммеле с поручением сообщить об этом решении Тельману и Киппенбергу.

В тот же день в Народном доме Хемница открылась конференция фабзавкомов, контрольных комиссий и других пролетарских организаций, созванная саксонским народным правительством. При обсуждении создавшегося положения многие делегаты, настроенные революционно, потребовали объявления всеобщей забастовки. Но социал-демократы выдвинули на первый план решение срочных хозяйственно-финансовых проблем, подготовив три доклада на эту тему. Лидер КПГ, начальник государственной канцелярии саксонского правительства Брандлер, министры-коммунисты финансов и хозяйства Бётхер и Гекерт не возражали против такой повестки конференции, хотя обязаны были настаивать на первоочередном обсуждении решения компартии о забастовке.

Для характеристики обстановки в Саксонии интерес представляет письмо из Дрездена от 15 октября 1923 года в Исполком Коминтерна (имя его автора не установлено): «Работа происходит в крайне неблагоприятных условиях. Кругом шпики от центрального правительства, от генерала Мюллера и от фашистских боевых организаций. Мер предосторожности никаких. Всех можно перестрелять в любой момент, хотя полиция починена Генриху (Брандлер. — *Е. Г.*) и в полицай-президиуме имеются свои люди, тем не менее гарантий никаких нет... После каждого заседания приходится тратить часы, чтобы уйти от шпиков... Главная беда, что парализует партию, — это разгром всей прессы — нелегальные газеты выходят, но в крайне недостаточном количестве... Нужно на это обратить особое внимание, иначе Саксония и Тюрингия будут отрезаны не только от Европы, но и от Германии... Есть ряд распоряжений прусских властей, имеющих задачей немедленно зажать в голодные тиски революционную часть Германии. В этих условиях вопрос о хлебе, о котором шла речь в Москве, приобретает исключительное значение... Организационно-политическое разложение профсоюзов за последнее время крайне обострилось. Профсоюзная пресса сократила свой тираж и размеры за отсутствием денег. Издаваемые коммунистами бюллетени идут нарасхват».

Судя по всему, письмо составлялось по свежим следам, и оппортунизм Брандлера, которому «подчинена полиция», просматривается в нем на конкретных фактах. Английский коммунист У. Галлахер, участвовавший в работе Хемницкой конференции, резко осудил политику брандлеровцев: «Я присутствовал на кон-

ференции в качестве гостя. В зале шли заседания, на улице происходило обучение Красной гвардии. Председательствовал коммунист, член саксонского правительства, но с речами выступали социал-демократы, даже не помышлявшие о том, чтобы вступить в бой. Я был поражен и возмущен. Когда я спросил, где же руководители Германской компартии Брандлер и Тальгеймер, которые должны были направлять конференцию по революционному пути, мне сказали, что они где-то наверху. Я поднялся наверх и нашел их. Брандлер и Тальгеймер сидели за столом и выглядели очень занятыми людьми. Оказалось, что они готовили манифест, обращенный к... английским рабочим, коим предлагалось защищать «свободную Германию», которую нужно было еще завоевать! Они занимались этим в те часы и минуты, когда внизу предавали германскую революцию, обращались к английским рабочим, когда уплывала возможность обратиться к германским рабочим».

В то время как министры-коммунисты обсуждали хозяйственные вопросы, а Брандлер с Тальгеймером готовили нелепое обращение к английским рабочим, противник действовал решительно, политически и тактически грамотно. Генерал Мюллер потребовал незамедлительного прекращения деятельности и разоружения пролетарских сотен, подчинения закону об осадном положении. Получив отказ, предъявил ультиматум саксонскому правительству и 21 октября ввел войска в Дрезден, Лейпциг и другие «бунтарские» города и села Саксонии. Рабочие и коммунисты повсеместно пытались оказывать сопротивление карателям. На улицах Хемница до поздней ночи происходили многолюдные демонстрации и митинги протеста. Полиция, подчиненная Брандлеру, при поддержке военных нападала на безоружных протестантов, проводила массовые аресты, избивала и убивала вооруженных рабочих. По данным министерства внутренних дел, только в Хемнице было арестовано 1200 человек. Во Фребурге рейхсверовцы расстреляли 34 рабочих.

То ли устыдившись, то ли испугавшись своей бездеятельности, Брандлер под конец конференции выступил с предложением об объявлении в Саксонии всеобщей забастовки. Социал-демократы высказались против, пригрозив покинуть конференцию, и Брандлер снял предложение о забастовке. По окончании заседания он собрал представителей парторганизаций КПГ и сообщил, что вооруженное восстание «откладывается». В Гамбург был послан второй курьер с новой директивой, но он прибыл туда, когда восстание уже началось.

В тот день, когда в Хемнице заседала конференция фабзавкомов, в Гамбурге собралось профсоюзное собрание рабочих судостроительных верфей Северной Германии. Большинство делегатов требовали в ответ на локаут магнатов объявить забастовку всех судостроителей. Докеры Бремена, Киля, Любека, Ростока, Штеттина уже бастовали несколько дней. Только благодаря исключительному авторитету Тельмана общую забастовку удалось временно отложить. Тельман был связан указанием ЦК КПГ о недопустимости частичных боев перед решающим выступлением.

Вечером 21октября в Гамбург из Хемница прибыл долгожданный курьер ЦК КПГ Реммеле с директивой объявить всеобщую забастовку и начать вооруженное восстание. Тельман незамедлительно собрал заседание руководства Приморской организации компартии, зачитав доставленное курьером воззвание Всегерманского исполкома фабзавкомов к рабочему классу: «Промедление смерти подобно. Необходимо начать забастовку одновременно по всей стране, ибо изолированная борьба рабочих Средней Германии может привести к поражению. Исходя из этого необходимо провести следующие мероприятия: 1. Немедленно собрать заседания городских комитетов, фабзавкомовские рабочие собрания на предприятиях для принятия решений о всеобщей забастовке. Руководство забастовками возлагается на фабзавкомы. 2. Особое обращение к железнодорожникам! Делом чести для железнодорожников будет немедленно объявить забастовку и, таким образом, сделать невозможной дальнейшую переброску частей рейхсвера и фашистских отрядов. 3. Все организации пролетарской обороны должны быть приведены в боевую готовность. Необходимо подготовиться к любым случайностям. 4. С сегодняшнего дня объявляется мобилизация пролетариата. Товарищи по классу, способные носить оружие, обязаны немедленно явиться в организации пролетарской обороны. Рабочие дружины должны удвоить и утроить свои ряды. 5. Контрольные комиссии и рабочие кооперативы должны со-

вместно разработать мероприятия по снабжению трудящихся масс продовольствием.

Товарищи по классу! Нам предстоит длительная и ожесточенная борьба. Это не будет повторением Ноябрьской революции 1918 года. Буржуазия также в течение многих лет готовилась к этой решающей борьбе. Наступил решительный час! Одно из двух — или трудовой народ спасет Среднюю Германию, превратит Германию в рабочую республику, которая заключит союз с Советской Россией, или наступит неслыханная нищета, рабочее движение будет отброшено назад на десятилетия и наступит эра белого террора по венгерскому и итальянскому образцам. Трудовой народ Германии! Свергайте двойной гнет ростовщиков и генералов! Все на улицу!»

Утвердив подготовленный план вооруженного восстания, руководство Приморской организации КПГ принимает первое важное решение — немедленно остановить работу железнодорожного транспорта, чтобы помешать переброске войск и боеприпасов противника. Главный упор делался на внезапность выступления, вооружение рабочих путем нападения на полицейские участки с целью завладения находящегося в них оружия и боеприпасов. Боевики провели тщательную разведку тех полицейских участков, которые предстояло атаковать, изучили подступы к ним, планы зданий, местонахождение складов оружия, расположение постов. Была разработана система связи, указана дислокация главного штаба восстания. Выполнение первой части плана поручалось ударным боевым отрядам «Орднер-динст» (ОД). Они состояли из проверенных, закаленных в классовых боях коммунистов. Среди них было много участников Первой мировой войны с опытом военных сражений. ОД имели единое руководство, четкое построение: восемь дружинников во главе с командиром составляли группу, четыре группы — отделение, четыре отделения — взвод. Каждому взводу придавались велосипедист-связной, санитар (из рабочего санитарного добровольного союза), два мотоциклиста и несколько разведчиков (в основном женщины).

Одна из боевых групп ОД по приказу ревкома в ночь с 22 на 23 октября разобрала часть железнодорожного полотна между Гамбургом и Любеком. Одновременно были атакованы полицейские участки. Наступление было настолько внезапным

и стремительным, что во многих случаях полицейские не успели взяться за оружие и сдавались без боя. 17 полицейских постов оказались в руках повстанцев. Вооружившись, рабочие заняли мосты через Альстер, препятствуя продвижению полиции.

Участник гамбургского восстания, моряк, соратник Вольвебера по революционной и разведывательной деятельности Ян Валтин в своих воспоминаниях так описывает нападение на один из полицейских постов: «Наконец, наступил день, когда состоялось тайное собрание всех комитетов действия. На этом собрании лидер гамбургской организации компартии Эрнст Тельман заявил:

— Мы не должны останавливаться ни перед чем. Решительные действия меньшинства поднимут боевой дух масс. Если какие-то экипажи откажутся бастовать, применяйте силу. Проникайте на суда и спускайте пары. Партия вместе с вами со всеми своими ресурсами. За моряками последуют все остальные докеры, рабочие судоверфей и железнодорожники. Самое главное — мы должны убедить массы, что в борьбе за власть нет других средств, кроме забастовки и вооруженного восстания.

Я был назначен в седьмую пролетарскую сотню Гамбурга. Состояла она главным образом из моряков, которые гордо называли себя «красными моряками», и Тельман считал это подразделение одним из лучших на всем северо-западном побережье... Нашей задачей было разгромить полицейский пост № 42. Мы пошли двумя цепочками по обеим сторонам улицы. Из телефонной будки я позвонил в полицию: «Скорее приезжайте. Здесь три грабителя взломали галантерейный магазин» — и назвал адрес в противоположном конце района, чтобы отвлечь часть полицейских с поста... Мы бросились к полицейскому участку, готовые убивать, прежде чем убьют нас. Не обошлось без кровопролития. Кто-то за моей спиной не выдержал напряжения, выстрелил из пистолета и заорал. Это насторожило полицейских. В участке погас свет, раскрылись окна и началась стрельба. Я видел, как два моих товарища упали. Один из них стонал и корчился, как сбитый автомашиной пес. В узком дверном проходе стояли два полицейских, и из их рук вырывались языки желтого пламени. Неподалеку молодой грузчик в заплатанном свитере выдернул чеку гранаты.

— Назад! — хрипло заорал он и стал считать: — Двадцать один... двадцать...

Прогремел взрыв, и вход был расчищен. Грохот взрыва еще стоял у нас в ушах, когда мы бросились вперед. Помещение было заполнено дымом. Один из полицейских еще стрелял, лежа на полу. Грузчик пнул его тяжелым ботинком в лицо. Другой полицейский получил тяжелое ранение в шею и под столом истекал кровью. Кто-то включил свет. Трое оставшихся в живых полицейских сгрудились в углу, высоко подняв руки. Грузчик вошел в раж:

— Расстрелять всех! Всю эту банду убийц!

Я удержал его. Было решение партии брать пленных в качестве заложников. Мы сковали полицейских вместе их же наручниками».

По приказу Тельмана, который еще день назад с большим трудом удерживал докеров от преждевременного выступления, на улицы Гамбурга под лозунгом «За рабоче-крестьянское правительство» вышли 40 тысяч рабочих, судостроителей, безработных. Бастующие прорвали полицейские кордоны и пробились к центру города. Настроение у повстанцев было торжественное. Люди шли в бой с полным осознанием своего долга. В Бармбеке восставшие обстреляли 23-й полицейский участок и ворвались внутрь здания. Захватив оружие, рабочие отправились к 32-му участку. Уже издали повстанцы заметили постового перед входом в участок. Командир отряда приказал дружинникам остановиться, подошел вплотную к полицейскому и спросил у него, сколько времени. Не успел постовой вытащить из кармана часы, как ему заткнули рот и скрутили назад руки: «Объявлена всеобщая забастовка, — заявил ему командир, — ведите себя спокойно и следуйте за нами». Дружинники ворвались в участок, разоружили находившихся там полицейских, посадили их в камеры предварительного заключения, объяснив, что власть перешла к пролетариату, образовано рабочее правительство, которому следует подчиняться.

23 октября в 7 часов утра штаб восстания отдал приказ приступить к постройке баррикад. В течение нескольких часов улицы Гамбурга покрылись густой сетью баррикад, в сооружении которых приняло широкое участие население города, в том

числе женщины и подростки. Один из тайных агентов полиции, наблюдавший возведение баррикад в Бармбеке, доносил начальству: «С часами в руках я видел, что баррикада перед домом, в котором я находился, была сооружена за 9 минут. За это время спилили два старых дерева, разрыли мостовую, вырыли окоп для стрельбы с колена. Среди строивших баррикады было много женщин в мужском платье и юношей».

Только в районе Бармбека было построено 58 баррикад: «Не было улицы в Бармбеке, не было переулка, щели, лазейки, которые не преградили бы двумя-тремя заторами, — писала Лариса Рейснер. — Они вырастали как из-под земли, размножались с невероятной быстротой. Нет пил и лопат — их достали. Обыватели были привлечены к земельным работам, потея, таскали камни, ломали мостовые и самоотверженно пилили священные деревья общественных садов... Баррикада мужественно принимает весь яростный слепой огонь, который войска обрушивают на своего невидимого противника. Да, вот еще новая черта, совершенно изменившая пейзаж гражданской войны, всю ее стратегию и тактику. Рабочие не дерутся, почти не дерутся больше на улицах, которые они всецело предоставили полиции и войскам. Их новой баррикадой, огромной, каменной, с миллионами тайных проходов, с миллионами надежнейших лазеек, является весь рабочий город в целом, со всеми своими подвалами, чердаками и жилищами, каждое окно первого этажа — бойница этой неприступной крепости. Каждый чердак — батарея и наблюдательный пункт... Только этим объясняются совершенно ни с чем не сообразные потери правительства, в то время как рабочие в Бармбеке едва насчитывают десяток раненых и 2—5 убитых... Все попытки регулярных войск захватить Бармбек во вторник разбились именно о разбросанный, невидимый, неуловимый строй стрелков, спокойно выбиравших себе мишень откуда-нибудь из окна второго этажа, в то время как внизу беспомощная оголтелая толпа полиции буквально заливала огнем пустые баррикады...»

Героическое восстание гамбургских рабочих показало, что борьба за «германский Октябрь» осенью 1923 года могла увенчаться победой. Три дня, с 22 по 24 октября, повстанцы мужественно сражались с частями рейхсвера и полиции, доказав, что пролетариат может успешно бороться против превосходно

организованного, вооруженного контрреволюционного государственного аппарата. На совещании в Берлине по разбору военных операций в Гамбурге было признано, что во время «гамбургских беспорядков» проиграли сражение не рабочие, а полиция. Полковник Каупиш, в частности, заявил: «Спаси нас, господи, от такого несчастья, от такого поражения полиции в Гамбурге». Подполковник гамбургской полицейской службы Гартенштейн отметил целеустремленность и новую боевую тактику повстанцев: «Из трех боевых эпизодов (вооруженные бои рурских рабочих в 1920 году, мартовские бои 1921 году в Средней Германии и октябрьское восстание в Гамбурге) самое большое значение имеют события 1923 года в Гамбурге. Здесь мы встретились с более опытным противником. Повстанцы применили во время боев свою новейшую технику. Эти события поэтому заслуживают самого серьезного изучения». К сожалению, из-за предательской позиции группы Брандлера восстание в Гамбурге оказалось изолированным, никто его не поддержал.

Вечером 24 октября в Гамбурге состоялось заседание штаба восстания. К этому времени от второго курьера ЦК КПГ Ф. Геккерта были получены исчерпывающие сведения о положении дел в стране, об отмене решения о всегерманском вооруженном восстании. Нужно было отступать, причем в полном порядке, сохраняя людей и оружие. Тельман с присущей ему трезвостью высказался за прекращение борьбы, определив задачи партии в условиях подполья. На следующий день всем парторганизациям было разослано его письмо: «Нашим товарищам! Нелегальное положение нашей партии заставляет нас более чем когда-либо всеми силами стремиться к тому, чтобы все наши функционеры и рядовые коммунисты укрепили связь с трудящимися массами, поднять их боевой дух, укрепить их веру в победу нашего дела... Развитие во всей Германии пошло по другому пути, не так, как это ожидалось... В Саксонии предложение о всеобщей забастовке из-за левых лидеров Объединенной социал-демократической партии было отклонено, то же самое произошло в Берлине. Не слышно, чтобы где-либо происходили в Германии крупные забастовки... Борьба не окончена, она только прервана. Эта борьба вдохновляет нас, весь рабочий класс, на новые революционные дела... Ситуация в стране все еще обостряется... Помещение комитета коммунистической партии занято полицией... Повсюду происходят аресты. Все наши товарищи должны сделать все, что от них зависит, чтобы выполнить решения партии. Быть на боевом посту — это сейчас святой долг каждого коммуниста. С коммунистическим приветом, Эрнст Тельман».

Волльвебер, читавший это письмо с болью в сердце за судьбу гамбургских товарищей, негодованием на оппортунизм Брандлера, в своих воспоминаниях признается, что у него на всю жизнь осталась в душе неизгладимая горечь от того, что он не смог поддержать восставших моряков Гамбурга: так реален, так близок был тогда миг революционного перелома в истории Германии, и он не произошел.

Подавив восстание в Гамбурге, президент Эберт и канцлер Штреземан 29 октября подписали указ о роспуске рабочих правительств в Саксонии и Тюрингии. Генерал Мюллер потребовал от министров освободить помещения правительственного особняка, но они этому не подчинились. Бывший министр финансов Пауль Бётхер (КПГ) вспоминает: «Я, подражая известному деятелю Великой французской революции Мирабо, ответил: «Мы здесь по воле народа, и я уступлю только силе штыков»... Через несколько минут в кабинет ворвалась группа рейхсверовцев во главе с майором, и мой собственный заместитель, указав на меня пальцем, сказал майору: «Это тот, кого вы ищете. Берите его». Я был тут же арестован. Только после ареста я по-настоящему понял указание Ленина о том, что рабочие не могут просто взять в свои руки старый буржуазный государственный аппарат... Из 487 служащих министерства я мог опереться только на нескольких уборщиц и истопника».

Дальнейшие события еще раз показали, как буржуазия и ее приспешники в лице социал-демократических лидеров, президента Эберта отбрасывают парламентаризм, демократические права и свободы. Коммунистическая партия Германии была запрещена. Рейхсверовцы разгромили районные и окружные организации компартии, редакции коммунистических газет, закрыли дома левых профсоюзов, провели массовые аресты рабочих и повстанцев.

О размахе развернувшейся реакционной кампании преследования коммунистов говорит краткое автобиографическое

замечание Волльвебера: «Из Касселя я был вынужден бежать ввиду приказа об аресте в связи с чрезвычайным положением 1923/24 годов».

Обстановку в Германии по свежим впечатлениям описывает в своем первом отчете в Политбюро ЦК РКП(б) Радек 26 октября 1923 года: «Я приехал в Дрезден в понедельник 22-го и нашел следующее положение: Саксония фактически уже занята войсками рейхсвера в количестве 40–50 тысяч солдат, не считая постоянного гарнизона в 10 тысяч штыков. Совместно с рейхсвером было двинуто большое количество фашистов в штатском. Передвижение войск не встретило ни малейшего отпора со стороны железнодорожников. Они считали, что переброска направлена против Баварии, которая совершенно формально отказалась подчиняться центральному правительству... Мне бросилось в глаза, что пребывание ЦК в Дрездене означает отсутствие ЦК вообще. Брандлер находится весь день на заседании правительства вместе с Бётхером и Геккертом. Остальные члены ЦК бегали, как овцы... Доклад военруков дал следующую картину: в Саксонии в наших руках 800 винтовок, в Берлине — 361. В Гамбурге бросились в бой голыми руками, вовсе не имея оружия... Военрук Вольф (Скоблевский. — *Е. Г.*) страстно возражал против выступления, заявляя, что оно означает верный разгром... Я занял следующую позицию. Мы исходили из предпосылки, что в лице саксонского и тюрингского правительств мы имеем реальный фактор силы, опирающийся на известную вооруженную массу. Мы были намерены взять власть сперва в Саксонии и притянуть на ее защиту рабочих других областей. Второй предпосылкой мы считали скопление в руках партии такого количества оружия, которое позволило бы броситься на склады... Центральное руководство партии в техническом отношении совершенно дезорганизовано благодаря перекочевке в Дрезден и обратно... Денежный фонд на вооружение исчерпан. Сегодня встречаюсь с Арвидом (член руководящей «четверки» Г. Л. Пятаков. — *Е. Г.*), разработаем весь план действий... Не буду рассказывать Политбюро о состоянии нашего заграничного коминтерновского и другого аппарата, замечу только, что по сей день сижу без паспорта и без квартиры».

Вечером 29 октября был опубликован последний документ саксонского рабочего правительства, в котором оно наконец

призвало рабочих ко всеобщей забастовке. Но было поздно, под угрозой штыков рейхсвера ландтаг (земельный парламент) Саксонии «избрал» нового премьера правительства правого социал-демократа Фелиша, который под предлогом «наведения порядка» запретил проведение массовых собраний. Тем не менее 30 октября рабочие и служащие Дрездена, Хемница, Лейпцига, других городов начали забастовку, но она носила скорее демонстративный характер, не превратившись в массовое революционное выступление, и быстро сошла на нет.

Радек 29 октября отправляет «в Политбюро ЦК РКП(б) и Исполком Коминтерна» второй большой отчет «о положении в КПГ» из Берлина: «Я думаю, что уже в состоянии дать общую оценку положения и попытаюсь это сделать самым конкретным образом.

а) Внутреннее и внешнее положение германской буржуазии. Оно ухудшается с каждым днем. Безработица растет, как доказательство падения экспорта. В Рурском бассейне работы еще не начались, правительство не в состоянии финансировать поставок для репараций, промышленники, кроме главных групп, в больших финансовых затруднениях... В связи с этим растет и политический развал. Бавария обнаглела до последних границ, она знает, что имперское правительство ничего против нее предпринять не может... Промышленники в Рейнской области, которые не пытаются захватить ратушу, но которые подготовляют сделку с Францией, подготовляют особую валюту, вот серьезный сепаратизм. Правительство идет ему навстречу, дабы не иметь его против себя. Точно так же, как оно легализовало фашизм при помощи закона о военном положении, так же точно оно пытается избегнуть поражения в борьбе с сепаратизмом, уступая ему... Штреземан, видимо, намерен ориентироваться вполне направо. Это доказывает речь в Гааге, выдержанная в вполне националистических тонах, и ультиматум Саксонии. Штреземан знал, что саксонское правительство находится перед распадом, что коммунисты из него уходят, ибо им нельзя быть фиговым листком диктатуры генерала Миллера.

б) Положение в рабочем движении. В бой рвутся безработные, работающие частично или те, которые боятся завтра потерять работу. Боя боятся те, которые имеют еще малейшую наде-

жду спастись от голодной катастрофы. Рабочая масса буквально фастикирована (от слова *fasten* (нем.) — поститься. — *Е. Г.*) куском хлеба. Часть пролетариата, находящаяся в отчаянном положении, рвется в бой. Но она представляет меньшинство. Другая часть мечется, ищет еще выхода без боя. Это было причиной, почему в Хемнице не удалось провести решение о всеобщей забастовке... Правые социал-демократы используют это нерешительное настроение большинства рабочих. В каком направлении пойдет развитие, зависит от вопроса, наступит ли экономическое улучшение или ухудшение. Я убежден в этом последнем. Но прежде еще, чем это общее ухудшение наступит и сомкнет ряды рабочих, авангард, который находится в отчаянном положении, может втянуть нас в самые решительные бои.

в) Политика КПГ и положение в партии. Партия переживает теперь жесточайший внутренний кризис. Причины, как мы их с Арвидом установили на заседаниях ЦК и Берлинской организации, следующие: Представительство Централе дало в Москве совершенно нереальную картину подготовки партии. Все, что рассказывал Брандлер о состоянии вооружения, есть сущий вздор. Если мы бы знали, что в партии ничего не подготовлено для восстания, то мы бы в сто раз больше говорили о подготовке, чем о сроке... В том же духе работал Кляйне (Гуральский. — *Е. Г.*), державший в своих руках аппарат влияния на пролетарские сотни. Серьезной же подготовки не было и не могло быть. Не потому, что время не позволяло, а потому, что и названные выше оба товарища, и левые не понимают значения технической подготовки. Они ведут политику «на авось» и приукрашивают ее утверждением, что оружие нельзя купить, что оно добывается в бою... В Саксонии мы оказались в дураках. Никакой силы правительство не представляло, никого мобилизовать не могло. Боя не приняло... Добавьте к этому полнейшее отсутствие связи ЦК с районами, отсутствие конспиративных квартир для работ ЦК и полную дезорганизацию верхушки. Из провинции приезжают люди, днями бегают по городу и не могут найти ни одного цекиста... В субботу 27 и воскресенье 28 октября мы с Арвидом имели свидание с пятью представителями Берлинской организации... Они затребовали ухода Брандлера из ЦК, улажения дела Маслова в две недели, ибо он есть настоящий руководитель партии. Мы дали соответствующий отпор, заявили, что не ручаемся, будет ли дело Маслова улажено и в два месяца, пригрозили напечатанием факсимиле масловского документа. Когда наш решительный отпор вызвал в них смятение, мы заапеллировали (так в документе. — *Е. Г.*) к их сознанию долга.

Вчера мы собрали руководящую цекистскую семерку, предложили ей набросок основной резолюции и план работы. Созываем партийную конференцию для выяснения ее линии действий. Наша резолюция была принята голосами: Брандлер, Тальгеймер, Вальхер, Кляйне (который проделал все движения маятника) и, чего я не ожидал, Рут Фишер... Против резолюции голосовали Пик и Эберлейн, которые заангажировались своей болтовней перед организацией, хотели играть непримиримых... Главное изменение, которое надо внести в работу партии, состоит в следующем: партия кричала о восстании, не подготовляясь. Надо начать эту подготовку на всех парах. Выделяем из ЦК группу из пяти человек, в которую сверх пяти войду я с Арвидом. Всех прочих цекистов, которые ходят, как овцы, без дела и разлагаются, ставим во главе округов или отделов работы, а именно: железнодорожного, профессионального, фабзавкомовского, сельской работы, работы среди чиновников, закупки оружия, военного руководства, разложения войск противника, связи и разведки, агитации и пропаганды... Партия не может ждать восстания, ничего не делая. Нету подготовки восстания вне активной политики. Чистое ожидание усилит врага, разложит партию неверием. Вводить партию центрально в бой при данном ее состоянии и состоянии рабочего класса — это значит разгромить ее на годы.

г) Наши требования к вам. Посылка Васи (Василий Шмидт — комиссар труда СССР, член руководящей «четверки» эмиссаров. — *Е. Г.*) взволновала меня. Я знаю все его хорошие стороны, но нельзя в руководство группы включать товарища, который не является членом русского ЦК. Всякий немецкий товарищ запросит, почему этот товарищ не считался годным для руководства русской партии, хотя русскую обстановку знает лучше немецкой, а должен руководить немецкой партией. В таких назначениях партия увидит только ослабление серьезного отношения русского ЦК к делу. Арвид такого же самого мне-

ния... Вас же, от своего и Арвида имени, прошу немедленно перерешить ваше решение относительно Васи. Настаиваю на посылке товарища Р. (Рудзутак, его кандидатура первоначально была намечена в состав «четверки», однако из-за болезни позднее его заменил В. Шмидт. — *Е. Г.*) Если состояние его здоровья это не разрешает, то я лично предлагаю члена ЦК товарища Х. (М. М. Харитонов — член партии большевиков с 1905 года, в 1922–1924 годах — секретарь Уральского бюро ЦК партии. — *Е. Г.*), уральца, нашего друга из Цюриха. Его сможем двинуть на берлинскую работу. Дальше. Нам нужен кропотливый военный организатор, днем и ночью проверяющий, что делается. Таким я считаю У. (И. С. Уншлихт. — *Е. Г.*), моего соседа по коридору. В-третьих, нам нужен гибкий военный с громадным охватом разнообразия отношений. Наконец, после получения этого письма прошу высказаться насчет линии, нами принятой. Мы абсолютно единодушны в ней. Само собой понятно, мы нуждаемся в вашей санкции».

В конце отчета Арвид (Пятаков) сделал примечание: «Письмо составлено по согласованию содержания его со мною. Считаю, что внутрипартийное положение еще более трудное, чем его обрисовал Андрей (Радек), кризис очень острый. В Берлине дело обстоит из рук вон плохо». В личном письме Сталину 1 ноября Пятаков объясняет, почему он так считает: «Три основных факта внушают мне сильнейшую тревогу: 1) партия, 2) вооружение, 3) рабочий класс.

а) Внутрипартийный кризис приобрел неслыханную остроту... Целую неделю ЦК был в нетях (переезд из Дрездена, неналаженность нелегального аппарата и т. п.). В результате оппозиция бешено атакует ЦК. Дошло до того, что на 31. X берлинцы созвали без ведома ЦК партийное совещание не только Берлина-Брандербурга, но и Гамбурга, Мекленбурга, Тюрингии и пр., т. е. фактически созвали конференцию для раскола... Два берлинских округа вынесли постановление об исключении Брандлера из партии... По сути дела ряд «левых» надо выбросить из партии, но сейчас это делать нельзя. Кстати: это вовсе не левые, а оппортунистические болтуны с левыми фразами... Это усугубляется тем, что ЦК слаб, наделал действительно кучу ошибок, и тем, что нелегальный аппарат партии действует из рук вон плохо.

б) Вооружение. Достаточно сказать, что мы имеем: 11 000 винтовок, 2000 револьверов и до 1 1/2 сотни пулеметных пистолетов. Это — важнейшая задача...

в) Рабочий класс вовсе не так единодушно активен и вовсе не целиком идет за ЦК. Достаточно сказать, в тех случаях, когда социал-демократы против, значительные слои рабочего класса не выступают... Конечно, тяга к нам громадна. Но этот процесс еще не дошел до того, что мы можем сказать: мы ведем рабочий класс... Для меня ясно, что чем бешенее мы поведем атаку против социал-демократов, тем скорее этот процесс пойдет... Я же считаю себя обязанным добавить, что наша армия еще не собрана для нанесения решительного удара. Это печально, но факт... Величайшее заблуждение, будто с рейхсвером ничего нельзя сделать. Можно сделать. Уже есть конкретные факты маленьких бунтиков, у нас имеются связи и т. п. Надо только во много раз усилить эту работу».

Судя по этим замечаниям, поражение германской революции в октябре 1923 года вызвало серьезные разногласия в Политбюро ЦК РКП(б), руководстве Коминтерна, КПГ в оценке и дальнейших действиях подготовки «германского Октября». Радек возлагал вину за фиаско на «цекистов дезорганизаванной верхушки» компартии, а также «группу товарищей», которые не обеспечили должное руководство восстанием. В данном случае он имел в виду прежде всего Гуральского, который на заседании Берлинской организации КПГ выразил категорическое несогласие с мнением Радека. С ним солидаризировались Гуго Эберлейн, Рут Фишер, Вильгельм Пик. Несмотря на неудачу в Саксонии, Гуральский продолжал настаивать на решительных действиях, за что и поплатился. Радек «под собственную ответственность перед ЦК РКП(б)» снял его «с немецкой работы». В переданной ему записке не содержалось объяснений такого решения, указывалось лишь: «Гуральскому немедленно прервать свою деятельность и подготовить отчет о своей работе с 13 августа». О дне его отъезда в Москву Радек намеревался известить позже. Выразив недоумение «серьезностью наказания», Гуральский заявил о намерении обжаловать это решение в руководстве Коминтерна.

О том, что во взаимоотношениях руководящей «четверки» эмиссаров с «группой товарищей» и руководством берлинской

резидентуры возникли неполадки наглядно свидетельствует совершенно секретная «Докладная записка начальника Управления разведки Красной армии Я. Берзина члену Реввоенсовета республики И. Уншлихту» от 27 ноября 1923 года: «Согласно вашему приказанию я 13-го сего ноября выехал в Берлин для ознакомления с работой товарища Степанова (резидент Гиршфельд. — *Е. Г.*) по обслуживанию «четверки», выяснения, в какой степени имеют место дефекты, отмеченные товарищем Андреем (Радек), и принятия мер к устранению их. Мною путем ознакомления с аппаратом, обслуживающим «четверку», опроса тов. Степанова и других сотрудников установлено следующее.

1. Для встречи Андрея в Праге тов. Степанов командировал тов. Алекса, не снабдив его паспортом, так как полагал, что Андрей приезжает по высланному ему (Степановым) в Россию паспорту. Так посылка паспорта в Россию имела смысл только в том случае, если он предназначался для проезда с ним в Германию, то тов. Степанов имел основания предполагать, что тов. Андрей проедет в Прагу с этим паспортом. О посылке паспорта почтой в Берлин ему ничего не было известно.

2. Товарищу Алексу были даны на случай надобности переправить тов. Андрея нелегально из Чехии в Германию — секретные переправы Разведота (разведывательное отделение Красной армии в Германии. — *Е. Г.*), а также партийная переправа, полученная от тов. Шмереля. Тов. Андрей от нелегального перехода границы отказался и предпочел поехать с имеющимся паспортом, на который нужная виза была приготовлена.

3. Для тов. Андрея была подготовлена квартира в одном доме под Дрезденом, где его ждала специально для этого командированная тов. Эвелина (весьма надежная польская коммунистка). Найти квартиру в самом Дрездене в момент начавшихся там осложнений не было никакой возможности. Тов. Андрей, считая квартиру под Дрезденом для себя неподходящей (это затрудняло его сношения с местными руководящими партийными лицами), от пользования квартирой отказался и направился дальше в Берлин. Сопровождавшему его тов. Алексу специальная явка (кроме известных ему разведывательных явок) не была дана, так как предполагалось, что тов. Андрей остановится в Дрездене. Поэтому по приезде в Берлин пришлось на несколько часов остановиться в гостинице.

4. Высланный в Россию для тов. Андрея паспорт по известным Вам причинам не был своевременно возвращен в Берлин, вследствие чего тов. Андрей должен был в первое время пользоваться «аусвейсом».

5. По приезде в Берлин тов. Андрею была предложена квартира (три комнаты) у партийных товарищей — портных. Эта квартира абсолютно не была скомпрометирована и имела то хорошее качество, что у нее были два выхода на разные улицы. Тов. Андрею почему-то показалось, что хозяйка квартиры (старая коммунистка) его знает, и переехать на эту квартиру он категорически отказался. Не имея других свободных квартир (вторая квартира была предложена товарищу Арвиду), тов. Степанов предложил свою квартиру. Андрей этим был удовлетворен и переехал жить к тов. Степанову. За время нахождения там тов. Андрея за квартирой было установлено тройное наше наблюдение и тов. Степанову через каждые три часа доносились результаты наблюдения. Возможность провала, таким образом, была устранена...

Необходимо отметить, что по рассказам тов. Алекса состояние тов. Андрея все время нервно болезненное; из-за пустяков он страшно раздражается, делает подчас грубые выговоры обслуживающим его товарищам и придирается к мелочам. Кроме квартир под жилье членам четверки тов. Степанов должен ежедневно предоставить четверке помещения для двух-трех совещаний. Конечно, одну и ту же квартиру два раза подряд использовать нельзя и тов. Степанову приходится изощряться — где найти надежные помещения для этих собраний. Подыскание помещений затрудняется еще тем, что четверка опасается пользоваться квартирами Германской компартии. Вследствие этого тов. Степанов буквально превратился в старшего квартирьера и добрая часть его рабочего дня посвящена квартирному вопросу.

Вопрос связи. В первые дни связь действительно работала с перебоями, так как тов. Степанов не предполагал, что на его долю выпадет и обеспечение четверки связью как между собой, так и с ЦК немецкой компартии. Однако, когда требование обслуживать связью четверку было ему предъявлено, она быстро

им была налажена. В настоящее время связь уже работает без перебоев и довольно быстро...

Дефекты в обслуживании четверки квартирами, а также связью, конечно, есть, но они не зависят от доброй или злой воли тов. Степанова. Тов. Степанов, как я убедился, прекрасно понимает лежащую перед ним задачу по обслуживанию четверки и делает все от него зависящее, чтобы исправить имеющиеся дефекты...

Обвинения, выдвинутые тов. Андреем против тов. Степанова, в значительной степени носят теоретический характер и совершенно верно, что, абстрактно рассуждая, отдельные случаи (например, приезд в гостиницу и т. д.) можно рассматривать как вопиющее нарушение основных правил конспирации. Но практик не может действовать только по теории, а должен делать то, что позволяют условия, и я берусь утверждать, что тов. Степанов сделал все от него зависящее, чтобы удовлетворить требования четверки...

Другие члены четверки (тов. Арвид, Николай Николаевич — посол СССР в Германии Н. Н. Крестинский) поскольку мне известно — вполне учитывая трудные условия, в которых приходится тов. Степанову работать, особых претензий к нему не предъявляют... Кроме того, если аппарат тов. Степанова и впредь должен будет обслуживать четверку, необходимо обеспечить тов. Степанову максимальное содействие со стороны компартии Германии».

Как видно из этого документа, наряду с объективными сложностями, с которыми сталкивались сотрудники, обслуживающие «четверку», барские замашки, амбиции и капризы некоторых «цекистов» и руководящих деятелей из Москвы вносили серьезные затруднения субъективного характера в работу нелегального аппарата по подготовке «германского Октября», создавали прямой риск провала запланированных мероприятий. Сталин был очень недоволен капризным поведением Радека. Когда Пятаков и Радек воспротивились признавать полномочия приехавшего позже члена «четверки» В. В. Шмидта, Сталин раздраженно указывал им: «Почему не доверяете Ваське... Ничего, кроме ужимок партийных аристократов я в этом не вижу». Политбюро ЦК РКП(б) пришлось дважды подтверждать полномочия Шмидта, прежде чем он был допущен к работе «четверки».

Пятаков, говоря о причинах и виновниках несостоявшегося «германского Октября», самокритично признавал: «Фактически роль ЦК играем мы, что с моей точки зрения лишает ЦК КПГ необходимой уверенности в себе». Он направил Сталину заявление с просьбой освободить его от обязанностей в руководящей «четверке», и вернуться на работу в Москву. 22 ноября его отозвали из Берлина и назначили председателем Управления государственной промышленности.

Провал вооруженного восстания повлек за собой изменения в руководстве КПГ и политике Коминтерна. На пленуме ЦК компартии, который состоялся нелегально в начале ноября под Берлином, с резкой критикой группы Брандлера-Тальгеймера выступили Волльвебер, Пик, Тельман, Ульбрихт, Эберлейн. «В решающий момент забастовочного движения партия оказалась в заложниках трусливой, оппортунистической политики Брандлера и министров-коммунистов саксонского правительства, — заявил Волльвебер, — Они бросили на произвол судьбы мужественно сражавшихся гамбургских рабочих, виновны в гибели многих повстанцев. Предлагаю исключить их из партии». Поддержав это предложение, Тельман подчеркнул, что по вине руководства партия недооценила свою силу, не использовала на полную мощь своего влияния, чтобы повести за собой рабочий класс. С требованием отставки Брандлера выступили делегаты Берлина, Гессена, Пфальца, Рейнской области, Тюрингии, обвиняя его в капитулянтстве. Пленум организовал сбор средств в помощь семьям погибших героев гамбургских баррикад.

Брандлеровцы не только не признали своих ошибок, но продолжали их оправдывать. В ЦК произошел раскол на три фракции: большинство выступало за отставку группы Брандлера-Тальгеймера, фракция левых во главе с Аркадием Масловым и Рут Фишер предлагала вообще распустить весь ЦК и создать вместо него Комитет действия, брандлеровцы оказались в меньшинстве, почти в гордом одиночестве.

Все в компартии понимали, что выход из внутрипартийного кризиса придется искать в Москве. Находившаяся там Клара Цеткин писала 6 ноября своим товарищам по партии: «Не только для масс, но и руководства нынешний поворот событий означал падение с заоблачных высот на весьма жесткую землю.

Я убеждена, что в России он воспринимается гораздо более болезненно, нежели в самой Германии». Говоря о «болезненной» реакции Москвы на несостоявшийся «германский Октябрь», ветеран КПГ, видимо, уже знала содержание закрытого письма Исполкома Коминтерна, направленного компартии в Берлин с рекомендацией «для прочтения всем членам Центрального Комитета»: «Из вашей переоценки степени политической, технической подготовки с неизбежностью получилась также политическая ошибка. Мы здесь в Москве, как вам это хорошо известно, рассматривали вхождение коммунистов в саксонское правительство лишь как военно-стратегический маневр. Вы же превратили это вступление в политический блок с «левой» социал-демократией, связавшей руки вам. Мы представляли себе дело так, что вхождение в саксонское правительство является завоеванием известного плацдарма для того, чтобы на нем начать разворачивать силы нашей армии. Вы ухитрились превратить участие в саксонском министерстве в банальную парламентскую комбинацию с социал-демократами. В результате получилось наше политическое поражение. Хуже того: получилось нечто, очень близкое к комедии. Поражение в бою мы перенести можем. Но когда революционная партия накануне восстания попадает прямо в смешное положение, это хуже, чем поражение. Партия совершенно не вела общегосударственной политики, которая могла и должна была бы явиться вступлением к решающему столкновению. Ни одного решительного революционного шага, ни одной даже сколько-нибудь яркой коммунистической речи, ни одного серьезного шага, чтобы двинуть дело вооружения Саксонии, ни одной практической меры для создания Советов в Саксонии! Вместо всего этого «жест» Бётхера, заявившего, что он не уйдет из здания министерства, пока не выведут его силой. Нет, товарищи, так революции не подготовляют».

В письме вина за поражение КПГ в октябрьских событиях внятно и доходчиво возлагалась на брандлеровцев. Было ясно, что их дни в руководстве компартии сочтены. Но с такой оценкой был не согласен Радек, который считал решение Брандлера воздержаться от выступления разумным, и одобрил его курс на организованное отступление. Для Зиновьева возникшая конфликтная ситуация стала удобным поводом одним ударом сразу

решить две проблемы: с одной стороны, ограничить обсуждение вопроса о причинах провала рамками Германской компартии, сохранив незапятнанным честь мундира Председателя Исполкома ИККИ, с другой — осудив правых брандлеровцев и сменив руководство КПГ, лишить влияния самого главного оппонента в Коминтерне — Радека.

Выступая на XII конференции РКП(б) с докладом по вопросам международной политики, он в специально выделенном разделе «Германский вопрос» последовательно проводит линию, подводящую к нужным ему выводам: «Товарищи, после того как произошла неудача, отступление без боев, вы поймете, что при таком положении вещей неизбежен тяжелый кризис партии, более или менее радикальная переоценка ценностей. Именно в такую минуту познаются настоящие революционеры... Германская партия проходит сейчас в этом смысле через тяжелые разногласия, и вместе с ними — Исполнительный Комитет Коминтерна, а с ним вместе и ЦК нашей партии вынуждены разбираться в этих разногласиях... Товарищи из «оппозиции» на всех собраниях кроме тысячи и одного упрека против ЦК, бросали еще вдобавок упрек Исполкому Коминтерна в том, что он «погубил» германскую компартию, германский ЦК. В этом отношении особенно усердствовал т. Радек... В чем заключаются наши разногласия? Иногда распространяются неверные сведения о том, будто бы Исполком Коминтерна решил в какой-то срок произвести восстание, навязав этот срок немецкой партии. Я категорически утверждаю, что вопрос был передан на разрешение самой германской партии. Такова была наша точка зрения... После октябрьского совещания у германских товарищей создалось настроение, что завтра грянет бой. Поэтому внезапное отступление отозвалось большой депрессией и разочарованием. А тут, в связи со всем этим, саксонский тяжелый опыт... Т. Радек вместо того, чтобы указать германской партии на эту ошибку, стал в своих печатных выступлениях поддерживать правое крыло этой партии, которое хочет увековечить эту оппортунистическую «саксонскую» политику. Конечно, не надо преувеличивать этих ошибок. Германская компартия — одна из лучших секций Коминтерна, могучая пролетарская партия, насчитывающая несколько сот тысяч рабочих, партия, которая приведет к победе германский

рабочий класс. Но и она имеет свои слабости... Ошибки будут исправлены, но лишь в том случае, если ошибки будут названы ошибками...»

На заседании Президиума ИККИ в январе 1924 года вина за ошибки была возложена на Радека, Брандлера, Тальгеймера и их правых приверженцев в компартии. Провинившихся отправили в отставку, передав бразды правления КПГ левым коммунистам во главе с Аркадием Масловым и Рут Фишер. В сущности, это было сведение счетов с уже обреченными. На Пятом конгрессе Коминтерна в июне 1924 года Радека выведут еще и из состава ИККИ.

Глава VI
РАЗВЕДЧИК «ШТАЙН»

Волльвебер, близко к сердцу принимавший октябрьское отступление восстания рабочих, вынужден был смотреть на политические разборки в руководстве КПГ и Коминтерне со стороны, скрываясь от ищеек полиции в подполье. Свою позицию по внутрипартийному конфликту он ясно сформулировал на нелегальном пленуме ЦК КПГ: отставка правых оппортунистов во главе с Брандлером, избрание председателем компартии Эрнста Тельмана. Ему было известно, что руководящая «четверка» эмиссаров и представители советской разведки Скоблевский и Салнынь положительно оценивают его работу как руководителя военного аппарата в Гессене и Тюрингии. Его деловые отчеты о военно-технической подготовке пролетарских сотен привлекли внимание руководителя советской военной разведки Берзина.

В конце ноября 1923 года Волльвеберу и Цайссеру сообщили о решении Берзина направить их для учебы в Первую военную школу при разведывательном управлении генштаба Краской армии в Москве. Эрнст воспринял это как выражение высокого доверия советских товарищей к нему как коммунисту, революционеру, военному моряку, а также заботу о его безопасности, учитывая преследования, которым он подвергался за свою революционную деятельность со стороны немецких правоохранительных органов.

Цайссера, руководителя военного округа в Руре он хорошо знал по совместной работе в военном аппарате КПГ. Они вместе руководили пролетарскими сотнями во время восстания рурских рабочих против Капповского путча, оккупации Рурской области французскими войсками, октябрьских выступлений пролета-

риата; обменивались опытом организации самообороны рабочих отрядов.

Справка. *Вильгельм Цайссер родился в 1893 году в Ротхаузене под Эссеном, окончил народную школу и учительскую семинарию. Участник Первой мировой войны, лейтенант. После окончания войны работал учителем в школе Эссена, где вступил в «Союз Спартака», затем в КПГ. Во время путча Каппа в 1920 году был одним из организаторов и командиров знаменитой «Красной армии Рура», за что был арестован и осужден на шесть месяцев тюрьмы. После освобождения работал редактором коммунистической газеты «Рурское эхо», в профсоюзах.*

В ноябре 1922 года был делегатом профсоюза горняков на Втором конгрессе Профинтерна в Москве, где встречался с Волльвебером как делегатом Четвертого конгресса Коминтерна. Во время «германского Октября» руководил военным аппаратом КПГ в Рурской области. После окончания военной школы при генштабе РККА продолжал руководить военным аппаратом в Руре и округе Нижний Рейн. В 1925 году был направлен по линии советской военной разведки на нелегальную работу в Палестину. По возвращении в Германию руководил нелегальными военными курсами КПГ, редактировал нелегальный военно-политический журнал «Октобер».

В 1927–1930 годах работал по линии советской военной разведки в Маньчжурии. В 1932–1935 годах — инструктор орготдела ИККИ, преподаватель военного дела в Международной ленинской школе и Коммунистического университета национальных меньшинств Запада. В 1936 году — командир 13-й интербригады под псевдонимом генерал Гомес в Испании. В годы Второй мировой войны находился в СССР, сотрудник издательства иностранной литературы при ИККИ, редактор редакции радиовещания на Германию, преподаватель антифашистских курсов для военнопленных.

В послевоенные годы Цайссер и Волльвебер будут вместе создавать органы государственной безопасности ГДР. В 1950 году Цайссер стал первым министром госбезопасности (МГБ) ГДР. После его отставки в 1954 году этот ответственный пост займет Волльвебер. Цайссер умер в 1958 году.

В советской военной разведке с самого начала ее возникновения большое внимание уделялось агентурной работе по Германии. Из Берлина генштаб Красной армии получал важную политическую, экономическую, военно-техническую информацию, образцы современной военной техники. Добываемые военной разведкой сведения докладывались не только ЦК ВКП(б), высшим государственным органам страны, но и использовались наркоматом обороны для внесения необходимых корректив в план развития вооруженных сил СССР против вероятных противников. Понятие «вероятный противник» в 1920-е годы звучало отнюдь не риторически, оно было наполнено конкретным практическим содержанием.

В 1921–1923 годах основные усилия военной разведки направлялись на сбор информации по Польше и Румынии. Затем в список ближайших объектов разведывательного наблюдения вошли соседи СССР — Финляндия, Латвия, Литва, Эстония. В 1923 году изучаемые спецслужбами государства были разделены на четыре группы по степени уделяемого внимания:

1) западные пограничные государства (Польша, Румыния, Финляндия, Латвия, Литва, Эстония);

2) великие державы (Англия, Германия, Италия, Франция, США);

3) восточные соседи СССР (Афганистан, Китай, Персия, Турция, Япония);

4) прочие государства (в первую очередь Болгария, Бельгия, Венгрия, Греция, Чехословакия, Югославия и т. д.).

Существовала и пятая категория, вызывавшая особое беспокойство советского государства, — зарубежные белогвардейские группы и внутренний бандитизм. Хотя борьба с белоэмигрантскими организациями относилась к сфере деятельности ВЧК-ОГПУ, военная разведка также была ориентирована на работу с ними.

* * *

В период учебы Волльвебера в школе центральным органом военной разведки было Разведывательное управление Штаба РККА, состоявшее из агентурного и информационно-статисти-

ческого отделов. Эти подразделения осуществляли подготовку всех материалов военной разведки, необходимых для текущей оперативной работы высших органов военного и государственного управления; вели анализ и оценку международного положения под углом зрения военной опасности СССР; составляли бюллетени, доклады, справки и описания, касающиеся иностранных армий, военно-морских и воздушных флотов, средств военной техники, военной промышленности.

Результативность работы центрального органа зависит, как известно, в значительной степени от его руководителя. Лицо, возглавляющее военную разведку, должно обладать достаточными знаниями об этом специфическом роде деятельности, высокими организаторскими способностями, не бояться принимать смелые решения, докладывать в высшие инстанции власти информацию, порой не совпадающую с принятыми подходами и мнением руководящих кругов. В наибольшей степени всем этим требованиям удовлетворял Ян Карлович Берзин, возглавлявший военную разведку более 11 лет и превративший ее в одну из ведущих спецслужб мира.

Справка. *Ян Карлович Берзин (настоящее имя Петерис Янович Кюзис, партийная кличка Старик) родился в 1889 году в Лифляндской губернии в семье батрака, латыш, большевик с 1905 года, участник революции 1905 года; Февральской и Октябрьской революций 1917 года. С декабря 1917 года — в аппарате НКВД РСФСР, возглавлял личную охрану Ленина и членов правительства. В Гражданскую войну — начальник политотдела дивизии, потом начальник особого отдела армии. В январе–мае 1919 года — заместитель наркома внутренних дел Советской Латвии.*

С декабря 1920 года — в Разведывательном управлении РККА: начальник отдела (1920–1921), зам. начальника управления (1921–1923), начальник 4-го (Разведывательного) управления (1924–1935, 1937). В 1935–1936 годах — зам. командующего войсками Особой Краснознаменной Дальневосточной армии. В 1936–1937 годах — под псевдонимом генерал Гришин главный военный советник в республиканской армии в Испании. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени. Арестован в ноябре 1937 года, расстрелян в 1938 году. Реабилитирован посмертно в 1956 году.

В центральный аппарат военной разведки Берзин пришел с опытом подпольной работы во время Гражданской войны. На посту руководителя особое внимание уделял агентурной работе, считая ее основой всей стратегической разведки. В целях создания условий для успешной разведывательной деятельности взял курс на формирование нелегальных радиофицированных резидентур в странах вероятного противника. Берзин сам организовывал обучение нелегальных резидентов, способных выполнять его замыслы. Имена его воспитанников — Рихарда Зорге, Эрнста Волльвебера, Рудольфа Герштадта, Шандора Радо, Льва Маневича, Леопольда Треппера, Оскара Стигга, Вильгельма Цайссера — прочно вошли в историю мировых разведок.

Будучи отличным знатоком агентурной работы, Берзин хорошо понимал значение технических видов разведки. По его инициативе в военной разведке начали создаваться централизованная служба радиоперехвата, отдел дешифрования, морская, авиационная разведки. Много сил и внимания он уделял исследовательской работе, всестороннему изучению и обработке добываемых управлением документов, материалов, военно-технической литературы зарубежных стран. Берзин был одним из авторов научной монографии «Будущая война», подготовленной на основе обобщения и анализа данных военной разведки. В этом фундаментальном труде дается оценка состояния вооруженных сил возможных военных противников СССР, перспективы их развития, возможные варианты будущей войны против советского государства. Уже в те годы делался вывод, что без участия Германии империалистическая интервенция против СССР невозможна.

Вот какую оценку выдающегося вклада Берзина в развитие и совершенствование советской военной разведки дает Мария Полякова: «Работая в оперативном аппарате управления с 1937 по 1946 год, я по-настоящему поняла, кем был Берзин для нашей военной разведки. Все многочисленные дела, которые прошли через мои руки за эти годы, свидетельствуют, как он кирпичик к кирпичику создавал ее организации. Ведь хорошую

агентурную сеть быстро создать нельзя, для этого требуются многие годы... Берзин сам подбирал и готовил кадры, способные выполнять его замыслы. Дела резидентур, созданных до 1937 года, как правило, несут следы его пристального внимания к их жизни и работе. Организации под руководством Рихарда Зорге, Шандора Радо, Ильзы Штебе и ряда других являются классическими в истории разведки... Изучая дела тех лет, я поняла, какие глубокие планы он разрабатывал, сколько интересных комбинаций придумывал и как строго следил за их осуществлением».

Засекреченная Первая военная школа, в которую Берзин направил учиться Волльвебера, была создана сразу после образования Коминтерна при его Исполкоме с целью подготовки специалистов по организации военной работы в национальных компартиях. После реорганизации коминтерновских структур она была передана в ведение Постоянной военно-конспиративной комиссии ИККИ, работу которой курировали Берзин, его заместитель Артузов, руководитель Отдела международных связей (ОМС) Пятницкий. Позже в этой комиссии активно работали Бортновский, Жбиковский, Лехен, Робинсон, входящие в «группу товарищей» при подготовке «германского Октября».

Кроме названной школы были созданы еще несколько глубоко законспирированных специальных учебных заведений, не имевших официального названия, постоянно менявших свою дислокацию. Обучение в таких школах секретных партийных кадров проводилось по принципу временных трудовых коллективов, когда большинство преподавателей знали лишь о своем цикле лекций, времени и месте конкретного проведения занятия. Преподаватели и слушатели, как правило, между собой не контактировали и практически не знали друг друга. Все нити и связи концентрировались в узком кругу лиц закрытых партийных спецкомиссий ОМС.

В 1921 году Президиум ИККИ принял постановление: «Школу упразднить. Поручить секретариату, чтобы лучшие курсанты были переданы Военному ведомству РСФСР. Поручить т. Пятницкому совместно с товарищами, которых он найдет нужным привлечь работать, предложить Президиуму план приглашения в Россию небольшого количества лучших заграничных товарищей для инструктирования их для нелегальной работы».

В то время между высшим руководством военной разведки РККА, ВЧК и ИККИ осуществлялась координация нелегальной деятельности по организации партизанских «полевых революций» на территории зарубежных стран. Поводом для таких действий послужила опубликованная в июле 1921 года в журнале «Военная наука и революция» статья начальника штаба РККА и Военной академии М. В. Фрунзе «Единая военная доктрина и Красная армия». В ней он, «анализируя вероятную обстановку наших грядущих военных столкновений», считает «первым и важнейшим средством подготовки и воспитания нашей армии в духе маневренных операций крупного масштаба, стратегического характера, т. е. вне поля боя... Второе средство борьбы с техническими преимуществами армии противника мы видим в подготовке ведения партизанской войны на территориях возможных театров военных действий... Поэтому одной из задач нашего Генерального Штаба должна стать разработка идеи «малой войны» в ее применении к нашим будущим войнам с противником, технически стоящим выше нас».

В связи с этой установкой приказом Реввоенсовета Республики перед Разведывательным управлением штаба РККА ставились задачи: организация стратегической агентурной разведки в иностранных государствах, ведение активной разведки в тылу противника в зависимости от международного положения. Под термином «активная разведка» в те годы скрывались силовые диверсионно-террористические методы борьбы, партизанская война, деморализация войск и командования противника, захват «языков», парализация коммуникаций. Подразделение на стратегическую, активную и тактическую не обосабливало деятельность каждой из разведок; они взаимно дополняли и уточняли друг друга, формируя в итоге полную картину намерений и действий противника.

Кадры для формирования нелегальных резидентур такой разведки призвана была готовить переданная из Коминтерна в Военное ведомство РСФСР Первая военная школа. Подавляющее большинство слушателей в нее отбиралось по идеологическим соображениям из числа иностранных коммунистов. Их обучали военному делу, тактике партизанской борьбы и уличных боев, умению пользоваться и изготавливать взрывчатые вещества

из легкодоступных материалов. Они хорошо знали язык, культуру, традиции, национальные особенности, образ жизни тех стран, в которые, завершив курс обучения, разведчиками, резидентами направлялись по каналам Коминтерна на нелегальную разведывательную работу. Срок и программа занятий распределялись от нескольких месяцев до года в зависимости от знаний и опыта курсанта, а также от обстановки, в которой ему приходилось действовать. Волльвебера как убежденного коммуниста, члена ЦК КПГ, последовательного поборника революции в Германии по российскому образцу, с учетом его заслуг и опыта революционной борьбы и морской службы на флоте обучали на трехмесячных курсах.

Руководящие сотрудники центрального аппарата управления в Москве встретили его радушно, устроив теплый прием с угощением по случаю 25-летия Эрнста. При инструктаже не стали подробно допрашивать, как некоторых других курсантов. Его жизнь, революционная деятельность, послужной список советским товарищам в разведке были, видимо, хорошо известны. Эрнсту было сказано, что в школе он будет учиться под именем Вильгельм Траутманн (Wilhelm Trautmann). Все курсанты получали подобные псевдонимы в интересах конспирации. Предупредили о том, что нужно избегать излишней доверчивости с незнакомыми людьми и быть осторожным в общении с соотечественниками и советскими гражданами. Просили воздержаться в период обучения от переписки с родственниками и друзьями за границей. В случае необходимости письмо за рубеж следовало сдать в секретариат школы для отправки со специальным курьером. Это объяснялось тем, что на письме не должен был стоять советский почтовый штемпель.

Напутствуя, офицер-инструктор сказал: «Вы прибыли в Советский Союз по приглашению как желанный гость, чувствуйте себя здесь как дома. Соблюдайте пролетарскую дисциплину, солидарность и будьте достойны оказанного вам доверия».

Программа обучения была целиком посвящена практике разведывательной деятельности, классовой борьбы и революции в капиталистических странах. Чистая наука никого не интересовала. Все было подчинено ленинской стратегии и тактике захвата власти, установления диктатуры пролетариата под руководством

коммунистической партии. На групповых семинарских занятиях под руководством опытных революционеров-подпольщиков курсанты обсуждали, например, такой «Перечень практических задач, подлежащих решению: атака казармы, отдельного здания, занятого противником; разоружение полицейских постов и участков; атака района города, занятого противником, оборона отдельного здания; устройство и оборона баррикады; организация и проведение вооруженного восстания в уездном городе, занятого слабыми силами противника (превосходство сил на нашей стороне), то же самое, но только занятого сильным противником (частями армии, полиции, фашистов). Задача: задержать, приковать к городу силы противника, не дать возможности переброски в другие районы. (Действия мелких партизанских групп, изолирование противника порчей связи, железных дорог, взрывы мостов, порча транспортных средств и т. д.); оборона захваченного города, переправ через реку; действия крестьянского отряда, идущего на помощь восставшим в городе с целью захвата власти; организация и проведение вооруженного восстания в окружном масштабе».

Лекции читались по предметам: «Система военной разведки и ее задачи», «Контрразведка», «Служба связи», «Радиоразведка», «Топография», «Военно-инженерная разведка». Лекторами были заместитель начальника отдела агентурной разведки РУ РККА А. И. Кук, профессор Академии штаба РККА А. А. Свечин, помощник начальника штаба, будущий начальник генштаба, маршал СССР Б. М. Шапошников, начальник 1-го отделения 1-го отдела РУ В. М. Цейтлин.

В качестве примера приведем программу одного из основных предметов курса «Агентурная (тайная) разведка»: «1. Значение разведки в мирное и военное время. Связь между оперативной и разведывательной работой. Недостаточность одной войсковой разведки. Тайная разведка, необходимость ее и значение. Краткие сведения по истории шпионажа. Определение понятия шпионства и взгляд на него; 2. Вербовка агентов, требования, соблюдаемые при приеме на службу агентов, подготовка агентов. Школы агентов. Агенты — резиденты и ходоки. Что должен знать агент-резидент. Меры соблюдения тайны и безопасности разведчика; 3. Как проводить разведку агенту. Опрос возвра-

щающихся агентов. Регистрация агентурных сведений. Контроль агентов, пропуск их через наши линии фронта и границу в мирное время; 4. Краткое понятие об организации агентурных сетей в мирное и военное время. Задачи разведки мирного времени. Мобилизация тайной агентуры. 5. Организация тайной агентуры и ее задачи в военное время. Способы сношений с агентами. Условная переписка, различные способы; 6. Задачи, поручаемые тайным агентам. Четыре вида шпионажа — военный, дипломатический, внутренне-политический и экономический. Способы добывания агентами сведений; 7. Поиск сведений из прессы, литературы, всевозможных печатных изданий, уставов, инструкции и пр.; 8. Краткое повторение курса. Разъяснение каких-либо вопросов».

Из высокопоставленных деятелей Волльвеберу запомнились выступления Берзина, начальника снабжения РККА, куратора военной разведки И. С. Уншлихта, начальника Главного управления генштаба Н. М. Потапова, начальника контрразведывательного отдела ГПУ А. Х. Артузова, рукводителя ОМС Коминтерна О. Пятницкого. Все они подчеркивали значение глубокой стратегической военной разведки в деле обеспечения безопасности советского государства. «Наше революционное Отечество, Советский Союз, находится в состоянии войны со всем капиталистическим миром, — напоминал Пятницкий. — Только победа мировой революции может привести к окончанию этой войны». Начальники нацеливали курсантов на добывание военных сведений о вооружении и технике иностранных армий, планах строительства вооруженных сил, боевой подготовке армий, флотов, военно-воздушных сил основных капиталистических стран; мобилизации и подготовке военных кадров.

В начальственных речах курсанты обратили внимание на важную новость — учреждение при ГПУ Особого бюро по дезинформации (Дезинфбюро). Как сообщалось в постановлении Политбюро ЦК РКП(б) от 11 января 1923 года, оно создается «в целях систематизации работы по введению в заблуждение иностранных государств относительно внутренней и внешней политики СССР, а также состояния его вооруженных сил и мероприятий по обороне Республики». По словам Берзина, в состав межведомственного Дезинфбюро входят представители ГПУ, военной

разведки РККА, НКИД. На него возлагается задача разработки и информационного обеспечения акций тайного влияния, направленных на политическую и военно-стратегическую дезинформацию правительств и командования вооруженных сил зарубежных стран, а также:

— учет поступающих как в ГПУ, так и в Разведупр и другие учреждения сведений о степени осведомленности иностранных разведок о России;

— учет и характеристика сведений, интересующих противника;

— выявление степени осведомленности противника о нас;

— составление и техническое изготовление целого ряда ложных сведений и документов, дающих неправильное представление противнику о внутреннем положении России, об организации и состоянии Красной армии, о политической работе руководящих партийных и советских органов, о работе НКИД и т. д.;

— снабжение противника вышеуказанными материалами и документами, которое проводится через соответствующие органы ГПУ и Разведуправления;

— разработка ряда статей и заметок для периодической прессы; подготовка почвы для выпуска в обращение разного рода фиктивных материалов и представление их в каждом отдельном случае на рассмотрение одного из секретарей ЦК.

Так во время учебы Волльвебера в Москве организационно оформилось одно из важных направлений деятельности советской внешней разведки, сыгравшее значительную роль в подготовке и проведении знаменитых операций органов госбезопасности — «Трест», «Синдикат», «Академия», «Тарантелла». В некоторых из них будут принимать участие и выпускники военной школы.

На лекциях, семинарских занятиях о задачах разведывательной деятельности Волльвебер с особым интересом изучал близкую ему по службе тему — морскую разведку. Она включала в себя: корабельную разведку, которая велась всеми надводными кораблями и подводными лодками в районах своих действий; береговую разведку, для ведения которой в военное время предусматривалось формирование разведывательных отрядов и групп; воздушную морскую разведку, радиоразведку — ведение

радиоперехвата и пеленгования радиопередающих средств противника. Круг их обязанностей включал сбор сведений о местах базирования надводных и подводных кораблей, своевременное оповещение командования о всех передислокациях неприятельских судов; мониторинг строительства и спуска на воду новых боевых единиц.

Для выполнения этих задач руководство морской разведки создавало агентурные пункты наблюдения в бассейнах морей и рек. В годы Первой мировой войны русское командование ВМФ, как узнал Эрнст, только на Балтийском театре военных действий имело двадцать пунктов агентурного наблюдения. Функциональная схема связи агентов-наблюдателей предусматривала отправку телеграфных сообщений по коду в ближайший пункт нейтральной страны агентам-передатчикам, которые доводили добытые сведения до командования. По такой схеме военно-морские агенты наблюдали за флотами 17 стран мира, и довольно успешно. Так, русской морской разведке удалось добыть совершенно секретный приказ за подписью кайзера Вильгельма II (существовал всего в трех экземплярах) о нападении Германии на государства Антанты с целью разгрома их по очереди в самом начале войны. Осведомленность морской разведки Балтийского флота о замыслах и состоянии дел противника поднялась на такой уровень, что командование ВМФ знало мельчайшие подробности дислокации флотилий, их состав, появление новых кораблей на ТВД. Удалось даже выяснить характер взаимоотношений германского сухопутного и морского командования, которые были весьма натянутыми.

С большим интересом Эрнст посещал практические занятия по военно-техническому оснащению боевых отрядов для диверсий в тылу врага. Под руководством опытных специалистов Главного военно-инженерного управления (ГВИУ) и Особого технического бюро по разработке военных изобретений специального назначения (Остехбюро) курсантов обучали изготовлению бомб из самодельной взрывчатки, конструированию мин-ловушек, управлению взрывами по радио на расстоянии, установке радиомин, фугасов. Выполняя задания, Волльвебер лазил по фермам мостов, бортам пароходов, устанавливая учебные заряды. При этом особенно нравилось то, что преподаватели на практических

занятиях не чурались составлять компанию, делились конкретным опытом, не делая секрета из того, что ему тоже придется повоевать, заниматься диверсиями. Это была великолепная школа, полученные в ней навыки борьбы здорово пригодятся Эрнсту при разработке разведывательно-диверсионных операций против фашистской Германии.

Наряду с занятиями по программе обучения, Волльвебер много времени уделял самообразованию. Стремление к знаниям было характерной его чертой. Он посещал различные образовательные курсы, много читал, не жалея своих скудных средств покупал нужные книги о морской службе, революции в России и Германии, разведке. В школьной библиотеке Эрнст с увлечением изучал издаваемые Разведуправлением «Военно-технический бюллетень», «Бюллетень экономики войны и военной промышленности», «Справочник по современной военной технике иностранных государств», «Информационный сборник». Тщательно, с карандашом в руках проштудировал исследования генерал-майора генштаба П. Ф. Рябикова «Разведывательная служба в мирное и военное время»; заместителя начальника отдела агентурной разведки А. И. Кука «Канва агентурной разведки»; преподавателя школы В. Цейтлина «Разведывательная работа штабов»; помощника начальника штаба Б. М. Шапошникова «Конница. Кавалерийские очерки»; генерал-майора В. Н. Клембовского «Тайные силы. (Военное шпионство)»; немецких авторов: Ф. Ринтелена «Секретная война 1914—1918 гг. Записки немецкого шпиона»; начальника германской военной разведки В. Николаи «Германская разведка и контрразведка в мировой войне».

Особенно полезным и интересным оказался «Прикладной труд как по организации разведывательной работы, так и по приемам и методам ее ведения» генерала Рябикова. Главы его книги «Вербовка агентов», «Категория агентов», «Требования от руководителей тайной агентуры», «Агентурная разведка немцев» Эрнст перечитывал по нескольку раз. Выписал для себя «Меры соблюдения тайны и безопасности разведчика:

1. Разведчик должен быть одет так, чтобы его одежда не бросалась в глаза и вполне согласовалась с одеждой той местности, где он действует. Главное, чтобы одежда разведчика вполне соответ-

ствовала избранной им роли: чернорабочего, лакея, извозчика, газетчика, нищего и т. п. Разведчик всегда должен иметь готовое, хорошо обдуманное объяснение для оправдания своего пребывания в данной местности, откуда и куда он идет и где его постоянное место жительства. При задержании он должен сохранять спокойствие и хладнокровие, не выдавая испуга, и должен быть смелым и храбрым. На допросе нужно быть очень осторожным и внимательным, и, давая показания, все сказанное хорошо запоминать, дабы сколько бы раз ни допрашивали, показывать одно и тоже.

2. В случае задержания разведчика неприятелем и допроса, если ему будут обещаны даже свобода, награды или будут даваться какие бы то ни было обещания или сулиться большие деньги, будут стараться извлечь у него сознание путем угроз или насилия, разведчик должен твердо помнить, что если он сознается в чем-либо, то безусловно будет повешен; при очной ставке с другими задержанными, отрицать знакомство с ними.

3. Разведчик, наблюдая за чем-либо или за кем-либо, должен не всматриваться слишком внимательно, а только мельком, чтобы не обращать на себя внимания, и должен держать себя совершенно спокойно. Встречаясь со своими начальниками на улице, разведчик не должен раскланиваться и подходить к ним. Разговаривая с сотрудниками где бы то ни было, нужно быть бдительным и помнить, что и стены имеют уши.

4. Разведчик при наблюдении должен твердо и точно запоминать все, что он видит, название местности, где он что-либо видел, число и день, когда это было, ничего не записывая, а запоминая твердо все виденное и слышанное. Он не должен иметь при себе никаких записок и карандашей. Денег следует иметь лишь самую необходимую сумму, стараясь разменять их на старые бумажки и мелочь».

Кадровый разведчик должен стремиться к обладанию такими качествами:

— Глубокие познания в географии, истории, экономике страны назначения; понимание «души», национального характера, языка ее народа; знание военной доктрины и политической системы.

— Способность уловить внутреннюю логическую связь отрывочных сведений с общей ситуацией.

— Любознательность, постоянное стремление к целенаправленному пополнению сведений о противнике.

— Точность анализа в сочетании с критической оценкой источника информации.

— Безусловная деловитость во всех суждениях.

Разведчик ни при каких обстоятельствах не имеет права выдавать желаемое за действительное, даже в угоду самому высокому начальству. Он должен выявлять не только слабые места противника, но в первую очередь обязан указывать на его сильные стороны, учитывать все моменты и обстоятельства, которые могут благоприятствовать врагу в конкретной ситуации. Только имея на руках точные и полные сведения о противнике, командир в состоянии принимать верные и обоснованные решения.

В своей деятельности как резидент разветвленной агентурной сети в странах Северной Европы Волльвебер будет руководствоваться вышеназванными принципами и рекомендациями.

В труде Рябикова содержались новые, важные сведения об истории сотрудничества военных разведок России и Германии. Так, Эрнст узнал, что первое соглашение «о совместных действиях» между Разведывательным бюро германского Генерального штаба и «вождями русской революционной армии» было установлено в июле 1917 года, за три месяца до Октябрьской революции. Сразу после прихода большевиков к власти в СНК поступило следующее сообщение: «Правительству народных комиссаров. Согласно происшедшим в Кронштадте в июле текущего года соглашениям между чинами нашего Генерального штаба и вождями русской революционной армии и демократии гг. Лениным, Троцким, Раскольниковым, Дыбенко, действовавшее в Финляндии Русское отделение нашего Генерального штаба командирует в Петроград офицеров для учреждения Разведочного отделения штаба. Во главе Петроградского отделения будут находиться следующие офицеры, в совершенстве владеющие русским языком и знакомые с русскими условиями:

Майор Любертц, шифровальная подпись Агасфер.

Майор фон Бельке, шифровальная подпись Шотт.

Майор Байермейстер, шифровальная подпись Бэр.

Лейтенант Гартвиг, шифровальная подпись Генрих.

Разведочное отделение, согласно договору с гг. Лениным, Троцким и Зиновьевым, будет иметь наблюдение за иностранными миссиями и военными делегациями и за контрреволюционным движением, а также будет выполнять разведочную и контрразведочную работу на внутренних фронтах, для чего в различные города будут командированы агенты.

Одновременно сообщается, что в распоряжении правительства народных комиссаров командируются консультанты по министерству иностранных дел — г. фон Шенеман, по министерству финансов — г. фон Толь.

Начальник Русского отдела германского Генерального штаба: О. Рауш. Адъютант Ю. Вольф».

В обращении имеется приписка: «В Комиссариат иностранных дел: указанные в настоящей бумаге офицеры были в Революционном комитете и условились с Муравьевым, Бойсом и Данишевским о совместных действиях. Все они поступили в распоряжение комитета. Консультанты явятся по назначению. Председатель военно-революционного комитета Совета раб. и солд. депутатов: А. Иоффе. Секретарь: П. Крушавич. 27 октября 1917 года».

Авторы современного труда «История специальных служб России» И. Б. Линдер и С. А. Чуркин отмечают, что совместная деятельность советских и германских специалистов по ведению тайной войны не ограничивалась только Петроградом. Для борьбы с внутренними классовыми врагами СНК широко использовал возможности временных союзников в качестве военных консультантов. Прибывшие немецкие специалисты должны были отобрать из пленных немецких офицеров тех, кто был готов поступить в распоряжение советского правительства. В числе этих офицеров, направленных из Германии в распоряжение СНК в ноябре 1917 года, были «Егоров» (майор Эрих), «Рубаков» (майор Андерс).

О результатах такой совместной работы говорит следующий документ: «Весьма срочно. 9 декабря 1917 года. Г. народному комиссару по иностранным делам: Согласно вашему поручению Разведочным отделом 29 ноября был командирован в Ростов майор фон Бельке, установивший там разведку за силами Донского войскового правительства. Майором был

организован также отряд из военнопленных, которые и принимали участие в боях. В этом случае военнопленные, согласно указаниям, деланным июльским совещанием в Кронштадте с участием: гг. Ленина, Зиновьева, Каменева, Раскольникова, Дыбенко, Шишко, Антонова, Крыленко, Володарского и Подвойского, были переодеты в русскую солдатскую и матросскую форму.. Майор фон Бельке принял участие в командировании (вероятно, командовании. — *Е. Г.*), но сбивчивые распоряжения официального командующего Арнаутова и бездарная деятельность разведчика Туллака парализовали план нашего офицера. Посланные по приказу из Петербурга убить ген. Каледина, Алексеева и Богаевского агенты оказались трусливыми и непредприимчивыми людьми. К Караулову проехали агенты. Сношения ген. Каледина с англичанами и американцами несомненны, но они ограничиваются денежной помощью. Майор фон Бельке с паспортом финна Уно Муури возвратился в Петербург и выступит сегодня с докладом в кабинете председателя Совета в 10 часов вечера. За начальника отделения: Р. Бауер. Адъютант: М. К.».

16 января 1918 года из Ставки в Петроград поступает донесение: «В Совет народных комиссаров: Настоящим довожу до сведения народных комиссаров, что через наши передовые линии, с именного разрешения Главковерха, проследовало 100 германских офицеров и 250 унтер-офицеров на наши внутренние фронты; часть германских офицеров отправилась на фронт Донской области, часть на фронт против атамана Дутова и часть отбыла в Восточную Сибирь и Забайкалье для наблюдения и, окажется возможным, для противодействия японскому оккупационному отряду и контрреволюционным забайкальским казачьим офицерам. Контрразведчик: П. Архипов».

О диапазоне конспиративного взаимодействия специальных служб Советской России и Германии в первые послереволюционные месяцы можно судить по такому чрезвычайно любопытному документу: «Весьма секретно. 17 декабря 1917 года. В Комиссию по борьбе с контрреволюцией. Разведочное отделение на запрос Комиссии по борьбе с контрреволюцией от 17 декабря имеет честь сообщить список наблюдателей за миссиями союзных России государств.

За Великобританским посольством — германские разведчики: Люце, Тельман, Поссель, Франц и Гезель; русские агенты: Овсянников, Глушенко и Балясин.

За Французским посольством — германские разведчики: Сильвестер, Бутц, Фольгаген; русские агенты: Балашов, Турин, Гаврилов, Садовников и Шило.

За посольством С. А. С. Штатов (Северо-Американские Соединенные штаты — тогдашнее название США. — *Е. Г.*) — германские разведчики: Штром, Бухгольц, Фаснахт, Турпер; русские агенты: Шпитцберг, Сокольницкий, Тарасов и Вавилов.

За Румынской миссией — германские разведчики: Суттпер, Байдер и Вольф; русские агенты: Куль, Никитин, Золотов и Архипов.

За Итальянским посольством — австрийские разведчики: Кульдер, фон Гезе, Гойн и Бурмейстер; русские агенты: Салов, Алексеевский, Кузмин.

Означенные агенты должны исполнить все поручения миссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем, погромами и пр. Начальник отделения: Агасфер».

Военная разведка и контрразведка Германии создавалась при активном личном участии полковника Вальтера Николаи, который, став в 1912 году ее начальником, содействовал успешному проведению операции «Пломбированный вагон» — обеспечению безопасного проезда Ленина через Германию в апреле 1917 года в Россию. Судя по всему, первоначальная договоренность о «совместных действиях» германской военной разведки с большевиками была достигнута именно тогда, весной 1917 года. Потом этот сговор был закреплен соглашением «между чинами Генерального штаба и вождями русской революционной армии» в июле 1917 года в Кронштадте. Документы Разведывательного бюро генштаба Германии, посланные в Совет народных комиссаров в октябре–декабре 1917 — январе 1918 года подтверждают это взаимное согласие. Безусловно, полковник Николаи был в курсе деятельности германских разведчиков в России, одобрял их «совместные действия» с «русскими агентами».

Волльвебер с подозрением относился к контактам большевиков с монархистом, главным немецким военным разведчиком Николаи, отдававшим приказы преследовать коммунистов

у себя в Германии. Оправдание этому факту он находил в том, что эти контакты устанавливались с одобрения Ленина, который шел на «совместные действия» с германской разведкой по тактическим соображениям в интересах свершения Октябрьской революции. Ознакомившись с документами германских разведчиков и книгами полковника Николаи «Тайные силы», «Германская разведка и контрразведка в мировой войне», Эрнст стал глубже понимать ленинскую тактику и стратегию революционной борьбы.

Постоянной темой обсуждения курсантами на занятиях в школе, в общежитии было состояния здоровья Ленина, возбуждаемая тревожными слухами о его близком конце. Правда, их опровергал нарком здравоохранения Семашко, который время от времени ободрительно сообщал, что Владимир Ильич вместе с детьми участвовал в празднике Новогодней елки, «ездил в лес на охоту».

Первое известие о смерти Ленина прозвучало на заседании XI съезда советов 21 января 1924 года. Новость была сообщена делегатам председателем ВЦИК М. И. Калининым. В зале послышались, как писали газеты, испуганные возгласы, несколько человек заплакали. Члены президиума, в частности Зиновьев и Каменев, «уронив головы на стол, плакали, как дети». В тот же день в стране объявили траур, образовали комиссию ЦК по организации похорон. 22 января было опубликовано распоряжение председателя ОГПУ Дзержинского «не поддаваться панике», сохранять «особую бдительность».

Курсантам сообщили о кончине вождя на общем собрании. 22 января был объявлен днем траура, занятия отменены. Участие в траурных мероприятиях и похоронах запретили. Настроение у всех было крайне подавленным. Волльвебер внимательно отслеживал все сообщения радио, газет о прощании с Ильичом, вылившимся в общенациональный траур по всей России.

Траурные мероприятия в Москве и других городах продолжались шесть дней. В период 23–26 января у гроба Ленина побывало до полумиллиона человек. Московская и заграничная пресса писала, что российское общество захлестнула волна мятущейся горести, подогреваемой открытым доступом к телу почившего вождя. Культ Ленина, народная скорбь о постигшей страну

утрате отвечали действительному душевному состоянию всех граждан, перенесших долгие, мучительные страдания за время революции.

Похороны Ленина состоялись 27 января на Красной площади. Волльвебер, прильнув к радиоприемнику, затаив дыхание, слушал скорбный рассказ о похоронной процессии: на гроб вождя возложено до 1000 венков, мимо пронесли 10 000 знамен; тт. Сталин, Зиновьев и шестеро рабочих выносят из Дома Союза гроб с телом Ленина, из их рук на площади его принимают тт. Калинин, Каменев, Курский, четверо новых рабочих и крестьянин — делегатов съезда советов; над гробом склоняются знамена Коминтерна, ЦК РКП, Общества бывших политических каторжан; впереди гроба движется четвертое знамя — Общества старых большевиков; за гробом следуют семья Владимира Ильича, члены Исполкома Коминтерна, ЦК РКП, правительства, сотни тысяч людей, склонив голову, прощались с дорогим им великим человеком.

Над Красной площадью разносится сигнал: «Встаньте, товарищи, Ильича хоронят». И все, где кто бы ни находился в это время, встают. Оркестр играет «Интернационал», присутствующие обнажают головы, войсковые части берут на караул. Звучит новый сигнал: «Ленин умер. Ленин живет»; кто-то запевает «Вы жертвою пали» — любимую песню Ильича подхватывает вся Красная площадь от края до края.

В 3 часа 55 минут с гроба снимаются покрывавшие его знамена. На площади воцаряется могильная тишина. Осталось еще несколько минут... В рядах рыдания. Сейчас Ильича похоронят... 4 часа: Сталин, Зиновьев, Каменев, Молотов, Бухарин, Рудзутак, Томский, Дзержинский поднимают гроб и следуют в специально построенный Мавзолей; гроб скрывается от взглядов сотен тысяч глаз, провожающих своего Ильича. Простившиеся с Лениным выходят из склепа молча, баз слов, без речей. Все понимают, что сказать нечего, потому что не найти слов, которые могли бы хотя бы в тысячной доле отразить действительные настроения и чувства соратников Ильича, всех тех, кто не смог присутствовать на проводах, но мыслями своими находился возле вождя мирового пролетариата.

Прощание с Лениным, особенно всенародная скорбь по вождю произвели на Эрнста неизгладимое впечатление. Он с интересом и волнением читал сообщения прессы о том, что в Смоленске на траурную демонстрацию собралось более 30 тысяч человек, «были плачущие», крестьяне, проезжая мимо зданий с вывешенными портретами Ленина, крестились, и желали ему царствия небесного. В Тверской губернии служили панихиды по Ленину при большом стечении верующих. В Нижнем Новгороде рабочие массово подавали заявления о вступлении в партию, на многих заводах принимались постановления отчислить полдневный заработок на траурные венки.

В зарубежной прессе появилось множество слухов о том, что после смерти Ленина в России следует ожидать раскол в партии, руководстве страны и новой войны с Польшей. В подтверждение этих домыслов приводились такие факты: польское население кончину вождя «встретило с радостью», на похоронах Ленина отсутствовал Троцкий. В Москве якобы уже произошел переворот: власть захватила «троица» — Зиновьев, Каменев, Сталин, а Троцкий бежал в Турцию (на самом деле Троцкий был болен и находился на лечении в Сухуми. — *Е. Г.*).

Несмотря на траур, занятия в школе проходили строго по расписанию утвержденной программы. Никакой растерянности, замешательства в руководстве, среди преподавателей курсанты не заметили. Наоборот, на лекциях их призывали активнее осваивать учебные предметы, теснее сплачивать ряды в борьбе против эксплуататоров капитализма, быть достойным заветам Ленина в приближении победы мировой революции. Одну из лекций, которая, как и похороны вождя, особенно запомнилась Эрнсту, посвятили ленинским высказываниям о значении и заслугах ВЧК в защите и строительстве государства рабочих и крестьян.

Первую речь на эту тему Ленин произнес на митинге-концерте сотрудников ВЧК 7 ноября 1918 года: «Что удивляет меня в воплях об ошибках ЧК, — это неумение поставить вопрос в большом масштабе... Дело, конечно не в составе работников ЧК, а в характере деятельности их, где требуется решительность, быстрота, а главное — верность... Для нас важно, что ЧК осуществляют непосредственно диктатуру пролетариата, и в этом отношении их роль неоценима. Иного пути к освобождению масс, кроме подавления путем насилия эксплуататоров, — нет».

Из речи на IV конференции губернских чрезвычайных комиссий 6 февраля 1920 года: «Перед органами подавления контрреволюции, перед органами ЧК был и остается вопрос довольно сложный и трудный. С одной стороны, надо понять, учесть переход от войны к миру, с другой стороны, все время быть на страже, поскольку мы не знаем, как скоро придется достичь прочного мира; мы должны учесть, как отразится на буржуазных слоях применение этого нового способа, нужно иметь в виду, нужно испытать на деле, что дадут эти изменения, и только считаться с этим, на основании этого практического опыта вести те или иные изменения. Одним словом, нам по-прежнему надо сохранять полную боевую способность к отражению врага... История показала, что без революционного насилия невозможно достигнуть победы. Без революционного насилия, направленного на прямых врагов рабочих и крестьян, невозможно сломить сопротивление этих эксплуататоров. А с другой стороны, революционное насилие не может не проявляться и по отношению к шатким, невыдержанным элементам самой трудящейся массы».

Из доклада о внутренней и внешней политике на IX Всероссийском съезде советов 23 декабря 1921 года: «Товарищи! Вы, конечно, все знаете, какую дикую ненависть внушает это учреждение российской эмиграции и тем многочисленным представителям правящих классов империалистических стран... Еще бы! — это учреждение, которое было нашим разящим орудием против бесчисленных заговоров, бесчисленных покушений на советскую власть со стороны людей, которые были бесконечно сильнее нас... Вы знаете из истории этих заговоров, как действовали эти люди. Вы знаете, что иначе, как репрессией, беспощадной, быстрой, немедленной, опирающейся на сочувствие рабочих и крестьян, отвечать на них нельзя было. Это — достоинство нашей ВЧК».

Огромное впечатление на курсантов произвело необычайно эмоциональное, проникновенное выступление Н. И. Бухарина в память о Ленине: «Сидим на пленуме Цека. Много народу, много новых, мало знакомых, мало изученных лиц. А Ильича нет. Думаешь о нем и знаешь: нет, не придет наш мудрец, — такое непривычное для официальных речей начало сразу привлекло внимание слушателей. — Точно живые, встают сцены из прошлого. Вот быстрой походкой, засутулившись, точно стыдясь своего собственного величия, точно желая скрыться от множества взглядов — хотя бы даже и любящих, — быстро идет, почти бежит, опустив глаза в землю, втянув голову в плечи, прикрываясь воротником шубы или просто рукой, дорогой всем человек. Такой простенький и такой крепкий; с такими добрыми морщинками около глаз — и такой железный; такой незаметный и такой мудрый. Забьется где-нибудь в уголке, свернет пальцем ухо в трубочку, чтобы лучше слушать, скосит сверлящий глаз и высасывает каждое слово, — если только вообще есть что послушать. А потом выйдет и, с трудом отбившись от оваций, гула голосов, грохота аплодисментов, радостных взглядов, криков, восклицаний, восторгов, начнет говорить. И сразу яснеет в головах. Точно пришел Ильич и осветил все щели, все кривые закоулочки и переулочки. Как же мы этого раньше не понимали, а?»

Слушатели, затаив дыхание, внимали рассказу о том, как Бухарин «в первый раз увидел Ильича на маленькой грязной улочке Кракова»; как «Ильич режет хлеб, наливает чаю, усаживает, расспрашивает». «Помню, что ушел я от «Ильичей» как зачарованный, летел домой, точно за спиной крылья выросли, перспективы раздвинулись, миры новые открылись...»

Далее вспоминал о первых месяцах войны: «Это было страшно мучительное время, когда у каждого из нас, революционеров, разбросанных по различным странам, выступали слезы гнева и ненависти: как жалко обанкротилась «единая, международная, освобождающая народы социал-демократия!» Какими мерзавцами оказались наши немецкие, французские, бельгийские и прочие «друзья»... Ильич лихорадочно работает. С беспощадной смелостью он поднимает кучи социал-демократического навозу и отшвыривает их в сторону. Коммунизм начинает свой путь... Наконец-то мы снова берем в руки меч против изменников! Придет наше время, негодяи!..»

О трогательных переживаниях за Ленина во время его последней речи на Четвертом конгрессе Коминтерна: «Ильич уже пережил один удар. Он точно встал с одра смерти. Жадными руками хватался за рычажки своей постоянной деловой машины. Страшно волновался, сможет ли работать. Думал о своей речи,

как об экзамене. У нас сердце замирало, когда Ильич вышел на трибуну: мы все видели, каких усилий стоило Ильичу это выступление. Вот он кончил. Я подбежал к нему, обнял его под шубейкой: он был весь мокрый от усталости — рубашка насквозь промокла, со лба свисали капельки пота, глаза сразу ввалились, но блестели радостным огоньком: в них кричала жизнь, в них пела песнь о работе могучая душа Ильича! В великой радости, в слезах, к Ильичу подбежала Цеткин и стала целовать стариковы руки. Смущенный, потрясенный Ильич неловко стал целовать руку Клары. А никто, никто не знал, что болезнь съела уже мозг Ильича, что близок ужасный, трагический конец...»

Судя по завершающим трагичным словам, Бухарин присутствовал при последних минутах жизни Ленина: «В тихий зимний вечер умирал Ильич в Горках... Когда я вбежал в комнату Ильича, заставленную лекарствами, полную докторов, — Ильич делал последний вздох. Его лицо откинулось назад, страшно побелело, раздался хрип, руки повисли — Ильича не стало. Точно время остановилось. Точно сердца перестали биться у всех. Точно на мгновение прекратился бег истории...»

Волльвебер, как и все курсанты, были потрясены бухаринскими воспоминаниями, тем, как он сумел просто, откровенно, правдиво передать впечатления о Ленине — вожде и человеке. В памяти Эрнста ярко вспыхнули выразительно переданные Бухариным эпизоды выступления Ленина на конгрессе Коминтерна, незабываемые встречи с Крупской, Ильичом, Цеткин. Эти памятные события были вроде совсем недавно, чуть более года назад, а уже так много изменилось: нет вождя, которому безгранично верил. Сумеют ли теперь он, товарищи, компартия идти без Ленина правильным путем к революции, завоеванию власти советов рабочих и крестьян?

* * *

По завершению курса обучения слушатели составляли обзорные справки по теме, которую сами выбирали с учетом опыта на ответственной работе в национальных партиях. Волльвебер подготовил записку «Задачи КПГ в организации военной подготовки». В ней он подчеркнул, что в основе всей работы

компартии в военной области должно стать ленинское учение о вооруженном восстании как искусстве. Важно наладить тесную взаимосвязь политической, революционной тактики и стратегии с военной подготовкой на опыте боев гражданской войны в Бременской, Баварской Советских республиках, Гамбурге, Октябрьской революции в России. Никогда не играть в восстание, как это случилось в Саксонии, а начав, идти до конца. Отказ от вооруженного восстания в решающий момент в октябре 1923 года нанес партии больший вред, чем возможное поражение в открытом бою.

Военная организация партии, основу которой составляют пролетарские сотни, является правильной, оправдывает себя на практике. Опыт протестных выступлений рабочих в Гессене, Руре, Тюрингии показал, что демонстрации без вооруженной охраны отрядов самообороны успеха не приносят. Быстрое отступление в столкновениях с полицией, разгон демонстрантов с убитыми и ранеными порождают пессимизм, разочарование, деморализуют рабочую массу и партию. Наоборот, хорошо проведенная забастовка под защитой пролетарских сотен вселяет оптимизм, уверенность в достижении победы, а самое главное воспитывает в рабочих готовность к дальнейшей борьбе, мужество, боевой дух. К сожалению, во многих низовых комячейках военная подготовка коммунистов находится в зачаточном состоянии. Систематическая работа по формированию там боевых отрядов началась только в начале октября 1923 года, а с запрещением компартии, уходом ее в ноябре на нелегальное положение вообще заглохла. Иногда от рядовых коммунистов приходится слышать, что в партии нет твердого руководства, авторитетных, общепризнанных вождей; есть лишь центральный аппарат фракционеров, склонных к чисто формальной, бумажной связи с массами в пропаганде своих фракционных идей и личных амбиций. В качестве конкретных примеров названы Брандлер, Майер, Тальгеймер, Рут Фишер.

Волльвебер высказался против идеи реорганизации сотен в мелкие отряды — пятерки, десятки, которая после «октябрьского поражения» обсуждается в руководстве КПГ. Создание сотен, их практическая деятельность по защите выступлений рабочих глубоко укоренилась в массах. За время их существо-

вания подобрался более-менее подходящий контингент людей, проявивших себя в деле, в боях с полицией, частями рейхсвера. Расформирование в мелкие отряды повлечет за собой дезорганизацию военной работы, распыление сил, вредно скажется на способности партии проводить крупные массовые демонстрации и забастовки.

В целях совершенствования подготовки военного аппарата КПГ в записке предлагается:

— пролетарские сотни формировать как кадровые воинские соединения путем тщательного отбора надежных, годных к службе товарищей; провести их чистку от ненадежных элементов; бесконтрольные вооруженные отряды распустить, поскольку своими опасными, самовольными действиями они могут нанести ущерб престижу партии и делу революции;

— при сотнях создать «ударные, боевые пятерки» из наиболее проверенных, опытных в военном деле товарищей. На них возложить задачи вооруженной охраны демонстраций, добывания оружия, обучения военно-технической подготовки рабочих отрядов;

— сформировать из сотен батальоны и полки для охраны крупных восстаний и забастовок, что позволит через соответствующих батальонных командиров территориально связать военный аппарат с политическим руководством КПГ, улучшить координацию действий революционной борьбы, контроль за сотнями. Такое организационное построение поможет также воспитанию и подготовке командного состава, станет перспективным заделом в создании Красной армии;

— рассмотреть возможность создания нелегальных школ (курсов) военной подготовки командиров среднего и младшего звена, снабжения их необходимыми учебными пособиями, материально-технической базой;

— актуальной проблемой остается оснащение пролетарских сотен оружием и боеприпасами.

Эта записка была передана Зиновьеву, который показал ее Сталину. Изложенные в ней соображения по улучшению работы военного аппарата КПГ заинтересовали Сталина, изъявившего желание познакомиться с автором лично. В назначенное время Волльвебера доставили в Кремль, где его на посту охраны ожидал комиссар-переводчик с отличным знанием немецкого языка. Во время сопровождения до кабинета вождя спутник предупредил Эрнста, что на встречу отведено двадцать минут. Желательно уложиться в отведенное время, на вопросы отвечать по деловому, конкретно, понятно по смыслу для перевода на русский язык. В рабочем кабинете пришлось несколько минут подождать, пока появится хозяин. Просторное помещение было обставлено добротной, солидной мебелью, отвечавшей деловому, рабочему назначению. Никакой показной роскоши, о которой писала пресса, вовсе не было.

Сталин появился из дверей в глубине кабинета. Внимательно глядя на Эрнста, поздоровался; жестом пригласил сесть ближе к столу, на котором лежала его записка. Поинтересовался самочувствием, мнением о пребывании в Москве, обучении в школе.

В ходе беседы на лице вождя сохранялось дружелюбное выражение, вся манера держаться располагала к себе. Он дал положительную оценку предложениям Волльвебера по совершенствованию работы военного аппарата КПГ, подчеркнув огромное значение грядущей революции в Германии для пролетариата Европы, Америки, утверждения советской власти рабочих и крестьян в Советском Союзе. Поинтересовался его представлениями об организации школ военно-технической подготовки командиров пролетарских сотен.

Эрнст высказался в том смысле, что такие школы создать можно, но вряд ли удаться обеспечить их конспиративное функционирование и обучение слушателей в Германии. Сослался на многочисленные примеры предательства социал-демократов, засылаемую в компартию агентуру немецкой полиции и спецслужб. Как только учебные заведения будут выявлены, они сразу подвергнутся преследованиям и разгону. Выполнение этой задачи целесообразно было бы, по его словам, организовать на территории других стран, прежде всего в Советском Союзе.

Это было смелое и разумное соображение. Сталин, некоторое время подумав, согласился с его аргументами. Он пожелал Волльвеберу успехов в ответственной работе по подготовке военного аппарата компартии, обещав помощь и поддержку в решении возникающих проблем. Отметил, что о результатах рассмотрения его предложений ему сообщат дополнительно.

Так Волльвебер попал в поле зрения Сталина, который после избрания в 1922 году на пост генерального секретаря ЦК РКП(б) начал создавать «личную секретную службу» (РИС) под прикрытием структур Коминтерна и аппарата партии, подбирать в нее доверенных людей. Одной из причин желания генсека лично познакомиться с автором записки был интерес к Волльвеберу в том числе как возможному кандидату в РИС. Сталин присматривался к молодому, перспективному немецкому коммунисту; знал о его успехах в руководстве военным аппаратом КПГ, по линии Коминтерна, и, судя по беседе, у него сложилось о нем положительное впечатление. Генсек будет внимательно следить за деятельностью Эрнста как разведчика-нелегала, резидента агентурной сети в странах Северной Европы, ставить перед ним серьезные разведывательные задания в борьбе с фашистской Германией. После ареста Волльвебера в Швеции Сталин станет лично контролировать операцию по его освобождению и доставке в Советский Союз.

В задачу личной стратегической разведки и контрразведки вождя входило тщательное повседневное наблюдение за деятельностью руководителей СССР; изучение и регулярное освещение действий зарубежных политических лидеров, спецслужб, закулисных влиятельных структур. Она действовала с соблюдением правил жесткой конспирации. Требования, предъявляемые к сотрудникам РИС, были чрезвычайно высокие. В книге «Личная секретная служба И. В. Сталина. Стратегическая разведка и контрразведка» приводится совершенно секретный документ о «главных положениях» в работе сталинской разведки: «1. Тщательный подбор кадров. Настоящим разведчиком и контрразведчиком в личной секретно службе И. В. Сталина может быть один из миллиона. 2. В разведывательной и контрразведывательной работе нельзя спешить, нужно проявлять терпение и выдержку. 3. Четко представлять трудности, с которыми придется столкнуться сотруднику разведки и контрразведки товарища И. В. Сталина при проведении конкретных операций. Повседневно готовить разведчиков и контрразведчиков к преодолению этих трудностей, не бояться их, повседневно помнить, что они на войне и должны быть готовы к выполнению любого задания. 4. Вербовать стратегическую агентуру следует на много десятилетий вперед. Использовать ее только в самых крайних случаях. Например, накануне войны и во время войны, серьезных контрреволюционных или стихийных беспорядков, грозящих уничтожить существующий социалистический строй. 5. Помнить, что шпионы и предатели вербуются иностранными разведками из среды советских людей, зараженных карьеризмом и алчностью, желающих жить на «широкую ногу», иметь любовниц, заграничные поездки и туманные перспективы захвата власти путем дворцового переворота... Широко используются иностранными разведками люди, зараженные националистическими пережитками. 6. Сотрудники личной секретной службы товарища И. В. Сталина должны быть правдивыми при любых обстоятельствах и беспредельно преданными коммунизму».

В 20–30-е годы прошлого века сотрудники РИС много сил и внимания уделяли выявлению врагов и предателей советской власти внутри страны и за рубежом. Конкретным примером их сложной, конспиративной работы может служить такое совершенно секретное «Информационное сообщение. По полученным закордонным данным на активных участников троцкистской антисоветской подпольной организации:

Троцкий — агент немецкой разведки с 1921 года, английской — с 1926 года;

Крестинский Н. Н. — агент немецкой разведки с 1921 года;

Розенгольц А. П. — агент немецкой разведки с 1923 года, английской — с 1934 года;

Чернов М. А. — агент немецкой разведки с 1928 года, в его вербовке принимал участие находящийся в эмиграции меньшевик Дан;

Шаранович В. Ф. — агент польской разведки (второй отдел польского генштаба) с 1921 года;

Гринько Г. Ф. — агент польской и немецкой разведок с 1932 года;

Крестинский Н. Н., находясь зимой 1921 года по заданию Троцкого в Берлине, встречался с командующим германским рейхсвером генералом Сектом и начальником немецкого генштаба Хассе. Получая ежегодно деньги за поставленные шпионские сведения из России (250 000 марок), передавал их Троцкому.

Розенгольц по указанию Троцкого регулярно поддерживал связь с немецкими послами в Москве. Лично встречался с Сектом и Хассе и передавал им секретные сведения.

Агентами царской охранки являлись: Землинский И. А. — агент самарского жандармского управления с 1911 года, за провокаторскую деятельность ежемесячно получал денежное вознаграждение. Клички: Очкастый и Сагаф;

Иванов В. И. — агент тульской охранки с 1911 года.

С. Николаев.

Резолюция тов. Сталина: «Тов. Николаев! Займитесь повнимательнее этими людьми».

Справка. Сторонники Троцкого взяты в активную агентурно-оперативную разработку.

С. Николаев».

Сергей Варламович Николаев — первый руководитель РИС. Впоследствии эту службу возглавляли генералы Александр Михайлович Лавров, Александр Михайлович Джуга, Юрий Михайлович Марков (псевдоним). Разумеется, материалы личной секретной службы Сталина были строго засекречены на многие десятилетия и только в начале 2000-х годов появились отдельные печатные документальные свидетельства о ее существовании, оставленные сотрудниками этой сверхсекретной организации.

После беседы со Сталиным Волльвебер понял, что его готовят для ответственной, секретной разведывательной деятельности. Он относился к этому спокойно, с определенным чувством гордости за оказываемое ему доверие, считая разведку почетной, но и опасной работой. Опыт общения с советскими товарищами, командирами военного аппарата, членами ЦК КПГ подсказывал, что в любом большом деле, тем более тайной службе, есть ученики, исполнители и мастера. Он хотел быть мастером, поэтому учился добросовестно, вникая в мельчайшие особенности профессии разведчика. На завершающем этапе обучения прошел подготовку по способам шифровки и расшифровки донесений Центра, использованию радиосвязи, микрофотографии, проведению конспиративных встреч с источниками, способам передачи секретной информации через тайники.

В характеристике по окончании школы отмечаются такие особенности его личности, имеющие важное значение в работе разведчика: убежденный коммунист-антифашист, верит в светлое будущее коммунизма, построение справедливого социалистического общества в Советском Союзе и Германии. Общительный, с реальным знанием жизни и активным участием в разнообразных ее проявлениях. Обладает гибким умом, редкой способностью быстро устанавливать контакты с самыми разными людьми, умением поддерживать с ними товарищеские, доброжелательные отношения. Близко знающие коллеги и преподаватели обращают внимание на его целеустремленность в учебе, овладении знаниями, самообразовании; самокритичность по отношению к себе и товарищам. Физически здоров, терпелив, смел. Производит впечатление человека, который ничего не боится и которого трудно чем-либо удивить.

Перед отъездом из Москвы Волльвебера принял начальник Разведывательного управления Ян Берзин. Беседа была непродолжительной. Руководитель военной разведки тепло пожелал молодому разведчику успехов, сказав, что конкретные задания он получит по прибытии в Германию. Ему присвоили первый оперативный псевдоним Штайн («Камень») с перспективой использования в работе по линии Коминтерна, в связи с чем он подписал «Обязательство. Я обязуюсь:

1. Категорически отрицать мою какую бы то ни было связь с Коминтерном.

2. Категорически отрицать, что я прибыл из СССР.

3. Ни в коем случае не иметь при себе ничего, могущего в какой бы ни было степени доказывать мое отношение к Коминтерну и пребывание на территории СССР.

4. Ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах не вступать в связь с советскими людьми и не обращаться в советские учреждения за границей.

5. Ни в коем случае не вести никакой корреспонденции с кем бы то ни было из находящихся на территории СССР.

6. Семье и руководству своей партийной организации (если я член ВКП(б)) сказать, что мобилизован своей партией для работы в стране. Ни в коем случае не указывать, куда отправляешься, и не условливаться об адресах за границей.

7. Мне известно, что никаких конкретных заданий о какой бы то ни было политической работе мне не дано.

8. По прибытие на территорию _____ я обязуюсь явиться в полное распоряжение ЦК партии как доброволец, обязанный выполнять беспрекословно любое поручение, и обязуюсь в рядах действующей армии оставаться на посту до тех пор, пока не буду отозван.

9. Я обязуюсь быть примерным бойцом, подчиняющимся воинской дисциплине, образцом пролетарской скромности, не пользующимся никакими привилегиями и преимуществами, относиться с величайшим уважением к соратникам по борьбе, не позволяя себе никакого, ни малейшего акта, могущего задеть национальное достоинство других бойцов.

Мне известно, что за нарушение этого обязательства я поставлю себя вне рядов Коминтерна».

Видная разведчица, руководитель немецкого отдела советской внешней разведки Зоя Ивановна Рыбкина-Воскресенская в своей книге «Под псевдонимом Ирина» пишет: «С советской разведкой он (Волльвебер) был связан с самого начала ее существования. Это был своего рода немецкий Дыбенко, он пользовался большим авторитетом и любовью моряков германского флота. Человек крепко сбитый, суровый на вид, весьма организованный и требовательный».

Говоря о связи Эрнста с нашей разведкой «с самого начала ее существования», Зоя Ивановна имела в виду, видимо, ту отправную точку, когда он попал в поле зрения российских разведчиков. Это случилось, как указывалось выше, в марте 1919 года — период знакомства Волльвебера с Вольфом Феликсом (В. Г. Раков) в Бремене, то есть намного раньше официального дня создания советской внешней разведки (ИНО) 20 декабря 1920 года. С Бремена началось его изучение и использование, говоря языком профессионалов спецслужб, «втемную» в интересах российской, советской разведки. В этом контексте с ним работали Гуральский (А. Я. Хейфец), Я. С. Рейх, С. А. Лозовский. На завершающем этапе к его изучению подключились сотрудники берлинской резидентуры П. А. Скоблевский, Х. И. Салнынь.

Прибыв на родину, Волльвебер оказался в весьма сложной внутриполитической ситуации. В стране царила военная диктатура генерала Секта, который под прикрытием республиканской конституции наводил в Германии «общественный порядок».

Компартия была запрещена. Правящие военно-политические круги развернули масштабную антисоветскую кампанию под предлогом якобы участия «русских вместе с коммунистами» в подготовке вооруженного переворота. Буржуазная и социал-демократическая пресса публиковала разоблачительные сведения о создании «тайных русско-коммунистических складов оружия». Эти сообщения подогревались многочисленными арестами коммунистов, подозреваемых в «военных приготовлениях свержения законной власти».

На нелегальной встрече сотрудник берлинской резидентуры сообщил Волльвеберу, что он передается на оперативную связь Скоблевскому, с которым предложено определить круг обязанностей и совместных действий. Эрнст одобрительно воспринял это указание, поскольку хорошо знал Скоблевского, курировавшего работу нелегальных военных аппаратов (МА) и боевых отрядов (ТА) компартии. Во время взаимодействия по военной линии в Гессене, Саксонии, Тюрингии между ними сложились доверительные отношения делового сотрудничества и взаимопонимания.

Скоблевский, встреча с которым прошла в дружеской обстановке, тепло поздравил Волльвебера с успешным окончанием военной школы, поступлением «на службу справедливого дела подготовки революции в Германии, установления добрососедских советско-германских отношений». Передал поздравления, добрые пожелания здоровья, благополучия руководства резидентуры. Волльвеберу предложено выполнять роль нелегального курьера связи «аппарата Клары» (военная разведка) с военным руководством КПГ. В круг его обязанностей входил сбор сведений о развитии вооруженных силах рейхсвера, деятельности военизированных контрреволюционных организаций, военно-технической подготовке компартии к вооруженному восстанию. Хотя план «германского Октября» провалился, курс на захват власти оставался неизменным. Необходимо было существенно улучшить работу военного аппарата КПГ, военно-техническую подготовку и вооружение пролетарских сотен. Из Москвы на эту тему поступило «Письмо Исполкома Коминтерна в ЦК компартии Германии о работе в армии и на флоте».

— Прошу изучить его внимательно, — сказал Скоблевский, передавая документ: «ИККИ считает необходимым снова энер-

гично обратить внимание коммунистических партий на необходимость и значение борьбы против буржуазного милитаризма и военной опасности, а также работы в армии и на флоте... Совсем особое значение приобретают поэтому возобновление и реорганизация работы в Рурской области. ИККИ постановил потребовать от ЦК КПГ, а также от ЦК КПФ проведения следующих мер:

1. Созыв КПГ и КПФ уже избранного Рурского комитета и возложение на него обязанности работать постоянно. Проведение этой работы в направлении, чтобы пропагандистская деятельность распространялась и на «легальную» оккупацию.

2. Предоставление КПГ и КПФ уже затребованных для этой работы товарищей не позднее 30 апреля с. г.

3. Предоставление КПГ для работы в Рурской области действительно нелегальной типографии.

Мы просим вас по возможности быстрее известить нас о принятых в этом отношении мерах и вообще о мерах по усилению борьбы против буржуазного милитаризма и работы в оккупационных армиях, в рейхсвере и полицейских войсках... В Германии кампания должна быть увязана с соответствующей разъяснительной работой вообще и особенно в районах оккупированной области. Вследствие того что со стороны не так видны успехи этой работы и каких она стоила жертв, из поступавших за последнее время отчетов видны известное равнодушие и даже противодействие работе среди оккупационных войск... Эта работа не может принести немедленно зримых успехов. Она и при самой большой осторожности требует жертв, которых можно избежать лишь с улучшением методов работы. Следует разъяснять, как держать себя перед судом, чтобы не навредить другим товарищам...»

Эрнсту было поручено к следующей встрече подготовить отчет и предложения по совершенствованию военной подготовки боевых отрядов КПГ. Поинтересовавшись содержанием беседы Волльвебера со Сталиным, Скоблевский предложил оформить предложение о создании школ военно-технического обучения в третьих странах справкой, которую он официально направит руководству Коминтерна и РУ РККА. В ответ на просьбу Эрнста поделиться соображениями о положении дел в компартии

за время его отсутствия, Скоблевский, помрачнев, передал ему бумагу со словами: «Ознакомся, сам поймешь...»

Бумага называлась «Отчет руководителя нелегального аппарата ЦК КПГ: подготовка партии к вооруженному восстанию за последние дни существенно затормозилась. Вследствие слабой работы нелегального аппарата руководящие работники во многих округах арестованы. Нелегальный аппарат Центрального комитета почти полностью бездействует. Теперь также арестована верхушка военного руководства Берлина, работа в Берлине-Бранденбурге и Лаузитце — парализована. Товарищи выехали в Лаузитц, чтобы восстановить тамошнюю провалившуюся организацию. В ходе этой деятельности они были арестованы. Тамошняя организация оказалась разгромленной в значительной мере по вине центрального аппарата. ЦК послал туда курьера с директивами, планами, деньгами. Курьер не встретился со связным, которому он должен был передать все эти вещи. Поэтому он передал их владельцу дома. Последний знал, что этот товарищ является активистом КПГ, и передал пакет полиции, которая позднее арестовала руководящих партийных работников. Позавчера был арестован весь аппарат курьеров ЦК партии. Курьеры собрались в одном кафе, где получили материалы, директивы, циркуляры, деньги и прочее для округов. Во время раздачи кафе было окружено и все товарищи и их руководители были арестованы.

В Мюнхене еще две недели тому назад было арестовано почти все руководство организации. В Мюнхене проходило заседание руководителей нескольких районов города. Некоторые из участников имели при себе планы взрывов, карты, деньги и даже подрывные капсюли. Товарищи заседали в кафе, которое мы уже в течение ряда лет использовали для партийных заседаний. Из-за ареста этих товарищей работа в Баварии полностью парализована. Вновь назначенное руководство находится вне Баварии. Организация в Мюнхене в течение длительного времени была засорена шпионами, так что полиция была осведомлена обо всех партийных мероприятиях. Даже связной в Мюнхене оказался шпионом, который был послан в партию союзом Оберланд. Этому шпиону доверили должность без предварительной проверки того, откуда прибыл этот человек. Были довольны, что кто-то занял этот пост.

В Вюртемберге, Силезии, Мекленбурге, Тюрингии, Саксонии и в Гамбурге многие лучшие работники или арестованы, или бежали, поэтому в этих округах работа почти полностью прекращена».

Волльвебер был потрясен изложенными в отчете фактами предательства, провалов, бездействия многих окружных парторганизаций. Особенно взволновало его упоминание о «почти полном прекращении работы» военного аппарата КПГ в руководимых им округах Тюрингии и Силезии; арестах, бегстве «лучших работников». При нем военно-техническая подготовка пролетарских сотен в этих округах была на высоком уровне, приводилась в пример другим, и тут такая деградация...

По мнению Скоблевского, основная причина провалов и разложения компартии кроется в том, что во многих партячейках действуют внедренные агенты и предатели, информирующие власти о подготовке всех важных мероприятий КПГ. По имеющимся данным, проведенный властями анализ октябрьских выступлений коммунистов в Гамбурге, Руре, Саксонии, Тюрингии позволил спецслужбам составить списки наиболее активных участников забастовок и демонстраций. Сейчас они разыскиваются полицией и службами контрразведки. Не исключено, что и Волльвебер, известный правоохранительным органам как активный коммунист-революционер, тоже значится в этих списках. Скоблевский предупредил Эрнста о необходимости соблюдения правил строгой конспирации.

Потом, сделав в беседе выразительную паузу, осмотревшись, доверительно сообщил, что уполномочен передать ему еще одно важное задание руководства — предпринять меры к добыванию сведений о военно-политическом сотрудничестве рейхсвера с РККА, которое обе стороны должны держать в секрете.

— Руководство надеется на твой солидный опыт матросской службы, контакты среди моряков, в военном аппарате компартии, профсоюзах, которые можно использовать для выяснения перспектив развития в военно-морской сфере, — продолжал Скоблевский. — Впрочем, решай сам, каким путем идти. При этом следует проявлять особую осторожность. Речь идет о тайном сотрудничестве, какая-либо утечка информации здесь крайне нежелательна. О поручении никто не должен знать, ни родственники, ни друзья, ни руководство КПГ.

Это поручение не было для Волльвебера тайной за семью печатями. О закулисных переговорах представителей рейхсвера с руководством Красной армии он слышал в разговорах с коллегами военного аппарата КПГ, делегатами конгресса Коминтерна, слушателями и преподавателями военной школы в Москве. Как-то Радек в беседе с ним о контрреволюционных действиях германского милитаризма против пролетариата бросил фразу: «Ничего не бойся... Рейхсвер у нас в кармане!» Поскольку немецкие коммунисты с недоверием относились к контактам Москвы с реакционной военщиной рейхсвера, российские товарищи объясняли, что военное сотрудничество Советской России с Германией основывается не на общности идеологических платформ, а на сугубо прагматической потребности максимально использовать друг друга в своих интересах, обеспечить оборону первого в истории человечества государства рабочих и крестьян.

Концепция двустороннего военного сотрудничества была разработана в результате серии секретных переговоров в Москве и Берлине в 1920–1923 годах. Ее вдохновителями и активными участниками были: с российской стороны — Радек, Троцкий, Чичерин, Фрунзе, Уншлихт, Берзин, Тухачевский; с немецкой — Ратенау, генерал Сект, военный министр О. Гесслер, начальник оперативного генштаба О. Хассе, Брокдорф-Ранцау. В январе 1920 года генерал Сект заявил, что в качестве «незыблемой цели» германской политики в будущем он видит «политическое и экономической объединение с Великороссией», и поэтому Германии следует стараться «по крайней мере не превратить Россию в своего врага». Чуть позже, в меморандуме от 4 февраля того же года, читаем: «Только в сильном союзе с Великороссией у Германии есть перспектива вновь обрести положение великой державы... Англия и Франция боятся союза обеих континентальных держав и пытаются предотвратить его всеми средствами, таким образом мы должны стремиться к нему всеми силами». Потом он неоднократно подчеркивал, что «сотрудничество с Россией позволит Германии осуществить подрыв основ Версальского мирного договора».

В 1922 году Берлин и Москва, тайно от Франции и Англии, заключили секретное соглашение о взаимопомощи и сотрудничеству между рейхсвером Германии и руководством народного

комиссариата СССР по военным и морским делам. Для осуществления связей с советским Наркоматом обороны и Красной армией в военном министерстве Германии была создана «Зондергруппа Р», именовавшаяся советской стороной «Вогру» (военная группа). В 1923 году германское военное ведомство образовало в Москве свой исполнительный орган «Центр Москва», который возглавил полковник Х. фон дер Лит-Томзен. В августе того же года влиятельные немецкие военно-промышленные представители основали Общество содействия промышленным предприятиям (ГЕФУ) с местонахождением в Берлине и Москве, которое занималось финансированием смешанных германо-советских военно-промышленных предприятий на территории СССР. Политбюро ЦК РКП(б) приняло план «восстановления военной и мирной промышленности при помощи немецкого консорциума, предложенный представителем группы виднейших военных и политических деятелей» Германии.

Все практические вопросы решались, как правило, через начальника разведывательного управления Берзина и его аппарат, а также через Управление вооружений РККА. Осуществлялся обмен разведывательной информацией о третьих странах (в первую очередь о Польше, Румынии, Прибалтийских государствах) и, естественно, сбор сведений военно-политического характера о стране-партнере. Перед командармом И. П. Уборевичем, стажировавшимся в германском генштабе 13 месяцев, ставилась, например, задача «собрать материал по следующим вопросам:

1. Взаимодействие родов войск, а также сухопутной армии и флота.

2. Организация, вооружение и применение кавалерии в бою.

3. Об укрепленных районах. Как немцы к ним относятся, как думают их организовать. Вы помните, что снос укреплений в Восточной Пруссии (по требованию союзной комиссии) вызвал бурные протесты Р. В. (рейхсвера. — *Е. Г.*).

4. Организация тылов и снабжение в мирное и военное время. Надо изучить методы войскового снабжения, а также постановку этого дела в государственном масштабе (как немцы думают мобилизовать промышленность, сельское хозяйство и т. д.).

5. Изучите быт немецкой армии. Мы имеем уставы, но не знаем, как живет немецкая армия и ее солдат».

Примечательно, что это масштабное военно-политическое сотрудничество между Берлином и Москвой осуществлялось одновременно с активной подготовкой советским руководством «германского Октября». Местные спецслужбы докладывали берлинским властям сведения о многочисленных фактах участия советских эмиссаров в «подстрекательстве коммунистов и рабочих к вооруженному восстанию». На вопрос правительственных чиновников, что делать, как отвечать на такое «возмутительное поведение Советов», — генерал Сект заявил: «Коммунистов в Германии нужно схватить за горло, но с советским правительством идти вместе».

Сразу после беседы со Скоблевским Волльвебер инициировал встречу с членами ЦК КПГ, чтобы из первых рук получить их оценку положения в партии. Уже сама атмосфера собравшихся на заседание коллег произвела на Эрнста удручающее впечатление. Все насторожены, напуганы, всюду видят шпионов, агентов полиции. В руководстве раскол и недоверие друг к другу. Даже по отношению к нему хорошо знакомые товарищи в разговоре проявляли непривычную сдержанность. Зная о его поездке в Москву, тщательно подбирали слова, как бы не сказать чего лишнего. Партийная работа среди членов ограничивается рассылкой по почте и курьерами постановлений, планов мероприятий. Но неизвестно, как рассылаемые указания воспринимаются на местах, выполняются ли. В общем партия в подполье замыкается в свою тесную скорлупу.

Многие члены ЦК говорили о том, что полиция превосходно ориентирована о их деятельности: знает имена, местонахождения. Правоохранительным органам удалось создать хорошо налаженный, оплачиваемый аппарат агентов, предателей, провокаторов, проникающий в поры комячеек и терроризирующий партийные ряды. Приводились примеры арестов, домашних обысков, предательства, подтверждающие факты, с которыми Эрнст ознакомился на встрече со Скоблевским.

Выступивший на совещании Гуго Эберлейн, отвечающий в партии за обеспечение безопасности, сообщил еще об одном неприятном инциденте — серьезном провале в окружной парторганизации Силезии, с которой Эрнст поддерживал тесный контакт, проводил совместные демонстрации, учения пролетар-

ских сотен. Курьер доложил, что в Бреслау полиция арестовала семерых членов нелегального военного аппарата КПГ.

— Судя по всему, мы имеем дело с очередным случаем предательства в рядах силезской партячейки, — сказал Эберлейн. — Партийное руководство приняло решение поручить расследование этого дела Волльвеберу как опытному руководителю военного аппарата КПГ, лучше других членов ЦК знающего жизнь и положение в Силезии. Его родители родом оттуда.

Это неожиданное партийное задание застало Эрнста врасплох. Отказаться, ссылаясь на секретное поручение Скоблевского, он не мог. Это было бы грубым нарушением конспирации, но следовало как-то предупредить его о новой ситуации. При обсуждении в узком кругу руководящих членов компартии причин провала и задач по их устранению Волльвебер с облегчением узнал, что Скоблевский в курсе данного ему задания. Более того, коллеги передали согласованное с ним соображение о целях предстоящей операции: выявить предателя, по возможности его устранить, навести порядок в парторганизации вплоть до переизбрания нового руководства. Все понимают, что выполнение этого задания связано с огромным риском. Малейшая ошибка может привести к аресту исполнителя.

* * *

Светлым весенним днем Волльвебер выехал в силезский стольный город Бреслау (Вроцлав), где находилось центральное правление окружной парторганизации КПГ. В кармане его пиджака лежал паспорт на имя Вильгельма Траутмана, торговца бумагой. Дорога была ему знакома, он неоднократно ездил туда по партийным делам и на отдых. Обдумывая план расследования дела о предательстве, определенные надежды он возлагал на знакомых товарищей в силезском партийном правлении, особенно на руководителя молодежной организации Силезии «Коммунистическая молодежь» Кристиана Хаука, с которым проводил совместные нелегальные учения пролетарских сотен. Хаук был предупрежден о его приезде, встретил Эрнста в условленном месте и разместил у себя на квартире по адресу Ташенштрассе, 16.

Не теряя времени, Волльвебер с ходу приступил к выполнению задания, попросив Хаука организовать для него личные встречи с членами партийного правления. В беседах Эрнст особенно интересовался мнением коллег о каждом арестованном товарище, а также соображениями о причинах провала. В результате его внимание привлекла одна неприятная история: член правления, депутат рейхстага от КПГ Альфред Хаманн обвинялся в аморальном поведении, сексуальной связи со своей дочерью. Слухи об этом скандале одно время активно обсуждались в гимназии, где обучалась дочь, потом все затихло. Проверка, организованная через связи ЦК КПГ, местного партийного правления, подтвердила эти сведения. Хаманна по этому делу вызывали в полицию.

Волльвебер через курьера информировал руководство КПГ в Берлине, что подозревает в предательстве Хаманна. Через год появится документальное подтверждение этого разоблачения: Хаманн был завербован первым отделом криминальной полиции Бреслау. Он дал согласие на агентурное сотрудничество в обмен на прекращение полицией расследования дела о его аморальном поведении. Но в Берлине к информации Эрнста отнеслись с недоверием. Как оказалось, Хаманну протежировала сопредседатель КПГ Рут Фишер, которая отозвалась о нем как о «порядочном человеке из пролетарской семьи».

Судя по всему, Хаманну стало известно о расследовании Волльвебера в отношении его предательства. Он доложил об этом в полицию, дав показания на Хаука и проживающего у него квартиранта. 27 мая 1924 года Волльвебер и Хаук были арестованы. Полиция не сразу установила настоящие имя и фамилию торговца бумагой Траутмана. Советник криминальной полиции Фогель, расследующий дела арестованных, сделал запрос в Берлин. Волльвебер и Хаук допрашивались и содержались изолированно друг от друга. В прессе появились публикации об аресте «двух русских шпионов-чекистов». В ответ на запрос из Берлина поступило указание доставить арестованных в столичную тюрьму Моабит.

В автобиографии, написанной 2 декабря 1948 года, Волльвебер о тех драматических событиях в Силезии скажет кратко: «В мае 1924 года в Бреслау я был арестован». Поначалу следствие

по его делу продвигалось медленно, собранного обвинительного материала для передачи в суд не хватало.

В это время в Берлине разразился громкий скандал вокруг учиненного германской полицией провокационного обыска в торговом представительстве СССР. Все началось с ареста в Штутгарте сотрудника торгпредства, коммуниста Ханса Бозенхардта. Двум полицейским приказали переправить его в Штарград (Померания). Ехать пришлось через Берлин, где они опоздали на пересадку. Заключенный предложил своим конвоирам перекусить и скоротать время в одном уютном местечке на Линденштрассе. Полицейские не знали города и понятия не имели, что этим «уютным местечком» является советское торгпредство. По сообщениям прессы, едва они вошли в предложенное кафе, как арестованный закричал:

— Меня зовут Бозенхардт, я здесь работаю. Эти двое — сотрудники полиции, они меня арестовали за измену и везут в Померанию, — он вырвался из рук опешивших конвойных и убежал.

Прибывшая охрана задержала полицейских и до выяснения инцидента заперла их в кладовке. Вскоре после этого здание торгпредства было окружено берлинской полицией, которая требовала выдать бежавшего из-под стражи «политического преступника». Проникнув внутрь, сыщики учинили обыск и погром в комнатах. Они взламывали шкафы и ящики с бумагами, насильно удаляли сотрудников из служебных помещений. Несколько советских работников были арестованы.

Наши представители заявили протест против нарушения экстерриториальности торгпредства, которое рассматривалось по соглашению от 6 мая 1921 года как неотъемлемая часть советского посольства. Даже германский посол в Москве Брокдорф-Ранцау был шокирован действиями берлинской полиции, назвав этот инцидент «огромным политическим свинством». В течение мая–июня 1924 года шло острое обсуждение скандала как по дипломатическим каналам, так и на страницах печати. В конце июля в Берлине был наконец подписан протокол об урегулировании инцидента. Германское правительство заявило, что действия полицейских властей в отношении торгпредства были самовольными, что оно порицает их и накажет виновных, согласившись возместить материальный ущерб торгпредству. Естественно, все это время германским властям было не до расследования дела Волльвебера.

Не успел затихнуть скандал вокруг ареста Бозенхардта, как произошел крупный провал военной организации КПГ, которую курировал Скоблевский. Ряд ее руководителей и боевиков был арестован по обвинению в создании «группы ЧК». Речь идет прежде всего о предательстве Феликса Неймана, которого Скоблевский назначил руководителем аппарата ТА (боевые отряды, способные проводить террористические акты).

Ян Валтин, курьер нелегальной организации компартии, доставлявший из Гамбурга в Берлин «запечатанный конверт по адресу Мокернштрассе, 104», так описывает свою встречу с Нейманом: «Появился высокий, мрачный молодой человек аскетической внешности, которому я и передал письмо. Незнакомец сразу же засыпал меня вопросами о разведывательных службах, созданных «Северогерманским Ллойдом», «Гамбург-Америка лайнз» и другими судоходными компаниями. Я сообщил ему то немногое, что знал по этому вопросу. Когда Мария Шипора (хозяйка явочной квартиры. — *Е. Г.*), которая внимательно слушала посетителя, назвала его имя — Феликс Нейман, меня как будто током ударило. Это имя члены боевых отрядов произносили только шепотом. Он возглавлял новую организацию под названием «Т-группы», которая занималась террором и в будущем должна была стать основой немецкой ЧК... Потом он стал расспрашивать меня о моей партийной работе. Я сказал ему, что предпочитаю выполнять более активные поручения, чем ездить курьером из города в город.

— Ты когда-нибудь убивал человека? — неожиданно спросил Нейман.

— Нет.

— Ну, а как бы ты это сделал?

— Я бы стрелял.

— Плохо, — мрачно усмехнулся Нейман. — Если ты выстрелишь в человека и только ранишь его, что будет дальше? Он попадет в госпиталь и расскажет все полиции, так ведь?

— Ну, а как ты бы сделал это? — спросил я Неймана.

— Всегда надо убедиться, что он мертв, — объяснил Нейман хладнокровно и методично. — Самый безопасный способ —

оглушить человека ударом по голове, а затем перерезать ему вены бритвой. В этом случае ты можешь быть уверен, что он мертв».

Далее следует рассказ о том, как Нейман «свел» Валтина со Скоблевским: «В восемь утра меня разбудил Феликс Нейман.

— Позавтракаем в ресторане, с тобой хочет встретиться один товарищ, — сказал мне Нейман.

На такси мы поехали в небольшой отель, расположенный в районе Кёльна. В грязном маленьком номере нас встретил человек в пижаме. Он только что поднялся, на полу и на кровати были разбросаны утренние газеты.

— Вот товарищ из Гамбурга, — представил меня Нейман.

Человек в пижаме внимательно осмотрел меня цепким взглядом. Ему было около тридцати трех лет; сильное, гибкое тело; взлохмаченная шевелюра; резкие черты лица неулыбчивого и решительного человека. Он подробно расспросил меня о том, чем вооружены наши боевые группы в Гамбурге, как идет их подготовка, пользуются ли руководители групп доверием рядовых членов. По ходу разговора он делал стенографические пометки и высказывался в том смысле, что время от времени полезно знать мнение товарищей с мест. Затем он поручил мне доставить две посылки в Гамбург, одну Отто Маркварту, а другую молодой женщине по имени Аня Даул. Обе посылки мне должны были передать на вокзале перед посадкой в поезд.

— Деньги вам нужны? — неожиданно спросил он.

— Нет, — ответ я, хотя был почти без денег.

Затем мой собеседник попросил меня и Неймана оставаться в отеле, пока он оденется и уйдет. Когда он ушел, я спросил Неймана, почему мы не могли уйти первыми.

— Предосторожность, — ответил Нейман. — Это очень важный товарищ. Он никогда не ночует дважды в одном и том же месте.

— Кто он?

— Генерал Вольф. Ты когда-нибудь слыхал о восстании в Кронштадте против большевиков? Генерал Вольф — тот человек, который подавил его...

У Вольфа было три квартиры: в Дрездене, Гамбурге и в советском посольстве в Берлине. В Гамбурге он был известен как Герман, в Берлине — как Гельмут, или генерал Вольф, в Дрездене — как Горесосский, в Красной армии — как Горев. После ареста назвался Петром Александровичем Скоблевским. Нейман работал со Скоблевским в качестве связника между военным руководством партии и советской миссией в Берлине. Однажды по распоряжению Скоблевского он получил там 35 000 долларов США, в другой раз — 50 000, которые были истрачены на пропаганду и закупку оружия... Нейман был арестован. Чтобы спасти свою шкуру, он выдал полиции всех руководителей «Т-групп».

Боевой отряд Неймана, созданный с ведома Скоблевского и ЦК КПГ, предназначался для ликвидации провокаторов и предателей в рядах партии, а также проведения терактов против видных германских военных и контрреволюционных политиков. Первым в списке на уничтожение стоял генерал фон Сект, самый могущественный человек в Германии того времени. Нейман связался по телефону с адъютантом генерала и, представившись человеком, готовым продать важные военные секреты Франции, пытался добиться личной встречи с Сектом, чтобы убить его в кабинете. Но эта ловушка не удалась. Боевики, установив наблюдение за генералом, выяснили, что он каждое утро ездит верхом на лошади в берлинском парке Тиргартен. С двумя стрелками Нейман залег в кустах в засаде, поджидая Секта на утренней прогулке. Неожиданно в нескольких метрах от них лошадь генерала чего-то испугалась и шарахнулась в сторону боевиков. Нейман потерял самообладание и вместе с боевиками сбежал. Как пишет Валтин, после сокрушительного поражения компартии в октябре 1923 года «Карл Радек через Брандлера дал указание оставить фон Секта в покое».

Следующими в списке «Т-группы» на ликвидацию числились руководитель штурмовых отрядов СА Гуго Стиннес и «стальной барон», тайный советник Борзиг. «Чекисты организовали за Стиннесом слежку и сумели проникнуть в его резиденцию в берлинском отеле «Эспланада», — повествует Валтин. — Люди Неймана также взяли под наблюдение виллу Борзига в фешенебельном районе Тегель. Как раз в это время происходила забастовка металлургов, и партийные лидеры надеялись, что убийство Борзига еще выше поднимет революционный дух масс. На этот раз хотели обойтись без стрельбы, и Скоблевский предложил использовать яд. Попытки убить Стиннеса и Борзига

ни к чему не привели, а забастовка металлургов потерпела поражение. Однако пробирки с ядом попали в руки полиции и стали одним из главных доказательств во время судебного процесса над чекистами в Лейпциге».

Провал Неймана и его группы случился при выполнении задания по ликвидации агента полиции, коммуниста Рауша в Берлине. Подозрения в отношении Рауша возникли в ходе операций по перевозке оружия в тайники и оборудования в подпольную лабораторию по производству взрывчатки. Через несколько дней тайники и лаборатория были выявлены вооруженным отрядом рейхсвера и разгромлены. Анализ причин провала показал, что только один Рауш участвовал в обеих операциях, знал расположение тайных складов и лаборатории. Дополнительная проверка через возможности Скоблевского подтвердила предательство коммуниста. Нейману было дано указание убрать Рауша. «Были сделаны три попытки покушения на Рауша, — пишет Валтин. — Первая — с участием девушки из группы Марии Шипоры; вторая — в туалете борделя, и, наконец последняя, третья — в доме самого Рауша. Нейман с криком «Вот тебе, сволочь!» разрядил обойму своего пистолета ему в живот. Очевидно, Нейман был слишком взволнован и сам не последовал тому совету, который давал мне, — он не перерезал Раушу горло бритвой. Рауш был еще жив, когда его отвезли в госпиталь... Он в конце концов умер, но Нейман попал в лапы полиции... Под давлением полиции Нейман «раскололся». Скоблевский и еще четырнадцать его чекистов были арестованы. Большинство арестованных террористов сознались, но Скоблевский не признался ни в чем».

После устранения предателя Нейман пытался скрыться, бежав из Берлина на юг, но был пойман и арестован. Перед кончиной Рауш успел дать показания на всех участников покушения на него в доме. На допросах Нейман дал признательные показания о многих операциях военного аппарата КПГ в подготовке вооруженного восстания, покушений на враждебных коммунистам политиков, военных, националистов; назвал имена, фамилии ответственных функционеров компартии, «советских товарищей», дававших ему задания и участвовавших в этих событиях. В показаниях неоднократно фигурировало имя Волльвебера как «важного руководителя военной организации» КПГ.

Собранных материалов о противоправных деяниях Волльвебера, пополненных показаниями предателя, оказалось достаточно для предъявления ему обвинения в государственной измене путем «создания вооруженной организации с целью захвата власти и установления диктатуры Советов КПГ». Из Моабита его переместили в тюрьму поселения Штаргард в Померании, дело передали в государственную судебную палату по защите республики в Лейпциге. Из кутузки Эрнст внимательно следил за развитием событий, связанных с провалом Неймана, поскольку расследование этого дела непосредственно затрагивало и его и могло существенно повлиять на приговор.

Между тем аресты Скоблевского, Волльвебера, измена боевиков «Т-группы» вызвали изрядный переполох в Москве, руководстве КПГ. К расследованию обстоятельств позорного провала подключились ОМС Коминтерна, военная разведка генштаба РККА, ОГПУ, сотрудники резидентуры в Берлине, ответственные руководители военного аппарата компартии. Первым документом по этому делу стал «Доклад секретаря военной комиссии ЦК КПГ В. Кресса о группе Ф. Неймана», направленный из Берлина в Москву 13 мая 1924 года: «Организована террористическая группа КПГ Феликсом Нейманом в ноябре или начале декабря... По моему мнению, организация террористической группы произведена не без ведома ЦК и товарищи Брандлер и Гельмут (Скоблевский. — *Е. Г.*) являлись только лицами, обсуждавшими и поручавшими ей конкретные задания с согласия ЦК. Это мнение опирается главным образом на то, что и после устранения товарища Брандлера от председательства, при совещаниях с руководящими тогда товарищами Ульбрихтом и Штекером обсуждались вопросы террористической группы, в деле Секта, по моим данным, весь пленум ЦК голосовал за или против проведения плана... Из заседаний, на которых обсуждались дела террористической группы и устранения шпиков, я определенно помню одно: в ресторане Тухера у вокзала Уландштрассе, с участием Штекера, Ульбрихта и Дитриха. Другое — в квартире на Сольмштрассе, с участием Штекера и Ульбрихта, и третье — в квартире на Лихенерштрассе, в котором участвовали Ульбрихт, Штекер и товарищ Феликс Вольф (Вернер Раков. — *Е. Г.*), на котором было определенно подтверждено, что устранение шпиков

является задачей военной организации, при которой и создан соответствующий орган, а отдел разведки никакого отношения к этому делу не имеет.

Что касается самой террористической группы и особенно ее организатора, Феликса Неймана, то, как мне удалось установить, Нейман был взят товарищем Брандлером из имперской типографии, где он до этого работал, и назначен на должность секретаря ЦК. Вскоре он стал секретарем Клейне (Гуральский — А. Я. Хейфец. — *Е. Г.*) и после того секретарем Ревкома. В качестве последнего он принял на работу в центральный военный аппарат Эриха Пеге (боевик «Т-Группы». — *Е. Г.*) из Лейпцига, как кажется, на основе старого знакомства. (Личная политика Неймана вообще имела сомнительный характер, так как он почти всех людей для этого аппарата извлекал из круга своих личных знакомых, нисколько не пытаясь обсуждать назначения с надлежащими партийными товарищами).

В октябре он отправил Пеге в качестве адъютанта Нейбауэра (депутат рейхстага от КПГ. — *Е. Г.*) в Веймар; после увольнения Пеге был некоторое в Лейпциге, а в дни организации террористической группы был снова вызван Нейманом в Берлин. Задачи, поставленные Гельмутом террористической группе, но, как указано выше, в согласии с ЦК, были следующие: 1 — Сект; 2 — Рауш, 3 — Ветцель в Штутгарте. Других заданий, кроме установления местожительства и деятельности некоей Аннелизы Гербер, исключенной из КС молодежи за шпионство, Нейман не получал...

В заключение я хотел бы сказать, что, по моему мнению, организована была террористическая группа по инициативе товарищей Гельмута и Брандлера. ЦК был согласен с ее организацией и что после отказа от выполнения первого задания тов. Гельмут принял решение распустить террористическую группу... Это решение было аннулировано только после совещания с тов. Брандлером, при котором, насколько мне известно, случайно присутствовал Феликс Нейман, и во время которого дело дошло до кулачного нападения со стороны Неймана на Гельмута».

В Москве были опрошены вернувшиеся из Берлина сотрудники, обслуживающие руководящую «группу товарищей», и так или иначе соприкасавшиеся с военным аппаратом КПГ. Сотрудник военной разведки Манфред Штерн представил, в частности, такие «разъяснения по делу Ф. Неймана»: «Когда я был вызван из обер-бецирка в Берлин в конце января для замещения в штабе одного заболевшего товарища, террористическая группа Неймана уже существовала и дело покушения на Рауша уже состоялось. Судя по поведению товарища Гельмута, по отношению к террористической группе Ханса, можно было заключить, что дело приняло такой оборот, при котором Гельмут уже ничего не мог поделать. Частые истребования денег со стороны Ханса, казалось, побудили его к решению бросить все это предприятие, почему это решение не было своевременно приведено в исполнение, было мне непонятно, так как я не знал тогда об имевшем место обсуждении вопроса между Хансом (Феликсом Нейманом) и Гельмутом, в присутствии Брандлера, при котором дело дошло до драки. Теперь, когда мне известно об этом инциденте, хотя и не в подробностях, я считаю возможным заключить, что Гельмут находился под некоторым моральным влиянием со стороны Ханса (Феликса Неймана)... Поэтому возможно, что инициатива в деле организации террористической группы принадлежала Гельмуту. Совершенно невозможно, чтобы ЦК не был осведомлен об этом предприятии, тем более что я могу определенно утверждать, что дело об устранении генерала Секта вызвало разногласия в ЦК и в конце концов было решено в отрицательном смысле. Вывод: ЦК, или по крайней мере военная комиссия, то есть часть ЦК, была осведомлена о существовании и работе террористической группы.

О деле Рауша: товарищ Гельмут никак не мог самолично дать задание об устранении Рауша, так как он не знал ни Рауша, ни его деятельности. Следовательно, инициатива в устранении Рауша исходила от кого-то другого; об этом мог бы дать более подробные разъяснения Берлинский комитет.

О личности Феликса Неймана: прямых сомнений в его применимости и надежности тогда ни у кого из товарищей не возникало, по крайней мере таковых никто не высказывал. Но жизнь «на широкую ногу» Феликса Неймана и его сотоварищей неоднократно побуждала товарищей в Мариендорфе и Темпельгофе к отрицательным о нем отзыве. То обстоятельство, что он крайне резко противился попытке Гельмута освободить его от обязан-

ностей, может служить доказательством, что он уже тогда был сознательным провокатором и не хотел уходить из аппарата раньше, чем ему удалось скомпрометировать КПГ. Он будто даже употреблял с целью воздействия на Гельмута обороты вроде: «Мы вас держим в руках». Москва, 14 мая 1924 года».

Итог расследования причин провала Неймана подводит совершенно секретный «Доклад заместителя председателя ГРУ И. Уншлихта в ИККИ о террористической группе «Чека» 15 мая 1924 года: «Вопрос об отзыве и снятии руководителя М. аппарата в Германии товарища «Володьки» (Вольфа) Международной комиссией был решен уже в средних числах февраля месяца текущего года. Одновременно с этим соответствующее письменное приказание 16/II мною было послано товарищу, поддерживающему связь с ЦК КПГ. 20/II мною были посланы официальные письма по этому же поводу на имя товарища Клейна (Гуральский. — *Е. Г.*) и самого Володьки. Так как приезд Володьки по неизвестным мне причинам задерживался, я 11/III вновь телеграммой напомнил о необходимости немедленного снятия товарища Володьки и откомандирования в Москву. Кроме того, мною через товарища Бронека (Б. Б. Бортновский, руководитель берлинской резидентуры ИНО и военной разведки. — *Е. Г.*) 19.III, 25.III и 26.III в категорической форме предлагалось немедленно выслать Володьку в Москву. Все вышеуказанные мои предложения не были исполнены, несмотря на то что времени для приезда Володьки (до провала) было более чем достаточно (почти два месяца).

Товарищ Бронек, через которого я вел переписку по делам военного бюро, мне писал, что отправка Володьки в Москву задерживается ЦК КПГ, который, подчиняясь решению о снятии, все же хочет Володьку, как хорошего работника, оставить для другой работы в Германии. Это упорное нежелание ЦК КПГ возвратить Володьку в Москву и привело его к провалу, ответственность за который целиком должна быть возложена на ЦК КПГ. Что касается дела, в связи с которым был арестован Володька, то оно заключается в следующем:

Помимо существующей партизанской организации, имеющей свои ударные боевые группы, товарищем Володькой была с ведома и согласия ЦК КПГ организована своя террористическая группа. Целью этой группы, как впоследствии выяснилось, было уничтожение некоторых враждебных партии политических деятелей (генерала Секта, Ценпфунда, Ветцеля и др.) и также провокаторов. Подготовляемые покушения на Секта и некоторых других, как видно из переписки, окончились ничем. Группой было совершено всего лишь одно покушение на предполагаемого провокатора — некоего Рауша, который был ранен, но не убит. После этого группе было дано новое задание, и она почему-то на партийном автомобиле, без сомнения известном полиции, была направлена в Штутгарт, где один из группы в пьяном виде был арестован в ресторане, а затем по его указанию и другие. После провала этой группы и начавшихся других провалов, что было известно Володьке, явки, известные отдельным членам группы, однако не были отменены и на одной из таких явок Володька и был арестован.

Подготовка террористических актов против Секта и других, а также покушение на Рауша было произведено с ведома, если не всего ЦК КПГ, то, во всяком случае, с ведома отдельных его членов. Об этом свидетельствуют показания товарища Фреда (Старна — М. Штерн. — *Е. Г.*)... В данное время существует предположение, что один из членов группы с самого начала ее создания состоял одновременно и в национал-фашистской организации. Как видно из прилагаемой сводки материалов по делу Володьки, арестованные члены группы Нейман, Пеге, Кениг и Сон рассказывают все, что знали о деятельности и связях военной организации, а также предают всех известных им деятелей. По их показаниям устанавливается связь военной организации с миссией и получение оттуда денег, хотя конкретных данных об этом в деле не имеется. Из всего материала видно, что конспирация в работе военного центра почти что отсутствует и руководители военной организации, в том числе и представитель ЦК КПГ, относились к делу весьма легкомысленно.

Докладывая об изложенном, я хочу подчеркнуть, что

1) создание террористической группы и попытка организовать террористические акты против Секта и других, произошли по инициативе Володьки с ведома и согласия ЦК КПГ, не считаясь с диаметрально противоположными директивами с нашей стороны;

2) о существовании группы и ее целях, а также организуемых террористических актах, товарищ Володька мне ничего не сообщал и я об этом узнал лишь после провала;

3) несмотря на мои многочисленные и категорические требования об откомандировании Володьки в Россию, таковое по воле ЦК КПГ не состоялось;

4) ответственность как за создание террористической группы, организацию отдельных актов и, наконец, за провал группы, а также Володьки целиком падает на ЦК КПГ, под непосредственным руководством и наблюдением одного из членов коего работали Володька и его аппарат».

Итак, в Москве вину за создание «Т-группы» и ее провал целиком возложили на ЦК КПГ и Скоблевского. Однако в материалах расследования ничего не говорится об ущербе от этого провала для имиджа компартии, Коминтерна, посольства России в общественном мнении Германии. Дело в том, что полиция четко проследила связь между арестованными коммунистами и советской миссией в Берлине. Об этом свидетельствуют добытые документы германских следственных органов:

«2. Русское посольство. Из полицейского отчета от 31.03.24.

Не установлено, принадлежит ли Гельмут (настоящая фамилия которого якобы Горев) к составу русского посольства. Гельмут прислан из России как организатор «Красной армии» для Германии и является одновременно ее главным военным руководителем. Человек по фамилии Гуке, связывавший Гельмута с военным секретариатом (Миттенвальдерштрассе, 2а), часто бывал в русском посольстве. Штейнфест (кличка Фукс), венгерец, оперативный руководитель Берлина, будто бы находится теперь в Русском посольстве.

Доверительные показания Неймана.

Начальник имперской разведки Феликс Вольф живет в настоящее время в русском посольстве. Тысячи долларов получались из русского посольства на вооружение. Деньги, которые Горев передавал для вознаграждения членам группы, выплачивались также русским посольством.

3. Русская «Чека». Полицией обнаружено:

Предполагается, что русская «Чека» имеет в Берлине отделение для наблюдения за контрреволюционной эмиграцией и надлежащего использования этих наблюдений.

Показания Пеге. Немецкая группа «Чека» сходна с русской «Чека».

Имперская группа «Чека». Полицией установлено:

Арестованные лица образуют «Чека» КПГ. Группа «Чека» образована директорией ЦК КПГ в конце ноября 1923 года для всей Германии. Руководителем является русский под кличкой Гельмут, настоящее имя которого якобы Горев. Назначением «Чека» было устранение опасных лиц. Имеется подозрение, что эта банда была послана нелегальным ЦК КПГ из Берлина для убийства Ветцеля и Шлоттера.

Показания Сона. Сон предполагает, что деньги получаются от партии и что группа опирается на определенное партийное учреждение.

Показания Мерзнера. Ему ничего не известно о том, что автомобиль принадлежит КПГ. По его сведениям, автомобиль принадлежит прокатному гаражу Георга Гоппельта в Шарлоттенбурге...

Показания Неймана. Район деятельности группы распространялся на всю Германию, то есть все шпионы, работающие в Германии против КПГ, должны были устраняться его группой. Из найденного при нем организационного проекта видно, что требовал... децентрализации деятельности группы — таким образом, чтобы в будущем шпионы устранялись членами местной группы или районной организации, при надобности — с привлечением членов центральной группы. Нейман убежден, что при этом можно было бы избегнуть неудач. Деятельность группы до сего времени охватывала дела Рауша, Ценпфунда, Яухе, Ветцеля, а также К. О. В. Шлоттера. Далее Нейман показывает, что особые органы были заинтересованы в работе, но от дальнейших пояснений отказывается. Об уничтожении Рауша он должен был доложить своему начальству. Устранение шпионов является принципом партии. Полученное им в Берлине задание гласит коротко и определенно: устранить шпионов Ветцеля и Яухе (Гейдельберг). Автомобиль и шофера ему предоставили перед отъездом в Юго-Западную область. Согласно полученному заданию, он установил связь во Франкфурте.

1. Список обвиняемых.

Имя	Кличка
1 Нейман Феликс	Петерс, Ханс, Бернгард, Фидлер.
2 Пеге Эрнст	Рольф, Рудольф, Ламбрехт.
3 Сон Иоганнос	Мартин, Герберт, Зейферт, Фойгт.
4 Маргис Рудольф	Штакуд, Фритц, Фроммельт.
5 Мерзнер Адольф	Адольф
6 Кениг Отто	Якоб, Штейн, Эдус
7 Динер Адольф	Ребгун
8 Шениссе Мария	
9 Лениссе Эмиль	
10 Меус Готтвальд	Фред
11 Неизвестный «Эрвин»	Данные отсутствуют.
12 Горев (имя не установлено)	Гельмут, он же Петр, Александр, Ставлеский, точные данные отсутсвуют. 16 июня 1890 года выступил якобы в Тамбове под именем Леона.
13 Волленберг Эрих, теперешнее местонахождение неизвестно.	
14 Гюнтер Эрнст Вольф, местонахождение неизвестно.	

2. Гельмут. Полицией установлено: Гельмут, настоящее имя Горев, был руководителем террористической группы; прибыл в Германию для организации «Красной армии». Гельмут будто бы является членом партийной директории (ЦК) и от последней получил задания по ликвидации разных лиц. Он передавал эти задания для выполнения группе «Чека». Гельмут является соучастником убийства Рауша, а также намеченных убийств и подготовке к ним: ген. Секта, Ценпфунда, Яухе, Ветцеля, Шлоттера, министра Больца... далее он обвиняется в нелегальном продолжении работы запрещенной КПГ.

Из отчета полиции от 31.03.24. Гельмут (Стубовский) — прислан из России как организатор «Красной армии», являясь тем самым одновременно главным военным руководителем. Его настоящее имя якобы Горев. Точно неизвестно, живет ли он в русском посольстве, но установлено, что он там постоянно бывает...

Доверительное показание Неймана. Гельмут (Горев) — русский генерал, имеющий большие связи в России и обладающий неограниченным доверием русского верховного командования. Он очень деспотичен и добивается своих целей, не останавливаясь перед жертвами (трупами)... Горев дал Нейману задание организовать террористические группы. Нейман дал ему обязательство. Горев же выдавал деньги для расплаты с членами группы и на организационные нужды. Первой задачей, поставленной Горевым Нейману, было убийство ген. Секта, позже это задание было изменено, и за Сектом только должно было вестись наблюдение. Одновременно Нейман получил задание принять меры против Стиннеса. Это задание также было отменено, и взамен были даны задания о деле Рауша и Ценпфунда. Позже Гельмут дал задание о деле Ветцеля.

Доверительное показание Пеге. Гельмут, предназначенный из России на пост главнокомандующего, привез с собой еще шестерых русских, которые имели особые задания. Гельмут должен был во всем отчитываться перед Россией, Гельмуту было поручено проведение директив, выработанных Троцким и Радеком».

Детальные, секретные данные о нелегальной деятельности КПГ, выданные провокаторами группы «Чека» следственным органам, привели еще к одному крупному провалу. В ноябре 1924 года полиция раскрыла нелегальное паспортное бюро ЦК компартии по изготовлению поддельных документов в Берлине. О том, как это произошло, рассказывает сотрудник «паспортной службы» Франц: «Ко времени конфискации существовали следующие учреждения: бюро по связи (руководитель Эрнст), бюро по изготовлению паспортов (Конрад и Франц), бюро по изготовлению материала по работе и пр. (Эрвин и Герман), служба по изготовлению цинкографических клише и фотографий, мастерская по изготовлению печатей, штампов с несколькими складами материалов и штемпелей. Один товарищ (Ханс) занимался кроме того изготовлением рисунков (оригиналов для клише) и приобретением типографских шифров в берлинских типографиях, где работали наши товарищи. Прямую связь с ЦК и внутри страны поддерживал Эрнст. Дважды в день встречались на месте явок: один связной от Эрнста, один от паспортного

бюро и специалист-типограф Ханс, при этом во время встречи всегда договаривались о следующей...

Паспортное бюро располагалось на втором этаже жилого дома с окном во двор, напротив островерхой (глухой) стены. Оно действовало в течение почти года и было снято пожилыми, симпатизирующими (партии) людьми под видом технического бюро, но без уведомления полиции и без вывески. Эрвин, который работал там до меня и Конрада, был случайно знаком с управляющим домом. Тем самым наша хозяйка знала его настоящее имя, которое она, очевидно, назвала полиции...

В регистратуре сохранялись подлинные имена, в большинстве случаев вместе с датами рождения, сведениями о профессии, а также заказчике: например, «Секретариат», «Сект» или центральное правление «Красной помощи» и т. д., затем впечатывалось новое имя со всеми необходимыми сведениями... У известных товарищей в оригинале указывалось только имя: Рут или Тельман... Из материалов для паспортов хранились все образцы, фотографии, анкеты, а также оригиналы и чистые бланки немецких паспортов и несколько паспортов, пригодных для повторного их использования Рут, Тельманом, Эберлейном и др.

Из заграничных паспортов находились образцы с фотографиями из почти всех стран. Чистые бланки имелись только, пожалуй, из Франции, Швейцарии, Австрии, Данцига и карточки-удостоверения личности из Люксембурга...

Ход событий во время конфискации был таков: я как раз закончил упаковку материалов и был готов пойти на место встречи, когда постучала хозяйка. Я открыл, так как до звонка не услышал ничего подозрительного. Вошел мужчина, который показал удостоверение уголовной полиции и попытался выяснить «причину, почему мы прячемся, не заявляя о себе», и в чем заключается наша работа, о которой жильцы дома рассказывают «всяческие небылицы»... Я был вынужден предъявить ему свое удостоверение личности и рассказал о планах строительства и прочем... Затем он обследовал шкаф с материалами... Сопротивление было совершенно бесполезно, и я попытался отвлечь его, чтобы найти возможность для побега, что мне и удалось, когда я запер его в комнате».

Исполком Коминтерна провел тщательный анализ причин этих внушительных провалов, направив в компартии циркулярное письмо с указанием допущенных ошибок и предложений по их устранению: «Последние аресты членов Германской компартии и провал паспортного «бюро» в Берлине обнаружили полное отсутствие конспирации в этих областях нелегальной работы... И так, случайно «бюро» проваливается со всеми списками членов Германской компартии, пользующимися и пользовавшимися подложными паспортами. Иначе говоря, списки лучших членов партии, подпольщиков попали в руки полиции. Это один случай провала, а теперь второй: полицейский агент «получил пригласительный билет» на собрание руководителей военных отрядов Германской коммунистической партии и, как следует в таких случаях, арестовал членов партии на собрании. И третий случай: арест ответственного члена Германской компартии, у которого найдено в кармане письмо ИККИ.

Все три приведенных здесь случая провала партийного предприятия и арест членов партии полностью подтверждают наше мнение, высказанное в начале сего письма, но и наводят нас на мысль, есть ли причина этих провалов и арестов только непонимание членами Германской компартии правил конспирации в нелегальной работе или же здесь есть другие, более глубокие причины, которые нам неизвестны и, полагаем, подлежат еще выяснению... — и ИККИ видит в этом угрожающее положение Германской компартии и предлагает принять самые категорические и срочные меры к восстановлению конспирации в работе партии, и, как ближайшие меры, рекомендуется:

1) нужно выделить конспиративных членов партии от менее конспиративных, 2) всю ответственную нелегальную работу возложить только на конспиративных, испробованных в честности товарищей,3) остальных членов партии подвергнуть испытанию и воспитанию в конспирации, 4) всякий обыск и арест в партии должен быть партией тщательно расследован и выяснена причина; тем более настоящий провал «Бюро», собрания и т. д. в центре должен быть ликвидирован ясно, скоро и окончательно и результаты сообщены нам, 5) лица, причастные прямо или косвенно к проваленной работе, должны до конца следствия быть отстранены от всякой работы, а те лица, на которых падет хотя бы малейшее подозрение или сомнение в их партийной честности, совсем отстранены на время от всякой работы для

испытания, так как из их среды почти всегда полиция набирает провокаторов, поэтому лучше меньше число активных работников в партии, но честных, надежных и стойких в принципах партии и в конспирации, и они больше полезного делу дадут, чем большее по количеству, но хуже качеством число членов. Провокаторов необходимо обезвредить для партии путем выяснения их и удаления из партийной и рабочей среды.

Германская компартия в борьбе с провокацией не должна упускать из виду, что главный источник провокаторов есть социал-демократическая партия».

В приложении к письму Орготдел ИККИ направил такие указания: «1. Необходимо разработать специальную инструкцию для Центра и его отделений, поскольку малейшая неосторожность может повлечь за собой большие потери для партии в целом.

2. Необходимо отказаться от разработки длинных и детальных инструкций, ограничившись только тем, что касается самого важного и основополагающего, предоставив детализацию местным Организациям.

3. При рассылке этих инструкций необходимо действовать с высочайшей осторожностью, с указанием на то, что они, как вообще любые другие секретные документы, должны быть незамедлительно после тщательного ознакомления с ними сожжены.

4. Следует распространить предписание о том, каким образом нужно вести себя арестованным на допросе или в тюрьме.

Как вести себя во время допроса. Принимая во внимание многочисленные аресты в Германии и крайнюю неопытность арестованных коммунистов, мы считаем необходимым указать на то, что характер (содержание) показаний арестованных может иметь очень серьезное значение для всей нелегальной Организации КПГ. Практика революционной борьбы показала, что опытным агентам правительства, опытным следователям и прокурорам с легкостью удается использовать показания коммунистов, выглядящие на первый взгляд совершенно невинными, для обнаружения и разгрома легальной Организации. Поэтому наилучшей тактикой во время допросов должна рассматриваться тактика отказа от дачи показаний о партии, ее составе, ее организации, о личных знакомствах, связях и, в общем, обо всем

том, что касается Организации и отдельных лиц... Напрасно некоторые наивные товарищи считают, что им удастся обмануть (ввести в заблуждение) полицию или прокуратуру. Последним нужно лишь ухватиться за конец ниточки, чтобы распутать весь клубок и раскрыть всю сеть Организации.

Естественно, подобная тактика (отказ от любых показаний) вызывает ярость полиции и прокуратуры и строгое обращение с арестованными, а поначалу и более острые их моральные издевательства, но она (тактика) сохраняет Организацию... Коммунисты, находящиеся в тюрьмах, должны быть особенно осторожны и ни в коем случае не вступать в разговоры с неизвестными людьми, поскольку полиция часто подсаживает к арестованным коммунистам своих агентов с целью получения у первых той или иной информации. Иногда с этой же целью полиция использует и тюремную охрану, которая берет у заключенных письма для передачи и передает их тайной полиции или прокуратуре».

В тюремных застенках Волльвебер был напрочь отрезан от всех этих драматических событий, связанных с провалами, директивой Коминтерна отказываться от дачи показаний. Условия его содержания как опасного преступника, подозреваемого в связях с террористической группой «Чека», были довольно строгими: руки в наручниках, которые снимались только на время приема пищи, постоянное наблюдение, допросы с пристрастием, запрет на покупку прессы. Как-то в ходе очередного вызова для дачи показаний Эрнста допрашивали на предмет знакомства с арестованными членами группы «Чека». Фиксируя его четкие ответы о том, что он не знает этих лиц, следователь неожиданно спросил, знаком ли Волльвебер с Августом Майером. Это была ловушка: Майер был сотрудником орготдела КПГ и военного аппарата округа Берлин-Бранденбург. Он хорошо знал всех членов ЦК, а они его. В голове Эрнста неслись мысли: Майер, видимо, арестован, дал показания, полиция хорошо осведомлена о сотрудниках центрального руководства компартии. Отрицание знакомства с Майером может дать повод уличить его во лжи, поскольку следствие наверняка предъявит убедительные доказательства такого знакомства. Эрнст спокойно подтвердил, что знает Майера по партийной работе.

Ссылаясь на показания Майера, следователь спросил: может ли Волльвебер подтвердить знакомство с членами группы «Чека», ее руководителями Нейманом и Скоблевским. Эрнст решительно опроверг эти утверждения. По содержанию вопросов в ходе допросов он понял, что произошел серьезный провал в военной организации КПГ; арестованы Майер, Нейман, Скоблевский и неизвестно сколько еще товарищей из боевых отрядов. Связь с партией, коллегами, которые могли бы дать сведения по этому вопросу, была прервана. В беседах с заключенными, которые слушали радио, читали газеты, Эрнст узнавал о «громких скандалах», связанных с убийством Рауша, терактами группы «Чека», показаниями арестованного Неймана, обвиняющего руководство КПГ в «устранении шпионов и опасных лиц» как «принципе партии». Становилось ясно, что следователи стараются увязать его дело с расследованием терактов группы «Чека», деятельностью Скоблевского как «организатора «Красной армии» в Германии, «главного военного руководителя в партийной директории» ЦК КПГ. Последующие допросы подтвердили эти стремления следствия — многие вопросы так или иначе крутились вокруг установления контактов Волльвебера с «чекистами». Он все это опровергал.

Следствие по его делу тянулось уже десятый месяц, допросы прекратились, а дата суда не назначалась. Эрнст терялся в догадках о причинах такого поведения следователей. В апреле 1925 года стало известно о суде над четырнадцатью членами группы «Чека» и Скоблевским. Судебный процесс над ними в Лейпциге продолжался девять недель. Неймана и двух его заместителей приговорили к смертной казни, остальных обвиняемых — к длительным срокам лишения свободы. Пресса сообщала, что в промежутках между судебными заседаниями на жизнь Неймана было совершено покушение. Он получил удар по голове, но остался жив.

Скоблевский на суде упорно отрицал какую-либо причастность в группе «Чека». Твердил, что является русским студентом, который застрял в Германии, что его арест является ошибкой, поскольку он никогда в глаза не видел ни одного из арестованных. Тем не менее на основе обличающих показаний Неймана и других «чекистов» его тоже приговорили к смертной казни.

Откровенные признательные показания «чекистов» о совершении терактов по заданию партии возмутили Волльвебера. Он понимал, какой огромный вред нанесет это предательство репутации КПГ, доброму имени коммунистов. С не меньшей тревогой воспринял он и смертный приговор Скоблевскому, зная, какое смятение этот вердикт вызовет в Москве; заставит руководство компартии, Коминтерна, спецслужб предпринимать срочные меры по его освобождению.

Вместе с тем после суда над «чекистами» стало ясно, что следствию не удалось собрать доказательную базу для привлечения Эрнста на скамью подсудимых вместе с группой «Чека». Это был обнадеживающий момент в его деле, которое в июле 1925 года было передано из государственной судебной палаты по защите республики в коллегию по уголовным делам Верховного суда четвертой инстанции в Лейпциге. Адвокат Хегевич, защищающий интересы Волльвебера, расценил факт передачи как позитивный знак для более благоприятного исхода судебного процесса, не исключив даже вынесения оправдательного приговора.

Эрнст мог рассчитывать также на поддержку компартии, которая после снятия запрета вышла из подполья и активно очищала свои ряды от оппортунистов, провокаторов и предателей. На X съезде КПГ в июле 1925 года партия изгнала из руководящих органов оппортунистов и ультралевых, избрав ленинский ЦК в составе Эрнста Тельмана, Вильгельма Пика, Клары Цеткин, Франца Далема, Фритца Геккерта, Вильгельма Флорина, Эрнста Шнеллера. Образование ленинского партийного руководства во главе с Тельманом явилось крупнейшей вехой в развитии компартии со времени ее основания. Под руководством нового ЦК началось систематическое внедрение идеологических и организационных принципов ленинизма во всей партии. Одним из важнейших мероприятий было практическое проведение в жизнь неоднократно принимавшегося, но не выполненного из-за саботажа ультралевых элементов решения о перестройке партийных организаций на базе фабрично-заводских ячеек. Тем самым партия извлекла важнейшие уроки из опыта послевоенного революционного кризиса, окончательно порвала с вредными социал-демократическими традициями в организационном

вопросе, создала решающую предпосылку для успешной борьбы за завоевание большинства рабочего класса.

Суд над Волльвебером состоялся 23 декабря 1925 года. В автобиографии он пишет: «На суде в Лейпциге я допустил ошибку. Благодаря хорошей конспирации моей деятельности прокуратуре вряд ли удалось доказать наличие конкретных фактов государственной измены с моей стороны. Я попал в ловушку. Прокурор задал мне вопрос, являюсь ли я дисциплинированным коммунистом и выполняю ли все решения ЦК. Я ответил: да. Это было ошибкой, поскольку некоторые решения и призывы КПГ были признаны судом как государственная измена. Тем самым я дал формальный повод для моего осуждения. На допросе мне надо было ответить в том смысле, что вопрос о дисциплине касается партийных дел и отвечать на него я буду только перед партией».

Эрнста обвинили в подготовке государственной измены и приговорили к трем годам тюрьмы, а также денежному штрафу 300 рейхсмарок. Суд зачел время пребывания Эрнста в следственном изоляторе в общий срок тюремного заключения. В приговоре говорится: «Денежный штраф и один год шесть месяцев лишения свободы обвиняемый отбыл во время нахождения под следствием», то есть оставалось отсидеть еще полтора года. В общем вердикт с учетом развернувшейся в стране антикоммунистической кампании из-за провала группы «Чека» оказался приемлемым. К тому же адвокат Хегевич обещал с помощью компартии добиться сокращения и оставшегося срока заключения.

Действительно, через месяц после приговора в правоохранительных органах Лейпцига разразился «юридический скандал». В отношении следователя доктора Юргенса, который вел дело Волльвебера, было возбуждено обвинение в злоупотреблении доверием и совершении мошенничества. Юристы КПГ собрали неопровержимые доказательства того, что он при обыске квартир арестованных коммунистов неоднократно совершал кражи имущества. В январе 1926 года следователь Юргенс был арестован. Этот необычный случай послужил поводом для подачи в суд заявления о повторном рассмотрении приговора по делу Эрнста. Чтобы замять неприятный для правосудия скандал, высшая судебная инстанция распорядилась освободить Волльвебера досрочно. 28 февраля 1926 года он вышел на свободу.

Коллеги встретили Эрнста у ворот тюрьмы и на автомашине доставили в центральное правление КПГ в Берлине. Там его ждали все члены нового ЦК во главе с Тельманом. Должность Волльвебера как члена ЦК сохранялась. Ему был устроен теплый прием с дружеским застольем. Тут же за праздничным столом был составлен план его выступлений перед общественностью с разоблачением «продажности капиталистической юрисдикции, а также контрреволюционных заправил антикоммунистической кампании».

В марте 1926 года Волльвебер выступил на собраниях общественности в десяти городах, в том числе Гамбурге, Эссене, Кёльне, Франкфурте-на-Майне. Эмоционально рассказывая о своем опыте нахождения под стражей, он разоблачал факты коррупции в правоохранительных органах, жестокого обращения с арестованными коммунистами, несправедливого антикоммунистического уклона германского правосудия. В подтверждение приводил приготовленную юристами такую статистику: за 1918–1922 годы в Веймарской республике было совершено левыми коммунистами 22 политических преступления, все виновные были сурово наказаны, десять человек казнены. За то же время правыми экстремистами было совершено 354 политических убийства, из них только один был сурово наказан, но ни один не был казнен. В 1924 году нацисты в результате Пивного путча в Мюнхене предприняли попытку государственного переворота. Гитлер вроде был арестован, но уже через 10 месяцев вышел на свободу с нацистским манифестом «Моя борьба», полный решимости захватить власть в Берлине.

Публичные выступления Волльвебера на фоне коррупционного скандала в правоохранительных органах Лейпцига имели значительный резонанс среди общественности, привлекли внимание прессы. В газетных репортажах, приводя его экспансивные высказывания, журналисты писали о нем как о «жертве коррумпированной судебной системы», «порядочном коммунисте», отстаивающем демократические права и свободу рабочих, профсоюзных, коммунистических организаций. Престиж Волльвебера в руководстве КПГ, профсоюзах, в народных массах существенно возрос.

После выполнения плана проведения массовых мероприятий Волльвебера отпустили на три недели отдыхать. Перед отъездом

в Мюнден он встретился с Тельманом, чтобы узнать, как обстоят дела с арестом Скоблевского. Как и предполагалось, этим делом активно занимались Коминтерн, российские спецслужбы, КПГ. От компартии для разработки оперативных операций по вызволению Скоблевского из тюрьмы в Москву был послан Гейнц Нейман, которого Волльвебер хорошо знал по партийной работе в ЦК партии. Тельман сугубо доверительно сообщил, что Неймана рекомендовал сам Сталин.

Справка. *Гейнц Нейман родился в 1902 году в Берлине в семье среднего достатка. В молодости изучал филологию, увлекся марксистскими идеями. В 1920 году вступил в КПГ, начал писать статьи в различные коммунистические газеты. В 1922 году бросил университет и стал редактором печатного органа компартии «Роте фане». За активную революционную деятельность был арестован, провел шесть месяцев в тюрьме, во время которых выучил русский язык, причем настолько хорошо, что мог говорить с советскими товарищами без переводчика. В 1922 году, в ходе поездки в Москву, познакомился со Сталиным, стал его активным сторонником, неоднократно встречался с вождем, вел с ним переписку.*

По своим политическим убеждениям принадлежал к левому крылу КПГ во главе с Рут Фишер. Участвовал в Гамбургском восстании. В 1924 году бежал в Вену, из которой в 1925 году был выслан в СССР. В Москве сменил Ивана Каца на посту представителя КПГ в Коминтерне. В 1927 году представлял Коминтерн в Китае. Работая вместе с грузинским коммунистом Виссарионом Ломидзе, участвовал в организации Гуанчжоуского восстания 11 декабря 1927 года. Вернувшись в Германию, вошел в число высших руководителей КПГ, считался крупным теоретиком партии, стал главным редактором «Роте фане». Проводил политику жесткого противодействия нацизму, провозгласив популярный лозунг «Бейте фашистов там, где встретите!» После V расширенного пленума ИККИ вошел в состав секретариата ИККИ, после Пятого конгресса Коминтерна — член Бюро секретариата ИККИ.

В 1930 году избран в рейхстаг. Наряду с другими депутатами — Киппенбергером, Волльвебером — был одним из лидеров партийных отрядов самообороны КПГ, участвовал в подготовке террористической акции против двух полицейских на площади Бюловплатц 9 августа 1931 года. В этот период у него появились разногласия с политикой Сталина и Тельмана, которые, по его мнению, недооценивали опасность захвата власти фашистами. Подвергся резкой критике, в ноябре 1932 года был освобожден от партийных постов, потерял место в рейхстаге. В 1933 году направлен инструктором Коминтерна в Испанию. В конце 1934 года был арестован в Цюрихе швейцарскими иммиграционными властями, шесть месяцев находился в заключении. В 1935 году выдворен из страны в СССР. 27 апреля 1937 года был арестован НКВД, 26 ноября того же года приговорен к смертной казни и расстрелян в тот же день.

Жена Неймана, коммунистка Маргарита Бубер-Нейман в 1940 году была арестована и передана советской стороной гестапо. В 1940-х годах выступала на антикоммунистических судебных процессах.

В операциях по освобождению Скоблевского Нейман играл главную роль. Он внедрился в компанию трех молодых немцев, совершавших ознакомительную поездку по Советскому Союзу. В ходе общения с ними на оживленных вечеринках с застольем собрал на гостей компрометирующие материалы. Один из них, некий Карл Киндерман, проявил гомосексуальные поползновения. ОГПУ арестовала троицу, предъявив обвинение в том, что они засланы в СССР тайной фашистской организацией «Консул» для совершения терактов против советских руководителей. Им грозило суровое наказание. Немецкая пресса подняла шумную кампанию по их освобождению.

Между тем представители советских следственных органов вступили в тайные переговоры с германским министерством юстиции, предлагая обменять трех немцев на Скоблевского. Поначалу немецкая сторона отказывалась, ссылаясь на то, что Скоблевскому вынесен смертный приговор. В ответ ОГПУ передало дело на немецких арестантов в военный трибунал. Этот суд стал одним из первых так называемых показательных процессов. Все трое были приговорены к расстрелу как шпионы. В сентябре 1926 года Скоблевского обменяли на трех приговоренных, добавив к ним еще восемь арестованных немцев.

В отместку немецкие спецслужбы предприняли настоящую охоту на Неймана, чтобы ликвидировать его. Ему пришлось скрывался сначала в Австрии, потом Швейцарии. Но укрывательство в этих странах было ненадежным, они могли по требованию Берлина выдать его Германии. Для обеспечения безопасности Неймана ЦК КПГ направило руководству СССР такое тревожное письмо: «Совершенно секретно. Тов. Сталину. Ввиду угрозы, что арестованный в Швейцарии тов. Гейнц Нейман может быть выдан Германии, ПБ КПГ ставит перед Вами вопрос, нельзя ли тов. Неймана принять в советское гражданство. ПБ КПГ полагает, что 1) тов. Нейману в Германии угрожает смертная казнь и 2) дело тов. Неймана может ухудшить положение тов. Тельмана». Сталин наложил на этом обращении резолюцию: «Я за, если это поможет хоть в какой-либо степени т-щу Нейману».

* * *

«После освобождения из тюрьмы в 1926 году я был направлен инструктором ЦК КПГ в Силезию, — пишет Эрнст в автобиографии. — Там меня избрали в 1927 году секретарем профсоюзной организации».

Коллеги по партии недоумевали, почему Волльвебер согласился с назначением на должность ниже члена ЦК. Ожидалось, что с учетом его заслуг и возросшего авторитета он возглавит влиятельную парторганизацию в Берлине. Никто не знал, что Эрнст едет в Силезию с личным, секретным поручением Тельмана «навести должный порядок» в тамошнем окружном правлении КПГ — убрать с руководящих постов правых уклонистов и примиренцев, избрать новое правление и возглавить Силезскую окружную парторганизацию.

Задание было сложное. Тельман предупредил, что правые и примиренцы имеют в правлении убедительное большинство, крепко держатся друг за друга, образовав круговую поруку. Открытое, фронтальное выступление против них на собрании вероятнее всего приведет к провалу. Поэтому следует изучить обстановку, выявить слабые стороны, возможные разногласия между правыми и примиренцами, подыскать единомышленников, недовольных в местных партячейках.

— Можешь рассчитывать на мою полную поддержку и помощь. Ты опытный партийный боец. Действуй по обстановке с позиции руководителя Силезской окружной парторганизации, — напутствовал Тельман.

Перед отъездом, вводя Эрнста в курс партийных дел, политики Коминтерна, лидер КПГ ознакомил его с документами, постановлениями, появившимися за два года пребывания в заключении, а таких накопилось немало. Волльвебер отобрал наиболее важные, касающиеся его сферы деятельности в компартии: «Тезисы Эриха Волленбурга о причинах военных ошибок КПГ» (Волленбург, он же Вальтер — сотрудник ИККИ. — *Е. Г.*), «Доклад о состоянии и задачах военной организации в Германии, представленный в ИККИ», Инструкция «Как вести себя во время допроса», резолюция Пятого конгресса Коминтерна (1924), «Протокол заседания Комиссии В. Б. от 24 января 1924 года» (В. Б. — Военное бюро ИККИ. — *Е. Г.*).

Протокол за подписью Уншлихта вызвал у него особый интерес: «1. О пролетарских сотнях: а) считать нецелесообразным в настоящий момент формирование дивизий, бригад, а центр внимания всей работы перенести на боевые дружины партии, которые должны быть хорошо обучены, вооружены, являться крепкими испытанными кадрами внутри пролетарских сотен. Основной ячейкой являются боевые кадры заводов, объединенные в боевые дистриктивные и районные отряды; б) пропаганду за образование пролетарских сотен продолжать как форму боевого объединения широких масс; в) КПГ должна взять руководство в свои руки над стихийно организующимися сотнями безработных и другими категориями рабочих в борьбе за непосредственные экономические интересы, поддерживать борьбу их и связать движение это с общими политическими задачами пролетариата; г) во всех сельскохозяйственных и пограничных областях Германии (Тюрингия, Мекленбург, Померания, Бавария, Восточная Пруссия и т. п.) уделять особое внимание партизанскому движению, образованию, оформлению отрядов батраков, из беднейших крестьян и т. д.

2. О терроре. В момент революционного подъема массового рабочего движения Политбюро КПГ решает вопрос о применении террора как к отдельным лицам, так и к руководителям по-

литических групп противника, организуя при себе небольшую боевую группу, максимально законспирированную, из наиболее испытанных партработников, для выполнения этих задач. Эта же группа обезвреживает провокаторов.

3. Заготовка оружия: а) усилить работу по установлению и изъятию припрятанного оружия; б) закупку крупных партий оружия как за границей, так и внутри страны совершать под условием доставки его в указанное место и без принятия риска провала оружия в дороге; в) усилить работу парторганизаций на оружейных заводах с тем, чтобы в нужный момент облегчить изъятие оружия.

4. Бюджетные дела: а) считать необходимым выделение в каждом бецирке (районе) ответственного товарища для руководства военной работой в данном бецирке; б) смету, уже рассмотренную В. Б., утвердить, восстановив в ней статью о содержании военных руководителей бецирков; в) работу среди рейхсвера, шупо и др. передать местным парторганизациям, выделив для этой цели специальных товарищей.

5. О взаимоотношениях. Военный руководитель, заведующий Н. В. О. (Нелегальной военной организацией. — *Е. Г.*), разведкой, закупочная комиссия — получают инструкции, распоряжения и финансируются В. Б. через тов. Мартова. Через него же все они передают свои доклады для В. Б. Сведения передают они только ЦК Германской партии (по возможности устно) и в письменной форме лишь в одном экземпляре В. Б. на имя тов. Юровского. Тов. Мартову В. Б. предоставляет право контроля указанных аппаратов».

К удовлетворению Эрнста в «Протоколе» нашли отражение предложения его записки о задачах КПГ в военной подготовке, переданной Сталину. Часть соображений из своей записки он обнаружил также в «Тезисах Эриха Волленбурга», в которых подчеркивается, что «фундаментом школы, как и военной работы вообще, должен стать ленинизм, необходимой надстройкой — техническая, военная организация, тактика и стратегия в реальных условиях гражданской войны».

В «Докладе о состоянии и задачах военной организации в Германии» от 19 октября 1925 года содержалась важная информация по четырем направлениям работы «в период замедленного темпа

развития революции. Задачи эти: а) разложение (работа в армии, полиции, рейхсбаннере (имперский флаг — военизированная организация СДПГ для защиты Веймарской республики. — *Е. Г.*) и добровольческих военных союзах буржуазии); б) разведка и контрразведка; в) Красный союз фронтовиков; г) работа по подготовке (ОД) (служба организаторов. — *Е. Г.*)

1. Область работы, о которой здесь идет речь, — это главным образом работа по разложению армии, полиции и антивоенная работа в оккупационных войсках французской армии. Для ведения этой работы имеется аппарат: в центре три человека (платных) — руководство этой работой; в каждом бецирке и унтербецирке руководитель разложения с соответствующими группами товарищей, ведущих работу по разложению. Практическая работа ведется по: а) распространению литературы среди солдат и полицейских; б) организации связей с отдельными солдатами и полицейскими, организации ячеек коммунистов и ячеек сочувствующих в частях армии и полиции; в) снабжению материалами по разложению редакций партийных органов, комфракций рейхстага и ландтагов, для внесения их на обсуждение заседаний последних. Литература, издаваемая центральным руководством, следующая: газетки «Рейхсверсолдат» и «Полицейбеамте» выходят ежемесячно в количестве 6 000 и 10 000 (в среднем) каждая... Издается еще ежемесячный журнальчик «Новый фронт», предназначенный для рабочих, организованных в буржуазных добровольческих союзах («Стальной шлем», «Юнгдо» и пр.)... Руководством по разложению организуется также разведка; первые весьма ценные (для Красной армии) материалы по французской армии, добытые ими, свидетельствуют о том, что работа эта будет иметь успех.

2. Разведка и контрразведка. Основная задача — это обслуживание партии, т. е. обеспечение партийного руководства в центре и на местах необходимой информацией о противнике: социал-демократии, профсоюзах, рейхсбаннере, государственных учреждениях, политических партиях и пр. Разведка организована: в центре руководитель и четыре платных сотрудника; в бецирках — руководитель и соответствующая группа сотрудников. Средства на разведку отпускаются до 7000 марок в месяц... Аппарат разведки нередко дает партии (и русскому разведаппа-

рату в Берлине) весьма ценные сведения о противнике... Аппарат по контрразведке имеет задачей борьбу с провокаторами партии. Потребность в этой работе большая... О результатах этой работы можно судить по только что вышедшей брошюре «Альманах шпиков», содержащей данные о нескольких сотнях установленных и разоблаченных шпиков. Работают в аппарате три платных товарища, а на местах эту работу ведут руководители разведки.

3. Красный союз фронтовиков. Одним из наиболее действенных средств разложения социал-демократического рейхсбаннера, а также военных союзов буржуазии является или, вернее, должен являться Союз фронтовиков. Он в настоящее время насчитывает свыше 100 000 человек, из коих примерно 50 % коммунистов... Газета союза «Красный фронт» (ежемесячная), тираж 80 000 экз., издается целиком военным руководством... Союз играет большую роль не только в деле разложения рейхсбаннера и в борьбе против военных союзов буржуазии, он, как промежуточная организация между рабочим классом и партией, имеет большое значение в деле революционной мобилизации беспартийных масс и втягивания их в сферу влияния компартии.

4. Работа по подготовке (ОД). Еще до половины этого года обучение членов организации военному делу велось более или менее регулярно, но когда в партийных массах укрепилось сознание, что в ближайшее время нельзя ожидать приближения новой революционной волны, интерес к военному делу среди членов организации ослаб... В настоящее время по всей Германии насчитывается около 3—5 тысяч человек, организованных в группы. Все эти люди до единого вошли в Союз фронтовиков... Военная организация (ОД) потеряла до известной степени свое лицо, как организация нелегальная... Мы считаем, что нелегальную организацию необходимо сохранить постольку, поскольку это необходимо для ведения действительно нелегальной работы: разложение, разведка, сохранение партийного имущества (оружия) и пр., но для этой цели нет необходимости иметь большую организацию, нужны небольшие кадры надежных товарищей... Для теоретической подготовки выходит журнал «Гражданская война», предназначенный для ОД и руководящих кадров партии».

После ознакомления с «Докладом» Волльвеберу стало ясно, какой огромный ущерб поражение «германского Октября», провалы и предательство нанесли военной организации КПГ. Фактически тот мощный военный аппарат, в создании которого он тогда участвовал, развалился. За два года его пребывания в заключении произошли сильные изменения не только в общей политической ситуации, но соответственно видоизменились задачи, направления работы, структура военной организации. Эрнста особенно заинтересовала деятельность «Красного союза фронтовиков» (КСФ).

После изучения материалов Пятого конгресса Коминтерна (17 июня — 8 июля 1924 года) Эрнсту стали понятны смысл, причины и значение поручения Тельмана по наведению порядка в Силезской парторганизации. Главными внутренними врагами в коммунистическом движении на конгрессе были объявлены «правый уклон» и «социал-демократическое крыло фашизма». Характеризуя развитие политической обстановки в европейских странах, Зиновьев 18 июня заявил: «Самым существенным здесь является то, что социал-демократия стала крылом фашизма. Это большой политический факт». Его поддержал Сталин, который в статье «К международному положению» писал: «Фашизм есть боевая организация буржуазии, опирающаяся на активную поддержку социал-демократии. Социал-демократия ест объективно умеренное крыло фашизма». Конгресс принял решение о «большевизации» коммунистических партий. Под «большевизацией» понималось умение применить общие принципы ленинизма к конкретной обстановке в той или иной стране. Первичной партийной структурой становилась партячейка на производстве. Вводился институт уполномоченных ИККИ, чьей обязанностью было следить за выполнением местными компартиями решений конгресса и постановлений Исполнительного комитета.

Все эти установки Коминтерна полностью отвечали убеждениям Волльвебера как коммуниста ленинского типа. Он сам неоднократно ратовал за применение ленинского учения в революционной борьбе. Окрыленный решениями конгресса КИ, важным поручением Тельмана Эрнст отправился в Силезию.

Осенью 1926 года, спустя два с половиной года после ареста, Волльвебер вновь прибыл в Бреслау и приступил к выполнению обязанностей инструктора ЦК КПГ. В правлении местной парторганизации его встретили с почетом и тщательно скрываемой

настороженностью. Это было заметно по напряженному выражению лиц, скованным, отрывистым фразам в разговоре. Конечно, до них дошел слух, что к ним едет «ревизор». Первый секретарь окружной парторганизации, член ЦК КПГ Эрих Хойзер был ставленником Тальгеймера, который, безусловно, проинформировал его на этот счет. Эрнст знал Хойзера по заседаниям центральных органов партии как «ловкого приспособленца». Чтобы снять напряжение и успокоить партийцев, Волльвебер как бы между прочим сказал, что на первых порах хотел бы ознакомиться с положением дел в профсоюзах.

У него не было иллюзий относительно антипартийной позиции группы Хойзера, мешающей Тельману проводить в жизнь установки Пятого конгресса Коминтерна. Чтобы решить эту главную задачу, КПГ должна была быстро преодолеть все препятствия в собственных рядах, превратиться в марксистко-ленинскую массовую партию по образцу большевистской РКП(б). Эрнст твердо верил, что данное ему поручение «навести порядок» в Силезской парторганизации является необходимым условием на пути «большевизации» КПГ, применения ленинского учения о революции в конкретных условиях классовой борьбы в Германии. Он был решительно настроен выполнить задание.

В местных профсоюзах, особенно железнодорожников и металлургов, Волльвебера хорошо знали по совместным акциям формирования отрядов самообороны в рамках подготовки «германского Октября». Он пользовался там большим авторитетом, к его мнению прислушивались. При встречах на профсоюзных собраниях каждый собеседник чувствовал его большую внутреннюю силу, не признающую компромиссов в борьбе с правыми социал-демократами, оппортунистами, фашистами. По предложению низовых профорганизаций Эрнст был избран секретарем профсоюзов Силезии. Среди профсоюзных работников он нашел немало единомышленников, заручился их поддержкой.

Участвуя в партийных заседаниях, Волльвебер внимательно присматривался к выступавшим на них членам правления. Почти все заседания вел Макс Глезер, заместитель Хойзера, который, как правило, не участвовал в прениях по вопросам повестки дня, предпочитая позицию верховного арбитра. Принимать

трудные решения ему практически не требовалось. Все выносившиеся для обсуждения вопросы заранее прорабатывались, согласовывались, на заседаниях их лишь формально утверждали. Большинство постановлений носило примиренческий характер, даже по вопросу проведения фашистами собрания в местном клубе — решили это мероприятие «принять к сведению» и послать на него наблюдателя.

На некоторых заседаниях присутствовал секретарь местного Коммунистического союза молодежи (КСМ) Карл Ширдеван. Его выступления обычно сводились к планируемым общественным мероприятиям союза, которые правление утверждало. Как-то он обратился к Эрнсту с просьбой выступить перед юными коммунистами о встрече с Лениным и участии в конгрессе Коминтерна в Москве. Непринужденная, товарищеская беседа в союзе молодежи продолжалась более пяти часов. Волльвеберу понравился революционный настрой участников КСМ, их готовность следовать заветам Ленина в борьбе за идеалы коммунизма, победу КПГ. Эрнст взял Ширдевана под опеку, поставив перед ним задачу активнее приобретать революционный опыт, товарищей «для выполнения более серьезных поручений в деле улучшения работы окружной парторганизации». Двадцатилетний, перспективный секретарь КСМ был зачислен в число единомышленников.

Через год, к осени 1927 года план свержения оппортунистического правления во главе с Хойзером был готов. Волльвебер ждал только удобного момента и сигнала Тельмана для его осуществления. Такой момент возник в связи с появившимися в городе объявлениями о предстоящем выступлении «гауляйтера Иозефа Геббельса в центральном танцевальном зале Бреслау». Хойзер и его единомышленники решили протестных мероприятий против собрания фашистов не проводить, ограничившись стандартным направлением туда наблюдателей.

Волльвебер, действуя скрытно от правления, подготовил дерзкую операцию по срыву акции нацистов. Он сформировал две группы боевиков из КСФ: первой поручалось создавать помехи оратору в зале путем выкрикивания провокационных вопросов, возмущенных возгласов, громких споров, шумного топота ногами; вторая должна была в конце на выходе устроить драку.

Операция прошла четко по плану, выступление Геббельса было сорвано. Драка началась чуть раньше выхода, когда фашистские молодчики пытались вывести из зала «крикунов», оказывавших им сопротивление. В возникшей суматохе боевикам удалось пробиться ближе к трибуне. Нацисты, опасаясь за безопасность гауляйтера, вскочили на помост, окружив его плотным кольцом. Накануне боевикам удалось подпилить несколько стоек трибуны, которая, не выдержав тяжести, рухнула. В сутолоке нацистам была устроена хорошая взбучка, несколько оплеух и тумаков достались даже Геббельсу.

Акция протеста против собрания нацистов нашла широкий отклик общественности, Газеты описывали бурные столкновения между собравшимися в центральном зале Бреслау противниками, в ходе которых коммунисты одержали верх, гауляйтеру Геббельсу пришлось спешно ретироваться. На другой день курьер передал Волльвеберу письмо Тельмана, в котором выражалась признательность за отлично проведенное антифашистское мероприятие, содержался условный знак к действию.

На тщательно подготовленное расширенное заседание правления Силезской парторганизации Эрнст пригласил своих надежных единомышленников из профсоюзов, КСМ, боевиков КСФ. Хойзер, Глезер и их приспешники оказались в меньшинстве. По выражению их лиц было видно, что они явно встревожены, беспокойно оглядывают присутствующих. Волльвебер зачитал благодарственное послание Тельмана участникам антифашистской акции против Геббельса. Затем заявил, что уполномочен отстранить нынешнее правление от дел за неудовлетворительные результаты работы, неправильное уклонение от политической линии партии, избрать новое руководство окружной организации КПГ. Хойзер молчал, его зам. Глезер потребовал поставить этот вопрос на голосование. Эрнст невозмутимо пояснил, что все присутствующие на расширенном заседании пользуются правом голоса. Большинство одобрило его предложение о переизбрании правления. Далее он огласил список кандидатов в новое руководство, все они были одобрены.

Работу расширенного собрания объявили завершенной. Эрнст предложил провести заседание нового правления для распределения обязанностей между его членами. На нем его избрали руководителем окружной парторганизации Силезии. Поручение Тельмана было выполнено.

Авторитет Волльвебера как политика — лидера компартии и секретаря профсоюзов Силезии настолько возрос, что в 1928 году его избрали депутатом парламента Пруссии, а в 1929 году — депутатом ландтага (земельного парламента) Нижней Саксонии. Как член парламента он пользовался депутатской неприкосновенностью, имел право бесплатного проезда по железной дороге между Рейном и Восточной Пруссией, получал довольно приличное денежное содержание.

Но до избрания в парламент Эрнсту пришлось пережить неприятные столкновения со свергнутыми членами Силезского правления. Потерпев поражение в Бреслау, правые и примиренцы, тайно сговорившись, решили нанести ответный удар по нему и Тельману на заседании ЦК в Берлине. Поводом для их демарша послужила афера с присвоением и растратой партийных денег членом ЦК Ионом Виторфом, зятем Тельмана. Хотя каких-либо улик причастности Тельмана к этой афере установлено не было, заговорщики потребовали отстранить его с поста председателя КПГ на период до окончательного завершения расследования этого дела. Хойзер предлагал даже исключить Тельмана из партии.

Волльвебер решительно опроверг все нападки правых. Сославшись на комиссию, расследующую аферу Виторфа, показал всю абсурдность и надуманность обвинений в адрес Тельмана. Он жестко критиковал оппонентов за правый уклон в политике, оппортунизм, саботаж повседневной работы КПГ. Хойзер и его пособники набросились на Эрнста с обвинениями в нарушении устава партии при выборах нового правления в Бреслау, самоуправстве, левацких методах управления. Они потребовали исключить Эрнста из ЦК. При голосовании правые и примиренцы оказались в большинстве, их предложения были утверждены: Тельман был временно снят с поста председателя КПГ, Волльвебер исключен из ЦК.

В автобиографии он описывает этот инцидент так: «В ходе переворота примиренцев в руководстве КПГ, направленного против товарища Тельмана, я был исключен из бюро ЦК. С предложением о выводе меня из руководящих органов высту-

пили политический руководитель РФБ Эрих Хойзер, главный редактор Бернхард Менне, секретарь РФБ Райнхольд Штеффен и другие. Большинство мест в партийном аппарате заняли правые. Мое предложение о переизбрании товарища Тельмана было отклонено. Разгорелась жесткая партийная борьба с правыми и примиренцами. Я был избран политическим руководителем Силезской области, где партия имела слабое влияние на рабочую среду. За три года, в течение которых я работал в Силезии, партия и ее влияние существенно возросли. Работа в массах была поставлена на регулярную основу. Правда, ощущался недостаток в подготовке молодых партийных кадров, особенно на низовом уровне».

В Москве неожиданный «переворот» в руководстве КПГ назвали неприемлемым и нетерпимым. Сталин дал указание Зиновьеву по линии Коминтерна «поправить немецких товарищей», вернуть Тельмана и Волльвебера на занимаемые высокие должности. В Берлин вылетел представитель КПГ при Коминтерне Вальтер Ульбрихт с соответствующим поручением. В помощники ему дали сотрудников Западноевропейского бюро (ЗЕБ) ИККИ в германской столице.

В повестку дня внеочередного пленума ЦК КПГ был включен один вопрос «О положении в руководстве компартии в связи с делом Виторфа». Вначале слово предоставили Г. Эберлейну, председателю комиссии по расследованию преступления о растрате партийных денег. Следствие по этому делу, по его словам, завершено, виновник установлен и наказан. На вопрос: выявлена ли причастность к данной афере Тельмана, последовал отрицательный ответ. Значит, подозрения некоторых товарищей на этот счет являются необоснованными и вымышленными, констатировали участники пленума. Ульбрихт заявил, что устранение Тельмана и Волльвебера из руководства КПГ было грубой ошибкой, совершенной путем сговора политически мотивированной группировки правых и их приспешников в ЦК. Он обвинил их в антипартийной деятельности, оппортунизме, уклонении от выполнения решений Пятого конгресса Коминтерна. Хойзер и его правые последователи были выведены из состава ЦК. Тельман восстановлен в правах председателя КПГ, Волльвебер утвержден членом ЦК. Под «горячую руку» попал Эберлейн из-за личной неприязни к нему Ульбрихта. Председателя комиссии по расследованию аферы упрекнули в пособничестве правым и сняли с поста заведующего предприятиями компартии.

Это наказание вызвало неоднозначную реакцию среди членов ЦК. Многие товарищи считали расправу с Эберлейном необоснованной, поскольку он честно и добросовестно осуществлял расследование преступления Виторфа. Сотрудники ЗЕБ просигнализировали об этом в Москву, откуда последовала «шифровка вне всякой очереди непосредственно. Политбюро ЦК КПГ т. Тельману», за подписью: Сталин, Молотов, Пятницкий. 11/X-28 г., № 88/792. Есть опасность, что снятие Эберлейна будут использовать как месть Эберлейну за участие в расследовании дела Витгофа (так в тексте. — *Е. Г.*) и как косвенное оправдание преступления Витгофа. Поэтому, обсудив здесь вопрос о дальнейшей работе Эберлейна, мы пришли к заключению, что его следует оставить, как и до сих пор заведующим всеми предприятиями ЦК КПГ, однако чтобы не было возможности использования средств, принадлежащих предприятиям, для фракционных целей, необходимо усилить контроль Политбюро над Эберлейном».

Острые партийно-политические разборки не поколебали решимости Волльвебера продолжать линию на размежевание с правым оппортунизмом и колеблющимися примиренцами. На необходимость такого размежевания к его удовлетворению нацеливали и решения Шестого конгресса Коминтерна, который проходил в Москве как раз в период фракционных столкновений в руководстве КПГ (с 17 июля по 1 сентября 1928 года). В тезисах КИ подчеркивалось, что укрепление единства коммунистических партий следует обеспечивать путем борьбы против всех антиленинских взглядов, прежде всего правых оппортунистов, раскольнической политики лидеров социал-демократии, реформистских профсоюзов. Одновременно разоблачать соглашательскую политику группы примиренцев, пытавшихся оправдать антипартийное поведение правых, осложнявших борьбу против оппортунизма.

Особую важность для Эрнста представляли призывы конгресса к противоборству растущей опасности фашизма и войны, в защиту Советского Союза. Компартии были обязаны ориен-

тировать рабочий класс на поддержку национально-освободительных войн и революций, вести антивоенную работу в армиях капиталистических государств, а в случае возникновения новой империалистической войны выдвинуть лозунг превращения ее в международную социалистическую революцию. В постановлении Коминтерна о борьбе с военной опасностью подчеркивалось, что «защита Союза Советских Социалистических Республик от международной буржуазии отвечает классовым интересам и является долгом чести международного пролетариата».

Принятие этого важного постановления по существу было инициировано группой руководящих работников Военной организации КПГ (И. Гуче, А. Майер, Г. Шотт, Волльвебер), которые накануне открытия работы Коминтерна направили в адрес конгресса письмо и рукопись брошюры «К вопросу о вооруженном восстании в Германии. Предложения по развитию политической работы в КПГ».

В письме говорилось: «Коль скоро лозунги партии и Коминтерна «Борьба против военной опасности», «Защита Советского Союза» не должны оставаться только пропагандистскими лозунгами, а обязаны служить активизации партии и широких слоев рабочего класса, партии следует более планомерно предпринимать все необходимые для этого меры... Мы просим принять к сведению прилагаемую работу и использовать ее в качестве материала для постановки задач в области германской и международной военно-политической деятельности».

В период нахождения Волльвебера в тюрьме представители советской разведки в Берлине и Москве оказывали ему моральную и материальную поддержку, способствовали скорейшему освобождению, наняв через руководство КПГ опытного адвоката. Эрнст чувствовал эту поддержку советских товарищей. Их забота и внимание придавали ему силу и уверенность в благополучном исходе судебного дела. Поэтому он был очень обрадован, когда получил известие об условиях конспиративной встречи с советским представителем. Им оказался хорошо знакомый Волльвеберу лидер Профинтерна Соломон Лозовский.

В Москве по достоинству оценили мужественное, стойкое поведение Эрнста в ходе судебного процесса. Лозовский передал ему личную благодарность Берзина, сообщил о решении поощрить его материально, передав крупную сумму денег. Поделился масштабными планами участия Волльвебера в разрабатываемых проектах создания оппозиционных профсоюзов в Германии и на международной арене в противовес социал-демократическому Международному союзу транспортных рабочих в Амстердаме. В реализации этих планов Волльвеберу отводилась руководящая роль. В этом контексте ему рекомендовалось на данном этапе активнее заниматься общественной, политической деятельностью, заводить полезные связи в профсоюзных, партийных кругах. Что касается повседневных, актуальных задач, то задания по этой линии Эрнст будет получать от коллег в Берлине.

Перед берлинской резидентурой в то время ставились задачи, далеко выходящие за пределы Германии. В этом отношении точка в германской столице имела «глобальное» значение. Центр запрашивал берлинскую резидентуру о подрывной деятельности против Советской России иностранных разведок и их агентуры, белогвардейских и иных эмигрантских организаций; требовал получения документов, имеющих важное значение для обеспечения безопасности государства.

В 1924 году резидент советской разведки в Берлине Бортновский возвратился в Москву. Новым руководителем резидентуры был назначен Владимир Владимирович Бустрем (настоящее имя Алексей Васильевич Логинов), профессиональный революционер, русский, 1883 года рождения. В 1906–1907 годах он находился на нелегальной партийной работе: принимал участие в деятельности военно-боевых организаций РСДРП (б) Севастополя, Либавы, Риги. В мае–июне 1907 года в качестве делегата от Либавы участвовал в лондонском съезде РСДРП. Опыт нелегальной работы, хорошее знание немецкого, французского и английского языков пригодились ему, когда в 1922 году он был назначен уполномоченным Иностранного отдела ГПУ.

Бустрему удалось заметно активизировать работу резидентуры. Она располагала ценными источниками информации о положение Германии, ее отношениях с другими странами. В Центр направлялись ежемесячные доклады министерства хозяйства об экономическом положении, сводки берлинского главного управления полиции о внутриполитической ситуации, обстановке в политических партиях. Резидентура регулярно освещала

вопросы германской политики на Балканах, Ближнем Востоке, в отношении Англии, Польши, Турции, Чехословакии, Франции. В 1925 году был привлечен к сотрудничеству директор частного детективного бюро пана Ковальчика. От агента поступали важные сведения контрразведывательного характера.

В архивах внешней разведки, отмечают авторы труда «История российской внешней разведки», сохранился документ о работе руководимой В. Бустремом резидентуры по состоянию на 1 января 1928 года, который дает представление о масштабах ее деятельности в тот период. Личный состав резидентуры — 8 человек. Количество источников по Берлину — 39, по Парижу — 7. В 1927 году из Берлина поступило в Москву 4947 информационных материалов. Свыше тысячи наиболее важных из них были направлены руководству страны, 147 лично Сталину. Определенный вклад в эти достижения, безусловно, внес и разведчик Штайн.

В октябре 1928 года в ЦК КПГ поступили две инструкции ИККИ «по работе среди войск», которые Волльвебер изучил и воспринял как руководство к действию: «Работа в рядах вооруженных сил буржуазии необходима не только с точки зрения борьбы против войны, но и вообще с точки зрения всякой действительно революционной борьбы. Глубокое разложение вооруженных сил буржуазии является абсолютно необходимой предпосылкой завоевания власти пролетариатом. «Если революция не станет массовым движением и не охватит также войско, то вообще нельзя говорить о серьезной борьбе» (Ленин). Исход решающей борьбы за власть в весьма значительной мере зависит от того, насколько удачной будет «борьба за армию», — подчеркивалось в документе. — В рядах вооруженных сил крестьяне приходят в тесное соприкосновение с пролетарскими элементами. Поэтому в очень многих случаях работа в армии создает благоприятную почву для работы среди крестьян. Там, где коммунистические партии еще легальны и обладают лишь небольшим опытом в нелегальной работе, антимилитаристическая работа, большая часть которой всегда должна проводиться нелегально и предполагает создание и поддержание конспиративного аппарата, является весьма серьезным фактором подготовки партии к нелегальности».

Другая инструкция предписывала, что следует делать после объявления в стране мобилизации: «Каждая партия должна в течение ближайшего времени (месяца) выработать мобилизационный план, который должен включить:

а) немедленную перестройку партработы с расчетом сосредоточить максимальное внимание на обслуживании пунктов, имеющих особое значение в деле подготовке войны (см. списки особых пунктов и др.), пункты, которые срочно должны быть установлены ЦК;

б) создание при ЦК: 1) информационного аппарата по изучению военных планов противника; 2) технического отдела для формирования кадров и наметки пунктов и мер индивидуального массового саботажа в случае объявления войны; 3) создание школ для подготовки инструкторов по пункту второму».

Одновременно был подготовлен примерный расчет бюджета для антимилитаристской работы на 1928 год по странам: «Германия. Необходимо восстановить специальный бюджет в тех размерах, как это было до начала сего года, т. е. около 2500 долл. (без РФБ), так как он уже тогда был сокращен до минимальных размеров. Требовать содержания 10–12 постоянных работников для работы среди войск и другой специальной военно-политической партийной работы (курсы, журнал и т. д.)».

Рекомендации конгресса Коминтерна и вытекающие из них задачи компартии предстояло обсудить на XII съезде КПГ 9–15 июня 1929 года в Берлине. Форум проходил под девизом «концентрации всех сил» на сплочение рабочего класса, всех трудящихся вокруг партии, «большевизацию» КПГ, выполнение решений Пятого и Шестого конгрессов Коминтерна применительно к Германии. Как и ожидалось, обсуждение этих вопросов вылилось в ожесточенную дискуссию с правыми и примиренцами, выступившими против «большевизации» и установок Москвы «по работе среди войск». Группировка правых во главе с Науманом и Ремеле попыталась снова оттеснить от руководства Тельмана и его последователей. Волльвеберу пришлось вновь вмешаться в эту полемику, причем выступил он довольно резко и эмоционально, заклеймив оппонентов как предателей дела революции, идей коммунизма и ленинизма. «На съезде КПГ в берлинском районе Веддинг я выступил против правых

и фракционеров Наумана и Ремеле. Меня поддержали товарищи Вильгельм Флорин, Эрнст Грубе и другие делегаты. В результате влиятельные правые и сектанты Науман и Ремеле были выведены из ЦК. Правда, и меня подвергли критике, причем справедливо, — отмечает он в автобиографии. — Эрнст Тельман, касаясь моей деятельности, сказал, что важно не только правильно оценивать положение в партии, но и своевременно, в нужный момент ставить вопросы для решения назревших проблем. По его мнению, я слишком эмоционально и плохо подготовил выдвинутый вопрос об исключении Наумана и Ремеле, дав им тем самым возможность использовать этот спор против себя». Главное, проводники правооппортунистического влияния были исключены из КПГ. Берлинский съезд подвел окончательные итоги борьбы с правыми и примиренцами, укрепил внутреннее единство партии, и Волльвебер внес в это дело сплоченности существенный вклад.

Весной 1929 года в Германии произошло резкое обострение классовой борьбы пролетариата против буржуазии и правящей социал-демократической верхушки. Среди целого ряда ожесточенных стачечных боев особенно выделялись борьба сотен тысяч металлистов Рура против локаута и массовая первомайская демонстрация рабочих Берлина. Столкновения манифестантов с полицией, спровоцированные правым социал-демократом, берлинским полицай-президентом Цергибелем, вылились в настоящие бои. Газеты писали о «кровавом Мае», десятках убитых, сотнях раненых, тысячах пострадавших мирных демонстрантов от жестокостей полицейских. Тельман, Волльвебер, другие члены ЦК КПГ, шедшие в первых рядах демонстрантов, подверглись грубому разгону, насильственному приведению в полицейский участок.

На чрезвычайном заседании ЦК КПГ было решено обратиться в Коминтерн с предложением: выступить от имени КИ со специальным заявлением для европейской и международной общественности о кровавой расправе социал-демократических властей с мирными манифестантами, поскольку противозаконные, карательные действия берлинской полиции выходили за рамки внутриполитических событий Германии. 5 мая 1929 года Западноевропейское бюро Коммунистического Интернационала в Брюсселе обратилось с «Воззванием к пролетариям Европы»: «Товарищи! Несколько дней назад в Берлине была пролита кровь рабочих. Социал-демократический полицай-президент Цергибель расстрелял майскую демонстрацию. Он подло, провокационным образом напал на рабочих лучших районов Берлина — Веддинга и НойКёльна, которые со времени создания КПГ являются цитаделью коммунистического влияния. В течение нескольких дней полицейские банды чинили зверскую расправу над рабочим населением. Они без всякого повода обстреливали дома, они поливали улицы огнем из бронеавтомобилей, они стреляли из карабинов в жен и матерей рабочих, появлявшихся на балконах, они охотились за прохожими, жестоко истязали их.

Так отомстила озверевшая социал-демократия рабочим Берлина за свою неудачу на последних выборах в производственные советы, так отомстила она им за их твердую революционную волю придать первомайской демонстрации пролетарский, боевой характер. Напрасны были ее попытки помешать росту влияния коммунистов путем их массового исключения из профсоюзов, посредством выбрасывания их с фабрик, обречения их семей на голод и нищету... Так же, как и во времена Носке, руки социал-демократов обагрены кровью и они не могут смыть ее. Так же, как кровь Карла Либкнехта и Розы Люксембург и замученных до смерти, расстрелянных Носке 15 тысяч рабочих и матросов, эта ныне пролитая кровь еще больше углубила пропасть между социал-демократией и теми лучшими рабочими, которые из-за своей инерции находятся под ее влиянием.

На улицу, пролетарии! Продемонстрируйте своими акциями солидарности с берлинскими пролетариями, что вы никогда не позволите использовать рабочих в роли мишени для пуль полиции. Встаньте все как один против вновь вооружающегося фашизма. Против международной социал-демократии, убивающей рабочих!»

В целях широкого распространения воззвания коммунисты организовали митинги в городах и селах Рейнской, Рурской областей, Померании, Силезии. На них оглашался текст обращения КИ, очевидцы рассказывали о событиях «кровавого Мая», разоблачая антинародную сущность политики социал-демократического правительства, прибегающего к методам фашистской

диктатуры в попытках подавить борьбу рабочего класса за свои права, свободу и демократию.

Манифестация в Бреслау, собравшая более десяти тысяч человек, прошла с участием Волльвебера и Тельмана, который приехал в Силезию для ознакомления с состоянием дел в окружной парторганизации после избрания нового правления. Их страстные, проникнутые революционным духом выступления с обличениями социал-демократов как приспешников буржуазии, предателей рабочего класса вызвали оживленную реакцию демонстрантов, возгласы «Рот фронт», требования предать суду полицай-президента Цергибеля.

В поездке Тельмана сопровождал секретарь «Союза красных фронтовиков» Фритц Зельбман, отвечавший за безопасность председателя КПГ. Вспомнив о «Докладе» Коминтерна, в котором СКФ упоминается как важное направление работы, Волльвебер поинтересовался планом мероприятий союза по привлечению народных масс в сферу влияния компартии. Зельбман пояснил, что такой план имеется, Эрнст может ознакомиться с ним в ЦК, и добавил: «Нам придется выполнять его вместе».

Смысл этих слов стал понятен, когда по завершении поездки Тельман заявил, что отзывает Волльвебера из Бреслау в Берлин на пост заведующего организационным отделом ЦК, отвечающего за обеспечение безопасности КПГ. Так Эрнст стал правой рукой Тельмана в осуществлении ленинской политики КПГ и постановлений Коминтерна.

* * *

В январе 1930 года Волльвебер переехал на постоянное место жительства в Берлин. Его служебный кабинет располагался на четвертом этаже под № 39 ЦК КПГ в знаменитом особняке «Карл Либкнехт хаус» на площади Бюловплатц. Ян Валтин, вызванный Эрнстом по партийным делам, так описывает рабочую обстановку и положение заведующего орготделом в руководстве компартии: «По прибытии в Берлин я сразу же направился в штаб-квартиру компартии, располагавшуюся в «Карл Либкнехт хаус», огромного здания на Бюловплатц. Если бы не красные знамена по всему кварталу, который занимал этот

дом, его можно было бы принять за обычное административное здание, однако его внешний вид был обманчив, внутри это была подлинная крепость, укрепленная и охраняемая не хуже любого арсенала. Я отдал одному из охранников свое рекомендательное письмо, попросил связать меня с орготделом ЦК и стал осматриваться. На стенах помещения были развешаны различные плакаты, диаграммы и бюллетени. Вокруг меня во всех направлениях сновали люди. Из-за стены доносились звуки работающего печатного станка. Во дворе виднелось несколько десятков велосипедов и мотоциклов партийных курьеров. Вскоре охранник сообщил мне:

— Товарищ Эрнст готов вас принять. Четвертый этаж, кабинет 39.

Комната 39 была небольшой и скромно обставленной. Стены серого цвета, письменный стол, два жестких стула и портрет Сталина на стене. За столом сидел мужчина, который уставился на меня пронзительным взглядом. Он был невысокого роста, коренастый. Редкие волосы были аккуратно зачесаны так, чтобы прикрыть лысину. У него были узловатые, натруженные руки, высокий лоб и жесткий рот. Нездоровый цвет лица подчеркивал его недоброе, настороженное выражение. На лице этого человека одновременно отражались сознание собственной власти, недоверие к собеседнику и жесткость. Но самым примечательным в этом человеке были его глаза — немигающие, прищуренные, почти без белков. Он не успел сказать еще и слова, как я узнал его. Это был Эрнст Волльвебер, который в 1918 году поднял первый красный флаг на германском императорском флоте.

С тех пор он прошел большой путь. Он стал членом узкого круга высших коммунистических лидеров в Центральной Европе, этого безликого круга партийной аристократии, профессиональных революционеров.

— Вы товарищ Эрнст Волльвебер? — спросил я.

Человек за столом кивнул и ответил партийным приветствием: «Рот фронт!» Через стол мы пожали друг другу руки. Его рукопожатие было крепким. Он изобразил некоторое подобие улыбки, которое обнажило его зубы в пятнах от жевательного табака:

— Как долго вы были оторваны от партийной работы?

— Около семи лет.

— Как вам показалась американская тюрьма?

— Не так уж плохо.

— Вы там хорошо поработали, но сейчас центр политических бурь в Германии. Вы нужны здесь. Кстати, вы уже связались с Альбертом Вальтером в Гамбурге?

— Пока не успел, но я напишу ему отчет.

— В этом нет необходимости. Партийное руководство находится здесь. Напишите отчет мне.

— Хорошо.

Он начал меня расспрашивать. У меня было такое чувство, что Волльвебер осторожно ходил вокруг меня кругами, которые постепенно сужались с каждым его вопросом...

— Какой работой вы хотели бы заняться?

— Я бы хотел работать по морской линии.

— Хорошо. На очередном заседании я предложу вашу кандидатуру для выполнения некоторых заданий. Может быть, вам поручат работу на Рейне, на Дунае или в районе канала Берлин-Бранденбург. Через несколько дней я дам вам знать. А пока привыкайте к обстановке в Германии...

Как партийный руководитель Эрнст Волльвебер занимал примерно такое же положение в германской компартии, как Осип Пятницкий в Коминтерне. Руководители орготделов могли делать с каждым, все что им вздумается...

Волльвебер договорился о моем размещении и питании, пока будет решен вопрос о моем следующем задании, и познакомил меня с человеком, который по существу был управляющим делами в штаб-квартире партии».

Моряк Валтин (настоящее имя Рихард Кребс) станет курьером Волльвебера по связи с агентами широкой разветвленной сети Интернационала моряков и портовых рабочих, будет участвовать в диверсионно-подрывных операциях против гитлеровской Германии.

Прежде чем приступить к выполнению своих обязанностей на новом посту, Эрнст несколько дней внимательно изучал нынешнее положение партии, ее организационную структуру, проблемы и задачи в области обеспечения безопасности рядовых членов, руководства, общественных мероприятий, знакомился с руководителями отделов, с которыми предстояло, как

он полагал, координировать эту работу. За последние годы, особенно с момента создания ЦК во главе с Тельманом, КПГ, судя по численности членов, влиянию в массах, превратилась в сильную партию, тесно связанную с лучшими представителями рабочего класса, крестьянства, других слоев трудящихся. Компартия насчитывала свыше 250 тысяч членов, издавала 72 газеты тиражом около 5 миллионов. Этот поток партийной прессы дополняли десятки еженедельников и ежемесячных журналов, сотни различных фабричных бюллетеней. В партии насчитывалось свыше 4 тысяч партийных ячеек, 600 из них действовали в Берлине. К КПГ примыкали более 80 вспомогательных организаций: молодежных, женских, профсоюзных, военизированных типа СКФ.

Заведующий орготделом курировал созданные в рамках подготовки «германского Октября» подпольные, нелегальные структуры КПГ:

МА — хорошо знакомый Эрнсту военный аппарат, занимающийся военно-технической подготовкой пролетарских сотен, а также подрывной деятельностью, разложением в армии и флоте рейхсвера;

НА — связь, курьеры, изготовление поддельных паспортов;

ПА — работа в полицейской среде по разложению правоохранительных органов, добыванию сведений для руководства партии;

СА — специальное подразделение сотрудников по выявлению предателей, агентурному проникновению в правительственные учреждения с целью шпионажа;

ТА — боевые отряды, способные проводить диверсионно-подрывные операции;

БА — сеть рабочих корреспондентов по распространению пропагандистской литературы, сбору информации.

Уникальным был «Пасс-аппарат» — мастерские КПГ по изготовлению документов. К началу 30-х годов в них работало 170 человек, из которых несколько мастеров были подлинными виртуозами. Аппарат был структурой двойного подчинения. От Коминтерна его работой руководил заведующий ОМС ИККИ Александр Лазаревич Миров-Абрамов, от КПГ — член ЦК Лео Флиг с помощниками Рихардом Гросскопфом (Тургелем) и Кар-

лом Вином (Шиллингом). Эта фабрика по подделке документов играла важную роль в работе советских спецслужб. Выехав из СССР, сотрудник ИНО ОГПУ, Разведупра или Коминтерна, как правило, проезжал через Берлин, где менял документы на «чистые», без отметки о пребывании в Советском Союзе. Разведчики сдавали свои паспорта в «Пасс-аппарат» и получали другие, часто на вымышленное имя. На обратном пути обмен производился в обратном порядке. Часто мало было безукоризненно изготовить паспорт. Нелегал должен был быть снабжен полным комплектом документов, в каждом из которых нужно было учесть множество нюансов.

О тонкостях этой работы рассказывает Ханс Рейнерс, эксперт по изготовлению личных документов: «Мы, конечно, имеем бланк германского паспорта и хотим заполнить его для господина Мюллера из Мюнхена. Но мы должны иметь в виду, что Мюллер в один прекрасный день может появиться в Мюнхене и его документы будут тщательно проверены полицией. Какие чернила применяются в Мюнхене для паспорта? Как фамилия офицера, который подписывает паспорт? Мы даем указание нашему агенту в Мюнхене узнать это и получаем от него подпись Шмидта, шефа полиции, а это отнюдь не простая операция. Теперь надо узнать время подписания, а это новая головоломка, мы должны знать, что господин Шмидт не был в отпуске или болен, когда им был «подписан» паспорт. Кроме того, в некоторых странах полицейская печать подтверждается штампом об оплате пошлины, значит, надо подделать и этот штамп... Когда набор документов был готов, возникает еще одна проблема. Если Мюллер будет пересекать первую границу, его паспорт не должен выглядеть новым. Если в нем будут проставлены многие визы, которые свидетельствуют о том, что путешественник проверен и перепроверен, полиция не обратит внимания на то, что предъявляется свежеиспеченный документ. Вот почему «Пасс-аппарат» проставляет многие фальшивые визы и пограничные штампы на паспорт. Маршрут должен быть хорошо продуман и соответствовать той легенде, которой снабдили нелегала».

Отделения «Пасс-аппарата» были разбросаны по всей Европе, они имелись в Австрии, Бельгии, Голландии, Дании, Норвегии, Польше, Швеции, Швейцарии, Чехословакии. Для хранения до-

кументов и подсобных материалов использовалось множество тайников. Один из них был даже устроен в основании большого телескопа Берлинской обсерватории, которой руководил коммунист-подпольщик Герман Дюнов.

Все эти подпольные структуры входили в нелегальную сеть Коминтерна и советских спецслужб. Нелегальному разведчику «Штайну» приходилось неоднократно в роли курьера выполнять задания по доставке изготовленных в «Пасс-аппарате» документов в берлинскую штаб-квартиру наших разведчиков.

Здесь следует пояснить, какая нужда заставляла советскую разведку прибегать к нелегальным формам работы, сопряженным со многими трудностями, связанными с документированием и выводом разведчика-нелегала за границу. Обусловлено это было тем, что в 1920-е — начале 1930-х годов у Советской России все еще не были установлены дипломатические отношения с рядом стран, а необходимость получения секретной информации становилась все более острой. К тому же работу немногих легальных резидентур существенно осложняли контрразведывательные органы страны пребывания, бравшие советских разведчиков, действовавших под дипломатическим прикрытием, под жесткий контроль. Положение усугублялось чрезмерным усердием некоторых резидентов, которые, стремясь как можно быстрее создать агентурную сеть, нередко включали в нее непроверенных людей. Подобная практика приводила к многочисленным провалам, дававшим повод для обвинения советских представительств в проведении работы, несовместимой с их дипломатическим статусом, что наносило значительный ущерб престижу советского государства. Тогда и встал вопрос об организации разведывательной работы с нелегальных позиций.

Осенью 1926 года после ареста Скоблевского и его группы по распоряжению ЦК ВКП(б) была создана комиссия для изучения причин провалов. Рассмотрев сложившуюся ситуацию, комиссия рекомендовала сделать упор на нелегальной работе. 6 декабря Политбюро ЦК утвердило это предложение. Нелегалы торжествовали. Поэтому 20–30-е годы прошлого века вошли в историю советской разведки как «эпоха великих нелегалов».

Германия в этот период сохраняла первостепенное значение для советской разведки. На ее территории действовали три

разведывательных центра. Первый — Берлинский руководящий центр — занимался подготовкой «германского Октября», созданием нелегальных военно-технических и разведывательных структур компартии под прикрытием Коминтерна, Профинтерна, Межрабпома. Руководство этой работой в разное время осуществляли Радек, Берзин, Уншлихт, Гиршфельд, Бортновский, Бустрем, Жбиковский. Скоблевский, Кривицкий, Салнынь и другие. Волльвебер, выполнявший задания центра в тесном контакте с инструкторами Скоблевским и Салнынем, руководил в этот период военным аппаратом (МА). После поражения «германского Октября» работа наших спецслужб в Германии не только не прекратилась, но даже еще более усилилась, поскольку опиралась на всестороннюю помощь нелегальных структур КПГ. Агентурная сеть Берлинского центра насчитывала свыше 100 человек. В 1922–1925 годах советская военная разведка издавала в Германии журнал «Война и мир», редактором которого был бывший генерал русской армии А. К. Кельчевский.

В 1926 г. в составе «МА-аппарата» был образован специальный отдел «БА» — нелегальная сеть немецких «рабочих корреспондентов», занимавшихся промышленным шпионажем. Его руководителями являлись: в 1926–1929 годах — Генри Робинсон, в 1929–1930 годах — Франц Грибовский, в 1930–1931 годах — Фрид Бурде (Эдгар). Одним из его агентов был Артур Кестлер, редактор иностранного отдела газеты «Фоссише цайтунг», позднее он присоединится к агентурной группе Шандора Радо. Преемник Бурде Вильгельм Баник (Баник Мюллер, Мартин) возглавлял «БА-отдел» до 1935 года. Немецкий рабочий-печатник, служащий страхового общества в Магдебурге, в 1923 году он станет сотрудником нелегального окружного аппарата КПГ, а в 1932–1935 годах войдет в число нелегальных агентов военно-политического отдела ЦК КПГ, одновременно работая по линии советской военной разведки. Его основным помощником был Иоганн Либерс.

Эти «корреспонденты», внедренные в концерны «ИГ Фарбен», «Рейнметалл», АЭГ, «Сименс унд Гальск», «Телефункен», заводы Круппа, Маннесмана, снабжали наших специалистов подробной информацией о промышленных проектах, технических характеристиках военной продукции. В фирме «Крупп-Эссен» были похищены документы и чертежи по производству прицелов вооружений, специальной амуниции. Были добыты секретные сведения из немецкого исследовательского института воздушного флота о выпуске самолетов на предприятиях «Юнкерса» в Дессау, производстве сверхмощных взрывчатых веществ на заводе «Хауф». «Аппарат, — пишет исследователь спецслужб Д. Даллен, — был разветвленным и вездесущим, он имел помощников среди представителей всех профессий, даже среди уборщиц и посыльных, некоторым из них платили, некоторым — нет... Месячный бюджет доходил до 30–40 тысяч марок...»

На связи у «Штайна» была группа «корреспондентов», работавшая на предприятиях в Берлине и Лейпциге, в частности в Высшей технической школе Берлина-Шарлоттенбурга, Институте авиационных исследований Берлина-Адлерсхофа. Помощь «МА-аппарату» оказывали многочисленные левые по убеждениям «профессиональные» группы: клуб работников интеллектуального труда, студенческий клуб, движение рабкоров газеты «Роте фане». Они внесли существенный вклад в добывание документальной информации по вопросам военно-промышленного развития Германии.

Второй центр занимался разведывательным обеспечением военно-технического сотрудничества между Германией и СССР. В качестве руководящего связующего звена между рейхсвером и РККА выступали: с немецкой стороны — генерал Сект и военный министр О Гесслер; с советской — заместитель председателя РВС СССР И. С. Уншлихт и руководитель Разведупра Я. К. Берзин. В Берлине связь с немцами поддерживалась через сотрудников резидентуры военной разведки и Коминтерна Сташевского, Петрова, Фишмана, а с 1925 года — через советского военного атташе П. И. Лунева (настоящее имя С. В. Петренко).

Комкор Сергей Васильевич Петренко родился в 1890 году в Тирасполе, окончил электротехническое отделение Высшего технического училища в городе Карлсруэ (Германия). Участник Первой мировой войны. В 1925 году окончил Военную академию РККА. Владел немецким, венгерским, французским, итальянским и румынским языками. Перед отъездом в Берлин в июне 1925 года участвовал в подписании в Москве секретного соглашения между Управлением военно-воздушных сил РККА

и «особой группой» рейхсвера о предоставлении немецкой стороне военно-воздушной концессии в Липецке, где разместился 4-й учебный отряд для выполнения «особых заданий по подготовке летных советских и иностранных кадров», попросту говоря, летная школа. В Берлине ее называли научно-испытательной станцией «Вифуласт». В Липецк было доставлено около 80 новейших по тому времени самолетов. Здесь проходили испытания бомбардировщика «Юнкерс», новых типов авиабомб, оружия. Липецкая школа просуществовала восемь лет. За это время в ней было подготовлено до 700 летчиков, не считая наземный персонал.

К военному сотрудничеству следует отнести и созданную при участии Разведупра и председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского в 1921 году фирму «Восточное торговое общество» («Востваг»). Ее задачами были ведение военно-экономической и технологической разведки за рубежом, содействие развитию оборонной промышленности СССР, оснащению РККА современной военной техникой с помощью свободной коммерческой деятельности. Главная контора «Востваг» находилась в Берлине. Филиалы общества действовали в Нью-Йорке, Кантоне, Улан-Баторе и др. В 1927 году двумя секретными постановлениями Политбюро ЦК ВКП(б) на фирму были возложены задачи, связанные с торговлей оружием за рубежом, закупками военных материалов и стратегического сырья. Рядовые сотрудники не знали о подлинной деятельности фирмы, для прикрытия на работу в нее по рекомендации Берзина приглашались только лица, имеющие у местной полиции репутацию благонадежных. Представители «Востваг» работали в крупных германских концернах, производивших продукцию военного назначения, — АЭГ, «Цейс», «Борзиг».

В 1927 году «Востваг» возглавил советский военный разведчик Стефан Иосифович Мрочковский, родившийся в 1885 году в Елизаветграде на Украине в рабочей семье. Он окончил юридический факультет Харьковского университета, владел английским, немецким и французским языками. В 1925–1927 годах — председатель правления акционерных обществ «Берсоль» и «Метахим», которые осуществляли некоторые секретные программы советско-германского военного сотрудничества. В 1927–1928 и 1939–1941 годах возглавлял «Востваг». В 1928–1939 годах

руководил мобилизационной сетью советских коммерческих предприятий за рубежом.

В 20-е годы прошлого века в СССР развернулись масштабные работы по реконструкции народного хозяйства на базе плана ГОЭЛРО. В берлинскую резидентуру поступило задание о добывании «немецких секретов» для советской электрификации, в частности получении информации о засекреченной технологии вольфрамового производства для «лампочки Ильича». Разработка этой операции была поручена сотруднику Разведупра Г. И. Семенову (Васильев, Андрей, Жорж).

Эсер Григорий Иванович Семенов, родившийся в 1891 году в семье акцизного чиновника, с 14 лет состоял в анархистско-коммунистической группе, работал электромонтером. После Октябрьской революции примкнул к правым эсерам, член ЦК ПСР, руководитель Петроградской военной организации и военной комиссии ЦК эсеровской партии. В октябре 1918 года был арестован сотрудниками Военного контроля РВС за принадлежность к боевой организации, освобожден в феврале 1919 года по амнистии. С этого времени начинает работать в разведке, в частности против организации Савинкова. Осенью 1923 года нелегально прибыл в охваченную революционным брожением Германию. Хорошо владея немецким языком, вживается в среду рабочих электротехнических заводов АЭГ и «Осрам», обладающих технологией производства вольфрамовой нити; знакомится с коммунистами военного аппарата КПГ, в том числе Волльвебером. Получает от них «наводки» на рабочего АЭГ Юлиуса Хофмана и механика с «Осрама» Эмиля Дайбеля. Особенно тесно сходится с Дайбелем, которого в своих донесениях характеризует как «авантюриста, способного на геройский подвиг, человека большой личной храбрости и решительности». Дайбель рекомендовал Жоржу своих друзей по работе — слесаря-механика Франца Гайслера, токаря Вилли Коха, состоявших в нелегальной ячейке КПГ.

Кох вспоминал, как в начале 1924 года был вызван в нелегальный комитет компартии берлинского района Лихтенберг, где состоял на партучете. Секретарь комитета Карл Ковальски, ссылаясь на Дайбеля, объяснил ему суть нового партийного задания, состоявшего в том, «чтобы он все, что касается воль-

фрамового производства, передавал через одного человека». Встречи с этим «человеком», представившимся именем Жорж, происходили сначала в райкоме КПГ, а затем в более располагающем для задушевной беседы ресторане. Жорж, электромеханик по образованию, не вдаваясь в тонкости технологического процесса, понимал его суть и знал, о чем нужно вести разговор. Получив сведения из Германии, советские специалисты сумели быстро освоить производство по протяжке вольфрамовой нити. Более того, были получены сведения о разработке фирмой «Осрам» принципиально новых типов сверхпрочных сплавов, изготовлявшихся металлокерамическим методом. Вскоре сплав карбита вольфрама с кобальтом под названием «победит» появился на советских заводах. Добытые в Германии новые технологии позволили ученым СССР освоить производство новейших типов брони для военных кораблей и танков, не говоря о выпуске Московским электроламповым заводом современных электрических лампочек.

В 1926 году СССР и Германия договорились о совместном испытании газов. Работы над отравляющими веществами были настолько секретными, что точное количество участвующих в этом проекте предприятий и полигонов неизвестно до сих пор. Достоверно известно только, что реализацией совместных с Германией военно-химических испытаний занималась возглавляемое Мрочковским общество «Метахим». Целевые средства на выполнение программ военного сотрудничества отпускались внушительные. К концу 1933 года капитал «Воствага» составлял 3 млн 100 тысяч долларов, из них в Германии было вложено 500 тысяч.

Механизм партнерства был тщательно скрыт, большое значение уделялось мерам конспирации. Поэтому Волльвебер в автобиографиях эту тему вообще не упоминает, нет каких-либо конкретных ссылок на нее и в архивных материалах о его разведывательной деятельности. Хотя, безусловно, он, находясь на связи у сотрудников советской военной разведки, курируя работу нелегального военного аппарата КПГ, участвовал в секретных операциях содействия военно-техническому сотрудничеству Германии и Советского Союза.

Когда речь идет о промышленном шпионаже, трудно разделить спецслужбы и сказать: вот эту операцию следует поставить

в заслугу военным разведчикам, эту — ИНО ОГПУ, а ту — Коминтерна. Многие из них работали под «крышей» Коминтерна, их немецких агентов не слишком интересовало то, на какую именно из разведок страны строящегося социализма они работают. Как правило, для них было достаточно либо определенного количества марок за услугу, либо сознания того, что они работают на Советский Союз, олицетворением которого в Берлине было представительство Западноевропейского бюро ИККИ — третий разведывательный центр в Германии. ЗЕБ было создано по решению политсекретариата ИККИ от 13 апреля 1927 года в качестве одного из вспомогательных органов Коминтерна, в задачи которого входило: укрепление связей между компартиями стран Западной Европы и ИККИ, обеспечение Москвы своевременной и систематической информацией, контроль и содействие проведению директив руководящих органов КИ.

В Берлине располагались: один из крупнейших пунктов связи ОМС, руководство Антиимпериалистической лиги, представительства многих национальных компартий и народно-освободительных движений, крупное издательство Коминтерна. Через Гамбургское отделение Берлинского пункта осуществлялась почтово-телеграфная связь с Нью-Йорком, Буэнос-Айресом, Сиднеем, Бомбеем, Стамбулом, Сантьяго, Александрией, Мадридом.

Москва находилась далеко от Западной Европы и Америки, поэтому не могла обеспечить постоянное и всестороннее управление деятельностью «всемирной красной паутины». К тому же «из-за частых провалов» законы конспирации требовали сведения потока курьеров, инструкторов, агитаторов из Москвы к минимуму: «Нам сообщают: решение Исполнительного Комитета от 2 ноября, № 87 — оперативный отдел. Из-за частых провалов наших агентов в Англии по причине активности агентов-провокаторов, проникших в наши организации, решено переместить центр в Берлин, — сообщает ИККИ 5 ноября 1927 года товарищу Якубовскому в Берлин. — Для того чтобы не создавать новые организации и не перегружать без надобности службу связи (ОМС), лондонское агентство должно быть присоединено к секретариату Западной Европы как независимый орган». Большинство связей Коминтерна с компартиями в Европе, Америке

было замкнуто на ЗЕБ в Берлине, сфера деятельности которого простиралась от Исландии до Кейптауна.

Пост представителя ИККИ в Германии считался важнейшим в Коминтерне. Поэтому по согласованию со Сталиным на него назначались особо проверенные, ответственные деятели. В 1929–1933 годах ЗЕБ в Берлине возглавлял член ИККИ, будущий генеральный секретарь Коминтерна Георгий Димитров, подчинявшийся только Москве, т. е. Сталину. Масштаб работы, в том числе нелегальной, разведывательной, сотрудников бюро был огромен, на поверхность всплывала только малая часть этого айсберга, выражавшаяся в более или менее публичной общественной деятельности известных представителей ЗЕБ: Рихарда Гиптнера (член Орготдела ИККИ от КИМа), Иосифа Гуче (член руководства военного аппарата КПГ), Соломона Лозовского (генсек Профинтерна), Вильгельма Мюнценберга (генсек Межрабпома), Шандора Радо (нелегальная работа по линии ИККИ), Эрнста Тельмана (председатель КПГ, член Президиума ИККИ), Рихарда Штальмана (инструктор ИККИ) и, конечно, Димитрова и Волльвебера.

Кроме указанных лиц, еще около полусотни в этот период посещали Германию по заданию ИККИ. Но их функции были либо строго ограниченными (передача денег, налаживание издательского дела, связь), либо связанными с конкретными мероприятиями (присутствие на съездах и пленумах КПГ, пропагандистские акции, например в связи с событиями «кровавого Мая»).

В августе 1929 года в Берлин прибыл сотрудник Среднеевропейского лендерсекретариата Коминтерна А. Гуральский, знакомый Волльвеберу по революционным событиям в промышленных центрах Рура, Гессен-Вальдека, Саксонии 1921 года. Официальным поводом его командировки было согласование плана работы ЗЕБ и ИККИ, неофициальным — провести конспиративную встречу с нелегальным разведчиком Штайном. Гуральский передал ему инструкции руководства советской военной разведки. В Москве высоко оценивали успехи Волльвебера в партийной и политической деятельности. Учитывая его руководящие должности в ЦК КПГ, профсоюзах, избрание депутатом прусского парламента, рекомендовалось основные усилия сосредоточить в сфере общественно-политической деятельности с целью повышения авторитета компартии в рабочей среде, профсоюзах, последовательной подготовки революционной ситуации в Германии, установления полезных связей в политических, военных, правительственных кругах. Конкретное задание состояло в просьбе собрать сведения на Красный союз фронтовиков, что входило в область его ответственности по партийной линии.

Волльвебер остался доволен как оценкой «московских товарищей» его общественной деятельности, так и перспективным поручением готовить партию к революции. Ему понравилось, что в Москве мыслят и действуют в одном ключе с ним. Он договорился с Гуральским об условиях еще одной нелегальной встречи, на которой обещал передать сведения на КСФ, но она не состоялась. Как выяснилось, командировка Гуральского была неожиданно прервана. Его опознал на улице полицейский агент. Дело в том, что Гуральский обладал своеобразной внешностью: был пронзительно черноглазым, сутулым, но особенно бросались в глаза его пальцы, короткие, жирные, заросшие темными волосами. Полицейский запомнил его по этим приметам. Гуральскому было приказано спешно вернуться в Москву.

Гуральский передал в секретариат ЦК КПГ письмо ИККИ «О положении в Германии» с соображениями о задачах партии и лозунгах: «Темп обострения классовых противоречий в Германии необычайно ускорился. Уже в ближайшие месяцы можно ожидать крупных классовых столкновений. От того, сумеем ли мы с ясными и четкими политическими лозунгами, с ясными и четкими формами борьбы и организации масс возглавить быстро развивающееся движение масс, зависит размах этого движения, перерастания этого движения на новую, высшую ступень... Важно донести до сознания самого отсталого рабочего и работницы нашу программу, наш путь выхода, преодоления грозящей катастрофы. Партия должна заговорить твердым, революционным языком, каждодневно убеждающим массы, за что призывает их партия бороться... Наибольшей популяризации подлежат, примерно, следующие лозунги: 1. Буржуазия и социал-фашизм ведут страну к катастрофе. Мы, коммунисты, революционный пролетариат, предотвратим катастрофу. Став у власти, мы национализируем и откроем все фабрики и заводы, создадим условия

для возвращения на работу миллионам рабочих, выброшенных капитализмом на улицу. Промышленная продукция Советской Германии уже имеет готовый рынок — это 150-миллионный Советский Союз». В письме предлагалось десять лозунгов с задачами партии, которая, «став у власти, положит предел вакханалии» финансового капитала, банковского и торгового магнатов. «Захватив власть, экспроприировав фабрики, банки, частное крупное домовладение, торговлю, пролетариат создаст все условия для классового бюджета пролетарского государства». Десятый лозунг звучал «по-большевистски»: «Железной пролетарской метлой мы выметем всех тунеядцев — фабрикантов, заводчиков, банкиров, юнкеров, крупных торговцев, генералов, буржуазных политиканов, спекулянтов всех видов и мастей. От фабрики до центрального правительства — везде господствовать будет пролетариат». Правда, в конце письма следовало важное уточнение: «Мы должны открыто сказать массам, что без революционной, гражданской войны пролетариат не добьется реализации указанных лозунгов, но что сейчас, пока мы еще не убедили решающие слои пролетариата в необходимости встать на путь революции, мы не бросаем лозунга вооруженного восстания как лозунга непосредственной борьбы за власть».

Через какое-то время после отъезда Гуральского в кабинет Волльвебера прибыл курьер ЗЕБ, передав просьбу: «Вас хочет видеть товарищ Димитров». В условленный день и час посланец после тщательной проверки, нет ли слежки, привел Эрнста в особняк на Вильгельмштрассе, 131–132. Здесь за фасадом книжного издательства ЗЕБ имел около десятка отделов, машбюро, курьерскую службу, охрану. Волльвебер оказался в прекрасно обставленном кабинете, на стене которого красовался портрет Бисмарка в массивной раме: «Наверно, для конспирации», пронеслось у него голове. Из-за стола поднялся высокого роста, рыхлого телосложения человек, элегантно одетый, пахнущий духами. У него были большие черные глаза и смелый открытый взгляд. Димитров довольно свободно говорил по-немецки. Приветливо поздоровался:

— Мне вас рекомендовал товарищ Сталин, — авторитетно заметил он. — Хочется обменяться мнениями о совместных действиях на новом этапе революционной борьбы. Мы подводим черту под десятилетним периодом революционного авантюризма. Тактика путчизма обанкротилась, о чем говорят многочисленные провалы наших левых товарищей. Теперь надо действовать по плану, рассчитанному на многие годы. Революцию нельзя совершить наскоком, к победе можно прийти только большевистскими методами. Речь идет о серии маневров, забастовок, демонстраций, нацеленных на откол социал-демократических рабочих от руководства реформистских партий и профсоюзов. Единый фронт уместен при сотрудничестве в низовых ячейках на производстве, в борьбе против войны, фашизма, дороговизны, безработицы, то есть там, где можно обойтись без прямых переговоров с «социал-фашистскими» вождями. Как вы смотрите на это?

Волльвебер слышал, что Димитров был ревностным сторонником изменения курса Коминтерна. Он разделял высказанные им тезисы:

— Согласен. Причины наших неудач следует искать прежде всего в самой компартии, а именно в устранении всяких уклонов: правых, ультралевых, примиренцев. Лекарством от этих недугов должна стать «большевизация», перестройка на базе опыта российских большевиков в организационно-массовой работе, — убежденно говорил Эрнст. — Надо изжить оппортунистические социал-демократические традиции, переходить к стратегии борьбы «класс против класса», то есть открытому противостоянию социал-демократии, ставшей главной опорой буржуазии в условиях нового революционного подъема.

— Правильно, «класс против класса». Каждый день мы должны тысячекратно повторять: социалисты и профсоюзные лидеры — предатели! Это самые опасные враги трудящихся! Они продались буржуазии, — распалялся руководитель ЗЕБ. — Социал-демократическая партия — самое главное препятствие на пути пролетарской революции.

Димитров открыл лежащую перед ним на столе папку, достал из нее документ:

— Вы получили письмо ИККИ о лозунгах. Как воспринимают в ЦК рекомендации Москвы? — поинтересовался он.

— Лозунги своевременные, четкие, революционные. Предполагается включить их в новую программу партии, широко

популяризировать во время кампании выборов в фабзавкомы, парламенты, — объяснил Волльвебер. — В партийной работе сделаем эти лозунги важным фактором идейно-политического, революционного воспитания масс, пробуждения пассивных, отсталых, колеблющихся слоев пролетариата. Проведем анализ, какие из них станут наиболее популярными в массах. Эти стержневые, «выбранные» рабочими лозунги и станут движущей силой революции.

— Хорошо. А каково положение КПГ в профсоюзном движении? — неожиданно спросил Димитров.

— Сейчас наблюдается обострение борьбы между оппортунистической профсоюзной бюрократией и симпатизирующими компартии членами профсоюзов. Реформистская социал-демократическая верхушка прибегает к массовым увольнениям революционно настроенных профсоюзных активистов. В этой связи в ЦК обсуждается вопрос создания руководимой КПГ Революционной профсоюзной оппозиции (РПО), которая объединит изгнанных членов, усилит откол левых социал-демократических рабочих от оппортунистического руководства СДПГ и профсоюзов.

Идея образования РПО заинтересовала руководителя ЗЕБ. Он обещал всемерно содействовать реализации этого проекта. Советовал подключить к этому делу Профинтерн, который может оказать организационную и материальную поддержку.

Обмен мнениями с Димитровым понравился Волльвеберу. Между ними обнаружились совпадения взглядов практически по всем важным вопросам революционной борьбы, установились отношения делового взаимопонимания и сотрудничества.

Беседа Волльвебера с Димитровым подтолкнула ЦК компартии ускорить решение вопроса создания РПО. В автобиографии Эрнст пишет: «В начале 1931 года меня по решению ЦК назначили руководителем комитета Революционной профсоюзной оппозиции. Основная задача РПО состояла в организации забастовочного движения. Нам удалось провести серию успешных забастовок в городах Рура, Гамбурге, Бремене. Вместе с тем я выступал против создания разрозненных профсоюзных объединений, как, например, союза трамвайных рабочих в Эссене, поскольку, на мой взгляд, они были нежизнеспособными и только создавали видимость пустой профсоюзной деятельности».

Создание РПО и ее масштабные действия по организации забастовочной борьбы в Москве оценили как удачный маневр по перетягиванию части находящейся под влиянием социал-демократов рабочей массы на сторону компартии. Руководство Коминтерна рекомендовало ЦК КПГ продолжать линию на образование «параллельных массовых объединений рабочего класса». В этом контексте по инициативе Профинтерна, при деятельном участии Лозовского и Волльвебера 2 октября 1930 года была создана новая международная профсоюзная организация Интернационал моряков и портовых рабочих (ИМПР) — своего рода противовес социал-демократическому Международному союзу транспортных рабочих (МСТР), руководство которого находилось в Амстердаме (Нидерланды).

* * *

Чтобы не бросалась в глаза связь ИМПР с Москвой, его штаб-квартиру разместили в Гамбурге. В учредительном собрании этой организации участвовали 38 делегатов из 16 стран. Ее руководителем стал британский коммунист Джон Харди, секретарем — немец Альберт Вальтер, членом секретариата — Волльвебер. По рекомендации ЦК КПГ и генерального секретаря Профинтерна Соломона Лозовского (Александр) Эрнст был избран председателем Общегерманского профсоюза моряков и портовых рабочих, насчитывающего 16 000 членов — крупной немецкой секции ИМПР. «В начале 1932 года Политбюро ЦК КПГ приняло решение назначить меня председателем Общегерманского профсоюза моряков и портовых рабочих (ОПМПР). Этот профсоюз, членом которого был Эрнст Тельман, открывал действительно широкие возможности в массовой работе по организации забастовок, отстаиванию прав и свобод моряков, портовых рабочих, — пишет Эрнст в автобиографии. — До лета 1933 года я оставался в Гамбурге на нелегальном положении, руководя забастовочным движением и местными партийными группировками, поскольку был членом секретариата городской организации КПГ».

Оставаясь в Гамбурге на нелегальном положении, Волльвебер на самом деле выполнял важное задание руководства совет-

ской военной разведки — ему поручалось создать и возглавить нелегальную резидентуру под прикрытием ИМПР, способную вести разведывательную работу, готовить КПГ к захвату власти в Германии, осуществлять диверсионно-подрывные и специальные операции против врагов Советского Союза. Используя свой авторитет матросского вожака, солидарность морского братства, природное чутье на людей, он довольно быстро привлек к сотрудничеству опытных моряков: немцев Рихарда Кребса, Германа Кнюфгена, Антона Зефкова, латыша Михаила Аватина (настоящее имя Эрнест Давыдович Ламберт), голландца Иозефа Шаапа, немецкого коммуниста Иоганна Венцеля. Какие разведывательные задания Эрнст ставил перед ними, поясняет в своих воспоминаниях Кребс: «Морские перевозки — это сонная артерия германского капитализма. Если нам удастся превратить гавани и суда в бастионы коммунистической партии, мы возьмем их за горло. Мы разорвем эту артерию, и буржуазия истечет кровью... Мне дали поручение присоединиться к одной из бригад портовых «активистов» в гамбургской гавани. В эту гавань за месяц заходило около тысячи судов, так как основной поток немецкого экспорта и импорта шел через Гамбург. Каждое утро портовые активисты собирались на сборных пунктах в разных точках порта. Там старший распределял их по причалам и судам, снабжая каждого листовками, брошюрами и лозунгами дня. Вооруженные всем этим, мы проникали в гавань, на суда и пытались завоевать доверие экипажей... Мы раздавали листовки, продавали брошюры, вели дискуссии и пытались привлечь в партию новых борцов из числа молодых членов экипажей. Там, где экипаж положительно откликался на нашу агитацию, мы продолжали работу, создавали комитет действия для подготовки к будущим забастовкам, партийную ячейку или подбирали особо способных ребят для курьерской службы и выполнения других секретных поручений.

Возвращаясь на берег, каждый «активист» писал подробный отчет о судах, которые он посетил в этот день. Копия доклада отправлялась для дальнейшей обработки в штаб-квартиру. Там в морском досье накапливалась подробнейшая информация по каждому судну торгового флота, позволявшая Альберту Вальтеру и его помощникам получить точную картину своих возможностей перед любой крупной акцией. Такая система, получившая название «гамбургского метода», позже была взята на вооружение всеми коммунистическими организациями, работавшими на флоте на всех континентах».

«Гамбургский метод» сбора информации о судах, составе экипажей моряков, портовых рабочих открывал благоприятные возможности для создания широкой агентурной сети среди симпатизирующих компартии матросов, членов клубов моряков в портовых городах Европы и Америки. Для выполнения этой задачи использовались структуры предшественника ИМПР — Интернационального клуба моряков (ИКМ), основанного в 1921 году в Ленинграде. ИКМ имел филиалы в Гамбурге, Антверпене, Марселе, Нью-Йорке, Роттердаме. Гамбургский филиал назывался Международное портовое бюро (МПБ), в нем размещались штаб-квартира секретаря ИМПР Альберта Вальтера, кабинеты Волльвебера, других портовых сотрудников.

Посетивший МПБ Кребс оставил о нем такой отзыв: «Обстановка в штаб-квартире Вальтера сильно изменилась. Появились новые письменные столы и шкафы, на стенах развешаны карты. Появился большой читальный зал с коммунистическими газетами, в том числе на многих иностранных языках, и «ленинская библиотека». На первом этаже был зал заседаний и ресторан, где подавалось спиртное. В доме было много моряков со своими подружками, и группки «активистов» вели с ними работу, пытаясь повлиять на их убеждения. Официально это место называлось Международным портовым бюро, первым в широкой сети клубов моряков, которые в последующие годы появились во всем мире как центры распространения коммунистической пропаганды и укрепления влияния коммунистов на морском флоте».

Организацию работы по клубам моряков Волльвебер поручил Кребсу и Герману Кнюфгену, который в начале 1920-х годов входил в число первых сотрудников ИКМ в Ленинграде. В городе Октябрьской революции он тогда оказался в результате дерзкой операции. Делегацию КПГ необходимо было доставить в Москву на конгресс Коминтерна, несмотря на то что Россия была отрезана от Европы фронтами Гражданской войны. Кнюфген сумел скрытно провести членов делегации в бункер траулера. Оказавшись в открытом море, он с револьвером в руке арестовал капи-

тана, захватил судно и направил его в Мурманск. Так немецкие коммунисты благополучно прибыли в Москву, а Кнюфген за эту услугу стал руководящим сотрудником Интернационального клуба моряков. Кребс о знакомстве с Кнюфгеном вспоминает: «Однажды в пивной «Гренцфасс», расположенной в районе площади Св. Паули, я впервые встретил Германа Кнюфгена, который был воплощением политического авантюризма нашего столетия. Окруженный хорошо одетыми соратниками, Кнюфген вел себя с невероятным апломбом. В то время ему было не больше двадцати двух или двадцати трех лет. Это был человек среднего роста, худощавого телосложения, с шапкой почти бесцветных волос и каким-то дьявольским блеском блеклых глаз. В тот день рано утром он с группой своих единомышленников совершил налет на арсенал, принадлежащий контрреволюционной вооруженной организации. И теперь в переполненном рабочими пивном зале он держал речь:

— Богатые должны умереть, чтобы бедные могли жить, — выкрикивал он.

Ответом ему был оглушительный рев одобрения. Мессианский пыл этого матроса воспламенил мое воображение... Вскоре Кнюфген провел операцию, которая сделала его кумиром портовых рабочих».

Много сил и времени Волльвеберу приходилось уделять «руководству забастовочным движением», которое было вызвано разразившимся в конце 1929 года небывалым по силе мировым экономическим кризисом. Многие сотни и тысячи заводов, фабрик, концернов, банков объявили о своем банкротстве. Общее число безработных достигло 30 миллионов человек, резко понизился жизненный уровень трудящихся в капиталистических странах.

В борьбе против быстро растущего обнищания, угрозы фашизма и войны Эрнст организовал мощные выступления возглавляемых им Революционного профсоюза оппозиции и Общегерманского профсоюза моряков и портовых рабочих. Во многих случаях в массовых профсоюзных забастовках активное участие принимали совместно коммунисты, социал-демократы, христианские демократы, беспартийные. Впечатляющим примером такой солидарной классовой борьбы стала крупная 300-тысячная

стачка горняков Рурской области в январе 1931 года, направленная против локаутов, сокращения заработной платы, безработицы, нищеты. Большое мобилизующее воздействие имела двухнедельная забастовка 140 тысяч берлинских металлистов, в ходе которой возник широкий единый фронт народных масс — коммунистов, социалистов, беспартийных, безработных.

В организации протестных выступлений Волльвеберу активно помогал Антон Зефков, отличавшийся особым талантом готовить нелегальные забастовки речников и портовых рабочих. Совместные действия в забастовочном движении так сблизили их, что Эрнст стал даже шафером на свадьбе Зефкова, женившегося на девушке из пролетарской семьи города Бохума. По его инициативе руководство КПГ преподнесло молодой пролетарской семье необычный подарок — устроило свадебное путешествие на пароходе по Рейну от Бохума до Кёльна. Жениха и невесту сопровождали родные и близкие, весело, дружно танцевавшие, распевавшие знаменитую народную песню о молодых, «Батюшке Рейне»:

Когда покончу с жизнью холостою,
Лишь с Рейна девушку возьму женою.

Личная дружба Волльвебера и Зефкова пройдет проверку мужественной антифашистской борьбой, разведывательными операциями против гитлеровской Германии в Испании, Норвегии.

В забастовочной борьбе в защиту демократических прав и свобод трудящихся Волльвебер в своих выступлениях опирался на «Программу национального и социального освобождения немецкого народа», в разработке которой принимал активное участие. Эта партийная программа, принятая ЦК по инициативе Тельмана в 1930 году, указывала коммунистам, рабочему классу, немецкому народу путь к миру, демократии, социализму; разоблачала антинародную сущность власти капитала, политики нацистской партии; предостерегала от установления в стране фашистской диктатуры. В программном заявлении подчеркивалось, что КПГ будет вести борьбу за свободу и демократию немецкого народа, установление диктатуры пролетариата в братском союзе с СССР, революционным рабочим классом всех стран капиталистического мира.

Разъясняя рабочим суть партийной программы, Эрнст большое внимание уделял разоблачению злобных пропагандистских кампаний против Страны Советов. Примечательно, что особенно усердствовали в клеветнических нападках на первое в мире государство рабочих и крестьян правящие круги социал-демократов и кабинета министров во главе с лидером правого крыла католического Центра Г. Брюнингом. Пытаясь сорвать социалистическое строительство в СССР, успешно осуществляемое по плану первой сталинской пятилетки, они обвиняли Советский Союз в использовании якобы «принудительного труда» для производства дешевых экспортных товаров, «советского демпинга». Буржуазная печать кричала об «опасности красного империализма» с Востока для немецкого народа.

Опровергая эти зловещие измышления, Волльвебер в выступлениях перед забастовщиками приводил сведения из доклада на VI съезде Советов 12 марта 1931 года председателя СНР В. М. Молотова, а также впечатления от поездки в СССР делегаций немецких рабочих и служащих. О несостоятельности утверждений о «советском демпинге» и «принудительном труде» свидетельствуют, по словам Молотова, конкретные данные: удельный вес СССР в мировом экспорте составляет всего 1,9 %, а в балансе отдельных стран, в том числе Германии, — всего от 0,5 до 2,6 %. Таким образом, экспорт СССР не может служить причиной экономического кризиса, которые испытывают капиталистические страны. Лживыми антисоветскими кампаниями империалисты пытаются организовать экономический бойкот и блокаду СССР. Чтобы не допустить этих враждебных замыслов, советское правительство приняло твердые меры к ограничению импорта из тех стран, которые намерены ограничить советский экспорт, прикрываясь легендами о «принудительном труде».

Многочисленные рабочие делегации, посетившие Советский Союз, также опровергали антисоветские измышления, рассказывая широким народным массам Европы об истинном положении рабочих и крестьян в СССР, огромных достижениях советских людей в социалистическом строительстве. Эрнст приводил, в частности, такие выводы, сделанные по итогам поездки делегации 50 немецких рабочих и служащих в СССР: «Домыслы, распространяемые в Германии о том, что нашей делегации показано

только то, что выгодно советскому правительству, совершенно не правильны. Некоторые делегаты были знакомы с русским языком, кроме того, мы имели личные беседы со многими немцами (живущими в России. — *Е. Г.*). Большая часть делегации скептически относилась к Советской России: слишком глубоко проник яд лжи, распространяемый в Германии антибольшевистской печатью... После весьма основательного, подчас до 16 часов в день, изучения и несмотря на принадлежность делегатов к различным партиям, делегация пришла к единодушному мнению, что рабочий класс Германии имеет абсолютно неверное представление о Советском Союзе, что Советская Россия фактически находится на пути к осуществлению цели, поставленной основоположниками социализма, что рабочий класс действительно имеет власть в своих руках, что он является политически наиболее свободным рабочим классом во всем мире и что хозяйственное строительство осуществляется в направлении к социализму при участии широких рабочих масс. Столь ненавистная многим диктатура пролетариата действительно является истинно рабочей демократией, которая весьма выгодно отличается от так называемых демократий западных стран».

В беседах в тесном кругу забастовщиков после митингов Эрнст рассказывал, что рабочие и служащие в СССР имеют твердый восьмичасовой рабочий день. Члены немецкой делегации, посетившие Советский Союз, говорили ему, что фабрично-заводские комитеты оказываю большое влияние на решение всех затрагивающих рабочих вопросов. Советское правительство заботится об отдыхе трудящихся, охране труда, культурном воспитании. Крестьяне получили землю крупных помещиков. Искусство и наука служат делу пролетариата. По мере того как экономически и политически укрепляется Советская России, растут симпатии к ней рабочих, возрастает ненависть всего капиталистического мира к первому рабочему государству: «Капитализму совершенно ясно, что при дальнейшем хозяйственном укреплении Советской России на почве социалистического строительства все более крепнет стремление и связанная с ним воля пролетариата всех стран добиться того же, чего уже добились трудящиеся Советского Союза. Тем самым дальнейшее порабощение капитализмом рабочего класса становится невоз-

можным, — цитировал Эрнст обращение немецкой делегации. — Поэтому опасность войны против Советской России — не утопия, а реальность. И мы чувствуем себя обязанными, как члены рабочей германской делегации, указать на это обстоятельство пролетариям всех стран».

Что вопрос об интервенции вполне определенно ставился империалистами, показали происходившие в СССР в течение 1929–1932 годов процессы вредителей, шпионов, диверсантов: дела Промпартии, Трудовой крестьянской партии, правых уклонистов Бухарина, Томского, Рыкова, Рютина; левых фракционистов Сырцова, Ломидзе, контрреволюционных спецов Рамзина, Ларичева, Кондратьева. В ходе этих процессов было установлено, что реакционно-капиталистические круги некоторых европейских стран готовили к весне 1930 года военную интервенцию против СССР. Затем этот срок был перенесен на 1931 год. В качестве наемной агентуры империалисты использовали не только белогвардейцев-эмигрантов, но и внутренних врагов советского народа — троцкистов, бухаринцев.

Эти процессы над внутренним врагом бросали тень на политику ВКП(б), Коминтерна, порождали досужие домыслы о репрессиях в СССР среди национальных компартий за рубежом. В целях разъяснения позиции ВКП(б) в этих вопросах 1 декабря 1930 года Политсекретариат ИККИ направил «циркулярное письмо в ЦК всех компартий». По воспоминаниям Волльвебера, этот документ произвел на него огромное впечатление анализом «трудностей социалистического строительства», сложной фракционной борьбы в коммунистических партиях с троцкизмом, правыми и левыми уклонами. «Развернутое наступление социализма на капиталистические элементы, которое партия ведет по всему фронту, вызывает бешеное сопротивление кулачества, по отношению к которому в основных сельскохозяйственных районах при проведении сплошной коллективизации осуществляется лозунг «ликвидация кулачества как класса». В промышленности вскрывается вредительская работа и контрреволюционные происки буржуазных инженеров, агрономов и др. специалистов, связанных с эмигрировавшими за границу владельцами фабрик, заводов, шахт и нефтяных источников и усиливших особенно свою вредительскую работу с начала перехода партии в наступление по всему фронту. Эти буржуазные специалисты (Рамзин, Ларичев, Федотов, Осадчий, Кондратьев, Громан, Суханов и многие другие), которых партия, за отсутствием своих специалистов, до сих пор должна была использовать в советском хозяйственном аппарате, стоя перед фактом грандиозного успеха пятилетки, пытаются использовать все средства и методы борьбы против советской власти как внутри страны, так и сотрудничая с империалистическими правительствами в деле организации контрреволюционной интервенции и восстановления капитализма в СССР, — пояснялось в письме. — От партии требуется решительная и беспощадная борьба против всех проявлений оппортунизма, против малейших отклонений от генеральной линии партии и всяких мелкобуржуазных колебаний».

Говоря далее о борьбе с троцкизмом, ИККИ констатирует: «Троцкизм разоблачен, и теперь в СССР каждый сознательный рабочий знает, что Троцкий — контрреволюционер и троцкизм — меньшевистское контрреволюционное течение. Поэтому теперь уже никому не придет в голову выступать в СССР как троцкисту или с явными троцкистскими лозунгами. Однако троцкистский политический багаж за последний год пытались протаскивать в ВКП(б) под видом «левацких» загибов и отклонений (Ломинадзе, Шацкин, Стэн и др.), сопровождающихся на словах заявлениями их авторов о согласии с генеральной линией партии. В течение последних лет партия вела и ведет чрезвычайно напряженную борьбу против правого уклона как главной и основной опасности в данный период... Под давлением очевидных успехов партии и социалистического энтузиазма масс лидеры правого уклона в ВКП(б) (Рыков, Томский) почувствовали себя вынужденными выступить с признанием своих ошибок перед XVI съездом партии. Съезд потребовал от них, чтобы они не только на словах, но и на деле это доказали. Однако после XVI съезда ВКП(б) тт. Рыков и Томский ничего не сделали для выполнения поставленного съездом элементарнейшего условия, требующего от них решительной и открытой борьбы с правым уклоном. Тов. Бухарин, не присутствовавший на съезде, только в ноябре опубликовал свое общего характера заявление, в котором заявляет о признании своих ошибок и об общем своем согла-

сии с линией партии. Такое двусмысленное поведение бывших лидеров правого уклона (Бухарина, Томского, Рыкова) не могло не поощрять Рютиных, Слепковых, Ягломов и др., ставших по сути дела меньшевиками, к отстаиванию своих оппортунистических взглядов... Несколько позже А. и В. Слепковы, Марецкий, Айхенвальд и др. из бухаринской «школы» профессоров и бывший секретарь международной комиссии ВЦСПС Яглом, блокировавшийся в свое время с Вальхером и др. германскими правыми, заявляя на словах о своем согласии с генеральной линией партии, выступили с защитой самых махровых оппортунистических контрреволюционных организаторов помещичье-реставраторской Трудовой крестьянской партии Кондратьева, Чаянова, Макарова и др., пытавшихся найти опору у кулака, и меньшевистских вредителей Громана-Суханова и др. Партия исключила этих двурушников из своих рядов».

Вывод: «В обстановке решающей борьбы социализма против капиталистических элементов в стране, в обстановке подготавливаемой империалистами интервенции против СССР, партии более чем когда-либо необходимо единство и сплоченность ее рядов. Двурушничество служит в настоящее время основным прикрытием для оппортунистического нападения на партию и в условиях, когда открытый оппортунизм разоблачен, является крупнейшей опасностью для всей партии... Поэтому ВКП(б), борясь против оппортунизма во всех его проявлениях, продолжая борьбу на два фронта, против правого уклона и контрреволюционного троцкизма, объявила беспощадную борьбу двурушничеству и право-левому блоку. ВКП(б) исключила из своих рядов двурушников, ставших контрреволюционерами и меньшевиками, — Нусимова, Коврайского, Рютина, Слепкова, Айхенвальда, Яглома и др. На основании требования местных организаций по отношению к членам ЦК Сырцову и Ломидзе и члену ЦКК Шацкину, как вождям право-левого блока и организаторам фракционных групп, ЦК и ЦКК ВКП(б) исключили Сырцова и Ломидзе из состава ЦК и Шацкина из состава ЦКК ВКП(б)».

В заключение выражается «надежда, что все братские партии разъяснят своим членам смысл той борьбы, которую ВКП(б) ведет как против правого уклона, так и против его разведчиков в партии — оппортунистов-двурушников».

Для обсуждения письма ВКП(б) Тельман созвал расширенное заседание ЦК КПГ. Он призвал собравшихся внимательнее изучить и понять «смысл борьбы» советских коммунистов против оппортунизма, троцкизма, правых и левых уклонов. Сославшись на упоминание в письме фракционной группировки «из бухаринской «школы» профессоров», блокировавшейся с «Вальхером и германскими правыми» (Якоб Вальхер, представитель КПГ при ИККИ. — *Е. Г.*) обратил внимание на то, что в КПГ тоже до конца не вырваны еще корни оппортунизма и право-левацких уклонов, наносящих большой ущерб компартии, единству действий рабочего класса. Главная причина того, что монополистическим и милитаристским силам во время «германского Октября» 1923 года удалось отстоять свои позиции от натиска пролетариата, заключалась именно в оппортунизме тогдашнего руководства КПГ и правых лидеров СДПГ. На словах осуждая антинародную политику капитала, на деле они всячески отговаривали рабочих от борьбы, запугивая их «ужасами» Гражданской войны. Надо признать, что право-оппортунистическая идеология продолжает оказывать существенное влияние на трудящиеся массы в Германии; некоторая часть из них находится в плену национализма и шовинизма, что мешает им распознать истинные причины их бедственного положения. КПГ следует активнее доводить до широких народных масс основные положения «Программы национального и социального освобождения немецкого народа», направленные на создание подлинно демократического строя рабочих и крестьян, тесное сотрудничество с Советским Союзом.

— Чтобы повысить боеспособность партии, обеспечить выполнение нашей программы, предлагаю провести в КПГ большую идеологическую работу, сосредоточив основное внимание на разъяснении роли партии, рабочего класса в жизни нации; на ленинском учении о пролетарской революции, применительно к конкретным условиям Германии, — заявил Тельман. — С этой целью считаю целесообразным провести в партячейках теоретический семинар по проблемам марксизма-ленинизма, издать труды Ленина на немецком языке. Предметом дискуссий станут накопленный коммунистами опыт революций в Германии с момента создания «Союза Спартака», 1905 и 1917 годов

в России; проблемы отношений пролетариата к буржуазной демократии, оппортунизму социал-демократов, национал-социализму; анализ современной ситуации в увязке с выполнением задач компартии.

Поддержав предложение председателя КПГ, Волльвебер высказался в том смысле, что такое идеологическое наступление поможет партии освободиться от скрытых и явных оппортунистов, примиренцев, уклонистов. В рамках семинарских занятий следует, по его мнению, глубже проанализировать тему взаимодействия коммунистов с профсоюзами, чтобы определить наиболее эффективные пути перетягивания социал-демократических, профсоюзных рабочих и служащих в ряды компартии; изучить ленинские произведения «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», речи на Третьем и Четвертом конгрессах Коминтерна. Обратив внимание на растущую угрозу фашизации страны, Эрнст выступил с инициативой создания комитетов антифашистского фронта, в которые можно вовлекать социал-демократов, членов христианских партий, профсоюзов, беспартийных, рабочих и служащих, безработных. Такие комитеты под руководством КПГ станут, по его словам, действенной общественной силой, оказывающей решительное сопротивление усиливающемуся фашистскому террору.

* * *

Летом и осенью 1932 года внимание всего мира было приковано к острому политическому кризису в Германии. Разгоревшаяся борьба за власть между Гитлером, Папеном и генералом Шлейхером была предметом оживленных дискуссий в Париже, Лондоне, Москве, Коминтерне, мировой печати. В авангарде этой борьбы шла гитлеровская партия национал-социалистов. Стремясь к захвату власти, она прибегала к шовинистической демагогии для привлечения на свою сторону мелкобуржуазных масс. Под лозунгами «национальной революции», против «веймарских банкротов», «версальского диктата», «русского большевизма» фашистские демагоги вовлекали в контрреволюцию миллионы разоренных, озлобленных немцев.

Угрозу миру, утверждал Гитлер, несут не национал-социалисты: «Французский милитаризм вместе с русским большевизмом представляет в настоящее время одну из величайших опасностей для спокойного развития человечества... Мы убеждены, — говорил фюрер, — что победа коммунизма в Германии была бы началом общей мировой катастрофы. Все надежды на оздоровление мира пришлось бы похоронить в тот момент, когда красный советский флаг был бы перенесен из Москвы в Гамбург и Гейдельберг». Шесть миллионов коммунистов в Германии — это «коммунистическая опасность» для всей Европы. Решающий бой против коммунизма будет дан в Германии.

Эту мысль Гитлер развивал на все лады с упорством отъявленного шантажиста. Под воздействием шумной шовинистической кампании в апреле 1932 года прошло переизбрание Пауля фон Гинденбурга президентом Германии: он получил 53% голосов (19,5 миллиона), Гитлер — 36,8% (13,4 миллиона), Тельман — 10,2% (3,7 миллиона). Продление президентских полномочий Гинденбурга явилось результатом переговоров с Гитлером при условии назначения его рейхсканцлером. Однако на пост канцлера был назначен близкий к окружению Гинденбурга Франц фон Папен, один из наиболее характерных представителей будущей фашистской дипломатии.

Прусский юнкер, Папен начал свою дипломатическую карьеру в 1914 году в качестве военного атташе при германской посольстве в США, где он вместе с капитаном Францем фон Ринтеленом шпионил по заданию военной разведки Германии. Высланный из Соединенных штатов в 1915 году, Папен продолжал заниматься разведкой в Палестине и Сирии, будучи в составе штаба турецкой армии. Приспособляясь ко всем режимам, он приобрел репутацию дипломата исключительной изворотливости. Богатый помещик, Папен завязал в то же время тесные связи с рейнскими промышленниками благодаря женитьбе на дочери одного из них. Стоя как бы в стороне от активной политики, он плел паутину своих интриг за кулисами через основанный им «Клуб господ».

Германия шла быстрыми шагами к установлению фашистской диктатуры. Папен фактически легализовал нацистский террор и с помощью государственного переворота 20 июля 1932 года

ликвидировал прусское коалиционное правительство, возглавлявшееся правыми социал-демократами. Министры- оппортунисты СДПГ капитулировали под натиском национал-социалистов. На парламентских выборах 31 июля 1932 года нацисты по числу мандатов получили в рейхстаге больше мест, чем любая другая партия, — 230, СДПГ — 133, КПГ — 89, центристы — 75, Национальная народная партия — 37, остальные — 44. В результате возникла тупиковая ситуация: ни нацисты, ни социал-демократы не соглашались войти в коалицию с другими партиями. Этот созыв депутатов примечателен интересным историческим фактом. 30 августа на открытие рейхстага из подмосковного санатория Архангельское приехала Клара Цеткин, провозгласив: «Я открываю рейхстаг во исполнение своего долга как старейшая депутатка и в надежде, что, несмотря на мою теперешнюю инвалидность, я еще смогу открыть, как старшая по возрасту, Первый съезд Советов Германской Советской республики».

Кабинет министров Папена вскоре был заменен переходным правительством генерала Шлейхера, которое замаскированно готовило передачу власти фашистам. Страной управляли так называемые «президентские кабинеты» с помощью не законов, а чрезвычайных указов Гинденбурга. В 1932 году президент издал 66 чрезвычайных указов, в то время как рейхстаг, занятый внутрипартийными разборками, подготовил только пять законов. Дисбаланс веймарской государственной машины вел к ее полному разрушению, гибели, что и произошло в результате установления фашистской диктатуры в 1933 году.

В этих чрезвычайно сложных условиях классовой борьбы коммунисты во главе с Тельманом развернули массовое движение широких слоев народа против фашизма, милитаризма и войны. По всей стране на базе комячеек и революционных профсоюзов создавались комитеты единого антифашистского фронта. В Берлине, Бернау, Гамбурге, Химнице, других городах велись переговоры между местными руководящими органами КПГ и СДПГ о совместных мерах борьбы против Гитлера. Однако центральное правление СДПГ всячески препятствовало этому единству действий, преследуя социал-демократов, готовых к сотрудничеству с коммунистами, угрозами вплоть до исключения из партии.

Движение Антифашистского действия постепенно распространялось и на деревню, особенно в районах Восточной Пруссии, Бранденбурга, Мекленбурга, Ольденбурга, посредством вовлечения в него сельскохозяйственных рабочих, мелких фермеров. На селе стали формироваться антифашистские комитеты бедноты.

Волльвебер был в числе первых немецких коммунистов, кто глубоко осознал смертельную опасность нацизма для Германии, СССР, всего человечества. Возглавляя военный аппарат партии в округах Гессен-Вальдека и Тюрингии, находившихся по соседству с Баварией, где зарождался фашизм, он еще в 1923 году указывал на проникнутую нацистской идеологией программу Гитлера из «25 пунктов»: «требование жизненного пространства», объявление «безжалостной войны тем, чья деятельность вредит интересам» национал-социализма. Уже тогда происходили жесткие схватки коммунистов с нацистами, пытавшимися проникнуть из Баварии в Гессен и Тюрингию. Для борьбы с фашизмом Эрнст начал тогда создавать рабочие отряды самообороны и пролетарские сотни.

И сейчас, отвечая в ЦК за вопросы безопасности КПГ, он активно занялся формированием органов пролетарской самообороны (ОПС). Перед ОПС ставились задачи обеспечения безопасности деятельности антифашистских комитетов, протестных выступлений компартии, рабочих, профсоюзных активистов, противодействие реформистским, оппортунистическим организациям СДПГ, борьбы с фашизмом и милитаризмом. По плану, согласованному с Тельманом, Волльвебер решил привлечь к выполнению этих задач массовые, общественные организации: Красный союз фронтовиков, молодежную группу КСФ «Юнгштурм», германские секции МОПРа — «Красная помощь», Межрабпом, Профинтерн. Для охраны членов ЦК партии, важных партийных заседаний (пленумов, съездов), протестных мероприятий с участием руководителей КПГ организовывал нелегальные военизированные отряды самообороны (ВОС). Они составлялись путем тщательного отбора надежных, проверенных товарищей из членов КСФ, «Юнгштурма», Революционной профсоюзной оппозиции, Общегерманского профсоюза моряков и портовых рабочих.

КПГ и ОПС во главе с Красным союзом фронтовиков, насчитывающим более 100 тысяч человек, возглавили массовое антифашистское движение, ставшее наиболее ярким примером единства действий всех миролюбивых сил в тот период в Германии. Во многих округах страны устанавливались контакты между парторганизациями КПГ и СДПГ, чтобы противостоять фашизму. Вокруг коммунистов, социал-демократов, членов профсоюзов сплачивались представители других слоев населения — крестьяне, ремесленники, интеллигенция. Из рядов антифашистского движения вышли видные социалистические писатели и деятели культуры: Иоганнес Бехер, Эрих Вайнерт, Фридрих Вольф, объединившиеся в Союз пролетарско-революционных писателей. Они плодотворно сотрудничали с Союзом друзей СССР, объединившем в своих рядах около 90 тысяч членов, Обществом друзей новой России. Члены этих культурных организаций, в которых коммунисты имели большое влияние, проводили совместные антифашистские мероприятия: выставки, театральные постановки, просмотры кинофильмов, литературные вечера. Многие из них приглашались в советское посольство в Берлине на официальные приемы в дни октябрьских годовщин.

По воспоминаниям современников, особенно торжественным и многолюдным был прием в полпредстве СССР 7 ноября 1932 года по случаю 15-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Автомобили с флажками разных стран, подъезжавшие к зданию посольства, выстроились в длинный ряд, хвост которого достигал Бранденбургских ворот. На следующий день берлинские газеты писали, что в советском доме на Унтер-ден-Линден побывало свыше тысячи гостей. Но они умолчали о демонстрации солидарности простых берлинцев перед зданием, на котором развевался государственный флаг СССР. «Я не раз бывал непосредственным участником молчаливой демонстрации, которая обычно состояла из нескольких сотен антифашистов. Молчаливой потому, что Унтер-ден-Линден на всем протяжении оцеплялась полицейскими, и люди молча шли по ней к зданию советского полпредства, выражая тем самым свои чувства симпатии, поддержки и солидарности первому в мире государству рабочих и крестьян, — вспоминает ветеран антифашистского движения Фридрих Эберт, сын первого президента Веймарской республики. — Старый дом с огромными деревянными дверями и эмблемой Советского Союза — серпом и молотом — на них. Гордо реющий алый флаг и распахнутое, ярко освещенное окно крайней комнаты нижнего этажа, где на стене висел огромный портрет В. И. Ленина. Взоры всех демонстрантов неизбежно устремлялись к этому окну, к портрету... Увиденное волновало людей, объединяло».

Широкое антифашистское движение, в котором участвовали миллионы коммунистов, социал-демократов, профсоюзных активистов, рабочих, беспартийных, других сторонников демократического развития, стало зародышем антифашистского Народного фронта. В его рамках возрастал авторитет КПГ, руководимых партией организаций, особенно КСФ, «Красной помощи», Коммунистического союза молодежи Германии; увеличивалось число голосов, поданных за компартию на земельных выборах; рос авторитет коммунистических парламентских фракций среди трудящихся. Антифашистская борьба КПГ достигла осенью 1932 года такого размаха, что под ее воздействием начало падать влияние на массы национал-социализма, в гитлеровской партии стал назревать кризис. На выборах в рейхстаг 6 ноября 1932 года коммунисты добились впечатляющих успехов: за КПГ проголосовали почти 17 % избирателей, партия получила в парламенте 100 депутатских мест. Национал-социалисты потеряли 34 места, СДПГ набрала чуть больше 20 % голосов.

Волльвебер был избран депутатом рейхстага от 13 округа земли Шлезвиг-Гольштейн. Во фракцию коммунистов вошли хорошо знакомые Эрнсту по работе в ЦК известные партийные и общественные деятели Клара Цеткин, Вильгельм Пик, Эрнст Тельман, Вальтер Ульбрихт, Франц Далем, Вильгельм Флорин, Ханс Киппенбергер, Фритц Зельбман, Вилли Будих, Вильгельм Мюнценберг, Теодор Нойбауэр, Альберт Вальтер, Эрнст Шнеллер, Ион Шеер, Эдвин Хернле.

При распределении обязанностей в коммунистической фракции Волльвебер возглавил группу по обеспечению безопасности КПГ, руководству органами пролетарской самообороны. На этом участке работы он особенно тесно сблизился с Киппенбергером, Нойбауэром, Шнеллером, Шеером. Эти мужествен-

ные антифашисты, соратники Волльвебера в борьбе против гитлеровской Германии, друзья Советского Союза заслуживают того, чтобы о судьбе каждого из них рассказать отдельно.

Справка. *Ханс Киппенбергер родился в 1898 году, ровесник Волльвебера. Участник Первой мировой войны, обер-лейтенант, член КПГ с 1920 года. Один из руководителей Гамбургского восстания 1923 года. В 1924 году прошел военное обучение в нелегальной военной школе Коминтерна в Москве (возможно, в той, где учился Волльвебер). Одновременно учился в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада. В 1925–1935 годах возглавлял нелегальный военный аппарат КПГ. С 1928 года — депутат рейхстага, с 1929 года — член ЦК КПГ. С 1935 года — в СССР, работал на заводе пишущих машинок в Москве. В ноябре 1936 года арестован, в октября 1937 года расстрелян. Реабилитирован посмертно.*

Справка. *Теодор Нойбауэр родился в 1890 г. в семье служащего. По окончании Йенского университета ему была присвоена степень доктора философских наук. Преподавал в эрфуртской гимназии, в которой когда-то учился, и одновременно вел исследовательскую работу в области истории Германии и международных отношений. В годы Первой мировой войны служил в армии, демобилизовавшись, вернулся в Тюрингию, где в 1918 году примкнул к рабочему движению. До 1920 года принадлежал к левому крылу Независимой социал-демократической партии, после Капповского путча вступил в КПГ. За политическую деятельность был уволен из гимназии, после чего посвятил себя партийной работе: был талантливым организатором, публицистом, редактором ряда коммунистических газет. В 1923 году руководил коммунистической фракцией ландтага Тюрингии. В 1924–1933 годах — депутат рейхстага, на ответственной работе в ЦК КПГ. В 1933 году арестован нацистами и заключен в концлагерь. После освобождения в 1939 году включился в подпольную антифашистскую деятельность, возглавлял подпольную организацию Сопротивления в Тюрингии. В 1944 году схвачен гитлеровцами и 5 февраля 1945 г. казнен.*

Справка. *Эрнст Шнеллер родился в 1890 году в семье железнодорожника. Во время Первой мировой войны был на Восточном фронте и стал свидетелем великих революционных событий в России, оказавших на него огромное влияние. Будучи членом солдатского совета, вел революционную пропаганду среди солдат, участвовал в братании с русскими солдатами. После краткого пребывания в СДПГ в марте 1920 года вступает в КПГ и с тех пор всю свою энергию, знания и опыт отдает революционному движению. В 1923 году — руководитель пролетарских сотен в Саксонии, возглавляет военный совет при ЦК КПГ. В 1924 году избирается в ЦК, становился близким соратником Тельмана, ведет последовательную борьбу против оппортунизма и сектантства. В 1924–1933 годах — депутат рейхстага. Запомнился товарищам как пламенный оратор, страстный, талантливый пропагандист единства действий рабочего класса в борьбе с фашизмом. В феврале 1933 года схвачен гестаповцами, заключен в тюрьму Моабит, затем в концлагерь Заксенхаузен, где становится руководителем подпольной антифашистской организации. Расстрелян нацистами в октябре 1944 года.*

Справка. *Ион Шеер родился в 1896 году в рабочей семье, слесарь. С юных лет примкнул к рабочему движению, принимал активное участие в Гамбургском восстании. После поражения перешел на нелегальное положение. В 1929 году избран членом ЦК КПГ. После прихода нацистов к власти и ареста Тельмана избран председателем КПГ. На его долю выпала большая ответственность по сохранению боевого духа компартии: он вместе с Волльвебером организовывал переход партии на нелегальное положение. Осенью 1933 года схвачен гестапо, подвергался изощренным истязаниям, но нацистам не удалось сломить его стойкость. Никого из товарищей он не выдал. В 1934 году расстрелян эсэсовцами.*

Отрядам пролетарской самообороны под руководством Волльвебера приходилось действовать на два фронта: против нацистов Гитлера и «социал-фашистов» СДПГ. Причем борьбе с оппортунизмом социал-демократов как главной социальной опоры германского империализма и милитаризма Коминтерн

придавал первостепенное значение. «Мы выдвинули лозунг: «Бей нацистов там, где увидишь!» Но для нас это была второстепенная задача. Основной была борьба с социал-демократами, нашим «главным противником», который стоял на пути создания Советской Германии, — пишет Валтин (Кребс). — Для подготовки забастовок на морском транспорте нужно было в первую очередь разгромить профсоюзы, находившиеся под контролем социал-демократов. Тысячами листовок мы старались разжечь ненависть рабочих к работодателям, полиции и социал-демократам, которые выступали за переговоры. Слепая ненависть к социал-демократам стала непреложным законом деятельности коммунистов к середине января 1931 года, когда Георгий Димитров направил секретные инструкции руководителям всех коммунистических партий. Суть этих инструкций можно выразить в одной фразе: «Совместные действия компартии и гитлеровского движения с целью ускорения распада правящего демократического блока». Для выполнения этих инструкций в Германии был создан специальный комитет, в который вошли Тельман, Нейман, Волльвебер.

— Лишившись поддержки социал-демократов, немецкая буржуазия не продержится и дня, — рычал Волльвебер на собрании партийных активистов. — Ликвидировав социал-фашистов, мы подготовим почву для гражданской войны. И тогда мы встретимся с Гитлером на баррикадах».

Там, где интересы борьбы против социал-демократов совпадали, коммунисты и штурмовые отряды фашистов действовали совместно: «В 1931 году я многократно участвовал в совместных акциях уличного террора вместе с отъявленными нацистскими головорезами, — признается Валтин и приводит пример срыва соединенными силами коммунистов и нацистских молодчиков социал-демократической профсоюзной конференции в Бремена. — Компартия послала своего курьера в штаб-квартиру нацистов с предложением о совместных действиях по срыву этой конференции. Гитлеровцы, как всегда в подобных случаях, согласились. К открытию конференции на галерке собралось около трех сотен коммунистов и нацистов. Я руководил действиями коммунистов, а нацисты подчинялись штурмовику по имени Вальтер Тидов... В зале начался бедлам. Затрещала ломаемая мебель, в драку сразу вступили десятки человек... На следующий день на первых полосах коммунистических и нацистских газет были помещены практически идентичные материалы о том, как «рабочие-социалисты», возмущенные предательством своих лидеров, преподали им «пролетарский урок». В другом случае жертвами таких же действий стали либералы Демократической партии... Организованная нами волна забастовок тоже лила воду на мельницу нацистов. В Руре, Саксонии и Силезии бастовали шахтеры. Мы не жалели сил для того, чтобы превратить эти выступления трудящихся в крупную политическую акцию, сопровождавшуюся вооруженными столкновениями с полицией».

В мае 1932 года в «красном» пригороде Гамбурга — Альтоне по инициативе Лозовского и Волльвебера был созван первый международный конгресс Интернационала моряков и портовых рабочих. К этому времени в ИМПР входили организации 22 стран и 19 колоний. Внешне это было респектабельное, независимое объединение, заботящееся о достойных условиях труда и быта моряков. Оно строило в крупных портовых городах общежития, клубы моряков. Членские взносы, плата за проживание, питание в них были довольно низкими, по карману даже беднякам, поскольку деятельность интернационала щедро субсидировалась Коминтерном. Месячный бюджет интернационала, как утверждает Кребс, «составлял 52 тысячи долларов». Причина такой щедрости состояла в том, что ИМПР выполнял особые задания советской разведки и Коминтерна. Он был способен помешать перевозкам по морю войск и вооружений, которые могли быть использованы против Советского Союза, шантажировать правительства угрозами забастовок моряков и портовых рабочих.

Конгресс проходил под лозунгом «единого фронта». Председательствовавший на нем Волльвебер поручил Кребсу «плотнее поработать» с членами делегации США: «В этот период, как член исполкома ИМПР, я познакомился с несколькими американскими коммунистами. Некоторые из них стали работать под моим руководством. Двое из них впоследствии заслужили благосклонность Сталина: это Джордж Минк и негр Джеймс Форд, вечный кандидат компартии на пост вице-президента США, — вспоминает Кребс. — В 1930 году Форд был назначен

генеральным секретарем Международного комитета негритянских рабочих, который базировался в Гамбурге. Его офис располагался в помещении гамбургского Интерклуба. У него также была конспиративная квартира, ежемесячная денежная дотация из Москвы и секретарь-любовница, которая одновременно работала на ГПУ... В Гамбурге на типографской базе компартии выпускались бесчисленные манифесты и брошюры, а также ежемесячный бюллетень «Негритянский рабочий», рассылавшийся во все концы света... Джордж Минк знал, что я являюсь членом исполкома ИМПР, стремился произвести на меня хорошее впечатление рассказами о своих успехах. В компартию он вступил в 1926 году в Филадельфии, где работал таксистом... Жизнь профессионального революционера привлекла его своей авантюрностью... Он организовал первые Интерклубы в Америке. В 1928 году его вызвали в Москву, где он согласился информировать ГПУ о «ненадежных» американских коммунистах. Там же ему удалось завоевать симпатии Лозовского».

Наряду с открытыми пленарными заседаниями, в рамках конгресса работало несколько закрытых комитетов, куда допускались только проверенные коммунисты. Они обсуждали вопросы обеспечения безопасности клубов моряков, конспиративной работы: систему связи, подбор кадров, методы организации забастовок, дезорганизации судоходства, способы проникновения в военно-морские силы иностранных государств. «На одном из таких заседаний, где я председательствовал, проводился тщательный анализ положительного и отрицательного опыта организации вооруженных мятежей, — отмечает Кребс. — Присутствовавший на заседании советский представитель поделился опытом работы большевиков по разложению Балтийского флота царской России. Немецкий представитель, депутат рейхстага Вилли Лео рассказал о причинах успеха мятежа на кораблях германского императорского флота. Француз Лангинье рассказал о восстании на французских военных кораблях в Тулоне. Затем выступили коммунисты с опытом подрывной работы на военно-морском флоте Дании и на польской военно-морской базе в Гдыне. Но наибольший интерес вызвал анализ уроков восстания на военно-морском флоте Чили и бунта в военно-морских силах Великобритании. Оба эти события произошли в сентябре

1931 года. О Чили докладывал Джордж Минк, о Великобритании — англичанин из Ливерпуля».

Волльвебер в выступлениях на пленарных заседаниях как председательствующий в президиуме конгресса основное внимание сосредоточил на призывах к делегатам о необходимости создания широкого единого фронта рабочих, профсоюзных, партийных, революционных организаций, а также соблюдения партийной дисциплины и конспирации. Он высказался за тесное сотрудничество ИМПР с Международной организацией помощи борцам революции (МОПР), Международной рабочей помощью (МРП), Профинтерном. Так как МОПР — это внепартийная организация, оказывающая помощь всем жертвам революционной борьбы, принимающая в свои ряды всех членов, невзирая на партийную принадлежность, то она, по его словам, является важнейшим орудием проведения тактики единого фронта. К 1932 году МОПР объединяла 70 национальных секций, включавших около 14 миллионов человек. Важнейшей задачей этих секций становилась борьба против фашизма и войны.

Эрнст зачитал воззвание Исполкома МОПР к трудящимся Германии от июля 1931 года: «Социал-демократические вожди взяли на себя защиту капиталистического классового господства от революционного штурма масс. Голосуя за обложение масс налогами, за общее снижение зарплаты, за чрезвычайные декреты как «за меньшее зло» — они укрепляют позиции господства буржуазии, активно содействуют ускорению процесса фашизации и установлению кровавого террора против революционных рабочих и их организаций. Рабочие, вспомните! Социал-демократ Цергибель устроил в 1929 году жуткую кровавую расправу над берлинскими первомайскими демонстрантами. Зеверинг, социал-демократический министр полиции, создал «закон о защите республики». На днях он запретил спартакиаду международных революционных физкультурников... 23 000 полицейских нападений были проведены в Пруссии в 1923 году против революционного пролетариата. 160 революционных рабочих были убиты полицией и фашистами с 1930 года по настоящее время. Ежедневно проливается рабочая кровь в городах Германии. В то время как социал-фашистские начальники полиции расправляются с голодающими безработными и пенсионерами, запрещают демон-

страции революционных рабочих, они разрешают фашистским бандитам и убийцам совершать свои походы в Бреславле и Берлине, ставят их под свою полицейскую защиту и беспощадно преследуют рабочих, возмущенных фашистскими провокациями. 5000 пролетарских политзаключенных томятся в настоящее время в тюрьмах Германии. Против 30 000 революционных рабочих возбуждены процессы».

Волльвебер обратился к конгрессу ИМПР с предложением «коллективно вступить в МОПР». На закрытом заседании комитета по вопросам безопасности поделился своими соображениями об особенностях работы в условиях полулегального, нелегального положения, а также о мерах конспирации, руководствуясь документом Коминтерна «Правила партийной конспирации» (1928). Он подчеркнул, что работа в условиях нелегального положения требует постоянного и огромного напряжения воли. Большинство провалов опытных нелегальных работников происходит вследствие нервного переутомления, вызывающего апатию и мешающего чутко реагировать на признаки опасности. Нелегальная работа не должна поручаться: злоупотребляющим алкогольными напитками, занимающимися азартными играми, а также лицам, страдающим хроническими недугами, могущими временами привести к потере сознания (эпилепсия и пр.). В деле конспирации абсолютно недопустимы любопытство, хвастовство, легкомысленное поведение, поскольку нередко лишнее слово о нелегальной деятельности может иметь пагубные последствия для организации.

Нелегальный аппарат следует строить с таким расчетом, чтобы самый тяжкий провал или самая крупная провокация не могла привести к разрушению всего аппарата. В этих целях следует: избегать соединения в одних руках одного и того же работника руководства нескольких самостоятельных видов работы, как то: связь, нелегальные типографии, военная организация и т. д.; быть крайне осторожным с переводами одного и того же работника с одной нелегальной работы на другую, если организация, где работал товарищ, не ликвидирована или совершенно не перестроена после ухода данного работника; не сообщать даже самым ответственным работникам конспиративных сведений, если сведения эти не необходимы для работы.

Он предупредил: было бы грубой ошибкой считать, что в нелегальной организации что-либо совершенно гарантировано от провала; также было бы ошибочно полагать, что на деле возможна нелегальная организация, у которой ни при каких обстоятельствах не найдется члена, который выдаст противнику конспиративные сведения. Шкурничество слишком сильно в буржуазном обществе: истязания в застенках, страх смерти и т. п. могут сломить волю того или иного более слабого из тех, кто до тех пор совершенно честно отдавался борьбе за освобождение своего класса. Кроме того, нет абсолютной гарантии, что противник не в состоянии послать в число членов организации своих агентов и провокаторов. В нелегальной организации надежность в конспиративном отношении необходимое условие, без этого самые блестящие иные качества — ноль. Детальное выяснение не только политической физиономии, но и прочих качеств, необходимых нелегальному работнику, — это самое элементарное требование. Надежность должна быть доказана.

Распространенная среди делегатов «Резолюция первого международного конгресса Интернационала моряков и портовых рабочих» (июнь 1932 года) призывала «организации рабочих водного транспорта принять активное участие в создании мощного всемирного единого фронта всех трудящихся масс для отпора капиталистической реакции... Активное участие МОПР во всех боях рабочих, а также в борьбе против войны, в защиту Советского Союза, сделали МОПР знаменем братской солидарности, вокруг которого должны объединиться рабочие всего мира». Международный конгресс ИМПР «решил коллективно вступить в МОПР и принять практические меры для развертывания работы МОПР среди моряков и портовых рабочих».

Решения конгресса ИМПР придали новый импульс компартии в формировании единого антифашистского фронта. Тельман и Волльвебер предприняли очередную попытку договориться с лидерами фракции СДПГ в рейхстаге о совместных действиях под лозунгом «Остановить Гитлера!», но натолкнулись на демагогические рассуждения социал-демократов о «возможности победы над фашизмом посредством избирательных бюллетеней».

Тем временем гитлеровское движение набирало силу. Нацисты вели кампанию с беспрецедентной смелостью, энерги-

ей и цинизмом. Им была чужда кропотливая, повседневная, настроенная на длительный срок традиционная политическая работа с массами. Им был нужен быстрый результат. В условиях политической и экономической нестабильности его можно было достичь боевитостью, используя, прежде всего, инстинкты и подсознание людей. Рабочим они обещали более высокую зарплату, промышленникам — высокие доходы, безработным — хорошо оплачиваемую работу, крестьянам — землю и освобождение от налогов, крупным землевладельцам — дешевую рабочую силу. Студентам и интеллигентам, которые тысячами присоединялись к национал-социализму, обещали карьеру и участие во власти. Нацисты подвергали капиталистов уничтожающей критике, и в то же время вели тайные переговоры с крупными промышленниками и финансистами.

На съезде промышленников в Дюссельдорфском клубе в 1932 году Гитлер пообещал им в случае прихода к власти такие военные заказы, каких не знала история. Один из руководителей съезда, крупнейший рурский промышленник Фритц Тиссен ответил на это возгласом: «Хайль Гитлер!» Этот магнат сыграл важную роль не только в финансировании национал-социалистической партии, но и в захвате Гитлером власти.

4 января 1933 года в результате сделки между нацистами и Папеном Гитлер получил от президента Гинденбурга согласие создать кабинет «национальной концентрации». 30 января Гитлер стал канцлером, пост вице-канцлера занял Папен. В гитлеровском коалиционном правительстве было только два представителя нацистской партии: Вильгельм Фрик — министр внутренних дел, Герман Геринг — министр без портфеля. Другие министерские посты заняли представители Немецкой национальной партии, Немецкой народной партии, Партии Центра. Министром иностранных дел стал барон Константин Нейрат, руководство рейхсвером было передано генералу Вернеру Бломбергу. Важнейшие посты в кабинете находились в руках соратников Папена. Это обстоятельство создавало состояние определенной неуверенности. Борьба за власть в Германии продолжалась.

Первое отрезвление немцев пришло на следующий день после прихода Гитлера к власти, когда тысячи штурмовиков устроили в центре Берлина грозное факельное шествие. В штаб-квартире

КПГ «Карл Либкнехт хаус» как раз в это время проходило необычное расширенное собрание. Присутствовали все члены ЦК, лидеры всех вспомогательных организаций, профсоюзов, представители «попутчиков». Бурные споры продолжались до полуночи, иногда казалось, что разгоряченные спорщики бросятся друг на друга с кулаками. Председательствовавшему на заседании Волльвеберу приходилось неоднократно призывать товарищей к порядку, успокаивать.

Кто-то из участников собрания обратил внимание присутствующих на усиливающийся шум с улицы. Погасив предварительно свет, все подошли к окну, откинули портьеру. Внизу сквозь сумрак январской ночи в свете фонарей по мостовой двигалась шумная колонна штурмовиков, громко напевая: «Пусть стяги Гитлера развеваются на башнях Германии. Это заря немецкой свободы...» Горланя фашистские лозунги, они маршировали с факелами в руках к отелю «Кайзерхоф», где квартировал, упиваясь победой и предвкушая переселение в рейхсканцелярию, их фюрер — Адольф Гитлер. Одурманенные нацистской демагогией немцы спешили приветствовать того, кто обещал им господство над другими странами, народами, миром.

Когда участники заседания вернулись на свои места, чтобы продолжить обсуждение вопросов повестки дня, Тельман отчеканил:

— В лице Гитлера рейхсканцлером стал человек — злейший враг компартии и Советского Союза. Наша задача состоит в том, чтобы всеми силами противодействовать его агрессивной, шовинистической политике развязывания войны.

Приход к власти фашистов не был обычной сменой кабинета министров. Он ознаменовал начало планомерного разрушения всех институтов буржуазной парламентской республики, всех демократических завоеваний немецкого народа, создание «нового порядка» — террористического антинародного режима. Для оправдания чрезвычайных мер Гитлеру в феврале 1933 года потребовался провокационный поджог Рейхстага, в котором была обвинена Коммунистическая партия Германии. Вслед за провокацией последовали два новых чрезвычайных постановления: «против измены германского народу и против изменнических действий», «о защите народа и государства», принятых, как было

объявлено, с целью подавления «вредных для государства коммунистических насильственных действий». 24 марта 1933 года принимается «Закон о дополнительных полномочиях», фактически превращающий Гитлера в диктатора. Мандаты депутатов КПГ в рейхстаге голосами фракций буржуазных фракций аннулируются.

Так завершился непродолжительный период (три месяца) работы Волльвебера депутатом в парламенте. Тем не менее он был важен для него в двух отношениях: накопления опыта общественно-политической деятельности и заведения полезных связей в политических, экономических, военных кругах Германии. Многие депутаты, политики, партийные функционеры, с которыми он познакомился в рейхстаге, делали успешную карьеру, достигали высоких постов в правительственных учреждениях, профсоюзных, экономических объединениях, военных структурах. Когда у Эрнста возникала потребность в получении нужной информации, эти связи и знакомства очень помогали.

Гитлеровский фашизм сразу же направил свой главный удар против компартии. Геббельс развесил по всей стране плакаты с требованием: «Раздавите коммунизм! Разгромите социал-демократию!» В руководстве КПГ не был ни малейших сомнений в том, что очень скоро против партии будет развязан жесточайший террор. Выступая в последний раз на нелегальном пленуме компартии в феврале 1933 году, Эрнст Тельман от имени ЦК КПГ уже в который раз обратился к правлениям СДПГ и Всеобщего объединения немецких профсоюзов с призывом провести совместную всеобщую забастовку с целью свержения правительства Гитлера, спасения немецкого народа, коммунистов, социал-демократов от страшной катастрофы, которую нес нацизм. В некоторых городах коммунисты вышли на улицы, распространяли сотни тысяч листовок с призывом к всеобщей забастовке. Многих членов КПГ арестовали. Социал-демократы пальцем не пошевелили в их защиту, причем не только лидеры, но и рядовые — так глубоко проник в сердца простых людей, рабочих яд междоусобной, братоубийственной борьбы.

— Вина за активизацию сил контрреволюции в Германии лежит на коммунистах, раскалывающих единый фронт трудящихся, — упрекали компартию социал-демократы.

— Предатели! Пособники буржуазии и фашизма! — отвечали им коммунисты.

Немецкий рабочий класс был расколот на антагонистические группировки. Лидеры СДПГ, профсоюзов, пытаясь «приспособиться» к фашистскому государству, надеялись таким способом обеспечить дальнейшее существование себя и своих организаций. Оставшиеся в рейхстаге депутаты-социал-демократы голосовали даже в поддержку внешней политики Гитлера, хотя некоторых членов СДПГ нацисты начали уже арестовывать. Эта капитулянтская позиция тормозила развертывание антифашистской борьбы, поощряла Гитлера на ликвидацию демократических партий, профсоюзов. В марте 1933 года была запрещена КПГ, в июне — СДПГ. Одновременно были распущены все остальные организации рабочих, буржуазные партии подверглись «унификации», начались массовые аресты коммунистов, социал-демократов, лучших представителей немецкой культуры.

3 марта 1933 года в руки фашистов попал Э. Тельман, 9 марта по доносу были арестованы три болгарских коммуниста, в том числе руководитель Западноевропейского бюро Коминтерна Г. Димитров. Всего же за первые полтора месяца после прихода Гитлера к власти было арестовано 18 тысяч коммунистов. Срочно вызванный в Берлин Кребс оказался свидетелем полицейского обыска в центральной штаб-квартире КПГ: «Карл Либкнехт хаус». «Этот оплот коммунизма в Западной Европе, был заполнен полицейскими. Из дома непрерывным потоком выходили полицейские, каждый из которых нес охапки книг и документов, кто-то тащил пишущие машинки, гектографы и телефонные аппараты, — пишет он. — Все это сваливалось на грузовики, которые уходили в штаб-квартиру полиции... Витрина книжного магазина коммунистов на углу была разбита вдребезги... Я застыл в оцепенении. Видеть, как полиция громила само олицетворение силы коммунизма в Европе, было невыносимо тяжело. Рабочий тронул меня за плечо.

— Лучше смешайся с толпой, а то могут арестовать, — посоветовал он.

Я сделал несколько шагов назад. Никто не сопротивлялся. Весь район вокруг Бюловплатц был до предела нашпигован полицией. Людей в нацистской форме нигде не было видно. Ду-

маю, что сам вид штурмовиков поднял бы рабочих на стихийный отпор. Но перед «законной» полицией все оцепенели».

Ловко ускользнув от преследования фашистских ищеек, Волльвебер прилагал огромные усилия к тому, чтобы собрать и организовать сохранившиеся подпольные ячейки коммунистов, подбодрить, вывести их из подавленного состояния в связи с запретом КПГ. После ареста Тельмана и Димитрова на него как оргсекретаря ЦК возлагалась громадная ответственность за судьбу компартии, подвергавшейся самым тяжелым испытаниям за всю свою историю: «Из старого руководства партии на свободе остался только Эрнст Волльвебер, секретарь ЦК по организационным вопросам, — пишет Кребс. — Он действовал с поразительным хладнокровием. Сегодня его видели в Берлине, завтра — в Гамбурге, послезавтра — еще в каком-нибудь городе, где он встречался с партийными активистами, назначал новых руководителей взамен арестованных».

Эрнст понимал, что любая фронтальная атака на нацистов без поддержки профсоюзов, левых социал-демократов была бы в сложившихся условиях равносильна самоубийству. Отказываясь от призывов некоторых радикально настроенных коммунистов к вооруженному восстанию, он ссылался на ленинское высказывание о том, что «генерал, призывающий армию к бою, в котором поражение неизбежно, заслуживает расстрела». К тому же складывающаяся ситуация в Германии была неблагоприятной для каких-либо выступлений коммунистов. «В этот критический момент апатия большинства немцев была просто поразительной, — вспоминает Кребс. — Они без звука подчинились коричневому террору. Казалось, либералы и социалисты просто не понимали природу той темной силы, которая захлестывала страну. «Поживем — увидим», — говорили не только обыватели, но и достаточно искушенные в политике люди».

Партийная разведка докладывала Волльвеберу, что он внесен в «черный список» Гитлера «врагов нации», которых приказано разыскать и казнить. Оставаться в Берлине, который после разгрома штаб-квартиры КПГ стал ловушкой для нацистских палачей, было опасно. Маскируясь, он отпустил усы, стал носить очки, не выходил из дома без оружия: «Пистолет мы носили в правом кармане, специально увеличив его, чтобы в случае

опасности стрелять, не вынимая оружия из кармана», — вспоминал Эрнст.

Он уже собрался уехать в Гамбург, где влияние коммунистов традиционно было доминирующим, нацисты вели себя там скромнее. К тому же Эрнст хорошо изучил этот портовый город, знал каждый закоулок, где в случае опасности можно было спрятаться. Немаловажную роль играло и матросское братство, готовое прийти на помощь в трудную минуту. Но из Москвы поступило срочное указание: собрать всю документацию, архивы КПГ, ЗЕБ, КСФ, других вспомогательных организаций Коминтерна в Берлине и нелегально вывезти это собрание в Копенгаген.

Задание было не из легких: предстояло под носом нацистов вынести из нескольких опорных пунктов компартии спасенную от погромов документацию, упаковать и каким-то путем доставить в столицу Дании. Волльвебер привлек к выполнению этого поручения И. Шеера, сопровождавших его охранников и курьеров, а также вызвал из Гамбурга Кребса с «дюжиной надежных моряков, умеющих хорошо ходить на шлюпках». Гамбургская команда прибыла в Берлин как раз в день погрома в «Карл Либкнехт хаусе». Понаблюдав за произволом полиции, «я схватил проходившее такси и доехал до Халлеше Тор. По Вильгельмштрассе пошел в направлении обшарпанных дворцов, которые сейчас срочно осваивали сторонники Гитлера. В доме под номером 48 располагалось издательство «Нойер дойчер ферлаг», под прикрытием которого действовало одно из отделений Западноевропейского бюро, — рассказывает Кребс. — Девушка назвала мне адрес в районе Гезендбуннен, в северо-восточной части Берлина. Я ждал в квартире ветерана-инвалида, пока партийный аппарат проверял мои полномочия. Наконец к вечеру пришла девушка-курьер.

— Мне нужен моряк из Гамбурга, — сказала она.

Инвалид молча показал на меня. Мы договорились о том, как мы объясним, куда идем, если нас остановит полиция. Девушка привела меня в современную квартиру в пригороде Вильмерсдорфа. Я прошел в гостиную, где было несколько хорошо одетых молодых людей и девушек. Они могли быть либо телохранителями, либо курьерами. В следующей большой комнате, которая была оборудована как офис, я увидел Эрнста Волльве-

бера. Он стоял посредине комнаты, одетый в застиранную голубую блузу, и при своем низком росте казался почти подростком. В уголку рта у него свисала сигарета. Лицо его было неподвижно, но маленькие темные глаза настороженно шарили по комнате, ощупывали собеседника. Рядом с ним была высокая элегантная блондинка, которая в этот момент работала над каким-то новым кодом. Я знал ее. Это была Чилли. Она скользнула по мне взглядом, но не подала вида, что узнала меня. Волльвебер заговорил еле слышным голосом:

— Сколько товарищей вы привезли с собой из Гамбурга?

— Со мной тринадцать.

— Тринадцать! Да еще моряки!

Мимолетная улыбка Волльвебера обнажила его зубы, покрытые пятнами от жевательного табака.

— Как вы оцениваете обстановку? — неожиданно резко спросил он.

— Если в марте нам не удастся поднять массы, то будет слишком поздно.

– Поздно для чего?

— Для наступления.

— Сейчас еще не поздно, а скорее рано, — проворчал Волльвебер. — Мы предоставим инициативу Гитлеру. Он наделает ошибок, и массы пробудятся. Перед массами никто не устоит. Наши лозунги должны быть наступательными. Но для того чтобы прикрыть тактическое отступление, мы должны постоянно инициировать локальные стачки и акции протеста. Отступление — это не поражение. Согласны?

— Нет.

— Лидер должен чувствовать настроение масс, — продолжал Волльвебер, не обратив внимание на мой ответ. — Как раз теперь массы не готовы к драке. Надо подбодрить их и стараться все время держать Гитлера на цыпочках. Забастовками, актами саботажа беспорядочной стрельбой. В конце концов эти головорезы выйдут из себя. Мы должны убеждать массы в необходимости жертв. Иначе нам не выжить.

— Не бойтесь, — заверил я. — Наши кадры не подведут.

— Да, кадры у нас хорошие, — задумчиво сказал Волльвебер. — Но вопрос в том, как наши вожди перенесут это испытание. Те, кто живет на московские субсидии, никогда не захотят рисковать своими жизнями. Они просто сбегут.

Волльвебер был настоящим немцем и презирал всех интернационалистов, за исключением русских большевиков. Для Волльвебера в этом мире существовало только две страны: Советский Союз и Германия. Все остальное было мусором...

Затем Волльвебер рассказал о моей задаче. Мне нужно было явиться по одному адресу в Шарлоттенбурге, где на конспиративной квартире хранилась секретная документация ЦК и Западного бюро Коминтерна, и вывезти ее в Копенгаген... Как контрабандная операция она не представляла большой сложности, но сами документы имели исключительную важность».

«Драгоценный груз» в чемоданах сначала был перевезен во Фленсбург, откуда на шлюпке морем доставлен в переправочный датский порт Сеннерборг и далее в Копенгаген. Задание Москвы было выполнено. При докладе Волльвеберу было рекомендовано переехать в Гамбург, сосредоточив работу на формировании антифашистского фронта борьбы с нацизмом, создании нелегальных агентурных пунктов в портовых городах Северной Европы на базе ИМПР. «Летом 1933 года я по решению секретариата Исполнительного бюро Профинтерна и с согласия ЦК КПГ был назначен секретарем Интернационала моряков и портовых рабочих, — отмечает Эрнст в автобиографии. — В это время участвовал в разработке тактики забастовочного движения в ряде стран: Франции, Дании, Швеции, США, Австрии, Финляндии, Латвии. Одновременно руководил переправкой нелегальных материалов из Скандинавии в Северную Германию».

Во время путешествия в Гамбург Волльвебер с попутчиками — Кребсом, Шеером, секретаршей Чилли — попали в ловушку нацистских сыщиков. Для Шеера этот капкан станет смертельным, для остальных — хождением по краю бездны. Этот провал произошел несмотря на предпринятые, как пишет Кребс, меры конспирации: «Из Берлина мы городской электричкой добрались до Шпандау, затем пересели на пригородный поезд, шедший в Бергдорф, пригород Гамбурга. Это позволило нам миновать гестаповские патрули на вокзале Гамбурга. Мы с Волльвебером ехали в одном вагоне, но в разных купе, Чилли с Шеером ехали в другом вагоне, в конце поезда. Волльвебер и Чилли

ехали с датскими паспортами, у меня был бельгийский паспорт, а у Шеера — американский... Ни я, ни мои спутники не подозревали, что в последнее время гестапо усовершенствовало тактику облав. Поезд подходил к Людвигслусту, небольшому городку в ста километрах от Гамбурга... Заскрежетали тормоза, и поезд остановился. С платформы донесся резкий голос: «Всем выйти!»

Поезд был окружен штурмовиками. Взволнованные пассажиры потянулись к выходу... Снова раздалась команда: «Всем пассажирам выйти из поезда!» Волльвебер стоял в трех метрах от меня. Он закурил и спокойно наблюдал за облачком табачного дыма, которое таяло в утреннем воздухе. Проходя мимо Волльвебера, я наступил ему на ногу и, приподняв свою шляпу, извинился.

— Держись, — сквозь зубы пробормотал он, — эти ребята ничего не знают.

Я пошел к хвосту поезда, надеясь найти лазейку в оцеплении. Кольцо штурмовиков было плотным. Каждый, кто попытался бы спастись бегством, был бы немедленно расстрелян. Штурмовики прочесывали вагоны поезда, заглядывая в туалеты и подсобки. В конце поезда я увидел Чилли, которая кокетничала с молодым штурмовиком. Ион Шеер быстрым шагом шел к голове поезда, стараясь оказаться как можно дальше от Волльвебера. Сам не зная почему, я пошел за Шеером... Голос через мегафон прокричал: «Всем пассажирам построиться! Предъявить документы!» В конце перрона был поставлен небольшой стол, на нем лежала какая-то книга. За столом сидели два гестаповца в штатском. Пассажиры подходили к столу в очередь по одному. Ион Шеер оказался в первой десятке, я был через пять человек от него. В конце очереди стоял Волльвебер, а сразу за ним — Чилли... Подошла очередь Шеера. Он спокойно положил на стол свой паспорт и равнодушно уставился в небо. Один из гестаповцев внимательно стал изучать его паспорт.

— Вы говорите по-немецки?

— Я говорю по-английски, — покачал головой Шеер.

— Цель вашей поездки?

— Туризм.

— Вы один

— Да.

— Чем вы занимаетесь в Америке?

— Я владелец прачечной.

— Что вы собираетесь делать в Гамбурге?

— Сесть на пароход, идущий в Нью-Йорк.

— Вы уже купили билет?

— Да.

— Предъявите его.

— У меня его нет с собой, он у друга в Гамбурге.

— Имя и адрес вашего друга.

Шеер назвал вымышленное имя и произвольный адрес. Агент гестапо, который листал книгу, сделал там какую-то отметку. Шеер отошел от стола. Не успел он сделать несколько шагов, как гестаповец громко сказал ему вслед: «Вы забыли что-то!» Шеер забыл взять свой паспорт. Он быстро обернулся и протянул за ним руку.

— Я думал, вы не понимаете по-немецки, — с явной издевкой сказал гестаповец.

— Я немного понимаю, — тихо сказал Шеер.

Вмешался гестаповец, который до сих пор стоял в стороне: «Есть тут кто-нибудь из национал-социалистов, кто говорит «по-американски»?» — обратился он к очереди. Оказалось, что два нациста могут говорить «по-американски». Шеер заметно ссутулился и побледнел. Нацисты заговорили с ним по-английски. Шеер пытался отвечать.

— Этот господин не американец, — заключил один из нацистов.

— Извините, мы вынуждены вас задержать. Где ваш багаж?

Два штурмовика повели Шеера в зал ожидания... Через несколько месяцев поступила информация, что его убили...

Проверка продолжалась. Подходила моя очередь... Я сделал шаг вперед и протянул свой паспорт гестаповцу.

— Говорите по-немецки?

— О, да!

— Вы едете один?

— Да, мой господин.

— Цель вашего пребывания в Германии?

— Я моряк. Перегонял судно в Данциг. Теперь возвращаюсь в Бельгию за новым судном.

— Как называлось ваше судно?

— «Исер», порт приписки Антверпен. Бельгийское судно.

— А почему у вас в паспорте нет транзитной польской визы?

— Бельгийский консул в Данциге отправил меня поездом в Штеттин, а там я сел на поезд.

— Покажите ваш билет.

К счастью, по совету Волльвебера я купил билет от Берлина до Гамбурга.

— Почему вы едете в Гамбург?

— Бельгийский консул в Гамбурге отправит меня пароходом в Антверпен. Так дешевле, чем на поезде...

Похоже, что мои ответы удовлетворили гестаповца.

— Благодарю вас, возвращайтесь в поезд.

Мне казалось, что я слишком быстро шел к своему вагону. Я боялся сорваться на бег. Огромным усилием воли я заставил себя замедлить темп. Вернувшись в купе, я вспомнил о Волльвебере. Он не пройдет проверку. Уж его-то фотография наверняка должна быть в этой дьявольской книге... Прошло уже около часа с момента остановки поезда. Старший гестаповец стал нервничать. Он прошел вдоль очереди и приказал нескольким женщинам и детям возвращаться в вагон без проверки. Среди счастливых женщин оказалась Чилли... И тут случилось нечто ошеломляющее. Эрнст Волльвебер, прихрамывая, вышел из очереди. С выражением вины на лице он похромал прямо к молодому гестаповцу и, низко поклонившись, протянул ему свой паспорт на имя датского корреспондента. Через мгновение оба уже оживленно разговаривали... За столом завершалась проверка последних пассажиров, а Волльвебер в сопровождении молодого гестаповца шел вдоль состава к своему вагону...

На явке в ресторане в Бергдорфе Чилли получила от Волльвебера приказ немедленно возвращаться в Берлин. Необходимо было срочно сменить пароли, явки, конспиративные квартиры, все компоненты сложной сети подполья, которые были известны Иону Шееру, до того как гестапо сумеет сломить его сопротивление... Позже, в Гамбурге, я спросил Волльвебера, как ему удалось выкрутиться...

— Я сказал гестаповцу, что у меня радикулит и мне трудно долго стоять в очереди. И еще я сказал ему, что я немецкий датчанин, который приехал в Германию специально для того, чтобы

убедиться, что все сообщения прессы о зверствах нацистов — голая еврейская пропаганда. Это было ему очень приятно. Он проглотил эту наживку. Он оказался очень недалеким и тщеславным человеком».

Через два дня в Гамбург пришло судно, членом экипажа которого был связник между ЗЕБ и руководством КПГ. Со ссылкой на агентурные источники компартии в гестапо он сообщил, что облава фашистов на поезд проводилась в связи с операцией «Ночь в тумане» по розыску «активных коммунистов». Нацисты разыскивали руководящих функционеров компартии, в том числе депутатов рейхстага, которые, по имеющимся у них данным, этим поездом ехали из Берлина в Гамбург. Шеера они арестовали, установив его настоящие имя и фамилию по фото в справочнике депутатов рейхстага. Волльвебера, судя по всему, тоже бы опознали, если бы подвергли проверке по документам, фотографиям, спискам книги, которая имелась у сыщиков. Только твердая воля, самообладание и удивительная находчивость помогли ему избежать ареста.

Гестапо, по словам связника, направило в Гамбург своего эмиссара, некоего Хайнса с целью подрыва влияния коммунистов в этом портовом городе. Хайнсу, бывшему офицеру императорского флота, поручено организовать боевые отряды штурмовиков, которые должны разгромить важные опорные пункты компартии, а также при поддержке местной полицией разыскать и арестовать «активных коммунистов» Волльвебера, Альберта Вальтера, Ханса Киппенбергера, Гейнца Неймана, Германа Шуберта.

Предостерегающие сведения связника подтверждались участившимися облавами штурмовиков на комячейки. Из полицейских участков стали поступать тревожные сообщения о том, что арестованные подвергались жестоким избиениям, сопровождавшимся одним и тем же вопросом:

— Отвечай, коммунистическая свинья, где скрывается Волльвебер?

От агента Коминтерна в гамбургском отделении гестапо Рудольфа Хайтмана поступили сведения о готовящейся облаве штурмовиков в традиционном гамбургском районе влияния коммунистов Альтоне. Волльвебер приказал немедленно стянуть

в этот район наиболее надежные боевые отряды, лично проинструктировал каждого командира. В дополнение к этому составил хитрый план наказания нацистов: сформировал специальные вооруженные бригады, каждой из них был дан список адресов опорных пунктов штурмовиков. После столкновения противников в Альтоне эти бригады должны были учинить погромы фашистов по имеющимся адресам. «Для поддержания связи лидеров коммунистов — Эрнста Волльвебера, Германа Шуберта и Эдгара Андре — с этими бригадами и основной вооруженной демонстрацией была создана система курьеров. Были мобилизованы гораздо более мощные силы, чем накануне неудавшегося вооруженного восстания в октябре 1923 года, — повествует Кребс. — Для оказания помощи раненым коммунисты создали санитарные группы из женщин и девушек. Настал «день длинных ножей». В последний момент начальник полиции Альтоны, социалист Эгерштед, запретил контрдемонстрацию коммунистов. В то же время он подтвердил разрешение на акцию штурмовиков и выделили для защиты их «мероприятия» специальные полицейские наряды. (Позже бедняга Эгерштед был хладнокровно убит гестаповцами.) Агентура коммунистов в среде штурмовиков заранее выяснила маршрут, по которому должны были пойти их колонны. По маршруту, на крышах домов и в переулках, были расставлены боевые группы «Рот фронта». Мне было поручено возглавить боевой отряд моряков и докеров численностью около восьмисот человек, который разместился в портовых тавернах Гамбурга и Альтоны. Перед нами была поставлена задача: после того как произойдет главное столкновение двух вооруженных демонстраций, «очистить» район порта и стоявшие в гавани суда от нацистов».

Бригады коммунистов действовали слаженно и решительно. Колонна штурмовиков была рассечена на беспорядочные группы, большинство обратилось в бегство. Завершить разгром фашистов помешала полиция: «Боевые группы коммунистов, которые надеялись разгромить коричневорубашечников, оказались втянутыми в безнадежную перестрелку с полицией, — отмечает Кребс. — Итог: на булыжной мостовой осталось восемнадцать убитых и около двухсот раненых».

Новость о кровавых столкновениях между коммунистами и штурмовиками в Гамбурге облетела всю Германию. Продавцы газет на улицах громко выкрикивали: «Кровавые беспорядки в Берлине и Гамбурге! Убит штурмовик Хорст Вессель!», «В вооруженном конфликте в Альтоне убиты два полицейских, много коммунистов и штурмовиков». Нацистская газета «Ангриф» («Наступление») призывала к мести. Демонстрации фашистов проходили под громогласный аккомпанемент песни «Дойчланд юбер аллес!» («Германия превыше всего!»).

Волльвебер разбил свои проверенные отряды коммунистов, моряков и портовых рабочих на группы из трех-пяти человек, способных противостоять террору фашистов. Проводить традиционные массовые митинги и демонстрации в условиях подполья было опасно. Приходилось довольствоваться организацией сотен мелких нелегальных акций протеста, которые обеспечивались плотным кордоном вооруженных «красных бойцов» КСФ. Для распыления сил полиции такие акции проводились одновременно в шести-семи районах города. Все официальные представительства КПГ были закрыты. Срочно создавалась сеть нелегальных явочных пунктов, конспиративных квартир. Основная гамбургская штаб-квартира КПГ укрылась за фасадом издательства «Прометей», районное отделение партии в Альтоне создало себе прикрытие в виде сапожной мастерской. На чердаках, в подвалах жилых домов устраивались склады оружия, нелегальные типографии.

У Кребса возникла идея создать тайную типографию «на одном из стоявших на кладбище Вальтершов судов», чтобы печатать антифашистские материалы прямо в портовой зоне. Эрнст этот план одобрил. «Среди охраны кладбища было немело коммунистов. Проведя небольшую рекогносцировку, я выбрал «Бохум», средних размеров старый сухогруз компании «Гамбург-Америка лайнз», — пишет Кребс. — В ту же ночь на судно, миновав полицейские и таможенные патрули, доставили ручной пресс и два гектографа, большое количество бумаги и типографской краски».

При подборе главного печатного работника выбор пал на румына, моряка Александра Поповича, «лет сорока, неторопливого и дружелюбного». Он окончил Ленинскую школу Коминтерна в Ленинграде. В течение нескольких лет «возглавлял крупномасштабную операцию по переправке нелегальной литературы,

оружия и денег через Днестр из России в Румынию. Его главной помощницей была русская девушка, которую он встретил в Ленинграде и женился на ней... Днем Попович под видом бродяги спал на кушетке в трюме «Бохума», а ночью работал на прессе. Он был хладнокровен и спокоен. Выполнение партийного долга стало единственным смыслом его жизни».

Первой печатной продукцией Поповича стал манифест, написанный Волльвебером, начинавшийся пламенным призывом: «Товарищи! Наше отступление закончилось. Начинается новый штурм. Партия должна создать свою армию непосредственно в ходе боев. Разоружайте штурмовиков! Оружие — рабочим!» Типография регулярно выпускала антифашистский бюллетень «В луче прожектора», который нелегально распространялся в Гамбурге, Бремене, Берлине, а также через клубы моряков по всему миру.

«Новый штурм» был воспринят боевыми отрядами компартии как руководство к действию. Они устраивали засады на полицейских и штурмовиков, совершали вооруженные налеты на банки и кассы магазинов с целью добычи денег для покупки оружия. Каждую ночь с крыш домов вели огонь снайперы, большинству которых удавалось безнаказанно скрываться. Опорный пункт нацистов в отеле «Адлер» подвергся жестокому разгрому, семеро штурмовиков были убиты. Эти кровавые акции носили характер возмездия за расправы над коммунистами и имели своей целью, по словам Волльвебера, проверку боевого духа компартии.

— Мы должны показать гитлеровским бандитам, что они не могут безнаказанно вторгаться в сферу нашего влияния в порту и на флоте, — заявил он на собрании боевых групп. — Настало время переходить в контрнаступление, создавать единый «железный фронт».

Наряду с организацией борьбы против фашизма, резидентура Волльвебера выполняла важные задания советской разведки по проникновению в правительственные, партийные, промышленные, финансовые, военные объекты с целью получения разведывательной информации о внутриполитической обстановке в Германии, политике Берлина в отношении СССР, Франции, Польши, Прибалтики, Балканских стран. Особый интерес представляли сведения о секретных совещаниях Гитлера. Примечательны обстоятельства добычи значимой информации об одном таком совещании.

Как-то на вечеринке в правлении гамбургской организации КПГ Волльвебер познакомился с «красной графиней» Рут фон Майенбург. Она прибыла туда по приглашению Эрнста Тельмана, с которым дружила. Ходили даже слухи об их интимных отношениях. После непринужденного, товарищеского общения в правлении Тельман, Рут и Волльвебер поехали развлекаться в город: катались в порту на катере, посетили увеселительное заведение. Графиня ему понравилась и как женщина, и как товарищ по своим коммунистическим убеждениям, отношению к Советскому Союзу. Эрнст и представить тогда не мог, что Рут, как и он, будет работать на советскую военную разведку по линии Коминтерна.

***Справка**. Рут фон Майенбург родилась в 1907 году в Богемии в семье аристократа, богатого шахтовладельца Макса Хейнсиуса фон Майенбурга. В 1929–1930 годах изучала архитектуру в Дрезденской высшей технической школе, затем училась в Высшей школе мировой торговли в Вене. В 1932 году вступила в Социал-демократическую партию Австрии, стала членом Социалистического молодежного фронта. Вышла замуж за известного социалиста, а позднее коммуниста Эрнста Фишера. В 1934 году выступила в поддержку восстания рабочих, протестовавших против фашизации страны. Их протест был жестоко подавлен войсками. Возмущенные оппортунистической политикой социал-демократов, Эрнст Фишер и его жена вступают в партию коммунистов.*

В 1934 году Рут отправляется в Москву, участвует в знаменитом параде шюцбундовцев на Красной площади, работает в Коминтерне, потом переходит в Разведупр РККА. Выполняя задания советской военной разведки, разъезжает по всей Европе. Восстанавливает связи с коммунистическим подпольем, внедряется в ряды оппозиционно настроенных кругов германской армии, становится «своим, близким человеком» в семействе генерал-полковника Курта фон Хаммерштейн-Экворда благодаря дружбе с его дочерью, тоже коммунисткой Хельгой, информатором аппарата КПГ. Добывает важную разведывательную

информацию о планах немецкого руководства по развертыванию вооруженных сил, состояния обороноспособности Германии. В 1938 году Лене (ее псевдоним в разведке) присваивают звание полковника РККА. По возвращении в СССР в 1939 году работает в Коминтерне под именем Рут Виден. Здесь же, в Москве, в Коминтерне на руководящей работе находится ее муж Эрнст Фишер под именем Питер Виден.

После нападения Германии на СССР Рут работает референтом отдела печати Исполкома Коминтерна, диктором радиостанции на немецком языке. После роспуска Коминтерна в 1943 году ее направляют в распоряжение Главного политического управления Красной армии. В 1945 году она возвращается в Вену, где становится секретарем Советско-австрийского общества, занимается писательским трудом, работает в театре и кино. Последнее, что о ней известно — то, что она горячо поддержала перестройку Горбачева. Умерла в 1993 году в Вене.

Волльвебер с благодарностью вспомнил ту вечеринку и знакомство с графиней, когда от нее поступила запись выступления Гитлера от 3 февраля 1933 года перед высшими военными чинами, собравшимися на служебной квартире начальника войскового управления сухопутных сил рейхсвера генерал-полковника Курта фон Хаммерштейн-Экворда. В записке пояснялось, что 30 января фюрер был назначен канцлером Германии. Через три дня Хаммерштейн пригласил нового главу германского правительства на званый обед по случаю 60-летия министра иностранных дел Константина фон Нейрата, чтобы представить канцлеру высший командный состав рейхсвера и рейхсмарине (участвовало 30 человек).

После обеда Гитлер выступил перед генералами и адмиралами с более чем двухчасовой речью о «восстановлении политической власти в стране», «полном изменении существующего внутриполитического положения», «уничтожении марксизма на корню», «закалке молодежи и укреплении воли к борьбе всеми средствами», введении «смертной казни за измену родине и народу», «авторитарном руководстве государством», «устранении раковой опухоли — демократии», во внешней политике — «борьбе против Версаля». Генералам были обещаны создание мощного вермахта, введение всеобщей воинской повинности, милитаризация экономики. Все это ради главной цели — «завоевания жизненного пространства на Востоке». Однако прежде правительство должно было позаботиться о том, чтобы «пацифизм, марксизм, большевизм не отравляли сознание военнообязанных».

Завершая выступление, Гитлер заявил: «Я ставлю себе срок шесть-восемь лет, чтобы окончательно покончить с марксизмом. Тогда же будет достигнута цель расширения жизненного пространства Германии, причем достигнута эта цель будет вооруженной рукой. Германизировать население покоренной страны невозможно — остается германизировать саму почву».

Как видим, военное командование Германии было информировано об агрессивных планах Гитлера сразу же после прихода нацистов к власти. Поэтому предпринятая на Нюрнбергском процессе фашистскими военачальниками попытка свалить всю вину за подготовку агрессивной войны на одного Гитлера исторически несостоятельна: уже 3 февраля 1933 года генералы знали о подлинных намерениях фюрера. Благодаря доблестной работе резидентуры Волльвебера тогда же эти планы стали известны и руководству СССР. В архиве Коминтерна в Москве документ с записью речи Гитлера 3 февраля зарегистрирован 14 февраля 1933 года. Отметим, что фюрер сдержал свое слово, данное немецким генералам: через восемь лет Германия напала на Советский Союз.

Это была одна из успешных операций проникновения нелегалов Волльвебера в окружение Гитлера, но не единственная. Резидентура имела в семействе Хаммерштейн-Экворда еще одного ценного источника информации. Им был немецкий коммунист, агент Коминтера Лео Рот, получивший стенограмму февральской речи Гитлера, подтверждающую подлинность записи графини. В 1929 году 18-летний Лео, член Коммунистического союза молодежи Германии (КСМГ), во время туристической поездки, организованной Социалистическим союзом школьников, познакомился с 16-летней Хельгой, младшей дочерью Курта фон Хаммерштейн-Экворда, Хельга живо интересовалась коммунистическими идеями, работой КСМГ. Молодой коммунист увлеченно рассказал ей о программе союза, деятельности компартии, найдя с Хельгой общий язык. Молодые люди стали встречать-

ся, полюбили друг друга. В 1930 году Хельга оставила гимназию, вступила в КПГ, получив партийный псевдоним Грета Пельгерт, и поселилась вместе с Лео Ротом в берлинской квартале еврейских бедняков-эмигрантов из Восточной Европы. Вскоре она познакомила своего возлюбленного со старшими сестрами — Марией-Луизой и Марией-Терезой, которые проявляли интерес к идеям марксизма, коммунизма, левого сионизма. Мария-Луиза состояла в КПГ с 1927 года, была тесно связана с бывшим редактором коммунистической газеты «Роте фане» Вернером Шолемом, выполняла секретные поручения партии. Сестры Хаммерштейн-Экворд стали важным источником секретной информации о политике Гитлера, вооруженных силах Германии, которую они получали в доме своего отца и передавали Роту.

Справка. *Лео Рот (Эрнест Хесс, Руди, Стефан, Берендт, Альберт, Фридрих Котцнер) родился в 1911 году в Галиции (Австро-Венгрия) в семье еврея-торговца. В 1913 году семья переселилась в Берлин, где Лео посещал религиозную школу. С 13 лет входил в молодежную группу левых сионистов «Поалей Сион», изучал слесарное ремесло: оно должно было пригодиться в Палестине. В 1926 году вступил в КСМГ, придерживаясь просоветской политики руководства КПГ. Решительно выступал против оппортунистической СДПГ, «социал-фашистов», стал членом нелегального партийного руководства КПГ района Берлин-Бранденбург. 1930–1931 годах по линии Коминтерна направлен в Советский Союз, где обучался разведке и военному делу. По возвращению в Германию, находясь на нелегальном положении, выполнял задания военно-политической разведки и контрразведки КПГ и СССР. Как руководитель отдела «специальных связей» военного аппарата компартии налаживал курьерскую связь членов политбюро с секретариатом КПГ (например, Ханса Киппенбергера и Герберта Венера), а также с источниками ценной военно-политической и экономической информации. По заданию Иона Шеера, занимавшего пост председателя КПГ после ареста нацистами Тельмана, устанавливал контакты с британскими, французскими, чешскими дипломатами и журналистами. Поступавшая от него информация передавалась по линии Коминтерна в Москву. В 1934 году обучался в московской школе Коминтерна, затем возглавлял контрразведку аппарата КПГ. Одной из конспиративных явок, где проходили нелегальные встречи Лео Рота с источниками информации, была берлинская квартира Хелен Дукас, секретаря Альберта Эйнштейна, причем великий физик знал об этом. Перебравшись вместе с Хельгой Хаммерштейн в 1935 году в Амстердам, продолжал руководить партийной контрразведкой в Германии. В 1936 году был арестован органами НКВД по обвинению в шпионаже. 10 ноября 1937 года Лео Рот, обвиненный в шпионаже и подготовке террористических актов, был приговорен к расстрелу. Хельге удалось избежать ареста. В 1939 году она вышла замуж за архитектора Вальтера Россова, разделявшего ее антифашистские взгляды.*

Передавая добытую информацию, Лео Рот со слов Хельги пояснил, что стенограмму совещания на квартире генерала Хаммерштейна вел его адъютант Хорст фон Мелентин. Мария-Луиза Хаммерштейн также тщательно записывала каждое слово Гитлера. Потом на основе записей адъютанта и Марии-Луизы была составлена итоговая стенограмма. Оригинальный экземпляр ее взял адъютант. Хельга, сняв с него копию, 6 февраля передала этот документ Лео Роту.

В заслугу ему ставят еще одно достижение: Рот сумел снять копии совершенно секретных материалов обвинения Георгия Димитрова и его товарищей по делу о поджоге Рейхстага, лично отвез эти документы в Париж главному пропагандисту КПГ, руководителю Межрабпома Вильгельму Мюнценбергу. Материалы вошли в подготовленную им «Коричневую книгу о поджоге Рейхстага», переведенную на 20 языков. Книга стала одним из самых больших пропагандистских успехов в истории Коминтерна. Лео Роту удалось завербовать в качестве тайного информатора КПГ берлинского корреспондента лондонской газеты «Таймс» Нормана Эббита.

Что касается судьбы генерала Хаммерштейн-Экворда, то она отмечена любопытными служебными и жизненными фактами. Он отрицательно относился к нацистам, Гитлеру. При вступлении в должность выступил с заявлением о готовности армии воспрепятствовать приходу фашистской партии к власти. Как только у Гитлера появилась возможность уволить генерала в от-

ставку, он воспользовался ею и в феврале 1934 года заменил его генералом Вернером фон Фричем. Хаммерштейн сблизился с деятелями консервативной оппозиции Гитлеру — бургомистром Лейпцига Карлом Герделером, генерал-фельдмаршалом Эрвином фон Вицлебеном. Помогал спасать немецких евреев: пользуясь своими связями, раздобыл и передал дочерям списки евреев, подлежащих аресту или отправке в концлагеря. Во время мобилизации 1939 года в связи с нападением Германии на Польшу Хаммерштейн вновь был призван в армию и назначен командующим оперативной бригадой «А», входившей в состав группы армий «Ц» на Западе со штабом в Кёльне. Продолжал выступать с антинацистскими заявлениями, надеялся заманить Гитлера в свой штаб и арестовать его. Но судьба распорядилась иначе: Хаммерштейн-Экворд умер от рака 25 апреля 1943 года.

Его семья отказалась от официальных похорон, поскольку его гроб был бы украшен нацистской символикой. Гитлер приказал отправить венок с посланием о выражении соболезнования, но на похоронах венка не оказалось: семья его «потеряла». Двое сыновей Хаммерштейна, Людвиг и Кунрат, участвовали в заговоре 20 июля 1944 года. После провала покушения на Гитлера им удалось бежать из Германии. Вдова и двое младших детей Хаммерштейна были заключены в концлагерь. В 1945 году их освободили советские войска.

Глава VII
ВО ГЛАВЕ АНТИФАШИСТСКОЙ «ОРГАНИЗАЦИИ БЕРНХАРД»

Деятельность резидентуры Волльвебера в 30-е годы прошлого века определялась тем, что она, действуя нелегально, выполняла задания советской разведки и Коминтерна в борьбе с фашизмом. Этот период можно назвать самым результативным в ее разведывательной работе. Она располагала ценными источниками, позволяющими получать секретную информацию по Германии, о германо-советских отношениях. В Москву направлялись, например, доклады министерства хозяйства об экономическом положении страны, сводки берлинского главного управления полиции о внутриполитической ситуации, о военных планах вооружения рейхсвера, обстановке в политических партиях Германии. Особый интерес представляли сведения о секретных совещаниях Гитлера, «тайной работе Германии против СССР».

Недавно рассекреченные архивы о деятельности советских разведывательных органов в период с 1918 по 1938 год позволяют понять, какую информацию добывала берлинская резидентура, задания которой выполняли нелегалы Волльвебера. Вот далеко не полный перечень материалов, в основном документальных, за 1933 год:

— «Спецсводка о тайной работе Германии против Советского Союза» от 28 июня 1933 года (на 4 листах);

— «Тайные предложения Гитлера английскому правительству», агентурное донесение;

— «Материал о возможности использования Германии в антисоветской политике Англии», 9 июля;

— «Спецсводка о тайной работе Германии против СССР», 21 июля;

— «Агентурное донесение о взаимоотношениях между национал-социалистами и рейхсвером», август;

— «Агентурное донесение об отношениях Румынии и Чехословакии к СССР», август;

— «Агентурное донесение о политике Германии в отношении СССР», 4 сентября;

— «Письмо американского посла в Париже Айсера Страуса о франко-германских отношениях», октябрь;

— «Агентурный материал о конференции генштабов Малой Антанты», октябрь;

— «Агентурное сообщение о причинах выхода Германии из Лиги Наций, о прикомандировании к рейхсверу литовских офицеров и др.», ноябрь;

— «Агентурный материал, характеризующий военно-политическую линию командования рейхсвера», ноябрь 1933 года.

Для примера представим выдержку из «Спецсводки о тайной работе Германии против СССР» от 21 июля: «Руководство всей работой, направленной против СССР, сосредоточено в руках Геббельса и Розенберга при участии в этом деле рейхсвера, Союза офицеров и Союза немцев, живущих за границей. Кроме руководящего центра существует так называемая рабочая группа, в состав которой входят полковники в отставке Хазельмейер — председатель парламентской фракции национал-социалистической партии и его ближайший сотрудник Дрегер... В первых числах июля на вечере у Надольного, состоявшемся по случаю дня его рождения, между Бломбергом и Мейснером, присутствовавшем на этом вечере, произошла беседа, касавшаяся контрреволюционных группировок в Советском Союзе и перспектив, готовящегося якобы переворота. Русский контрреволюционный лагерь делится на две группировки — национально-большевистскую и монархическую. Первую поддерживает Геббельс, она якобы имеет среди своих сторонников значительное количество крестьянства, Красной армии и связана с видными работниками Кремля — оппозиционерами, которые добиваются экономических реформ и падения Сталина. Немцы поддерживают тесный контакт с этой группой и совместно разрабатывают экономическую программу, увязывая ее с колониальным вопросом. Монархическую группу поддерживает Геринг. Главные силы этой группы находятся за границей, однако они якобы развили активную работу по разложению крестьянства и Красной армии. Тактика обеих группировок направлена к дезорганизации советского хозяйства, к всевозможным препятствиям во внешней политике Советского Союза и должна завершиться переворотом путем провозглашения военной диктатуры. Гитлер пока еще колеблется между этими двумя течениями» (сборник документов «Глазами разведки. СССР и Европа». М.: Истлит, 2015).

Москва высоко оценивала работу берлинской резидентуры: «Мы имеем весьма ценное агентурное и документальное освещение внешней политики германского правительства, — отмечал Центр в 1932 году. — Кроме политической информации, нами регулярно получается информация о деятельности германской разведки, проводимой через МИД, с указанием конкретных лиц, ведущих эту работу».

В это время, в августе 1931 года начальником советской внешней разведки (ИНО) стал «гроссмейстер» оперативного мастерства, талантливый разработчик масштабных операций «Трест», «Синдикат», «Тарантелла» Артур Артузов (Артур Христианович Фраучи). По его указанию в 1932 году была проведена коренная реорганизация работы разведки в Германии, сочетавшая ведение разведывательной деятельности с «легальных» и нелегальных позиций: «Перестроение всей агентурно-оперативной деятельности, — говорилось в его распоряжении, — провести на основе возможного переключения всей работы в случае каких-либо осложнений с «легальных» рельс (берлинская резидентура) исключительно на подполье». Эта реорганизация была вызвана тем, что после относительно благоприятной обстановки для работы разведки в предшествующее десятилетие, определявшееся Раппальским договором, в новых, более сложных условиях с приходом к власти Гитлера требовалась перестройка деятельности резидентуры с учетом ужесточения режима работы советских представительств за рубежом.

Выполняя распоряжение начальника разведки, резидент в Берлине Борис Берман и руководитель германского отделения в Центре Отто Штейнбрюк предложили создать за пределами

Германии две подрезидентуры, в которых по мобилизационному плану Москвы во время войны могли бы обосноваться нелегалы для руководства агентурной сетью в Третьем рейхе, где, судя по всему, не осталось бы советских представителей. Одновременно на базе нелегальных групп в Германии и за ее пределами формировались крупные нелегальные резидентуры, которым поручалось подготовить условия для оперативной работы на случай войны.

Руководителем нелегальной резидентуры в Германии в 1930-е годы был М. Г. Максимов (Бруно), работавший под именем Ханса Грюнфельда. До Волльвебера доходили отзывы о нем как личности незаурядной, поклоннике изящных искусств, опытном разведчике-нелегале: «Он был высокого роста, красив, образован. Являлся в свое время студентом Школы изящных искусств, что позднее служило прекрасным прикрытием, — вспоминает в мемуарах Эльза Порецкая, вдова разведчика-невозвращенца Порецкого. — Объездил всю Европу. Макс хорошо знал европейцев, в особенности те слои общества, которые были недоступны для других сотрудников... Кривицкий устроил его в 4-е управление штаба РККА, которое послало Макса в Голландию, где его космополитическая культура легко открыла перед ним двери в художественные и интеллектуальные круги. Одной из его первоочередных задач было привлечь на сторону СССР либералов и левых интеллектуалов, используя свои отношения с такими подлинными социалистами, как поэтесса Генриетта Роланд-Гольст — старый друг Розы Люксембург... В отличие от других работников 4-го управления, Макс не был коммунистом. Он не только не принадлежал к партии, но не обладал ни психологическими чертами, ни духом настоящего коммуниста. Симпатизируя коммунизму, будучи преданным его идеям, как и своим друзьям, он действовал из чистого идеализма... Жена Макса, Анна Рязанова, которую можно было назвать «железной коммунисткой», так никогда и не смогла его переделать... Последний раз Макса отправили за границу в Германию. Это была опасная работа, требующая большой осторожности, так как нацисты уже пришли к власти. Макс подверг себя еще большей опасности, когда стал любовником молодой немки, что ему как еврею грозило арестом

по обвинению в осквернении чистоты расы. Он завершил свою работу, избежав неприятностей».

Максимов проработал в Германии до 1935 года. Именно ему пришлось перестраивать агентурно-оперативную деятельность берлинской резидентуры «с легальных рельс на подполье».

Справка. *Макс Германович Максимов (настоящая фамилия Фридман) родился в 1894 году в городе Лодзи (Польша). С 1923 года служил в Красной армии. В качестве разведчика-нелегала работал в Германии, Нидерландах, других странах Западной Европы. По возвращении в СССР в 1929 году трудился на руководящих должностях в Президиуме ВСНХ. В 1931 году направлен нелегальным резидентом в Германию. В 1935 году награжден заместителем наркома обороны СССР Я. Гамарником золотыми часами с надписью «За исключительно добросовестную работу при выполнении особо ответственных заданий». С февраля 1936 по май 1937 года — секретный уполномоченный, затем начальник отделения 1-го отдела Разведывательного управления Генерального штаба РККА. Арестован в мае 1937 года, расстрелян в ноябре того же года. Реабилитирован посмертно в 1957 году.*

Проведенная реорганизация, сочетавшая ведение разведывательной деятельности с легальных и нелегальных позиций принесла свои плоды. К началу 1935 года в берлинской резидентуре вместе с Волльвебером действовали такие опытные разведчики-нелегалы, как Б. Бортновский, Д. Быстролетов, И. Венцель, А. Гуревич, В. Зарубин, А. Орлов, Г. Робинсон, В. Рощин, П. Судоплатов, Ян Черняк. Они принимали самое активное участие в вербовке агентуры, которая в течение многих лет давала важную информацию, в том числе документальную. К сотрудничеству с советской разведкой были привлечены ценные агенты под оперативными псевдонимами: АА/8, АА/29, АА/30, А/31, А/201, А/229, А/239, А/270, А/301, А/331.

АА/8 был связан с пацифистским движением в Германии, располагал возможностью регулярно посещать другие страны; через своих друзей — журналистов, писателей — добывал заслуживающие внимания сведения о развитии политических процессов в Европе.

АА/29 — немецкий журналист, имевший связи в высших правительственных и общественных кругах Германии; передавал секретные сведения о внутриполитическом положении, опасных формах проявления национал-социалистического движения и связях его лидеров с руководством крупных немецких банков и концернов.

АА/30 — сотрудник посольства Польши в Берлине. От него шли документы о развитии польско-германских отношений, протоколы переговоров, сведения, касавшиеся контактов с Англией, Францией, другими странами, а также инструкции польского МИДа своим посольствам в Европе.

АА/31 — сотрудник влиятельного рижского журнала, имея высокопоставленные связи в правительственных кругах добывал информацию о деятельности западных спецслужб в Латвии, Эстонии, Финляндии, целью которых было использование этих стран как плацдарма для подрывной работы против СССР.

А/201 — сотрудник гестапо Вилли Леман (Брайтенбах), снабжал резидентуру разведывательными и контрразведывательными материалами гитлеровских спецслужб. Занимая пост начальника отдела по борьбе с «коммунистическим шпионажем», предупреждал об акциях гестапо против КПГ, деятелей профсоюзов и рабочего движения, сотрудников советских организаций в Германии. В начале 1941 года неоднократно информировал о приготовлениях Гитлера к нападению на СССР. Был на связи у В. Зарубина.

А/229 — в материалах оперативной переписки между берлинской резидентурой и Центром этому источнику давалась интригующая характеристика: «Налаживает весьма тесную связь в национал-социалистических кругах Геббельса». Под этим номером скрывалась эмигрантка Ольга Ивановна Фэрстер-Шкарина. Она вышла замуж за писателя Арнольда Броннера — друга Геббельса. Возникло любовное трио Ольга — Геббельс — Броннер. Передавала информацию о совещаниях у Геббельса, Гитлера. К сожалению, более подробных данных о ней в архивах не сохранилось.

А/239 — сотрудник главного телеграфа, через который шла шифрпереписка Берлина с рядом столиц европейских стран.

А/270 — барон Курт фон Поссанер, гражданин Австрии, происходящий из старинной аристократической семьи, племянник

вождя австрийских фашистов князя Штаремберга, член НСДАП, начальник отдела разведки в «Коричневом доме» — штабе руководства нацистской партии в Мюнхене. Направляя в Центр материалы на Поссанера, резидент писал: «Это — наш первый действительно серьезный источник по национал-социалистам... А/270 ценен для нас не только как бывший начальник разведки гитлеровцев, но и как человек, оставшийся в партии и имеющий действительно крупные связи».

А/301 — машинистка на главном телеграфе, тоже имела доступ к секретной информации. Отмечая значение этих источников, Центр сообщал в резидентуру: «Все шифртелеграммы, проходящие через берлинскую телеграфную контору, имеют для нас большую ценность. Необходимо, чтобы этот материал добывался в возможно большем количестве».

А/331 — источник по нацистской партии под псевдонимом «Доктор Гитлер». Под этим номером скрывался врач-невропатолог Карл Хаймзот, в прошлом офицер-артиллерист в чине обер-лейтенанта. Он примкнул в Мюнхене к военизированной, националистической организации «Оберланд», близкий друг начальника штаба Гитлера капитана Рема. Передавал значительное количество материалов о положении и разногласиях в руководстве нацистской партии, деятельности военного министерства, о планах Гитлера.

В 1934 году, когда угроза гитлеровской агрессии стала реальностью, Политбюро рассмотрело вопрос о координации деятельности военной и политической разведок. Начальник ИНО Артур Артузов был назначен по совместительству заместителем начальника Разведывательного управления РККА. 10 июля 1934 года постановлением ЦИК СССР был образован Народный комиссариат внутренних дел (НКВД), в который вошли ряд главков, в том числе Главное управление государственной безопасности (ГУГБ). ИНО стал 5-м отделом ГУГБ. Его задачи правительство определило так: «Выявление направленных против СССР заговоров и деятельности иностранных государств, их разведок и генеральных штабов, а также антисоветских политических организаций; вскрытие диверсионной, террористической и шпионской деятельности на территории СССР; руководство деятельностью закордонных резидентур; контроль за работой бюро виз, въездом

за границу иностранцев, руководство работой по регистрации и учету иностранцев в СССР».

На заседании Политбюро «Вопросы 4-го Управления РККА» принимается следующее решение: «1. Признать, что система построения агентсети 4-го Управления, основанная на принципе объединения обслуживающей ту или иную страну агентуры в крупные резидентуры, а также сосредоточения в одном пункте линий связи с целым рядом резидентур, неправильна и влечет за собой в случае провала отдельного агента провал всей резидентуры. Переброска расконспирированных в одной стране работников для работы в другую страну явилась грубейшим нарушением основных принципов конспирации и создавала предпосылки для провалов одновременно в ряде стран.

2. Имевшие место провалы показали недостаточно тщательный подбор агентработников и недостаточную их подготовку. Проверка отправленных 4-м Управлением на заграничную работу сотрудников со стороны органов ОГПУ была недостаточна.

3. Агентурная работа 4-го Управления недостаточно увязана с работой Особого отдела и ИНО ОГПУ, вследствие чего возникают недоразумения между этими учреждениями и отдельными их работниками...

Для устранения указанных недостатков:

1. Наркомвоенмору выделить 4-е Управление из системы Штаба РККА с непосредственным подчинением наркому. В составе Штаба РККА оставить только отдел, ведающий вопросами войсковой разведки, увязав его работу с работой 4-го Управления. Во избежание загрузки 4-го Управления несущественными или маловажными заданиями установить порядок дачи заданий только через наркома или с его ведома и одобрения.

2. Обязать начальника 4-го Управления в кратчайший срок перестроить всю систему агентурной работы на основе создания небольших, совершенно самостоятельно работающих и не знающих друг друга групп агентов. Работу внутри групп поставить так, чтобы один источник не знал другого. Связь между центром и каждой группой должна быть организована самостоятельно. Конспирация во всех звеньях агентсистемы должна быть максимально усилена.

3. В кратчайший срок создать специальную школу разведчиков, которую укомплектовать тщательно отобранными, проверенными через ОГПУ и парторганизации лицами командного и командо-политического состава. При отборе особое внимание обратить не только на соцпроисхождение, но и на национальность, учтя, что националистические настроения могут быть источником измены и предательства. Школу организовать на 200 человек: учение вести раздельно группами в 12–15 человек.

4. Центр тяжести в работе военной разведки перенести на Польшу, Германию, Финляндию, Румынию, Англию, Японию, Маньчжурию, Китай. Изучение вооруженных сил остальных стран вести легальными путями через официальных военных представителей, стажеров, военных приемщиков и т. д.

5. Для большей увязки работы 4-го Управления с Особым отделом и ИНО ОГПУ: а) создать постоянную комиссию в составе начальников этих учреждений... б) назначить начальника ИНО ОГПУ т. Артузова заместителем начальника 4-го Управления, обязав его две трети своего рабочего времени отдавать 4-му Управлению.

Наркомвоенмору т. Ворошилову лично проверять осуществление указанных мероприятий» (из протокола заседания Политбюро № 7, особая папка, 1934 год).

Став координатором разведок, Артузов энергично приступил к выполнению «указанных мероприятий», уделяя первостепенное внимание работе с нелегальных позиций. По его инициативе в Германии и сопредельных странах были созданы 14 «небольших, самостоятельно работающих» нелегальных резидентур и групп:

1. Берлинская резидентура советской политической разведки, которую возглавляли советник в министерстве экономики Германии Арвид Харнак (Корсиканец, Балтиец), сотрудник разведывательного отдела германских ВВС Харро Шульце-Бойзен (Старшина), доктор Адам Кукхоф (Старик) — руководители позднее знаменитой нелегальной антифашистской группировки «Красная капелла».

2. Гамбургская разведывательно-диверсионная резидентура советской военной разведки, руководимая Эрнстом Волльвебером (Штайн, Шульц, Андерсен, Колер, Антон, Курт Шмидт),

действовала на базе широкой, разветвленной агентурной сети Интернационала моряков и портовых рабочих в странах Северной Европы.

3. Берлинская резидентура советской военной разведки, руководимая немецким дипломатом Рудольфом фон Шелия и Ильзой Штебе (Альта).

4. Английская резидентура советской политической разведки, руководимая разведчиком-нелегалом Арнольдом Дейчем, лично завербовавшим свыше двадцати агентов, в том числе знаменитую «кембриджскую пятерку».

5. Парижская резидентура советской военной разведки, деятельность которой направлял Леопольд Треппер (Отто, Большой шеф).

6. Брюссельская резидентура советской военной разведки во главе с Иоганном Венцелем (Герман).

7. Брюссельская резидентура советской военной разведки, которую возглавлял Константин Ефремов (Паскаль).

8. Амстердамская резидентура советской военной разведки, руководимая Антоном Винтеринком (Тино).

9. Брюссельская резидентура советской военной разведки, руководимая Анатолием Гуревичем (Кент).

10. Швейцарская резидентура советской военной разведки, которой руководила Мария Полякова (Милдред, Гизела, Вера). В ее рядах действовала разведгруппа «Красная тройка»: Урсула Мария Гамбургер, урожденная Кучинская (Соня), Сисси и Пауль Бётхер.

11. Агентурная группа Антигитлеровского движения Сопротивления Антона Зефкова в Германии, контролируемая и управляемая Коминтерном.

12. Агентурная группа советской военной разведки в Париже, которая замыкалась на Анри Робинсоне (Гарри).

13. Агентурная группа советской разведки под руководством управляющего издательством «Пегас» Даниэля Гулуза и руководителя немецких беженцев Альфреда Кнехеля в Голландии.

14. Агентурная группа советской военной разведки в Париже, руководимая Вольдемаром Озолсом (Золя).

Своевременно проведенная перестройка разведывательной деятельности позволила резидентурам не только быстро преодолеть спад, вызванный обострением обстановки в Германии в 1933 году, но и постепенно активизировать работу. Создание нелегальных резидентур стало хорошим заделом разведки на перспективу. В суровые годы Великой Отечественной войны именно от разведчиков-нелегалов будет поступать ценнейшая военная и политическая информация, в том числе по ядерному оружию. Как-то, выступая перед сотрудниками и касаясь профессии разведчика, Артузов сказал: «Наша профессия в тени. И не потому, что она не почетна. Просто наш труд не афишируется. Часто наши победы и наши слезы миру не видны... Наш фронт незрим. Прикрыт секретностью, некой дымкой таинственности. Но и на этом скрытом от сотен глаз фронте бывают свои звездные минуты. А чаще всего геройство чекиста заключается не в единственном подвиге, а в будничной напряженной кропотливой работе, в той возвышенно-значительной борьбе, не знающей ни передышек, ни послаблений, в которой он отдает все, что имеет».

Эти слова начальника советской внешней разведки о «напряженной кропотливой работе, не знающей передышек» можно с полным правом отнести к резиденту-нелегалу Волльвебеpу. Действуя с сложнейших условиях «подполья» в Гамбурге, он отдавал все силы, весь свой организаторский талант борьбе с фашизмом. Его рабочий день начинался вечером, когда становилось темно, и редко заканчивался раньше пяти-шести часов утра. Все самые важные нелегальные встречи проходили ночью: с руководителями парторганизаций КПГ, курьерами, агентами, которые добывали информацию, занимались доставкой, распространением антифашисткой литературы, со шкиперами буксиров, портовыми работниками, тайно проносившими под носом у полицейских и нацистских ищеек коммунистические листовки, брошюры, газеты.

Самыми ответственными были конспиративные встречи раз в неделю с агентом компартии и советской разведки в гестапо Рудольфом Хайтманом. Во время Веймарской республики он служил в полиции, благосклонно относился к коммунистам, но не был настоящим революционером, работал на нашу разведку за деньги. В гестапо занимал незначительную должность в департаменте железнодорожного транспорта, но ему удавалось

добывать важную информацию о том, кого разыскивает гестапо, кто арестован; узнавать о судьбе заключенных, выявлять местных осведомителей нацистов. Полезными были его сообщения о методах работы, новых приказах и распоряжениях гестапо.

Заранее обусловленные встречи с ним, как правило, носили моментальный характер. Сначала устанавливался визуальный контакт в каком-нибудь ночном кабаре, ресторане. Встречающиеся садились за разные столики, не показывая, что знают друг друга, пока Волльвебер не подавал сигнал следовать за ним в туалет. Там Хайтман передавал подготовленные материалы, получал деньги и быстро уходил. Материалы на тонких машинописных страницах он изобретательно камуфлировал между страниц детективного романа, в подкладке дешевого бумажника, заполненного открытками кинозвезд, нацистских лидеров; однажды даже в сдобной булочке с изюмом.

Хайтман информировал о совершенствовании системы тотальной слежки за врагами Рейха, в которой должен был участвовать каждый полицейский участок. Гестапо выпустило целый ряд официальных руководств, пособий и предписаний, таких как «Обозрение германской уголовной полиции» (список совершенных преступлений), «Официальный список германской уголовной полиции» (перечень лиц, на которых выписан ордер на арест), «Список запросов по местопребыванию» (лица, чье местожительство необходимо выяснить). Самым важным был «Секретный список», ежемесячно издававшийся управлением контрразведывательной полиции. Он содержал подробные сведения о разыскиваемых агентах: словесный портрет, профессия или занятие, образцы почерка, фотографии, список знакомств. Каждое отделение гестапо должно было вести картотеку «А» (обзор известных врагов режима), картотеку «Г» (список лиц, которых следует скрытно держать под наблюдением). Каждого члена нацистской партии обязали стать осведомителем гестапо.

Как отмечал Хайтман, не осталось ни одного известного коммуниста, не угодившего в какую-нибудь картотеку гестапо. Если такой коммунист исчезал из поля зрения, его имя автоматически появлялось в «Списке сбежавших». Волльвебер числился в картотеке «известных врагов Рейха», других списках подозрительных лиц. Оперативная ситуация в Гамбурге становилась все более острой. В каждом квартале, в каждом доме появлялись глаза и уши гестапо. Даже подыскание ночлега превращалось в серьезную проблему. Большинство его надежных товарищей по партии были вынуждены покинуть свои дома, скрываться. Снять частную квартиру или поселиться в отеле было связано с огромным риском. Предоставление ночлега преступнику считалось государственной изменой. Наиболее безопасными местами ночлега, как выяснил Эрнст, были квартиры проституток, которые ненавидели нацистов, поскольку они платили значительно меньше других клиентов.

По отзывам близко знавших Волльвебера коллег, он был политическим реалистом, разведчиком не по должности, а по призванию, конспиратором от рождения. Понимал, что в нелегальных условиях борьбы бывают не только опасности, но и полезные стимулы в плане преодоления упадочных настроений, укрепления дисциплины, мобилизации всех сил для победы над врагом. Инструктируя агентов, товарищей по партии о способах выполнения разведывательных заданий он требовал неукоснительного соблюдения дисциплины и правил конспирации, обращая внимание даже на незначительные житейские мелочи.

Как-то в беседе с Кребсом Эрнст высказался по этому поводу так: «Иногда самые лучшие планы рушатся из-за какой-то чепухи, но это не основание для паники... Вообще дела не так плохи, как это кажется. Каждый, кто знает нацистов, не должен удивляться их методам. Сейчас в 32 концентрационных лагерях оказалось около 30 тысяч коммунистов Это ужасно, но, принимая во внимание размеры нашей организации, не так уж много. Будет еще много жертв. Когда крупная партия оказывается вне закона, это всегда связано с потерями... Самая большая опасность для нашего движения не гестапо, а паника».

Присутствию духа Волльвебера можно было позавидовать, отмечает Кребс.

— Самая большая ошибка, которую мы можем совершить сегодня, — продолжал Волльвебер, — копировать методы нелегальной работы русских большевиков до советской власти. Гестапо — не охранка. Царские «черные сотни» не идут ни в какое сравнение с эсэсовцами. То, что делала охранка, по сравнению с террором гестапо выглядит просто детской забавой. Мы не дол-

жны подражать русским большевикам. Мы должны бороться с Гитлером современными методами и, если потребуется, менять их день ото дня... Товарищи должны быть готовы к неожиданностям и ничто не должно сбивать их с толку. Упрямцев и консерваторов придется призвать к порядку.

«Волльвебер говорил и говорил, делая после каждого предложения паузу и ожидая моей реакции, — продолжает Кребс. — Я быстро понял, что он хотел выяснить мое отношение к партийной дисциплине и готовность подчиниться его диктату. Сам он испытывал глубокое недоверие к старому партийному руководству компартии. Теперь большинство старых лидеров было арестовано, некоторым удалось скрыться. И в силу стечения обстоятельств Эрнст Волльвебер в один миг превратился в руководителя нового подпольного движения. Трудно было сказать, где кончались политические и начинались личные мотивы. Одно было совершенно ясно: на корабле, где капитаном был Волльвебер, все, от старпома до юнги, должны быть преданы ему телом и душой».

На очередной моментальной встрече Хайтман сообщил тревожную новость — арестован секретарь ИМПР Альберт Вальтер. Он забежал проститься с матерью и нарвался на засаду гестапо, которое продолжало наращивать охоту на коммунистов. Гиммлер без устали вбивал в головы гестаповцев, что в борьбе с коммунизмом «не может быть перемирия, только победители и побежденные, а поражение в этой борьбе означает гибель нации». Гейдрих провозглашал, что «годы ожесточенной борьбы в конце концов неизбежно должны отбросить врага на всех фронтах, уничтожить его и сохранить Германию от новых вражеских нашествий как с точки зрения чистоты, так и духовно».

Нацисты производили аресты чаще всего ночью. Они уводили свои жертвы в неизвестном направлении, и родственники арестованных не знали, доживут ли их близкие до утра. У тех коммунистов, кому удавалось скрыться, брали в заложники жен и детей. Покатилась целая лавина доносов. Нацистские агенты, которые длительное время тайно действовали в рядах коммунистов, выходили из подполья. Каждый из них в сопровождении гестаповцев разъезжал на автомашине по городу. Увидев знакомого коммуниста, указывал на него нацистам, и те производили

арест. В таком огромном городе, как Гамбург, где было около ста тысяч сторонников коммунизма, эта коварная тактика имела ужасающие последствия. Только один такой нацистский агент, некто Кайзер, возглавлявший коммунистическую организацию безработных, помог арестовать около восьмисот коммунистов и членов их семей. В застенках гестапо оказались руководители гамбургского аппарата КПГ Гуго Маркс, Фритц Лукс, Вальтер Дуддинс. Маркс повесился в камере. Лукса забили до смерти. Дуддинса обвинили в измене, приговорив к длительному тюремному заключению. Из переполненных тюрем до Волльвебера доходили ужасные сведения: товарищи, которых он хорошо знал как стойких борцов, выпрыгивали из окон, чтобы избежать пыток. Из Берлина курьер привез страшную весть о массовой казни коммунистов, были обезглавлены товарищи Герман Лютгенс, Бруно Теш, Арнольд Вольф, Людвиг Мюллер. Со всеми ими Волльвебера связывали многие годы совместной партийной работы и дружбы. В душе было такое ощущение, будто у него на глазах убили близких родственников. Скорбь сменялась ненавистью, а ненависть взывала к мести.

Эрнст собрал в полном составе сотрудников резидентуры, чтобы обсудить план проведения операции возмездия гестаповцам. В результате было принято решение разгромить «опорные пункты» гестапо в порту и на торговых судах, которые осуществляли связи с зарубежными организациями нацистов. Руководителем фашистов в этих пунктах был некий герр Тилль, бывший ответственный сотрудник компании «Северогерманский Ллойд». Его приговорили к смертной казни.

В это время из Москвы поступили важные распоряжения: высказывая серьезные опасения за судьбу Волльвебера в связи с усиливающимися преследованиями гестапо, Центр рекомендовал ему немедленно уехать из Гамбурга в Копенгаген. Эрнст наделялся полномочиями самостоятельно распределять обязанности между сотрудниками резидентуры, определять каждому территорию, направление и цели борьбы против фашизма. Москва информировала также о том, что Центральный комитет КПГ во главе с Вильгельмом Пиком, Вальтером Ульбрихтом переехал в Прагу и возобновил подпольную борьбу с нацизмом.

В агентурную сеть «Организации Бернхард» (Бернхард — псевдоним Волльвебера) в 1933 году входили:

1. Аватин Михаил (Ламберт Эрнест Давыдович), латыш, моряк, курьер Волльвебера;
2. Байлих Курт, немец, коммунист, руководитель организации КПГ гамбурского района Альтона;
3. Бурмайстер Карл, немец, руководитель группы курьеров на Рейне и Эльбе;
4. Вайс Илья, венгр, моряк, действовал в порту Антверпена;
5. Воннебергер Ханс, немец, портовый рабочий в порту Гамбурга;
6. Венцель Иоганн (Герман, Макс), немец, коммунист, сотрудник советской военной разведки;
7. Детмер Джонни, немец, моряк, боевик, занимался переправкой оружия боевым отрядам на Севере Германии;
8. Зефков Антон, немец, рабочий металлист, коммунист, один из руководителей парторганизации КПГ в Рурской области, организатор подпольного антифашистского движения Сопротивления в Германии;
9. Кнюфген Герман, немец, моряк, выполнял задания по нелегальной переправке товарищей на судах;
10. Краузе Герман, немец, моряк, коммунист, обслуживал пункт связи на американском судне «Люси Ворман»;
11. Кребс Рихард (Валтин Ян), немец, моряк, коммунист, курьер Волльвебера, автор книги «Из мрака ночи»;
12. Луковиц, моряк, коммунист, руководитель парторганизации КПГ в Любеке, капитан буксира;
13. Макс, немец, коммунист, курьер ЗЕБ, руководитель охраны Волльвебера;
14. Попович Александр, румын, моряк, печатник нелегальной типографии;
15. Темплин Ян, немец, бригадир фирмы «Единство», обеспечивал бумагой нелегальную типографию;
16. Фирелей, жена Кребса, курьер, помогала печатать материалы в нелегальной типографии;
17. Хайтман Рудольф, немец, служил в полиции, агент советской разведки в гестапо в Гамбурге;

18. Холстайн Мартин, немец, коммунист, держатель явочных квартир;
19. Чилли, немка, секретарша, подруга Волльвебера;
20. Шаап Вилем, моряк, голландец, коммунист, связной в торговом флоте Голландии;
21. Шимански Эрика, немка, хозяйка явочной квартиры в Гамбурге.

Руководство агентурной сетью в Германии Волльвебер поручил Венцелю, который переезжал из Гамбурга в знакомую ему Рурскую область. Основным направлением его разведывательной деятельности определялось: сбор информации о военно-промышленном потенциале Германии, борьба с фашизмом. Агентурная группа Венцеля войдет в разведывательные структуры знаменитой «Красной капеллы».

***Справка**. Иоганн Венцель (Герман, Макс) родился в 1902 году в Данциге в многодетной семье сельскохозяйственного рабочего. Окончив сельскую школу, учился на кузнеца. С 1920 года работал слесарем на угольной шахте в Руре, затем в Эссене на заводе Круппа. В том же году вступил в комсомол, примкнул к спортивному движению рабочих, стал членом организации «Красная помощь». В 1922 году вступил в КПГ, участник «пролетарских сотен», сотрудник военного аппарата компартии. В 1925 году переехал в Берлин, работал на заводе. Вступил в Союз красных фронтовиков, познакомился и подружился в Тельманом, Волльвебером. В 1930 году по решению ЦК КПГ направлен в Москву на учебу на военно-политических курсах Коминтерна. В 1931 году вернулся в Германию, выполнял партийные поручения в Гамбурге, Бремене, Эссене, Дюссельдорфе, Кёльне; по заданию разведки добывал информацию о военно-промышленной продукции на германских предприятиях.*

В 1930 году по рекомендации Волльвебара стал членом ИМПР, выполнял его поручения по налаживанию работы союза моряков в порту Гамбурга. В 1931 году был арестован гамбургской полицией. В 1933 году включен в «расстрельные списки» гестапо, перешел на нелегальное положение. Три его брата также подверглись преследованиям, один из них умер в тюрьме. В 1934 году был завербован советской военной разведкой. Временно прервал связь

с КПГ, добывал и передавал в Москву сведения о военно-промышленном потенциале Германии, участвовал в антифашистской борьбе в Рурской области. Создал подпольную группу агентов № 446, действовавшую на военных заводах. До 1937 года добывал ценную информацию о новых образцах оружия, технологии его производства.

В 1937 году отозван в СССР для обучения на курсах радистов. В том же году выехал в Бельгию с заданием оборудовать нелегальную радиоточку для связи с Москвой на случай войны. Однако сразу легализоваться в Брюсселе не удалось — бельгийские чиновники отказали ему в визе, и он выехал в Голландию. Там установил контакт с видным голландским коммунистом Даниэлем Гулузом, намеривался начать работу в этой стране, но был отозван в Москву для дополнительного обучения и получения нового задания.

В 1938 году вновь приехал в Бельгию, на этот раз нелегально. Поселился в Брюсселе на квартире Германа и Франца Шнейдеров, своих знакомых по Коминтерну. Жена Франца Жермен (Бабочка) стала его заместителем. С помощью коммунистов ему удалось выполнить задание Центра, создать радиоточку. В сентябре 1939 года получил приказ войти в состав нелегальной резидентуры «Паскаль» в качестве заместителя резидента и радиста. После оккупации Бельгии гитлеровскими войсками сумел устроиться на работу в одно из немецких учреждений, добывал важную информацию. Сведений накапливалось столько, что ему приходилось иногда часами работать с передатчиком, что грозило провалом — нацисты могли обнаружить радиостанцию. Будучи опытным подпольщиком и радистом, он сводил риск до минимума: сокращал время сеансов, по нескольку раз менял местонахождение, всегда имел с собой специальный реактив, чтобы мгновенно уничтожить текст сообщений.

В июне 1942 года был арестован гестапо, но в сентябре 1943 года ему удалось бежать из-под стражи. До прихода союзников скрывался в Брюсселе. В 1945 году арестован советской военной контрразведкой «Смерш» вместе с Л. Треппером и А. Гуревичем. В 1955 году освобожден и выехал в ГДР. Умер в Берлине в феврале 1969 года.

Согласно данным этой справки, Венцель как опытный подпольщик и радист обслуживал радиосвязью с Москвой агентурную сеть «Красной капеллы» в Бельгии. Речь идет, в частности, о группе Л. Треппера — А. Гуревича (Кент) и Брюссельской резидентуре во главе с Константином Ефремовым (Паскаль, Поль), о чем свидетельствует «приказ войти в состав нелегальной резидентуры «Паскаль»».

***Справка**. Константин Лукич Ефремов родился в 1910 году в крестьянской семье в деревне Заводской Хутор Тульской области. После окончания школы-семилетки и рабфака в Туле поступил в Московский химико-технологический институт имени Менделеева. В 1937 году, блестяще окончив Военно-химическую академию в звании воентехника 1-го ранга (старшего лейтенанта), был направлен на работу в Разведывательное управление РККА. После интенсивной подготовки в сентябре 1939 года был командирован в Бельгию в качестве нелегального резидента под именем финна Эрика Йернстрема, студента-химика, который намеревался учиться в Политехническом институте Брюсселя. У него был финский паспорт, выданный 22 июня 1937 года в Нью-Йорке. Согласно этому документу он родился 3 ноября 1911 года в городе Васа (Финляндия), с 1932 года проживал в США.*

Устроившись в Брюсселе, Ефремов с помощью Венцеля, с которым, вероятно, был знаком, приступил к организации резидентуры и поиску источников информации. К 1940 году, используя контакты Венцеля, им удалось создать агентурную сеть в Бельгии и Голландии, а также наладить три линии связи с Центром: две Брюссель—Москва и одна Амстердам—Москва. В Брюсселе радистами у Ефремова были Венцель и Антон Винтерник (Тино), в Амстердаме — В. Воегелер. Одним из ценных агентов «Паскаля» был служащий авиационного завода Хеншель в Касселе Эдуард Ван дер Зипен (Нелли). Информация, передававшаяся резидентурой в Москву, касалась дислокации и передвижений немецких войск, экономического и политического положения в Бельгии, Германии, Голландии.

Когда группа Треппера столкнулась с трудностями в налаживании связи, Центр решился на рискованный шаг — установление контактов между резидентурами. Венцель получил

указание связаться с группой Треппера—Гуревича и помочь им. В июне 1941 года он начал обучение радиоделу Гуревича и радиста Макарова, и уже 7 июля радиосвязь была установлена. В июле 1942 году Ефремов был арестован гестапо. В исключительно сложных обстоятельствах он сумел передать Трепперу, что под пытками выдал свой шифр. Но использовать его рацию для радиоигры с Москвой нацистам не удалось, так как Ефремов отказался работать на гестапо. Видимо, в отместку за это нацисты уничтожили советского резидента. Дата и место его гибели документально не установлены.

Отметим, что в бельгийскую сеть «Красная капелла» входили агенты: Мальвина Грубер, Леон Гроссфогель, Софья Познанская, Герман Избуцкий, Абрахам Райхман, Франц и Жермена Шнейдер, Исидор Шпрингер и другие. Советские разведчики: Венцель, Анатолий Гуревич, Антон Данилов, Константин Ефремов, Леопольд Треппер.

Курьеру Рихарду Кребсу Волльвебер поручил взять под контроль работу интерклубов моряков в Антверпене, Генте, Дюнкерсе, а также на морском побережье Германии, Дании, Норвегии. Перед ним была поставлена задача добывания разведывательной информации о составе, планах вооружения и использования военно-морского флота Германии против СССР, распространения антифашистской литературы, организация забастовок портовых рабочих с целью саботажа разгрузки и погрузки германских судов.

В письме, в котором содержалось указание о переезде в Копенгаген, Москва запрашивала у Волльвебра сведения о наличии у него или сотрудников резидентуры связей с коммунистами шведской компартии, возможно ли использовать эти связи для оказания влияния на шведов в плане выполнения решений Коминтерна о «большевизации» партий. Кребс, ознакомившись с запросом, выразил готовность подключиться к этому делу, сославшись на знакомство с видным деятелем КПШ Харольдом Свенсоном. Ему подчинялись партийные ячейки на крупных шведских судах «Грипсхольм» и «Кунгсхольм», которые использовались для переправки коммунистических пропагандистских материалов между Европой и Америкой. Свенсон был членом шведского отделения Общества друзей Советского Союза.

Волльвебер, зная о связях Кребса со шведскими моряками, в том числе коммунистами, владении им шведским языком, одобрил его поездку в Швецию с заданием Коминтерна.

«В Гетеборге меня уже ждали, — пишет Кребс. — Молодая девушка-секретарь Харольда Свенсона проводила меня на его шикарную квартиру... Все семь дней, которые я прожил в Гетеборге, я ночевал в доме одного из помощников Свенсона — Кнута Бьорка. Моя миссия в Швеции была не из приятных. Компартия Швеции была самой независимой из 67 партий, входивших в Коминтерн. Это была единственная партия, которая создала себе независимую финансовую базу и могла вести работу без каких-либо субсидий из Москвы. Кремлю это, разумеется, не нравилось, так как лишало его важных рычагов давления на строптивых шведских коммунистов».

Из бесед на партсобраниях и вечеринках с рядовыми членами КПШ Кребс выяснил, что основу финансового благополучия шведской компартии составляла сеть рабочих клубов в городах и поселках. При клубах функционировали недорогие, популярные ресторанчики и кафе, дававшие партии приличный доход. Этот прибыльный бизнес не вязался с «пролетарским характером» компартий, рекомендациями Коминтерна о «большевизации». Надо было каким-то образом отделить ресторанный доход от КПШ: «Моим главным помощником в этом деле стал бывший преподаватель Ленинской школы, член ЦК КПШ Густав Холмберг... Именно он решал, кого из партийных функционеров следует пригласить на обсуждение вопроса о ресторанах. Мое выступление на этой конференции не было моим собственным, его текст был заранее написан в Берлине специалистами Вилли Мюнценберга и согласован с Москвой, — отмечает Кребс. — Но я произнес его со всей страстью, на какую был способен, и последовавшая затем дискуссия продолжалась далеко за полночь... После четырех дней изнурительных споров шведы сдались. Была единогласно принята резолюция о преобразовании сети ресторанов в «частное» предприятие... В Берлин пошел подробный отчет, подписанный мной и Холмбергом».

Пока Кребс выполнял задание в Швеции, Волльвебер устраивался на новом месте в Копенгагене, в чем ему активно помогали сопровождавшие его курьеры Аватин, Фирелей, се-

кретарша Чилли. Первый визит был к председателю компартии Дании Рихарду Йенсену, который был в курсе его приезда. Он принял Волльвебера с почестями как заслуженного немецкого революционера, видного деятеля КПГ, Коминтерна. В свою очередь Эрнст был проинформирован о заслугах Йенсена в руководстве компартией, которая была, хоть и небольшой по численности, всего 11 тысяч членов, но весьма эффективной организацией. Она издавала четыре ежедневные газеты, имела хорошую военную организацию; несколько партийных групп в военно-морских силах Дании, что особенно интересовало Волльвебера.

Второй визит был к представителю Коминтерна Ричарду Дженсену, который с переездом из Берлина в Данию Западноевропейского бюро КИ фактически руководил всеми коминтерновскими организациями в Северной Европе. Циркулярные указания и приказы Москвы поступали ему напрямую, а он доводил их до лидеров компартий Скандинавских стран. Дженсен был колоритной фигурой, датчанин, настоящий викинг, высокого роста более двух метров, властный и грубоватый, в то же время жизнерадостный и веселый.

Штаб-квартира ЗЕБ в Копенгагене располагалась в центре города, замаскированная под адвокатскую контору. Когда Волльвебер подъехал, Дженсен встречал его у входа как важную персону Коминтерна. Удобно усевшись в кресле, он, радостно потирая руки, говорил:

— Теперь, когда из-за Гитлера Берлин стал недоступен, Копенгаген станет второй столицей Коминтерна после Москвы. Поскольку старый путь через Берлин оказался перекрыт, мы разработали новый маршрут Москва–Ленинград–Хельсинки–Копенгаген. Он удобен, так как проходит по территории относительно нейтральных стран. Поездом или пароходом его можно преодолеть за двое суток. Поток гостей к нам увеличивается с каждым днем.

— Моя жена жалуется, — смеясь, говорил Дженсен, — наш дверной звонок не умолкает: «Товарищ здесь, товарищ там!» Едут из Москвы, Берлина, Варшавы... И все просят датские паспорта.

— А как ведет себя полиция? — поинтересовался Волльвебер.

— Полиция у нас безобидная, — успокоил Дженсен.

Из этих рассуждений Эрнсту стало понятно, почему Москва рекомендовала ему переехать именно в Копенгаген. Благодаря удобному географическому положению в центре Европы, близости к крупным западноевропейским странам, Дания являлась удобной базой для работы Коминтерна, разведки. Сильные позиции коммунистов в датском торговом флоте открывали широкие возможности для организации конспиративной сети связи, охватывавшей все континенты. Немаловажное значение имело и то, что местные правительство, и полиция относились снисходительно к деятельности коминтерновских, коммунистических структур, если их действия были направлены против других стран. Поэтому в середине 1930-х годов в Данию перебралися ЦК запрещенной компартии Эстонии, тысячи коммунистических функционеров из Польши, Прибалтики, не говоря о Германии. Многие из них жили нелегально, регулярно встречаясь с легальными эмигрантами.

Дженсен понравился Волльвеберу решительным настроем на борьбу с нацизмом, знанием политики Коминтерна. Под конец беседы он ознакомил Эрнста с двумя ориентировками Москвы.

— Вот в этой инструкции дается оценка деятельности КПГ. Думаю, вам понравится, — выразительно улыбаясь и передавая документ, сказал Дженсен.

В ориентировке речь шла о проведении «ленинских дней» в связи с 10-й годовщиной смерти вождя. ИККИ рекомендовал на общественных мероприятиях по этому поводу подчеркивать тезисы:

— завершение первой и грандиозные задачи второй пятилетки как победу ленинского плана построения социализма;

— крупные успехи ленинской мирной политики, достигнутые ВКП(б) под руководством лучшего ленинца Сталина, значение этих побед для мирового пролетариата.

В то время как в Германии после прихода Гитлера к власти установилась нацистская диктатура, говорилось далее, Коминтерн, призывая проявить солидарность с нелегальной Коммунистической партией Германии, оценивал борьбу этой партии «как успех большевизации и верный путь к победе Советской Германии».

Вторая ориентировка «О задачах и формах активного содействия СССР на случай войны с западными сопредельными странами» вызвала особый интерес Волльвебера. В ней формулировались задачи, которые фактически ставились перед ним в разведывательном задании: «Практическая работа коммунистических партий и рабочего класса капиталистических стран в случае войны против СССР должна иметь задачей, во-первых, нарушение оперативных планов и мобилизационного развертывания противника; во-вторых, подрыв его материально-технической базы и, в-третьих, максимальное содействие развязыванию внутренних противоречий в стране противника в социальном и национальном направлениях.

Задачи в мирное время (подготовительный период). Подготовка людского материала должна вестись по трем направлениям: 1) использование классовых противоречий, классовой борьбы пролетариата для углубления и расширения этой борьбы на наиболее уязвимых для противника в военное время предприятиях и отраслях хозяйства (армия, военная промышленность, транспорт, связь, полиция, государственный аппарат управления); 2) использование крестьянского движения в странах, где аграрный вопрос не разрешен, опять-таки для углубления этого движения и расширения его — с задачей организационно втянуть возможно большие массы крестьянства в это движение (мы имеем в виду, что из крестьян главным образом набирается армия и полиция); 3) использование национальных противоречий и национального освободительного движения, на фоне которого нередко можно достигнуть моментальных больших результатов, чем на фоне классовой борьбы...

Изучение объектов, на которых придется действовать, должно вестись с точки зрения роли объектов в будущую войну. Таким образом, в первую очередь необходимо изучить: 1) предполагаемый театр военных действий; 2) важнейшие стратегические железнодорожные магистрали; 3) ту территорию данной страны, которая является центром расположения военной базы противника; 4) те военные заводы и склады, равно и те промышленные предприятия, которые будут играть главную роль в случае войны в деле снабжения армии и театра военных действий противника; 5) те страны и пути подвоза к ним, которые дополнительно будут

снабжать противника, участвуя таким образом посредственно в военных действиях.

Подбор средств, которыми придется пользоваться в военное время для активных выступлений... В первую очередь необходимо указать на малокалиберные маузера, весьма пригодные для уличных боев в городе; на винтовку для действий партизан, на гранату для действия налетами на здания; на ружье-автомат для обстрела издали движущихся колонн; адскую машину и другие подрывные средства, при помощи которых можно вывести из строя транспорт и затруднить перевозку воинских частей противника; уничтожить склады и телефонно-телеграфную связь. Во вторую очередь необходимо сорганизовать накопление этих средств, ознакомление с применением их тех лиц, для которых в качестве орудия они предназначаются.

Задачи в военное время (период действия). С приближением войны необходимо будет приступить к организации: 1) острых забастовок, 2) актов саботажа, 3) порчи машин, 4) крестьянских вооруженных выступлений, выливающихся в партизанские действия, 5) национальных революций». Далее приводились «данные для каждой страны в отдельности», которые «послужили бы базой в случае приближения военной опасности подготовить организацию партизанских отрядов».

Перечисленные в инструкции конкретные задачи изучения объектов, организации массовых протестных выступлений помогли Эрнсту актуализировать основные установки разведывательного задания по сбору информации, вербовке агентуры, проведению антифашистских акций. Прибыв в мае 1933 года на новое место работы — подготовленную для него датскими коммунистами в качестве прикрытия фирму по импорту древесины «Адольф Сельво & Ко» — Волльвебер без промедления приступил к выполнению поставленных задач.

Фирма снимала помещение в центре Копенгагена в большом престижном здании «Вестерпортхаус», где располагались многочисленные конторы крупных авиакомпаний, бюро путешествий, редакций газет. Здесь же находилась резиденция торгового представительства СССР. В общей сложности в особняке работали около двух тысяч служащих. В этом «муравейнике» клерков можно было легко затеряться неприметным сотрудникам рези-

дентуры Волльвебера. Сподручным в плане конспирации было и то, что фирменные апартаменты имели четыре выхода и только один вход.

Не успел Эрнст по настоящему освоится на новом месте, как из Москвы от председателя Профинтерна С. Лозовского поступило распоряжение о его назначении секретарем ИМПР: «Летом 1933 года я по решению секретариата Исполнительного бюро Профинтерна и с согласия ЦК КПГ был назначен секретарем Интернационала моряков и портовых рабочих, — пишет он в автобиографии. — В это время я участвовал в разработке тактики забастовочного движения в ряде стран: Франции, Дании, Швеции, США, Австрии, Финляндии, Латвии. Одновременно руководил переправкой нелегальных материалов из Скандинавии в Северную Германию».

Перед Волльвебером ставилась задача создания под прикрытием ИМПР «тайной международной организации борьбы против фашизма и войны, за оборону Советского Союза». Соратники назовут ее «Организация Бернхард» (один из псевдонимов Эрнста). Идея формирования такой нелегальной структуры возникла в процессе создания Интернационала моряков и портовых рабочих. Первыми агентами, привлеченными Волльвебером в ее ряды, стали моряки Кребс, Аватин, Кнюфген. Возникшие при их содействии клубы моряков в Амстердаме, Бремене, Гамбурге, Данциге, Копенгагене, Осло, Риге, Роттердаме, Таллине стали фактически резидентурами Бернхарда. Раскинутая в них широкая агентурная сеть под его руководством занималась сбором разведывательной информации, проведением диверсионных операций на судах и в портах. Кроме того, эта агентура использовалась в качестве почтовых ящиков, курьеров для связи с Москвой. «ИМПР вел работу по трем основным направлениям: 1) революционные действия, 2) связь между центром Москва–Берлин и остальным миром, 3) шпионаж, — пишет Кребс. — Помимо стационарных структур союз имел в своем распоряжении пятнадцать «политических инструкторов», которые постоянно путешествовали из одной страны в другую, каждый из них отвечал за эффективную работу аппарата на закрепленной за ним территории: на Ближнем Востоке, в США и Канаде, в Скандинавии и т. п. Союз имел сорок семь Интерклубов. Его основной

печатный орган «Бюллетень ИМПР», издаваемый на тринадцати языках, печатался в Гамбурге и контрабандно распространялся по всему миру. Из общего месячного бюджета ИМПР примерно 8 тысяч долларов уходило на содержание штаб-квартиры в Гамбурге, а остальные 44 тысячи долларов направлялись в качестве субсидий зарубежным представительствам... В Соединенных Штатах получателями этих коминтерновских субсидий с 1930 по 1933 год были Джордж Минк, а впоследствии Рой Хадсон, по кличке Лошадиная морда. Мне самому приходилось относить эти деньги по адресу 140 Броуд-стрит в Нью-Йорке. Деньги предназначались для поддержки издания газеты «Голос моряка», для помощи Интерклубам... Позже Джордж Минк стал одним из главных агентов ГПУ, а Рой Хадсон — членом ЦК компартии США».

Не успев провести операцию возмездия гестаповцам в Гамбурге, Волльвебер, по согласованию с Москвой, решил организовать в отместку нацистам массовые забастовки и акты саботажа судов гитлеровской Германии в портах стран Северной Европы. К осуществлению этого плана он привлек портовых рабочих в Антверпене Вайса и Воннебергера, а также Кребса, Аватина, Кнюфгена; возможности представителя Коминтерна Дженсена, датских коммунистов во главе с Йенсеном.

Основным лозунгом этих протестных мероприятий решено было сделать дискредитацию судового флага Германии. Эту идею подсказали Волльвеберу портовые рабочие, с которыми он беседовал, знакомясь с обстановкой в порту. Он вообще охотно погружался в среду матросского братства. По вечерам его можно было часто увидеть в дружеской компании моряков, докеров в кепках и беретах в каком-нибудь захудалом ресторанчике на берегу моря. В непринужденных разговорах с этим свободолюбивым людом Эрнст получал заряд бодрости, а иногда и полезную информацию.

В портах под контролем коммунистов и агентов Волльвебера создавались забастовочные комитеты и специальные группы боевиков. Они снабжались многочисленными транспарантами, листовками, прокламациями с надписью: «Долой флаг убийц! Отказывайтесь грузить суда под флагом убийцы Гитлера! Свастика — символ голода!» Среди портовых рабочих распространя-

лись бюллетени ИМПР с подборками сообщений прессы, фото о зверствах гестапо в преследовании коммунистов, социал-демократов, профсоюзных активистов, матросов.

Волльвебер, Кребс, Аватин вместе с курьерами на мотоциклах «носились из Антверпена в Роттердам, в Гент и Дюнкерт. Страсти накалялись... Как только немецкое судно входило в порт, на борт поднимались представители комитетов действия и настаивали на встрече с капитаном, — вспоминает Кребс. — Они требовали, чтобы флаг со свастикой был спущен. Капитаны, конечно, отказывались: выполнение этого требования грозило неминуемым арестом гестапо. В ответ докеры заявляли: «Мы не будем обрабатывать суда под флагом убийц». Вокруг судов выстраивались пикеты под охраной группы боевиков. Ни один немец не мог сойти на берег. Обстановка обострялась, когда офицеры на немецких суднах пытались заставить своих матросов начать разгрузку. Коммунисты и социалисты в составе экипажей отказывались подчиняться приказу... В Генте и Дюнкерте бойкот свастики был настолько сильным, что все немецкие компании были вынуждены исключить эти порты из своих маршрутов».

В результате бойкота судов под немецким флагом в Антверпене на берегу осталось довольно много немецких моряков. Это были те, кто принял участие в забастовке, отказался выполнять приказы капитана и в случае возвращения в Германию подлежал немедленному аресту. Для Волльвебера эти матросы представляли интерес, пополняли ряды ИМПР. Наиболее способные после ознакомительных бесед, проверки личных данных отбирались для изучения и вербовки в качестве агентов в «Организацию Бернхард».

Забастовки, саботаж моряков в обслуживании германских судов, дискредитация флага Германии вызвали негодование нацистского руководства в Берлине, озабоченность датской полиции в отношении серьезных помех торговому судоходству Дании. Гейдрих приказал руководителю гамбургского отделения гестапо Паулю Краусу расследовать «вопиющие факты надругательства над флагом Рейха», установить организаторов саботажа, принять меры к их аресту и наказанию. В Копенгаген тайно прибыла команда гестаповских ищеек, приступившая при поддержке датской полиции к выполнению приказа Гейдриха. Первой жертвой

нацистов стал Рихард Кребс: «30 ноября 1933 года я был арестован гестапо, — вспоминает он. — Те семь недель, которые я пробыл в Германии до своего ареста, были непрерывным кошмаром, заполненным тьмой и трясиной предательства; враждебными тенями, которые в любой момент могли наброситься на тебя и разорвать в клочья... Гестапо уже не наносило ударов наугад. Оно научилось действовать методично и терпеливо в охоте на людей. Массовые облавы и акции террора уступили место целенаправленной работе по выявлению и уничтожению активистов. Охота на людей стала не такой открытой, но она стала еще более жестокой, менее шумной, а от этого еще более опасной».

Кребс многие годы был курьером и близким помощником Волльвебера, который понимал — непосредственная, серьезная опасность ареста гестапо нависла и над ним. Понимали это и в Москве, направив ему указание немедленно покинуть Данию и прибыть в Ленинград. Чтобы запутать следы, Эрнст воспользовался открывающейся конференцией ИМПР в Антверпене, куда он отправился по поддельному паспорту через Англию. В этой поездке его сопровождали председатель датского Союза судовых кочегаров Рихард Йенсен и норвежский делегат ИМПР Лайф Фосс.

При проверке документов в английском порту полицейские обратили внимание на плохо изготовленный фальшивый норвежский паспорт Волльвебера. Возможно, какие-то установочные данные на него англичанам успели передать гестаповцы. Несмотря на энергичные протесты Йенсена и Фосса, Эрнста задержали, препроводив в полицейский участок. Через несколько часов нервного ожидания, перед ним предстали двое сотрудников спецслужб в гражданском. Поприветствовав его по-немецки, они попросили назвать свое имя и фамилию. Волльвебер сделал вид, что не понимает этого языка. Тогда ему предъявили фотографию из официального справочника депутатов рейхстага за 1932 год. Лгать дальше не было смысла. С помощью Йенсена и Фосса Эрнст обратился к британским властям с просьбой предоставить ему политическое убежище. Ответ был язвительно обескураживающим:

— Англия — морская держава. Вам это хорошо известно. Вы секретарь Союза моряков и портовых рабочих, который устраи-

вает забастовки и беспорядки, мешающие судоходству. Нам не нужны лица, занимающиеся подстрекательством среди моряков. К ним вы принадлежите, а нам нужен порядок в портах.

На первом же пароходе Волльвебера отправили обратно в Данию, где его ожидала полиция и арест. В этот критический момент на выручку в который раз пришло морское братство. В составе команды судна, перевозившего Эрнста, оказалась группа матросов-членов ИМПР. Они предупредили своих друзей в Копенгагене и датском порту о прибытии «немецкого товарища», которого надо защитить от полицейского произвола. В порту судно с Волльвебером ожидала огромная толпа демонстрантов с лозунгами «Свободу эмигрантам!», «Защитим права и свободу моряков!» Среди манифестантов была группа боевиков, возглавляемая Аватином. По его приказу они организовали суматоху, отвлекли внимание полицейских на себя. Воспользовавшись замешательством, боевики дружно увлекли Волльвебера в поджидавшее такси, водитель которого знал, куда доставить «товарища» в надежное место.

Инцидент с задержанием Волльвебера в Англии, его загадочным исчезновением в датском порту широко освещался в прессе. Чтобы загладить оплошность с ускользнувшим из рук задержанным, вся полиция Дании была поднята на поиски беглеца. Газеты сообщали о курьезном случае: в Копенгагене на людной улице среди бела дня неизвестными был похищен «немецкий коммунист по фамилии Кульман». Ему, однако, удалось как-то освободиться и убежать. В полиции он дал подробные показания на похитителей. В результате была арестована группа датских нацистов во главе с неким Карлисом Хансеном. Вероятно, фашистские молодчики, похищая человека, действовали с одобрения правоохранительных органов в поисках «опасного беглеца». Об этом свидетельствует тот факт, что Хансен через несколько дней после задержания был выпущен на свободу.

Публикация о похищении прозвучала для Волльвебера тревожным звоночком приближающейся опасности. Дело в том, что паспорт на имя Кульмана предназначался для него. Датские сыщики вновь оконфузились: вместо «опасного беглеца» задержали человека, который создал для них только лишние хлопоты. Можно представить их разочарование, но и подогретое самолюбие во что бы то ни стало схватить «коварного обидчика». Оставаться в Дании, хоть и под охраной надежных друзей, больше было нельзя: «В мае 1934 года при попытке нелегального переезда через Англию во Францию я был арестован английской полицией и переправлен назад в Данию, — отмечает Эрнст в автобиографии. — В Копенгагене агенты гестапо попытались силой захватить меня и доставить в Германию, но эта попытка провалилась. Поскольку эта акция получила широкую огласку в прессе, мое пребывание в Дании стало невозможным. Я получил указание прибыть в Москву». По указанию Центра к безопасной транспортировке Волльвебера в Советский Союз подключилась наша резидентура в Копенгагене.

* * *

Теплым июльским днем 1934 года в ленинградский порт из Швеции прибыл советский пассажирский пароход «Ока». По трапу на берег сошел среднего роста, слегка полноватый мужчина около сорока лет. Ясная, солнечная погода сопутствовала его хорошему, приподнятому настроению — после долгого отсутствия он вновь вернулся в город Ленина, Советский Союз, который уверенно шагал по пути своей исторической миссии строительства первого в мире государства рабочих и крестьян. Невозможно передать волнение, охватившее Волльвебера в тот момент, когда на горизонте показались контуры Ленинграда. Ни один паломник, наверное, не входил с таким трепетом в святые места, чем он, ступив на советскую землю.

Для убежденного немецкого коммуниста-антифашиста, вставшего на путь борьбы за социалистическую Германию по советскому образцу, это было новое знаменательное путешествие, связанное с революционными воспоминаниями 20-х годов. Он собирался посетить места, где проходил Четвертый конгресс Коминтерна, состоялись его встречи с Лениным, Крупской, Сталиным, советскими соратниками по революционной борьбе.

Впервые за годы опасной нелегальной, разведывательной деятельности в Германии, Дании Волльвебер почувствовал себя как дома. Не нужно было скрываться, опасаясь ищеек гестапо и полиции. Можно было ходить с высоко поднятой головой,

всматриваться в лица прохожих, свободных граждан страны Советов, диктатуры пролетариата.

Кто-то тронул его за плечо. Он оглянулся. Перед ним стоял Вильгельм Флорин, член ЦК КПГ, секретарь Коминтерна, отвечавший за работу с компартиями Скандинавских стран. После дружеских объятий и приветствий хорошо знавшие друг друга товарищи направились к проспекту Огородникова, где размещался Интерклуб моряков.

Из автомашины они вышли у солидного, массивного особняка с садом. В вестибюле, устланном коврами, Эрнст обратил внимание на бронзовый бюст Ленина, высокие пальмы в кадках доставали почти до потолка. Вдоль стен стояли пухлые кожаные кресла. Огромные окна, мраморные колонны и лестницы, красивые люстры, дорогие стенные гобелены — вся эта роскошь должна была убедить каждого в торжестве советского строительства. Из холла в разные стороны вели двери с четкими надписями на табличках: «Англо-американская секция», «Колониальная», «Немецкая», «Французская». По коридору туда и сюда расхаживали молодые люди, о чем-то оживленно беседующие, весело смеющиеся.

— В этом здании находится Коммунистический университет Коминтерна, где обучаются тысячи слушателей со всех концов мира, — пояснил Флорин. — Жаль, что ты не приехал раньше. Мы ждали тебя к торжественным мероприятиям по случаю 10-летия кончины Ленина. Это было незабываемое зрелище — «Интернационал» пели одновременно на семнадцати языках.

В большой, со вкусом обставленной столовой друзья пообедали. При этом Флорин заметил, что Волльвебер может пользоваться здесь бесплатным питанием. Он кратко проинформировал его о положении дел в Интерклубе, Коминтерне.

— В ленинградский порт ежедневно прибывают десятки судов из стан Азии, Европы, Америки. Сотрудники Интерклуба проводят среди иностранных матроссов агитационные кампании международной пролетарской солидарности с Советским Союзом, разоблачают кровавый гитлеровский режим. Словом, Интерклуб открывает широкие возможности в антифашистской борьбе, — пояснял Флорин. — Что касается коминтерновских дел, то сейчас идет интенсивная подготовка к Седьмому конгрессу Коминтерна. Мне приходится заниматься делами компартий Скандинавских стран.

— Конгресс ИМПР решил коллективно вступить в Международную организацию помощи борцам революции. Налаживается ли взаимодействие между этими организациями? — поинтересовался Волльвебер.

— Насколько мне известно, они активно сотрудничают. Созданы секции МОПР в Интерклубах Ленинграда, Одессы. Большое внимание этой работе уделяет председатель МОПР Елена Стасова — настоящая большевичка, революционер ленинского типа. Она хорошо относится к нашей компартии. Рекомендую встретиться с ней, подробнее поговорить на эту тему, — посоветовал Флорин.

Волльвебера поселили в общежитие Коминтерна, отдельную уютную комнату. Приведя себя в порядок после дороги, он пешком отправился в город. Ему не терпелось снова увидеть памятник борцам революции на Марсовом поле. Несмотря на то, что с тех незабываемых дней Четвертого конгресса Коминтерна в Ленинграде прошло двенадцать лет, он быстро сориентировался и нашел знаменитый памятник. Осматривая могилы жертв Великого Октября, обнаружил новые погребения: член РСДРП с момента ее создания Лев Михайлович Михайлов (1872–1928), член Коммунистической партии с 1904 года Иван Ефимович Котляков (1885–1929), революционер, заслуженный работник партийной печати Константин Степанович Еремеев (1874–1931), руководитель петроградских профсоюзов Григорий Владимирович Циперович (1871–1932), секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) Иван Иванович Газа (1894–1933).

Эрнсту вспомнилось имя Еремеева по заметкам в большевистских газетах «Правда», «Звезда». Он медленно обходил массивную стену из гранитных блоков с высеченными на них надписями: «Не жертвы — герои лежат под этой могилой, не горе, а зависть рождает судьба ваша в сердцах всех благородных потомков. Не зная имен всех героев борьбы за свободу, кто кровь свою отдал, род человеческий чтит безименных всем им в память и честь этот камень на долгие годы поставлен». Звучала музыка «Вы жертвою пали», «Марсельеза», шопеновский похоронный марш.

Когда вечером Волльвебер вернулся в свою комнату, он испытывал смешанные чувства скорбного почитания, гордости за героев революции, свободы и радости от свидания с коллегами, дорогими памятными местами города Ленина. Все увиденное тысячами нитей связывало его ум, душу с родиной Советом, советскими коммунистами, разведчиками.

Приступая к выполнению обязанностей инструктора, фактически руководителя Интерклуба, Эрнст испытывал некоторое волнение по поводу знакомства с сотрудниками, условиями работы на новом месте. Оказалось, его ждали, встреча с коллегами была теплой и радостной. Ему охотно рассказывали о мероприятиях, которые проводятся с иностранными моряками. Это — распространение пропагандистской литературы, экскурсии по местам революционных событий, пребывания Ленина, музеям. Иногда по памятным датам устраиваются интернациональные вечера встреч с видными ветеранами-участниками Великого Октября. Всего труднее работать с экипажами судов из Германии, поскольку их капитаны не отпускают моряков на берег и не разрешают представителям Интерклуба подняться на борт, чтобы побеседовать с матросами.

Решив применять «гамбургский метод» сбора информации о судах и составе команд моряков, Волльвебер попросил каждого сотрудника составлять отчет о результатах работы. Рекомендовал в беседах подробнее рассказывать о задачах и деятельности ИМПР, МОПР; выяснять трудности, причины недовольства моряков условиями судовой службы, грубого обращения с ними командиров.

Среди собравшихся на совещание присутствовали представители МОПР, с которыми Эрнст провел отдельную беседу. Они ознакомили его с отчетами по итогам встреч с иностранными моряками. В их числе оказались интересные «докладные записки» инструктора секции МОПР Интерклуба моряков в Одессе Бишофа: «За последний год организовано 310 моряков. В этом году (1933. — *Е. Г.*) прибыло четыре корабля, два из фашистской Германии. Первый «АККА» из Бремена был так заражен так называемыми «избранными» элементами, что на него не удалось проникнуть. Второй «Алимина», тоже из Бремена, давал другую картину. Матросы — все кандидаты в офицеры и члены военно-

штурмового отряда. Они открыто объясняют, что являются отобранной командой и не принимают участия ни в какой политической или производственной дискуссии.

Истопников мы можем охватить на 99 % в единый союз, но добиться сдвига в пользу «Красной помощи» (германская секция МОПР. — *Е. Г.*) не удается. Само собой разумеется, они сознают возрастающую необходимость «Красной помощи» в связи с кровавой фашистской диктатурой, заявляют о своем желании материально помогать этой организации, но для того чтобы сделать из них мопровцев, не имеется достаточно времени. Здесь необходимо дать директивы о работе мопровских групп в изменившихся обстоятельствах. Мое мнение — необходимо обеспечить мопровской литературой на тонкой бумаге, но с другим содержанием, которое должно подходить для моряков. Было бы необходимо обеспечить нас большим количеством брошюр «Правда о поджоге Рейхстага». Прошу также дать директивы по работе среди китайских моряков».

На вопрос о директивах, Волльвеберу пояснили, что по многочисленным просьбам сотрудников, на основании их отчетов по инициативе Стасовой сейчас разрабатываются директивы по работе МОПР среди моряков и портовых рабочих. Ему передали предложения ленинградской секции МОПР для готовящегося документа. Эрнст сразу же подключился к реализации этой важной инициативы, сформулировав тезисы на основе своего опыта, решений и деятельности ИМПР.

Знакомясь с делами на сотрудников Интерклуба, обратил внимание на норвежского коммуниста Артура Самсинга, который, как указывалось, несколько лет работал по линии Коминтерна в Америке, Бельгии, Германии и в своей родной Норвегии. Эрнсту вспомнился отзыв Кребса о нем как убежденном, стойком коммунисте, выполнявшем ответственные задания компартии и Коминтерна, связанные с риском для жизни: «Неоднократно он подвергался арестам, но для людей его типа жизнь вне партии не имела смысла, — отмечает Кребс в своей книге. — Он был одним из немногих известных мне норвежцев, которые не употребляли спиртного... Самсинг был одержим идеей, что его миссия заключается в том, чтобы очистить Коминтерн и партию от партийных перерожденцев и паразитирующих партийных

бюрократов... Норвежский ЦК старался использовать Самсинга в таких акциях, где в случае провала ему угрожал арест и длительное тюремное заключение. Одной из таких акций, проведенной во время моего пребывания в Осло, был срыв заседания стортинга. Во главе группы единомышленников Самсинг ворвался в зал парламента и сорвал заседание. Вся столичная полиция бросилась на поиски Самсинга, который сумел перейти на нелегальное положение».

Спасая коммуниста от преследования норвежских властей, руководство Коминтерна организовало выезд Самсинга с женой в Советский Союз. В Ленинграде их устроили на работу в Интерклуб. Жена Агот, урожденная Виик, коммунистка, была очень довольна устройством на новом месте, жизнью в городе на Неве. Поскольку Интерклуб нуждался в сотрудниках со знанием иностранных языков, она пригласила переехать сюда свою сестру Рангхильд Виик. Совместная работа, ежедневное общение быстро сблизили Волльвебера с семьей Самсинга. Жизнерадостная, дружелюбная Агот приглашала его на «вечерние посиделки», в которых часто участвовала ее сестра Рангхильд. Как-то на одной из вечеринок сестры оживленно рассказывали о своих впечатлениях от посещения музея революции, Марсового поля, университета. Рангхильд увлеченно говорила о том, как Ленин сдавал здесь экзамен по юридическому факультету, участвовал в заседаниях Петербургского комитета партии, создавал партию большевиков. Из беседы с одной студенткой ей запомнились слова: «Будем хоть немного похожи на Ленина».

Красивая, серьезная, умная Рангхильд приглянулась Волльвеберу. Они стали встречаться. Как убежденный коммунист, партийный функционер Эрнст все свои силы и способности отдавал революционной борьбе, разведывательной деятельности. Для развлечений и ухаживаний за женщинами не оставалось времени. Частная жизнь отодвигалась на второй план. Тем не менее известно, что Волльвебер неоднократно увлекался и даже влюблялся в девушек.

Первым таким увлечением была Лотте Канн. Симпатичная немецкая эмигрантка, работавшая секретарем бюро ИМПР в Копенгагене, которым руководил Волльвебер. Она была на 11 лет моложе его, к тому же замужем за датским моряком Меллером,

членом нелегальной группы агентов Коминтерна. Роман Эрнста с Лоттой вскрылся, вызвав скандал в Интерклубе моряков Дании. Ходили слухи, что это была одна из причин отзыва Волльвебера из Копенгагена в Москву в 1934 году.

Кребс утверждает, что Эрнст сожительствовал с секретаршами Хелен и Чилли: «Его секретарем была довольно привлекательная девушка лет двадцати (Хелен. — *Е. Г.*), но она была слишком молчалива и производила впечатление собачонки, бесконечно преданной своему хозяину». Чилли «была высокая элегантная очаровательная блондинка». Она «любила Волльвебера, была незаменимым помощником, обладала великолепной памятью и быстрым умом, удивительной способностью находить потерянные контакты и вызывать симпатию совершенно незнакомых людей. У нее была какая-то особая интуиция, которая позволяла ей отличать ложь от правды, надежных людей от тех, кто способен на предательство... Она носила модную одежду и во всех делах, как связанных с подпольной работой, так и в личной жизни, вела себя так, будто у нее впереди еще по крайней мере сто лет жизни. Сто лет молодости. У нее не было той озлобленности и ненависти, которая была характерна для нашего движения. Прекрасными чертами своего лица, безупречной фигурой она напоминала мне Диану, которую я видел в парижском Лувре, — вспоминает Кребс. — Я часто думал, почему Чилли, которая была подружкой Волльвебера, отправили в Германию. Однажды, рассказывая о себе, она сама ответила на этот вопрос.

— Меня сослали, — сказала она.

— Почему?

— Когда товарищ Эрнст был в Париже, он закрутил роман с одной полькой. Позже, когда мы были с ним в Копенгагене, он стал получать письма. Почерк был женский, и бумага пахла духами. Написаны они были по-польски, и я не могла их прочесть. Я была вне себя от ревности, но Эрнст смеялся и говорил, что это просто камуфляж для конспиративных писем. Я чувствовала, что он лжет, и мне было очень больно. Я украла письма и попросила сделать их перевод. Это были любовные письма, и я имела глупость устроить сцену ревности.

— И Эрнст отправил тебя в Германию?

— Он отправил меня в Германию. Он думал, что я откажусь, буду упрашивать его, просить разрешения остаться с ним в Копенгагене, но он ошибся. Я отправилась в Германию».

В Ленинграде Волльвебер переживал счастливые дни свободы, спокойной нормальной жизни обычного человека. Мог позволить себе заняться любимым делом, обустройством личной жизни. В свободное от работы время гулял по городу, осматривал исторические достопримечательности, посещал театры, концерты. В ноябре 1934 года на экраны вышел фильм «Чапаев», о котором восторженно писали многие советские и зарубежные газеты, журналы. Рассказывали, в частности, такую историю: Борис Бабочкин, сыгравший в картине Чапаева, прогуливался по Невскому проспекту. Проходя мимо кинотеатра «Титан», увидел рукописные объявления о показе фильма. Афиш тогда еще не было, и артистов не уведомляли о премьере. Пошел в кассу, купил билет на ближайший сеанс и таким образом посмотрел киноленту со своим участием.

Волльвебер пригласил Рангхильд посмотреть «Чапаева» в «Титане». Он любовался выражением ее лица, ее огромными глазами, неотрывно смотревшими на действующих лиц. Она эмоционально поддерживала чапаевцев и чуть не плакала, когда воды холодной реки сомкнулись над головой раненого комдива. Рангхильд благодарно сжимала руку Эрнста за это приглашение. Вскоре он предложил ей выйти за него замуж. В мае 1935 года они сочетались браком.

Справка из архива внешней разведки от 5 февраля 1946 года: «Рангхильд Эмильевна Виик (Хильда, Эльза) 1910 года рождения, гражданка Норвегии, происходит из рабочей семьи, член КПН. Ее сестра и братья (один из них окончил Ленинскую школу в Москве) также являются членами компартии Норвегии, которые, как и родители Хильды, до 1941 года проживали в г. Осло.

В бытность свою в Ленинграде Хильда вышла замуж за Эрнста (он же Антон) и, в период работы последнего в качестве нашего нелегального резидента в Скандинавии, принимала в его работе активное участие, на протяжении нескольких лет использовалась, как связник резидентуры Эрнста.

Материалами дела Хильда характеризуется вполне надежным, политически устойчивым человеком, хотя и не имеет достаточной теоретической марксисткой подготовки, пунктуальной, скромной и скрытной. В 1940 году в момент обострения болезненного состояния Хильды, по указанию из Центра, намечалась ее переброска в СССР, но в связи с изменившейся обстановкой, Центром было дано указание в резидентуру об оставлении Хильды в Норвегии. В конце февраля 1941 года Хильда была арестована гестапо и вместе с другими отправлена в Германию. О ее дальнейшей судьбе никаких материалов в деле не имеется».

Рангхильд была на 12 лет моложе Волльвебера. Некоторые исследователи спецслужб полагают, что это супружество состоялось не по взаимной любви, а из-за сугубо практических соображений нелегальной разведывательной деятельности в процессе создания «Организации Бернхард» в Норвегии и Швеции. Волльвеберу необходимо было получить норвежский паспорт для поездок в эту страну. Личные взаимоотношения супругов были якобы довольно холодными и деловыми. Поэтому Эрнст будто бы серьезно увлекался сестрой жены.

Такие утверждения представляются надуманными. Рангхильд была верной, преданной спутницей жизни Волльвебера, разделяла с ним все трудности и опасности нелегальной разведывательной работы. Как связник выполняла его ответственные задания, связанные с риском для жизни. Волльвебер во всем доверял своей жене, уважал, ценил ее ум, способности, убеждения как стойкой коммунистки. Нет сомнений, что он любил ее и как красивую женщину.

Рангхильд активно помогала Волльвеберу в руководстве деятельностью Интерклуба, составляла сама и редактировала отчеты о работе с иностранными моряками, готовила обзоры прессы о событиях в Германии, Норвегии, Швеции. По его просьбе провела беседы с сотрудниками МОПР, обобщила их предложения по улучшению сотрудничества с ИМПР. Они были использованы в «Директивах о работе МОПР среди моряков и портовых рабочих», утвержденных Е. Стасовой в сентябре 1934 года.

Эрнст провел специальное расширенное заседание Интерклуба, на котором изложил свое видение взаимодействия ИМПР и МОПР в пропагандистской работе с иностранными моряками, привлечения их на свою сторону. Напомнив о коллективном вступлении ИМПР в члены МОПР, обратил внима-

ние на одно существенное упущение: «Пароходство является важной отраслью военной промышленности. Во время войны все имеющиеся суда будут служить в качестве дополнительных крейсеров, вооруженных торговых и транспортных пароходов. В связи с этим империалистические державы используют пароходство в интересах подготовки войны между собой и главным образом для подготовки вооруженной интервенции против Советского Союза. Вот причины того, что матросы на торговых судах находятся под железной дисциплиной и каждый их протест рассматривается как «мятеж», «восстание» или «подстрекательство». Положение моряков на военных судах в сто раз хуже. Они борются против нищенских жизненных условий, бастуют, проявляют настоящий боевой дух. МОПР до сих пор не занимался специально этими рабочими категориями, принадлежащими к значительной отрасли военной промышленности, против которых буржуазия применяет изощренные методы реакции, от военной дисциплины до распространения расовых и национальных предрассудков. Это упущение следовало бы устранить путем создания комитетов правовой защиты с целью оказания помощи осужденным морякам и их семьям, — подчеркнул Эрнст. — Что касается пропагандистских акций, что секциям МОПР и ИМПР надо активнее проводить широкие агитационные кампании в защиту поставленных перед военно-полевыми судами и приговоренных моряков. Таким образом мы завоюем популярность среди матросских масс».

Директивы были разосланы во все Интерклубы, секции МОПР и ИМПР. В них говорилось: «Растущий фашистский террор против моряков, портовых рабочих и рабочих речного транспорта, равно как и их растущий боевой дух в классовой борьбе и огромное значение хорошей мопровской организации среди них, в особенности в странах, где наше движение нелегально, требует от всех секций МОПР особого внимания в отношении работы в этой области... Принимая во внимание все эти обстоятельства, секции должны обсудить и провести в жизнь следующие директивы:

Организация: а) установить тесную и постоянную связь с революционной оппозицией и организациями моряков, портовых рабочих (корреспонденция, обмен газетами, специальные собрания для обсуждения случаев преследования моряков, совместные выступления против преследований и т. д.); б) организовать инициативные группы как в революционных, так и реформистских профсоюзах моряков; в) все организации МОПР в портовых городах должны принять меры для вербовки членов среди моряков, рыбаков и портовых рабочих. Местные организации портовых городов должны иметь представителей в революционной оппозиции или организациях водного транспорта; г) в то время как портовые рабочие и рыбаки организуются в уличные группы и на верфях, для моряков лучшей организационной формой является группа, комитет, делегат на пароходе. Судовые группы организуются там, где имеется свыше пяти членов; судовые комитеты — там, где имеется от трех до пяти членов, а делегата выделяют на тех судах, где имеется только один-два человека. Во избежание преследований особенно в нелегальных странах, группы подразделяются на подгруппы, которым легче собираться. Группы, комитеты и делегаты подчинены местной организации исходного порта. Этой организации они должны делать соответствующие отчеты; д) при каждой портовой мопровской организации должна функционировать комиссия в составе надежных работников, которая ведет и руководит работой среди моряков и устанавливает сними связь; е) комиссия эта должна под руководством местного комитета войти в сношения с Интернациональным клубом порта для организации мопровских уголков, снабжения их литературой, организации небольших докладов о значении и задачах МОПР.

Агитация: а) провести среди моряков энергичную кампанию в духе интернациональной солидарности против расовых и национальных предрассудков, распространяемых и поддерживаемых буржуазией и социал-фашистами. Далее, поддержать все выступления колониальных моряков за уравнение в правах с моряками метрополий. Эта кампания должна быть тесно увязана с организацией борьбы в защиту преследуемых моряков торговых судов, равно как и военного флота, для поддержки которой должны быть привлечены другие категории рабочих; б) использовать революционную печать моряков для популяризации нашей организации. В каждом отдельном случае преследования моряков, ухудшения дисциплинарного режима, которому они

подвергаются, уделить в мопровской печати соответствующее место; в) местные мопровские организации портовых городов должны устраивать празднества и конференции с привлечением к участию в ним моряков и портовых рабочих. Организации должны выпускать листовки и т. д. в связи с конкретными случаями преследования и шовинизма, направленных против моряков; г) мопровские секции стран, имеющих морской транспорт дальнего плавания, должны устраивать соревнования между организациями приморских городов, причем центральным пунктом этих мероприятий должна быть вербовка моряков в члены МОПР и организация пароходных групп; д) следует организовать шефство моряков торгового флота над осужденными моряками военного флота. Так, например, моряки из Марселя берут шефство над моряками из Кёльна, моряки одной национальности — над осужденными моряками другой национальности (например, шефство гамбургских моряков над осужденными моряками из Южного Шильда в Англии) или шефство моряков метрополий над осужденными моряками в колониях».

Важным, запоминающимся событием в период пребывания Волльвебера в СССР стало его участие в работе Седьмого конгресса Коминтерна, который проходил в июле-августе 1935 года в Москве в Колонном зале Дома Союзов. В центре внимания был доклад Георгия Димитрова «Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма». Докладчик заявил, что необходимо в срочном порядке возродить тактику «единого фронта», основной задачей которого должна стать не организация нового революционного процесса в Европе, а создание максимально широкого антифашистского движения и образование правительств «народного фронта».

Этому конгрессу принадлежит особое место в истории коммунистического движения, поскольку на нем была определена новая политика, стратегия и тактика объединения революционных и демократических сил для борьбы против фашизма и войны. Отныне речь шла о добровольном союзе равноправных партнеров. Коммунисты не требовали от социал-демократов отказа от их взглядов, так же как и сами не собирались поступаться принципами. Это было единство на основе плюрализма. На первый план выдвигались антифашистские и демократические требования, включавшие в себя насущные интересы трудящихся: борьбу против снижения заработной платы, увольнений, за повышение пособия по безработице, социальное страхование, в защиту прав и свобод рабочих.

Новизна Седьмого конгресса состоит и в том, что в его решениях впервые дана полная и точная оценка фашизму: «Фашизм есть открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала». Тактика создания единого антифашистского Народного фронта стала альфой и омегой всей политики Коминтерна. Она относилась и к сфере профсоюзного, кооперативного, женского, молодежного, спортивного движения, так как и здесь рабочий класс был расколот на революционное и реформистское крыло.

Практически через все документы конгресса проходит идея отношения к Советскому Союзу как оплоту, главной опоре сил демократии и мира. Единый фронт всех миролюбивых сил с трудящимися СССР рассматривается как одно из главных условий спасения мира, недопущения войны и фашизма. Конгресс подчеркнул, что в случае нападения фашистской Германии на СССР коммунисты призовут народы своих стран «всеми средствами и любой ценой содействовать победе Красной армии».

Волльвебер участвовал в заседаниях конгресса с совещательным голосом в немецкой секции секретариата председателя КПГ Вильгельма Пика. В выступлениях коллег на них основное внимание уделялось вскрытию причин поражения, которое немецкий рабочий класс, коммунисты потерпели в 1933 году в борьбе с фашизмом, выработке новой стратегии и тактики КПГ в создании широкого антифашистского Народного фронта, свержении гитлеровской диктатуры. Коммунисты отмечали, что партия с полным правом указывает на историческую вину правых лидеров СДПГ и профсоюзов, раскольническая политика которых воспрепятствовала сплочению рабочего класса, всех трудящихся на совместную борьбу против надвигающейся угрозы фашизма и тем самым объективно способствовала захвату власти нацистами. Банкротство реформизма социал-демократов вызвало сильнейший кризис внутри СДПГ, которая фактически переста-

ла действовать как сплоченная партия. Об этом свидетельствует опубликованный в январе 1934 года так называемый «Парижский манифест», в котором признается ответственность руководства СДПГ за поражение рабочего класса в Ноябрьской революции и о роковых последствиях раскола пролетариата в годы Веймарской республики. Начиная с этого времени устанавливаются все более многочисленных контакты между партийными организациями КПГ и СДПГ. В сентябре 1934 года впервые было достигнуто соглашение между подпольными партийными комитетами коммунистов и социал-демократов в округе Гессен-Франкфурт об организации совместной антифашистской борьбы. Успешные переговоры о создании единого фронта были проведены между партийными органами КПГ и СДПГ в Берлине, Дортмунде, Бадене, Вюртемберге, Нижней Саксонии, Саарской области. Предвыборные соглашения между коммунистами и социал-демократами, беспартийными рабочими дали возможность избрать на многих предприятиях независимые производственные советы. Решения Седьмого конгресса Коминтерна на передний план выдвигают практические задачи борьбы за демократию на основе нового отношения к социал-демократам, строительства единых свободных профсоюзов, использования легальных возможностей антифашистского движения в целях создания Народного фронта против фашизма.

Проинформировав о деятельности ИМПР в формировании антифашистских групп на судах и портовых городах, Волльвебер подчеркнул важность создания таких же ячеек, фабрично-заводских комитетов на заводах, фабриках, рудниках, железных дорогах. Они должны стать опорными пунктами, боевыми отрядами в борьбе с нацизмом. Ничто так не подрывает, по его словам, силы пролетарского сопротивления гитлеровскому режиму, как раскол профсоюзного движения. В целях преодоления разделений, повышения единства действий профсоюзных активистов он призвал теснее координировать совместную деятельность Профинтерна, ИМПР, МОПР, фабрично-заводских комитетов на предприятиях.

По итогам работы конгресса был избран новый Исполком и его Президиум, в состав которого от ВКП(б) вошли Сталин, Дмитрий Мануильский, Михаил Москвин (Трилиссер), ставший как бывший глава ИНО и заместитель председателя ОГПУ куратором спецорганов ИККИ. Кроме того, принято решение передать руководство Коминтерном из ведения Президиума Секретариату ИККИ, в состав которого по личному указанию Сталина вошли генеральный секретарь Г. Димитров, О. Куусинен, К. Готвальд, А. Марти, Д. Мануильский, В. Пик, П. Тольятти; кандидатами — Флорин, Ван Мин.

В автобиографических записках Эрнст отмечает, что Седьмой конгресс — последний в истории Коминтерна, больше эти всемирные форумы не созывались — запомнился ему знакомством и общением с видными коммунистами: Клемантом Готвальдом, Долорес Ибаррури, избранной членом ИККИ, Вильгельмом Пиком, Пальмиро Тольятти, Морисом Торезом, Иосипом Броз Тито, выступавшим под псевдонимом Фридрих Вальтер. В кулуарах оживленно обсуждали неожиданную женитьбу Тито на немецкой коммунистке Анне Кениг, работавшей в аппарате Коминтерна под псевдонимом Люция Бауэр. Многие этот брак осуждали, поскольку Кениг был женой одного из руководителей германского комсомола, приговоренного в Германии к 15 годам каторги.

В. Пик вызвал Волльвебера на отдельную личную встречу, в ходе которой попросил подробнее рассказать об особенностях работы ИМПР, взаимодействия с МОПР. Председатель КПГ положительно отозвался о «Директивах по работе МОПР среди моряков и портовых рабочих», обещав дать указания организациям компартии активнее подключаться к выполнению намеченных в них мероприятий. Он поинтересовался мнением Эрнста о том, как лучше наладить борьбу Коминтерна, КПГ против фашизма в условиях подполья. Сообщил, что с ним хочет встретиться и побеседовать на эту тему председатель Профинтерна Лозовский.

Поздравив Эрнста с женитьбой, пожелав благополучия в семейной жизни, Лозовский начал беседу с неожиданного вопроса, знаком ли Волльвебер с американцем Джорджем Минком и датчанином Виллиамом Ларсеном. Получив утвердительный ответ, воскликнул: «Как же хорошо, что ты вовремя ускользнул от гестаповцев!», и далее озабоченно поведал о крупном провале нашей резидентуры в Дании. В феврале 1935 года датская полиция арестовала Минка, в прошлом руководителя американского профсоюза моряков, члена ИМПР, с 1928 года работавшего

на советскую военную разведку. На его квартире была устроена засада, в результате которой были арестованы четыре сотрудника советской военной разведки и десять иностранных агентов. Такого скандального прокола разведка еще не знала!

Главной фигурой среди арестованных оказался руководитель резидентуры Израиль Улановский (1891—1971) — опытный разведчик, много лет проработавший в резидентурах Германии, Китая, США. Нелегальной разведработой занимался с 1921 года. В военную разведку перешел в 1928 году с руководящей должности в Профинтерне. Одной из причин провала стало нарушение им запрета вербовать агентов из числа членов зарубежных компартий. Пятеро его связников были американскими и датскими коммунистами. Этот факт Улановский, понимая, что нарушает соответствующее постановление ЦК, попросту скрывал от Центра. Руководству разведки сообщили об этом из Коминтерна, известив, что американец Френк (Минк) вербует датских матросов-коммунистов. Улановский признал, что действительно так оно и есть, после чего ему было приказано вербовку прекратить, а Минка отправить в СССР на учебу. Но резидент не выполнил приказ, продолжая использовать Минка для связи с датчанами. За конспиративной квартирой, которой пользовался Улановский и на адрес которой поступала почта из Германии, было установлено полицейское наблюдение. Квартиру снимал все тот же Джордж Минк. В результате обыска у него были обнаружены несколько поддельных американских паспортов, карты датских проливов, материалы о проходе судов, немецких судоверфях, чертежи радиопередатчика, записи позывных и коды. Первыми в засаду на квартире попали двое — один представился как Николь Шерман, другой — Ханс Грюнфельд. Проверка установила, что Шерманом оказался резидент Улановский, а Грюнфельдом — резидент Максимов (Фридман). Затем были арестованы восемь датчан, в том числе Виллиам Юлиус Ларсен, одно время проживавший в США, знакомый Минка. На допросе он «раскололся», рассказав все о деятельности агентурной группы.

На той же квартире взяли и других сотрудников военной разведки, что выглядело совсем уж скандально. Первый из них — Давид Угер. Назначенный одним из резидентов в Германии, он на новое место работы добирался через Данию и решил навестить Улановского. Вторым оказался помощник начальника первого отдела военной разведки Д. Львович, посланный в Данию для налаживания связи с Германией через малые страны. Считая себя в Дании в полной безопасности, он без проверки явился на конспиративную квартиру, где и «сгорел». Анализ причин провала показал, что один из завербованных матросов по фамилии Нильсен был агентом полиции.

После такого невероятного успеха в раскрытии шпионажа полиция устроила пресс-конференцию, снабдив журналистов подробной информацией об арестованных. Вскоре датские и многие зарубежные газеты вышли с сенсационными публикациями о происках советских шпионов и их приспешников коммунистов в Европе.

Этот конфуз советской разведки получил такую огласку, что делом занялся лично Сталин. Он вызвал к себе Берзина, и руководитель военной разведки в присутствии Ягоды и Ежова полтора часа отвечал на очень неудобные вопросы, которые не удовлетворили вождя. Берзин был отстранен от руководства военной разведкой.

Основные фигуранты этого дела Волльвеберу были хорошо известны. С Минком он неоднократно встречался в Интерклубах моряков, на конгрессе ИМПР. Американец произвел на него впечатление высокомерного, самоуверенного человека. Кребс, одно время работавший с ним в США, отзывался о Минке как об «абсолютно беспринципном авантюристе», завоевавшим «симпатии Лозовского, которому он приходится дальним родственником». В своих мемуарах он излагает такую версию провала Минка: «В 1935 году, когда я был арестован гестапо, меня о нем допрашивали. Из допросов я узнал, что его арестовали в Копенгагене, куда после прихода фашистов к власти переместился берлинский аппарат ГПУ. Однажды ночью в мае 1935 года горничная копенгагенского отеля «Нордланд» была разбужена женскими криками о помощи. Горничная подняла других сотрудников ночной смены, и они побежали к номеру Минка, где, как оказалось, тот пытался изнасиловать девушку. Ему предъявили обвинение в нарушении общественной морали, но когда полиция обыскала его номер, были найдены коды, шифры, конспиративные адреса, фальшивые паспорта и 3 ты-

сячи американских долларов сомнительного происхождения. Джордж Минк и несколько его подручных были арестованы по обвинению в шпионаже в пользу Советского Союза. В июле 1935 года состоялся суд, и Минк получил полтора года тюрьмы. После освобождения Минк отправился прямо в Москву. Только заступничество Лозовского перед ГПУ спасло его от неприятностей, которые грозили в связи с его неблаговидным поведением в Копенгагене. ГПУ снабдила его новым фальшивым паспортом на имя Альфреда Герца и отправило в Барселону».

Провал в Копенгагене Эрнст воспринял близко к сердцу, понимая, какой огромный вред судебный процесс над арестованными, публикации о нем, нанесли престижу компартии, ИМПР. Очень сожалел об отставке Берзина, который привел его в советскую военную разведку. Судя по уверенному, начальственному поведению Лозовского, на его положение председателя Профинтерна скандальный прокол не повлиял. В беседе он сосредоточил внимание на обсуждении вопросов совершенствования конспирации в работе ИМПР, обеспечения безопасности разведывательных операций в сложных условиях подполья, нелегальной деятельности. Ознакомил Волльвебера с разработанной Профинтерном инструкцией «О задачах революционных профсоюзных организаций в области подготовки к переходу в подполье и работы в нелегальных условиях».

В инструкции подчеркивалось, что нельзя вести эффективной профсоюзной работы в подполье, не базируясь на предприятиях: «В связи с этим необходимо коренным образом изменить методы руководства фабрично-заводскими секциями под углом воспитания и инициативности низовых организаций. Надо немедленно приступить к вооружению фабзавсекций, РПС и РПО на предприятиях собственными техническими средствами по изданию листовок, воззваний, фабзавгазет (маленькие типографии, гектографы, шапирографы). Законспирировать часть революционного заводского актива... Необходимо уже теперь выделить ряд работников и активистов ревпрофдвижения, неизвестных полиции, в качестве ядра будущего нелегального профаппарата, систематически воспитывая в них навыки нелегальной работы... Организовать аппарат связи (курьерский и письменный) как для потребностей нелегального аппарата, так и для связи нелегального аппарата с легальным; установить конспиративные явки для встречи работников нелегального аппарата...

Фабрично-заводские группы должны строиться следующим образом: а) они должны разбиваться на цеховые группы; б) каждая цеховая группа возглавляется уполномоченным из числа наиболее проверенных доверием рабочих товарищей; в) руководство всей фабрично-заводской группы может быть образовано либо из кворума цехуполномоченных (стремиться), либо путем выбора бюро (3 чел.) или организатора; г) фабзавгруппа вместе не собирается, а практикует созыв членов по цехам... Подобное строение необходимо для того, чтобы в известной мере предохранить от провала всю фабзавгруппу; если в составе группы окажется шпик, то он сможет провалить лишь ту цеховую группу, в которой он состоит...

Особое внимание должно быть уделено организации самообороны. Отряды самообороны и пикеты ввиду жесткого террора должны быть возможно более массивные (несколько сот человек), с привлечением в их состав семей бастующих безработных. Для некоторой гарантии от разгона или ареста стачкома можно практиковать устройство его заседаний в окружении всех бастующих и безработных... В случае ареста или ссылки руководителей забастовки необходимо организовать сборы среди рабочих для обеспечения его семьи и оказания помощи арестованному... Собрания рабочих надо устраивать с соблюдением основных правил конспирации, ибо в противном случае, как бы они ни сочувствовали ревпрофдвижению, из-за боязни провалов не будут посещать собраний. Для этого надо умело выбрать место собрания (например, квартира одного из рабочих, потайное место за городом и др.), дежурства дружин самообороны для защиты собрания, предупреждения о приближении полиции. Нередко можно собрать собрание под флагом якобы спевки хора или занятия иного культурно-просветительного кружка. В первую очередь следует организовать летучки (короткие 5–10-минутные собрания) в раздевалке перед началом работы или под воротами при входе...

Ревпрофработа на предприятиях будет чрезвычайно затрудняться, если заводские профгруппы не поведут настойчивой, кропотливой работы против шпионов и провокаторов предпринимателей и полиции. Для выявления и обезвреживания

шпиков необходимо организовать тщательную проверку актива профгруппы под углом его надежности и преданности. Для этого надо изучать причины каждого ареста и провала, проводить в жизнь то «организованное недоверие», о котором писал еще Ленин, обращая внимание на личные и родственные связи, на образ жизни и т. п. Разоблаченных шпиков надо выявить перед массой, опубликовать их фамилии и фотографии в прессе, организовать их общественный бойкот, разгромить их квартиры и т. п. Заводские группы должны проводить систематический сбор средств в фонд борьбы среди всех рабочих подписными листами, устройством платных вечеров При этом на афишах можно отметить, что сборы производятся в пользу какого либо филантропического общества».

Следует отметить, что Волльвебер находился в СССР в неспокойное время. В декабре 1934 года в Ленинграде был убит Киров, и по всей стране начались аресты сторонников внутрипартийной оппозиции. Считалось, что за этим преступлением стоят бывшие лидеры оппозиции Бухарин, Зиновьев, Троцкий. Газеты изрыгали проклятия в адрес высланного за границу Троцкого, называя его организатором убийства. Подозрение в троцкизме становилось одним из самых тяжелых обвинений против советских и зарубежных коммунистов.

В кулуарах Интерклуба, в беседах Волльвебера с товарищами обсуждалось «Циркулярное письмо НКВД СССР всем местным органам наркомата внутренних дел», разосланное в январе 1935 года: «Следствием по делу злодейского убийства т. Кирова, совершенного Леонидом Николаевым, установлено, что он является членом «ленинградского террористического центра» контрреволюционной зиновьевской организации, безнаказанно существовавшей продолжительное время, подготовившей и осуществившей по тщательно разработанному плану террористический акт» — утверждалось в послании. И задавались суровые вопросы: «Как могло случиться, что наши органы в Ленинграде преступно проглядели существовавшую террористическую группу зиновьевцев и не сумели уберечь тов. Кирова, одного из крупнейших руководителей и лучших людей нашей партии?.. Руководящие работники УНКВД в Ленинградской области преступно игнорировали директиву ЦК ВКП(б) и СНК СССР

от 8/V-1933 года, где сказано: «Классовый враг видит... что наступили последние дни его существования, — и он не может не хвататься с отчаяния за самые острые формы борьбы с советской властью»... Почему партийная организация не видела охватившего ряд коммунистов благодушия, преступной самоуспокоенности, притупления классового чутья и революционной бдительности, граничивших с оппортунизмом?»

Газеты сообщали о «большой чистке» в партии, органах безопасности, армии. 26 января 1935 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление, которым предписывалось выслать из Ленинграда на север Сибири и в Якутию сроком на 3–4 года 663 «зиновьевца», 325 оппозиционеров направлялись на работу в другие районы. В июне 1935 года на пленуме ЦК ВКП(б) с докладом «О служебном аппарате Секретариата ЦИК Союза ССР и товарище А. Енукидзе» выступил секретарь ЦК ВКП(б) Н. И. Ежов. При попустительстве Енукидзе на территории Кремля, по его словам, создана террористическая сеть с целью убийства Сталина. В заговоре участвовали четыре контрреволюционные террористические группировки: группа служащих правительственной библиотеки во главе с Н. А. Розенфельдом (племянник Л. Б. Каменева); троцкистская группа комендатуры Кремля; троцкистская группа военных работников во главе с начальником отделения РУ РККА М. К. Чернявским; белогвардейская группа Г. Б. Синани-Скалова (сотрудник Коминтерна). Идеологом покушения назван находившийся в ссылке Л. Б. Каменев (Розенфельд).

Следствием по делу объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра было установлено, что, «наряду с вышеуказанным центром, существовал так называемый запасной центр, созданный по прямой директиве Троцкого на случай, если преступная деятельность троцкистско-зиновьевского блока будет разоблачена органами советской власти. В состав этого запасного центра входили Пятаков Ю. Л., Радек К. Б., Сокольников Г. Я., Серебряков Л. П., Муралов Н. И., Лившиц Я. Д. Все они обвинялись в измене родине, шпионаже, диверсиях, вредительстве, подготовке террористических актов.

Летом 1937 года пресса сообщила о раскрытии заговорщической группы под названием «право-троцкистский блок» в со-

ставе: Бухарина, Рыкова, Ягоды, Крестинского, Раковского, Розенгольца, Левина, Гринько, Зеленского, Плетнева, Чернова, Казакова, Крючкова, Икрамова, Ходжаева, Шаранговича и других. Следствием установлено, что «право-троцкистский блок» объединял в своих рядах подпольные антисоветские группы троцкистов, правых, зиновьевцев, меньшевиков, эсеров, буржуазных националистов Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджана, Средне-Азиатских республик, — отмечается в судебном отчете по этому делу. — Многие руководящие участники этого заговора являются давнишними агентами иностранных разведок. Это прежде всего относится к одному из вдохновителей заговора — врагу народа Троцкому. Его связь с гестапо была исчерпывающе доказана на процессах троцкистско-зиновьевского террористического центра в августе 1936 года и антисоветского троцкистского центра в январе 1937 года. Следствием точно установлено, что Троцкий был связан с германской разведкой уже с 1921 года и с английской «Интеллидженс Сервис» — с 1926 года.

Обвиняемый Крестинский Н. Н. по прямому заданию врага народа Троцкого вступил в изменническую связь с германской разведкой в 1921 году. Обвиняемый Розенгольц А. П. — один из руководителей троцкистского подполья — начал свою шпионскую работу для германского генерального штаба в 1923 году, а для английской разведки — в 1926 году. Обвиняемый Раковский Х. Г. — один из особо доверенных людей Троцкого — являлся агентом английской разведки с 1924 года и японской — с 1926 года. Обвиняемый Чернов М. А. начал свою шпионскую работу в пользу Германии в 1928 году, связавшись с германской разведкой по инициативе и при содействии эмигранта-меньшевика Дана. Обвиняемый Шарангович В. Ф. был завербован и переброшен польской разведкой для шпионской работы в СССР в 1921 году. Обвиняемый Гринько Г. Ф. стал шпионом германской и польской разведок в 1932 году... Как установлено следствием, по прямому сговору с японской и германской разведками заговорщики организовали и совершили ряд террористических актов против лучших людей нашей Родины: С. М. Кирова, В. В. Куйбышева, В. Р. Менжинского, А. М. Горького. Одним из соучастников злодейского убийства С. М. Кирова 1 декабря 1934 года

является обвиняемый Ягода, показавший следующее: «О том, что убийство Кирова готовится по решению центра заговора, я знал заранее от Енукидзе. Енукидзе предложил мне не чинить препятствий организации этого террористического акта, и я на это согласился. С этой целью я вызвал из Ленинграда Запорожца, которому и дал указание не чинить препятствий готовящемуся террористическому акту над С. М. Кировым»... По прямому указанию Ягоды обвиняемыми д-ром Левиным и д-ром Казаковым был также убит председатель ОГПУ В. Р. Менжинский... Как выяснилось в ходе следствия, «эти чудовищные преступления не были случайностью ни для троцкистов, ни для правых». Уже в 1918 году Бухарин и его группа так называемых «левых коммунистов» и Троцкий с его группой совместно с «левыми» эсерами организовали заговор против В. И. Ленина, как главы Советского правительства. Это подтвердили допрошенные в Прокуратуре Союза 19 и 20 февраля с. г. бывшие члены ЦК партии «левых» эсеров Карелин В. А., Камков Б. Д., активные участники группы «левых коммунистов» Яковлев В. Н., Осинский В. В., Манцев В. Н. и другие».

Военная Коллегия Верховного суда Союза ССР приговорила: Бухарина, Рыкова, Ягоду, Крестинского, Розенгольца, Чернова, Гринько, Зеленского, Икрамова, Ходжаева, Шаранговича, Левина, Казакова, Крючкова к высшей мере уголовного наказания — расстрелу, с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества. Плетнева — к тюремному заключению на двадцать пять лет с поражением в политических правах на пять лет по отбытию тюремного заключения и с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Раковского — к тюремному заключению на двадцать лет.

Развернувшаяся чистка властных структур от оппозиционеров и враждебных элементов затронула и сотрудников Коминтерна. В октябре 1937 года Димитров и Мануильский в письме сообщали в ЦК ВКП(б) о том, что «органами Наркомвнудела выявлен ряд врагов народа и вскрыта разветвленная шпионская организация в аппарате Коминтерна. Особенно засоренным оказался важнейший отдел службы связи, который нужно сейчас вполне ликвидировать и приступить срочно к организации этого отдела из новых, тщательно отобранных и проверенных

работников. Хотя и меньше, но засоренными оказались и другие звенья коминтерновского аппарата: отдел кадров, политические помощники секретарей ИККИ, референты, переводчики. Кроме того, руководством Коминтерна была проведена проверка всего аппарата, в итоге которой около ста человек были уволены как лица, не внушающие достаточного политического доверия».

В письме они предлагали изменить подход к подбору кадров: «В прошлом аппарат Коминтерна укомплектовывался преимущественно за счет кадров иностранных компартий, особенно компартий нелегальных, располагавших большими эмигрантскими резервами в СССР. Опыт показал, что такой способ укомплектования аппарата Коминтерна в нынешних условиях опасен и вреден, в связи с тем что ряд секций КИ, как, например, польская, оказались целиком в руках врага».

От Флорина Волльвебер узнал, что репрессиям подверглись представители КПГ в Коминтерне: А. Альберт, Ф. Брауде, В. Будих, Э. Воленберг, Ф. Геккерт, В. Гирш, Г. Киппенбергер, Г. Клингер, Г. Курела, Р. Лео, В. Мюнценберг, В. Мюллер, Г. Нейман, Г. Реммеле, А. Флиг, В. Штекер, Г. Эберлейн. О причинах их ареста он ничего определенного не сказал, отделавшись замечанием, что все проверки и задержания оппозиционеров производятся по указанию высшего политического руководства во главе со Сталиным.

Из бесед с коллегами по партии, матросами, сотрудниками Интерклуба, публикаций прессы Эрнст чувствовал нарастающую неприязнь к Сталину, которая отражала как политические противоречия, так и личные амбиции в среде высшего и среднего руководящего состава Коминтерна, ВКП(б), органов безопасности. В Интерклубах нелегально распространялась статья кандидата в члены ЦК ВКП(б), руководителя Союза марксистов-ленинцев М. Н. Рютина «Сталин и кризис пролетарской диктатуры», в которой резко критикуется антиленинская политика Сталина, Молотова, Бухарина: «Самый злейший враг партии и пролетарской диктатуры, самый злейший контрреволюционер и провокатор не мог бы лучше выполнить работу разрушения партии и социалистического строительства, чем это делает Сталин, — утверждал Рютин. — Сталин объективно выполняет роль предателя социалистической революции...

При таком положении вещей у партии остается два выбора: или — или. Или дальше безропотно выносить издевательства над ленинизмом, террор и спокойно ожидать окончательной гибели пролетарской диктатуры, или силою устранить эту клику и спасти дело коммунизма».

Эрнст не разделял подобную огульную критику вождя. Опыт борьбы с оппортунизмом в рядах КПГ подсказывал ему, что «чистка» советских властных структур и Коминтерна от троцкистов, шпионов, вредителей зиждиться не на пустом месте. Еще Ленин неоднократно критиковал Бухарина, Зиновьева, Радека и Троцкого за оппозиционные колебания. Ленинские замечания, отмечает он в автобиографии, «невероятно помогли мне разобраться во вредной роли правых, примиренцев и ультралевых». Он понимал, что в любой борьбе с контрреволюционерами бывают перегибы, под «горячую руку» иногда попадают и невиновные. Но столь же недопустимы в разоблачении классового врага, шпионов и провокаторов благодушие, притупление революционной бдительности, преступная самоуспокоенность. Волльвебер уважал «твердую руку» Сталина в борьбе с классовым врагом, его уверенность в правоте своего дела, руководстве первым в мире государством рабочих и крестьян.

Под конец работы конгресса Коминтерна Эрнсту позвонила жена Рангхильд, взволнованно сообщив о прибытии в ленинградский порт немецкого судна «Штутгарт». По полученным от моряков данным, его экипаж и пассажиры укомплектованы отборными нацистами. Перед ними поставлено задание провести в Ленинграде фашистскую демонстрацию к зданию Интерклуба под предлогом приглашения его сотрудников, советских спортсменов, граждан на летние Олимпийские игры в Германию в августе 1936 года. В Интерклубе ждут указаний относительно действий по этому судну. Проинформировав об этой новости председателя Профинтерна Лозовского, Волльвебер срочно выехал в Ленинград с поручением сорвать провокацию нацистов.

На месте выяснилось, что «Штутгарт» прибывает в порт через день. На совещании Эрнст приказал во что бы то ни стало воспрепятствовать проведению фашистской демонстрации, не допустить спуска на берег экипажа, нацистских пассажиров подвергнуть строгому досмотру и задержанию под предлогом

проверки документов. С этой целью следует организовать в порту перед немецким судном массовую манифестацию протеста против фашизма и войны, преследования коммунистов, социал-демократов, всех миролюбивых сил в гитлеровской Германии. Самсингу поручено сформировать боевой отряд из надежных сотрудников Интерклуба, моряков и слушателей Коммунистического университета Коминтерна. Провокационная демонстрация нацистской команды «Штутгарта» была сорвана.

В декабре 1935 года Волльвебер получил неожиданную телеграмму от Лозовского: «Срочно приезжайте в Москву. Все вещи возьмите с собой». Теряясь в догадках о причинах внезапного вызова, вспыхнувшей в голове мысли, уж и не до него ли докатилась волна репрессий, Эрнст позвонил Лозовскому с вопросом: брать ли жену. Получив утвердительный ответ, на другой день он вместе с Рангхильд отправился в столицу.

В кабинете Лозовский без каких-либо разъяснений сразу познакомил Эрнста с представительным мужчиной лет сорока, назвавшимся Максимом Петровичем. Тепло поприветствовав и крепко пожав руку Волльвебера, незнакомец сказал, что хотел бы побеседовать с ним по серьезному делу, пригласив в свой кабинет. Предварив разговор лестными отзывами об Эрнсте как заслуженном революционере, коммунисте ленинского типа, опытном руководителе ИМПР, Максим Петрович сказал, что речь идет о создании нелегальной международной специальной организации борьбы против фашизма, войны, в защиту Советского Союза. В целях конспирации эта тайная организация должна действовать совершенно независимо от Москвы, легальных и нелегальных партийных структур коммунистов. Руководить этим специальным формированием он будет самостоятельно.

— Вы опытный руководитель военного аппарата, отрядов самообороны компартии. Знаете, что для этого нужно и как это делается. Если согласны, то детали обговорим дополнительно на встречах, — заключил Максим Петрович.

Волльвебер тут же, без лишних слов дал согласие. Он понимал, что такое ответственное задание может исходит только от высшего руководства советской внешней разведки. Ему оказывается высокое доверие в сложный, противоречивый период «чисток», борьбы с фашизмом, оппортунизмом, врагами строительства социализма, компартии, Коминтерна. К тому же это предложение отвечало основному смыслу всей его жизни, революционной борьбы за справедливое общество.

Несколько недель Волльвебер и Максим Петрович, официально представившийся руководителем Особой группы при председателе ОГПУ Яковом Серебрянским, обсуждали на его подмосковной даче план, возможную схему, основные правила формирования, легендарной нелегальной разведывательно-диверсионной агентурной сети, вошедшей в историю под названием «Лига Волльвебера». В следственных делах гестапо она будет фигурировать как «Группа Волльвебера», «Организация Волльвебера-Шаапа», «Коммунистические партизаны». В результате были сформулированы такие принципиальные правила:

1. Организация должна действовать маленькими группами из двух-пяти человек самостоятельных, независимых друг от друга. Работу внутри группы поставить так, чтобы один источник не знал другого. Связь с Волльвебером поддерживает только один из них. Группа должна формироваться из тщательно отобранных, надежных молодых, лучше всего холостых моряков, портовых рабочих, кочегаров и других проверенных лиц, главным образом из стран Скандинавии, Бельгии, Германии, Голландии, Франции.

2. Нелегальную разведывательную сеть, созданную на базе ИМПР, необходимо восстановить, очистив ее от не вызывающих доверия членов. Ориентировать ее на проведение разведывательно-диверсионных операций против немецкого, итальянского, польского, японского флотов и морских портов. Особое внимание уделять военным транспортам, перевозящим войска, вооружение, боеприпасы. Задания должны обеспечить полное описание всех судов названных стран, их местонахождения, перемещения, характер грузов, состав экипажей.

3. Диверсии осуществлять против как можно большего количества судов противника, используя зажигательные бомбы с дистанционным детонатором и другие средства поражения.

4. Разведывательно-диверсионные операции следует проводить и на важных сухопутных объектах — таких, например, как рудники на севере Швеции, портовые сооружения, электростанции. Кроме того, необходимо планировать уничтожение важ-

ных в военном отношении транспортных узлов, мостов, переправ, складов с оружием.

5. Следует подготовить в Дании базы для советских подводных лодок.

6. Члены организации обязаны выйти из состава соответствующих компартий и, если возможно, вступить в социал-демократическую партию.

Договорились, что на создание организации Волльвеберу отводится один год. Председатель КПГ В. Пик согласился освободить Эрнста от всех партийных обязанностей. Серебрянский сообщил ему условия встречи в Париже для постановки возможного срочного задания, а также согласования действий в случае возникновения непредвиденных, чрезвычайных обстоятельств.

Особая группа была создана в 1926 году В. Р. Менжинским для выполнения разведывательно-диверсионных специальных операций, глубокого внедрения агентуры на объекты военно-стратегического характера на случай войны. Она была особо засекречена, в том числе от коллег по разведке, подчиняясь непосредственно председателю ОГПУ. В работе группа опиралась исключительно на собственную агентуру, предоставленную Коминтерном и Профинтерном. В апреле 1929 года начальником 1-го отделения ИНО ОГПУ (нелегальная разведка) и одновременно руководителем Особой группы был назначен Яков Серебрянский. В чекистском обиходе ее неофициально именовали «группой Яши».

Справка. *Яков Исаакович Серебрянский родился в 1891 году в Минске в небогатой еврейской семье. Отец трудился подмастерьем у часовщика, затем приказчиком на сахарозаводе. Обучаясь в четырехклассном городском училище, Яков в 1907 году примкнул к ученической организации социалистов-революционеров. В 1908 году, по завершении учебы, вступил в партию эсеров, став членом ее наиболее радикального крыла — максималистов. Переехав в Могилев, участвовал в акция эсеров-боевиков против организаторов еврейских погромов и потворствующих им полицейских. В мае 1909 года был арестован полицией за обнаруженную в ходе обыска «переписку преступного содержания» и «по подозрению в соучастии в убийстве начальника минской тюрьмы». После месячного пребывания под следствием выслан*

в Витебск под административный надзор полиции сроком на два года. В апреле 1910 года устроился электромонтером на телефонную станцию местного городского театра.

Во время Первой мировой войны участвовал в боях в Восточной Пруссии. В августе 1914 года был тяжело ранен. В феврале 1915 года демобилизован по ранению. После Февральской революции 1917 года стал членом Бакинского совета партии эсеров, командовал отрядом по охране продовольственных грузов на Владикавказской железной дороге, поселился в персидском городе Решт. В июне 1920 году Решт был провозглашен столицей созданной большевиками Гилянской советской республики. В этот период судьба сводит Якова с известным чекистом, в прошлом левым эсером, начальником местного отделения ВЧК Яковом Блюмкиным. По его рекомендации Серебрянского принимают в Особый отдел военного штаба Персидской Красной армии. После отступления армии под натиском шахских войск в советский Азербайджан Блюмкин с Серебрянским отправляются в Москву. В сентябре 1920 года Якова назначают секретарем административно-организационного отдела, а с 1 декабря того же года — одноименного управления ВЧК. В августе 1921 года его увольняют из ВЧК по демобилизации.

Яков устраиваться на работу в редакцию газеты «Известия ВЦИК», поступает в Электротехнический институт. В 1922–1923 годах трудится конторщиком, затем — заведующим канцелярией нефтетранспортого отдела треста «Москвотоп». В октябре 1923 года становится кандидатом в члены ВКП(б). Блюмкин, готовившийся по линии внешней разведки на нелегальную работу в Палестину, предлагает Якову должность помощника. Его зачисляют в закордонную часть ИНО ГПУ. В декабре 1923 года Блюмкин и Серебрянский выезжают в Яффу (ныне Тель-Авив). В 1924 году Блюмкина отозвали в Москву, а Серебрянского назначили резидентом. Ему удалось привлечь к сотрудничеству большую группу эмигрантов из числа как сионистских поселенцев, так и русских белогвардейцев, осевших в Палестине. Завербованные Яковом агенты впоследствии составили ядро руководимой им специальной группы.

В декабре 1925 года был переброшен на нелегальную работу в Бельгию. Вернувшись в феврале 1927 году в Москву, переведен из кандидатов в члены ВКП(б), а затем направлен нелегальным

резидентом в Париж. В марте 1929 года вернулся в СССР и назначен особоуполномоченным закордонной части ИНО ОГПУ, а 1 апреля — начальником 1-го отдела, ведавшего нелегальной разведкой, одновременно он возглавил Особую группу при председателе ОГПУ. В 1930 году руководил сотрудниками «группы Яши» в Париже по захвату и вывозу в СССР председателя РОВС А. П. Кутепова. В 1932 году нелегально выезжал в США, в 1934 году — во Францию. В июне 1934 года после создания НКВД СССР «группа Яши» была выделена из ИНО и напрямую подчинена наркому внутренних дел, получив название «Специальная группа особого назначения» (СГОН). При ней организуется школа разведчиков-нелегалов диверсионного профиля. В 1935–1936 годах находился в специальных командировках в Японии и Китае. По утверждению исследователей спецслужб, во время этих командировок Яковом было создано 20 специальных нелегальных резидентур, которые привлекли к сотрудничеству с советской внешней разведкой «на особый период» около 200 агентов-боевиков.

В ноябре 1938 года Яков был арестован в рамках «большой чистки» аппарата спецслужб. В обвинительном заключении говорится: «10 ноября 1938 года органами НКВД СССР был арестован подозреваемый в шпионской деятельности Серебрянский Яков Исаакович. Проведенным по делу следствием установлено, что Серебрянский, в прошлом активный эсер, дважды арестовывался органами ОГПУ и при содействии разоблаченных врагов народа проник в органы советской разведки. В 1924 году, будучи в Палестине, был завербован эмигрантом Покровским для шпионской деятельности в пользу Англии. В 1927 году Серебрянский по заданию английской разведки перебросил из Палестины в СССР группу шпионов-террористов в лице Турыжникова, Волкова, Ананьева, Захарова и Эске, которых впоследствии в лаборатории спецгруппы ГУГБ подготовлял к диверсионной и террористической деятельности на территории СССР. Через Турыжникова Серебрянский передавал английской разведке шпионские сведения о политическом и экономическом положении Советского Союза. В 1933 году Серебрянский был завербован разоблаченным врагом народа Ягодой в антисоветскую заговорщицкую организацию, существующую в органах НКВД. По заданию Ягоды Серебрянский установил шпионскую связь

с французской разведкой, которую информировал о деятельности советской разведки за кордоном, добывал сильнодействующие яды для совершения террористического акта над руководителями партии и советского правительства. В предъявленном обвинении виновным себя признал...»

7 июля 1941 года в ходе закрытого заседания Военной коллегии Верховного суда СССР Яков Серебрянский был признан виновным по всем пунктам обвинения, однако себя виновным не признал, заявив, что на предварительном следствии оговорил себя и других после применения к нему физических методов воздействия. В тот же день суд приговорил «Яшу» к расстрелу с конфискацией лично принадлежащего ему имущества. Однако приговор в исполнение приведен не был. Началась Великая Отечественная война, и разведке катастрофически не хватало опытных сотрудников. В августе 1941 года, благодаря ходатайству Павла Судоплатова и личному вмешательству Лаврентия Берии, решением Президиума Верховного Совета СССР Серебрянский был освобожден и амнистирован с прекращением уголовного дела и снятия судимости, восстановлен в рядах партии.

В октябре 1941 года назначен начальником группы во 2-й отдел НКВД. Герой России, писатель, сотрудник особой «группы Яши» Юрий Колесников вспоминает: «В марте 42-го года меня вызвал Яков Исаакович Серебрянский. Кстати, железный был человек... В органах ОГПУ-ИНО (внешняя разведка) с 1919 года. Возглавлял особую группу, так называемую «Группу «Я», подчинявшуюся Сталину и выполнявшую особые задания. Руководил заграничной агентурой в странах Европы, Азии, Африки и Ближнего Востока. Разрабатывал и руководил операцией по поимке в Париже главы антисоветского Центра — РОВС — бывшего царского генерала Кутепова. В ноябре 1938 года, несмотря на доверительные отношения со Сталиным — тот называл его просто Яшей, — был арестован и в начале войны с Германией приговорен к высшей мере. В августе 41-го года по распоряжению Сталина освобожден, восстановлен в партии. В августе 53-го года был вновь арестован и во время допроса в 56-м году скончался». Уточним: 30 марта 1956 года в 14 часов 25 минут во время очередной «встречи» со следователем Военной прокуратуры Яков Серебрянский скончался от сердечного приступа.

Такова жизнь этого легендарного чекиста, «железного человека», с котором Волльвеберу предстояло разрабатывать и проводить разведывательно-диверсионные операции против фашистской Германии. О героической судьбе таких одаренных людей поэтически проникновенно произнес А. Твардовский:

И скажут, честь воздав сполна,
Дивясь ушедшей были:
Какие были времена!
Какие люди были!

Действительно, в те времена людям разведки приходилось прибегать к особым методам борьбы с противником. Они видели свою роль не только в том, чтобы выявлять действующие против нашей страны вражеские организации, их планы, а прежде всего в том, чтобы не допустить их осуществления, пресечь врага. Это означало, что руководители и сотрудники разведки понимали свои задачи шире, чем сегодня. Они были ориентированы не только на сбор информации об агрессивных намерениях, но и на срыв опасных для государства замыслов противника, включая ликвидацию многочисленных диверсионно-террористических групп, нейтрализацию их главарей. Многие из диверсионных операций, которые осуществляли Серебрянский и Волльвебер, были именно такими или близкими к ним по сути. Подобное видение разведки зарождало у сотрудников обостренное чувство ответственности, бдительности, смелости, способность к быстрому нахождению эффективных решений. Поэтому оперативные мероприятия носили более решительный и боевой характер, чем сейчас.

Стиль разведывательной деятельности Волльвебера определялся удачным сочетанием ряда незаурядных качеств и способностей: высокий профессионализм, настойчивость и устремленность на результат, находчивость, гибкий ум, физическая закалка как условие подготовки к суровым испытаниям, решительность. Эти качества дополнялись ярко выраженными чертами характера: идейная убежденность, вера в светлое будущее коммунизма, построение справедливого, социалистического общества, глубокое знание жизни, порядочность. Близко знавшие его коллеги (Ульбрихт, Цайссер, Флорин) говорили, что он был прекрасным товарищем.

Глава VIII
РЕЗИДЕНТ «ЛИГИ ВОЛЛЬВЕБЕРА»

Итак, после встречи с Серебрянским начался новый, самый ответственный, напряженный, чреватый опасностями период в разведывательной деятельности Волльвебера. В автобиографии он обтекаемо, кратко об этом скажет: «В январе 1936 года по согласованию с товарищем Вильгельмом Пиком я был освобожден от всех партийных обязанностей и стал выполнять специальные задания международного характера».

Обдумывая план выполнения задания «Яши» Эрнст составил список соратников по антифашистскому сопротивлению в ИМПР, Германии, Дании, намереваясь вовлечь их в «особую организацию». Многих из них он хорошо знал как надежных боевых товарищей в борьбе против фашизма, за свободу, справедливое общество. Он вырос, боролся с нацизмом среди них. Где бы они ни встречались, были дружны, называли себя революционерами, антифашистами, всегда помогали друг другу. Свободолюбивое морское братство стало прочной опорой в его жизни, разведывательной деятельности, неоднократно выручало в сложных, рискованных операциях.

Первым в списке стоял портовый рабочий, голландец Иозеф Шаап, возглавлявшим Интерклуб моряков в Роттердаме, и Волльвебер отправился к нему в Амстердам. Как и предполагалось, предложение организовать нелегальную «боевую дружину» антифашистского сопротивления гитлеровской Германии не было для Шаапа неожиданным. Голландец поинтересовался, о каких боевых мероприятиях идет речь, какая роль отводится ему. Эрнст изложил основные положения из оговоренных с «Яшей» правил, сделав упор на саботаже поставок вооружений

и военной техники судов Германии, Италии, Польши, Японии. Что касается мероприятий, рекомендовал ознакомиться с книгой немецкого капитана Франца фон Ринтелена «Манхеттенский фронт», в которой рассказывается о диверсиях и саботаже на американских судах, поставлявших в годы Первой мировой войны продовольствие и военную технику в Европу противникам Германии. Шаапу отводилась роль помощника-заместителя, отвечающего за участок работы в портах Бельгии, Голландии, Северной Германии. Согласившись, голландец сказал, что у него есть надежные, хорошо знакомые моряки, товарищи в Дании, Латвии, Эстонии, которые охотно присоединятся к борьбе с фашизмом. Волльвебер одобрил эту инициативу. Соратники оговорили условия курьерской связи, адреса нелегальных явочных квартир.

Справка из архива внешней разведки от 18 декабря 1941 года по делу «Фред»: «Шаап Иозеф, 1899 года рождения, уроженец и подданный Голландии, моряк, портовый рабочий, член голландской компартии. К нелегальной работе был привлечен Эрнстом (он же Антон) вначале в качестве своего помощника, а затем ему был отведен самостоятельный участок работы — Голландия и Бельгия. В 1937 году он со своей группой провел несколько удачных акций в Голландии и Бельгии. Характеризуется грамотным коммунистом и преданным нам работником. В дальнейшем Фреду был дан новый участок работы — Дания, Латвия, Эстония. Сам он находился в Копенгагене, но часто бывал в этих странах. В Латвии у него была группа во главе с Рихардом, а в Эстонии во главе с Иозефом.

Где сейчас находится Фред — неизвестно. По соображению Ветрова от 9 июля 1941 года шведские газеты опубликовали пространные статьи о судебном процессе в Копенгагене над группой коммунистов, которая вела антигосударственную, с их точки зрения, деятельность. В качестве руководителя группы, кроме Антона, упоминается и Фред».

Дополним эту ориентировку такими биографическими сведениями: Шаап родился в 1899 году в Амстердаме, служил матросом на флоте, плавал на судах, будучи поваром, стюардом. В 1924 году вступил в компартию Голландии, стал членом правления городской парторганизации. В 1929 году в составе делегации профсоюза транспортных рабочих совершил поездку в Советский Союз, которая произвела на него большое впечатления размахом социалистического строительства. В 1932 году участвовал в работе конгресса ИМПР в Гамбурге, где познакомился с Волльвебером.

Шаап пользовался большим авторитетом в Интерклубе, компартии; был организатором многих забастовок моряков и портовых рабочих за улучшение условий их труда, усиление позиций коммунистов в голландском обществе. О его участии в одной из таких акции протеста рассказывает в своей книге Кребс: «Нашим политическим инструктором и связным в торговом флоте Голландии был Шаап, за мягкими манерами и небесно-голубыми глазами которого скрывалась огромная энергия и целеустремленность. Центральный комитет компартии Голландии получил из Берлина указание сосредоточить усилия всех коммунистов — 5700 человек в 142 организациях — на подготовку мощной забастовки моряков и докеров. Цели, которые преследовал этой акцией Коминтерн, выходили далеко за пределы Голландии. На Дальнем Востоке компартия Индонезии готовилась одновременно нанести удар в голландских колониях. Мощная забастовка в метрополии должна была поднять боевой дух индонезийских коммунистов... Как и в большинстве случаев, поводом для забастовки послужила угроза сокращения зарплаты. Вместе с Шаапом и членом голландского ЦК товарищем де Гроотом мы «прошлись» по списку коммунистов, которые плавали на голландских судах. Было решено, что первое выступление произойдет на лайнере «Роттердам». Это судно было гордостью торгового флота Голландии — шикарный лайнер, совершавший в тот момент рейс из Нью-Йорка в Роттердам, с несколькими сотнями пассажиров на борту, среди которых были члены олимпийской команды Голландии. Коммунистическая ячейка на «Роттердаме» насчитывала двадцать семь человек, в том числе семь немцев, которые имели опыт участия в прошлогодней забастовке немецких моряков. Очень важным было то, один из радистов судна был коммунистом».

О мятеже на лайнере писали многие американские и европейские газеты. В Роттердаме «десять членов комитета действия были арестованы по обвинению в мятеже, в их числе все семь

наших немецких товарищей», но поставленные цели этой протестной акции были достигнуты, она получила широкий общественный резонанс.

Довольный результатами встречи с Шаапом, Эрнст отправился на поиски латышского моряка Михаила Аватина (Ламберта), который, по некоторым сведениям, проживал в порту Антверпена. Опытный моряк, Аватин был активным членом ИМПР, одно время выполнял роль курьера Волльвебера, фактически спас его от ареста датской полицией в мае 1934 года. Он без колебаний согласился выполнять задания по саботажу немецких судов, бороться против фашистской Германии. Ему поручался участок работы в портах и на судах стран Балтийского моря. С ним также были оговорены условия встречи и нелегальной явки.

В архиве Коминтерна сохранилась биографическая справка, в которой описываются любопытные перипетии его морской службы:

«Ламберт Эрнест Давыдович, 1899 года рождения, из рабочих города Риги, окончил мореходное училище, моряк с 1914 года, женат, семья проживает в Антверпене. После окончания училища переехал в г. Архангельск, где плавал на русских пароходах «Ольга», «Курск». Зиму 1916–1917 годов учился в мореходном училище в Ростове-на-Дону, летом 1918 года был послан на практику в г. Владивосток, где плавал на учебном судне «Диомид». При Колчаке устроился на частном катере, работал в порту, откуда был переведен на баржу. В июне 1919 года от представительства Латвийской республики во Владивостоке, группирующегося вокруг командования национального полка им. Иманто, получил документы как гражданин Латвии, так как кроме ученического билета ничего не имел. При получении документов указал, что родился в 1902 году, поскольку по возрасту для военной службы не подходил. Поступил матросом на пароход «Индигирка», на котором плавал до января 1920 года. Когда пароход встал на ремонт в Шанхае, нанялся на греческий пароход «Триалос» и прибыл с ним в порт Саид — английская колония около Суэцкого канала, где в числе всей команды был арестован как политически неблагонадежный, вернее за бунт. Из Саида нас (так в документе. — *Е. Г.*) отправили в Грецию, город Пирея, где находился около месяца под арестом. Освободившись, приехал

в г. Александрию, после трех недельного скитания сел «зайцем» на русскую морскую баржу с целью попасть в Константинополь. В порту Бейрот (так в документе. — *Е. Г.*) нанялся на русский пароход «Александр III», проплавал на нем, совершая рейсы между Константинополем и Марселем. В 1923 года в Антверпене обратился в российское консульство, где выдал себя за украинца г. Хабаровска. В 1924 году обратился в латвийское консульство в Антверпене, где получил разрешение на въезд в Латвию. В Риге был снят с парохода и арестован как дезертир, своевременно не вернувшийся в Латвию. Через сутки на поруки знакомых был освобожден. В декабре был осужден на три месяца лишения свободы. Это решение обжаловал, но, не дождавшись результатов, нелегально на латвийском пароходе уехал в город Гент. В 1928 году стал членом компартии Бельгии.

В Антверпене поступил на английский пароход и плавал до июля 1930 года. Вследствие повреждения ноги должен был судно оставить и до февраля 1931 года получал содержание из страхового общества. Когда выплату прекратили, отправился в Лондон, где был сразу арестован как политически неблагонадежный. Через месяц был освобожден в результате ходатайства жены и Союза английских моряков. Получив предписание в 24 часа покинуть Англию, уехал в Роттердам. Через посредничество секретаря Интерклуба моряков, у которого жил, обратился за содействием в устройстве на работу в парторганизацию, но там предложили действовать самостоятельно. Сев на норвежский пароход, приехал в Ленинград.

По убеждениям коммунист. В политической жизни начал принимать активное участие с 1922 года. Работал в Интерклубах бельгийских и английских моряков, компартии Бельгии. Знает секретарь Интерклуба моряков в Антверпене, член Бельгийской компартии тов. Форкерст, а также работник антверпенской парторганизации тов. Силс. Из англичан хорошо знает тов. Томсмон, руководитель профсоюза транспортников в Лондоне; тов. Вальтер, секретарь Интернационала революционных союзов моряков. Шмидт Роберт Кришьянович знает по работе в революционных организациях моряков в период с 1925 по 1928 год, по февраль 1931 года с ним поддерживал регулярную переписку, тов. Яунзем Михаил, в 1925–1926 годах работал с ним в Антвер-

пене в интернациональной группе моряков и по партийной линии. Должен знать тов. Балобатенко, в 1923 и 1929 годах плавал с ним на английских пароходах. В Роттердаме секретарь Интерклуба Ваас также может дать необходимые справки».

На справке есть резолюция «от 14.01.1932 г. — тов. Краевскому, начальник отдела кадров ИККИ». Вероятно, Ламберта привлекли к сотрудничеству и он стал работать по линии Коминтерна.

Кребс в мемуарах отзывается о нем как о «человеке твердых убеждений, который никогда и ничего не просил и никогда не испытывал сочувствия к отступникам. Аватин занимался широким кругом вопросов. Проверка действенности аппарата Коминтерна в Бельгии была лишь одной из его задач. Его главная миссия заключалась в том, что он возглавлял «С-аппарат», широкую сеть шпионских групп в Германии и соседних станах... Он чувствовал себя вполне уверенно и был знаком с судами. У него было гладкое, чисто выбритое и загорелое лицо, светлые шелковистые волосы, узкий, волевой рот, серые глаза... Мне он сразу понравился. Позже я узнал, что в лице Михаила Аватина я встретил одного из самых выдающихся деятелей подпольного аппарата Коминтерна».

Авторы «Всемирной истории разведывательных служб» Р. Фалиго и Р. Коффер пишут: «Волльвебер — «король диверсантов» — железной рукой управляет целым рядом секретных операций с помощью своего заместителя, латыша Михеля Аватина, в прошлом активиста компартии в Риге, приберегаемого для специальных миссий Коминтерна, особенно в Англии. Действующий эффективно, неподкупный, способный при случае на настоящие душевные чувства, Аватин пользуется помощью высоких покровителей из рядов ГРУ. Он руководит С-Аппаратом, службой разведки и контрразведки в КПГ... Именно он выследил в Копенгагене старого знакомого Канариса, Хорста Пфлук-Гартунга, замешанного в убийстве Розы Люксембург. Пфлук-Гартунг будет тогда «представлен» британцам Волльвебером как патрон Абвера в Дании. Задетые за живое, датчане пойдут на арест Пфлука-Гартунга и трех десятков немецких агентов. Приятель Канариса нарвется на восемь лет тюрьмы. Аватин предотвратит множество попыток проникновения в ряды организации Волльвебера агентов СД и гестапо».

Третьим в списке значился норвежский моряк Мартин Хьельмен. Он обратил на себя внимание смелыми выступлениями против оппортунистов и примиренцев на конгрессе ИМПР, дельными предложениями по улучшению распространения антифашистской литературы путем выпуска специальных номеров газет, брошюр, листовок, создания библиотек в Интерклубах. Хорошо знавший его Кребс рассказывал Волльвеберу, что Мартин Хьельмен обладает военной подготовкой, способный организатор партячеек: «Он неоднократно бывал в Америке, свободно говорит по-английски. Работать вместе с таким человеком было легко и приятно, — отмечает Кребс. — Он был кристально честен. Будущее своей страны видел в тесном союзе с Советской Россией и прилагал к этому все усилия».

В Осло Волльвебер встретился с женой и несколько дней занимался обустройством семейной квартиры. Рангхильд помогла ему разыскать Хьельмена, который произвел на него самое благоприятное впечатление: «Он словно был создан для новой организации: сильный, атлетически сложенный, хорошо соображающий, уверенный в себе. К тому же независимый, свободный от всех житейских условностей, без жены, без детей, — вспоминал Эрнст. — Свои личные дела считал не столь важными. Философски относился к жизненным трудностям, воспринимая их реалистично как опытный моряк». Он без возражений согласился с изложенными правилами борьбы против гитлеровской Германии, в защиту Советского Союза. При обсуждении способов проведения специальных операций рекомендовал ему ознакомиться с книгой Ринтелена. В беседе выяснилось, что Хьельмен уже несколько месяцев не может устроиться на работу, испытывает нужду. Волльвебер выдал ему приличную сумму денег, заметив, что и в дальнейшем будет оказывать материальную поддержку, посоветовав официально зарегистрироваться безработным. Договорились, что его зоной ответственности будет Северная Атлантика: Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия. Обговорили условия связи, адреса нелегальных явок.

В одном из писем в Центр от 12 апреля 1938 года Эрнст дает такую характеристику Хьельмену: «Нильсен — друг, очень хорошо проверенный в связи с одной проводившейся «акцией». Он доказал личное мужество и точность при выполнении техниче-

ских заданий. Он обладает организаторскими способностями и может правильно подходить к людям. Толковый человек, и делает предложения относительно усовершенствования работы. Питает большой интерес к актуальным политическим вопросам, но его теоретические познания недостаточны. При своей инструкторской работе с другими друзьями он еще не имеет достаточной концентрации».

Справка из архива внешней разведки по делу «Нильсен» (он же «Оскар») от 7 июля 1942 года: «Хьельмен Мартин, возраст около 40 лет, по национальности норвежец, моряк, член НКП. Работал помощником Антона. Руководил 1-й группой резидентуры Антона. В его группу входил участок: Швеция, Северная Норвегия и Финляндия. В группу Нильсена входили:

1. Групповод Францен (Северная Норвегия).
2. Групповод Стен в Кируне (Швеция).
3. Групповод Геста в Гетеборге (Швеция).
4. Групповод Хемо в Финляндии.
5. Нильту — Северная Швеция, кузнец, работал на электростанции в Порьосе.
6. Бенгт и Эрик — в Стокгольме.

Друг друга не знали. Связаны были с Нильсеном в отдельности друг от друга.

7. Абиско — железнодорожный обходчик у границы Швеции и Норвегии.

Всего в ведении Нильсена находилось 22 человека.

Нильсен характеризуется мужественным и преданным товарищем. Провел удачную акцию на германском пароходе «Клаус Бегге», который вез военный груз в Испанию к Франко. Пароход затонул. Обладает организаторскими способностями. Знает шведский, норвежский, английский языки.

В начале 1940 года Нильсен использовался Антоном для подготовки выполнения специальных заданий в связи с советско-финской войной в качестве инструктора. Но неожиданно в это время был арестован шведской полицией (он по долгу работы проживал в предместьях Стокгольма, бывая часто в Осло) Арестован он был у себя на квартире. В момент ареста, у дома портного Торелла (курьерский адрес) находилось 10 полицейских и сам Торелл был арестован, но вскоре освобожден.

Как сообщил Антон, на Нильсена донес, очевидно, сторож дома, где проживал Торелл. День ареста Нильсена был днем массового ареста коммунистов. В мае 1940 года Тойво сообщил, что Нильсен получил одиннадцать с половиной месяцев тюрьмы, из них восемь месяцев принудительных работ, за отказ рассказать о себе и за фальшивый паспорт.

8. XI-1941 г. Кин (Б. А. Рыбкин, резидент в Швеции. — *Е. Г.*) сообщил, что несколько месяцев тому назад шведы выдали Нильсена немцам».

Справка от 10 июля 1947 года проясняет судьбу Нильсена: «В феврале 1940 года шведские власти проводили аресты коммунистов, в связи с чем был арестован и Нильсен. На следствии Нильсен никаких показаний о деятельности группы Антона не дал и был осужден шведским судом на 11,5 месяцев тюремного заключения «за хранение фальшивого паспорта». В ноябре 1941 года Кин сообщил из Стокгольма о том, что несколько месяцев назад шведы выдали Нильсена немцам. По сообщению уполномоченного МГБ СССР в Германии полковника тов. Чайковского от 16 июня 1947 года Нильсен был казнен немцами 30 мая 1944 года в Бранденбурге».

По делу Нильсена проходит Эрик в Стокгольме. На него есть справка от 7 июля 1942 года: «Андерсон Геста, швед, член ШКП, шведскоподданный, моряк. Сражался в Испании, где был в 1938 году завербован Каро и направлен в Швецию. Работал в резидентуре Антона под руководством Нильсена. Во время советско-финской войны был направлен Антоном руководителем группы в Швеции по выполнению 3-го пункта специального задания. Для инструктажа приезжал в Норвегию к Антону, откуда вскоре опять перебрался в Швецию. Им были лично завербованы: Свеа, Денни и Эриксон, а также с ним в Швеции были связаны прибывшие осенью 1940 г. из Норвегии Ханс и Рудольф».

По сообщению Кина от 31 октября 1941 года Эрик числился в списке арестованных по делу Антона.

В беседе с Нильсеном разговор зашел о немецких беженцах-коммунистах, вынужденных скрываться от преследования гестапо за границей. Оказалось, у него есть среди беженцев знакомые, в частности, он назвал члена правления ИМПР, коммуниста Карла Баргштедта. На уточняющий вопрос сообщил адрес его

проживания в доме немецкой супружеской пары Альфа и Ольги Ельтвиг.

Волльвебер хорошо знал Баргштедта по работе в ИМПР, Союзе красных фронтовиков и «Красной помощи». Его он также внес в список кандидатов в «специальную организацию». Зная, что за немецкими коммунистами в Норвегии ведется наблюдение со стороны местной полиции и ищеек гестапо, Эрнст попросил жену навестить Баргштедта по указанному адресу, передать ему привет и условия встречи в пригороде Осло.

Баргштедт был очень рад приезду Волльвебера. Сказал, что пытается создать здесь из немецких эмигрантов филиал «Красной помощи», надеется на его поддержку. Выслушав предложение о формировании «специальной организации» для борьбы с фашизмом, дал согласие «всеми силами содействовать этой священной борьбе». Готов выйти из членов КПГ, как того требуют правила, которыми руководствуется эта организация. Согласился сосредоточиться на проведении «специальных операций» против гитлеровской Германии в Скандинавских странах.

В архиве службы внешней разведки сохранились три справки на Баргштедта. Первая от 16 августа 1939 года:

«Справка на подрезидента 4-й группы Дору и его группу.

Дора — немец, 32 лет. Привлечен к работе в 1936 году Эрнстом. Мужественный, стойкий человек. Проверен на «акциях»:

25/II-1938 г. со своей группой в Роттердаме взорвал японский пароход «Таяма-Мару» (7000 тонн);

25/VI-1938 г. в Гетеборге (Швеция) вместе со своей группой взорвал германский пароход «Ферония».

В группу Доры входят:

1) Ханс — немец, матрос, с 1926 года член Германского комсомола, с 1930 года член Германской компартии. Посылался обследовать местоположения «воздушной трубы» завода «Лейна» в Германии. Был в Испании.

2) Рудольф — немец, коммунист, сражался в Испании. Мужественный человек. Был трижды ранен. Был послан в Рурский бассейн для обследования химических предприятий и завязывания там связей. Привлечен в Испании, в Интербригаде, в 1938 году.

3) Конрад — немец. Привлечен к работе в 1937 году. Эрнст уже дважды посылал его нелегально в Германию. Дважды закладывал поджигательные снаряды на польском пароходе «Стефан Баторий». Хладнокровен. Чистосердечная наружность и спокойствие помогают ему сравнительно легко переходить нелегально границы. Не имеет достаточно инициативы.

Группа Доры работает специально по немцам».

Вторая справка по делу «Дора» (он же Дитрих) от 7 июня 1941 года: «Баргштед Карл Маркс, немец, 1904 года рождения, член КПГ, работал в боевых группах компартии. В 1936 году привлечен к нашей работе группой Серебрянского. В последние годы работал в организации Антона по линии «Д» в Скандинавии, являясь руководителем небольшой группы, специально работавшей против Германии. В 1938 году группа Дитриха провела две удачные акции против японского и германского пароходов, в Голландии и Швеции.

Приход немцев в Норвегию, арест Антона и др. прервали работу этой организации. Дитрих, живя в Норвегии нелегально, по предложению Антона в апреле 1940 года вместе со своей женой нелегально ушел из Норвегии в Швецию, где был задержан и направлен в концлагерь вместе с другими политэмигрантами.

В ноябре 1940 года Дитрих обратился в наше консульство в Стокгольме за визой на въезд в СССР. Визы ему были выданы и он вместе с женой прибыл 17 февраля 1941 года в Москву. Жена Дитриха тоже немка, знает, что Дитрих занимается нелегальной работой и знает также некоторых людей их организации Антона.

По характеристике Антона, Дитрих — смелый и решительный человек, имеет опыт нелегальной работы и, в частности, по изготовлению документов, печатей и т. д. В этом отношении он использовался Антоном. С другой стороны Дитрих самомнителен и легкомысленно относится к конспирации.

Наблюдением за Дитрихом во время его пребывания в Москве выявлены моменты недовольства, брюзжания, а иногда антисоветских высказываний, связано это с нашим недоверием к нему. Подозрительных связей или иных действий за время наблюдения за ним не отмечено».

В конце этой справки следует примечание от 8 июля 1942 года: «В середине июня 1941 года Дитриха намеревались послать в Ригу для работы среди иноморяков, чтобы таким образом проверить его на практической работе и определить

наше отношение к нему. Санкция была дана. Однако отправка его не состоялась, так как на другой день после нападения Германии на Советский Союз Дитрих был вместе с женой нами арестован. В предъявленном ему обвинении (антисоветские высказывания, подозрительные по шпионажу связи) виновным себя не признал. Не признала себя виновной и его жена, обвинявшаяся также в антисоветских высказываниях и недоносительстве органам советской власти о подозрительных по шпионажу связях своего мужа. Следствие по их делу было закончено и в октябре 1941 года передано в прокуратуру СССР для направления по подсудности. Результаты судебного разбирательства и приговор в деле не отражены».

Третья короткая «Справка от 20.08.1941 г.: В связи с нападением гитлеровской Германии на нашу Родину Дитрих, как не внушающий доверия, был арестован и заключен под стражу».

Норвежский историк Ларс Боргерсруд в книге «Организация Волльвебера и Норвегия» так описывает дальнейшую судьбу Баргштедта и его жены: «Баргштедта обвиняли в шпионаже. Его допрашивали сначала на Лубянке, потом в Бутырке и, наконец, он оказался в тюрьме под Саратовом. Однако он стойко отрицал все обвинения, дважды объявлял голодовку. Добился улучшения условий тюремного содержания, переписки с женой. В мае 1942 года его доставили на Лубянку. Там его допрашивал один из генералов, руководивший «Организацией Волльвебера». Генерал выразил сожаление по поводу того, как с ним обращались, заявив, что ответственный отдел НКВД ничего не знал о его деятельности. Баргштедт узнал, что его жена умерла. Полностью расстроенный, он отказался дальше работать для НКВД. Во время войны находился в лагере интернированных. В 1947 году вместе с освобожденными военнопленными вернулся в Германию».

В конце 1936 года курьер передал Волльвеберу вызов Серебрянского на срочную встречу в Париж. По договоренности до срока в один год, отведенного на создание «спецорганизации», оставалось около пяти месяцев. Эрнст планировал за это время привлечь по списку еще 8–10 надежных соратников по антифашистской борьбе и только потом доложить о выполнении задания. Приобретенный опыт подсказывал, что неожиданный вызов связан не с получением от него отчета, а с обострившейся

международной обстановкой. Газеты, радио сообщали, что германские войска в нарушение Версальского договора вступили в Рейнскую зону, Италия напала на Эфиопию (Абиссинию). Народный комиссар иностранных дел СССР Литвинов заявил, что Германия и Италия преследуют захватнические цели, готовятся к нападению на Советский Союз. В Испании вспыхнул мятеж генерала Франко, которого немедленно поддержали в Берлине и Риме. Под предлогом охраны жизни и собственности германских граждан Гитлер отправил к берегам Испании две военные эскадры. В ноябре 1936 года Германия и Япония заключили антикоминтерновский пакт, договорившись информировать друг друга о деятельности Коминтерна, вести против него борьбу. Второй пункт пакта обязывал стороны принимать необходимые меры борьбы и «против тех, кто внутри или вне страны, прямо или косвенно действует в пользу Коммунистического Интернационала». В комментариях прессы отмечалось, что это соглашение направлено против России.

Анализируя эти тревожные события, Волльвебер понимал, что национал-социалистические структуры в Германии, Италии, Японии созданием фашистского интернационала последовательно готовятся противостоять Коминтерну, Советскому Союзу. Фактически их открытое столкновение происходило в Испании. Возглавивший мятеж генерал Франко обратился к правительствам Германии и Италии с просьбой оказать военную помощь. Гитлер и Муссолини направили в Марокко (резиденция Франко) 20 транспортных самолетов «Юнкерс-52», 12 бомбардировщиков «Савойя-81», 20 итальянских машин «Капрони», предназначенных для переброски на Пиренейский полуостров Иностранного легиона и Африканского корпуса мятежников. Активное содействие франкистам оказывало правительство Португалии. В Лиссабоне разместился главный штаб испанских мятежников. Здесь происходила открытая вербовка добровольцев, поступавших в войска Франко. Оружие и снаряжение для армии мятежников поступали из Германии и Италии через Португалию.

В первые месяцы мятежа вмешательство Москвы в испанские события ограничивалось указаниями руководства ИККИ для КПИ. Представителем Коминтерна в Испании в тот период был В. Кодовилья (Луис). В июле 1936 года секретариат ИККИ

направил ему директивные указания: «Настоятельно рекомендуем: 1) Концентрировать все на важнейшую задачу момента, т.е. на быстрое подавление и на окончательную ликвидацию фашистского мятежа, а не увлекаться планами, подлежащими осуществлению после победы. 2) Избегать всякие мероприятия, способные подорвать сплоченность народного фронта в борьбе против мятежников <...> 6) Считаем целесообразным сейчас, когда необходимо сплотить для подавления мятежа все силы как народной милиции, так и верных республике воинских частей, ставить вопрос о замене регулярной армии народной милицией, тем более что в нынешних боях выковывается новая республиканская армия... Всячески привлекайте лояльных офицеров-республиканцев на сторону народа и добивайтесь перехода частей мятежников на сторону народного фронта».

В августе 1936 года в Испанию прибыли сотрудники советского посольства во главе с М. Розенбергом (посол), генеральным консулом в Барселоне В. Антоновым-Овсеенко, торгпредом А. Сташевским. Двое последних ранее имели непосредственное отношения к деятельности Коминтерна по организации мировых революций. Вместе с ними приехали главный военный советник по линии военной разведки Я. Берзин, работавший в Испании под фамилией Гришин, военный советник КПИ по линии Коминтерна М. Штерн (Клебер), руководителем аппарата НКВД в Испании решением Политбюро ЦК ВКП(б) был назначен опытный разведчик А. Орлов, его заместителем — Наум Эйтингон (генерал Котов). Они активно занялись переброской в Испанию добровольцев для интернациональных бригад. С октября 1936 по конец 1937 года было сформировано семь интербригад. По разным оценкам, на стороне республиканцев воевали 30–35 тысяч иностранных добровольцев. В числе наиболее известных командиров бригад и дивизий республиканской армии были генерал Клебер (Штерн), генерал Вальтер (Сверчевский), генерал Лукач (Залка). Менее известны генерал Юлиус Дейч, генерал Вацлав Комар, генерал А. И. Родимцев, воевавший в 11-й бригаде, командовал которой коммунист-немец Ханс Кале.

В мемуарах «Под небом Испании» Александр Ильич Родимцев вспоминает день прибытия в Испанию через Францию: «В Париже мне вручили удостоверение личности и предупреди-

ли, что на пути в Барселону меня встретят и скажут, что делать. Взял документ, положил во внутренний карман пиджака, а в голове все крутилась мысль: «Как же меня найдет встречающий, если мы никогда не видели друг друга». Но вслух этот вопрос я постеснялся задать.

В поезде «Париж–Барселона» ко мне подошел веселый и жизнерадостный человек:

— Путешествуем?

— Да, решил съездить на корриду, — как можно беспечнее ответил я.

— Стоящее дело, — деловито одобрил незнакомец.

— А вы?

— Хочу закупить партию апельсинов.

За спиной медленно прошел полицейский, внимательным взглядом прощупывая пассажиров. Незнакомец заметно оживился, принялся рассказывать о ценах на фрукты.

Общительный попутчик заразительно смеялся и все время шутил. В памяти он держал нескончаемый запас анекдотов, небылиц и рассказывал их с упоением. Потом, когда мы остались вдвоем, он сразу стал серьезным, задвинул дверь купе и тихо произнес:

— Будем знакомы — Петрович Кирилл Афанасьевич. В Испании, Павлито, станем работать вместе. Задание будешь получать от меня.

Он назвал пароль.

— А как же с закупкой апельсинов? — пошутил я.

— Да ведь и тебе вряд ли придется прохлаждаться на корриде.

Много позже я узнал, что энергичный Петрович был не кто иной, как К. А. Мерецков, ныне маршал Советского Союза...

В Альбасете поселили меня в местной гостинице. На всех этажах ее слышалась разноголосая речь. В гостинице жили англичане и французы, поляки и румыны, болгары и немцы, венгры и чехи... Особенно много было украинцев... Была даже сформирована украинская рота имени Тараса Шевченко. Многие из них знали испанский язык и работали переводчиками. Необходимость конспирации скрыла от нас их истинные имена».

В течение всего периода войны интербригады и наши контрразведчики вели ожесточенную, порой кровопролитную борь-

бу с агентурой франкистских спецслужб, получившей название «пятой колонны». Этот термин, рожденный во время испанской гражданской войны, прочно закрепился как нарицательное понятие и стал международным. В советской мемуарной литературе наиболее полное освещение получила практика применения против мятежников методов партизанских действий. Сама идея разведывательно-диверсионной деятельности во франкистском тылу пришла из Советского Союза и претворялась в жизнь испанскими партнерами при активной помощи и непосредственным участии сотрудников НКВД СССР.

Серебрянский встретил Волльвебера радушно, выдал ему крупную сумму денег, отметив, что и в дальнейшем будет финансировать его разведывательную деятельность. Высоко отозвался о результатах формирования «спецорганизации», одобрив планы по привлечению в ее ряды новых антифашистов. Потом, сделав паузу, сказал, что сейчас на передний план выходит борьба с фашистскими мятежниками в Испании, их пособниками в Германии, Италии, Японии. Подчеркнул, что решение об оказании военной помощи республиканцам в Испании, противодействии Гитлеру и Муссолини, поддерживающих фашистов Франко, принято на высшем уровне Сталиным. Коминтерн занимается созданием интернациональных бригад как формой организационного участия иностранных добровольцев-антифашистов в защиту испанских республиканцев. В связи с этими установками перед организацией Волльвебера ставятся следующие задания:

— нарушение морских перевозок, железнодорожного, автомобильного транспорта, используемых Германией, Италией, Японией для поставок оружия, боеприпасов, военной техники мятежникам Франко;

— разрушение линий связи на железных, шоссейных, грунтовых дорогах, морских маршрутах; узлов связи, электростанций и других объектов;

— вывод из строя военных кораблей, судов торгового флота, снабжающих фашистов в Испании оружием, продовольствием, ГСМ, прочим имуществом;

— сбор сведений о дислокации, численном составе, вооружении войсковых соединений, судов ВМФ Германии, Италии, Японии; местах их расположения, планах нападения на СССР.

Серебрянский передал Эрнсту для ознакомления разосланное Коминтерном компартиям циркулярное послание «Решения Секретариата ИККИ о кампании в защиту Испании» от 11 октября 1936 года, предусматривающее проведение пропагандистских мероприятий: «Созвать в Париже Всеевропейскую женскую конференцию для организации практической помощи испанским детям и женщинам. Эта конференция должна носить как можно более широкий характер, причем инициатива должна исходить от представителей Мирового женского комитета, Женской лиги борьбы за мир и свободу, Женского комитета по разоружению, женских кооперативных организаций и, по возможности, от женских христианских организаций и от таких лиц, как Малатер-Селье, Корбет-Эшби, Анна Линдхаген, Эллен Хэруп, г-жа Рагац и др.

Организовать посылку резолюций, телеграмм и делегаций из важнейших стран Лиге Наций, Лондонскому комитету с требованием пересмотра политики невмешательства в дела Испании на основе нарушения нейтралитета Гитлером, Муссолини и Португалией, выступающими против испанского правительства. В особенности мобилизовать общественное мнение Англии...

Созвать профсоюзную комиссию Брюссельского конгресса мира при содействии Жуо (лидер Всеобщей конфедерации труда Франции. — *Е. Г.*) и Мартенса и по договоренности с лордом Сесилем, дабы организовать прекращение перевозок для испанских мятежников, выдвинуть требования о свободе перевозок для испанского правительства...

Опубликовать на нескольких языках «Красную Книгу» о злодеяниях испанских фашистов».

Получив задание, Эрнст, не мешкая, выехал в Роттердам на встречу с Шаапом. В его голове вертелась одна мысль, одна забота — всеми силами, любой ценой во что бы то ни стало выполнить задание Сталина, не допустить промаха. Прежде всего надо было обсудить методы саботажа, срыва морских перевозок; наметить конкретные «объекты нападения» — пароходы, доставляющие оружие, продовольствие испанским фашистам; определить, подготовить матросов, портовых рабочих, способных осуществить диверсию.

Шаап оказался дельным помощником, предложив такие способы вывода судов из строя: подсыпка песка в смазочные материалы, особенно в подшипники гребных винтов, детали лебедок, погрузочных кранов; повреждение компаса и секстанты; заливка раствора цемента в моторы, помпы; устройство поджогов путем подлива в уголь воды, нефти, в результате чего в угольных ямах возникнет пожар. Таким путем пароход можно вывести из строя на 2–3 суток. Нанести же невосполнимый ущерб или потопить судно в море не так-то просто. Для этого потребуется специально изготовленная взрывчатка: бомба или мина с химическим взрывателем и часовым механизмом, которая скрытно проносится на борт и прячется в трюме или другом укромном месте кормы ближе к гребному винту.

Шаапу с его группой было поручено собрать сведения о немецких, итальянских, польских, японских судах, прибывающих в порты Бельгии, Дании, Голландии, обратив особое внимание на транспорт, перевозящий грузы испанским фашистам. Подготовить на одном из них диверсионную операцию.

Волльвебер вспомнил, что Баргштед говорил о некотором опыте изготовления документов, печатей, взрывных устройств. В беседе с ним выяснилось, что для выработки бомбы потребуются химические зажигательные вещества, смесь пороха с углем, серой и селитрой, а также динамит, бикфордов шнур. Эрнст поручил ему подобрать укромное, безопасное место для мастерской или лаборатории по изготовлению взрывчатых веществ, приобрести в открытой продаже нужные химикалии, механизмы, чтобы все было готово для создания взрывчатки.

На встрече с Хьельменом обсуждалась сложная проблема, где добыть динамит. Рассматривались разные варианты: приобретение на черном рынке, что связано с серьезным риском, поскольку придется иметь дело с преступниками; поиск единомышленников, работающих на заводах военно-промышленного комплекса, а это займет много времени и не гарантирует успех. Перебрали матросов, портовых рабочих ИМПР, боевых товарищей СКФ, отрядов самообороны, которых можно было бы задействовать в решении этой проблемы. И тут Хьельмен вспомнил знакомого моряка Барли Петтерсена, который трудился в порту Нарвика, входил в руководство норвежской федерации работников транс-

порта. Он рассказывал, что через нарвикский порт поступает в Германию шведская руда из рудников в Кируне и Лулео, в том числе динамит из какого-то горнорудного предприятия. Этот вариант Эрнсту показался перспективным, и Хьельмен отправился в Нарвик для выяснения реальных возможностей приобретения динамита там.

Узнав суть дела, Петтерсен согласился содействовать решению возникшей проблемы. Он предложил Хьельмену отправиться в Кирун для встречи со знакомым местным руководителем парторганизации шведской компартии Готхильдом Ергеном, посоветоваться с ним. Ерген рекомендовал двух коммунистов, работающих на рудниках:

— Ниберг Юхан Эдвард (псевдоним Стен), электрик, слесарь-крановщих на горнорудном предприятии АКАБ;

— Седер Густав Антон, горнорабочий рудника в Лулео.

Знакомство и беседа с ними произвели на Хьельмена положительное впечатление. Оба дали согласие содействовать поставкам руды и динамите воющим против фашистов республиканцам в Испании. Под такой легендой с ними налаживалось сотрудничество. Ниберга и Седера обучили владению шифровальной перепиской, дали адреса нелегальных явок и способы курьерской связи в Осло.

По предложению Хьельмана между участниками группы были распределены функциональные обязанности: Петеррсон (Франс) — координатор и ответственный за доставку «материала» из Кируна в Нарвик; Седер — добывает и доставляет из Кируна в порт Лулео; Ниберг — главный добытчик динамита и изготовитель взрывчатки. Позднее к шведской группе присоединятся: Андерсен Геста (Эрик), воевавший на стороне республиканцев в Испании; Ристо Карл Эйнар, боец испанских интербригад. Оба имели опыт диверсионных операций подрыва мостов, железнодорожных путей франкистов. Руководил группой Хьельмен. Он создал три опорных пункта в Норвегии — Осло, Берген, Нарвик; и четыре в Швеции — Гетеборг, Стокгольм, Кирун, Лулео.

К апрелю 1937 года шведско-норвежская сеть диверсионных групп была готова к действию. Ее участниками только в 1937–1938 годах добыто для нужд «Лиги Волльвебера» 150 кг динамита, один Франс перевез 60 кг. Особенно важную роль играл

Стен, оказавшийся талантливым изобретателем поджигательных и взрывных бомб. Изготовленная им магнитная мина, крепившая на борту судна, так понравилась Волльвеберу, что он ласково окрестил ее «люлькой».

В августе 1937 года в Берлине по инициативе Гиммлера была созвана конференция руководителей полиции Бельгии, Болгарии, Бразилии, Венгрии, Греции, Италии, Нидерландов, Польши, Португалии, Финляндии, Швейцарии, Швеции, Югославии, Японии. Обсуждение проходило в обстановке строгой секретности. Основная цель форума состояла в налаживании сотрудничества в борьбе против коммунистов и Коминтерна. С докладом выступил начальник службы безопасности (СД) Гейдрих. СД и гестапо брали на себя руководство этой борьбой. По поручению Гиммлера и Гейдриха МИД Германии разослал в свои посольства циркулярное указание, предписывающее передать послания руководителям органов безопасности Англии, Дании, Египта, Латвии, Литвы, Испании, Норвегии, Швеции, Эстонии, всех латиноамериканских государств, за исключением Мексики, с предложением присоединиться к борьбе с коммунизмом и большевизмом.

Решив проблему с получением взрывчатки, группа приступила к выполнению задания. 17 марта 1938 года из Гамбурга в Осло прибыло торговое судно «Клаус Беге», принадлежащее немецкой пароходной кампании «Блюменталь». Агенты Волльвебера установили, что оно направляется в Испанию с грузом военной техники для генерала Франко. В норвежской столице капитан судна решил пополнить запасы угля. Стараниями Нильсена, разработавшего диверсионную операцию, в команду портовых рабочих, загружавших топливо, были внедрены его агенты и он сам. Во время погрузки на борт судна удалось занести две бомбы, одну из них Нильсен пронес лично, спрятав в трюме.

Как рассказывают очевидцы, во время погрузочных работ по радио передали сообщение об «аншлюсе Австрии с Германией», что вызвало среди портовых рабочих раздраженный ропот. Один из них, вскинув руку, направил ее на висевший портрет Гитлера, словно хотел в него выстрелить. Когда судно отчаливало, норвежские моряки и рабочие дружной командой подняли вслед ему сжатые в кулак руки и громко прокричали «Рот фронт!»

В результате мощного взрыва «Клаус Беге» затонул в Северном море. Капитан не захотел покидать свой мостик и погиб вместе с судном, часть команды спаслась. Эта диверсия вызвала гнев руководителей нацистских спецслужб Гейдриха, Канариса, Шелленберга. Гейдрих, находившийся в это время в Австрии, извещенный о гибели судна телеграммой Канариса, отдал приказ разоблачить и уничтожить Волльвебера как врага Рейха.

21 марта в Осло по адресу Карл Иохансгате, 111 на имя Элли Йонсон из Гетеборга пришла почтовая открытка с видом морской школы на фоне фьордов с надписью: «Продукты очень подорожали, покупают только богатые. Передаю привет». Для Волльвебера это был условный сигнал об успешной диверсии против судна «Клаус Беге». Если бы акция не удалась, пришла бы открытка с видом на церковь. Почту отправила курьер по связи Ольга Ельтвиг.

В группу сопротивления в Осло в это время входили Освальд Абрахамсон, Айнер Мартинсон, Харальд Братен, Анкер Торсунд. Все они работали в порту. Во главе группы стоял Нильсен. Оценивая подготовку и проведение этой диверсионной операции, Эрнст в письме в Центр отмечает: «Пример выдержки показал Нильсен, который для того, чтобы наладить на нужном месте снаряд в трюме германского парохода «Клаус Беге», пробыл в трюме около получаса. «Клаус Беге», груженый снарядами и шедший из Германии в Испанию к Франко, взорвался затем в пути и потонул».

Вскоре Волльвебер через курьера получил донесение Шаапа о том, что его группа готовит диверсию против итальянского парохода «Боккачо» в порту Антверпена. Судно довольно большое, водоизмещением более 3000 брт., соответственно, требуется более мощная взрывчатка. Эрнст выехал в порт, чтобы на месте обсудить все детали операции. Шаап сообщил, что в акции планируется задействовать пять портовых рабочих — это Шоккерт Луис, Мастбоом Жан, Веркаммен Гуммер, Дилтьен Чарлс, Родригес Герард. Все они проверены как убежденные антифашисты, выступающих в поддержку воюющих республиканцев в Испании против мятежников Франко. Взрывчатку на борт пронесет Шоккерт. Доверяя Шаапу, Волльвебер одобрил проведение диверсии, передав ему новую, изготовленную Стеном мину таким

образом, чтобы взрыв произошел только через несколько дней после отплытия. 18 ноября 1937 года пароход «Боккачо» затонул в результате взрыва. При этом погиб итальянский морской офицер. Поскольку судно уходило под воду медленно, экипаж смог спастись.

Налаженная Волльвебером оперативная система связи, добычи и изготовления взрывчатки, подбора агентов, распределения обязанностей между руководителями групп в опорных пунктах приносила свои плоды. Только в 1938 году «Лига Волльвебера» осуществила четырнадцать акций саботажа и диверсий против судов стран «Антикоминтерновского пакта» и их союзников. 6 ноября 1937 года к пакту присоединилась Италия, 24 февраля 1939 года — Венгрия, 27 марта 1939 года — франкистская Испания.

В числе наиболее значимых диверсионных операций были:

25 февраля 1938 года группой Дора в Роттердаме взорван японский пароход «Таяма-Мару» (7000 тонн);

17 марта группой Нильсена взорвано немецкое грузовое судно «Клаус Беге»;

28 марта взрыв бомбы на немецком пароходе «Саар» в Ревеле;

9 апреля взрыв и пожар на польском судне «Стефан Баторий», следовавшем с грузом военной техники для Франко, затонул в Северном море;

13 мая взрыв и пожар на немецком пароходе «Норденей» в Гамбурге;

22 мая диверсионный взрывы на испанских, принадлежащих Франко траулерах «Сирцо» и «Абрего» в датском порту Фредерихсхафен;

23 июня поджог на немецком пароходе «Хестия», прибывший с грузом для Франко в испанский порт Пасаргес;

25 июня группой Дора взорван немецкий пароход «Ферония» в Кильском канале;

30 июня взрыв бомбы на итальянском судне «Авентино» в Средиземном море;

24 июля взорван японский пароход «Касии-Мару» в проливе Ла-Манш;

7 августа поджог на немецком судне «Релиансе» в гавани Гамбурга;

22 сентября взрыв бомбы на немецком пароходе «Фила» в Кенигсберге;

Осенью 1938 года взрыв мины на немецком пароходе «Дойчланд» в Ньюфаундленде (США);

4 ноября взрыв мины на борту немецкого судна «Ванкувер» в заливе Окленда вблизи Сан-Франциско (США).

Знаменитый разведчик, занимавшийся тайными операциями за рубежом, Павел Судоплатов, контролировавший нелегальную разведывательно-диверсионную деятельность организации Волльвебера, вспоминает: «По пути, отправляясь на встречу с Коновальцем, я проверил работу сети наших нелегалов в Норвегии, в задачу которых входила подготовка диверсий на морских судах Германии и Японии, базировавшихся в Европе и используемых для поставок оружия и сырья режиму Франко в Испании. Возглавлял эту сеть Эрнст Волльвебер, известный мне в то время под кодовым именем Антон. Под его началом находилась, в частности, группа поляков, которые обладали опытом работы на шахтах со взрывчаткой. Эти люди ранее эмигрировали во Францию и Бельгию из-за безработицы в Польше, где мы и привлекли их к сотрудничеству для участия в диверсиях на случай войны. Мне было приказано провести проверку польских подрывников. Волльвебер почти не говорил по-польски, однако мой западноукраинский диалект был вполне достаточен для общения с нашими людьми. С группой из пяти польских агентов мы встретились в норвежском порту Берген. Я заслушал отчет об операции на польском грузовом судне «Стефан Баторий», следовавшем в Испанию с партией стратегических материалов для Франко. До места своего назначения оно так и не дошло, затонув в Северном море после возникшего в его трюме пожара в результате взрыва подложенной нашими людьми бомбы».

Конечно, случались и срывы. Так, попытка пронести взрывчатку на голландский пароход «Вестплейн» в августе 1937 года в порту Роттердама не удалась. Полиция обыскала агента, обнаружила в его мешке зажигательные патроны. На допросе он находчиво и убедительно объяснил наличие найденных веществ и был отпущен. В сентябре 1937 года была заложена бомба на борт итальянского судна «Альфредо Орани», но она не взорвалась. В июне 1938 года заложенную взрывчатку на итальянском паро-

ходе «Фельке» обнаружили и обезвредили. Это были досадные промахи, но на них учились, извлекали полезный опыт.

В июле 1938 года в Копенгаген прибыла группа сотрудников гестапо для расследования 12 дел терактов на немецких, итальянских, испанских судах. В портфеле у них лежали досье и фото на подозреваемых лиц, в том числе Волльвебера. Группу возглавлял руководитель гамбургского отделения гестапо Бруно Шрекенбах и его заместитель Хеллер. В расследовании диверсии на судне «Стефан Баторий» полиция вышла на след шведского моряка Августа Айнера Карлсона, фамилия которого стояла в списке пассажиров парохода. По запросу бельгийской полиции делом Карлсона в Швеции занималась полиция Стокгольма, в Норвегии — полицейская группа РОТ. Шведская полиция установила, что Карлсон прибыл в Стокгольм 2 февраля 1938 года из финского города Турку. На соответствующий запрос шведов финские сыщики сообщили, что Карлсон им неизвестен. Дальнейшие поиски показали, что подозреваемый из Стокгольма выехал в Осло, откуда отправился в Испанию с группой добровольцев. В газете «Дагбладет» было обнаружено фото, запечатлевшее отправку добровольцев. На фотоснимке был опознан и Карлсон.

В 1938 году гестапо удалось внедрить в среду портовых рабочих и моряков в Дании и Швеции трех агентов под псевдонимами Ги-22, Хайн, Шютц. Агенту Ги-22 удалось собрать сведения, свидетельствующие о хорошо организованной группе сопротивления, действующей под прикрытием ИМПР в Дании, Норвегии, Финляндии, Ленинграде и Риге. Ему удалось также установить контакт с Рихардом Енсеном, но последнему поведение Ги-22 показалось подозрительным и связь с ним была прекращена.

7 декабря 1938 года шведской полиции удалось, наконец, арестовать Карлсона, который вернулся на родину из Испании. Он был препровожден в Копенгаген для допроса. Карлсон категорически отрицал свою причастность к организации взрывов на судах. У полиции не нашлось доказательств для его обвинения. 22 декабря он был освобожден и выслан в Швецию.

В руководстве обширной агентурной сетью, охватывающей десятки стран и портовых городов, Волльвебер строго придерживался оговоренных принципов: организацию разделил на мелкие группы, выполнявшие задания независимо друг от друга; связь с ним поддерживали только руководители. Главные опорные пункты находились в важных, крупных портах: Гамбург и Бремен (Германия), Роттердам и Амстердам (Голландия), Антверпен (Бельгия), Копенгаген (Дания), Осло и Нарвик (Норвегия), Ревель (Эстония), Рига (Латвия). В ключевых опорных пунктах назначил руководителей групп по странам: Фред — Бельгия, Голландия, Северная Германия; Нильсен — Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия; Аватин — Латвия, Эстонии, порты стран Балтийского моря; Дитрих — Германия, Польша. Эрнст старался, чтобы его организация обладала определенной автономностью, независимостью от других подпольных группировок. Один из его соратников Игнац Мюллер писал: «Мы располагали большим количеством фальшивых паспортов, которые сначала изготовлялись в Париже. Когда численность группы возросла, я сам стал делать документы для людей, которые работали под моим командованием. При этом всего лишь двое были посвящены в дело. На наших встречах, как правило, присутствовало не более двух-трех человек: шеф, человек, которого он хотел видеть лично, и я сам. Я получал указания лично от Волльвебера, и иногда приходилось совершать длинные поездки, чтобы встретиться с ним. Место наших встреч зависело от погоды, в хорошие дни мы часами бродили по пригородам, встречались на экскурсиях и т. д. Обычно я ограничивался устными докладами, потому что мы избегали применять бумагу и чернила, насколько это было возможно. Шеф все держал в памяти. Все мои агенты, специалисты в той или иной области, зарекомендовали себя отважными людьми во время испанской гражданской войны. Очень часто я сталкивался с проблемой, как сделать так, чтобы эти простые рабочие во время их опасных миссий выглядели как благополучные и хорошо образованные обыватели.

Часто приходилось ездить в Германию для наблюдений и за информацией, и наши поездки планировались особенно тщательно. Мы должны были посылать почтовые открытки по определенному адресу в Дании из каждого города, где бывали. Если открытка не приходила в назначенное время, то это означало, что с членом группы что-то случилось и вместо него

следует послать другого. Предположим нужно поехать в Германию из Норвегии. Сначала мы посылали нашего человека в Данию, чтобы он получил там фальшивый швейцарский паспорт и другие бумаги, которые свидетельствовали бы о том, что он едет домой из Норвегии и должен проследовать через Данию и Германию. Во время «транзита» через Германию он задерживался, чтобы выполнить поручение (например, связаться с определенным судном в гавани), а уж потом продвигаться к французской или швейцарской границе. Если он попадал под наблюдение или его личность была установлена полицией, он должен был послать почтовую открытку, содержание которой оговаривалось заранее».

Волльвебер постоянно заботился не только о конспирации, но и пополнении организации новыми, надежными агентами. В частности, он присматривался к добровольцам интербригад, которые после поражения республиканцев возвращались из Испании на родину. Они имели боевую закалку, опыт проведения диверсионных операций. На одной из встреч в клубе моряков он познакомился с добровольцем, моряком Асбьорном Сунде. В беседе он охотно рассказывал о бойцах интербригад, в том числе из России, с которыми приходилось служить. Их стойкости, отваге в борьбе с фашистскими мятежниками. Эрнсту он понравился коммунистическими, антифашистскими убеждениями, энергичным, боевым характером. Сунде без колебаний согласился бороться против гитлеровской Германии.

Справка из архива внешней разведки от 12 октября 1943 года: Освальд — Сунде Асбьорн Эрвин, 1909 года рождения, уроженец г. Викна (Норвегия), норвежец, моряк, член компартии Норвегии.

Завербован в 1938 году в Испании во время службы там в интернациональной бригаде. Позднее был переброшен в Норвегию для организации диверсионных актов против немецких судов. Состоял в резидентуре Антона и руководил группой в 13 человек.

После оккупации Норвегии немцами развернул активную работу по диверсии. Произвел ряд акций, к числу которых принадлежит взрыв дома полиции в Осло. После этой диверсии за поимку Освальда объявили награду в 100 000 крон. Освальд проживал на нелегальном положении.

В сентябре с. г. установлена связь с Освальдом. Ему переданы шифр, рация и условия работы на рации для установления прямой связи с нами».

Освальд привлек к сотрудничеству боевых товарищей по службе в испанских интербригадах: норвежцев — Иоханес Петер Бруун, Райдар Кристоферсен из города Ейкер; Ерлинг Еванг из Осло, Норман Иверсен из г. Берген; немцев, вернувшихся из Испании в Норвегию, — Рольф Хагге, Адольф Байер. Все они войдут в руководимую им группу как составная часть «Лиги Волльвебера».

В 30–40-е годы прошлого века основным мотивом сотрудничества со спецслужбами являлся антифашизм. Люди разных национальностей, в том числе немцы, охотно шли на вербовку за идею борьбы с гитлеровской Германией. На антифашистской основе был привлечен к сотрудничеству подданный Дании Альберт Хансен.

Справка из архива внешней разведки от 22 декабря 1941 года: Карэн — Альберт Хансен, возраст около 35 лет, датчанин, член ДКП, подданный Дании, кроме датского знает немецкий и английский языки. Работал в организации Антона, имел в Копенгагене группу в восемь человек. Карэн характеризуется как хороший организатор, довольно быстро ориентируется в любой обстановке.

В 1938 году провел удачную акцию в порту Фридрихсхафен, за что был арестован и приговорен к трем годам. На суде вел себя хорошо. Свой поступок объяснил ненавистью к Франко, отрицая свою связь с компартией и еще кем-либо. Выпущен ли Карэн на свободу и где он находится сейчас — неизвестно».

Касательно «удачной акции в порту Фридрихсхафен», речь идет о диверсионных акциях Карэна на испанских траулерах «Сирцо» и «Абрего», принадлежащих генералу Франко. По сведениям автора книги «Организация Волльвебера и Норвегия» Ларса Боргерсруда, 7 июля 1941 года городской суд Копенгагена приговорил Альберта Хансена к десяти годам тюрьмы.

В 1938 году агентурная сеть Волльвебера была уже полностью сформирована и стала совершенно самостоятельной. В этот период он еще поддерживал связь с нашей парижской резидентурой, снабжавшей его поддельными документами, взрывчаткой,

материальными средствами. Но после ареста Серебрянского прервал эти контакты, считая их опасными. Он продолжал честно выполнять задание, поставленное «Яшей», считай Сталиным, но докладывать о результатах было некому. По опыту знал, что советские товарищи рано или поздно выйдут на него. Так и случилось.

Известная разведчица, начальник немецкого отдела советской внешней разведки Зоя Ивановна Рыбкина рассказывает, как восстанавливала связь с Волльвебером: «Когда Гитлер пришел к власти, Антон вынужден был выехать в Норвегию. Здесь мы и восстановили с ним связь.

Шел 1938 год. Понадобилось снабдить группу Антона новыми паспортами, шифрами, деньгами, инструкциями. В Норвегии в то время резидентуры у нас не было, и мне поручили поехать к Антону. В случае опасности я обязана была уничтожить паспорта и шифры и найти возможность передать ему деньги.

Я была тогда представителем советского «Интуриста» в Финляндии (заместитель резидента советской внешней разведки в Хельсинки. — *Е. Г.*). Поехала в Норвегию через Швецию, куда добиралась пароходом, а оттуда поездом в Осло. Поезд пришел рано утром. Я направилась в гостиницу. У дежурного администратора заполнила бланк, уплатила за номер. Было часов семь утра. Для того чтобы вызвать Антона на встречу, я должна была посетить зубного врача и просить его сделать «шесть золотых коронок на верхней челюсти». Таков был своего рода пароль для вызова Антона.

Врач принимал с десяти утра. Я решила передохнуть, заперла комнату, надела халат и прилегла. В девятом часу раздался стук в дверь. Слышу за дверью топот ног, видимо, несколько человек.

— Кто там? — спросила я по-немецки.

— Директор гостиницы, мадам, откройте, пожалуйста.

— Я отдыхаю, прошу зайти часов в десять.

Шаги отдаляются. Приход нежданных гостей меня насторожил. Нам было известно, что в Норвегии гестапо действует активно и создало там «пятую колонну». Если приход в гостиницу дело их рук, следует немедленно сжечь шифры, а паспорта разрезать на мелкие куски и спустить в унитаз. Но это значит надолго затормозить работу группы Антона и ее связь с Москвой.

Села в кресло и стала соображать, что же делать. Несколько раз сжимала пачку тоненьких листков шифров, но не набралась духа разорвать их. Кроме того, у меня в сумочке, если не ошибаюсь, было шесть паспортов. В них спасение для группы Антона. Нет, встречу с Антоном срывать нельзя. Засовываю паспорта за «грацию», в левой руке сжимаю шифр, готовясь в случае чего сжевать его и проглотить. Нарушу данную мне инструкцию? Да, нарушу. Но любым путем надо передать Антону тайную ношу, которую запрятала на себе.

Около десяти часов я стала у двери с сумочкой в руке, решив никого к себе в номер не впускать и вести диалог в коридоре. Ровно в десять стук. Я мгновенно распахиваю дверь и перешагиваю через порог в коридор.

— Мадам, разрешите зайти.

Передо мной трое мужчин. Один из них отвернул лацкан пиджака, и я увидела на нем какой-то металлический знак. «Из полиции», — поняла я. Он сделал движение, как бы подталкивая меня обратно в номер, но я стала нарочито громко, почти истерически кричать:

— Ни в одном цивилизованном государстве, ни в одной гостинице я не встречала такого приема. Вам известно, я директор «Интуриста» в Финляндии, и мы в наших отелях в Москве не нарушаем покоя и оказываем приезжим гостеприимство.

Двери гостиничных номеров, вижу, открываются, вокруг нас собираются люди. Рассерженная, оскорбленная, я громогласно заявила, что ни одной минуты не останусь в этой гостинице и с первым же поездом уезжаю обратно.

— Подайте мне чемодан, — потребовала я.

Директор отеля пытался уладить конфликт, просил остаться, зайти к нему, и он объяснит, что никаких злых умыслов здесь нет.

Я взяла свой маленький чемоданчик, сердито сказала: «Адье, господа» — и спустилась вниз. У подъезда стоянка такси. Я села в первое попавшееся и нарочито громко, чтобы слышал швейцар, приказала:

— На вокзал!

Машина тронулась. Когда мы свернули на другую улицу, я попросила шофера подвезти меня к магазину на углу проспек-

та. Из магазина вышла на другую улицу, поймала такси и назвала другой крупный магазин, где — я это знала — был тоже выход на две улицы.

Убедившись, что «хвоста» нет, поехала к зубному врачу. В приемной сидела женщина, у которой только что удалили зуб, и врач пригласил меня к себе в кабинет. Я удобно уселась в зубоврачебное кресло и произнесла условную фразу:

— Шесть золотых коронок на передние зубы.

Доктор глянул на мои бело-блестящие, без единого изъяна зубы, все понял, широко улыбнулся и сказал: «Будет сделано». Это означало, что через час мы встретимся с Антоном на Холменколен, в живописном пригороде Осло.

Я вышла на улицу, убедилась, что слежки нет, на минутку забрела в кафе, съела пару бутербродов с лососиной и ветчиной, выпила чашку кофе и пошла «проверяться». Все было спокойно. На одной из тропинок Холменколен еще издали увидела Антона. Он смотрел на часы и с беспокойством озирался вокруг. Я пришла на место встречи с опозданием на одну минуту.

Антон, увидев позади меня какого-то прохожего, взял меня под руку и увлек в лес.

— Изобразим влюбленную парочку.

Мы уселись на пеньки. Он очень тщательно прочитал шифр, пролистал паспорта, поворчал, что одному из членов группы прибавили возраст на три года, поставили вместо «24 года» «27 лет».

— Узнаю русское «авось». Сойдет, мол. Ты мне скажи, как вы готовитесь к войне с Германией? Или все еще исповедуете заповедь «Чужой земли не хотим, но ни пяди своей никому не отдадим»?..

— Милый Антон, ты мне не нравишься, желчный, раздражительный. Я таким тебя не знаю.

— Признаюсь, я болен, у меня Horbes soster, опоясывающий лишай.

— Лекарство есть?

— Вот оно, лучшее лекарство, — похлопал он по паспортам. — Ребята примутся за дело, и я сумею за пару деньков полежать. У нас все готово к операции. Будем хоронить немецкий транспорт с оружием для Франко... Скажи в Москве, чтобы

на честность фюрера не рассчитывали. Я подготовил здесь письменный отчет о работе группы и финансовых расходах.

Антон вручил мне коробку игральных карт. В ней вместо карт была вложена его докладная записка. Я ее прочитала, записала содержание своим кодом в блокнот и объяснила ему, в какой обстановке я оказалась и что меня может ожидать. Отчет посоветовала немедленно сжечь.

Со свойственной ему прямотой Антон спросил:

— Ты уверена, что не притащила за собой «хвост»?

— Наверняка нет, — ответила я.

Его интересовало положение в нашей стране, в партии. Он очень неодобрительно отозвался о чинимых у нас репрессиях, сказал, что он этого не понимает и воспринимает как «массовый террор против ленинцев». Признаюсь, я не располагала аргументированными возражениями, хотя мы с мужем часто на эту тему говорили, сами не понимая, откуда вдруг в нашей партии оказалось столько врагов. Я так ему и сказала.

...Антон стал свидетелем оккупации Норвегии фашистской Германией. Его группа провела крупную акцию: потопила несколько военных немецких кораблей, заложив них мины замедленного действия с часовым механизмом.

Гестапо удалось напасть на след Антона, и он нелегально перешел в Швецию. Но и здесь гитлеровцы его обнаружили и потребовали у шведов его выдачи. Тогда мы предприняли свои меры».

Из этих воспоминаний видно, с какой ответственностью Эрнст подходил к выполнению заданий, заботился о безопасности подчиненной ему агентуры, в какой сложной оперативной обстановке приходилось действовать. Он настаивал, чтобы документы, легенды агентов тщательно продумывались, были безупречными, а, следовательно, не раскрывались, как это часто бывало, на первом же серьезном допросе. Возражал против письменных отчетов, предпочитая получать доклады и добытые сведения устно. У каждого агента организации было по крайней мере по одному псевдониму, и действовали они через многочисленных связников, которые ничего не знали о шефе, его заместителях. По всей Европе были разбросаны опорные пункты с тайниками взрывчатки, подсобными материалами, которые могли

понадобиться в нужный момент. Большинство помощников ему были хорошо известны как преданные делу борьбы с гитлеровской Германией, убежденные единомышленники построения справедливого, социалистического общества, симпатизирующие Советскому Союзу. Волльвебер глубоко сознавал, что все они, он сам живут как бы с петлей на шее, попадись в лапы гестапо.

В архивах внешне разведки сохранилось немало оценок и докладов о деятельности советских разведывательно-диверсионных подразделений, включая «Лигу Волльвебера», во время гражданской войны в Испании. Приведем только одну выдержку из доклада резидента на эту темя в Центр от 9 декабря 1937 года: «Проводимая в тылу «Д» работа привела к серьезному расстройству отдельных участков тыла франкистов, значительным материальным убыткам и людским потерям. Беспрерывные и последовательные действия наших «Д» групп, применение ими самых разнообразных, быстро меняющихся и постоянно совершенствующихся методов, охват нами почти всех решающих участков фронта, продвижение «Д» действий в глубокий тыл вызвали большую панику в фашистских рядах. Об этом говорят все донесения разведки и нашей агентуры, это подтверждается также и рядом известных нам официальных материалов (газетные статьи, приказы фашистов, радиопередачи)...

Нам точно известно, что для борьбы с диверсиями фашисты вынуждены держать в тылу значительные военные силы и вооруженные группы фалангистов. Все, даже незначительные, объекты усиленно охраняются. В августе 1937 года командующий Южным фронтом фашистов генерал Кейпо де Льяно издал приказ, объявляющий на военном положении провинции Севилья, Уэльва и Бадахос. Мероприятия фашистского командования, связанные с реализацией этого приказа, предусматривают отвлечение с фронта значительных воинских сил».

Авторы труда «Красная паутина: Тайны разведки Коминтерна» И. Б. Линдер и С. А. Чуркин отмечают: «Под руководством Э. Волльвебера в Германии, Дании и Франции действовала коминтерновская диверсионная группа, срывавшая поставки немецкого вооружения и военной техники для армии Франко. Группа состояла из хорошо подготовленных специалистов, изготовлявших и устанавливающих мины на транспортных судах. Только

во Франции было заминировано семь кораблей, впоследствии затонувших в открытом море. Каждое пятое судно, следовавшее из Германии в Испанию, было потоплено. Группа активно действовала в течение двух лет! После обнаружения минной лаборатории немецкими спецслужбами Волльвеберу с большинством членов группы удалось уйти в Норвегию».

Волльвебер, по словам Рыбкиной, неодобрительно отзывался о чинимых у нас репрессиях в отношении немецких коммунистов- «ленинцев». Со многими из них он был тесно связан по подпольной, революционной работе в 20-е годы — это Вернер Гирш, Оттомар Гешке, Ханс Киппенбергер, Хайнц Нейман, Герман Реммеле, Лео Флиг, Вильгельм Флорин, Гуго Эберлейн. Эрнст по партийной линии обратился к председателю КПГ Вильгельму Пику с просьбой выступить в защиту репрессированных коллег. Мало кому известно, что, откликаясь на эту просьбу, лидер германской компартии 28 мая 1939 года направил письмо «товарищу Мануильскому относительно арестов эмигрантов: Я и другие ответственные немецкие товарищи убеждены, что эти люди не совершали никаких преступных действий против Советского Союза, — утверждает Пик. — Я передал Берии список фамилий этих эмигрантов, сопроводив его характеристиками. К сожалению, пока я еще не получил ответа на свою просьбу, хотя уже прошло почти два месяца. Поскольку в середине апреля прошлого года я уже обращался с аналогичной просьбой к Ежову и также не получил ответа, я хотел бы по этому поводу обратиться к товарищу Сталину. Однако, возможно, будет лучше, если ты сначала переговоришь с товарищем Берией и узнаешь, хочет он иметь со мной такую беседу или нет. Дело очень важное, и я прошу твоей помощи».

К сожалению, эти ходатайства не помогли. Возможно, и сам Волльвебер находился под подозрением. По-видимому, его спасло личное знакомство с Лениным, Сталиным, близость к В. Пику, В. Ульбрихту, которым вождь доверял. Как бы то ни было, репрессии в СССР в отношении близких ему немецких коммунистов негативно сказывались на разведывательной деятельности организации. Связь с Москвой была прервана. Один из боевиков Лиги Б. Хансен вспоминает: «Прошло пять месяцев, и Волльвебер, очень подавленный обсуждал с нами

вопрос о том, не стоит ли вообще распустить организацию. Он послал агента в Москву и приказал ему встретиться с Георгием Димитровым и сказать, что Волльвебер собирается ликвидировать группу. Товарищ вернулся через три дня. Он передал нам, что Димитров не смог дать ему прямого ответа и просил задержаться еще на один день. На следующий день курьеру сказали, что Волльвебер должен распустить свою группу. Однако в тот же вечер Волльвеберу сообщили, что поступил новый приказ и он обязан продолжать работу, а наш первый курьер в Москву был намеренно введен в заблуждение».

Можно представить, какой хаос царил в руководстве Коминтерна, разведывательных службах в Москве в 1938–1939 годах. В статье Александра Розина «Саботаж и диверсии — группа Волльвебера» утверждается: «Группа Волльвебера, или как ее назвали позже в Скандинавии — «Лига Волльвебера», насчитывала от двадцати до пятидесяти тщательно отобранных людей. Там были датчане, шведы, бельгийцы, французы, по крайней мере один англичанин, о котором говорили, что он был очень удачливым агентом, и, конечно, несколько немцев. Среди последних были Вольдемар Вернер (потом — начальник морской полиции ГДР), Генрих Шрамм, Карл Баргштед, Адольф Байер, Рольф Хагге и другие... В 1939 году группы не провели ни одной акции, отчасти из-за подписанного Германией и Советским Союзом «договора о ненападении», но в основном из-за провалов и арестов других европейских групп сопротивления. Группа, тем не менее продолжала работать, они делали запасы материалов необходимых для саботажа, с перспективой на использование в будущем».

* * *

Действительно, события 1939 года значительно осложнили действия Лиги из-за многочисленных провалов, предательства, преследования полицией и германскими спецслужбами. О том, что гестапо ведет кропотливое расследование деятельности Коминтерна и организации Волльвебера, свидетельствует подготовленный Гейдрихом «Доклад рейхсминистра внутренних дел д-ра Фрика и рейхсфюрера СС и начальника германской полиции Гиммлера германскому имперскому правительству о подрывной

работе Советского Союза, направленной против Германского Рейха от 10 июля 1941 года.

Общеизвестно, что коммунистический Интернационал вплоть до заключения 23.08.1939 года пакта о ненападении и консультациях между Германией и Советской Россией вел подрывную деятельность против держав «оси», особенно против национал-социалистической Германии. Надежда на то, что Советская Россия после заключения этого пакта будет вести себя лояльно в соответствии с достигнутыми договоренностями и прекратит подстрекательскую работу против Рейха, не оправдались. Наоборот, коммунистическая подрывная деятельность, акты саботажа и террора, а также максимальное форсирование работы военной, экономической и политической разведки остались незыблемыми — хотя и известными — целями правителей Советской России...

I. Структура и цели Коминтерна.

Коммунистический Интернационал — организация, созданная в Советской России (местопребывания — Москва) с целью (параграф 1 Устава): «Соединить коммунистические партии всех стран в одну всемирную партию для борьбы за интересы рабочего класса, принципы коммунизма и диктатуру пролетариата. И сегодня в президиум Исполнительного Комитета Коминтерна входят: Сталин, как 1-й секретарь Коммунистической партии Советского Союза, Молотов, немецкий эмигрант Пик как представитель германской секции коммунистического Интернационала, вождь французских коммунистов Торез и, в качестве председателя — известный по поджогу Рейхстага болгарский террорист Димитров.

Для официальных властей Советского Союза Коминтерн удобен как неофициальный, т. е. негосударственный, аппарат, который можно использовать для любой подрывной работы в мировом масштабе... Вся Европа забросана призывами и директивами секций Коминтерна, представляющих отдельные страны, цель которых — воодушевить сторонников коммунистической идеологии на самую напряженную и терпеливую подрывную работу против «империалистической войны, ведущейся Германией», не в последнюю очередь для того, чтобы путем усиления этой деятельности компенсировать якобы отрицательные для Совет-

ского Союза последствия заключения пакта с национал-социалистической Германией.

II. Новые методы нелегальной подрывной работы.

1. Против Рейха.

Вследствие беспощадной борьбы против коммунистической партии и ее уничтожения в 1933 году, что явилось результатом бескомпромиссной установки национал-социализма на эту борьбу, в период накануне заключения пакта были сведены на нет все усилия, прилагавшиеся Коминтерном из-за рубежа, а также находившаяся под наблюдением работа мелких остатков Коминтерна, ее отделов военной политики и промышленного шпионажа. На усилившееся давление со стороны Коминтерн ответил методическими инструкциями по тактике более утонченной подрывной деятельности. Еще более интенсивная работа должна была вестись изнутри по методу «троянского коня» (об этом говорил Димитров на Седьмом Всемирном конгрессе Коминтерна), классический пример чего — гражданская война в Испании...

Один из главных центров связи создан при шведской коммунистической партии в Стокгольме. Это один из самых активных и опытных центров деятельности Коминтерна. Его методы работы против Рейха можно описать ниже более подробно, благодаря обилию имеющихся материалов... Инструкторы Коминтерна из Стокгольма и Копенгагена искусными методами непрерывно поставляли с помощью курьеров материалы, директивы и деньги. Главную роль в руководстве этой разросшейся до опасных размеров организацией играл депутат шведского Риксдага Линдерот, который является представителем европейского бюро Коминтерна в Стокгольме. Он выполнял особые поручения ИККИ в отдельных странах. Линдерот активизировал из Стокгольма работу уполномоченных Коминтерна в Копенгагене против Рейха, таких как Артур Эммерих, род. 20.07.1907 в Нидервизе, или Вилли Галль, род. 3.10.1908 в Фалькенштайне/Фогтланд, или Рудольф Халльмейер, род. 3.02.1908 в Плауэне, или Генрих Шмеер, род. 20.03.1908, от полиции безопасности (СД), агенты Линдерота обучали их методами работы, которые якобы применяет полиция. Обучением руководил наиболее известный здесь комиссар ГПУ, которое с 3.02.1941 стало частью объединенного Наркомата внутренних дел под названием «Народный комиссариат государственной безопасности», Дмитрий Федосеевич Крылов. Созданная вышеупомянутыми коммунистическими активистами организация осуществляла связь с Москвой при посредстве постоянного курьерского центра в Гамбурге через Копенгаген и Стокгольм. Из Москвы шли деньги и инструкции, а в Москву шли доклады о важнейших центрах изготовления и уровне производства новейших вооружений в Германии... Так как дальнейшее наблюдение из-за масштабов организации не могло больше предотвращать наносимый ею ущерб, в конце мая 1941 года все ее участники были своевременно арестованы...

Особое внимание Коминтерн уделял также Французской коммунистической партии, поскольку еще Ленин предполагал, что Франция станет большевистским бастионом в Западной Европе... Самым веским и одновременно самым объективным доказательством этого является обнаруженный в ходе проверки в Париже акт «Сюрте насьональ» (французской тайной полиции), касающийся французской газеты «Ордр». Как засвидетельствовано подлинными документами французской полиции, в санации, проведенной в ноябре 1939 года, кроме начальника пресс-службы югославской миссии Вицевича и Жака Эбштейна, любовника леди Стэнли, сестры лорда Дарби, участвовал чешский еврей Отто Кац, он же Карл Симон, состоящий на советской службе. В ноябре 1939 года советский посол Суриц вместе с бывшим красным испанским министром Негрином (социалист Хуан Негрин с 18 мая 1937 года возглавлял в Испании правительство Народного фронта), а в январе–феврале 1940 года. — с секретарем посольства Бирюковым посещал главного редактора газеты Бюре на его вилле в Сен-Клу. Во время этих визитов была достигнута договоренность, что некий Этвенон войдет в правление газеты «Ордр» как официальный представитель советского посольства. Ассигнованная на это финансовая помощь была увеличена в конце марта до 800 000 франков в месяц.

В Норвегии советская миссия в Осло также является центром подрывной пропаганды Коминтерна. Здесь служащих этой миссии удалось застичь во время выполнения ими преступных действий. В Голландии, Бельгии и бывшей Югославии доказано

применение тех же методов работы, какие используются против Рейха. <...>

III. Саботаж, осуществляемый Коминтерном.

Множество раскрытых полицией безопасности (СД) на территории Рейха групп террористов и саботажников, созданных по приказу Коминтерна, характеризует отношение Советского Союза к Рейху. Подготовка к актам саботажа против важных военных объектов, мостов, взрывы важных железнодорожных путей, разрушение и парализация работы крупных промышленных предприятий — таковы были цели этих коммунистических групп, которые при проведении своих акций не останавливались перед убийством людей. Помимо заданий на проведение актов саботажа преступникам давались также задания на совершение покушений на руководителей Рейха... Наряду с созданными английской секретной службой группами саботажников, целью которых еще в мирное время было уничтожение немецких судов, существовала еще более разветвленная, созданная Коминтерном террористическая организация, главной задачей которой было уничтожение судов тех государств, которые в свое время примкнули к Антикоммунистическому блоку.

Доказано, что члены этой организации до конца 1940 года действовали в Дании и оттуда пытались снова перенести свою деятельность на территорию Рейха. Руководителем этой организации был немецкий эмигрант Эрнст Волльвебер, который в 1931 году был членом общегерманского руководства РГО (Красной профсоюзной оппозиции), а в ноябре 1932 года был избран депутатом Рейхстага от КПГ. Волльвебер после своей эмиграции в Копенгаген в 1933 году стал руководителем Интернационала пролетарских моряков и портовых рабочих, которые осуществляли по приказу Коминтерна акты саботажа, особенно против немецких судов. Он в значительной степени несет ответственность за организацию и активную деятельность созданных по указанию Москвы групп саботажников в Германии, Норвегии, Швеции, Дании, Голландии, Бельгии, Франции и бывших прибалтийских государств-лимитрофах. Он осуществлял в широких масштабах закупку и транспортировку взрывчатых веществ и других материалов для саботажа и располагал большими денежными средствами, ассигнованными Коминтерном для

финансирования этой организации и для оплаты агентов. После вступления немецких войск в Осло в мае 1940 года Волльвебер бежал в Швецию, где до сих пор находится в Стокгольме под арестом. Со стороны советского правительства предпринимались шаги с целью побудить шведское правительство выслать Волльвебера в Советскую Россию, так как он за свою успешную работу на Коминтерн получил советское гражданство.

Деятельность этих распространившихся на всю Европу коммунистических террористических групп включает в себя акты саботажа против 16 немецких, 3 итальянских и 2 японских судов, которые в двух случаях привели к их полной потере. Сначала преступники пытались уничтожать суда путем поджогов, но, поскольку этот способ обычно не приводил к полной потере судов, в последнее время перешли к использованию взрывчатых веществ против судов, курсирующих в Балтийском и Северном морях. Главные опорные пункты организации находятся в портах Гамбург, Бремен, Данциг, Роттердам, Амстердам, Копенгаген, Осло, Ревель и Рига. Созданными в Голландии, Бельгии и Франции группами коммунистических саботажников руководил голландский коммунист Иозеф Римбертус Схаап (Шаап. — *Е. Г.*), который был также руководителем Интерклуба в Роттердаме и имел самые тесные связи с главными активистами организации в Скандинавских странах. Ему непосредственно подчинялся бывший руководитель гамбургского «Рот фронта» Карл Баргштед, который ведал во всей организации техникой устройства взрывов. Необходимые для актов саботажа взрывчатые вещества поставлялись из рудников на севере Скандинавского полуострова группами коммунистических саботажников в Голландии, Бельгии и Франции, голландскими моряками через норвежский порт Нарвик и шведский порт Лулео. Одним из главных курьеров, развозивших взрывчатые вещества, был арестованный в Роттердаме голландский коммунист Биллем ван Вреесвик.

Как голландская, так и бельгийская группы имели несколько лабораторий, где изготовлялись зажигательные и взрывчатые бомбы. Акты саботажа против итальянского парохода «Боккачо» и японского парохода «Касии-Мару» — дело рук этих групп. Подготовленные акты саботажа против немецких судов в портах Амстердама и Роттердама удалось своевременно раскрыть и пред-

отвратить. По мере поступления дальнейших сведений полиции безопасности (СД) удалось арестовать 24 коммунистических террориста, в том числе руководителей голландской и бельгийской групп саботажников Ахилла Бегина и Альфонса Фиктельса. Сам Схаап был арестован датской полицией 1.08.1940 в Копенгагене, где он намеревался активизировать уже существующую в Дании организацию, которая занималась актами саботажа против морских судов.

Насколько важно было для Коминтерна с помощью актов саботажа нарушить немецкое судоходство в Балтийском море, явствует из того, что с февраля по апрель полиции безопасности (СД) вместе с датской полицией удалось арестовать ряд руководителей Коммунистической партии Дании, которые активно поддерживали группы коммунистических саботажников. Среди них член Исполнительного комитета Коммунистической партии Дании и генеральный секретарь Интернационала пролетарских моряков и портовых рабочих Рихард Иенсен, редактор датской коммунистической газеты «Арбейтерблатт» в Копенгагене Тегер Тегерсен и член правления союза друзей СССР в Дании полуеврей Отто Мельхиор.

На счету коммунистических групп в Дании — акты саботажа против немецкого парохода «Саар» в порту Ревеля и немецкого грузового парохода «Фила» в порту Кенигсберга, причем в последнем случае из-за сильного взрыва образовалась большая пробоина в стенке носовой части судна на уровне ватерлинии. Мина с химическим взрывателем и часовым механизмом была пронесена борт в рижском порту...

Так, Коминтерн придавал особое значение вербовке в качестве сотрудников моряков из скандинавских стран, так как считалось, что в будущей войне только скандинавские государства останутся нейтральными и только граждане этих стран будут иметь возможность устраивать теракты в немецких портах и на немецких кораблях. Кроме того, было дано четкое указание уничтожить с помощью поджогов и взрывов грузы и на кораблях этих стран, если это служит интересам Советского Союза. Сам Волльвебер давал указания отдельным группам саботажников в прибалтийских государствах и в немецких портах на Северном море завербовать на всех курсирующих в этом районе судах минимум по одному надежному сотруднику, которого надо будет наилучшим образом обучить будущей работе на III Интернационал. По его указанию была предпринята попытка создания группы саботажников в Данциге.

Ведущие активисты Интернационала пролетарских моряков и портовых рабочих из этих групп, в том числе уроженец Осло, норвежский гражданин Артур Самсинг, который долгое время жил в Советском Союзе, были арестованы и дали подробные показания о выполненных ими по заданию Волльвебера актах саботажа, направленных против Рейха. По заданию Коминтерна Волльвебер создал опорные пункты на островах Балтийского моря Даго и Эзель. Однако завербованные на этих островах сотрудники должны были начать действовать лишь в том случае, если в ходе войны между Германией и Советским Союзом эти острова будут захвачены германской армией и ВМФ. Объектом актов саботажа тогда должны были стать, в первую очередь, базы подводных лодок, аэродромы и склады горючего.

Резюме. Вся направленная против национал-социалистической Германии деятельность Советского Союза, как показывают приведенные примеры, отобранные из обширного материала, свидетельствуют о том, какие размеры приняли нелегальная подрывная деятельность, саботаж, террор и осуществляемый в порядке подготовки к войне шпионаж в военном, экономическом и политическом плане. Эти враждебные устремления после заключения пакта о ненападении 23.08.1939 года не только не уменьшились, — наоборот, их объем и сила увеличились».

Отдадим должное Гейдриху и скрупулезной работе его сыщиков, в докладе дана объективная оценка разведывательно-диверсионным акциям «Лиги Волльвебера». В нем начальник службы безопасности (СД) отчетливо показал, какую серьезную угрозу для Рейха представляет созданная Эрнстом агентурная сеть, «распространившаяся на всю Европу». Говорят, после этого доклада Гитлер вызвал «на ковер» Гиммлера, Гейдриха, Канариса и, гневно размахивая папкой с документами, приказал немедленно поймать Волльвебера.

Канарис начал охотится на своего давнего противника по восстанию матросов в Киле еще в 20-е годы. Став в 1934 году начальником Абвера, он активизировал его преследование, от-

дав распоряжение всем региональным бюро собирать сведения на дерзкого «саботажника и террориста». Особое рвение в выполнение этого задания проявил начальник службы контрразведки Абвера в Ганновере капитан Бертольд Беннеке (Мюнден — родина Волльвебера — располагается поблизости, входит в сферу его обслуживания), представивший подробную справку о деятельности Эрнста в Германии и Норвегии. В июле 1937 года Беннеке вызвали в Берлин, где его принял лично адмирал Канарис. Поблагодарив капитана за отлично выполненную работу, приказал ему срочно выехать в Норвегию, чтобы продолжить слежку за «фигурантом». Одновременно провести обследование норвежских портов с целью определения пунктов высадки германских войск. По легенде Беннеке представлялся инженером металлургической фирмы «Рур Шталь», прибывшим в Осло для изучения конъюнктуры местного рынке.

«Инженер», видимо, уже располагал какими-то сведениями о пребывании Волльвебера в Норвегии. Через Интерклуб моряков узнал адрес проживания Дитриха, посетил дом курьера по связи Ольги Ельтвиг, где тот одно время снимал квартиру. Под предлогом интереса к организации «Красная помощь» он попытался выяснить, где можно с ним встретиться. Почувствовав неладное, Ольга отослала подозрительного гостя ни с чем, предупредив о странном визите Эрнста.

Тем не менее Беннеке, развив завидную активность, посетив Берген, Тронхейм, порты на побережье Северного моря, установил, что «фигурант» точно находится где-то в Норвегии, нелегально проживает в разных местах, в том числе в пригороде Осло. Получив это донесение, Канарис приказал продолжать розыск, известив Беннеке, что он получит место коммерческого атташе при германском посольстве. На помощь ему был отправлен еще один посланец — майор абвера Прук.

По инициативе Канариса к розыску Волльвебера подключились спецслужбы и полиция Бельгии, Дании, Голландии, Норвегии, Финляндии, Швеции. Им были разосланы соответствующие ориентировки. После вторжения германских войск в Норвегию в апреле 1940 года охота на «врагов рейха» приняла беспрецедентный размах. Первым в списке на уничтожение стоял Волльвебер.

Однако парализовать действия Лиги ни абверу, ни полиции не удавалось. Корабли уничтожались и тонули, железные дороги и мосты взрывались, обслуживание немецких, итальянских, японских судов в портах саботировалось, листовками, призывами, антифашистской литературой, как отмечает Гейдрих, была «забросана вся Европа». В октябре 1939 года в шведском порту потерпел крушение и затонул большой немецкий военно-транспортный корабль «Марион Трабер». В апреле 1940 года произошел мощный взрыв на тяжелом немецком крейсере «Блюхер». В результате этих диверсий погибло около 2 тысяч солдат вермахта, повреждено много военной техники.

Следует отметить, что подсчитать масштабы операций саботажа, осуществленных организацией Волльвебера на морском транспорте, не представляется возможным — диверсии профессионально маскировались под технические неполадки. Проведенный исследователями анализ графика всплеска технических сбоев на морских линиях с 1930 по 1939 год дает немыслимые цифры. Только в 1937–1939 годах и только на немецких судах зафиксировано 900 необъяснимых сбоев, и это помимо актов «саботажа против 16 немецких, 3 итальянских и 2 японских судов», о которых Гейдрих говорит в докладе.

Деятельности Лиги приписывают случившийся в мае 1932 года пожар, уничтоживший новый французский лайнер «Джордж Филлипар» в Аденском заливе. Описывая эту катастрофу, пресса утверждает, что на борту парохода находился индокитайский диверсант из группы Волльвебера. Именно он осуществил эту ужасную диверсию и сам погиб в огне. Предполагалось, что трюм лайнера, отправлявшийся в свое первое плавание, набит оружием для японской армии в Маньчжурии. Сюда же относят два пожара на борту британского судна «Бермуда», сожженного на верфи в Белфасте, и на пароходе «Герцог Ланкастер» в Хейсгэме. Тогда же были зафиксированы пожары на многих французских судах, включая огромный лайнер «Иль де Франс». Диверсии на суднах фактически дезорганизовали немецкие, итальянские конвои с оружием, военной техникой, продовольствием для фашистов в Испании и союзников гитлеровской Германии. Вот почему Гитлер пришел в ярость, приказав Гиммлеру, Гейдриху, Канарису ликвидировать Волльвебера.

До осени 1938 года основным заданием Лиги было противодействие военным поставкам Германии, Италии, Японии франкистам в Испанию. После падения республики в Мадриде перед Волльвебером встала задача добывания информации о военных приготовлениях Германии к войне против СССР. Он ни на минуту не сомневался в том, что Гитлер нападет на Советский Союз. В этом его убеждал многолетний огромный опыт борьбы с нацизмом. Об этом свидетельствовала и агрессивная политика фашистов: аннексия Австрии, захват Судет и последующая оккупация Чехословакии. В своих донесениях и докладах Эрнст настоятельно призывал советское руководство серьезно готовиться к войне с Германией. Убеждал, что Гитлер не посчитается ни с какими договорами, если они станут препятствием на пути к достижению его захватнических целей.

На совещаниях с руководителями групп нацеливал их и находящихся на связи агентов собирать сведения из окружения руководящих деятелей нацистов — Гитлера, Геринга, Гиммлера, Гейдриха, Шелленберга, Бормана. Так, в «Спецсообщении о подготовке Германии к войне» от 9 октября 1936 года говорится: «Настроения партийных руководящих кругов во главе с Гитлером за последнее время направлены явно на подготовку к войне в сравнительно недалеком будущем. Это бросается в глаза даже и лицам, не имеющим слишком больших и глубоких связей с верхами».

В сентябре 1938 года Волльвебер направил в Центр информацию о выступлении Г. Геринга на съезде германского трудового фронта. Говоря о состоянии национальной обороны, он указал, что «новые фортификационные сооружения в техническом отношении совершенны и никакая сила в мире не сможет их разрушить. Германские воздушные силы в количественном и качественном отношении стоят на первом месте в мире. Германия имеет также большие запасы продовольствия и сырья, и сможет вести войну в течение 30 лет». Касаясь причин напряженности политического положения в Европе, Геринг заявил, что «чехословацкий народ не является причиной этих беспорядков, так как за спиной Чехословакии стоит Москва и еврейско-большевистское чудовище, которые и являются авторами всех недоразумений. Создание огромной военной промышленности, новейшего флота и новейшей авиационной промышленности дает нам уверенность в полной победе. Никакая страна в мире не сможет вторгнуться на германскую территорию. Никакая угроза не сможет нарушить единство немецких рабочих и крестьян».

Благодаря усилиям агентов Лиги советскому руководству становились известны данные о составе, дислокации и перемещении войск и боевой техники противника; ходе военных действий, проходивших в Европе, новых способах ведения войны; разработке и применении новых технических средств вооруженной борьбы; строительстве и состоянии всех видов путей сообщения, линий связи, аэродромной сети. Непрерывно и тщательно изучалась военно-политическая обстановка в Германии.

Разведывательные операции проводились как с «легальных», так и нелегальных позиций. К сожалению, многие достижения Волльвебера в плане добычи информации не находили должного отклика в Москве из-за репрессий и недоверия к работе его агентуры. Существенно осложнилась, а порой просто нарушалась связь с советскими представителями. К 1938 году были ликвидированы почти все нелегальные резидентуры. В «легальных» оставалось по 1–2 человека, как правило, молодых и неопытных. С ними Эрнст опасался контактировать. Он очень переживал за репрессии в отношении Берзина, Бортновского, Серебрянского, Штейнбрюка, которых знал и ценил как опытных разведчиков, убежденных коммунистов, соратников по борьбе за власть советов в Германии и России и против фашизма.

Горечь и недоумение вызвало у него выступление Сталина, которого он глубоко уважал, на заседании Военного совета при наркоме обороны в июле 1937 года: «Во всех областях разбили мы буржуазию, только в области разведки оказались битыми, как мальчишки, как ребята. Вот наша основная слабость. Разведки нет, настоящей разведки. Я беру это слово в широком смысле, в смысле бдительности и в узком смысле слова также — в смысле хорошей организации разведки. Наша разведка по военной линии плоха, слаба, она засорена шпионами. Наша разведка по линии ГПУ возглавлялась шпионом Гаем, и внутри чекистской разведки у нас нашлась целая группа хозяев этого дела, работавшая на Германию, на Японию, на Польшу сколько угодно, только не для нас. Разведка — это та область, где мы впервые

за 20 лет потерпели жесточайшее поражение. И вот задача состоит в том, чтобы разведку поставить на ноги. Это наши глаза, это наши уши».

Волльвебер считал эти обвинения несправедливыми. Да, провалы были, любая разведка от этого не застрахована, но достижения во много раз превышают все недостатки. Среди его знакомых советских разведчиков, с которыми ему приходилось работать, выполнять сложные, с риском для жизни задания, не было ни одного случая предательства.

Самое уязвимое место крупной агентурной сети, какой была «Лига Волльвебера», насчитывавшая более 300 человек, — это связь и предательство. Арест даже второстепенного члена, как правило, приводит, к провалу всей организации, включая руководителей. Утром 4 февраля 1939 года в полицейский участок шведского города Лулео явился человек, назвавшийся Густавом Антоном Седером. Он заявил, что является членом антифашистской группы, в задачу которой входит противодействие поставкам железной руды и военной техники на немецких судах режиму испанского диктатора Франко. В качестве вещественных доказательств он предъявил детали «адских машин», изготовленных для подрыва транспортов, направлявшихся из портов Нарвика и Лулео через Балтику в Испанию. Полиция восприняла откровения Седера со всей серьезностью как чрезвычайную удачу. Сыщики уже давно охотились за диверсантами, но им никак не удавалось напасть на их след. А тут — такой невероятный подарок!

Стражи порядка приветливо поблагодарили «доброжелателя» за важную информацию. В ходе первого допроса выяснилось, что Седер состоит в тайной организации с 1936 года. Его сообщники выступали против фашизма и войны. Он признался, что участвовал в акциях саботажа и диверсий на военных и торговых кораблях стран противников Советского Союза. Его якобы мучила совесть, что диверсиям могут подвергнуться и шведские суда. Поэтому он и явился в полицию.

Посоветовавшись, полицейские решили его не задерживать. Договорились, что за ним будет установлено скрытное наблюдение с целью выявления сообщников. Седер согласился сообщать обо всех контактах с подпольщиками, телефонных разговорах, почтовой переписке, заданиях, поездках. Для легендирования

его прихода в полицейский участок на него завели дело о злоупотреблениях в сфере социальной помощи.

Предательство Седера имело для «Лиги Волльвебера» губительные последствия. Активная слежка за предателем проводилась более года, были выявлены адреса проживания, места явок и встреч, переписка, телефонные звонки, собраны изобличающие материалы на 80 человек. К расследованию этого дела подключились полицейские чины Бельгии, Голландии, Дании, Латвии, Норвегии, Польши, Эстонии и, конечно, Абвер и Служба безопасности (СД). Канарис и Гейдрих лично курировали весь ход расследования, предвкушая внушительную добычу и победный доклад фюреру.

По фотографиям Седер опознал Барли Петтерсона как Франца, Хьельмена как Нильсена. Дело принимало серьезный оборот. Для координации расследования было решено провести конференцию представителей органов полиции Дании, Норвегии, Швеции, Финляндии в Стокгольме. От Швеции в ней участвовали: Эрик Рос, руководитель полиции Стокгольма, Даниэльсон, Тулин, Магнуссон, Лундквист; от Норвегии — Хаген, Улфсби; от Дании — инспектор полиции Эйвинд Ларсен; от Финляндии — руководитель полиции Альтонен. Шведы представили коллегам 14-страничный меморандум по делу Седера. Изучив материалы, участники конференции пришли к выводу, что речь идет о нелегальной организации во главе с Волльвебером. В целях выявления ее членов решили провести ряд совместных операций. Договорились, что полиция Дании установит связь по этому делу с гестапо, шведская — с голландской полицией, финская — с эстонской, латвийской и польской.

В апреле 1939 года полиция Роттердама установила список матросов судна «Вестплейн», с которыми Седер контактировал. Одним из них был матрос Вильгельм ван Вреесвик. За ним установили негласную слежку. 14 октября был затоплен немецкий пароход «Марион Травер» в районе Оксельзунд. Там жил немецкий беженец Фритц Козловски, находившийся под наблюдением полиции. Удалось расшифровать его тайнописную переписку с Хайнрихом Зоммером, другим немецким беженцем, находившегося на связи у английского агента Чарльза Линдсли, который, кроме Зоммера, завербовал неудачливого предприни-

мателя Альфреда Рикмана. У него в подвалах хранились пластиковые бомбы, взрыватели, предназначавшиеся для подрыва железнодорожных путей, по которым доставлялась железная руда из Швеции и Норвегии в Германию. Рикман привлек к сотрудничеству норвежского торговца Хельмара Бонневи, английского предпринимателя Эрнста Биггса, издателя антифашистского журнала «Тросс альт» Туре Нормана, австрийского эмигранта-журналиста Курта Зингера, троих немецких социал-демократов противников Гитлера. Перед этой группой была поставлена задача саботажа портовых сооружений Нарвика, Лулео, Оксельзунда, а также электростанции в Порьесе.

Рикман и его привлеченные были арестованы в апреле 1940 года при попытке заложить взрывчатку на одном из указанных объектах. Обезвредить эту опасную группу саботажников помог внедренный в ее ряды агент гестапо, выдавший всю агентурную сеть англичан. Деятельность английской разведки в Швеции была полностью дискредитирована. Все члены шайки были приговорены к различным срокам тюремного заключения. Рикмана приговорили к восьми года.

При аресте Козловского и английских агентов полиция нашла в их переписке неоднократное упоминание имени «Кнудсен». За этим псевдонимом скрывался Герман Кнюфкен, которого арестовали и посадили в шведскую тюрьму. На допросе он дал подробные показания о деятельности Коминтерна, коммунистов, советского шпионажа, в том числе о главных фигурантах — Волльвебере, Шаапе, Вальдемаре Петче. Последнего охарактеризовал как мошенника, ответственного за многие диверсии на немецких судах. Арестованный Петч признался, что работал на английскую разведку.

Анализ показаний Кнюфкена и Петча позволил шведской полиции установить три группы участников антифашистского сопротивления: группа «Петча-Биземана», «Ламберта-Шаапа», «Ленен- Лунифа». В группу Петча входило 28 человек, в том числе Вернер и Курт Леманы, норвежский моряк Арне Лунд — все члены ИМПР. В группу Ламберта — 17 человек, в группу Ленен — около 100 человек, в том числе указывался Волльвебер как активный диверсант и участник сопротивления в Дании и Швеции.

В мае 1940 года Германия оккупировала Бельгию. Первое, что сделало гестапо, — арестовало комиссара полиции в Антверпене Георга Блока. Он был доставлен в Мюнстер и передан в руки сотрудников 2-го отдела полиции. Его допрашивали начальник 2-го отдела Петер Краус и его заместитель Ион Фок. Блок был интересен гестапо потому, что занимался расследованием взрывов и других актов саботажа на судах. Он указал «два следа расследований»: один вел к Петчу и его группе, в которую входили норвежские моряки Лунд и Геста Андерсен — член организации Волльвебера. Лунд оказался случайной фигурой и был освобожден. Второй след вел к Альфонсу Фихтельсу — активному участнику «Лиги Волльвебера». Он выдал сведения о «важной фигуре» организации — Шаапе, который был взят в разработку бельгийской и немецкой полицией. В ходе допросов Петча и Фихтельса была выявлена группа антифашистского сопротивления под названием «Флорида». Ее члены встречались в кафе «Лилле» в Антверпене. В результате наблюдения за посетителями кафе полиция выявила членов этой группы: Шаапа, Ламберта, Франса ван Вельде, Войтерса и некоего мужчину по кличке Антон. Под этим псевдонимом скрывался Волльвебер. Но сыщикам не удалось установить его подлинные имя и фамилию.

Идентифицировать Волльвебера удалось датской полиции. Впервые она вышла на его след в ходе расследования взрыва на судне «Стефан Баторий». По этой диверсии был арестован Альберт Хансен (Карэн) в июле 1938 года. Он-то и дал первые показания о личности Волльвебера, не назвав, однако, его фамилию. По этому делу проходил также Кейдл Ванман. Полиция задержала его брата Юлиуса Ванмана, который дал подробные показания о личности Волльвебера. Он рассказал, в частности, о его участии в Кильском восстании моряков, выступлении на конгрессе ИМПР в Гамбурге в 1932 году. Датская полиция запросила сведения об этих событиях гестапо в Берлине и получила нужные материалы с фотографиями участников названных мероприятий. На одном из фото Юлиус опознал Волльвебера. Были запрошены сведения на него в Германии, Норвегии и Финляндии. Вскоре пришло уведомление, что Волльвебер находится в Норвегии или Швеции.

В результате этих многочисленных расследований 11 марта 1940 года был арестован Нильсен, за квартирой которого (адрес выдал Седер) велось наблюдение более полугода. Причем, чтобы на предателя не пало подозрение, полиция оформила его задержание в рамках объявленной общей кампании по выявлению неблагонадежных коммунистов и нелояльных лиц. В архиве службы внешней разведки сохранилась «Выписка из письма «Тойво» от 11/III- 40 г.» об обстоятельствах ареста: «Нильсен был арестован в своей квартире в день общего ареста в Швеции. При его аресте и обыске было 10 полицейских. Причины ареста Антон объяснил мне следующее:

Нильсен проживал в предместье Стокгольма. В последнее время, как видно, он находился под подозрением шведской полиции. (Он постоянно живет в Швеции, причем частенько приезжал в Осло.) Полиция выследила, вероятно, девушку (член партии, но не член организации), которую Нильсен использовал для некоторых вещей по организации связи: подыскать квартиру, организовать встречу у портного («курирштелле», явочное место) с кем-либо, причем был использован для этой цели телефон.

У портного был также обыск. Все бумаги и компрометирующие документы были до обыска уничтожены. Полиция конфисковала только шведские деньги. Портной был также арестован, но спустя некоторое время отпущен на свободу. Три дня спустя была арестована девушка, которую Нильсен использовал для связи. Место ареста ее — «курирштелле» (место явок). Эта девушка находится на положительном счету как член компартии, так что Антон исключает, что могло быть предательство с ее стороны».

Из другой «Выписки из письма «Тойво» от 31/III-40 г.» следует дополнение: «Арест Нильсена несомненно связан с его квартирой, как одним из пунктов связи между людьми. Несомненно, что на Нильсена был донос. Почему? Донес не хозяин дома, как уточнил Антон, а сторож дома портного (не там, где проживал Нильсен). Ибо одновременно с обыском на квартире Нильсена был обыск на квартире у портного. Девушка Хельга, которую Нильсен использовал для связи, была также арестована три дня спустя в доме портного, но в настоящее время отпущена. Вероятно, она была арестована лишь потому, что пришла в дом портного. У портного находились только деньги.

Когда я спросил, какие бумаги уничтожены до ареста у портного, Антон долго думал и ответил: «Я не помню, о каких бумагах я тогда говорил». Он еще раз подчеркнул, что у портного были лишь деньги. Что нашли у Нильсена, неизвестно пока. Вероятно, фальшивую «Райзекарте» (разрешение на поездки) и финские деньги. Антон еще добавил: «После ареста Нильсена три недели наблюдали, кто ходит в дом портного и на квартиру Нильсена».

Находясь в Швеции под следствием, Нильсен никого из членов Лиги не выдал, и был осужден на одиннадцать с половиной месяцев тюрьмы за подделку фальшивых документов. По требованию Гейдриха шведы выдали Нильсена Германии. Под воздействием изощренных пыток в гестапо он дал показания на 18 человек из шведской группы Лиги и был немцами казнен.

На основе показаний Седера и Нильсена в Лулео арестовали восемь человек, в том числе сотрудника газеты «Норшенсфламман» Готлиба Эгрена, машиниста, бывшего депутата шведского риксдага Роберта Самуэльсона, участника гражданской войны в Испании Карла Ристо, групповода Геста Андерсена (Эрик). В Гетеборге схватили Георга Петеррсона (Франс), мастера-бурильщика Юхана Острема.

В Кируне посадили служащего горнопромышленного предприятия, главного поставщика динамита и взрывчатки Йохана Нюберга (Стен). Дома у него обнаружили станок для изготовления дистанционных взрывателей. Полиция сразу зачислила его в список основных организаторов диверсий на судах. На одном из допросов он признался, что действительно занимался выработкой самодельных взрывных устройств. Когда следователь обвинил его в том, что он платный агент Москвы, действовал из меркантильных побуждений, Нюберг запротестовал. Заявил, что никогда не брал денег от иностранцев, лишь однажды совершил непростительную ошибку, назвав Волльвебера, от которого получил некоторую сумму. В августе был арестован Шаап (Фред). В январе 1941 года — Ламберт (Аватин).

В процессе допросов следователи задавали арестованным один и тот же вопрос: кто такой Волльвебер и где он находится. Многие называли его «шефом», который разъезжает по всей Ев-

ропе, чаще всего бывает в Осло и Стокгольме, но сейчас «залег на дно», отдыхает в Москве или Ленинграде. Сам шеф в это время едва не погиб. Пересекая на автомобиле шведско-норвежскую границу, попал в аварию. Водитель не знал точно, где начинается норвежская территория. Там, в отличие от Швеции, было правостороннее движение. Водитель выехал на встречную полосу и столкнулся с лесовозом. Машина опрокинулась, получивший травму головы Волльвебер чудом выжил. Несмотря на ранение, он стал пробираться пешком через лес. Озабоченные его отсутствием, товарищи по Лиге выслали поисковую группу, которая нашла Волльвебера и поездом доставила в Осло.

Узнавая о задержании товарищей, Волльвебер сознавал, что оставаться в Норвегии, оккупированной немецкими войсками, рискованно. Связавшись с Москвой, запросил изготовить для него надежный паспорт, по которому намеревался уехать в Швецию. Вызвав на совещание руководителей групп Фреда, Дитриха, Освальда, сообщил о своих планах, посоветовал временно приостановить активную деятельность, уничтожить документы и материалы, которые могут уличить их в противоправных деяниях; оговорил условия связи с ним в Стокгольме, а также с каждым из них в странах пребывания.

Получив изготовленный нашей резидентурой в Швейцарии паспорт на имя подданного Дании Фритца Колера, Волльвебер вместе с Агот Виик, сестрой жены, 18 мая 1940 года выехал в Швецию. При проверке документов на шведской железнодорожной станции Оттебол (губерния Вэрмланд) был задержан. Вышедший из будки чиновник заявил: «Вы не датчанин. Что касается дальнейшего, этим займется криминальная полиция». Как выяснилось, в результате расследования дел арестованных Волльвебер был опознан, его фотографию шведская полиция разослала на все пограничные и контрольные пункты. Задержанных под охраной отправили в Стокгольм. По дороге Эрнсту удалось проинструктировать Агот, что ей следует говорить на допросе.

В шведской столице Волльвебера допрашивал руководитель 6-го управления криминальной полиции Богефельд.

— Въезд в королевство с фальшивыми документами является серьезным преступлением, — заявил он. — Но если задержанный

расскажет все, что от него требуется, то к нему отнесутся снисходительно. В противном случае его выдворят из страны.

Это означало выдачу Германии, где встречи с ним ждали кровожадные Гейдрих и Канарис. Волльвебер, однако, знал, что в Швеции принят закон, запрещающий выдавать лиц, совершивших правонарушение, странам, где оно карается смертным приговором. Поэтому в ответах на допросе старался подробнее информировать о своей антифашистской борьбе, от восстания моряков в Киле в 1918 году, демонстраций против фашизма в Берлине, Гамбурге, Гессене, Тюрингии до забастовок против немецких судов в эмиграции. Бегство в Швецию он совершил из-за угрозы ареста немцами после оккупации Норвегии германскими войсками.

Эрнст признал, что пересек шведскую границу по поддельному паспорту. Следователь заметил, что подделка паспортов свидетельствует о связи с какой-то преступной организацией, руководимой из-за рубежа. Хотя название страны не упоминалось, было понятно, что подразумевается Советский Союз. На это замечание Волльвебер ответил, что не знает, кто изготовил фальшивый документ.

17 июля 1940 года Волльвебер был приговорен к шести месяцам принудительных работ по обвинению в фальсификации документов. В решении суда содержалась оговорка о том, что он «не может быть выслан против его желания в свою собственную страну или страну, где он не чувствовал бы себя в безопасности». 22 июля его отправили отбывать наказание в центральную тюрьму Ленгхольмена. В принципе он остался доволен исходом разбирательства и сразу запросил визу на выезд в СССР.

Однако Гейдрих и Канарис и не думали упускать своего заклятого противника. Узнав о приговоре, согласно которому Волльвебер окажется на свободе уже 20 января 1941 года, они задействовали все рычаги власти гитлеровского режима для его выдачи Германии. Правительству Швеции был направлен «Доклад об организации Шаапа/Волльвебера саботажа на судах». В нем утверждалось, что указанная организация в период между 1936—1941 годами участвовала в обширной шпионской и диверсионной деятельности, направленной против Германии, в акциях против иностранных судов в шведских портах. Среди целей диверсантов

были шведские электростанции в Порьюс и Норрботтен. Гейдрих по линии МИД направил приглашение шведскому директору государственной полиции Мартину Лундквисту прибыть в Берлин в качестве его «персонального гостя». 2 января 1941 года немецкий посол Вильгельм Гролман передал шведскому министру иностранных дел Х. Гюнтеру вербальную ноту от имени имперского правительства о выдаче немецкого подданного Волльвебера властям Гамбурга, поскольку он подозревается в организации на судах пожаров, приведших к человеческим жертвам. Посланцы Канариса в Норвегии и Швеции Беннеке и Прук обрабатывали полицию в Стокгольме и тюремную охрану, добывая путем подкупа сведения об условиях содержания, состоянии здоровья Волльвебера, его переписке и посещениях. Сеть агентов абвера охватывала всю Швецию. Агентами Канариса и Гейдриха были инспектор министерства социальных дел Роберт Паульсон, руководитель информационного агентства «Скандинависка телеграм бюран» доктор Ион Ленненгрен. После окончания войны они были осуждены за шпионскую деятельность на фашистскую Германию: Паульсон был приговорен к 1,5, Ленненгрен — к 2 годам тюрьмы. На суде они признались, что полиция и другие ведомства Швеции снабжали германские спецслужбы всеми имеющимися сведениями по первому запросу.

Волльвебер знал о тесном сотрудничестве шведской полиции с гестапо, информировал об этом Москву, где пристально следили за судебным процессом над ним. Сталин распорядился оказать ему всемерную правовую и материальную поддержку, добиться освобождения и возвращения в Советский Союз. Посол СССР в Швеции Александра Коллонтай заявила генеральному секретарю МИД Э. Бухеману, что Советское правительство заинтересовано в том, чтобы Волльвебера не выдавали германским властям. Она пояснила, что он является гражданином СССР. 12 июля 1940 года он был лишен немецкого гражданства.

Шведские власти оказались в трудном положении, так как не хотели портить отношения с двумя крупными державами. Э. Бухеман в своих мемуарах «На службе» вспоминает, что немцы характеризовали Волльвебера «как очень опасное лицо, а посему немецкая сторона придает весьма важное значение тому, чтобы он был выдан». Некоторое время спустя он принял

у себя в кабинете МИД советского посла Александру Коллонтай по личному вопросу большой важности. При встрече она сказала, что слышала о требовании немцев выдать Волльвебера, находящегося под арестом в Швеции. В сугубо доверительном плане Коллонтай сообщила, что Москва придает огромнейшее значение тому, чтобы Волльвебер, который был даже близок к самому Сталину, не был выдан Германии. Коллонтай еще раз попросила шведского дипломата рассматривать эту информацию как строго доверительную, чисто личного характера.

Можно представить, в какую дипломатическую коллизию Бухеман попал, но он нашел выход, проявив в полной мере высокий профессионализм дипломата. Во время очередного визита Коллонтай, когда она выразила просьбу уже «более жестким тоном», он ей показал текст шведско-германского трактата о выдаче лиц, причем намеренно задержал свой палец на том параграфе текста, в котором говорилось, что если две страны требуют выдачи одного и того же преступника, то предпочтение будет отдано той стране, гражданином которой он является.

— Я не произнес при этом ни единого слова по поводу этого параграфа, но по лицу мадам Коллонтай скользнула лукавая улыбка и она быстро покинула кабинет, — отмечает Бухеман.

В марте шведский посол в Москве Вильгельм Ассорссон телеграфировал в Стокгольм, что был приглашен к заместителю наркома иностранных дел СССР С. Лозовскому, который потребовал, чтобы гражданин СССР Э. Волльвебер был немедленно выдан его стране для предания суду за преступления, связанные с хищениями, совершенными им в период пребывания в Советском Союзе. Через два дня Коллонтай передала в МИД официальную ноту.

Шведские власти оказались в щекотливой ситуации: с одной стороны — нота СССР, с другой — энергичный нажим Германии, который особенно усилился после нападения вермахта на СССР. И тут кому-то из сотрудников МИД пришла в голову «блестящая», по словам Бухемана, идея: посмотреть, а не совершал ли Волльвебер каких-либо преступных деяний в самой Швеции, чтобы осудить его по шведским законам и, соответственно, оставить отбывать срок здесь же. Тогда вопрос о его выдаче будет отложен на неопределенное время.

Эта идея была доведена до советских представителей. Резидент советской разведки в Финляндии Борис Аркадьевич Рыбкин, работавший консулом под фамилией Б. Н. Ярцев (псевдоним Кин), муж Зои Рыбкиной, добился свидания с Волльвебером в тюрьме и посоветовал ему «признаться» в противоправной деятельности в Швеции. «Об остальном мы позаботимся сами», — добавил Кин. Эрнст этот маневр понял и на очередном допросе признал, что приобретал динамит и взрывчатку у Нюберга. Последний на допросе показал, что совершил единственную ошибку, взяв у Волльвебера «некоторую сумму денег».

На состоявшемся 12 ноября 1941 года суде были приговорены: Волльвебер на 3 года, Нюберг на 3 года 6 месяцев, Геста Андерсон на 1 год 6 месяцев, Виктор Карл Сандберг на 1 год 3 месяца, Адольф Макстром на 1 год 3 месяца, Эрик Ландал на 1 год 4 месяца, Оскар Эриксон на 1 год, Эйнар Ристо на 6 месяцев, Свен Свенсон на 3 месяца. В автобиографии Эрнст упомянет об этих событиях так: «При выполнении одного из заданий в мае 1940 года в Швеции я был арестован. Правительство Гитлера потребовало моей выдачи. Поскольку я имел гражданство Советского Союза, советское правительство также потребовало моей выдачи. В Швеции я был осужден на 3 года штрафных работ».

Вынося такой приговор, шведские власти исходили из того, что война Германии с СССР, по их прогнозам, продлится около трех лет. «Мы, — писал Бухеман, — предположили, что это дело трех лет. После этого Волльвебер признался в том, что совершил ряд преступных действий в Швеции, и 12 ноября 1941 года был приговорен судом города Юккасярви к трем годам штрафных работ. Наказание за его преступление, — выразительно добавил он, — весьма хорошо подходило по срокам к нашим прогнозам относительно перспектив войны».

Представителю посольства Германии сообщили, что шведское правительство намерено выдать Волльвебера Германии, но окончательное решение по этому вопросу не может быть принято до тех пор, пока не завершится полицейское расследование совершенных Волльвебером преступлений саботажа в Швеции.

Эрнст отбывал наказание в тюрьме Херносенда. Условия содержания в ней было довольно суровыми. Узники находились в одиночных камерах. Ни читать, ни писать не разрешалось.

В ответ на просьбу позволить ему хотя бы выходить на прогулку вместе с другими арестантами директор тюрьмы согласился лишь выдавать местную газету. Через два года заключения Волльвебер заболел и так ослаб, что однажды рухнул на пол. Врач установил диагноз: порок сердца, высокое давление, ревматизм, признаки поясничной рожи. Ему начали оказывать медицинскую помощь, разрешили выходить на часовую прогулку, заказывать газеты, книги.

Просматривая прессу, Эрнст наконец-то узнал, что происходит в мире. Важнейшим событием, о котором писали все газеты, было нападение 22 июня 1941 года Германии на Советский Союз. В подборках излагались заявления в связи с этой агрессией Гитлера, Черчилля, Молотова. «Настал час, когда необходимо выступить против этого заговора еврейско-англосаксонских поджигателей войны и тоже еврейских властителей большевистского центра в Москве, — вещал Гитлер. — Немецкий народ! В данный момент осуществляется величайшее по своей протяженности и объему выступление войск, какое только видел мир. В союзе с финскими товарищами стоят бойцы победителя при Нарвике у Северного Ледовитого океана. Немецкие дивизии под командой завоевателя Норвегии защищают вместе с финскими героями борьбу за свободу под командованием их маршала финскую землю. От Восточной Пруссии до Карпат развернуты соединения немецкого Восточного фронта. На берегах Прута и в низовьях Дуная до побережья Черного моря румынские и немецкие солдаты объединяются под командованием главы государства Антонеску. Задача этого фронта — уже не защита отдельных стран, а обеспечение безопасности Европы и тем самым спасение всех. Поэтому я сегодня решил снова вложить судьбу и будущее Германского рейха и нашего народа в руки наших солдат. Да поможет нам Господь в этой борьбе!»

По упоминанию в пафосной речи фюрера «бойцов при Нарвике», «финских героев», «румынских и немецких солдат под командованием Антонеску» было отчетливо понятно, что началась мировая война. Любопытным Эрнсту показалось заявление Уинстона Черчилля: «Нацистскому режиму присущи худшие черты коммунизма. У него нет никаких устоев и принципов, кроме алчности и стремления к расовому господству. По своей

жестокости и яростной агрессивности он превосходит все формы человеческой испорченности. За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Но все это бледнеет перед развертывающимся сейчас зрелищем... Я вижу русских солдат, стоящих на пороге своей родной земли, охраняющих поля, которые их отцы обрабатывали с незапамятных времен... Я вижу десятки тысяч деревень, где средства к существованию с таким трудом вырываются у земли, но где существуют исконные человеческие радости, где смеются девушки и играют дети. Я вижу, как на все это надвигается гнусная нацистская военная машина с ее щеголеватыми, бряцающими шпорами прусскими офицерами, с ее искусными агентами, только что усмирившими и связавшими по рукам и ногам десяток стран... Я вижу в небе германские бомбардировщики и истребители с еще незажившими рубцами от ран, нанесенных им англичанами, радующиеся тому, что они нашли, как им кажется, более легкую и верную добычу... Мы полны решимости уничтожить Гитлера и все следы нацистского режима... Любой человек или государство, которые идут с Гитлером, — наши враги... Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем...»

Из выступления В. М. Молотова Волльвебер узнал о вероломном нападении «германских войск без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу». «Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством... Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падет на германских фашистских правителей».

Узнав об ухудшении состояния здоровья Волльвебера, советник советского посольства Борис Ярцев обратился к министру иностранных дел Швеции с просьбой улучшить условия его содержания в тюрьме. Он объяснил, что Волльвебер — хороший человек, не совершавший преступлений в Швеции, по совету адвокатов взял на себя вину, чтобы не оказаться выданным Германии. 17 мая 1943 года Ярцев посетил тюрьму и заявил ее директору, что отныне советское посольство станет заботиться о своем гражданине. После такого вмешательства Эрнсту разрешили ежедневно по три часа работать в саду, на цементный

пол в камере постелили коврик, снабдили Волльвебера библиотекой. Советские дипломаты присылали ему кофе, молоко, белый хлеб, масло, мясо, овощи. Каждый день он получал десяток сигарет. Паек средней шведской семьи был беднее, чем у него. Волльвебер мог свободно общаться с заключенными и посетителями, носить обычную, а не тюремную одежду. Здоровье его стало улучшаться.

В беседе с Ярцевым он попросил выяснить судьбу жены Рангхильд. Она была арестована гестапо 28 марта 1941 года и переправлена в каторжную тюрьму Фульсбюттель в Гамбурге. На допросах опровергала, что является женой Волльвебера. Чтобы добиться признательных показаний, к ней применяли жестокие пытки: раздевали догола, привязывали к деревянным козлам, били кнутом, заставляя считать удары; вводили гвозди под ногти пальцев рук. Когда она теряла сознание, обессиленную бросали в камеру, давали возможность прийти в себя и опять прибегали к издевательствам.

Рангхильд мужественно и стойко выдержала все истязания. Ей показывали списки и фото многих членов Лиги, но она никого не выдала. Опознала только двух «подруг» на фотографии рядом с ней: Оле Фоссен и Инга Ринг. Они выполняли некоторые ее поручения, но не были связаны с участниками группы и никого из них не знали. Подруги были арестованы, допрошены и заключены в тюрьму, освобождены в мае 1944 года. Рангхильд содержалась в каторжной тюрьме до окончания войны, вернулась домой, на родину инвалидом в феврале 1946 года. Она умерла 14 марта 1964 года в возрасте 54 лет, ни разу не увидев мужа после войны.

Срок наказания Волльвебера истек 27 июня 1944 года. Война еще не закончилась, но ее исход ни у кого не вызвал сомнений. МИД Швеции информировал германских дипломатов, что Эрнст не будет им выдан. А. М. Коллонтай, блистательно проявившая себя в этом судьбоносном для Волльвебера деле, передала в шведский МИД запрос о разрешении ему вылететь из Швеции в СССР на советском самолете. Вскоре Бехеман сообщил, что такое разрешение дано. «Несколько дней спустя, — пишет он, — я был приглашен мадам Коллонтай на коктейль в советскую миссию. К моему большому удивлению, она подо-

шла ко мне с приземистым, темноволосым человеком, которого представила мне как господина Волльвебера. Тот горячо поблагодарил меня за протекцию, которой он пользовался в Швеции, и во всех смыслах приятное пребывание в шведской тюрьме. На следующий день он отбыл из Швеции. Затем Волльвебер, уже после окончания войны, стал министром внутренних дел ГДР».

В этой смертельной схватке с главарями нацистских спецслужб, продолжавшейся два десятилетия, Волльвебер вышел победителем. Гейдрих погибнет в мае 1942 года в Праге. Чешские патриоты бросят в его автомобиль бомбу. Канариса после целого ряда провалов в феврале 1944 года уволят из абвера. В апреле 1945 года специальный суд во Флоссенбурге приговорит его к смертной казни. Канариса повесят.

К большому достижению Волльвебера следует отнести и то, что он сумел создать устойчивую, дееспособную нелегальную организацию, продолжавшую эффективно действовать и после его ареста. Ее возглавил Освальд — опытный нелегал, проводивший разведывательно-диверсионные операции против франкистов в Испании. В костяк его группы входили 13 моряков и портовых рабочих: Абрахамсен Освальд, Браатен Харальд, Бруун Петер, Енгелсгард Аксель, Иенсен Ингвар, Кристиансен Альф, Кристоферсен Райдар, Резе Монтей, Торсруд Анкер, Хансен Зигурд, Хансен Ригмор, Ховде Ерланд, Кнудсен Гуннар Арнфельд.

После нападения Германии на СССР активность группы заметно возросла. В июле 1941 года они провели первую крупную диверсию — крушение поезда с боеприпасами, отправлявшегося из Осло в Германию, в августе подорвали немецкий ресторан «Левенброй». После взрыва здания полиции в Осло за поимку Освальда была объявлена награда в 100 000 крон. На афишах и стендах расклеивались портреты «саботажников» с текстом на норвежском и немецком языках: «Изображенные ниже коммунисты после совершения диверсии скрылись и находятся в бегах. Это моряк и подсобный рабочий Асбьерн Зунде. Ему 32 года, он среднего роста, светлые волосы, недавно выкрашенные в черный цвет. Имеет кличку Освальд или Освальд Петеррсон. В верхней челюсти слева золотая коронка. Подсобному рабочему Петтеру Бруну 29 лет. Он среднего роста, последнее время проживал в Осло по адресу: Трондхеймсвеген, 84. Может выдать себя за Тронда.

За предоставление сведений, могущих привести к поимке любого из названных лиц, выплачиваются по 50 000 крон. В том случае, если несколько лиц сообщат о местонахождении преступников, вознаграждение выплачивается тому, кто сделал это раньше других. Сообщать сведения в управление немецкой полиции безопасности в Осло по адресу: Викториа-террассе, 7, телефон 15801, или в ближайший отдел немецкой или норвежской полиции. Гарантируется анонимность сообщений. Выплата вознаграждения может осуществляться также полицейским чинам».

Практически группа Освальда в это тяжелое для СССР время оказалась в Европе единственной, кто на деле боролся с фашизмом. Только с августа по ноябрь 1943 года она осуществила диверсию по подрыву вокзала в Осло, взорвала 65 мостов, десятки поездов. Учитывая потребность группы в подготовленных подрывниках, несмотря на все препятствия, в 1942–1943 годах были организованы курсы изучения способов ведения партизанской войны. В 1944 году группа возросла до 70 антифашистов. Они вели партизанскую войну в горах и лесах Норвегии против гитлеровской Германии. Контакт с ними поддерживался по радиосвязи. Курировали действия группы Павел Судоплатов и Зоя Рыбкина.

Норвежский историк Ларс Боргерсруд в книге «Организация Волльвебера и Норвегия» называет группу Освальда «символом вооруженной борьбы антифашистов» против гитлеровской Германии. В мае 1995 года на стене Восточного вокзала в Осло была открыта памятная доска с надписью «Антифашистам группы Освальда».

Глава IX
МИНИСТР МГБ ГДР

«В ноябре 1944 года меня на советском самолете доставили из Стокгольма в Москву», — кратко пишет в автобиографии Волльвебер. В аэропорту его тепло, с почетом встречали Вальтер Ульбрихт и Павел Судоплатов, курировавший после Серебрянского разведывательно-диверсионную деятельность Лиги. В столице Эрнста разместили в знакомой гостинице «Люкс». Там его ожидал Вильгельм Пик. Поздравив с благополучным приездом, он передал приветствие и добрые пожелания здоровья от Сталина.

Волльвебер был так счастлив, что, растроганный, от волнения не мог связать двух слов. После праздничного застолья объявили о решении завтра же отправить его в санаторий Кисловодска поправлять здоровье и отдыхать. Все дела потом. Уходя, Судоплатов доверительно шепнул, что его работа положительно оценивается на самом верху.

Оторванный в силу своей многолетней нелегальной деятельности от общения с товарищами, простыми людьми, нормальной, будничной жизни, Волльвебер в санатории с удовольствием, беззаботно гулял по городу, знакомился с афишами театральных постановок, кино, осматривал витрины магазинов. В библиотеке по нескольку часов читал подшивки газет, журналы, набрал книг по истории Германии и России; слушал радио «Свободная Германия».

С сожалением узнал о роспуске Коммунистического Интернационала, делегатом Четвертого конгресса которого он был. Воспоминания об этом историческом событии, встречах с Лениным, Крупской остались в его памяти на всю жизнь. Газеты публиковали интервью Сталина московскому корреспонденту

английского агентства «Рейтер», в котором разъяснялась причина роспуска Коминтерна: «Роспуск Коминтерна правилен и осуществлен своевременно потому, что он облегчает организацию общей борьбы всех свободолюбивых народов против общего врага — гитлеризма. Роспуск Коминтерна правилен потому, что

а) он разоблачает ложь гитлеровцев, что Москва якобы стремится вмешиваться в жизнь других стран и их «большевизировать». С этой ложью теперь покончено;

б) он разоблачает клевету противников коммунизма в рабочем движении, что коммунистические партии якобы в своей деятельности руководствуются не интересами своих народов, а приказами извне. С этой клеветой теперь тоже покончено.

в) он облегчает деятельность патриотов свободолюбивых стран, направленную на объединение всех прогрессивных сил каждой страны, независимо от партийной принадлежности и религиозных убеждений, в единый лагерь национального освобождения для развития борьбы с фашизмом.

Я убежден, что роспуск Коммунистического Интернационала осуществился вполне своевременно, потому что как раз сейчас, когда фашистский зверь напрягает свои последние силы, необходимо организовать общую ударную силу свободолюбивых народов, чтобы окончательно добить этого зверя и освободить народы от фашистского ига. И. Сталин, 28 мая 1943 г.».

Конечно, Эрнст следил за сводками с фронта, событиями в Германии. В сентябре 1944 года Гитлер отдал приказ «сражаться до последнего». Существуют, по его словам, только две возможности — «удержать позиции или героически погибнуть». Немецкое радио сообщало об очередной директиве начальника генштаба Гудериана о «пополнении действующих сухопутных войск». Тяжелые потери в августе–октябре 1944 года привели «к значительному обострению положения с личным составом. Вместе с большими потерями в связи с захватом противником укреплений на Западе и с потерями, возникшими в результате предательства румын, — докладывал Гудериан, — действующие сухопутные войска в общей сложности потеряли: в августе — 595 тысяч человек, в сентябре — 400 тысяч человек, в октябре — 197 тысяч человек. Итого — 1 192 тысяч. В целях сохранения существующих соединений, честь которых за последний месяц уже

потеряла свой кадровый состав, я вынужден потребовать, чтобы, начиная с ноября, в дивизии возвращались все их выздоровевшие числом по крайней мере 60 тысяч человек в месяц». Немцев охватила паника. Из-за гиперинфляции производство товаров падало. Ценность реальных товаров возрастала: продовольствия, одежды, сигарет.

В санатории Волльвебер лечился три месяца. Минеральные воды, хорошее питание, чистый воздух Кавказских гор благоприятно сказались на состоянии его здоровья. Бодрый, в добром настроение в марте 1945 года Эрнст вернулся в Москву. В гостинице «Люкс» ему отвели удобный номер, выдали удостоверение с фотографией, которое нужно было предъявлять при входе. Гостиница была своего рода маленьким городком. Там все было устроено так, что живущим в ней не было необходимости соприкасаться с внешним миром. Наряду с закрытой столовой там были: прачечная, сапожная и портняжная мастерские, амбулатория, отделение милиции, улаживавшее вопросы прописки и выписки.

Председатель КПГ В. Пик, коллеги из разведки посоветовали ему поступить на курсы по изучению истории партии большевиков и германской революции в Институте марксизма-ленинизма (ИМЛ). Волльвебер, постоянно стремившийся повысить уровень своего образования, с большим желанием приступил к учебе. ИМЛ в то время активно занимался сбором и изучением материалов по истории международного коммунистического движения, готовил к изданию полное собрание сочинений Ленина, Маркса, Энгельса; выпускал бюллетень «Марксистко-ленинская литература», журнал «Пролетарская революция». Эрнст с головой окунулся в изучение трудов классиков научного коммунизма, документов Коминтерна.

Его внимание привлекла актуальная монография «Малая война. Партизанство и диверсии», близкая его разведывательно-диверсионной деятельности в условиях подполья: «Малая война происходит не только в военное, но и мирное время, — говорилось в ней. — В будущей войне империалистов против СССР она будет играть большую роль, так как применение ее форм (особенно диверсий) со стороны врагов СССР имеет место уже в настоящее время... В связи с этим требуется заблаговременная подготовка к отпору нападения, проводимого по методам малой

войны, а равно и использование форм малой войны при соответствующих условиях, в особенности при наличии массовой борьбы против нападающих империалистов».

В ходе оперативных встреч с П. Судоплатовым, З. Рыбкиной обсуждались результаты акции саботажа и диверсий. По их просьбе Эрнст подробно рассказал о методах подготовки и организации диверсионных операций на судах, железной дороге, о созданных опорных пунктах, способах добычи динамита, изготовления взрывчатки; дал характеристики групповодам, наиболее способным участникам Лиги. Детально разбирались причины предательства Седера, недостатки в подборе и изучении кандидатов на прием в организацию, налаживании связи между группами и отдельными членами.

Разведывательной работе Волльвебера по формированию боевой нелегальной Лиги, выполнению заданий проведения диверсий и саботажа руководством разведки была дана высокая оценка, и, как особо подчеркнул Судоплатов, самим Сталиным. Эрнста проинформировали, что группе Освальда дано указание в настоящее время отказаться от подготовки диверсий. В условиях наметившегося поражения Гитлера в войне такие рискованные акции, чреватые потерей людей, становятся неактуальными. Рекомендовано сосредоточиться на добывании сведений о планах Гитлера в подготовке военных операций против наступающей Советской армии, внутриполитическом положении в Германии, о попытках отдельных представителей нацистской верхушки, настроенных оппозиционно к фюреру, начать сепаратные переговоры с союзниками СССР — Англией и США.

В сводках с фронта боевых действий каждый день сообщалось о приближающемся разгроме фашистского вермахта. На западе англо-американские войска начали Рурскую операцию. В начале апреля главные силы германского фронта были окружены. 14 апреля началась агония окруженной группировки. 21 апреля застрелился командующий немецкими войсками на Западе генерал-фельдмаршал Вальтер Модель, Западный фронт рухнул. Союзники могли наступать в оперативной пустоте и войти в столицу Рейха в течение недели.

В тот момент, когда стало ясно, что сопротивление Германии на Западе практически сломлено и путь на Берлин союзникам

открыт, Красная армия 16 апреля начала Берлинскую операцию. Встреча советских и американских войск в Торгау на Эльбе произошла 25 апреля, а Берлин сопротивлялся еще неделю и капитулировал только 2 мая. Волльвебер на всю жизнь запомнил радостную, праздничную демонстрацию «со слезами на глазах» москвичей 1 мая 1945 года. С волнением читал «Приказ Верховного главнокомандующего»: «В этом году народы нашей Родины встречают день Первого Мая в обстановке победоносного завершения Великой Отечественной войны... Ныне наши победоносные войска громят вооруженные силы противника в центре Германии, далеко за Берлином, на реке Эльбе. За короткий срок освобождены Польша, Венгрия, большая часть Чехословакии, значительная часть Австрии, столица Австрии — Вена... Дни гитлеровской Германии сочтены. Более половины ее территории занято Красной армией и войсками наших союзников». Вечером за праздничным столом вместе с советскими коллегами и руководителями КПГ Эрнст любовался грандиозным салютом в часть исторической победы.

Летом 1945 года на Потсдамской конференции руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании — Германия была поделена на четыре оккупационные зоны. Руководство органов советской государственной безопасности планировало направить Волльвебера со «специальным заданием» в Рурскую область, находившуюся на территории британской оккупационной зоны. Но в последний момент это решение отменили. Кураторы Эрнста объяснили, что он хорошо известен на Западе, особенно английским спецслужбам, и может быстро попасть в руки разведки СИС. Поэтому намного безопаснее и полезнее использовать его знания и опыт в организации государственного аппарата, органов безопасности Восточной Германии, в советской оккупационной зоне.

«В марте 1946 года я был освобожден от выполнения специальных заданий и вновь возвратился к партийной работе в ЦК КПГ, — пишет Волльвебер в автобиографии. — Товарищ Вильгельм Пик решил, что моя будущая работа должна заключаться в выполнении поручений Вальтера Ульбрихта. Товарищ Ульбрихт предложил мне работать в государственном аппарате, в частности в центральном руководстве дирекции транспорта.

Сначала я возглавил отдел генеральной дирекции судоходства, являясь одновременно председателем профсоюза рабочих транспортной промышленности».

В мае 1946 года Волльвебер вступил в Социалистическую единую партию Германии (СЕПГ), довольно быстро освоился на посту начальника отдела Главной дирекции судоходства. В его обязанности входило реконструкция и координирование движения внутреннего судоходства: портов, гаваней, водных путей, пароходов. В короткие сроки необходимо было добиться расширения судоходства в такой степени, чтобы эта отрасль транспорта справлялась с поставленными перед ней задачами. Умением решать возникающие трудные проблемы в сложной обстановке во время наводнения весной 1947 года Эрнст доказал, что может успешно руководить коллективом, справляться с огромным объемом работы. Завоевал авторитет и уважение коллег по работе, которые отмечали его организаторский опыт, деловой подход, целеустремленность. В партийной характеристике на него было записано: «Волльвебер — человек признающий критику, энергичный, полон ответственности за порученную ему работу. Он обладает хорошей манерой в общении, очень хороший теоретик, хорошо владеет пером. Среди сотрудников пользуется уважением».

За полтора года работы под руководством Эрнста сотрудниками судоходства поднято со дна водоемов 700 затонувших судов, отремонтировано более 400 разрушенных мостов через реки, восстановлено регулярное водоснабжение. Отремонтированные пароходы по репарационному соглашению переданы Советскому Союзу. Впечатляющие успехи в его работе на посту начальника отдела были замечены руководством Советской военной администрации в Германии. В марте 1947 года начальник транспортного управления СВАГ генерал-майор П. Квашнин рекомендовал повысить Волльвебера в должности и назначить генеральным директором Генеральной дирекции судоходства, что и было сделано, правда, как отмечает Волльвебер в автобиографии, после некоторого сопротивления министерства транспорта: «Восстановление судоходства осуществлялось успешно. Руководитель транспортного отдела СМАД генерал Квашнин потребовал от президента центрального управления транспорт-

ной промышленности назначить меня генеральным директором дирекции судоходства, что и произошло после некоторого сопротивления руководства министерства транспорта, — отмечает он. — Я много сил отдавал налаживанию внутреннего судоходства, строительству новых судов, ремонту и восстановлению поврежденного транспорта. За этой работой я ослабил контроль за использованием финансовых ресурсов, а также обучением и подготовкой молодых кадров. На эти недостатки мне указали руководящие коллеги СМАД».

Генерал Квашнин в характеристике на Волльвебера в декабре 1948 года дает такую оценку его деятельности на посту генерального директора: «Волльвебер является профессиональным революционером, прошедшим суровую школу политической борьбы в рядах коммунистической партии, подвергался арестам, длительное время сидел в тюрьме, а затем находился в эмиграции. В настоящее время является активным членом СЕПГ. За время его работы в качестве генерального директора Генеральной дирекции судоходства водный транспорт значительно улучшил свою работу. План 1948 года, который был увеличен более чем на 40 % по отношению к плану предыдущего года, водный транспорт досрочно выполнил к 23 ноября с. г. Волльвебер пользуется заслуженным авторитетом среди работников водного транспорта». В знак благодарности руководство СВАГ наградило Волльвебера денежной премией и продуктовым набором.

После многих лет нелегальной разведывательной деятельности в подполье, постоянных переездах, бездомности, жизнь Эрнста обретала нормальный, устойчивый обиход. Его оклад составлял 2250 марок — большая сумма по тем временам. Средняя зарплата рабочего исчислялась в 350 марок. Волльвебер купил виллу в местечке Ленитц близ Ораниенбурга, приурочив приобретение этого «тихого приюта» к 50-летнему юбилею 29 октября 1948 года. Чествовать его прибыли В. Пик, В. Ульбрихт, а также приглашенные соратники по партии, антифашистскому сопротивлению Антон Аккерман, Эрих Мильке, Рудольф Хернштадт, Карл Ширдеван, Рихард Штальман, Вильгельм Цайссер с женой Элизабет. За праздничным столом были две женщины: Мария Вайс, заместитель генерального директора, по слухам любовница Эрнста; Лотте Канн — его романтическое увлечение в период работы в ИМПР в Копенгагене.

В его адрес было сказано много лестных, искренних слов как о верном товарище, испытанном революционере, убежденном коммунисте. Отмечались его организаторский талант, способный объединить, увлечь коллектив на выполнение порученных заданий; природное чутье на людей, умение находить способных, инициативных сотрудников; знание жизни. Юбилей отмечали и на работе. В юбилейные дни Волльвебер впервые за многие годы испытывал непередаваемое радостное душевное состояние.

1949 год стал важным поворотным пунктом в истории Европы. Летом на основе западногерманского сектора, который контролировали США, Англия и Франция, была создана Федеративная Республика Германия. Осенью, 7 октября провозглашено образование Германской Демократической Республики. На европейском континенте возникли два германских государства. Причем ГДР как новое немецкое государство было такое, какого история Германии до сих пор не знала. Там прошли глубокие преобразования: денацификация, демилитаризация, конфискация земли у промышленных магнатов, помещиков, юнкеров и передача ее рабочим и крестьянам. Лидеры ГДР принципиально отличались от тех, кто пришел к власти в ФРГ. Это были коммунисты, коминтерновцы, бывшие узники нацистских концлагерей, беспартийные антифашисты.

Статья 3-я Конституции ГДР гласил: «Вся государственная власть исходит от народа... Государственная власть должна служить благу народа, свободе, миру и демократическому прогрессу». Руководство СЕПГ объявило о строительстве «первого на немецкой земле национального государства рабочих и крестьян», что означало полный разрыв преемственности с реакционными традициями прежних режимов, отсутствие ответственности за их деяния. Подобная политика проводилась с одобрения руководства СССР. Сталин считал ее проявлением рационального прагматизма. В письме В. Пику по случаю образования ГДР он писал: «Опыт последней войны показал, что наибольшие жертвы в этой войне понесли германский и советский народы, что эти два народа обладают наибольшими потенциями в Европе для совершения больших акций мирового значения. Если эти

два народа проявят решимость бороться за мир с таким же напряжением своих сил, с каким они вели войну, то мир в Европе можно считать обеспеченным» («Правда», 14 октября 1949 года). Как видим, Германия признавалась Сталиным достойным уважения партнером.

Думается, по этой причине ГДР стала предметом острой ненависти со стороны Западной Германии. Вся политика ФРГ с самого начала была заряжена на создание трудностей первому на немецкой земле государству рабочих и крестьян, его международную изоляцию в расчете на расшатывание внутриполитического положения в ГДР. Была провозглашена доктрина Хальштейна, в соответствии с которой ФРГ рвала дипломатические отношения с любой страной, которая признавала ГДР. И она это проделала дважды — в отношении Югославии и Кубы. Западная Германия стремилась замкнуть на себя все экономические связи ГДР с западным миром, чтобы иметь инструменты воздействия на новое государство, ставшее бастионом социализма в Европе.

В новом правительстве ГДР Волльвебер занял пост статс-секретаря министерства транспорта. Руководство Советской контрольной комиссии в Германии оценивало его деятельность в новой должности так: «Обладает организаторскими способностями, умеет быстро схватывать новое, правильно ориентируется в обстановке. Отсутствие технических знаний несколько сужает кругозор г-на Волльвебера, но хорошее политическое развитие позволяет ему завоевать авторитет у окружающих. Способен подчинить своему влиянию руководящий состав вышестоящих инстанций. В практической работе держит тесную связь с секретариатом СЕПГ. Гордится и дорожит старыми партийными связями с членами КПГ и других стран. Работая полгода в должности статс-секретаря, с работой справляется. Пользуется в коллективе авторитетом. Будучи генеральным директором с органами СВАГ и СККГ имел тесную связь, своевременно информировал о положении, но в данное время держится несколько оторвано и самостоятельно. К Советскому Союзу относится с уважением. Все мероприятия проводимые партией СЕПГ старается претворять в жизнь. В своей практической работе требует контроля и помощи со стороны органов СККГ. Старший инспектор по кадрам отдела транспорта и связи СККГ майор Китов. 10 июня 1951 года».

Волльвебер самокритично воспринял замечания об «отсутствии технических знаний и сужении кругозора»: «Став статс-секретарем министерства транспорта, я сам вскоре увидел, что многим сотрудникам генеральной дирекции судоходства не хватает должной ответственности и самостоятельности в принятии решений в рамках своей компетенции, — пишет он в автобиографии. — На посту статс-секретаря я стремился, как мог, содействовать развитию, воспитанию самостоятельности и ответственности коллег по работе, устранению недостатков. Мне и самому приходилось заниматься самообучением. Недостаток знаний я особенно ощущал на занятиях в вечернем университете, особенно в теории политэкономии. Много полезного опыта я приобрел от общения с квалифицированными советскими товарищами».

* * *

Итак, холодная война. Этот термин был пущен в оборот в 1947 году. Им стали обозначать состояние политической, экономической, идеологической, «полувоенной» и прочей конфронтации между государствами и системами. Один из главных теоретиков и практиков холодной войны Джон Фостер Даллес проповедовал в качестве вершины стратегического искусства для США «балансирование на грани войны». А в одном правительственном документе Вашингтона той поры для ясности записано: холодная война суть «настоящая война, ставка в которой — выживание свободного мира».

На войне как на войне. Тут запреты либо не существуют, либо девальвируются и превращаются в ритуальные условности. Это хорошо понимали в Кремле, руководстве советской внешней разведки, ставя соответствующие задания резидентурам, агентурным группам, «Лиге Волльвебера». Еще накануне окончания войны, когда крах гитлеровской Германии не вызывал сомнения, наша разведка провела подготовительную работу к возобновлению деятельности в послевоенной Германии. Были проанализированы материалы о спецслужбах этой страны, ее государ-

ственных и партийных органах, личные дела бывшей агентуры НКВД. В апреле 1945 года при штабах фронтов, освобождавших Германию, были созданы оперативные группы, в задачу которых входила вербовка агентуры, способной выявлять участников нацистского подполья, освещать деятельность различных политических группировок, вскрывать секретную деятельность британских, американских, французских спецслужб. После войны они были объединены в резидентуру.

К концу 1945 года основными задачами разведывательных и контрразведывательных подразделений были выявление и арест военных преступников, особенно укрывающихся в американской и английской зонах оккупации, пресечение террористической и диверсионной деятельности гитлеровского подполья. В области внешней разведки стояла задача приобретения агентуры, способной занять руководящие посты в новой Германии, а также освещать деятельность США и Англии против СССР и его союзников. Важная роль в выполнении этих задач отводилась образованному в апреле 1950 года по образцу и при участии МГБ СССР Министерству государственной безопасности ГДР — «Штази». С самого начала его структура задумывалась как «щит и меч» социализма в Европе. Сотрудники «Штази» во всем учились у советских разведчиков и называли себя «чекистами».

Первым руководителем МГБ ГДР стал Вильгельм Цайссер, работавший в 1920–1930-е годы на советскую разведку, друг и соратник Волльвебера по революционной борьбе за власть советов в Германии, против фашизма. Они вместе учились в военной школе при разведывательном управлении генштаба РККА в Москве в 1923–1924 годах, и есть все основания полагать, что в послевоенный период по возвращению из СССР в Германию рука об руку работали над выполнением заданий разведывательных служб СССР.

В графе биографии Эрнста за 1950–1953 годы записано: «Статс-секретарь министерства транспорта. По поручению СССР начинает воссоздавать так называемую Организацию Волльвебера, в странах Балтийского и Северного морей создает школы для обучения групп саботажа». Возрожденную Лигу предполагалось использовать, наряду с саботажем на судах, для добывания и провоза (контрабандного) через «железный занавес»

с Запада на Восток стратегических товаров и передовой техники, в которых нуждался Советский Союз и страны социалистического лагеря.

Высокий пост в министерстве транспорта стал удобным прикрытием для формирования опорных пунктов нелегальных разведывательно-диверсионных групп в портах и на пристанях больших судоходных рек. Такие пункты были созданы в Висмаре, Гамбурге, Ростоке. По распоряжению Эрнста были открыты три морские школы. Немецкий историк Михаель Шольц в книге «Эрнст Волльвебер. Саботажник — министр — человек без лица» пишет: «Морская школа Вустроу на полуострове Дарс в Балтийском море готовила ежегодно около 180 судовых инженеров, радистов, капитанов. Из них 20–30 человек проходили специальный курс обучения. В Вустроу будущих саботажников обучали взрывному делу, выполнению разведывательных заданий. Аналогичные специальные дисциплины преподавались в мекленбургской школе Гольдберг и в Ладебов под Грайфсвальдом, где располагалась Специальная школа министерства транспорта — отдел судоходства. Идеологическую подготовку обеспечивала школа Карл-Маркс-шуле в Берлине. В Ладебове, наряду с немецкими, обучались коммунисты из Скандинавских стран. Специальные дисциплины преподавал таинственный балтиец доктор Кениг, который обучал, например, следующему.

Саботажник должен сам заносить взрывчатку на борт судна. Он может скрытно занести туда около двух килограммов. Мину необходимо разместить так, чтобы при детонации взорвалась котельная и судно пошло ко дну. Кениг показывал слушателям взрывчатку собственного изобретения, учил, как ее изготовлять».

Волльвебер разыскал и восстановил связь с бывшим своим курьером Вилли Роде, руководителем партячейки немецких коммунистов-эмигрантов в Осло Францем Стефани, соратником по антифашистской борьбе Рихардом Иенсеном в Дании. С ними была достигнута договоренность о продолжении нелегальной борьбы против империализма, милитаризма, недобитых фашистов. Они согласились работать над формированием боевых групп в опорных пунктах своих стран.

Успешные результаты работы Эрнста в министерстве транспорта, по разведывательной линии были омрачены неожидан-

ным предательством одного из сотрудников в его окружении. Во время поездки для устранения разрушительных последствий наводнения в 1947 году он познакомился с директором отдела транспорта земли Саксония-Ангальт Вальтером Грамшем. В ходе авральных работ Грамш приглянулся ему деловой хваткой, организаторскими способностями, специальной технической подготовкой. Волльвебер назначил его начальником отдела судоходства и портов в генеральной дирекции. Грамш оказался агентом западногерманских спецслужб, выдавал сведения об особенностях работы и жизни Эрнста. Почувствовав угрозу разоблачения, предатель сбежал в Мюнхен. Там он в беседе с журналистами заявил, что должность статс-секретаря в министерстве транспорта Волльвебер использует как прикрытие для разведки и акций диверсий против Западной Германии. Пресса опубликовала такое высказывание агента: «Организация Волльвебера является важной составной частью восточных спецслужб, работающих против Запада. Трудно определить, сколько оперативных групп и агентов насчитывается в ней».

Говоря о личной жизни Эрнста, агент рассказал, что любимым местом его вечерних посиделок является ресторан в отеле профсоюза «Нева» на улице Инвалиденштрассе, где он проводит много часов за кружкой пива, играет в биллиард. В разговорах критикует Ульбрихта, пародирует его саксонский диалект. Приводится его «смелое» высказывание о том, что «коммунистам стоит кое-чему поучиться у Запада, например созданию условий для конкурентной борьбы предприятий в производстве и сбыте товаров».

Обличительные высказывания предателя дали повод для утверждений в том, что возрожденная «Лига Волльвебера» снова приступила к организации разведывательно-диверсионных операций на судах западных стран, участвующих в военных действиях в Корее. Агентов Лиги подозревали, в частности, в диверсии на британском авианосце «Илластриэс», следовавшем в июле 1951 года в Корею. При осмотре поврежденного котла были обнаружены зажигательные снаряды. В порту Сванзеа взорвался американский танкер, доставлявший ГСМ для армии США в Корее. В мае 1951 года в Китайском море тайваньской морской охраной был задержан немецкий пароход «Май Рик-

мерс», совершавший рейс из Гамбурга в Корею. На его борту обнаружено большое количество вооружений и военной техники. Сигнал о контрабандной перевозке оружия передали якобы властям Тайваня коммунисты из состава экипажа судна. В октябре 1951 года моряки и портовые рабочие Гамбурга устроили многодневную забастовку, сорвав погрузочные работы в этом крупном порту Германии.

В мае 1951 года произошла серьезная авария на французском лайнере «Оран» близ Марселя. В машинном отделении взорвалась термитная бомба. Корабль готовился к отплытию в Сайгон с грузом боеприпасов и оборудования для французских войск, противостоящих коммунистам в Индо-Китае. Спецслужбы Франции установили, что бомба установлена боевиком «Лиги Волльвебера» и изготовлена она в технической мастерской в Карлхорсте в Восточном Берлине или Висмаре на Балтийском побережье. Такая же бомба была найдена в машинном отделении танкера, строившегося в Гамбурге.

В январе 1953 года возник пожар на канадском лайнере «Импресс оф Канада», стоявшем на ремонте в Ливерпуле. Три дня спустя вспыхнули пожары на английских пароходах «Квин Елизабет» и «Квин Мари». Такая же акция саботажа случилась на британском авианосце «Триумар». В феврале 1953 года в результате мощного взрыва на авианосце «Индомитэбл» трое матросов погибли, 40 получили различного рода ранения.

В 1952–1953 годах эксперты установили 13 необъяснимых случаев взрывов, пожаров, повреждений на судах Англии и США. Известный немецкий политик Герберт Венер, выступая в бундестаге, обвинил в осуществлении этих акций саботажа и диверсий на судах «Лигу Волльвебера». Западногерманская пресса писала о Волльвебере как о «самом деструктивном коммунисте Европы, действующем по заданиям Москвы».

Волльвебер воспринимал эти обвинения спокойно. В душе он испытывал даже некоторое удовлетворение тем, что его борьба на передовом рубеже холодной войны приносит желаемые результаты. К тому же в это время его охватило очередное романтическое увлечение. На одном из приемов в Берлине по случаю празднования годовщины Октябрьской революции Волльвебер встретил Клару Фатер, знакомую по революционным событиям

в Брауншвейге, Лейпциге в 1920-е годы, в ЦК КПГ. Они стали встречаться, проникаясь симпатией друг к другу. Клара станет верной спутницей жизни Эрнста в ответственный период его работы во главе министерства государственной безопасности ГДР.

Биография, написанная Кларой Фатер: «Я родилась 6 мая 1900 года. Мой отец — Альберт Фатер был кузнецом и позже — владельцем ресторана. Моя мать происходит из бедной крестьянской семьи. В 1906 году я поступила в школу, которую посещала до 14 лет. С 14 до 16 лет помогала матери по хозяйству. В 16–17 лет училась в торговой школе в Магдебурге, где изучала машинопись, стенографию, бухгалтерию. В 17–18 лет работала в качестве расчетного бухгалтера Средне-Германского А/О «Моторпфлюг» в Магдебурге и затем перешла на партийную работу. Так как мой отец в течение более сорока лет примыкал к рабочему движению — был членом СДПГ, затем «Союза Спартак» и до 1922 года освобожденным политсекретарем округа Магдебург–Анхальт, — то и я очень рано примкнула к рабочему движению.

Уже в 1917 году проводила нелегальную работу для «Союза Спартак» и в конце 1918 года, после того как «Союзом Спартак» была организована коммунистическая партия, — стала членом этой партии. С 1918 по 1920 год работала в качестве стенографистки и частично в Магдебург–Анхальт в качестве помощника секретаря окружного комитета «Союза Спартак». В 1920 году в период подполья временно работала в штате революционного правительства в Брауншвейге. С 1920 до конца 1921 года работала в ЦК КПГ в качестве стенографистки. С конца 1921 по 1925 год работала в Хемнице кассиршей издательства, а до этого — в Хемницком союзе исключенных строительных рабочих.

Вследствие разногласий, возникших между Управлением делами и кассиром ЦК КПГ я, временно, до установления факта моей непричастности к спорам, решила оставить партийную работу. В 1926 году переехала в Лейпциг для работы в окружном совете МОПР в качестве платного помощника секретаря и стенографистки. Здесь я работала до 1927 года. В этот период в течение ряда месяцев замещала ответственного окружного секретаря. В 1927 году была отозвана ЦК германской организации МОПР в Берлин. Там работала в орготделе в качестве корреспондента

и статистика. При наличии политических разногласий, происходивших между тогдашним ЦК партии и Центральным советом, я временно примкнула к правой группировке и таким образом совершила серьезную политическую ошибку, которую, однако, вскоре поняла. Вследствие этого я через некоторое время была направлена на другую работу и с начала 1930 года работала в издательстве АИЦ в качестве секретарши и самостоятельного экспедитора по связи с Берлином. По собственному желанию оставила это место и поступила на работу в Торговую палату СССР секретарем уполномоченного и позже в расчетном отделе Дероп вплоть до того, как партия была загнана в подполье.

С начала подполья по политическим соображениям я должна была оставить это место и работала нелегально вместе с моим мужем — товарищем Ремером в различных учреждениях в качестве курьера и стенографистки. В последнее время работала в течение года в Голландии в качестве кассирши и стенографистки. После освобождения моего мужа я приехала вместе с ним в Советский Союз. В течение всего времени моего пребывания в партии помимо своей основной работы я вела активную политическую и организационную работу в различных местных группах на предприятиях и в уличных ячейках. Плодотворной прежде всего для меня самой была работа до и во время стачки берлинских рабочих городского транспорта в ячейке Мюллерштрассе и примыкающем районе».

Дата написания биографии не указана. Судя по упоминанию работы в подполье и Голландии, она составлялась в середине 30-х годов прошлого века. Дополним эту биографию важными сведениями, о которых К. Фатер по определенным соображениям предпочла умолчать. В Голландии она выполняла задания советской разведки. Во времена «сталинских чисток» Клара Фатер и ее муж попали под подозрение в измене. Были отозваны в СССР и осуждены: муж получил десять лет лагерей, Клара — два года. В лагерях она в сентябре 1937 года родила дочь Тамару. В 1940 году советская власть выдала К. Фатер гитлеровской Германии, где она была приговорена к 2,5 годам концлагерей. Столь мягкий приговор послужил поводом к подозрению, что она пошла на сотрудничество с нацистами. Отец К. Фатер, вернувшийся из СССР в Германию в 1940 году, выступил с резкой

критикой советских властей, преследующих немецких эмигрантов. Его антисоветские высказывания широко публиковались немецкой прессой.

Недруги и завистники Волльвебера использовали факт его сожительства с «подозрительной» К. Фатер для распространения порочащих Эрнста сведений в «приспособленчестве», «соглашательстве», «аморальном поведении». Вот, например, какую «Справку» на Волльвебера составил начальник 1-го отделения отдела гражданской администрации СВАГ, капитан 3-го ранга Фадин: «Его жена Фатер (носит девичью фамилию) работает в Транспортном управлении. Отец ее вернулся из СССР в 1940 году с антисоветскими настроениями, о нем неоднократно упоминалось в английской газете «Ди Вельт» в антисоветских статьях о немецких политических эмигрантах в СССР. Где отец сейчас — неизвестно. Дочь находится под влиянием этих настроений и передает их на мужа. По мнению секретаря партийной организации НЭК Линднера, Волльвебер является типичным соглашателем».

Этот надуманный оговор отражался потом во многих характеристиках на Волльвебера, составляемых сотрудниками СВАГ. Аналогичные инсинуации направлялись завистниками в СЕПГ В. Пику, В. Ульбрихту.

Волльвебер и Клара Фатер знали о возводимой на них напраслине, относились к доносчикам с презрением. На их дружную, совместную жизнь клевета никак не влияла, наоборот, сплачивала, побуждая работать на благо ГДР и СССР еще эффективнее.

50–60-е годы XX века стали периодом кульминационных пунктов в холодной войне. В этих условиях борьба спецслужб приобретала глобальный всеобъемлющий характер. Советская внешняя разведка наращивала свою активность в этой борьбе с помощью ГДР, одновременно помогая становлению органов госбезопасности республики и тесно сотрудничая с ней. В июне 1953 года в результате изменения политической ситуации, вызванного смертью Сталина, в Восточном Берлине и советской оккупационной зоне произошли массовые волнения рабочих и крестьян, недовольных реформами «нового курса» руководства СЕПГ. Разъяренные демонстранты, подстрекаемые провокаторами и агентами западных спецслужб, захватили здание

правительства ГДР. Восстание было подавлено советскими танками.

Уполномоченный МВД СССР в Германии полковник И. А. Фадейкин 18 июня докладывал в Москву: «В результате действий советских войск и введения военного положения в Берлине и ряде других крупных городов положение в республике почти нормализовано... Из поступивших агентурных и официальных данных видно, что некоторые члены СЕПГ принимали активное участие в волынках и забастовках. Организаторами и руководителями значительной части забастовочных комитетов на предприятиях являлись функционеры немецких профсоюзов... О широком недовольстве среди членов партии свидетельствует то, что за последние два дня по округу Котбус вышло из СЕПГ около 100 человек... Особенно резкие высказывания имели место в отношении В. Ульбрихта... Партийные функционеры не пользуются авторитетом среди рабочих...»

***Справка**. Иван Анисимович Фадейкин родился в 1917 году. В 1939 году окончил Куйбышевский институт журналистики. В том же году по партийной мобилизации был призван в армию. В годы Великой Отечественной войны находился в рядах действующей армии, занимал должности комиссара, командира полка, начальника штаба дивизии, командира дивизии. Был трижды ранен. В послевоенное время находился на ответственной работе в аппарате министерства обороны СССР. В 1949 году окончил Военную академию им. Фрунзе. В том же году переведен на работу во внешнюю разведку.*

С 1950 по 1954 год находился в служебной командировке в Берлине, где занимал должности начальника отдела внешней разведки, а затем заместителя начальника инспекции по вопросам безопасности при верховном комиссаре СССР в Германии. Принимал личное участие в разработке и ликвидации крупных агентурных групп спецслужб США, ФРГ, Англии на территории ГДР. С 1961 по 1966 год являлся заместителем, а затем начальником 3-го управления КГБ СССР. В 1966 году был направлен в качестве уполномоченного КГБ в Германию. В дальнейшем назначен руководителем представительства КГБ при МГБ ГДР. В 1978 году выезжал в служебную командировку в Иран.

Вклад генерал-майора И. А. Фадейкина в дело обеспечения государственной безопасности высоко оценен Родиной. Он награжден орденом Октябрьской революции, четырьмя орденами Красного знамени, орденом Трудового Красного Знамени, Александра Невского, Красной Звезды, нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности». Умер в 1979 году.

К исходу 25 июня, когда жизнь Восточной Германии полностью вошла в нормальное русло, правоохранительные органы ГДР и Советской военной администрации подвели окончательные итоги восстания. В акциях протеста приняло участие: 17 июня — свыше 470 тысяч человек, 18-го — свыше 242 тысяч, 19-го — около 50 тысяч, 20-го — 13 тысяч. Всего было задержано 8844 человека. После фильтрации 3369 человек вышли на свободу, 1832 остались под арестом и после суда по этапу отправились в советский ГУЛАГ. В вооруженных стычках было убито 21 и ранено 126 бунтовщиков.

На заседании членов Политбюро ЦК СЕПГ 8 июля, обсуждавших причины народных волнений, выявились серьезные разногласия по вопросу «нового курса» реформ Ульбрихта. Хернштадт и Цайссер заявили, что главным поводом для недовольства рабочих и крестьян стали ошибочные реформы. Цайссер высказался за отставку Ульбрихта с поста 1-го секретаря СЕПГ, предложив избрать вместо него Хернштадта. «Аппарат в руках Ульбрихта является катастрофой для партии и нового курса. Хернштадт лучше прислушивается к массе, чем мы», — заявил министр МГБ. С критикой «нового курса» выступили Аккерман, Ольснер. Ульбрихта поддержали только Матерн и Хонеккер. В июньских событиях, по словам Хонеккера, виноват не один Ульбрихт, а все, и в первую очередь Цайссер, просмотревший как министр госбезопасности подготовку забастовок, их главных организаторов.

Цайссер был смещен с должности министра государственной безопасности. Его вывели из состава Политбюро и ЦК, исключили из СЕПГ за антипартийную и фракционную деятельность. Статус МГБ был понижен, подчинен МВД. 24 июля 1953 года новым руководителем секретариата государственной безопасности, заместителем министра внутренних дел назначили Эрнста Волльвебера. «После 17 июня 1953 года критике

подверглась и госбезопасность, Эта сфера деятельности была придана госсекретариату в Министерстве внутренних дел. Эрнст Волльвебер стал госсекретарем. Штоф стал министром внутренних дел, а я единственным утвержденным заместителем Волльвебера, — вспоминает знаменитый разведчик Маркус Вольф. — Что касается всех остальных, включая Мильке, партийная контрольная комиссия должна была провести еще проверку. Я как сейчас вижу все руководство в небольшом зале столовой на Норманненштрассе, — в первом ряду сидят еще не утвержденные заместители, в том числе Мильке. Я же, напротив, сидел за столом президиума рядом со Штофом и Волльвебером. Для Мильке совершенно непереносимая ситуация. Так вот начиналось между нами. Он, при всем его честолюбии, сидит внизу, а я, смешной интеллектуал, сижу рядом с министром. Его утвердили шефом контрразведки, а я был шефом разведки, над нами обоими стоял Волльвебер... Мильке делал все, чтобы усложнить нам работу».

***Справка**. Маркус Вольф родился в 1923 году в городе Хехинген в Германии в еврейской семье врача, драматурга, коммуниста Фридриха Вольфа и коммунистки Эльзы Вольф. После прихода к власти Гитлера семья Вольфов в 1933 году, спасаясь от преследований нацистов, эмигрировала во Францию, а в апреле 1934 года — в СССР. Учился в немецкой школе им. Карла Либкнехта, с 1937 года — в русской средней школе. В 1936 году получил советское гражданство. С 1940 по лето 1942 года — студент Московского авиационного института. В 1942–1943 годах обучался в политической школе Коминтерна. После ее окончания работал диктором и корреспондентом антифашистских радиостанций. В 1945–1946 годах — корреспондент Берлинского радио и газеты «Берлинер цайтунг». В 1949–1951 годах работал советником миссии ГДР в Москве.*

С 1952 года участвовал в создании внешней разведки МГБ ГДР, а в конце того же года возглавил эту спецслужбу. В 1953 году стал заместителем министра госбезопасности, затем начальником Главного управления «А» — внешней разведки МГБ ГДР. На этом посту пробыл до 1986 года. В сентябре 1991 года, после объединения Германии был арестован и отправлен в тюрьму

Карлсруэ, однако вскоре выпущен под крупный залог. Осужден на шесть лет, спустя два года решением Конституционного суда все обвинения с него были сняты. В 1997 году — новый суд, теперь по обвинению в личной причастности к уголовно наказуемым операциям. Обвинение рассыпалось. Воинское звание в системе МГБ ГДР — генерал-полковник. Награды: орден Карла Маркса, орден Заслуг перед Отечеством в золоте. Свободно владел русским, английским языками.

В изданных книгах «По собственному заданию», «Трое из 30-х», «Друзья не умирают», «Игра на чужом поле» приводит такие сведения о личной жизни и родственниках: «Был женат: в первом браке (1944–1976) на Эмми Вольф (урожденная Штенцер, дочь депутата рейхстага Франца Штенцера, казненного нацистами в 1933 году в концлагере Дахау);

во втором браке (1976–1986) на Кристе Вольф;

в третьем браке (с 1987 года) на Андреа Вольф;

Брат: Конрад Вольф (1925–1982). Единокровные братья и сестры: Иоганна Вольф-Гумпольд, Лукас Вольф, Катрин Гиттис, Елена Симонова, Томас Науман.

Дети: Михаэль Вольф (г. р. 1946). Внуки и внучки: Яна Вольф, Анне Вольф; Надя Вольф, Миша Вольф, Саша Вольф. Правнуки и правнучки: Артур, Лена, Мальте, Фабиен, Эмели».

Маркус Вольф умер в 2006 году в Берлине.

Маркус Вольф стал олицетворением эффективности современной разведки. Именно при нем разведка МГБ ГДР стала одной из лучших спецслужб мира. Первые шаги к ее вершинам он делал под руководством Волльвебера.

Судя по всему, это выдвижение Эрнсту не очень понравилось. Он знал, что против него настроен Ульбрихт, продвигавший на этот пост Эриха Мильке. Однако Москва не одобрила это предложение. Ульбрихт не решился возражать Кремлю, поскольку позиция его самого в руководстве ГДР была под угрозой. Кандидатуру Волльвебера поддержали Судоплатов, Фадейкин, верховный комиссар СССР в Германии В. С. Семенов, посещавший Эрнста в шведской тюрьме в качестве дипломата советского посольства в Швеции. Советские представители высоко ценили его знания, опыт, организаторский талант и не сомневались

в способностях обеспечить государственную безопасность ГДР и интересы Советского Союза.

Эрнст возглавил госсекретариат в трудный период падения статуса, престижа и доверия населения к органам госбезопасности. После июньских волнений в народе открыто говорили, что в «службе безопасности работают одни костоломы, карьеристы и дураки». С мест, из окружных структур каждый день поступали сведения об уходе из органов многих сотрудников. Он понимал, что поправить такое незавидное положение, вернуть доверие людей можно только каждодневной, результативной работой.

На совещании руководящего состава Волльвебер поставил две задачи на ближайший период: первое — выявить и искоренить многочисленные шпионские группы Запада, действующие в ГДР; второе — расширить разведывательно-диверсионные операции, добывание секретной информации о положении в ФРГ, деятельности западных спецслужб, в первую очередь немецкой разведки БНД и ЦРУ.

Он сформировал специальную оперативную группу для анализа материалов, документов, публикаций о событиях 17 июня с целью выявления зачинщиков, провокаторов, подстрекателей, организаторов забастовок; причастности к акциям протеста западных спецслужб и подрывных организаций. Ответственным за выполнение первого пункта назначил Мильке, второго — Маркуса Вольфа. Сам возглавил оперативную группу. Завершил совещание фразой: «Если уж бить врага, то только точно в цель».

Маркус Вольф вспоминает: «В качестве руководителя внешнеполитической разведки я получил задание выяснить, в какой степени Запад мог быть замешан в организации волнений. Насколько хорошо все мы знали, что причины событий надо искать дома, настолько же невозможно было проглядеть, что волнения по мере сил раздувались из Западного Берлина, что оттуда в Восточный Берлин прибывали агенты-провокаторы, чтобы подогревать страсти. Было, что называется, легче легкого составить на основе информации моей службы, выступлений западногерманских и американских политиков в печати, а также заявлений таких воинствующих участников холодной войны, как «Группа борьбы против бесчеловечности» или «Следственный комитет

свободных юристов», материал, из которого явствовало, что существовали планы ликвидации ГДР...

После событий 17 июня Ульбрихту и его группировке пришлось хвататься за любую соломинку, отстаивая свои порядком пошатнувшиеся позиции... Правительству ГДР пришлось призвать Советскую Армию на помощь против своего народа, а в политбюро у Ульбрихта не было большинства. Его поддержали только председатель комиссии партийного контроля Герман Матерн и молодой протеже Ульбрихта Эрих Хонеккер. Все же остальные выступили за то, что в наиболее жесткой форме выразил Аккерман, — за уход Ульбрихта с поста генерального секретаря. Спасением Ульбрихта стало сообщение из Москвы о свержении Берии. У советской партийной верхушки были совсем другие заботы... Поэтому она предпочла пока оставить в ГДР все по-старому. Как только Ульбрихт смог убедиться в прочности своего положения, он немедленно приступил к изоляции тех в партийном руководстве, кто острее всего критиковал его. Используя ярлык «фракция Цайссера–Хернштадта», он обвинил их обоих в отступлении от линии партии, в самоуправстве и контактах с Берией».

В дополнение к принятым мерам в рамках госсекретариата Эрнст встретился с уполномоченным МВД СССР в Германии Фадейкиным. В ходе обсуждения с ним обозначенных задач договорились создать несколько совместных оперативно-следственных групп для помощи немецким органам безопасности в организации проверок, допросов подозреваемых, вражеских элементов, агентов западных спецслужб. В результате были выявлены и установлены факты непосредственного участия в подготовке и проведения забастовок, подстрекательских акций протеста резидентуры ЦРУ в Западном Берлине и западногерманской разведывательной организации Гелена, будущей БНД.

Карьера бывшего генерала гитлеровской Германии Райнхарда Гелена в сфере разведывательной деятельности началась в апреле 1942 года, когда он стал начальником 12-го отдела генерального штаба сухопутных сил вермахта — отдела «Иностранные армии Востока» (ИАВ). Эту должность он получил по инициативе начальника генштаба генерал-полковника Ф. Гальдера. Пользуясь его поддержкой, Гелен сумел использовать в своих

интересах ведущие подразделения абвера — органа военной разведки и контрразведки, особенно управления «Аусланд абвер». Одновременно наладил тесное взаимодействие с отделами Главного управления имперской безопасности (РСХА) и Службой безопасности НСДПП (СД) — Шелленбергом, Гейдрихом.

После поражения Германии на Восточном фронте в 1944–1945 годах у Гелена, по его словам, возникло предчувствие неотвратимой катастрофы, и он пришел к выводу о необходимости создать ядро будущей немецкой разведывательной службы из числа сотрудников абвера и надежных соратников своего отдела с сохранением имевшейся агентурной сети, картотечных учетов. Весной 1945 года Гелен обсудил свой план спасения ядра разведки со своим заместителем подполковником Герхардом Весселем, встретив с его стороны полное понимание и поддержку. Было решено выбрать после поражения Германии в качестве партнера для реализации своего плана командование вооруженных сил США. В апреле 1945 года Гелен и Вессель при участии примкнувших к ним офицеров отдела провели значительную работу по сбору наиболее ценных документов, данных о личном составе, картотеки агентуры; изготовлению фотокопий секретных материалов; упаковки этого архива в специальные контейнеры, спрятав их в тайниках в районе баварского городка Берхтесгадена.

Гелен планировал не просто сдаться в плен, а явиться к американцам по собственной инициативе с предложением своих услуг в сфере разведки, и он не ошибся в своих расчетах. Его концепция сотрудничества с американцами, сохраненные в тайниках материалы сразу заинтересовали начальника разведки группы войск США в Германии генерала Эдвина Сайберта, который отправил Гелена в Вашингтон для бесед с представителями американской разведки и военного министерства. Там были выработаны «джентльменское соглашение» и основные принципы сотрудничества Гелена со спецслужбами США. Обе стороны договорились тщательно скрывать от общественности своих стран, зарубежных государств, прежде всего от СССР, факт приобщения представителей разведки нацистской Германии к разведывательной работе США против Советского Союза. Примечательно, что Гелен оговорил возможность перевода в будущем

своей службы под юрисдикцию немецких властей. В пункте 3 соглашения указывалось, что организация будет получать задания от американской стороны до тех пор, «пока в Германии не будет создано суверенное национальное правительство» и только это правительство решит, «продолжит ли организация свою деятельность или прекратит ее».

Вернувшись в июле 1946 года из США, Гелен вместе с соратниками развернул энергичную деятельность по созданию службы: формированию личного состава, его размещению, техническому оснащению, финансированию. В общении с американцами и в собственном кругу разведслужба для конспирации стала называться «Организацией Гелена» (ОГ). По аналогии с промышленными корпорациями центральный аппарат именовался «генеральной дирекцией», его руководитель — «генеральным директором». В составе ОГ находились: 1-й отдел — добывание разведывательной информации за рубежом и ее обработка; 2-й отдел — психологическая война, диверсии и саботаж; 3-й отдел — контрразведка, наблюдение за политической обстановкой в Западной Германии (политический сыск); административный отдел — кадровые вопросы, финансы, материально-техническое обеспечение, центральная картотека. На нужды организации американцы выделили 2,5 миллиона долларов. Важнейшим направлением разведывательной деятельности ОГ стала вербовка агентуры на территории ГДР, СССР, ведение там психологической войны, диверсий, пропагандистских кампаний.

В результате допросов задержанных участников протестных акций, расследований оперативно-следственных групп органы госбезопасности ГДР при поддержке советских представителей вышли на так называемый правозащитный «Комитет 17 июня», руководящие деятели которого оказались агентами «Организации Гелена». Разоблачить лазутчиков помогли внедренный в «комитет» сотрудник Волльвебера под псевдонимом Рамба, а также перебежавший из Западного Берлина в ГДР агент ОГ Ханс Иоахим Гайер. Были выявлены и арестованы 54 агента, в том числе 12 провокаторов «комитета», включая члена правления Вернера Мангельсдорфа. На показательном судебном процессе все они были осуждены на срок от 5 до 15 лет тюремного

заключения. Нескольких агентов Волльвебер перевербовал и отправил с заданием на Запад.

Заседания суда по делам разоблаченных агентов широко освещались немецкой прессой. В публикациях приводились многочисленные конкретные факты и документы противоправных действий «Организации Гелена», дискредитирующих ее в глазах общественного мнения ГДР и ФРГ. В книге «Война разведок» Р. Гелен пишет: «Новый шеф службы государственной безопасности советской зоны начал активно действовать против нашей организации уже через два месяца после вступления в должность. В конце сентября 1953 года была проведена хорошо скоординированная молниеносная операция на всей территории ГДР против, как писали газеты, «западных шпионских, террористических и диверсионных резидентур». Чуть ли не каждый день производились аресты, которые, в отличие от прежней практики, непомерно раздувались средствами массовой информации советской зоны. До конца октября продолжались публикации сообщений об успешных контрразведывательных операциях службы государственной безопасности ГДР. Под стражу было заключено якобы 98 сотрудников и агентов различных западных разведывательных служб. С начала же ноября 1953 года Ведомство Волльвебера вылавливало лишь «геленовских шпионов». Шеф безопасности советской зоны назвал «противником номер один» нашу организацию».

Особенно болезненно Гелен воспринял перевербовку Гайера: «9 ноября 1953 года пропагандистская кампания Волльвебера против нашей организации достигла апогея. На пресс-конференции в Восточном Берлине представили некоего Ханса Иоахима Гайера, работавшего на нас в советской зоне с 1952 года. В действительности Гайер в начале 1953 года по соображениям безопасности был освобожден от своей должности в организации и переведен в качестве рядового сотрудника в Западный Берлин в одно из частных бюро, которое прикрывало пункт связи... На пресс-конференции, разыгранной как хорошо отрепетированное театральное действо, Гайер, лживо представившийся «заместителем руководителя филиала геленовской организации в Западном Берлине», зачитал подсунутое ему заявление. Из него следовало, что он, повинуясь голосу совести, переменил фронты

и передал своим восточноберлинским хозяевам оригинальные документы и личные дела агентов, с которым был связан. За предательством Гайера последовала волна новых арестов в советской зоне... Опубликованная фантастическая цифра — несколько сот арестованных шпионов — позволяла любому здравомыслящему человеку сделать вывод, что это — лживый пропагандистский маневр... Вряд ли нужно много распространяться о том, что я и мои ближайшие сотрудники приняли энергичные меры, чтобы в дальнейшем обезопасить себя от таких предательств, какое совершил Гайер».

В отместку Гелен рассказал о своей операции «Брут»: «Волльвебер пережил особенно тяжелый удар, когда в конце 1953 года внезапно исчез его ближайший сотрудник министериальрат (министерский советник. — *Е. Г.*) — не буду упоминать его имя и фамилию, а назову просто В. Г. (Вальтер Грамш. — *Е. Г.*). Когда шеф госбезопасности узнал, что его, пожалуй, самый верный сотрудник, заранее подготовившись, вместе с семьей удрал в Западный Берлин, его чуть было не хватил удар. Негодованию Волльвебера не было границ. Эта операция, получившая кодовое название «Брут», несомненно, одна из самых интересных в истории нашей организации. Нам удалось склонить на свою сторону ответственного сотрудника службы безопасности из ближайшего окружения Волльвебера и получать от него довольно продолжительное время ценную информацию... о состоянии дел на транспорте в ГДР, данные о секретной деятельности ее шефа. Наш ценный агент давно ненавидел Волльвебера за его грязные интриги... К сожалению, нам пришлось свертывать операцию «Брут»: возникло опасение, что служба безопасности стала проявлять подозрительность в отношении В. Г.».

В своих заявлениях Гелен старался создать впечатление, что, несмотря на активное противодействие его организации со стороны органов безопасности ГДР, приведшие к ряду провалов, «служба сохранила в советской зоне свою агентурную сеть и продолжала активно действовать». В подтверждение этого он ссылался, в частности, на операцию по прокладке по дну водного канала в Берлине телефонного кабеля для надежной связи с агентурой («дело майора Хаазе»). Волльвебер и здесь поймал его на слове, нанеся второй чувствительный удар по репутации ОГ.

В воспоминаниях Гелен признается: «Несмотря на провалы — они, повторяю, неизбежны, — наша деятельность по сбору разведывательной информации значительно усилилась. Вот тогда-то Волльвебер нанес нам второй удар. В ночь с 13-го на 14 ноября 1953 года руководитель еще одного оперативного подразделения, занимавшегося налаживанием связи между агентурой и нашей штаб-квартирой, майор в отставке Вернер Хаазе подвергся нападению группы сотрудников госбезопасности ГДР. Его скрутили на территории Западного Берлина недалеко от секторальной границы и насильственно увезли в восточную часть города... Незадолго до похищения он получил задание обследовать водный канал, по которому шла граница между западным и восточным сектором города, чтобы определить возможность прокладки по его дну телефонного кабеля... Хаазе горячо взялся за дело и так увлекся, что решил пренебречь нашим указанием, хотя знал о предательстве Гайера и о дополнительно принятых мерах безопасности после провала. Под покровом темноты Хаазе решился на свой страх и риск проложить кабель без нашего разрешения... Ему помогал наш агент из Восточного Берлина, который, как это выяснилось позднее, некоторое время тому назад явился с повинной в ведомство Волльвебера и, получив амнистию, был перевербован. Он-то и выдал нашего не в меру честолюбивого сотрудника. На показательном судебном процессе 21 декабря 1953 года Хаазе приговорили к пожизненному заключению... После больших усилий нам удалось обменять Хаазе в начале 1957 года на провалившегося в ФРГ агента противника».

Подготовку и проведение оперативных операций по разоблачению подрывной и шпионской деятельности ОГ и ЦРУ в июньских событиях в ГДР Волльвебер осуществлял в тесном взаимодействии с советскими друзьями и своим заместителем по разведке Маркусом Вольфом, с которым у него сложились отношения полного доверия и взаимопонимания. Оба стремились концентрироваться на немногих, но наиболее важных участках разведывательной деятельности: ФРГ, США, западные спецслужбы, подрывные организации. Волльвебер поддержал идею Вольфа сосредоточиться на работе разведки с нелегальных позиций. Он сам большую часть разведывательной жизни действовал как нелегал, в подполье. К такой «высшей форме разведдеятель-

ности» побуждала объективная реальность — из-за «доктрины Хальштейна» ГДР не имела за границей дипломатических и торговых представительств, под прикрытием которых можно было вести разведку с «легальных» позиций. В качестве положительного момента в работе против ФРГ рассматривались отсутствие языкового барьера, посещения-поездки сотен тысяч граждан по родственному каналу. Третьим «китом», на котором, как они полагали, может базироваться успех, были: конспирация, дисциплина, эффективность аппарата. Оба были убеждены — чем меньше аппарат, тем он эффективнее, поэтому численный состав разведки должен оптимально отвечать поставленным задачам.

Вспоминая о первых шагах «приобретения опыта», М. Вольф отмечает: «Десятки тысяч граждан ГДР стремились в то время через еще открытую границу в Западный Берлин и Федеративную республику. После 17 июня 1953 года их было гораздо больше, чем раньше, и до конца 1957 года нашу страну покинуло почти полмиллиона человек. Было нетрудно «запустить» в этот поток беженцев специально отобранных мужчин и женщин. Правда, нашим людям приходилось учитывать, что в лагерях беженцев сотрудники западных служб будут обстоятельно расспрашивать их, но шансы на успех были достаточно высоки благодаря внушавшим доверия биографиям. Эти молодые люди, деятельность которых мотивировалась глубокими политическими убеждениями, закладывали фундамент наших будущих успехов».

Именно используя канал беженцев, Волльвебер и Вольф подготовили и провели успешную операцию по внедрению своего агента в «Организацию Гелена». В целях разоблачения подрывной деятельности западногерманской спецслужбы она была раскрыта общественности как «Дело Хеэра». Вот как ее преподносит в своих воспоминаниях Гелен: «В конце ноября 1953 года восточногерманская печать и радиостанция «Дойчландзендер» опубликовали «протокол допроса» якобы недавно арестованного «геленовского шпиона» Вольфганга Хеэра. Он действительно работал на организацию в Западном Берлине, но исчез при таинственных обстоятельствах еще в феврале 1953 года. Мы считали, что его похитили сотрудники восточнозональной службы госбезопасности. По этой версии, кто-то из контактов Хеэра пригласил его в один из солидных западноберлинских ресторанов, подсыпал в подходящий

момент изрядную долю снотворного в его бокал, а затем увез «подвыпившего» в бессознательном состоянии. Эту версию нам подбросили, чтобы ввести в заблуждение. И она выглядела вполне правдоподобной: во многих случаях наши противники действовали именно таким образом. Например, советской секретной службой при содействии ведомства Волльвебера в апреле 1954 года удалось вывезти из Западного Берлина завернутого в ковер одного из руководителей русской эмигрантской организации «Народно-трудовой союз» (НТС) доктора Александра Трушновича.

Нам удалось в конце концов установить, что Хеэра никто не похищал. Его вызвали в Восточный Берлин настоящие хозяева из ведомства государственной безопасности и оставили там. Дело в том, что он был не только нашим агентом, но и секретным сотрудником Волльвебера и служил больше последнему, чем нам. Случай не такой уж редкий в разведке. Восточноберлинские хозяева посчитали, что над их агентом-двойником нависла угроза разоблачения. Вот они и вывели его из игры. Вместе с тем наши противники решили выжать из Хеэра все, что можно. Так родилась задумка использовать агента-двойника в качестве «главного свидетеля» против нашей службы. Девять месяцев Хеэр выступал с «разоблачениями», но они вызвали недоверие не только в правящих кругах ФРГ и стран Запада, но и у общественности свободного мира... Так, Хеэр обвинил наше организацию в том, что она будто бы занимается разведывательной деятельностью против Франции, ведет наблюдение за крупными французскими политиками, военными, деловыми людьми и имеет разветвленную сеть в Сааре».

Что касается упоминания Гелена о «содействии ведомства Волльвебера вывозу Александра Трушновича», действительно, приказ о проведении такой операции был отдан лично председателем КГБ И. Серовым с санкции ЦК КПСС. Дело в том, что пришедший к власти Н. С. Хрущев, обеспокоенный размахом антикоммунизма на Западе, потребовал от КГБ усилить борьбу с зарубежными антисоветскими организациями вплоть до физического устранения наиболее активных и пользующихся авторитетом лидеров эмиграции. Первой жертвой стал один из руководителей НТС Трушнович.

Основной сферой его деятельности была помощь так называемым «перемещенным лицам» — советским гражданам, ока-

завшимся после войны в Германии. В связи с этим в сентябре 1950 года Трушнович избирается председателем гамбургского «Комитета помощи православным беженцам», а затем создает «Берлинский комитет помощи беженцам», становится его председателем. В мае 1951 года входит как сопредседатель в Свободный союз русско-немецкой дружбы. Возглавив эти организации, он развернул активную работу среди советских «перемещенных лиц» с целью убедить их не возвращаться в СССР. Кроме того, под его руководством была развернута агитация среди советских военнослужащих, расквартированных в ГДР. И надо сказать, что во многом эта агитация имела успех. Недаром во время подавления 17 июня 1953 года восстания в Берлине значительное количество солдат Красной армии отказалось стрелять в берлинцев.

Разумеется, столь активная и довольно успешная деятельность Трушновича не могла остаться незамеченной Москвой. И вскоре там было принято решение похитить лидера НТС, а затем начать пропагандистскую кампанию о его «добровольном возвращении в Советский Союз и разрыве с НТС». Вечером 13 апреля 1954 года Трушнович отправился на квартиру к председателю Вильмерсдорфского районного отдела Союза вернувшихся военнопленных Гейнцу Глезке, расположенную в английском секторе Западного Берлина. Он не знал, что Глезке был завербован КГБ и что на квартире его ожидают три сотрудника (двое мужчин и одна женщина) 13-го отдела ПГУ КГБ. Трушнович был оглушен железным прутом, после чего ему ввели сильнодействующий наркотик и на машине перевезли в Восточный Берлин. Получивший тяжелые телесные повреждения Трушнович во время перевозки умер от удушья вследствие западения языка. Основная задача похищения — перевербовка Трушновича и использование его в пропагандистской акции не удалась. Самого его тайно похоронили на одном из кладбищ ГДР, а вскоре в восточноберлинской газете «Тотлихе рундшау» было опубликовано сфабрикованное «Заявление доктора А. Р. Трушновича (почему я порвал с прошлым)». В нем говорилось о его добровольном переходе в Восточную Германию, вызванном продажностью эмигрантских кругов, политикой лжи, шпионажа и вооруженного терроризма НТС против Советского Союза. Безопасность проведения этой операции обеспечивала служба Волльвебера.

26 марта 1954 года советское правительство заявило, что Советский Союз устанавливает с Германской Демократической Республикой такие же отношения, как и с другими суверенными государствами. Республика свободна решать по собственному усмотрению свои внутренние и внешние дала, включая вопросы взаимоотношений с Западной Германией. За СССР остаются в ГДР функции, связанные с обеспечением безопасности, вытекающие из обязательств, возложенных на Советский Союз по соглашениям четырех держав. Советское правительство приняло к сведению заявление правительства ГДР о том, что оно будет соблюдать обязательства, вытекающие из Потсдамского соглашения о развитии Германии как демократического и миролюбивого государства, а также обязательства, связанные с временным пребыванием советских войск на территории ГДР. В заявлении отмечалось, что осуществление «Оккупационного статуса» для Западной Германии, установленного США, Англией и Францией не только не совместимо с демократическими принципами и национальными правами германского народа, но, затрудняя сближение между Западной и Восточной Германией, является одной из главных препон на пути национального восстановления Германии.

13 марта 1954 года решением Президиума Верховного Совета был образован Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР. 30 июня того же года было принято решение ЦК КПСС «О мерах по усилению разведывательной работы органов государственной безопасности за границей». Перед внешней разведкой ставились задачи:

— усилить разведывательную работу против США и Англии как главных агрессивных государств;

— своевременно выявлять агрессивные планы США и НАТО, других враждебных СССР стран, направленные на подготовку и развязывание новой войны;

— добывать достоверную, главным образом документальную, разведывательную информацию о внешнеполитических планах, практических мероприятиях США и Англии, противоречиях между ними и другими капиталистическими странами;

— освещать внутриполитическое и экономическое положение ведущих капиталистических стран, их торговую и экономическую политику, деятельность международных организаций

и планов США и Англии по использованию этих организаций против СССР и других стран Варшавского договора.

По линии внешней контрразведки ставилась задача агентурного проникновения в разведывательные, контрразведывательные и полицейские органы стран НАТО, предупреждать и парализовывать их подрывную деятельность против СССР.

В связи с этими важными решениями в Берлине открылось Представительство КГБ в ГДР — крупнейшая разведывательное подразделение за границей со статусом самостоятельного управления. Оно дублировало структуру Центрального аппарата советской разведки в Москве и подчинялось ей в оперативном плане. Помимо аппарата в Берлине, Представительство имело четырнадцать резидентур на местах, число которых соответствовало числу административных округов ГДР. В обиходе они назывались разведгруппами, а резидент именовался старшим офицером связи, поскольку в его функции, наряду с руководством резидентурой, входила координация работы всех советских спецслужб, дислоцированных на территории округа (подразделение ГРУ, военной контрразведки), а также организация контактов с немецкими друзьями МГБ. В одной из таких резидентур Дрезденского округа в 1985–1990 годах работал В. В. Путин.

Представителем аппарата КГБ в ГДР был назначен генерал-лейтенант Евгений Петрович Питовранов. Энергичный, опытный, решительный, подкупающе доступный руководитель советской разведки быстро завоевал заслуженный авторитет среди как своих сотрудников, так и немецких друзей МГБ, в руководстве ГДР, включая премьера Гротеволя, лидера СЕПГ Ульбрихта. Статс-секретарь госбезопасности Волльвебер, начальник разведки Вольф стали его близкими, личными друзьями. Многие разведывательные операции, проведенные под их совместным руководством, в большинстве случаев при их личном участии, получили широкий международный резонанс, стали хрестоматийными в учебных пособиях и профессиональной сфере спецслужб.

***Справка**. Евгений Петрович Питовранов родился в 1915 году в семье сельских учителей. Окончил Московский институт инженеров транспорта, а затем — Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Решением ЦК ВКП(б) в 1938 году направляется на работу органы государственной безопасности на должность заместителя начальника отдела Горьковского областного управления НКВД. В 1942 году назначается начальником этого управления, затем — в Кирове, а в 1944 году — в Куйбышеве. В 1943 году ему присваивается звание генерал-майора. В 1945–1946 годах — министр госбезопасности Узбекистана. В 1946–1950 годах — начальник 2-го Главного управления, с января 1951 года — заместитель министра, член коллегии МГБ СССР.*

В октябре 1951 года был арестован по ложному обвинению в антисоветской деятельности, вредительстве, участии в «антисоветском заговоре в МГБ». Из заключения направил Сталину письмо с предложениями по улучшению работы разведки. В ноябре 1952 года по указанию Сталина выпущен на свободу, вошел в состав комиссии ЦК КПСС по организации Главного разведывательного управления МГБ СССР. В январе 1953 года назначен начальником 1-го управления по разведке за границей этого главка, с мая того же года — первый заместитель начальника 1-го (контрразведывательного) Главного управления МВД СССР.

В июле 1953 года направляется в Берлин в качестве Уполномоченного КГБ при МГБ ГДР. Под его руководством аппарат Уполномоченного провел ряд крупных и высокоэффективных мероприятий по срыву антисоветских планов НАТО. По возвращению из ГДР в 1957 году до 1961 года руководил работой 4-го управления КГБ, в 1961–1962 годах работает в Китае. В 1962–1966 годах — начальник Высшей школы КГБ им. Дзержинского. После ухода в 1966 году на пенсию работает заместителем председателя, председателем президиума Торгово-промышленной палаты.

Награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1-й степени, тремя орденами Красной Звезды, орденом «Знак Почета». Скончался в 1999 году, похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

Представители советской внешней разведки и ЦРУ С. Кондрашов, Дж. Бейли, Д. Мерфи в книге «Поле битвы — Берлин», делясь своими впечатлениями о противостоянии двух спецслужб в Берлине в послевоенные годы, пишут: «Когда Питовранов прибыл в Берлин, каждый отдел в Карлсхорсте (штаб-квартира

Представительства КГБ. — *Е. Г.*) отвечал за подготовку сотрудников подразделения МГБ, соответствующего профилю его работы. Результаты были неровные. И это сказывалось на работе всего МГБ. Часто возникали споры между офицерами, отвечавшими за советническую работу, и теми, кто вел дела, находившиеся в ведении МГБ. Те, кто хотел взять на себя руководство операциями МГБ ГДР против американской агентурной сети в Восточной Германии, частенько обвиняли советников в «работе на Гелена, а не на МГБ». В таких обстоятельствах Питовранов решил создать отдельную группу советников. Возглавлять это новое подразделение он назначил Василия Ильича Булду, высокого, крепкого украинца, который занимался оперативным руководством берлинского аппарата в Москве, а ранее был офицером в Управлении контрразведки. Для укрепления группы аппарата, ответственного за реорганизацию восточногерманской службы, Питовранов пригласил к себе и других ветеранов, например, Хачика Геворковича Оганесяна и Василия Федоровича Самойленко... Новая структура облегчила достижение единого подхода к взаимодействию аппарата Карлсхорста с МГБ... В то же время Питовранов предупредил Ульбрихта, что с уменьшением присутствия КГБ ответственность за руководство и контроль за деятельностью восточногерманских спецслужб придется взять на себя Политбюро и Центральному Комитету СЕПГ. Ключевым вопросом была необходимость для восточных немцев завербовать побольше агентов на Западе. Когда им не хватало своего опыта, советские советники были готовы использовать наводки на западников, представляющих интерес для КГБ. Это стало началом нового наступления разведки на Запад...»

Доброжелательное, деловое взаимопонимание руководителей наверху положительно сказалось на установлении столь же дружелюбных, товарищеских отношений между сотрудниками КГБ и МГБ на низовом уровне. Полковник Алексей Ростовцев, проработавший в общей сложности в Галльской резидентуре Представительства КГБ более 20 лет, вспоминает: «Немцы имели установку помогать нам, но ведь это указание своего руководства они могли бы выполнять и формально, спустя рукава, а выполняли его с душой, порой с энтузиазмом. Причина тому простая. Мы, оперработники советских спецслужб, быстро переводили отношения

с немцами с официальной основы на человеческую, дружескую. Так поступали все мои товарищи по работе... Я был на дружеской ноге со многими из тех самых пресловутых «штази», которых уже десять лет травят и поливают помоями как немецкие, так и отечественные средства массовой информации. У меня было полным-полно друзей в разведке и контрразведке ГДР. Не побоюсь сказать, что это были отличные ребята, которые честно делали свое дело. Тогда это дело было у нас с ними общим».

Первой совместно разработанной под руководством Питовранова и Волльвебера оперативной комбинацией стала масштабная операция «Кольцо». Сотрудники специально сформированных совместных групп в результате тщательно скоординированных действий одновременно арестовали на всей территории ГДР более 300 агентов спецслужб ФРГ, США, Англии, Франции. Вещественным доказательством их шпионской деятельности стало огромное количество захваченной специальной техники, снаряжения, шифров, карт разведывательных объектов и прочих улик. По итогам этой беспрецедентной операции в Берлине была проведена пресс-конференция с приглашением многочисленных западных журналистов, пресс-секретарей посольств, международных организаций, что значительно усилило политический и общественный резонанс в разоблачении подрывных и шпионских махинаций «Организации Гелена», ЦРУ, разведок других западных стран против ГДР.

«За операцией «Кольцо» в июле–августе 1954 года и марте–апреле 1955 года последовали две другие — «Стрела» и «Весна», — констатируют авторы «Очерков истории российской внешней разведки». — В результате были ликвидированы 12 резидентур иностранных разведок (американской — 4, английской — 5, западногерманской — 3). Было арестовано 598 человек. Из них 221 агент американских спецслужб, 105 лиц, работавших на англичан, 41 осведомитель разведки Гелена и 29 — Ведомства по охране конституции (ФРГ. — *Е. Г.*). Большая группа обезвреженных боевиков, агитаторов и информаторов принадлежала к Следственному комитету свободных юристов, восточному бюро ведущих политических партий ФРГ. В ходе операции было изъято 13 агентурных радиостанций, средства тайнописи, специальная фотоаппаратура, оружие и т. п. Под благовидными предлогами в Восточный Бер-

лин были «приглашены» и задержаны с поличным резиденты американской разведки Бодо Гофман, Гюнтер Циммерман, Бертольд Навицкий, крупные геленовцы — Ван Аккерн и Фрике. 134 арестованных без запирательства дали показания о своей принадлежности к иностранной агентуре и о проводившейся ими нелегальной работе. Часть полученных в ходе следствия материалов была предана гласности на организованной в Восточном Берлине в мае 1955 года пресс-конференции с участием более 140 представителей СМИ. Прессу и агентства печати стран «свободного мира» представляли 50 корреспондентов, репортеров и обозревателей. Повышенный интерес вызвала выставка вещественных доказательств» (Т. 5. С. 108–109).

Неопровержимые доказательства противоправной, подрывной деятельности «Организации Гелена», ЦРУ, под патронатом которого она действовала в ГДР, повергли Гелена и руководство ФРГ в шок. Планировавшееся решение взять ОГ под юрисдикцию западногерманского правительства, к чему упорно стремился Гелен, пришлось опять отложить в «долгий ящик». «Передача нашей организации под юрисдикцию ФРГ, намечавшаяся на 1952–1953 годы, однако, не состоялась, — с горечью признается Гелен, — Почему? В какой-то мере клеветническая кампания против нас, развязанная противниками на Востоке, повлияла на настроения немецких политиков. Но главной помехой оказались провалы наших агентов... У некоторых депутатов возникли сомнения в том, что организация сможет стать боеспособным органом Федеративной Республики».

В публикациях, выступлениях перед общественностью Гелен начал всячески очернять Волльвебера, указывая на его «участие в бунтах 1917–1918 годов, диверсионные операции на морских линиях», аморальное поведение: «Пользовавшийся дурной славой в международном масштабе, профессиональный революционер и специалист по саботажу и диверсиям, Волльвебер, был, без сомнения, одной из самых одиозных фигур окружавших главу тоталитарного режима в Средней Германии Вальтера Ульбрихта, — кликушествовал Гелен. — На его совести гибель десятков больших судов — испанских, немецких, итальянских. Многие таинственные взрывы в портах, прежде всего в Европе, также записаны на его счет... В декабре 1953 года в печати и по радио

прошли сообщения о структуре службы Гелена, личном составе и операциях, что само по себе было не совсем обычным явлением и могло объясняться только политическими целями, которые преследовали советские акции. Дело в том, что Волльвебер, распорядившись о публикации крупномасштабных «разоблачительных» материалов, нарушил один из неписанных законов любой разведывательной службы — сохранять в тайне данные, полученные о других разведорганизациях».

Волльвебер при поддержке Питовранова невозмутимо продолжал «бить точно в цель» вражеских центров в ФРГ. Большой резонанс европейской общественности вызвало так называемое дело О. Йона. Из агентурных источников стало известно, что президент Федерального ведомства по охране конституции (контрразведка ФРГ) Отто Йон в узком кругу высказывает недовольство ростом реваншистских настроений в стране, усилением позиций профашистских элементов в правоохранительных органах, которым оказывает покровительство канцлер К. Аденауэр. На совместном совещании руководителей Представительства КГБ и органов безопасности ГДР было принято решение вывезти О. Йона в Берлин на празднование 10-й годовщины покушения на Гитлера, организовав его беседу с представителем советской внешней разведки. Школьный товарищ президента ФВОК Вольфганг Вольгемут установил с ним контакт и предложил организовать такую встречу. О. Йон дал свое согласие. Прибыв в Берлин 20 июля 1954 года, он встретился с сотрудником аппарата Представительства КГБ В. В. Кучиным. В результате задушевной беседы Йон решил перейти в восточный сектор Берлина и остаться в ГДР. Свое решение он мотивировал неустойчивым личным положением из-за недоверия к нему канцлера Аденауэра и правящей коалиции ХДС/ХСС, отсутствием поддержки со стороны правительства ФРГ в борьбе против бывших нацистов. 27 июля он сделал публичное заявление о добровольном переходе в ГДР, осудив политику Запада, направленную на увековечение раскола Германии. На следующий день сделал аналогичное заявление по радио. 11 августа состоялась пресс-конференция О. Йона в Берлине, на которой он повторил ранее сделанные заявления.

Переход Йона в ГДР вызвал громкий политический скандал в ФРГ. По указанию канцлера Аденауэра было начато расследо-

вание дела Йона. Гелен заявил, что Йон якобы с 1938 года связан с советской внешней разведкой и имеет отношение к деятельности разведывательной «Красной капеллы». Между тем руководство и органы безопасности ГДР активно использовали факт перехода президента ФВОК в политической пропаганде для разоблачения подрывной деятельности ФРГ и Запада против республики. В течение года Йон работал в Комитете единства Германии, участвуя в пропагандистских мероприятиях по дискредитации реваншистской политики Аденауэра, подрывных акций Гелена против ГДР.

Ветеран советской внешней разведки, участвовавший в операции по выводу Отто Йона в ГДР, Виталий Чернявский в книге «Операции советской разведки» пишет: «Политические разоблачения главного охранника конституции боннской республики вызвали большое замешательство на Западе... Чувство неуверенности охватило натовских лидеров. Они стали подозревать друг друга в нечестной игре. В первую очередь это относится к Франции, общественность и власти которой были глубоко возмущены и обеспокоены разведывательными операциями, проводившимися Бонном против Парижа, о чем сообщил на пресс-конференции главный западногерманский контрразведчик... Дело Йона и сопутствующие ему акции резко снизили активность западных спецслужб против ГДР, Советского Союза и государств Варшавского договора. Они были вынуждены свернуть свою подрывную деятельность не только потому, что были обезврежены сотни агентов. Уцелевшие шпионы, радисты-нелегалы и диверсанты, боясь, что их тоже выявят, сворачивали работу и, как говорится, ложились на дно или бежали в Западную Германию...

Все это привело к тому, что французский парламент — Национальное собрание — отказался ратифицировать договор о Европейском оборонительном сообществе (ЕОС). Западноевропейский военный союз, с помощью которого Вашингтон собирался элегантно пристегнуть к НАТО Западную Германию с ее «демократизированным вермахтом» — его называли бундесвером, — не состоялся. Это был большой успех советской разведки. Дивиденды с дела президента ФВОК превзошли все ожидания».

Договор о ЕОС представлял собой попытку легализовать и ускорить политику ремилитаризации ФРГ. Он прямо противоречил решениям Потсдамской конференции 1945 года и другим соглашениям, имеющим целью воспрепятствовать возрождению германского милитаризма. Из Москвы Питовранову поступило задание — подготовить операцию по дискредитации ЕОС и планов милитаризации Западной Германии. Он вызвал Волльвебера для обсуждения возможных вариантов выполнения задания Центра. О том, что было придумано и как осуществлялась эта операция, рассказывает М. Вольф: «Когда я, ни о чем не подозревая, проводил летом 1954 года отпуск на Черном море, в Берлине думали, как можно было бы затруднить Федеративной республике вступление в Европейское оборонительное сообщество, да сделать это так, чтобы достичь максимального воздействия на общественность. По указанию Волльвебера были просмотрены наши дела, и при этом наткнулись на источник по имени Тимм.

Под этим именем скрывался депутат бундестага от ХДС Карлфранц Шмидт-Виттмак, член парламентских комитетов по вопросам европейской безопасности, по общегерманским и берлинскому вопросу, человек, перед которым открывалась стремительная карьера. Шмидт-Виттмак происходил из семьи крупных буржуа и, конечно, не был левым. Тем не менее он работал на партийную разведку КПГ, а с тех пор как мы восстановили связь с ним, — на нас. Он входил в число тех патриотов, которые считали, что политика Аденауэра делает невозможным воссоединение Германии, и отвергали его планы вооружения ФРГ.

Вернувшись из отпуска, я обнаружил указание Волльвебера немедленно доставить Тимма в ГДР. Я упирался руками и ногами, не желая жертвовать важнейшим источником в ХДС только ради пресс-конференции. Моему человеку пришлось бы выступать на ней, отстаивая положения, с которыми он не был знаком и не мог их одобрить. Информация Шмидт-Виттмака о закрытых заседаниях комитета, особенно об отношении Федеративной республики к военному союзу, находившемуся под американским влиянием, была поистине неоценима. Я бурно доказывал все это Волльвеберу, но он только повторял, что вопрос решен.

Мне не оставалось ничего другого, как поразмыслить о способе уговорить Шмидт-Виттмака бежать в ГДР. Мы не знали друг друга, и атмосфера встречи, состоявшейся на той же вилле, где я разговаривал с двойным агентом Меркурием, была

сдержанной, а временами просто ледяной. Моего визави вовсе не убеждали приводившиеся мною аргументы в пользу его перехода в ГДР. Я исчерпал свои доводы, как вдруг мне вспомнилась история Гереке, и я прибег ко лжи во спасение, сконструированной на основе этой истории. Я сказал, что Ведомство по охране конституции обратило внимание на Шмидт-Виттмака и намеревается его арестовать. Это звучало уже убедительнее, и после недолгого размышления он сказал, что согласен при условии, что его жена, жившая в Гамбурге с двумя детьми и ни о чем не подозревавшая, согласится сделать то же самое.

Шмидт-Виттмак написал жене письмо, доставленное в Гамбург курьером, и вскоре она вместе с детьми стояла у ворот нашей конспиративной виллы. Переговоры с ней складывались тоже трудно, но по-иному, чем с мужем. Правда, г-жа Шмидт-Виттмак знала о разведывательной деятельности мужа, но столь же мало могла представить себе жизнь в ГДР, как, например, жизнь на Луне. В конце концов победил женский прагматизм. Оказавшись перед альтернативой «тюрьма для мужа на Западе или дом над озером в ГДР», г-жа Шмидт-Виттмак выбрала меньшее зло...

26 августа 1954 года Шмидт-Виттмак выступил перед журналистами в Восточном Берлине. Его разоблачения свидетельствовали о том, что Аденауэр обманывает бундестаг в важных вопросах внешней политики и вооружения и принимает решения, противоречащие собственным публичным заявлениям. Кроме того он предал гласности переданную нам советской разведкой информацию о том, что на секретной чрезвычайной конференции было принято решение о комплектовании 24 западногерманских дивизий».

24 августа 1954 года Волльвебер посетил рабочих предприятия «Лейна-верке» в городе Галле. Телеграфное агентство АДН ГДР распространило следующее сообщение о его выступлении на собрании рабочего коллектива: «Волльвебер заклеймил в своем выступлении шпионскую организацию Гелена как самую опасную из всех враждебных шпионских организаций, действующих на территории ГДР. Он рассказал рабочим о том, что недавно органы государственной безопасности ГДР нанесли чувствительный удар организации Гелена. Так, 2 и 3 августа во время большой акции против организации Гелена были

обезврежены сотни агентов. Волльвебер заявил, что те лица, которые добровольно порвут со своей шпионской деятельностью и явятся в органы безопасности, не будут наказаны. Далее Волльвебер разоблачил стремление к власти главы боннской шпионской организации и бывшего гитлеровского генерала Гелена. Он указал на то, что Гелен стремится захватить власть в боннском государственном аппарате и сосредоточить в своих руках все источники информации.

Коснувшись перехода в ГДР д-ра Йона и депутата бундестага ХДС Шмидта-Виттмака, статс-секретарь Волльвебер заявил: «Мы не спрашиваем о мотивах, побуждающих человека бороться за мир. Если он не имеет возможности к этому в Западной Германии, то мы предоставим ему убежище в ГДР. Если бы д-р Йон выступил соответственно своим взглядам в Западной Германии, то его немедленно арестовали бы, так как он знает слишком много, и ему не дали бы возможности говорить».

В заключение Волльвебер заявил рабочим «Лейна-верке»: «Если поджигатели войны считают, что их секретные службы служат делу подготовки новой войны, то для нас борьба за ликвидацию преступных организаций является борьбой за сохранение мира. Эта задача может быть выполнена органами государственной безопасности только в том случае, если ее будут поддерживать трудящиеся».

Сумятицу, скандалы в правительстве ФРГ, бундестаге, вызванные разоблачениями Шмидт-Виттмака, не передать словами. Планы создания ЕОС, милитаризации ФРГ пришлось отложить. Задание Москвы было выполнено блестяще благодаря умному, доверительному, талантливому сотрудничеству Питовранова-Волльвебера-Вольфа. Эти выдающиеся асы разведки подготовили и успешно реализовали в 50-е годы XX века целый ряд знаковых оперативных операций. В их числе:

— Внедрили в 1951 году в «Организацию Гелена» агента Пауля (Хайнц Фельфе). На протяжении десяти лет он возглавлял «русский» отдел «Контршпионажа против СССР, советских представителей в ФРГ и ГДР», добывая ценнейшую информацию (передал более 15 тысяч секретных документов, сообщил более чем о 100 агентах ЦРУ, не допустив ни одного провала советской разведки на территории ФРГ).

— В сентябре 1954 года перевербовали сотрудника «Организации Гелена» Франца Нойгебаура. Перебежав в ГДР, он заявив, что не желает работать в шпионском ведомстве, большую часть которого составляют бывшие нацисты гестапо, СС и СД.

— Подготовили и вывели в ФРГ в середине 50-х годов нелегальную супружескую пару Гюнтера Гийома и его жену Кристель. Гийом стал личным референтом канцлера Вилли Брандта. С этого момента вся деятельность канцлера, его замыслы, суть содержание так называемой «новой восточной политики» перестали быть секретом для руководства ГДР и СССР.

— «Высокопоставленным источником в Федеративной республике на протяжении длительного времени» был, по словам Вольфа, майор Бруно Винцер (псевдоним Зюдполь), офицер по связи с прессой при штабе группы ВВС «Юг» в Карлсруэ.

— В мае 1956 года в результате тщательно подготовленной оперативной комбинации агент Хорст Гессе вынес из штаба 522-го батальона военной разведки США два сейфа с секретными документами и доставил их в ГДР. На их основе в течение пяти дней МГБ были арестованы 137 американских агентов. Можно представить, какой шок испытали в разведывательном управлении министерства обороны США, еще в одном органе, проводившем подрывную работу против ГДР и СССР.

Ранним утром 22 апреля 1956 года в квартире Волльвебера раздался телефонный звонок. Эрнст, сонный, поднял трубку, и тут же сон с него как рукой смахнуло. Звонил дежурный из МГБ:

— Важное срочное сообщение, — сказал он. — В берлинском районе Альтглинике на границе американского сектора Берлина обнаружен секретный объект.

Волльвебер быстро оделся, вышел на улицу, сел в машину одного из своих сотрудников (вызвать свой служебный лимузин не было времени) и помчался к Маркусу Вольфу: «Однажды на рассвете в конце апреля 1956 года наша прислуга разбудила меня словами: «Министр ждет вас у садовых ворот», — рассказывает Вольф. — Достаточно было выглянуть из окна спальни, чтобы еще сильнее осознать необычность визита: старенький «фольксваген», стоявший на улице, столь же мало подходил Волльвеберу, сколь и ранний час посещения. Обычно Волльвебер ездил с эскортом на большом советском лимузине «ЗИМ».

Я двинулся к входной двери, положив на всякий случай в карман заряженный служебный пистолет. При небольшом расстоянии от Западного Берлина и открытой границы надо было быть готовым ко всему. Но у дверей действительно стоял толстенький Эрнст Волльвебер с неизменным огрызком сигары в зубах. Поднятый с постели телефонным звонком, он сел в оказавшуюся под рукой машину одного из сотрудников.

Сломя голову мы понеслись по безлюдным улицам в сторону аэропорта Шенефельд. Миновав Альтглинике, когда до аэропорта оставалось около километра, мы наткнулись на небольшую группу людей, наполовину состоявшую из советских солдат. Казалось, что они собирались копать канаву на краю кладбища. На деле они копали туннель — ставший с тех пор знаменитым американский шпионский туннель. Теперь-то Волльвебер объяснил мне, что ЦРУ вместе с СИС — английской разведкой — подключилось к кабелям всех телефонных линий, идущих вдоль шоссе на юг ГДР. При этом, несомненно, особое внимание уделялось кабельному каналу, проложенному к советской штабквартире в Вюнсдорфе.

Тем временем работавшие разрезали часть туннельных труб и открыли тяжелую металлическую дверь, которая вела в расположенную под улицей просторную камеру усилителя. После проверки наличия мин и взрывных зарядов в почве мы получили разрешение осмотреть устройство. В камере усилителя, обставленной весьма уютно, наше внимание привлекло настоящее чудо техники. Все кабели — а их насчитывалось несколько сотен — были отделены друг от друга, соединялись с усилителями, а затем вели в здание, находившееся примерно в 500 метрах от границы. Оно было построено специально для подведения кабеля и замаскировано под метеостанцию. По туннелю мы ощупью добрались до той подземной точки, где американский шутник установил за мотком колючей проволоки маленький картонный щит с надписью: «Здесь начинается американский сектор».

Много лет спустя Джордж Блейк, знаменитый тайный агент КГБ в британской спецслужбе, рассказал мне о причинах строительства тоннеля. Тогда Блейк служил в Западном Берлине, и благодаря ему советская разведка с самого начала была в курсе предприятия».

Так была раскрыта самая дорогостоящая американо-английская операция «Золото» — прорытие тоннеля длиной 583 метра через границу в Восточный Берлин для подключения к телефонным линиям западной группы советских войск в ГДР. Осуществление акции поручили резиденту ЦРУ Биллу Харвею, который установил контакт с английской разведкой СИС. Американцы взяли на себя земельные работы, англичане — снятие информации. Работы начались в 1953 году. В целях маскировки ЦРУ построило складское помещение с радарами. Противник должен был думать, что американцы занимаются обеспечением безопасности своих полетов в аэропорту Шенефельд. Предусмотрели все, даже стиральную машину, чтобы солдаты не выходили на улицу в грязной форме. Вырытую землю (3100 тонн) прятали в сарае с огромным подполом. В феврале 1955 года туннель был готов, наступил черед СИС. В течение месяца англичане оснастили помещение подслушивающей аппаратурой, подключившись к 295 линиям связи. Специальные усилители выравнивали перепады напряжения. Информация записывалась на 600 магнитофонов. Ежедневно несколько десятков катушек с записью телефонных переговоров отправлялись самолетом в Лондон, где обрабатывались голосовые записи, а телеграфные сообщения отправлялись на дешифровку в США. По проекту прослушивалось три кабеля, 273 металлические пары, составлявшие 1200 коммуникационных каналов, около 500 из них были активными в любое время. На пленку были записаны 443 тысячи переговоров. Из них 368 тысяч были советскими, 75 тысяч — восточногерманскими. Каждый день телеграф поставлял 4 тысячи футов телетайпной ленты. Как пишут авторы книги «Поле битвы — Берлин», широта охвата информационных потоков «не позволяет представить себе важность и ценность полученной информации. Трудно также представить себе решение, принятое КГБ в 1955 году: допустить дальнейшее функционирование туннеля. Если действительно операция «с самого начала контролировалась», тогда КГБ сыграл свою роль безукоризненно: он сумел защитить своего агента и в то же время избежать утечки государственных секретов».

Операция «Золото» обошлась ЦРУ в один миллион долларов, и ее можно было бы считать блестящим успехом, если бы строительство тоннеля удалось сохранить в тайне. Но советская разведка узнала о совершенно секретном проекте еще в 1954 году. Известный советский агент Джордж Блейк своевременно проинформировал о нем Москву. Чтобы обезопасить ценного агента, КГБ не стал сразу обнаруживать туннель, а использовал его в качестве важного канала дезинформации Запада, о чем ЦРУ не догадывалось.

На совещании Волльвебер использовал раскрытие этой операции как повод проинструктировать коллектив службы о необходимости строгого соблюдения правил конспирации в телефонных разговорах, выступлениях на совещаниях, партийных собраниях. Он издал приказ, содержащий директивы о сохранении секретности в служебных делах. В них четко прописывалось: «На партийных собраниях в целях строгого сохранения тайны не допускается говорить о следующем:

а) о фамилиях, псевдонимах неофициальных сотрудников, об их количестве и деятельности;

б) о конспиративной связи с неофициальными сотрудниками;

в) об оперативных операциях и еще не завершенных разведывательных мероприятиях;

г) об оперативной технике;

д) не допускаются какие-либо упоминания о том, в каких центрах, филиалах мы имеем агентуру, неофициальных сотрудников или хотим иметь;

е) об оперативных планах и намерениях».

Волльвебер поздравил сотрудников с важным достижением — за успехи в работе статс-секретариат выведен из МВД в самостоятельное министерство государственной безопасности — МГБ ГДР. За два года ему удалось поднять престиж службы на такой уровень, что она из «козла отпущения» стала уважаемым, хорошо организованным, набирающим силу профессиональным органом госбезопасности. Численный состав министерства увеличился более чем в два раза по сравнению с 1953 годом — с 4000 до 10 000 сотрудников. Служба М. Вольфа стала Главным управлением «А» — внешней разведкой МГБ. Волльвебера наградили орденом «За заслуги перед Отечеством» в золоте.

На IV партийном съезде СЕПГ Эрнста избрали членом ЦК, депутатом Народной палаты ГДР. Коллеги внесли его в список

кандидатов в члены Политбюро партии, но, как ему поведали, Ульбрихт вычеркнул его фамилию. Лидер СЕПГ боялся повторения заседания Политбюро 1953 года, на котором Цайссер потребовал его отставки. В министерстве против Эрнста постоянно интриговал Мильке, доносивший Ульбрихту мелочные подробности о его стиле работы, поведении. «Вечера Волльвебер проводил в компании, охотнее всего за бильярдом, где его наиболее частым партнером был Рихард Штальман, — отмечает Вольф. — От меня столь же мало была скрыта его критическая дистанцированность по отношению к Ульбрихту, сколь и напряженные отношения с Мильке. Тому едва удавалось обуздать свои честолюбивые стремления самому встать во главе госбезопасности».

Волльвебер высоко ценил талант Маркуса Вольфа в организации разведки, поддерживал его смелые идеи в методах вербовки агентуры. Соответственно начальник разведки отвечал ему взаимностью: «Волльвебер издал приказ, обязывавший все подразделения министерства поддерживать Главное управление разведки при наблюдении за военными объектами и разработками в Федеративной республике, — вспоминает Вольф. — По округам республики разъехались руководящие сотрудники министерства, чтобы в его управлениях разъяснить принятые решения... Первой разведывательной операцией против НАТО стало получение информации, которую предоставил нам бывший военнослужащий иностранного легиона Петер Краник (псевдоним Бруно). Мы завербовали его, когда он служил в штаб-квартире французских войск в Западном Берлине. Позже Краник возобновил дружбу с некоей секретаршей, которая к тому времени получила место в посольстве Федеративной республики в Париже. После того как ему удалось завербовать женщину, он переселился в Париж и с тех пор считался одним из наших важнейших агентов, работавших против штаб-квартиры НАТО».

После разоблачения Н. С. Хрущевым культа личности Сталина в руководстве СЕПГ и МГБ обнаружились разногласия в оценке этих событий. На совещании руководящего состава МГБ Волльвебер призвал присутствующих выразить свое мнение по этому вопросу: «Как-то неожиданно для самого себя я первым попросил слова, — вспоминает Вольф, — приветствовал в своем выступлении тот подход к истории своей партии, который продемонстрировали советские товарищи, и сказал о чувстве облегчения, испытываемом мною, потому что теперь можно открыто говорить о том, что прежде тяготило меня. Мильке сразу же возразил. Он, по его словам, не чувствовал никакого бремени. Он подчеркнул, что СССР под руководством Сталина разгромил фашизм. О репрессиях в Советском Союзе он ничего не знал, а в ГДР их и не было».

Эрнст высказался в том смысле, что советские коллеги сами разберутся в своих проблемах. Главной задачей коллектива министерства остается обеспечение безопасности государства и народа ГДР. Для этого необходима сплоченная, целенаправленная работа против врагов, фашизма и милитаризма. Он резко критиковал зазнайство, предательство, бюрократизм, неумение чиновников и партийных функционеров общаться с простыми людьми, решать насущные проблемы. Завершая выступление, заявил:

— Объективно бюрократ — лучший помощник агентов и врагов. Органы безопасности должны стать острым мечом, беспощадно поражающим всех предателей и бюрократов, где бы они ни сидели и какой бы пост ни занимали.

Как потом выяснилось, Мильке, докладывая Ульбрихту о совещании и директивах, преподнес их таким образом, будто Волльвебер хочет поставить органы безопасности и себя лично над партией. Интриган добавил, что Эрнст, Ширдеван и Штальман часто встречаются в ресторане берлинского отеля «Иоханнисхоф», где за выпивкой обсуждают тему возможных преемников Пика, Ульбрихта на руководящих постах в СЕПГ. Эти коварные доносы станут для Ульбрихта поводом в подготовке обвинения Волльвебера-Ширдевана в «антипартийной фракционной» деятельности. Ширдевана, члена Политбюро Эрнст хорошо знал еще со времени его работы секретарем Коммунистического союза молодежи в Силезии, когда он помогал ему в 1927 году свергнуть право-оппортунистическую группировку Хойзера. Со Штальманом, ветераном революционного движения дружил. Все они неодобрительно отзывались о стиле партийного руководства Ульбрихта. «В ГДР снова начались столкновения внутри СЕПГ, и снова они напоминали спектакль, разыгранный вокруг «антипартийной фракции», — пишет Вольф. — На это раз режиссером выступил Мильке, выбравший в качестве козлов от-

пущения Эрнста Волльвебера и Карла Ширдевана. С моей точки зрения, вся история была точно также выдумана, как и дело так называемой фракции Цайссера–Хернштадта в 1953 году. Правда, в этот раз имелось существенное для меня отличие: я как доверенный сотрудник Волльвебера оказался вовлеченным в дело. Интрига, затеянная Мильке против Волльвебера, сомкнулась с амбициями Хонеккера, восхождению которого препятствовал Ширдеван, второй человек в партии, после генерального секретаря. Нашептывания обоих воздействовали на Ульбрихта, отличавшегося хронической подозрительностью...»

* * *

В июне 1956 года у Волльвебера в служебном кабинете случился сердечный приступ. Его доставили в правительственную больницу в Берлине. Врачи установили диагноз — инфаркт. В августе после интенсивного лечения он почувствовал себя выздоровевшим, заявив о желании выписаться из больницы и выйти на работу. Лечащий врач доктор Рудольф Бауман был против выписки, направив письмо Ширдевану, отвечавшему в Политбюро за работу с кадрами: «Товарищ Волльвебер намерен через десять дней выйти на работу. Я считаю такое желание преждевременным и отклоняю его. Товарищ Волльвебер еще очень слаб, быстро устает, легко возбуждается при обсуждении профессиональных проблем. Поэтому я прошу Политбюро принять решение о продолжении лечения товарища Волльвебера еще в течение от 6 до 8 недель».

Друзья и коллеги заметили, что Ульбрихт за все время лечения ни разу не побывал у Волльвебера, хотя ранее он посещал в больницах всех руководящих сотрудников правительства и СЕПГ. Такое поведение партийного лидера лишний раз подтверждало его негативное отношение к министру МГБ.

Волльвебер вышел на работу в конце сентября и сразу почувствовал, что в коллективе возникли какие-то напряженные, натянутые отношения между сотрудниками. Вольф пояснил, что Мильке пренебрежительно относится к офицерам разведки, требует от них доклада по делу и без дела. По его мнению, контрразведка вправе знать обо всем, что делает разведка: иначе, по его

словам, кто знает, чем там эти шпионы занимаются. Часами заставляет ждать в приемной, даже его по срочным вопросам.

Возмутившись, Эрнст пожурил Вольфа за то, что позволяет Мильке такое пренебрежительное отношение: «Ты самостоятельный начальник разведки, заместитель министра, ни в чем не подчиняющийся Мильке. Зачем же идешь у него на поводу? Игнорируй его самодурство, и дай это понять сотрудникам, чтобы они не нервничали», — поучал он Маркуса.

Вызвав Мильке, Эрнст потребовал от него отчета по делу предателя старшего лейтенанта Пауля Ребенштока, сбежавшего на Запад. Еще до болезни Волльвебер дал задание разыскать изменника, живым доставить в Берлин и устроить над ним показательное наказание. Мильке доложил, что Ребеншток скрывается где-то в Пуллахе под Мюнхеном у Гелена. Схватить его пока не удается, но операция по отслеживание предателя продолжается. Эрнст распорядился ускорить выполнение задания. Рекомендовал Мильке доброжелательнее относиться к сотрудникам разведки, внимательнее прислушиваться к их запросам по делам. Мильке посетовал на то, что Вольф не с должной серьезностью воспринимает указания о необходимости усилить работу по противодействию идеологическим диверсиям противника, а это направление становится сейчас особенно важным в обеспечение государственной безопасности ГДР.

В октябре из-за напряженной, нервной работы состояние здоровья Волльвебера ухудшилось. По рекомендации врачей его отправили отдыхать и лечиться в санаторий, расположенный в предгорьях польского городка Кудова. В Польше в это время происходили забастовки и волнения народных масс, недовольных экономическими реформами. Во властных структурах шла борьба между правыми и левыми радикалами. В результате при поддержке советских представителей правительство Польши возглавил Владислав Гомулка. По приглашению знакомых товарищей из госбезопасности Волльвебер побывал в Варшаве и остался недоволен положением дел в стране и польском руководстве.

Вернулся в Берлин, как признался Эрнст в беседе с Ширдеваном, «изнуренный поездкой и переживаниями за польских товарищей». За время его отсутствия по инициативе Ульбрихта была создана комиссия по вопросам безопасности

для политико-оперативного руководства в кризисных ситуациях. В руководстве СЕПГ опасались, что народные волнения в Венгрии и Польше могут перекинуться в ГДР. Кресло председателя комиссии занял Ульбрихт, в нее вошли члены Политбюро Отто Гротеволь, Карл Ширдеван, Вилли Штоф, Герман Матерн, Эрих Хонеккер, а также министры МВД Карл Марон и МГБ Эрнст Волльвебер. Все понимали, что Ульбрихт не мог не включить министра МГБ, учитывая профиль его служебных обязанностей и самой комиссии.

При обсуждении на заседаниях комиссии актуальных вопросов партийного и государственного строительства резко обозначились разногласия между Ульбрихтом-Хонеккером, стоящих на догматических позициях верховенства партии, и Ширдеваном-Волльвебером, выступавших за большую открытость, развитие демократических принципов в руководстве СЕПГ, государственного управления. Эрнст ссылался на ленинское учение о демократическом централизме в построении социализма, совершенствовании пролетарской демократии. Основной контроль за деятельностью органов безопасности должна, по его словам, осуществлять Народная палата, депутаты, а не партийные функционеры. Надо отказаться от порочной практики аппарата СЕПГ всем предписывать, как себя вести, поставить на колени инакомыслящих. Ширдеван, осуждавший догматизм Ульбрихта в руководстве партией, заявил: «Цель моей критики состоит в том, чтобы не допустить возникновения ситуации, при которой тебя (то есть Ульбрихта) ожидает участь Ракоши» (руководитель венгерской компартии четыре месяца назад вынужден был уйти в отставку).

Такого открытого вызова лидер СЕПГ стерпеть не мог. Он спешно начал готовить заседание пленума ЦК с преобладающим большинством своих приверженцев. Для видимости соблюдения демократии поручил подготовить доклады на пленуме Ширдевану и Хонеккеру, но выступил только протеже Ульбрихта — Хонеккер. «При обсуждении проекта доклада Политбюро на 29-м пленуме, с которым должен был выступить тов. Ширдеван, в проекте доклада были вскрыты две крупные ошибки: во-первых, была допущена неправильная оценка обстановки, недооценка НАТО и попыток германских милитаристов вести

подрывную работу против ГДР, во-вторых, в нем шла речь о демократизации, но ничего не говорилось о необходимости принятия мер безопасности против подрывной работы, — вещал Хонеккер. — Нашей партии и государственным органам удалось разоблачить вражеские группировки. Ожесточенное выступление тов. Ширдевана против указания о существовании вражеских групп свидетельствует о том, что он тогда неправильно оценивал вражескую деятельность. Тов. Ширдеван придерживается иных мнений, чем Политбюро, также и в вопросе о роли партии в рабоче-крестьянском государстве».

Далее Хонеккер заявил: «Тов. Волльвебер также неправильно оценивал обстановку. Эта неправильная оценка, его неправильные взгляды помешали органам безопасности выполнить свои задачи так, как это было необходимо. Волльвебер самым преступным образом ослабил борьбу против вражеских агентур».

В заключение доклада Хонеккер от имени Политбюро предложил Центральному Комитету, руководствуясь уставом партии, принять необходимые меры для прекращения фракционной деятельности группы Ширдевана, Волльвебера и других в целях дальнейшего укрепления единства и сплоченности партии.

На другой день газета «Нойес Дойчланд» опубликовала «Постановление Центрального Комитета СЕПГ: Пленум ЦК СЕПГ единогласно постановил: избрать кандидата в члены Политбюро товарища Альфреда Неймана членом Политбюро, избрать товарищей Эриха Хонеккера, Пауля Фернера, Пауля Фрелиха, Герхарда Грюнеберга членами секретариата Центрального Комитета. Исключить товарища Карла Ширдевана за фракционную деятельность из Центрального Комитета и вынести ему строгий выговор. Исключить товарища Эрнста Волльвебера за нарушение Устава партии из Центрального Комитета и вынести ему строгий выговор».

Комментируя это постановление, Маркус Вольф с возмущением пишет: «В октябре 1957 года Карл Ширдеван и Эрнст Волльвебер были лишены всех постов с мотивировкой, согласно которой они «в период обострения классовой борьбы представляли вредные взгляды». Прожженый политик Ульбрихт снова сумел использовать к своей выгоде ситуацию, которая ему угрожала. Если летом 1953 года его спасли как раз волнения, на-

правленные против его политики, то теперь антисталинистские выступления в Польше и Венгрии уберегли Ульбрихта от порожденных XX съездом КПСС требований жизни: от реализации становившихся все громче требований реформ, внутрипартийной демократии и его отстранения от руководства партией. Мильке тоже мог потирать руки. Он достиг своей цели — стал министром госбезопасности.

Теперь я оказался в незавидном положении. С одной стороны, я знал, что Мильке требовал от Ульбрихта сместить меня, а с другой — я прилагал все усилия, чтобы публично охарактеризовать козни Мильке и назвать «фракцию Ширдевана-Волльвебера» тем, чем она и была, то есть чистой выдумкой. Тем самым я загнал бы себя в угол и положил конец относительной самостоятельности своей службы. Сам Волльвебер настоятельно отговаривал меня от конфронтации. Так я и попал в одну из мучительнейших ситуаций, которые мне довелось испытать на протяжении своей политической жизни».

П. Судоплатов в мемуарах указывает еще на одну важную причину отставки Волльвебера: «Волльвебер рассказал Серову, тогдашнему председателю КГБ, о разногласиях среди руководства ГДР, считая их проявлением прозападных настроений, противоречивших линии международного коммунистического движения. Серов сообщил об этом разговоре Хрущеву. А тот на обеде, сопровождавшимся обильной выпивкой, сказал Ульбрихту:

— Почему вы держите министра госбезопасности, который сообщает нам об идеологических разногласиях внутри вашей партии? Это же продолжение традиции Берии и Меркулова, с которыми Волльвебер встречался в 40-х годах, когда приезжал в Москву.

Ульбрихт понял, что следует делать, и немедленно уволил Волльвебера за «антипартийное поведение»».

В официальном сообщении для общественности Волльвебер был уволен с поста министра МГБ 1 ноября 1957 года «по собственному желанию, по состоянию здоровья».

Травля Ширдевана и Волльвебера как «фракционеров» продолжалась и после их отставки. Руководящие партийные функционеры СЕПГ требовали от них признания ошибок и покаяния. Мильке распускал слухи о Волльвебере как об алкоголике. Оппозиционеры все обвинения отвергали, твердо отстаивая свои позиции. Как-то Ширдеван спросил, не опасается ли Волльвебер ареста?

— Ты их не знаешь. Иди спокойно домой. Ничего такого не произойдет. Тяжелый конец наступит позднее, — ответил Эрнст.

Ульбрихт был в ярости от неповиновения «отщепенцев». Он все-таки предпринял попытку арестовать Волльвебера, но коллеги своевременно предупредили его. Волльвебер скрылся в штаб-квартире КГБ в Карлсхорсте. Спустя несколько дней, Ульбрихт получил телеграмму: «Оставьте Волльвебера. Он мой друг. Хрущев».

Вольф посоветовал Эрнсту уехать из Берлина. Попрощавшись с коллегами по службе, Волльвебер отправился в санаторий Бад Либенштайн в Тюрингии поправить здоровье и отдохнуть от столичной суеты и дрязг.

Уйдя на пенсию, Волльвебер жил уединенно в квартире на Карл-Макс аллее. Много времени проводил в трудах на садовом участке в Карлсхорсте. Его имя было забыто и вычеркнуто из всех партийных документов, публикаций в прессе. Его деятельность как революционера, разведчика, антифашиста не стала предметом изучения историков. Даже в многотомном издании «История немецкого рабочего движения», учебном пособии для высшей школы «История ГДР», вышедших в 1980-е годы, о Волльвебере не сказано ни слова. Его образ на фотографиях с партийными деятелями затушевывался и вырезался. Таковы были жестокие нравы партийно-идеологической борьбы того времени.

Эрнст Фридрих Волльвебер умер в Берлине 3 мая 1967 года. Руководство СЕПГ не хотело делать события из его похорон. Газета «Нойес Дойчланд» опубликовала о его кончине лаконичное сообщение из девяти строк только через неделю. Западногерманская газете «Франкфуртер альгемайне цайтунг» напечатала большой некролог. Отдавая дань «уважения противнику», она отмечает: «Эрнст Волльвебер был последним немецким коммунистом такого формата».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы, россияне, должны с признательностью помнить имя Эрнста Волльвебера — видного немецкого революционера, коммуниста, заслуженного советского разведчика-нелегала, вписавшего в историю XX века особую страницу. За свою жизнь он успел поговорить с тремя вождями СССР — Лениным, Сталиным, Хрущевым. Советский Союз Волльвебер считал своей второй родиной. Он непоколебимо верил в светлое будущее коммунизма, построение социализма в СССР и ГДР.

Созданная им разведывательно-диверсионная антифашистская организация в годы войны в Европе по своим масштабам и эффективности не имела аналогов в мире. США, Англии, несмотря на все усилия и огромные возможности, не удалось сделать ничего подобного. Результаты диверсионных операций «Лиги Волльвебера» против фашистской Германии неповторимы. Как знать, быть может как раз и не хватило Гитлеру в битве под Москвой для решающего рывка к советской столице танков, орудий, боеприпасов, отгруженных в трюмы не дошедших по назначению транспортов, пущенных на дно антифашистами организации Волльвебера. Его опыт борьбы с фашизмом сегодня приобретает актуальное значение.

Как боец невидимого фронта Волльвебер стоял у истоков создания Министерства государственной безопасности ГДР, превратил «Штази» в высокоэффективную спецслужбу. Внешняя разведка ГДР входила в пятерку лучших разведок мира, наряду с КГБ СССР, израильским Моссадом, американским ЦРУ и британским МИ-6. МГБ ГДР было надежным союзником СССР, важным фактором стабилизации обстановки в Европе. Вскрывая военные планы США, ФРГ, НАТО в отношении стран Варшавского договора, МГБ ГДР вместе с КГБ СССР способствовали упрочению своей безопасности, а также поддержанию мира на континенте. Бывший руководитель Управления «А» МГБ генерал-полковник Маркус Вольф назвал своих негласных помощников «разведчиками мира». Это звание с полным правом заслуживает советский разведчик-нелегал, резидент Эрнст Волльвебер.

ЛИТЕРАТУРА

Абросимов П. А. 300 метров от Бранденбургских ворот. М.: Политиздат, 1983.

Абуш А. Решение нашего столетия. Заметки по истории современности. М.: Прогресс, 1981.

Антонов В. С. Расстрелянная разведка. М.: Вече, 2012.

Антонов В. С., Карпов В. Н. Тайные информаторы Кремля — 2. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2003.

Бейли Дж., Кондрашев С., Мерфи Д. Поле битвы — Берлин. М.: Изд-во Эксмо, 2002.

Блейк Дж. Иного выбора нет. М.: Международные отношения, 1991.

Бочкарев В. В., Колпакиди А. И. Суперфрау из ГРУ. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2002.

Бояджи Э. История шпионажа: в 2 т. М.: ОЛМА-Пресс, 2003.

Бухгайт Г. Абвер — щит и меч Третьего рейха. М.: Эксмо: Яуза, 2005.

Вахания В. В. Личная секретная служба И. В. Сталина. М.: Сварог, 2004.

Вольф Маркус. По собственному заданию. М.: Международные отношения, 1992.

Вольф Маркус. Трое из 30-х. М.: Прогресс, 1990.

Воропаев Ноэль. Маркус Вольф «Человек без лица» из Штази. М.: Алгоритм, 2016.

Воскресенская Зоя. Под псевдонимом Ирина. М.: Алгоритм, 2014.

Ворст Анне. Конец Штази. М.: Возвращение, 1994.

Гладков Т. Коротков. М.: Молодая гвардия, 2005

Гришин Е. М. Тайная сила разведки Германии. М.: Международные отношения, 2021.

Гус М. Безумие свастики. М.: Советский писатель, 1971.

Давидович Д. С. Гамбург на баррикадах. М.: Наука, 1985.

Даллес Аллен. Искусство разведки. М.: Международные отношения — МП «Улисс», 1992.

Дамаскин И. Вожди и разведка. От Ленина до Путина. М.: Вече, 2008.

Доклад Г. Зиновьева на собрании ответственных работников Петроградской организации РКП(б) «Четвертый конгресс Коммунистического интернационала». М.: Прибой, 1923.

Залесский К. Кто был кто в Третьем рейхе. М.: АСТ: Астрель, 2003.

История дипломатии: в 3 т. М.: ОГИЗ, 1945.

Кантор Ю. З. Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1930-е годы. СПб.: Питер, 2009.

Колпакиди А., Прохоров Д. Все о внешней разведке. М.: Олимп: АСТ, 2002.

Корнилков А. Н. Берлин: тайная война по обе стороны границы. М.: Кучково поле, 2009.

Кузнецов В. В. НКВД против гестапо. М.: Алгоритм: Эксмо, 2008.

Коффер Р., Фалиго Р. Всемирная история разведывательных служб. М.: ТЕРРА-Кн. клуб, 1998.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во политической литературы, 1972.

Линдер И. Б., Чуркин С. А. Красная паутина: Тайны разведки Коминтерна. 1919–1943. М.: РИПОЛ Классик, 2005.

Носке Густав. Записки о германской революции. Пг., 1922.

Очерки истории немецкого рабочего движения. М.: Изд-во политической литературы, 1964.

Очерки истории российской внешней разведки: в 6 т. М.: Международные отношения, 2018.

Полмар Н., Аллен Т. Б. Энциклопедия шпионажа. М.: КРОН-ПРЕСС, 1999.

Пятницкий В. И. Осип Пятницкий и Коминтерн на весах истории. Мн.: Харвест, 2004.

Радек К. На службе германской революции. Госиздат, 1921.

Ринтелен Ф. Секретная война 1914–1918 гг. Записки немецкого шпиона. М.: Воениздат, 1943.

Родимцев А. И. Под небом Испании. М.: Советская Россия, 1968.

Ростовцев А. А. Резидентура. Я служил вместе с Путиным. М.: Алгоритм, 2016.

Русский Берлин 1920–1945. М.: Русский путь, 2006.

Судоплатов П. Разведка и Кремль. М.: Гея, 1997.

Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990.

Фирсов Фридрих. Секретные коды истории Коминтерна 1919–1943. — М.: АИРО-XXI: КРАФТ+, 2007.

Хене Хайнц. Пароль: «Директор». М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2003.

Хепфнер К., Шуберт И. Ленин в Германии. М.: Политиздат, 1984.

Чернецовский Ю. М. Революционные марксисты против центризма. М.: Мысль, 1983.

Чернявский Виталий. Операции советской разведки: вымыслы и реальность. М.: Алгоритм, 2017.

Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. — М.: Дом Бируни, 1991.

Шлегель К. Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами. М.: Новое литературное обозрение, 2004.

Шютт Ханс-Дитер. Маркус Вольф. Последние беседы. М.: Международные отношения, 2008.

Известия ЦК КПСС. Журнал: №№ 1–7, 10 за 1990 г.; № 1 за 1991 год.

Источник. Документы русской истории. Приложение к жур. «Родина», № 5, 1995.

Borgersrud Lars. Die Wollweber-Organisation und Norwegen. Berlin: Dietz, 2001.

Scholz F. Michael. Ernst Wollweber — Saboteour Minister Unperson. Berlin: Aufbau-Verlag, 1994.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. «Лига Волльвебера» охотиться на Гитлера» 3

Глава I. Юнга из Мюндена 8

Глава II. Лидер Кильского восстания 34

Глава III. Революционер «маленький Ленин» 69

Глава IV. Делегат IV конгресса Коминтерна 159

Глава V. На баррикадах «германского Октября» 224

Глава VI. Разведчик «Штайн» 303

Глава VII. Во главе антифашистской «Организации Бернхард» 449

Глава VIII. Резидент «Лиги Волльвебера» 511

Глава IX. Министр МГБ ГДР 572

Заключение 626

Литература 629

Е. М. Гришин

ТАЙНАЯ ВОЙНА РЕЗИДЕНТА ВОЛЛЬВЕБЕРА

Секретные миссии

Художник *О. В. Мазурина*
Выпускающий редактор *А. В. Владимирская*
Корректоры *А. В. Латунова, М. В. Чуланова*
Компьютерная верстка *С. А. Хромцева*

Подписано в печать _____.2022.
Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Гарнитура «Newton».
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 39,5. Тираж ____ экз.
Заказ №

Издательство «Международные отношения»
123022, Москва, ул. 1905 года, д. 7, стр. 1
Тел.: 8 (495) 280-05-25; 8 (968) 420-33-35

сайт: imobook.ru
e-mail: info@inter-rel.ru

Отпечатано с оригинал-макета
издательства «Международные отношения»